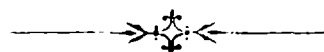
ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1909.

(съ приложеніемъ одной таблицы).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *Б. Фармаковскій*.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

ТАБЛИЦА.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Засѣданіе 24 января 1908 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, кн. И. А. Джаваховъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. И. Ивановъ, К. А. Иностранцевъ, Д. А. Клеменцъ, П. К. Коковцовъ, В. Л. Котвичъ, И. Ю. Крачковскій, О. Э. Леммъ, Х. М. Лопаревъ, А. Е. Любимовъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, С. Ѳ. Ольденбургъ, А. М. Позднѣевъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, В. Д. Смирновъ, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій.

Гости: г. И. Десницкій, С. В. Жуковскій, Н. Н. Мартиновичъ.

I.

Предсѣдательствующій сообщилъ о послѣдовавшей 10 января кончинѣ барона В. Р. Розена, управлявшаго Отдѣленіемъ въ теченіе 23 лѣтъ, сплотившаго русскихъ оріенталистовъ въ одну семью и въ «Запискахъ» Отдѣленія создавшаго ученый органъ, посвященный не только археологіи Востока, но всѣмъ отраслямъ востоковѣдѣнія, имѣющимъ представителей въ Россіи. По предложенію предсѣдательствующаго, память покойнаго была почтена вставаніемъ. Опредѣлено: 1) выборы Управляющаго Отдѣленіемъ произвести въ слѣдующемъ засѣданіи 28 февраля; 2) наблюденіе за печатаніемъ XVIII тома «Записокъ», до избранія Управляющаго, поручить секретарю Отдѣленія; 3) всѣмъ лицамъ, которымъ покойный баронъ В. Р. Розенъ высылалъ «Записки» Отдѣленія отъ себя, на будущее время высылать тѣ же «Записки» отъ Общества.

II.

По предложенію В. А. Жуковскаго опредѣлено: внести въ общее собраніе Общества представленіе о помѣщеніи портрета барона В. Р. Розена въ залѣ засѣданій.

III.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 20 декабря 1907 г.

IV.

Читанъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности Отдѣленія въ 1907 г., составленный, на основаніи § 44 устава Общества, секретаремъ Отдѣленія.

V.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества, въ даръ или въ обмѣнъ, слѣдующихъ изданій:

1) Hakedem, 1. Jahrgang, № 3, 25 Sept. 1907.

2) A. Christensen, L'Empire des Sassanides, Kjöbenhavn 1907 (Mémoires de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark, 7-me section, section des Lettres, t. I, № 1).

3) Veröffentlichungen des Städtischen Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Heft 1. V. Narbeshuber, Aus dem Leben der arabischen Bevölkerung in Sfan (Regentschaft Tunis), Lpz. 1907. Heft 2. S. M. Stein, Beiträge zur Volkskunde Süd-Schantungs, Lpz. 1907 (herausgegeben von A. Conrady).

4) И. Г. Троицкій, Грамматика еврейскаго языка, изд. 2-ое. С.-Пб. 1908 (отъ автора).

5) К. Г. Залеманъ, А. Биленштейнъ 1826 — 1907. Некрологъ. С.-Пб. 1907 (изъ Извѣстій Имп. Акад. Наукъ 1907 г.; отъ автора).

6) К. Г. Залеманъ, Списокъ персидскихъ рукописей Л. Ѳ. Богданова (также).

7) C. Salemann, Manichaica. I. II. (также).

8) А. Д. Рудневъ, Баронъ В. Р. Розенъ † (изъ газеты «Биржевыя Вѣдомости» 1908 г. № 10293; отъ автора).

9) А. Д. Рудневъ, Словарь Монгольскихъ терминовъ. Составилъ Заамурскаго округа ротмистръ Барановъ (оттискъ рецензіи изъ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. XVIII; отъ автора).

10) Н. Мартиновичъ. Отчетъ по командировкѣ въ Малую Азію въ

1906 г. (оттискъ изъ «Извѣстій Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи», № 7; отъ автора).

VI.

В. В. Бартольдъ, въ качествѣ представителя Имп. Русск. Археол. Общ. въ Русскомъ Комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи, представилъ, для присоединенія къ библіотекѣ Общества, слѣдующія изданія Комитета: 1) Извѣстія Русскаго Комитета etc. №№ 6 (декабрь 1906) и 7 (декабрь 1907); 2) Bulletin de l'Association Internationale pour l'Exploration... de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient, №№ 6 (Janvier 1906) и 7 (mai 1907); 3) Протоколы засѣданій Русскаго Комитета, 1906 годъ, №№ II—V; 1907 годъ, №№ I, II.

VII.

Доложена просьба студенческаго «Сибирскаго кружка» при Томскомъ университетѣ объ оказаніи кружку со стороны Отдѣленія посильной поддержки и о доставленіи кружку изданій Общества, касающихся Сибири. Опредѣлено ходатайствовать передъ Обществомъ объ удовлетвореніи этой просьбы по мѣрѣ возможности.

VIII.

Н. И. Веселовскій представилъ слѣдующій отзывъ о рукописи, присланной для напечатанія въ изданіяхъ Общества членомъ Саратовской ученой архивной коммиссіи г. А. Лебедевымъ. Рукопись состоитъ изъ двухъ частей: 1) рапорта протоіерея города Царева Іосифа Шиловскаго о своей поѣздкѣ въ Селитряный городокъ, представленнаго преосвященному Іакову, епископу Саратовскому, въ февралѣ 1837 г.; 2) отчета А. В. Терещенко о раскопкахъ на мѣстѣ Сарая, производившихся имъ въ 40-хъ годахъ XIX в. О. Шиловскій въ своемъ рапортѣ доказываетъ, что Сарай надо искать не близъ Селитрянаго городка, а близъ г. Царева, гдѣ находятся гораздо болѣе обширныя развалины. Въ этомъ отношеніи статья г. Шиловскаго теперь, когда вопросъ о мѣстоположеніи Сарая окончательно рѣшенъ, уже не имѣетъ значенія; она даетъ только нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи развалинъ близъ Селитрянаго городка около 1837 г. Отчетъ о раскопкахъ Терещенко былъ напечатанъ уже два раза, хотя и не имъ самимъ. Первая статья появилась (безъ подписи) въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ за 1847 г. (ч. XIX, стр. 349—375) подъ заглавіемъ «Четырехлѣтніе археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая» и принадлежитъ В. В. Григорьеву, бывшему помощникомъ редактора; вторая статья напечатана

П. С. Савельевымъ въ Запискахъ С.-Пб. Археолого-нумизматическаго общества (т. II, С.-Пб. 1850, стр. 364 — 410) подъ заглавіемъ «Археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая». Отчетъ за первые четыре года раскопокъ былъ помѣщенъ также въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. II и ч. IV, такъ что эта часть отчета появилась въ печати уже трижды. Самъ Терещенко помѣстилъ свѣдѣнія о своихъ раскопкахъ въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1848, 1849 и 1850 гг. Въ виду этого нѣтъ никакихъ основаній печатать этотъ отчетъ въ изданіяхъ Общества въ настоящее время.

Соглашаясь съ мнѣніемъ Н. И. Веселовскаго, собраніе постановило возвратить г. А. Лебедеву присланную имъ рукопись.

IX.

А. Н. Самойловичъ прочиталъ собщеніе: «Легенда о Коркудѣ и Кӧр-оглы».

По сличенію четырехъ списковъ сочиненія Абульгази شجرهٔ تراكمه, находящихся во временномъ распоряженіи докладчика, послѣдній убѣдился, что списокъ Ходжали-Моллы[1]), нося на себѣ наравнѣ съ двумя Асхабадскими списками[2]) печать новизны, отличается и отъ сихъ двухъ, и отъ Ташкентскаго списка[3]), во-первыхъ, безпорядочностью расположенія матеріала, а во-вторыхъ — рядомъ вставокъ. Самая большая изъ этихъ вставокъ, которыхъ докладчикъ насчитываетъ до 12-ти, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, оригинальный разсказъ про двухъ легендарныхъ лицъ турецкихъ народныхъ сказаній: Коркуда и Кӧр-оглы.

Давъ описаніе списка Ходжали-Моллы и перечисливъ упомянутыя выше вставки, докладчикъ сдѣлалъ сводку тому, что до сихъ поръ было извѣстно въ литературѣ о Коркудѣ и Кӧр-оглы, а затѣмъ прочиталъ приблизительный переводъ найденнаго имъ разсказа объ этихъ двухъ народныхъ герояхъ. Плохое состояніе рукописи Ходжали-Моллы исключало возможность перевода точнаго и несомнѣннаго. Суть разсказа такова:

У Коркуда, называемаго въ рукописи всюду قورت بهادر, и его жены Хелимэ, дочери царя Кынака, родилось два сына и второму изъ нихъ было дано имя رنجوم كور اوغلى съ «куньей» (sic!) روشن. Когда мальчикъ подросъ, ему явился во снѣ Алій и призвалъ и благословилъ его на укрѣпленіе и распространеніе вѣры исламской силою слова, личной примѣрной жизни и оружія. Тогда въ Иранѣ царствовалъ Араб-Рейһанъ. Богу

---

1) Найденъ докладчикомъ въ 1906 г. въ Закаспійской области.

2) Асхабадская публичная библіотека, инв. 373/903 и 764/900.

3) По каталогу Каля № 80 с).

было угодно счастье и побѣды отнять отъ Араб-Рейһана и передать ихъ Кӧр-оглы.

Докладчикъ указалъ въ заключеніе, что только розысканія на мѣстѣ,— тамъ, гдѣ ходятъ въ народѣ легенды и про Коркуда, и про Кӧр-оглы,— разрѣшатъ вопросъ, является-ли приведенный имъ разсказъ народнымъ преданіемъ, или просто только вымысломъ досужаго грамотѣя[1]).

X.

Н. И. Веселовскій прочиталъ сообщеніе: «Новыя и неизданныя восточныя монеты»[2]).

Засѣданіе 28 февраля 1908 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, кн. И. А. Джаваховъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, Д. А. Клеменцъ, П. К. Коковцовъ, Н. П. Кондаковъ, В. Л. Котвичъ, И. Ю. Крачковскій, О. Э. Леммъ, А. Е. Любимовъ, П. В. Никитинъ, М. В. Никольскій, С. Ѳ. Ольденбургъ, С. Ѳ. Платоновъ, В. В. Радловъ, Ф. А. Розенбергъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, В. Д. Смирновъ, баронъ А. А. Сталь-Гольстейнъ, гр. И. И. Толстой, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, Н. Д. Чечулинъ, А. Э. Шмидтъ, Ѳ. И. Щербатской.

Гости: Л. Ѳ. Богдановъ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Мироновъ, Н. А. Ригапа.

---

1) Во время печатанія настоящаго протокола докладчикъ сообщилъ дополнительно слѣдующее: «Путешествуя лѣтомъ 1908 года по Хивинскому ханству, я наводилъ справки о вышеприведенной легендѣ. Реисъ-ишанъ города Старый Ургенчъ указалъ мнѣ, что отцомъ Кӧр-оглы былъ не Коркудъ, а Кӯрд-бӓл; такимъ образомъ приходится допустить, что Коркудъ, имя котораго въ рукописи Ходжали-Моллы всюду искажено въ قورت — Курт, попало въ легенду о Кӧр-оглы по недоразумѣнію, вслѣдствіе сходства съ именемъ كورد — Кӯрд. Далѣе, Сӯјӧӯ-бахшы повѣдалъ мнѣ въ Порсу, что Рӓнпӯл-бӓг-Рӓушан былъ прозванъ Кӧр-оглы потому, что родился въ могилѣ (كور), будучи похороненъ еще до рожденія вмѣстѣ со своей умершей беременной матерью. Послѣдній фактъ приводится дѣйствительно въ вышесообщенной легендѣ. Такимъ образомъ, къ прежде извѣстному въ литературѣ объясненію имени Кӧр-оглы: «сынъ слѣпого» прибавляется новое, въ связи съ новой, несомнѣнно, позднѣйшей легендой о жизни этого знаменитаго героя,—«сынъ могилы». Вторая легенда возникла, судя по религіозной ея окраскѣ, въ средѣ муллъ».

2) Будетъ напечатано въ «Запискахъ» Отдѣленія, и потому содержаніе здѣсь не излагается.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 24 января.

II.

Предсѣдательствующій сообщилъ о выходѣ въ свѣтъ 1-го выпуска XVIII тома «Записокъ» Отдѣленія.

III.

Доложено письмо Туркестанскаго Кружка любителей археологіи отъ 1 февраля, съ сообщеніемъ, что въ годовомъ собраніи кружка 23 января была почтена вставаніемъ память барона В. Р. Розена, послѣ обмѣна мыслями о томъ ободряющемъ и благожелательномъ вліяніи, которое всегда оказывала на труды кружка обаятельная личность покойнаго.

IV.

С. Ѳ. Ольденбургъ сообщилъ, что сынъ литографа Мюнстера доставилъ ему папку съ матеріалами по изданію путешествія академика Б. А. Дорна и атласа къ нему. Опредѣлено: ходатайствовать передъ совѣтомъ о передачѣ этихъ матеріаловъ въ Азіатскій музей Академіи Наукъ, гдѣ уже хранятся другіе матеріалы по тому же путешествію.

V.

Доложено письмо Н. Ѳ. Петровскаго изъ Ташкента къ покойному барону В. Г. Розену и предъявленъ присланный г. Петровскимъ гипсовый отпечатокъ мѣдной бляхи съ ассирійскими изображеніями и надписями. По опредѣленію М. В. Никольскаго предметъ заключаетъ въ себѣ несомнѣнные признаки фальсификаціи и представляетъ неудачное подражаніе одной изъ надписей царя Навуходоносора; по способу производства онъ напоминаетъ поддѣльныя ассирійскія древности, появившіяся въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, хотя въ искусствѣ поддѣлки замѣчается нѣкоторый прогрессъ. Опредѣлено: сообщить объ этомъ Н. Ѳ. Петровскому.

VI.

Доложено письмо директора университетской библіотеки въ Страсбургѣ отъ $^{27}/_{14}$ февраля, съ просьбой прислать недостающій библіотекѣ 1-й выпускъ XII тома «Записокъ» Отдѣленія. Опредѣлено: представить въ совѣтъ объ удовлетвореніи этой просьбы.

VII.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества, въ даръ или въ обмѣнъ, слѣдующихъ изданій:

1) Памяти В. Р. Розена, С.-Пб. 1908 (оттискъ изъ Извѣстій Имп. Акад. Наукъ; отъ П. К. Коковцова).

2) O. Lemm, Koptische Studien, XXIII — XXXII.

3) „ „ „ XXXIII—XL (отъ автора).

4) Shridhar R. Bhandarkar, M. A. Report of a second tour in search of sanskrit manuscripts made in Rajputana and Central India in 1904 — 5 and 1905—1906, Bombay 1907.

5) Epigraphia Indica, part. VIII (vol. VIII). Nov. 1907.

VIII.

Произведено избраніе Управляющаго Отдѣленіемъ. Большинствомъ 23 голосовъ противъ 6 избранъ Н. Я. Марръ. Определено: увѣдомить Н. Я. Марра о состоявшемся избраніи.

IX.

В. А. Жуковскій прочиталъ сообщеніе: «Позднѣйшія поступленія мусульманскихъ рукописей въ библіотеку учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ».

X.

Б. А. Тураевъ прочиталъ сообщеніе: «Новый Филиппъ дабралибаносскій и саламъ-мальке въ честь его» [1]).

Засѣданіе 20 марта 1908 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, К. А. Иностранцевъ, П. К. Коковцовъ, В. Л. Котвичъ, И. Ю. Крачковскій, X. М. Лопаревъ, А. Е. Любимовъ, А. К. Марковъ, П. В. Никитинъ, М. В. Никольскій, С. Ѳ. Ольден-

---

1) Оба сообщенія будутъ напечатаны въ «Запискахъ» Отдѣленія, а потому содержаніе здѣсь не излагается.

бургъ, С. Θ. Платоновъ, А. Е. Прѣсняковъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ, Н. Д. Чечулинъ, А. Э. Шмидтъ.

Гости: г. И. Десницкій, С. В. Жуковскій, Н. Н. Мартиновичъ и Н. А. Ригана.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 28 февраля.

II.

Въ дополненіе къ протоколу М. В. Никольскій сообщилъ, что по справкамъ, наведеннымъ имъ послѣ засѣданія, среди извѣстныхъ до сихъ поръ надписей царя Навуходоносора нѣтъ такой, которую можно было бы признать подлинникомъ предъявленной въ предыдущемъ засѣданіи поддѣльной надписи; послѣдняя является, повидимому, подражаніемъ надписи, еще не опубликованной. Подобные случаи бывали и прежде.

III.

Произведено избраніе Управляющаго Отдѣленіемъ вслѣдствіе отказа избраннаго въ предыдущемъ засѣданіи Н. Я. Марра, о чемъ дѣйствительные члены Общества были своевременно извѣщены особыми повѣстками. Большинствомъ 15 голосовъ противъ 4, при одномъ воздержавшемся, избранъ Н. И. Веселовскій.

IV.

Опредѣлено: посвятить памяти барона В. Р. Розена засѣданіе 25 сентября; 2) сообщенія, которыя будутъ сдѣланы въ этомъ засѣданіи, напечатать въ особомъ приложеніи къ XVIII тому «Записокъ» Отдѣленія; 3) слѣдующіе выпуски и томы «Записокъ» Отдѣленія печатать съ надписью на обложкѣ и заглавномъ листѣ: «Основаны барономъ В. Р. Розеномъ»; 4) войти въ общее собраніе съ ходатайствомъ объ учрежденіи медали имени барона В. Р. Розена, предварительно выработавъ, въ особой коммиссіи, положеніе объ этой медали.

V.

Произведены выборы въ коммиссію, которой поручено выработать положеніе о медали имени барона В. Р. Розена. Избранными оказались С. Θ. Ольденбургъ (15 голосовъ), В. А. Жуковскій (10 голосовъ), В. В. Бартольдъ, Н. И. Веселовскій и П. К. Коковцовъ (по 5 голо-

совъ). Опредѣлено: признать С. Ѳ. Ольденбурга предсѣдателемъ, В. В. Бартольда, Н. И. Веселовскаго, В. А. Жуковскаго и П. К. Коковцова членами упомянутой коммиссіи.

VI.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества, въ даръ или въ обмѣнъ, слѣдующихъ изданій:

1) Имп. Русск. Географ. Общество. Картографическая комиссія. Подкомиссія по транскрипціи географическихъ наименованій. Протоколъ № 7. 1908 годъ (отъ А. Д. Руднева).

2) Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ университетѣ, т. XXIII, вып. 5, Казань 1908.

3) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XXXVIII.

VII.

Н. И. Веселовскій прочиталъ сообщеніе: «Объясненіе нѣкоторыхъ восточныхъ словъ въ ярлыкахъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству». Достовѣрность тарханныхъ ярлыковъ, пожалованныхъ въ Золотой Ордѣ русскимъ митрополитамъ, была доказана В. В. Григорьевымъ въ диссертаціи, появившейся въ 1842 г.; съ тѣхъ поръ этими документами, кромѣ Дорджи Банзарова, объяснившаго въ 6-мъ ярлыкѣ слово *вайсу* (Зап. И. Р. Арх. Общ., С.-Пб. 1850, т. II, стр. 72—97), никто не интересовался въ цѣляхъ ихъ дальнѣйшаго разъясненія. Референтъ предложилъ объясненіе слѣдующихъ словъ: *дарыкъ* (тарихъ), годъ *ентя* (юнда, т. е. лошади), мѣсяцъ *арамъ* (первый мѣсяцъ уйгурскаго календаря), *телеватнѣ* (т. е. телева — взысканія — нѣтъ), *Желтая трость* (Камышинъ). Въ заключеніе референтъ указалъ, что Григорьевымъ названія нѣкоторыхъ должностей (напр. *мухтаръ* и *мюрбакшей*) были приняты за личныя имена[1]).

VIII.

И. Ю. Крачковскій прочиталъ сообщеніе: «Новая мусульманско-арабская версія легенды о Георгіи Побѣдоносцѣ». Докладчикъ обратилъ вниманіе на изданную проф. L. Cheikho (المشرق за 1907 г., стр. 414—420) новую версію легенды о св. Георгіи, которая сохранилась въ сочиненіи неизвѣстнаго древняго автора بُغْيَة السائلين. Сопоставивъ ее съ другими

1) Сообщеніе напечатано въ Сборникѣ въ честь семидесятилѣтія Г. Н. Потанина (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. XXXIV), стр. 525—536.

арабскими версіями, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что она даетъ тотъ же примыкающій къ сирійской версіи изводъ Ваhба-ибн-Мунаббиhа (ум. 728), который сохраненъ Табаріемъ(ум. 923) и Саʿлабіемъ (ум. 1036). Новая версія интересна тѣмъ, что даетъ этотъ изводъ, повидимому, въ болѣе древней редакціи, безъ литературныхъ и чисто-мусульманскихъ наслоеній, какія уже находятся у двухъ послѣднихъ авторовъ.

Засѣданіе 17 апрѣля 1908 г.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, кн. И. А. Джаваховъ, А. И. Ивановъ, В. Л. Котвичъ, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, Н. Я. Марръ, А. Д. Рудневъ.

Гости: Л. Ѳ. Богдановъ, Н. А. Ригана́.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 20 марта.

II.

По предложенію Управляющаго Отдѣленіемъ опредѣлено: на заглавномъ листѣ «Записокъ» Отдѣленія не упоминать другого имени, кромѣ имени покойнаго основателя «Записокъ». Собраніе утвердило представленный Управляющимъ Отдѣленія проектъ заглавнаго листа 4-го выпуска XVIII-го тома.

III.

Н. Я. Марръ принесъ въ даръ для библіотеки Общества экземпляръ своего сочиненія «Основныя таблицы къ грамматикѣ древне-грузинскаго языка съ предварительнымъ сообщеніемъ о родствѣ грузинскаго языка съ семитическими» (С.-Пб. 1908).

IV.

Н. А. Ригана̀ сдѣлалъ краткое сообщеніе по поводу слѣдующаго мѣста въ «Политикѣ» Аристотеля (Bibliotheca Teubneriana, 3 ed., Lipsiae 1894, p. 123, l. 18—21): ἐν δὲ τοῖς Ἴβηρσιν, ἔθνει πολεμικῷ, τοσούτους τὸν ἀριθμὸν ὀβελίσκους καταπηγνύουσι περὶ τὸν τάφον ὅσους ἂν διαφθείρῃ τῶν πολεμίων, т. е. «среди воинственнаго племени иберовъ вколачиваютъ

вокругъ могилы столько числомъ кольевъ, сколько онъ (похороненный) убилъ враговъ». Докладчикъ указалъ на сходство этого обычая съ турецкимъ обычаемъ ставить около могилы умершаго каменныя изваянія по числу убитыхъ имъ враговъ. Глаголъ «καταπηγνύουσι» (вколачиваютъ) показываетъ, что въ разсказѣ Аристотеля говорится не о каменныхъ столбахъ, а о деревянныхъ кольяхъ; таково первоначальное значеніе слова ὀβελίσκος («колъ, остроконечный столбъ, вертелъ»). Контекстъ не даетъ отвѣта на вопросъ, о какихъ иберахъ, кавказскихъ или испанскихъ, говоритъ Аристотель, такъ что этотъ вопросъ приходится оставить открытымъ.

V.

В. В. Бартольдъ прочиталъ сообщеніе «Къ исторіи Дербента». Докладчикъ представилъ краткій историческій обзоръ тѣхъ длинныхъ стѣнъ и валовъ, которыми культурные народы на всемъ пространствѣ отъ Великаго до Атлантическаго океана хотѣли защитить себя отъ нашествія сѣверныхъ варваровъ, начиная съ такъ называемой мидійской стѣны въ Вавилоніи, описанной Ксенофонтомъ и приписываемой Навуходоносору (VI в. до Р. Хр.), до возобновленія китайской стѣны при династіи Минъ (1368—1644 гг. по Р. Хр.). При изслѣдованіи остатковъ этихъ сооруженій и при оцѣнкѣ ихъ вліянія на ходъ историческихъ событій, какъ и при оцѣнкѣ другихъ вещественныхъ слѣдовъ крупныхъ культурно-историческихъ фактовъ, историки нерѣдко приходили къ ошибочнымъ выводамъ вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ письменными источниками или вслѣдствіе недостаточно критическаго отношенія къ нимъ. Столь же ошибочныя мнѣнія высказывались о дербентскихъ укрѣпленіяхъ, воздвигнутыхъ Сасанидами въ V и въ VI вв. по Р. Хр., можетъ быть, не безъ вліянія римской техники. Въ 1842 г. И. Н. Березинъ на томъ основаніи, что купавшимися въ морѣ ощупывалось продолженіе стѣнъ, оканчивавшихся на берегу, пришелъ къ выводу, что море занимаетъ теперь болѣе значительное пространство, чѣмъ въ прежніе вѣка. Къ противоположному выводу пришелъ въ 1853 г. Н. В. Ханыковъ, сопоставляя свидѣтельство персидскаго переводчика Истахри, по которому стѣны входили въ море на шесть выступовъ (бурджей), съ изображеніемъ Дербента у Олеарія, гдѣ въ водѣ находятся только три выступа, съ оффиціальнымъ планомъ 1847 г., на которомъ стѣны еще изображены входящими въ море, и съ состояніемъ стѣнъ въ его время, когда онѣ оканчивались уже на берегу. Изъ этихъ данныхъ имъ былъ сдѣланъ выводъ, что море съ X в. до 1638 г. отошло отъ берега на $214\frac{1}{2}$ сажень, съ 1638 до 1847 г. — на $15\frac{1}{2}$ саж., съ 1847 до 1852 г. — на $29\frac{1}{2}$ саж., причемъ уровень моря по вертикальной мѣрѣ понизился за эти пять лѣтъ

почти на четыре фута. Не смотря на крайнюю невѣроятность этихъ выводовъ, особенно послѣдняго, они до настоящаго времени не вызвали возраженій даже со стороны натуралистовъ. Взгляды Ханыкова могли бы быть приняты только въ томъ случаѣ, если бы ему удалось доказать, что Олеарій въ 1638 г. видѣлъ тѣ же стѣны, о которыхъ говорилъ въ X в. Истахри, и что составители плана 1847 г. вносили на свой планъ только то, что могли видѣть сами, не пользуясь разсказами о подводныхъ остаткахъ сооруженія. Между тѣмъ то и другое безусловно опровергается свидѣтельствомъ письменныхъ источниковъ. Разсказъ Искендера Мунши (تاريخ عالم آراى عبّاسى, литогр. тегер. изд., стр. 516) о сооруженіяхъ, воздвигнутыхъ въ Дербентѣ шахомъ Аббасомъ Великимъ послѣ возстановленія персидскаго владычества, т. е. послѣ 1606 г., показываетъ, что стѣны, вдававшіяся въ море при Олеаріи, были построены только въ началѣ XVII в. и что только при возведеніи ихъ наткнулись на подводные остатки болѣе древнихъ стѣнъ, давно разрушенныхъ, по всей вѣроятности, волнами. Стѣны XVII в. также были скоро разрушены моремъ; Каземъ-Бекъ, покинувшій Дербентъ въ 1821 г., свидѣтельствуетъ, что уже въ началѣ XIX в. въ морѣ можно было прослѣдить только развалины стѣнъ до разстоянія въ 50 ярдовъ (болѣе 20 саж.) отъ берега; на его памяти еще виднѣлись нѣкоторые камни надъ поверхностью моря, но потомъ эти камни были взяты жителями для своихъ построекъ (Derbend-Nâmeh, p. 96); уже при Эйхвальдѣ (Reise auf dem Caspischen Meere, Bd. I, S. 123) между стѣнами и моремъ оставался свободный проходъ. Докладчикъ закончилъ свое сообщеніе указаніемъ на необходимость, въ связи съ подробнымъ осмотромъ мѣстности, подвергнуть критическому изслѣдованію арабскія извѣстія о стѣнахъ, вдававшихся въ море и окружавшихъ гавань. Судя по словамъ арабскихъ географовъ, эти стѣны представляли другой типъ постройки, чѣмъ стѣны, сохранившіяся теперь на берегу; послѣднія возведены изъ плитъ тесанаго камня, сложенныхъ безъ всякаго цемента и держащихся только своею тяжестью, тогда какъ арабы говорятъ о стѣнахъ, построенныхъ изъ камня и свинца; по словамъ Макдиси (Bibl. Geogr. Arab. III, 380, 12) свинецъ служилъ вмѣсто цемента. Дербентъ былъ при арабахъ главнымъ торговымъ пунктомъ на Каспійскомъ морѣ и по числу населенія превосходилъ Тифлисъ; изъ всѣхъ городовъ на Каспійскомъ морѣ только Дербентъ обладалъ гаванью, одинаково безопасной отъ морскихъ бурь и отъ нападеній внѣшняго врага; этимъ объясняется, что опустошительные набѣги, произведенные въ X в. русскими, совершенно не коснулись Дербента. Сами арабы отмѣчаютъ сходство дербентскихъ сооруженій съ сооруженіями финикійскихъ гаваней, особенно Тира.

VI.

Въ дополненіе къ представленному докладчикомъ историческому обзору длинныхъ стѣнъ и валовъ Н. И. Веселовскій указалъ на генуэзскую стѣну по южному берегу Крыма, А. Д. Рудневъ — на такъ называемые валы Чингизъ-хана въ Монголіи, А. И. Ивановъ — на ивовую изгородь въ Маньчжуріи. Н. Я. Марръ указалъ, что каменныя стѣны съ промежутками, залитыми свинцомъ, встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ Арменіи. Кн. И. А. Джаваховъ высказалъ мнѣніе, что дербентскія стѣны могли быть первоначально выстроены на сушѣ и уже потомъ, при временномъ повышеніи уровня моря, очутиться въ водѣ; преданіе, будто онѣ съ самаго начала были выведены въ море, могло возникнуть среди представителей позднѣйшихъ поколѣній, не имѣвшихъ точныхъ свѣдѣній о характерѣ и способѣ постройки, такъ какъ разсказы современниковъ объ этомъ до насъ не дошли.

VII.

А. Е. Любимовъ прочиталъ докладъ: «Новые маньчжурскіе матеріалы для исторіи Амурскаго края съ 1680 по 1812 годъ».

Предметомъ доклада была рукопись библіотеки С.-Петербургскаго университета «Сахалян'-ула вошимбухэ байтай данцэ», вывезенная изъ Пекина В. П. Васильевымъ. Рукопись состоитъ изъ 8 тетрадей и заключаетъ въ себѣ копіи съ докладовъ Хэй-лунъ-цзянскаго цзянь-цзюня на высочайшее имя, а также копіи высочайшихъ приказовъ за время съ 1680 по 1812 годъ. Въ этомъ сборникѣ бумагъ мы находимъ:

1) подробныя географическія данныя о Хэй-лунъ-цзянской провинціи;

2) данныя о населеніи;

3) военныя распоряженія;

4) распоряженія по части гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ;

5) приказы о царскихъ милостяхъ;

6) свѣдѣнія о сношеніяхъ съ сосѣдними народами, главнымъ образомъ халхасскими монголами и русскими.

Свѣдѣнія послѣдней категоріи представляютъ, по мнѣнію докладчика, несомнѣнный интересъ не только для исторіи края, но и для русской исторіи. Въ доказательство докладчикъ привелъ содержаніе нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ Нерчинскому трактату 1689 года.

Засѣданіе 25 сентября 1908 г.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, М. Г. Деммени, кн. И. А. Джаваховъ, А. И. Ивановъ, К. А. Иностранцевъ, В. Л. Котвичъ, А. К. Марковъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, А. Д. Рудневъ, А. Г. Туманскій, Б. В. Фармаковскій, А. Э. Шмидтъ.

Гости: Л. Ѳ. Богдановъ, Ф. В. Муромскій.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 17 апрѣля.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ, что по желанію нѣкоторыхъ изъ докладчиковъ засѣданіе, посвящаемое памяти барона В. Р. Розена, отлагается до одного изъ слѣдующихъ мѣсяцевъ.

III.

Н. И. Веселовскій, въ дополненіе къ прочитанному въ предыдущемъ засѣданіи сообщенію Н. А. Ригана, обратилъ вниманіе на то, что у Аристотеля непосредственно передъ разсказомъ объ иберахъ упоминаются скиѳы, изъ чего можно заключить, что имѣются въ виду кавказскіе иберы, а не испанскіе. По этому поводу В. В. Бартольдъ замѣтилъ, что названіе кавказскихъ иберовъ до сихъ поръ не было указано ни въ одномъ памятникѣ греческой литературы до похода Помпея, такъ что упоминаніе этого народа у Аристотеля представляло бы большой интересъ.

IV.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества слѣдующихъ изданій:

1) Н. И. Веселовскій, Баронъ В. Р. Розенъ. Некрологъ (отд. оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв.; отъ автора).

2) В. М. Алексѣевъ, Описаніе китайскихъ монетъ и монетовидныхъ амулетовъ, находящихся въ нумизматическомъ отдѣленіи Имп. Эрмитажа, С.-Пб. 1907 (отъ А. К. Маркова).

3) Образцы монгольской народной литературы. Вып. I. Халхасское

нарѣчіе (тексты въ транскрипціи). Редактировали Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Рудневъ. С.-Пб. 1908 (отъ А. Д. Руднева).

4) Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи. Годъ XII. Ташкентъ 1908.

5) Печатные проспекты, предъявленные международному съѣзду оріенталистовъ въ Копенгагенѣ:

а) рапортъ секретаря международной коммиссіи по транскрипціи китайскихъ звуковъ;

б) проспектъ изданія Ananda K. Coosnaraswamy, Mediaeval Singhalese Art;

в) проспектъ критическаго изданія Библіи, предпринимаемаго British and Foreign Bible Society;

д) проспектъ новаго журнала Νέος Ἑλληνομνήμων (отъ А. Д. Руднева).

V.

А. И. Ивановъ прочиталъ докладъ о занятіяхъ секціи Китая и Японіи международнаго съѣзда оріенталистовъ въ Копенгагенѣ.

VI.

А. Д. Рудневъ, въ качествѣ представителя Имп. Русск. Арх. Общества на конгрессѣ, дополнилъ сообщеніе А. И. Иванова краткими данными о засѣданіяхъ первой секціи — секціи лингвистики [1]).

Засѣданіе 23 октября 1908 г.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, кн. И. А. Джаваховъ, К. Г. Залеманъ, К. А. Иностранцевъ, П. К. Коковцовъ, В. Л. Котвичъ, Х. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, Н. Д. Мироновъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, А. С. Раевскій, Ф. А. Розенбергъ, А. Н. Самойловичъ, А. Э. Шмидтъ, Ѳ. И. Щербатской.

Гости: Л. Ѳ. Богдановъ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Мироновъ, Ф. В. Муромскій, М. В. Фармаковскій, А. А. Фрейманъ.

1) Оба сообщенія будутъ напечатаны въ «Запискахъ» Отдѣленія, и потому содержаніе здѣсь не излагается.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 25 сентября.

II.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества слѣдующихъ изданій:

1) Первый сборникъ посланій Бабида Баhа́уллаха. Издалъ баронъ В. Р. Розенъ. С.-Пб. 1908 (отъ П. К. Коковцова).

2) C. Salemann. Manichaeische Studien. I. Die mittelpersischen Texte in revidierter Transcription, mit Glossar und grammatischen Bemerkungen. St.-P. 1908 (отъ автора).

3) Мухаммедъ Салихъ. Шейбани-намэ. Джагатайскій текстъ. Посмертное изданіе проф. П. М. Меліоранскаго. Подъ наблюденіемъ и съ предисловіемъ прив.-доц. А. Н. Самойловича. С.-Пб. 1908 (отъ А. Н. Самойловича).

4) Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета. Часть вторая этнографическая. Вып. II. Экономическій очеркъ Тибета. Владивостокъ 1908.

5) Е. Спальвинъ. Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Димитрія Позднѣева въ области японовѣдѣнія. I. Критическій разборъ «Японской Исторической Хрестоматіи» (Часть I. Отдѣлы I и II) г. Димитрія Позднѣева. Владивостокъ 1908.

6) Е. Спальвинъ. Практическіе японскіе разговоры. Пособіе для изученія простѣйшихъ формъ японскаго разговорнаго языка и для введенія въ японскую письменность. Часть I. Японскій текстъ. Вып. I. Часть II. Подстрочный іероглифическій словарь. Вып. I. Владивостокъ 1908.

7) Д-ръ О. Франке. Земельныя отношенія въ Китаѣ. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополненіями Н. И. Кохановскаго. Владивостокъ 1908.

III.

С. Ѳ. Ольденбургъ прочиталъ проектъ положенія о медали имени барона В. Р. Розена, выработанный коммиссіей, избранной въ засѣданіи Отдѣленія 20 марта. Опредѣлено: напечатать проектъ, разослать его всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ Общества и обсудить въ слѣдующемъ засѣданіи Отдѣленія.

IV.

К. Г. Залеманъ прочиталъ докладъ «Научные результаты поѣздки въ Туркестанъ лѣтомъ 1908 года» и при помощи фонографа ознакомилъ

собраніе съ нѣкоторыми изъ текстовъ, записанныхъ имъ во время этой поѣздки[1]).

Засѣданіе 20 ноября 1908 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, М. Г. Деммени, кн. И. А. Джаваховъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, К. А. Иностранцевъ, П. К. Коковцовъ, В. Л. Котвичъ, В. И. Ламанскій, О. Э. Леммъ, Х. М. Лопаревъ, Н. Я. Марръ, Н. Д. Мироновъ, Н. А. Мѣдниковъ, П. В. Никитинъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, А. С. Раевскій, М. И. Ростовцевъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, С. Л. Степановъ, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, А. Э. Шмидтъ, Ѳ. И. Щербатской.

Гости: Л. Ѳ. Богдановъ, И. Ю. Маркопъ, А. А. Мироновъ, Ф. В. Муромскій, А. Ѳ. Хащабъ.

I.

Н. А. Мѣдниковъ прочиталъ сообщеніе: «Баронъ В. Р. Розенъ какъ арабистъ».

II.

Н. Я. Марръ прочиталъ сообщеніе: «Баронъ В. Р. Розенъ и христіанскій Востокъ».

III.

В. В. Бартольдъ прочиталъ сообщеніе: «Баронъ В. Р. Розенъ и русскій провинціальный оріентализмъ»[2]).

IV.

Обсуждался проектъ положенія о медали имени барона В. Р. Розена, доложенный въ предыдущемъ засѣданіи Отдѣленія и, на основаніи постановленія Отдѣленія, разосланный всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ Общества. Опредѣлено: 1) § 1, по предложенію М. И. Ростовцова, измѣнить въ томъ смыслѣ, что награда можетъ присуждаться не только за печатные

---

1) Докладъ будетъ напечатанъ въ «Запискахъ» Отдѣленія, и потому содержаніе здѣсь не излагается.

2) См. приложеніе къ XVIII тому «Записокъ» Отдѣленія.

труды по востоковѣдѣнію, но и за продолжительную и систематическую работу русскихъ дѣятелей въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи на пользу востоковѣдѣнія, если результатомъ такой работы является составленіе цѣнныхъ для науки коллекцій, цѣнныя открытія въ области археологіи и т. п.; 2) въ остальные параграфы внести нѣкоторыя редакціонныя измѣненія, предложенныя Я. И. Смирновымъ, и съ этими измѣненіями представить проектъ, черезъ совѣтъ Общества, на разсмотрѣніе общаго собранія; 3) по предложенію Я. И. Смирнова, рекомендовать коммиссіи, которая будетъ избрана, для присужденія медали имени барона Розена, въ 1910 г., обратить особенное вниманіе на труды провинціальныхъ оріенталистовъ.

Засѣданіе 18 декабря 1908 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, М. Г. Деммени, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. И. Ивановъ, К. А. Иностранцевъ, Д. А. Клеменцъ, В. Л. Котвичъ, О. Э. Леммъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, В. В. Радловъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, баронъ А. А. Сталь-фонъ-Гольштейнъ, Б. А. Тураевъ, А. Ѳ. Хащабъ.

Гости: Ю. Марконъ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Мироновъ, Ф. В. Муромскій, Н. А. Ригана̀, К. К. Романовъ, А. А. Фрейманъ.

I.

Читаны и утверждены протоколы предшествующихъ засѣданій 23 октября и 20 ноября.

II.

Произведено избраніе секретаря Отдѣленія. Большинствомъ 10 голосовъ противъ 1 вновь избранъ на слѣдующее трехлѣтіе В. В. Бартольдъ.

III.

Произведено избраніе члена Совѣта отъ Отдѣленія. Большинствомъ 6 голосовъ противъ 5 избранъ П. К. Коковцовъ.

IV.

Доложено о полученіи отъ берлинской издательской фирмы Reuther & Reichard по экземпляру двухъ сочиненій проф. Броккельмана: 1) «Kurz-

gefasste vergleichende Grammatik der semitischen Sprachen» (Berlin 1908) 2) «Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen», Bd. I. (Berlin 1908), съ просьбой дать отзывъ объ этихъ книгахъ и прислать издателю два экземпляра этого отзыва. Опредѣлено: обратиться къ П. К. Коковцову съ запросомъ, принимаетъ ли онъ на себя составленіе отзыва о книгахъ Броккельмана, и въ случаѣ его утвердительнаго отвѣта доставить ему присланные экземпляры.

V.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества слѣдующихъ изданій:

1) Hakedem, herausg. von I. Markon und A. Sarsowsky, II. Jahrg., Doppelheft 1—2.

2) O. v. Lemm, Kleine Koptische Studien, St.-P. 1908, 3 выпуска (XLI — XLVI, XLVII — L, L — LV).

3) Г. І. Рамстедтъ. Сравнительная фонетика монгольскаго письменнаго языка и халха'ско-ургинскаго говора. Переводъ студентовъ факультета Восточныхъ языковъ И. С.-Пб. университета съ перваго нѣмецкаго изданія, подъ редакціей прив.-доц. А. Д. Руднева, съ дополненіями автора. С.-П.-б. 1908 (отъ А. Д. Руднева).

4) А. Самойловичъ. 1. По поводу изданія Н. П. Остроумова «Свѣточъ ислама». 2. Персидское сäргäрдāн—текинское сäргäздан. С.-Пб. 1908 (отд. оттискъ изъ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. XVIII).

VI.

В. В. Радловъ прочиталъ докладъ: «Уйгурскіе фрагменты, открытые въ Восточномъ Туркестанѣ».

Докладчикъ предъявилъ собранію, частью въ подлинникахъ, частью въ фотографическихъ снимкахъ, рядъ рукописныхъ фрагментовъ на уйгурскомъ языкѣ, добытыхъ въ Турфанѣ экспедиціями Д. А. Клеменца и проф. А. Грюнведеля или входившихъ въ составъ коллекціи Н. Н. Кроткова, пріобрѣтенной Русскимъ комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи. По содержанію эти отрывки являются дѣловыми документами и даютъ намъ цѣнныя свѣдѣнія о гражданскомъ бытѣ страны. Повидимому, документы были составлены въ различныхъ мѣстностяхъ Восточнаго Туркестана и доказываютъ широкое распространеніе уйгурскаго алфавита. Точному хронологическому опредѣленію поддается только одинъ документъ, составленный при монгольскомъ ханѣ Туклукъ-Тимурѣ (1348 — 1362 гг. по Р. Хр.); судя по языку и шрифту, многіе другіе документы были со-

ставлены значительно ранѣе. Разнообразіе формъ языка и шрифта заставляетъ полагать, что документы обнимаютъ собою очень продолжительный періодъ, вѣроятно, не меньше нѣсколькихъ столѣтій; но данныхъ для болѣе точнаго опредѣленія абсолютной или относительной хронологіи каждаго документа въ отдѣльности мы не имѣемъ.

Послѣ этого докладчикъ ознакомилъ собраніе съ отрывками изъ буддійскихъ, манихейскихъ и христіанскихъ сочиненій, на уйгурскомъ языкѣ, добытыми въ Турфанѣ экспедиціей Лекока и отчасти уже изданными въ Берлинѣ (F. W. K. Müller, Uigurica, Berlin 1908). Въ одной манихейской рукописи съ миніатюрами упоминается, въ качествѣ современнаго автору правителя, Кутлуӷ Білгä ай теӊрітä Кут булмыш Каӷан; такой титулъ носили только уйгурскіе ханы конца VIII и начала IX вв. по Р. Хр. Къ этому періоду, слѣдовательно, относится самое сочиненіе; относится ли данная рукопись къ тому же самому или къ болѣе позднему времени, изъ текста не видно. Среди изданныхъ отрывковъ имѣется также отрывокъ христіанскаго сочиненія, именно конецъ легенды о посѣщеніи Спасителя тремя царями-волхвами, и отрывокъ буддійской сутры о «золотомъ блескѣ» (по монгольски «Алтанъ-гэрэлъ»). Изъ текста видно, что сутра была переведена съ санскритскаго языка на китайскій, съ китайскаго на уйгурскій.

Наконецъ, была предъявлена уйгурская книга изъ коллекціи Н. И. Кроткова, заключающая въ себѣ часть (листы 17—51, съ пропускомъ одного листа) буддійскаго сочиненія Dishastvustik-sutra — о четырехъ странахъ свѣта и о благахъ, исходящихъ отъ геніевъ каждой изъ нихъ.

Кромѣ того В. В. Радловымъ были доставлены для настоящаго протокола засѣданія свѣдѣнія о двухъ уйгурскихъ рукописяхъ, полученныхъ имъ въ концѣ декабря и по своему значенію превосходящихъ всѣ до сихъ поръ сдѣланныя находки; обѣ рукописи были присланы въ Русскій комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи А. А. Дьяковымъ. Одна изъ нихъ, превосходно сохранившаяся, заключаетъ въ себѣ, безъ пропусковъ, §§ 3—15 манихейской молитвы покаянія; другая — 25-ую (по Мюллеру 24-я) главу («о лотусѣ доброй вѣры») сутры Avalokiteshvara (по китайски сутра Мяо-фа-лянь-хуа-дзин-гуань-ши-инь-мань), переведенную съ китайскаго. Санскритскій подлинникъ этой сутры уже былъ переведенъ M. Müller'омъ и E. Burnouf'омъ, китайскій текстъ — Beal'емъ.

VII.

В. Л. Котвичъ сдѣлалъ сообщеніе: «О вновь открытыхъ памятникахъ монгольской письменности XIII и XIV вѣковъ».

Докладчикъ имѣлъ въ виду, во-первыхъ, документы на монгольскомъ

языкѣ, обнаруженные среди массы уйгурскихъ фрагментовъ, вывезенныхъ изъ Турфана А. Грюнведелемъ и Н. Н. Кротковымъ, во-вторыхъ, надписи на китайскомъ и монгольскомъ языкахъ, найденныя въ Китаѣ Э. Шаванномъ.

Къ первой группѣ относятся четыре документа, писанные уйгурскимъ алфавитомъ; это первый случай находки монгольскихъ документовъ въ этомъ районѣ. Изъ нихъ два представляютъ судебныя рѣшенія монгольскихъ чиновниковъ въ Уйгуріи и составлены по одной и той же формѣ, видимо, освященной практикою. Третій документъ содержитъ приказъ объ отправкѣ виноградняго вина, четвертый — списокъ овецъ, доставленныхъ разными лицами въ какой-то «хурѣнь» (монастырь?). Дата памятниковъ не можетъ быть точно установлена; по палеографическимъ обстоятельствамъ первые три документа примыкаютъ къ болѣе позднимъ чисто-уйгурскимъ документамъ, четвертый, видимо, гораздо болѣе поздняго происхожденія.

Вторую группу составляютъ три надписи на китайскомъ и монгольскомъ языкѣ, квадратнымъ письмомъ Пакба-ламы, относящіяся къ 1276 (это самый древній памятникъ квадратнаго письма), 1314 и 1316 гг. По содержанію эти надписи почти тождественны съ извѣстными въ литературѣ грамотами Буянту-хана и вдовы Дармабаловой. Китайскій текстъ надписей напечатанъ Э. Шаванномъ въ іюльскомъ номерѣ T'oung-Pao; монгольскій текстъ, въ транскрипціи и съ переводомъ, будетъ напечатанъ докладчикомъ въ «Запискахъ» Отдѣленія.

Засѣданіе 29 января 1909 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, К. А. Иностранцевъ, В. Л. Котвичъ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, Н. Д. Мироновъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, бар. А. А. Сталь-фонъ-Гольштейнъ.

Гости: С. В. Недачинъ, А. А. Фрейманъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 18 декабря 1908 г.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ, что проектъ положенія о медали или знакѣ имени барона В. Р. Розена, выработанный въ засѣданіи Отдѣленія 20 ноября, утвержденъ Общимъ Собраніемъ. Опредѣлено: предварительныя работы по установленію внѣшняго вида медали или знака возложить на ту же коммиссію, состоящую, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Ольденбурга, изъ членовъ В. В. Бартольда, Н. И. Веселовскаго, В. А. Жуковскаго и П. К. Коковцова, которой былъ составленъ проектъ положенія.

III.

Доложено, что П. К. Коковцовъ въ настоящее время, по принципіальнымъ соображеніямъ, не призналъ для себя возможнымъ дать отзывъ о трудахъ проф. Броккельмана по сравнительной грамматикѣ семитическихъ языковъ, о чемъ увѣдомилъ письмомъ секретаря Отдѣленія, сохраняя за собой право дать отзывъ объ одномъ изъ этихъ трудовъ (Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen) нѣсколько позже. Опредѣлено: присланные экземпляры обоихъ трудовъ проф. Броккельмана передать въ библіотеку Общества.

IV.

Доложено, что покойный почетный членъ Общества Н. Ѳ. Петровскій, незадолго до своей смерти, въ письмѣ на имя секретаря Отдѣленія, выразилъ намѣреніе принести въ даръ музею Общества все свое собраніе древностей. Опредѣлено: войти по этому вопросу въ сношеніе съ наслѣдниками покойнаго, черезъ посредство дѣйствительнаго члена Общества Н. П. Остроумова.

V.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества слѣдующихъ изданій:

1) Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient, 8-me année, t. VIII, № 1—2, Hanoï 1908.

2) В. Бартольдъ, О нѣкоторыхъ восточныхъ рукописяхъ въ библіотекахъ Константинополя и Каира, С.-Пб. 1908 (отдѣльный оттискъ изъ XVIII тома «Записокъ» Отдѣленія; отъ автора).

VI.

Н. Д. Мироновъ обратилъ вниманіе Отдѣленія на статью Sieg'а и Siegling'а «Tocharisch, die Sprache der Indoskythen», напечатанную въ от-

четахъ (Sitzungsberichte) королевской академіи наукъ въ Берлинѣ и заключающую въ себѣ убѣдительныя доказательства въ пользу принадлежности языка нѣкоторыхъ рукописныхъ фрагментовъ, вывезенныхъ изъ Восточнаго Туркестана германской экспедиціей, къ семьѣ индо-европейскихъ языковъ. Докладчикъ подробнѣе остановился на словѣ tmāṃ или (по чтенію, предложенному издателями) tmān «десять тысячъ» и указалъ на возможность сближенія этого слова какъ съ церковно-славянскимъ «тьма» (отсюда производное «темникъ»), такъ и со словомъ тӳмӓн («десять тысячъ»), встрѣчающимся почти во всѣхъ урало-алтайскихъ языкахъ. По мнѣнію докладчика, это слово могло быть заимствовано турками у прежнихъ жителей Восточнаго Туркестана, а не у китайцевъ, какъ полагалъ д-ръ Рамстедтъ (Journ. de la Soc. Finno-Ougrienne XXIV, 22: Die Zahlwörter in den altaischen Sprachen). Указавъ на родство славянскаго «тьма» (мракъ) съ санскритскимъ «tamas» и на логическій переходъ отъ понятія «тьмы» (мрака) къ понятію «множества», докладчикъ оставилъ открытымъ вопросъ, объясняется ли сходство славянскаго слова съ восточно-туркестанскимъ самостоятельнымъ развитіемъ каждаго изъ этихъ словъ отъ общаго корня или происхожденіемъ обоихъ словъ отъ корня, уже въ пра-языкѣ служившаго для обозначенія понятія «десять тысячъ».

VII.

Кн. И. А. Джаваховъ прочиталъ докладъ: «Задачи и методы грузинскихъ историковъ до XIII вѣка».

Докладчикъ остановился на слѣдующихъ грузинскихъ писателяхъ: Іоаннѣ Сабанидзе (IX в.), Георгіи Святогорцѣ (средина XI в.), его ученикѣ Георгіи Младшемъ (XI в.) и анонимномъ историкѣ царя Давида Строителя (начало XII в.).

Грузинская историческая литература развилась изъ мартирологіи и агіографическихъ памятниковъ. Авторы древнѣйшихъ произведеній этого рода (житія Шушаники, Евстаѳія Мцхетскаго, 9 отроковъ колайскихъ) ограничиваются простой передачей свѣдѣній о самомъ фактѣ мученичества. Іоаннъ Сабанидзе, авторъ Мученичества Або Тифлисскаго, современникъ событія, первый излагаетъ разсказъ по заранѣе выработанному плану, съ дѣленіемъ на главы, посвященныя каждая опредѣленной идеѣ. Путемъ выясненія современныхъ Або Тифлисскому политико-религіозныхъ условій въ Грузіи устанавливается исключительное значеніе самаго факта. Принимаясь за свое произведеніе, Іоаннъ Сабанидзе ставилъ себѣ опредѣленную задачу: показать грузинскому народу, каковы должны были быть духовныя и моральныя послѣдствія мученической кончины Або.

Георгій Святогорецъ, авторъ житія Іоанна и Евѳимія, пользуется какъ устными и письменными источниками, такъ и вещественными документами и всѣми вообще памятниками дѣятельности основателей Иверскаго монастыря; при этомъ онъ подчеркиваетъ, что достовѣрность его труда должна быть внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ устныя свѣдѣнія получены имъ отъ современниковъ и очевидцевъ событій, притомъ людей, достойныхъ всякаго довѣрія, а изъ письменныхъ документовъ онъ пользовался автографами.

Георгій Младшій, слѣдуя во всемъ своему учителю, вводитъ впервые сравнительный методъ для выясненія значенія дѣятельности знаменитаго грузинскаго реформатора; но сравненія его еще робки и не выходятъ изъ предѣловъ церковной исторіи. Болѣе широко пользовался сравнительнымъ методомъ историкъ Давида Строителя, приводя для сравненія факты изъ политической исторіи не только христіанъ, но и язычниковъ — древнихъ эллиновъ и персовъ, изъ сочиненій Іосифа Флавія, Плутарха и друг., также изъ Гомера. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ углубляетъ сравнительный методъ, выясняя, что степень успѣха всякаго историческаго дѣятеля находится въ прямой зависимости отъ современныхъ ему культурно-политическихъ условій.

VIII.

По поводу прочитаннаго доклада сдѣлали нѣкоторыя замѣчанія В. В. Бартольдъ, по мнѣнію котораго докладчикъ недостаточно принялъ во вниманіе различіе между сравненіями, какъ пріемомъ литературнаго изложенія, и сравнительнымъ методомъ, какъ пріемомъ историческаго изслѣдованія, и Н. Я. Марръ, признавшій разрабатываемый вопросъ весьма важнымъ ввиду дѣйствительно высокихъ съ методологической точки зрѣнія качествъ грузинскихъ историческихъ сочиненій XI—XIII вв. и отмѣтившій интересное освѣщеніе вопроса докладчикомъ со стороны эволюціи пріемовъ въ самихъ грузинскихъ памятникахъ; при этомъ имъ было указано, что въ прослушанной части изслѣдованія докладчика совершенно не затронутъ вопросъ о возможности вліянія на грузинскую литературу вообще и на труды грузинскихъ историковъ въ частности иностранныхъ литературъ.

На первое замѣчаніе докладчикъ отвѣтилъ, что въ исторической литературѣ, конечно, существовали опредѣленныя литературныя требованія; вопросъ этотъ у него разработанъ, но въ настоящемъ докладѣ онъ его не касался въ виду того, что онъ не имѣетъ прямого отношенія къ темѣ доклада. Приведенные въ докладѣ примѣры должны быть признаны за *историческіе*, а не литературные пріемы, такъ какъ они не преслѣдуютъ ни

стилистическихъ, ни эстетическихъ цѣлей, а исключительно выясняютъ историческія заслуги и дѣятельность того или иного лица, каковыя, по словамъ авторовъ, нѣкоторыми современниками умалялись и даже отрицались. Сравнительный пріемъ, которымъ пользуются указанные въ докладѣ авторы, заключаетъ въ себѣ выясненіе схожихъ и отличительныхъ чертъ и условій описываемыхъ ими историческихъ явленій и настолько сложенъ, что не можетъ быть признанъ за простое литературное сравненіе, а является историческимъ методомъ, конечно, въ его начальной стадіи развитія.

По вопросу о возможности вліянія исторической литературы сосѣднихъ народовъ докладчикъ выразилъ мнѣніе, что эта литература съ точки зрѣнія эволюціи задачъ и методовъ пока еще совершенно не изучена, а потому въ настоящее время никакихъ выводовъ нельзя дѣлать.

Засѣданіе 26 февраля 1909 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Д. В. Айналовъ, секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, кн. И. А. Джаваховъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, Н. П. Кондаковъ, Н. Е. Макаренко, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, Н. И. Рѣпниковъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ.

Гости: Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Фрейманъ, г. К. Чичаговъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 29 января.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о выходѣ въ свѣтъ четвертаго (послѣдняго) выпуска XVIII-го тома «Записокъ» Отдѣленія.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ, что наслѣдники покойнаго почетнаго члена Общества Н. Ѳ. Петровскаго, согласно его волѣ, извѣстной имъ изъ его частной переписки, принесли въ даръ музею Общества все

собраніе древностей, оставленное покойнымъ. С. Ѳ. Ольденбургъ представилъ слѣдующія объясненія о научномъ значеніи этой коллекціи.

«Щедрое пожертвованіе Н. Ѳ. Петровскаго, завѣщавшаго Археологическому Обществу собраніе древностей Китайскаго Туркестана, собраннаго имъ послѣ пріобрѣтенія Эрмитажемъ его прежнихъ коллекцій, является весьма цѣннымъ обогащеніемъ музея Общества.

Поверхностный обзоръ этого любопытнаго собранія въ нѣсколько сотъ предметовъ позволяетъ намъ указать на слѣдующія болѣе любопытныя вещи.

Собраніе деревянныхъ дощечекъ съ письменами Kharoṣṭhī—рядъ туземныхъ документовъ. Къ сожалѣнію, большинство дощечекъ плохо сохранилось, но несомнѣнно, что даже въ плохомъ видѣ онѣ явятся желаннымъ дополненіемъ къ добытымъ д-ромъ М. А. Штейномъ документамъ.

Изъ деревянныхъ вещей можно еще указать на небольшую фигуру будды на лотосѣ и грубую современную поддѣлку: дощечку съ ручкой и выемкой по серединѣ, куда вклеены клочки старинной санскритской рукописи, письменами гупта на берестѣ. Кромѣ того деревянная чашка съ восемью стоящими человѣческими фигурами грубой работы. И еще доска съ вырѣзанными на ней человѣческими фигурами того-же типа — четырьмя врослыми людьми и однимъ ребенкомъ, причемъ по серединѣ доски геометрическій орнаментъ. Подобнаго рода странныя изображенія имѣются и въ описаніи путешествія Черча, съ китайскою надписью.

Деревянное нецке (?), изображающее, повидимому, двухъ какихъ то животныхъ; попало, быть можетъ, въ собраніе случайно.

Далѣе преобладаютъ предметы изъ терракотты.

Вазъ четыре, изъ нихъ одна небольшая, изящной формы, съ тремя ручками, и двѣ другихъ, внушавшихъ сомнѣніе въ своей подлинности еще покойному Николаю Ѳедоровичу, какъ мы знаемъ изъ его писемъ. Онѣ впрочемъ имѣютъ части несомнѣнно подлинныя.

Чрезвычайно любопытенъ слонъ-водолей, первый предметъ подобнаго рода, найденный въ Хотанѣ; сработанъ онъ довольно грубо.

Обломокъ великолѣпной головы мущины сѣверно-индійскаго типа съ бородою и усами, напоминающей гандхарскія издѣлія.

Терракоттовый утюгъ (по формѣ), съ однородными штампами (выпуклыми). Около двухсотъ мелкихъ предметовъ изъ терракотты, большею частью, какъ мы это видѣли и раньше въ собраніяхъ вещей изъ Хотана, обезьяны въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Стоитъ отмѣтить женскую фигуру изящной работы, стоящую на колѣняхъ и играющую на струнномъ инструментѣ; длинные рукава ея платья покрыты бога-

тымъ узоромъ; къ сожалѣнію, голова фигуры отбита. Не видѣли мы ранѣе въ другихъ собраніяхъ фигуры полуобезьяны-полуптицы, очевидно, шутливаго подражанія изображеніямъ garuḍa и kinnara.

Изъ каменныхъ издѣлій мы имѣемъ плитку гандхарскаго синевато-сѣро-шифера, нѣсколько предметовъ изъ мыльнаго камня (сверхъ того печати, о которыхъ скажемъ далѣе) и камень съ надписью.

Каменная плитка заслуживаетъ тщательнѣйшаго изученія и является, на нашъ взглядъ, предметомъ высоколюбопытнымъ: она представляется намъ предметомъ индійскаго искусства подъ сильнымъ вліяніемъ Гандхары. Сохранились слѣды трехъ сценъ: въ одной человѣкъ на слонѣ, передъ нимъ на заднихъ лапахъ сидитъ левъ, сзади какъ будто рождается маленькій слонъ. Въ другой сценѣ, повидимому, пиршество: виденъ человѣкъ, пьющій изъ ритона; подъ этимъ изображеніемъ конь съ двумя всадниками. Повторяемъ, что плитка заслуживаетъ подробнаго изученія.

На грубо обдѣланномъ камнѣ мы находимъ надпись письменами гупта, не поддающуюся пока чтенію вслѣдствіе плохой сохранности, рядомъ съ надписью глубоко врѣзано изображеніе человѣка (?).

Изъ предметовъ изъ мыльнаго камня обращаетъ на себя особенное вниманіе шестирукое божество (Skanda), держащее въ одной рукѣ копье (?), въ другой пѣтуха (?), въ третьей палицу (?), въ четвертой какіе то грозди (?). За нимъ павлинъ съ отбитой головой. Лицо фигуры сильно пострадало.

Отмѣтимъ еще алебастровую (?) лампу, изъ хотанскихъ вещей невиданной нами формы. Быть можетъ позволительно сомнѣваться въ ея древности. Любопытна металлическая пряжка со слѣдами позолоты, на которой видны слѣды изображеній двухъ медвѣдей, пожирающихъ лошадь. Мы относили ее сперва къ поддѣлкамъ, извѣстнымъ изъ прежнихъ посылокъ Петровскаго, но потомъ убѣдились доводами Я. И. Смирнова относительно ея подлинности.

Остатки мѣднаго креста, кусокъ металличеслой пряжки, изображавшей голову какого-то звѣря, со слѣдами позолоты, металлическая фигурка къ замку, другая, такого же типа, приземистая, нагая фигурка, съ подпорою (?) въ лѣвой рукѣ, нѣсколько металлическихъ фигурокъ буддъ, католическія мѣдныя медальки, кусокъ русскаго мѣднаго складня, наконечникъ трехгранной стрѣлы, китайскій стеклянный сосудъ и рядъ другихъ мелкихъ предметовъ. Наконецъ нѣсколько десятковъ печатей разныхъ формъ и изъ разнаго матеріала.

Болѣе чѣмъ бѣглый обзоръ нашъ показываетъ всетаки, что въ собраніи не мало цѣннаго матеріала, который долженъ быть несомнѣнно изданъ

вмѣстѣ съ хранящимися въ Эрмитажѣ хотанскими древностями; изданіе это подготовляется нами.

Къ настоящему собранію позволяемъ себѣ приложить отъ себя, въ даръ Обществу, полученныя нами отъ Н. Ѳ. Петровскаго въ даръ много лѣтъ тому назадъ двѣ деревянныхъ дощечки съ изображеніями въ красках, подобныя найденнымъ докторомъ М. А. Штейномъ въ Данданъ-Уйликѣ».

Выслушавъ объясненія С. Ѳ. Ольденбурга, собраніе постановило: 1) выразить искреннюю признательность наслѣдникамъ Н. Ѳ. Петровскаго; 2) по вопросу объ изданіи коллекціи снестись съ Императорской Археологической Коммиссіей.

IV.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества слѣдующаго изданія:

Н. Веселовскій, О мѣстоположеніи Гюлистана при-Сарайскаго. Кіевъ 1907 (отъ автора).

V.

Я. И. Смирновъ прочиталъ докладъ: «О новомъ изданіи Императорской Археологической Коммиссіи «Восточное Серебро».

Докладчикъ предъявилъ собранію выпущенное Императорской Археологической Коммиссіей ко дню ея пятидесятилѣтняго юбилея (2 февраля) изданіе, носящее заглавіе: «Восточное Серебро. Атласъ древней серебряной и золотой посуды, найденной преимущественно въ предѣлахъ Россійской имперіи», и заключающее въ себѣ пока только рисунки и краткое введеніе взамѣнъ предполагавшагося подробнаго объяснительнаго текста, составленіе котораго лежитъ на обязанности докладчика. Ознакомивъ собраніе, въ общихъ чертахъ, съ содержаніемъ атласа, докладчикъ подробнѣе остановился на группѣ издѣлій сасанидской Персіи, сопредѣльныхъ съ нею съ востока областей Индіи и Туркестана, а также на персидскихъ издѣліяхъ первыхъ вѣковъ арабскаго владычества, причемъ имъ были представлены на заключеніе собранія слѣдующіе выводы и соображенія.

Серебряная посуда, преимущественно блюда и кувшины, сасанидскаго періода разсматриваема была въ археологической литературѣ неоднократно, то въ отдѣльныхъ ея представителяхъ, то въ общей наличности, которая однако быстро возрастаетъ.

Прежними изслѣдователями (еще Longpérier) привлечены были и литературныя свидѣтельства (теперь ихъ также указать можно больше) о серебряныхъ, съ изображеніями сасанидскихъ царей, сосудахъ, устанав-

ливающія фактъ существованія ихъ въ первые вѣка арабскаго владычества въ самыхъ предѣлахъ бывшаго сасанидскаго царства, тогда какъ теперь ихъ находятъ (преимущественно) на крайнемъ сѣверѣ (Вятская и Пермская губ.), или же (рѣже) на окраинахъ сасанидскаго царства (Закавказье, Табаристанъ, Бадахшанъ): остатки сасанидской роскоши ушли изъ предѣловъ Персіи, что, судя по составу находокъ въ сѣверо-восточной Россіи, произошло въ IX—XI вв. Рѣдкость находокъ этого рода въ предѣлахъ бывшей персидской державы можетъ быть объясняема, какъ предполагалъ докладчикъ, тѣмъ вздорожаніемъ на переднемъ Востокѣ серебра въ XI вѣкѣ, которымъ нумизматы объясняютъ прекращеніе чеканки серебряныхъ диргемовъ и появленіе мѣдныхъ: серебро, остававшееся еще въ подѣлкахъ, было, разумѣется, также переплавлено. Не безъ вліянія на исчезновеніе старой серебряной посуды остались, конечно, и монгольскіе нашествія и грабежи.

Многочисленность памятниковъ не является въ сущности чѣмъ либо удивительнымъ, т. к. и на Западѣ количество позднеантичной и ранне-византійской серебряной посуды въ началѣ среднихъ вѣковъ было также колоссально. Интереснѣе значительное количество блюдъ болѣе или менѣе одного типа съ изображеніями сасанидскихъ царей, рѣже вельможъ; цари въ большинствѣ случаевъ изображены на охотѣ, какъ бы въ подтвержденіе заявленія Амміана Марцеллина, якобы у Персовъ не рисуютъ и не ваяютъ ничего кромѣ царскихъ охотъ и сраженій (XXIV. 6. 3).

Совершенно ясенъ однако условный, парадный характеръ этихъ изображеній: полный царскій орнатъ на охотѣ и исключительность нѣкоторыхъ охотничьихъ эпизодовъ (№№ 52, 54, 56, 62, 63, 82, 308) указываютъ на оффиціальное, повидимому, происхожденіе этихъ композицій. Давно уже привлеченъ былъ къ объясненію серебряныхъ сасанидскихъ блюдъ пассажъ изъ исторіи имп. Авреліана (Flav. Vopiscus. V. 5), гдѣ говорится объ обычаѣ персидскаго царя дарить римскимъ императорамъ патеру (въ упомянутомъ случаѣ съ миѳологическимъ изображеніемъ). Разсказы о великолѣпіи царскихъ пировъ и даже современныя аналогіи позволяютъ высказать предположеніе, что блюда съ изображеніями Сасанидовъ дарились ими участникамъ какихъ либо праздничныхъ пировъ или иныхъ придворныхъ церемоній; такимъ происхожденіемъ блюдъ непосредственно изъ придворныхъ мастерскихъ объяснялось бы и то сходство въ исполненіи, которое замѣтно между отдѣльными ихъ группами. На Западѣ Римская имперія оставила намъ также нѣсколько блюдъ съ портретами императоровъ IV-го вѣка и притомъ иногда съ объясненіемъ юбилейныхъ празднествъ.

Однако отнюдь не всякое изображеніе сасанидскаго царя на блюдѣ

свидѣтельствуетъ о сасанидскомъ происхожденіи самаго блюда. Пока пехлевійскія надписи на оборотѣ многихъ изъ нихъ остаются не вполнѣ разобранными, сасанидскими должно считать лишь тѣ блюда, гдѣ головной уборъ царей точно соотвѣтствуетъ монетнымъ ихъ изображеніямъ (а именно №№ 51, 52, 54, 57, 59, 287, 308); для всѣхъ прочихъ слѣдуетъ имѣть въ виду ту легендарную славу, которая окружала «хосроевъ» еще въ первые вѣка мусульманскаго владычества въ Персіи: извѣстныя свидѣтельства (Масуди и Хамзы Исфаханскаго) о книгѣ съ изображеніями Сасанидовъ, надо понимать, конечно, въ томъ смыслѣ, что была составлена портретная галлерея царей, причемъ художникъ нумизматическихъ и иныхъ штудій, разумѣется, не производилъ. Такими позднѣйшими, сочиненными, изображеніями Сасанидовъ докладчикъ считаетъ №№ 56, 63, 64 своего Атласа; одно изъ этихъ изображеній (№ 64) вовлекло уже даже такого опытнаго археолога, какъ Ричль, въ досадное недоразумѣніе: онъ считалъ узоры ковра на этомъ блюдѣ древнѣйшимъ, относящимся еще къ сасанидской эпохѣ, примѣромъ орнаментаціи восточныхъ ковровъ; а между тѣмъ блюдо несомнѣнно относится къ мусульманскому періоду, притомъ, судя по монголообразнымъ лицамъ прислужниковъ и по китайскому ручному органу (ченгъ), являющемуся на близкомъ къ этому блюду кувшинѣ (№ 65), далеко не къ началу этого періода, т. к. издѣлія первыхъ вѣковъ арабскаго владычества въ Персіи (VIII — IX-го) стоятъ столь близко къ сасанидскимъ, что отличить ихъ мы не всегда въ состояніи и объединеніе тѣхъ и другихъ подъ терминомъ «сасанидскій» является обычной у историковъ искусства и археологовъ ошибкой. Особую важность поэтому представляетъ блюдо № 48, съ миѳологическимъ изображеніемъ женщины, играющей на двойной флейтѣ, сидя на спинѣ чудовища, и съ пехлевійскою надписью на оборотѣ, въ которой А. К. Марковъ разобралъ имя Дад-бурзмихра, сына Фаррухана, не-исламскаго еще правителя въ Гилянѣ во второй четверти VIII-аго вѣка; совершенно такое же изображеніе имѣется на одномъ бронзовомъ кувшинѣ А. А. Половцева; кувшинъ этотъ, наряду съ подобными ему издѣліями, происходящими изъ Закавказья и Сѣв. Персіи, принадлежитъ къ особой группѣ блюдъ и кувшиновъ, въ орнаментаціи своей представляющихъ смѣшеніе элементовъ сасанидскихъ и поздне-античныхъ, а въ техникѣ явно предшествующихъ т. н. «мосульскимъ» инкрустированнымъ серебромъ подѣлкамъ XII — XIV вв. Всю эту группу докладчикъ полагаетъ возможнымъ датировать VIII — X вв. На одномъ изъ мѣдныхъ блюдъ этого рода (училища Штиглица) встрѣчаемъ мы то же, какъ и на блюдѣ № 56, изображеніе Бахрамъ-Гура съ рабынею на охотѣ на газелей, которое упоминается и въ литературныхъ источникахъ; его же мы

встрѣчаемъ на персидскихъ изразцахъ XIII в.; источникомъ его является разсказъ о мѣткости Бахрама, повторяемый и у Фирдоуси. Особенно интересно совпаденіе сюжета одного блюда № 54, признаваемаго докладчикомъ за подлинно-сасанидское, съ аналогичнымъ пассажемъ «Книги Царей»: если блюдо это дѣйствительно принадлежитъ времени Бахрамъ-Гура, какъ можно предполагать на основаніи тождества головного убора на монетахъ этого царя и на блюдѣ, то источникъ даннаго мѣста Фирдоуси окажется вполнѣ соотвѣтствующимъ, если не реальной, то оффиціальной исторіи Бахрама V.

«Царямъ царей» подражали и «цари», правители, нерѣдко царской крови, отдѣльныхъ областей сасанидской монархіи, также полунезависимые или независимые цари сосѣднихъ странъ: особенно интересно сходство головного убора съ двумя большими витыми рогами царя на блюдѣ № 53 съ головнымъ уборомъ царя, являющагося съ именемъ Варахрана на т. н. индо-[или скиѳо-] сасанидскихъ монетахъ, относимыхъ къ V-ому вѣку. Другіе цари или вельможи (на № 46 и 67) своимъ кафтаномъ съ отворотами и длинными усами напоминаютъ изображенія на монетахъ китайско-тюркскихъ, относимыхъ къ VII — VIII вв. Иныя изображенія (№№ 61, 62, 286) столь близки къ сасанидскимъ, что въ нихъ можно видѣть вельможъ или принцевъ сасанидской Персіи, а на № 66, найденномъ въ Табаристанѣ, быть можетъ, уже изображенъ одинъ изъ «испехбедовъ».

Эти изображенія царей были такъ или иначе доступны для попытокъ опредѣленія и датировки ихъ составителемъ Атласа; въ болѣе безнадежномъ положеніи находится онъ передъ изображеніями божествъ на издѣліяхъ сасанидскихъ или сасанидскаго характера; если въ главной фигурѣ на блюдѣ № 39 онъ рѣшается по огненному сіянію около головы (т. н. «хвара») и по сходству съ нѣкоторыми рельефами на скалахъ признать Ормузда, то иныя изображенія (№№ 40, 42, 43, 44, 45, 48, 285, 306) могли представлять и божества подвластныхъ сасанидской Персіи или сосѣднихъ съ нею народовъ. Изъ фантастическихъ существъ особенно часто является крылатое чудовище съ широкимъ хвостомъ изъ перьевъ, львиными лапами и звѣриною головою: мы находимъ его какъ на издѣліяхъ, могущихъ происходить изъ времени Сасанидовъ (№№ 67, 70, 82), такъ и на такихъ, которыя относятся, вѣроятно, уже къ первымъ вѣкамъ арабскаго владычества (№№ 49, 83, 84, 288), даже на такихъ, которыя принадлежатъ уже вѣку XI — XII (№№ 126, 128), а кромѣ того на цѣломъ рядѣ произведеній художественной промышленности, — особенно часто на тканяхъ и воспроизведеніи ихъ въ живописи и скульптурѣ, — сохранившихся и на Востокѣ и на Западѣ и обнимающихъ періодъ съ VII-го по

XIII вѣкъ. Было бы въ высшей степени интересно, если бы спеціалисты по восточнымъ литературамъ указали и объяснили археологамъ происхожденіе и значеніе этого характернаго и столь популярнаго чудовища. Оно является иногда въ роли какъ бы служебной: такъ на кувшинѣ № 84 у этого чудовища (съ верблюжьей головой) черезъ переднюю лапу перекинутъ кусокъ матеріи, какъ бы полотенце для умывающагося; на чашѣ № 67 тоже чудовище (и, повидимому, также съ верблюжьею головой) несетъ ожерелье къ пирущей царственной четѣ. Послѣднее изображеніе находитъ себѣ аналогію на блюдѣ (№ 309) въ нагомъ геніѣ (по античному очевидно образцу), несущемъ подобное ожерелье къ охотящемуся царю, и въ отдѣльныхъ фигурахъ птицъ съ такими же ожерельями въ клювахъ (№№ 90, 111). Такъ какъ ожерелья этого рода видимъ мы и на царяхъ, то естественно всѣ изображенія эти ставить въ зависимость отъ многочисленныхъ и повсемѣстныхъ сказаній о чудесномъ происхожденіи драгоцѣнностей или регалій.

Возможно, что и для объясненія этого рода изображеній будетъ найденъ матеріалъ въ персидской или арабской литературѣ. Изображенія на посудѣ горныхъ козловъ и барановъ (№№ 95, 107, 108, 109), нерѣдко въ ошейникахъ съ длинными лентами, также находятъ себѣ безчисленныя аналогіи въ иныхъ сасанидскихъ и болѣе позднихъ памятникахъ, особенно на печатяхъ. Излюбленность такихъ изображеній, по мнѣнію докладчика, можетъ быть объясняема двояко: съ одной стороны само животное считалось символомъ успѣха и счастья, такъ горный баранъ сопровождалъ Ардашира-Бабекана во время бѣгства его въ Персію; съ другой стороны ленты, такія же какъ и на царяхъ, на шеѣ нѣкоторыхъ животныхъ (№№ 108, 109, 134) могутъ указывать на принадлежность послѣднихъ царскимъ звѣринцамъ: на рельефѣ Так-и-Бостана мы видимъ такого барана съ лентами бѣгущимъ предъ царемъ на охотѣ: это могъ быть особо дрессированный экземпляръ, который подманивалъ своихъ дикихъ собратій подъ стрѣлы охотника.

При изученіи сасанидскихъ издѣлій въ связи съ болѣе поздними имъ подражаніями вполнѣ выясняется то значеніе, которое имѣли на обширномъ пространствѣ и въ теченіе долгаго времени искусство и культура сасанидской Персіи. Вопросъ заслуживаетъ особаго вниманія и съ нашей стороны, т. к. при иранизаціи Закавказья и иранствѣ жившихъ къ сѣверу отъ Кавказа Аланъ (Ясовъ) не избѣгла вліянія этого искусства и Россія.

Если серебряная посуда, изданная въ Атласѣ, для сасанидской Персіи является лишь прибавкою, хотя и значительной, къ сасанидскимъ памятникамъ, сохранившимся и въ иныхъ мѣстахъ, то для Средней Азіи мы не имѣемъ почти ничего, что могло бы равняться съ чашкою № 284, о ко-

торой докладчику приходилось уже раньше говорить въ Отдѣленіи. При всей очевидной зависимости изображеній на ней отъ античнаго искусства (и притомъ поздняго, римскаго, періода), при отдѣльныхъ классическихъ деталяхъ фигуръ, въ общемъ здѣсь слѣдуетъ предполагать вліяніе какого либо мѣстнаго миѳологическаго сказанія. Центральную роль играетъ видимо женская фигура, сидящая на тронѣ съ младенцемъ подъ нимъ; аналогичныя изображенія на индо-скиѳскихъ монетахъ даютъ докладчику смѣлость назвать богиню эту — Ардокшо. Въ деталяхъ обработки бородатыхъ лицъ на этой чашкѣ усматривается близкое сходство съ нѣкоторыми самаркандскими терракоттами и бронзовой фигурой всадника (въ майоратномъ собраніи Строгановыхъ въ Петербургѣ), найденной нѣкогда вмѣстѣ съ чашею № 42. Средней Азіи должны быть приписываемы, повидимому, и чаши (№№ 42—47, 285, 286), на одной изъ которыхъ (№ 42) является четверорукая фигура, напоминающая божества индійскія. Этотъ отдѣлъ серебряной восточной посуды будетъ, повидимому, представлять особый интересъ для спеціалистовъ, приступающихъ теперь къ изученію памятниковъ того искусства, которое было нѣкогда одинаковымъ и въ Средней Азіи и въ Сѣв. Индіи, особенно если имъ удастся разобрать находящіяся на многихъ чашахъ надписи.

На связь съ Дальнимъ Востокомъ указываютъ включенные въ Атласъ многочисленные ковши и чаши татарскаго времени: если въ ручкахъ ихъ въ видѣ драконовъ (№№ 230, 231, 233, 237, 278, 300) можно видѣть вліяніе Китая, то относительно характернаго растительнаго орнамента, хотя аналогіи ему мы также встрѣчаемъ въ китайскихъ памятникахъ, приходится однако поставить вопросъ о томъ, кто у кого этотъ орнаментъ заимствовалъ, т. к. болѣе древніе памятники Китая знаютъ орнаментъ по преимуществу геометрическій. Конечно роль создателей особаго рода орнаментаціи «травами» плохо вяжется съ нашими представленіями о монгольскихъ ордахъ, но не забудемъ, что онѣ выросли въ степяхъ, гдѣ главной и единственной красой природы являются именно травы и цвѣты.

Представляя нѣкоторыя свои соображенія и гипотезы на судъ Отдѣленія, докладчикъ просилъ позволить ему надѣяться, что спеціалисты не откажутъ ему въ совѣтѣ и указаніяхъ при обработкѣ описательнаго и объяснительнаго текста къ появившемуся ко дню юбилея Археологической Коммиссіи Атласу.

VI.

Во время преній по поводу прослушаннаго доклада были сдѣланы слѣдующія замѣчанія.

С. Ѳ. Ольденбургъ указалъ на то, что ручки ковшей и чашъ въ видѣ драконовъ и дельфиновъ могутъ быть объяснены не только китайскимъ вліяніемъ, такъ какъ подобные предметы были находимы и среди развалинъ городовъ Восточнаго Туркестана. Птицы съ повязками (головными или шейными) въ клювѣ напоминаютъ обычное въ индійскомъ искусствѣ изображеніе птицъ, держащихъ въ клювѣ драгоцѣнные камни. Головной уборъ одного изъ сасанидскихъ царей въ видѣ большихъ роговъ находитъ себѣ аналогію на одной изъ восточно-туркестанскихъ росписей, изданныхъ Грюнведелемъ; на тѣхъ же росписяхъ встрѣчается изображеніе одежды съ отворотами на груди. Время и происхожденіе нѣкоторыхъ сосудовъ, можетъ быть, удастся установить путемъ разбора надписей; въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣ собственныхъ именъ ясно читаются слова: «Приказалъ сдѣлать это».

А. И. Ивановъ по поводу того же головного убора въ видѣ роговъ указалъ на фактъ, что въ китайскомъ театрѣ актеры, изображающіе людей VII в., носятъ (или носили) головные уборы въ видѣ роговъ, сдѣланныхъ изъ перьевъ; встрѣчаются и подражанія коронамъ Сасанидовъ, въ видѣ полумѣсяца и солнца, причемъ изображеніемъ послѣдняго является блестящій шаръ, ходящій по спиральной проволокѣ. По поводу ручного органа, въ родѣ китайскаго ченга, изображеннаго на кувшинѣ Ліонскаго музея, А. И. Ивановъ привелъ нѣкоторые факты, указывающіе на иностранное происхожденіе китайской музыки.

Н. Я. Марръ указалъ на видимую зависимость нѣкоторыхъ царскихъ изображеній на блюдахъ отъ позднѣйшихъ литературныхъ сказаній о Сасанидахъ и потому высказалъ предположеніе, что нѣкоторыя изображенія не могутъ быть отнесены къ времени жизни самихъ царей.

Н. И. Веселовскій выразилъ пожеланіе, чтобы обѣщанный докладчикомъ текстъ къ атласу былъ изданъ въ возможно скоромъ времени.

Засѣданіе 19 марта 1909 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, Д. В. Айналовъ, секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, С. А. Жебелевъ, К. Г. Залеманъ, В. А. Котвичъ, Н. Е. Макаренко, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, Ф. А. Розенбергъ, Н. И. Рѣпниковъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, гр. П. С. Уварова, А. Э. Шмидтъ.

Гости: Н. Н. Мартиновичъ, І. А. Орбели, К. К. Романовъ, А. А. Фрейманъ, К. А. Фрейтагъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 26 февраля.

II.

Доложено отношеніе общества русскихъ оріенталистовъ, образовавшагося въ г. Харбинѣ, отъ 22 Февраля № 17, съ просьбой «о высылкѣ списка изданій Отдѣленія и другихъ свѣдѣній о немъ, могущихъ содѣйствовать установленію тѣснаго общенія общества русскихъ оріенталистовъ съ Отдѣленіемъ». Опредѣлено: обратиться въ Совѣтъ Общества съ просьбой выслать обществу русскихъ оріенталистовъ въ г. Харбинъ списокъ изданій Отдѣленія, экземпляръ устава Общества и экземпляръ «Исторіи» Общества, составленной Н. И. Веселовскимъ, и просить общество русскихъ оріенталистовъ съ своей стороны прислать свой уставъ.

III.

Управляющій Отдѣленіемъ предъявилъ исполненный по его заказу, на основаніи утвержденнаго Общимъ Собраніемъ постановленія Отдѣленія, портретъ покойнаго барона В. Р. Розена, для помѣщенія въ залѣ засѣданій Общества. Опредѣлено: произведенный расходъ покрыть добровольными взносами членовъ Общества, распредѣливъ всю сумму стоимости портрета (23 р.) между тѣми изъ членовъ, которые пожелаютъ принять участіе въ этомъ расходѣ.

IV.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества слѣдующихъ изданій:

1) Н. Г. Адонцъ. Арменія въ эпоху Юстиніана. С.-Пб. 1908 (Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи, кн. XI; отъ автора).

3) Н. И. Веселовскій. Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 году подъ видомъ купца Хорошева. С.-Пб. 1909 (оттискъ изъ журнала «Живая Старина» за 1908 годъ; отъ автора).

3) И. Ю. Крачковскій. Мутанабби' и Абӯ-л-'Алā'. С.-Пб. 1909 (оттискъ изъ «Записокъ» Отдѣленія, т. XIX; отъ автора).

V.

А. Н. Самойловичъ прочиталъ докладъ: «Хивинскія придворныя книгохранилища и книгопечатня»[1]).

VI.

Н. Я. Марръ прочиталъ докладъ: «Раскопки въ Ани въ послѣднюю археологическую компанію».

Какъ и въ предшествующее лѣто, работы велись при сотрудничествѣ архитектора Т. Тораманяна, художника С. Н. Полторацкаго и студентовъ Н. Н. Тихонова и І. А. Орбели на средства армянскаго общества, различныхъ учрежденій и лицъ. Докладчикъ ограничился сообщеніемъ свѣдѣній о работахъ и раскопкахъ 1908-го года, производившихся въ предѣлахъ самаго городища. Изъ результатовъ разысканій внѣ Ани было указано лишь на находку барельефа (на камнѣ) весьма древней для анійскихъ произведеній работы, найденнаго въ селеніи «Ҹала», верстахъ въ пяти отъ городища: барельефъ, нынѣ хранящійся въ Анійскомъ музеѣ древностей, изображаетъ (дефектно) всадника верхомъ на конѣ съ фигурами передъ конемъ и за нимъ.

Въ самомъ Ани откопано оригинальное зданьице о четырехъ пилонахъ на сѣверъ отъ грузинской церкви. Въ наличномъ видѣ это — часовня крестообразной формы съ полукруглыми, выраженными и снаружи крыльями. Но первоначальпо постройка состояла изъ однихъ пилоновъ. Зданьице, несомнѣнно, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Ани архитектурныхъ памятниковъ. Къ древней эпохѣ относится и передѣлка загадочной постройки въ крестообразную церковку: планъ ея воспроизводитъ въ миніатюрѣ центральную крестообразную часть круглаго Гагикова храма съ замѣною полукруглыхъ колоннадъ полукруглыми стѣнами.

Другая побочная раскопка въ Ани посвящена была расчисткѣ груды обломковъ передъ мечетью, обращенною съ 1904 г. въ музей. Здѣсь извлечены фрагменты персидской, арабской и армянской надписей. Въ нихъ особенно цѣнны части арабской куфической надписи и обширная персидская надпись, найденная полностью. Одновременно отрыты и архитектурныя подробности лицевой стороны мечети, выходившей на улицу. Раскопки передъ минаретомъ вскрыли главную артерію Ани, улицу, ведшую отъ воротъ Ашотовыхъ стѣнъ во дворецъ въ вышгородѣ.

Развѣдочная раскопка въ пещерномъ кварталѣ по ту сторону цвѣтни-

---

1) Докладъ будетъ напечатанъ въ «Запискахъ» Отдѣленія, и потому содержаніе здѣсь не излагается.

коваго ущелья, именно въ галлереѣ усыпальницы Тиграна hОненца, строителя халкедонитской церкви св. Григорія въ Ани, дала въ числѣ предметовъ шелковую рубашку съ пояскомъ и бусами. Особенно цѣненъ кусокъ шитья золотомъ и шелкомъ на истлѣвшей черной кисеѣ: рисунокъ представляетъ льва съ барсомъ.

Раскопки близъ церкви Апостоловъ предполагавшагося княжескаго дворца обнаружили двѣ гостинницы, по всей видимости, изъ тѣхъ построекъ, которыя въ анійскихъ армянскихъ надписяхъ называются «ханабар»ами. Выясненъ планъ двухъ этихъ гостинницъ внутри и откопаны многочисленныя ихъ архитектурныя части и декорованныя рѣзьбою подробности. Особенно богато были отдѣланы порталы, украшенные помимо плетеній и животными, парою сфинксовъ, парою львовъ и парою змѣй. Замѣчается связь декоровки рѣзьбою этихъ порталовъ съ орнаментированными заставками рукописнаго Евангелія конца XII или начала XIII вѣка, написаннаго для хаченскаго князя Вахтанга и жены его Хоришаhи.

Дальнѣйшая, бо́льшая часть доклада была посвящена раскопкамъ дворца въ вышгородѣ, причемъ были перечислены и охарактеризованы результаты этихъ основныхъ раскопокъ за два года (1907 и 1908). Вышгородъ долженъ былъ привлечь вниманіе, независимо отъ дворца, уже потому, что это ядро, изъ котораго выросъ городъ Ани: здѣсь была крѣпость. За два лѣта раскопокъ успѣлъ выясниться планъ дворца, точнѣе жалкихъ остатковъ дворца. Корридоромъ дворецъ дѣлился на двѣ половины, южную и сѣверную. Въ южной половинѣ откопанъ залъ, подъ поломъ котораго обнаружена цистерна съ комнатными водопроводными трубами, глиняными и желѣзными. Въ сѣверной половинѣ находились баня и три парадныхъ зала, не считая службъ и другихъ комнатъ съ глубокими амбарами-хранилищами. Изъ трехъ парадныхъ залъ больше всего приковываетъ къ себѣ вниманіе обнаруженными матеріалами базиличный. Въ подвальномъ его этажѣ откопаны между прочимъ желѣзный мечъ, копье съ двумя крючками, византійскія монеты, обломки росписи на штукатуркѣ и деревѣ, куски гипсовыхъ выпуклыхъ отдѣлокъ, части росписи золотомъ, фрагменты деревянныхъ подробностей съ рѣзьбою и обгорѣлые остатки деревянныхъ столбовъ, указывающіе на то, что колоннады базилики были сдѣланы изъ дерева и деревянная же аркатура украшена была рѣзьбою. И въ другихъ частяхъ дворца откопаны интересныя архитектурныя подробности, куски стѣнной росписи, части гипсовой отдѣлки съ узорами и звѣриными мотивами, расписныя доски и т. п. Найдены также двѣ доски съ рѣзьбою изъ плафона.

Откопаны въ вышгородѣ и крѣпостныя ворота, построенныя на насыпной почвѣ въ эпоху Шеддадидовъ, при чемъ обнаружены камень съ

изображеніемъ льва и части арабской надписи, а также водопроводныя глиняныя трубы, по коимъ вода поднималась вверхъ во дворецъ. Въ линіи крѣпостныхъ стѣнъ близъ этихъ воротъ отрыты башня и стѣны эпохи князей Камсараканова. Внѣ предѣловъ вышгорода по склону его въ сторону города и ниже откопаны комната хлѣбопека и часовня съ надгробною армянскою надписью. Изъ находокъ въ этой части описаны были каменныя гири, фрагменты большой греческой надписи 1059 г. по Р. Хр., кожаная рубашка съ вышивкою гладью золотыми нитками.

Въ заключеніе докладчикъ характеризовалъ добытые работами въ Ани археологическіе матеріалы въ цѣляхъ подтвержденія своихъ взглядовъ какъ на роль Ани въ процессѣ перерожденія древней, феодальной Арменіи въ современный демократическій армянскій народъ, такъ и на цѣнность анійскихъ раскопокъ въ дѣлѣ установленія этаповъ развитія мѣстной культуры, имѣющемъ не одно мѣстное и далеко не исключительно національное армянское значеніе. Такъ между прочимъ изученіе надписей съ точки зрѣнія примѣненія въ нихъ армянскаго или иныхъ языковъ на анійскихъ монетахъ, архитектурныхъ памятникахъ и керамическихъ издѣліяхъ, изящныхъ, отрытыхъ въ многочисленныхъ и разнообразныхъ фрагментахъ въ вышгородѣ, и простыхъ, было использовано для обоснованія мысли, что княжеское сословіе коренной Арменіи, армянская родовая аристократія, къ которой принадлежали владѣтели Ани въ XIII—XIV вѣкахъ, стояло уже на послѣднихъ ступеняхъ денаціонализаціи, исчерпывая свой національзмъ лишь принадлежностью, повидимому оффиціальною, къ армянской церкви.

Засѣданіе 30 апрѣля 1909 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, М. Г. Деммени, В. Л. Котвичъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, Н. Д. Мироновъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ.

Гости: Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Фрейманъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 19 марта.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ, что 14 мая предполагается празднованіе пятидесятилѣтія научной дѣятельности академика В. В. Радлова. Опредѣлено: уполномочить Управляющаго Отдѣленіемъ привѣтствовать въ этотъ день юбиляра отъ имени Отдѣленія.

III.

Доложена просьба доцента Казанской Духовной Академіи іеромонаха Гурія о высылкѣ въ Казань, на миссіонерскіе курсы, «Записокъ» Отдѣленія за текущій годъ и всѣ прежніе годы. Опредѣлено: представить въ Совѣтъ объ удовлетвореніи этой просьбы по мѣрѣ возможности и обратиться къ Казанской Духовной Академіи, черезъ о. Гурія, съ просьбой выслать для библіотеки Общества экземпляръ «Монгольско-русско-французскаго словаря» Ковалевскаго.

IV.

Доложено письмо Россійскаго Императорскаго консула въ г. Урумчи Н. Н. Кроткова, съ увѣдомленіемъ, что въ мѣстности Муртукъ (въ Турфанскомъ приставствѣ) найденъ большой камень съ китайскими іероглифами, являющійся, по мнѣнію китайскихъ ученыхъ, частью памятника, воздвигнутаго въ Гао-чанѣ при дин. Танъ, подъ названіемъ Си-юй-бэй («памятникъ западной страны»), на которомъ былъ высѣченъ въ китайскомъ переводѣ отрывокъ изъ тибетскаго Юма или Праджна-парамиты; при этомъ собранію былъ предъявленъ присланный г. Кротковымъ отпечатокъ съ камня. Опредѣлено: 1) благодарить г. Кроткова за сообщеніе; 2) отпечатокъ передать на разсмотрѣніе А. И. Иванову.

V.

Предъявлены собранію двѣ буддійскихъ иконы на деревѣ, принесенныя въ даръ Обществу С. Ѳ. Ольденбургомъ, получившимъ ихъ отъ покойнаго Н. Ѳ. Петровскаго, и три изразца съ мавзолея Шахи-зиндэ въ Самаркандѣ, принесенные въ даръ Обществу г. Красовскимъ. Опредѣлено: передать въ музей Общества.

VI.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества, отъ авторовъ, слѣдующихъ изданій:

1) Н. Марръ. Антіохъ Стратигъ. Плѣненіе Іерусалима персами въ

614 г. С.-Пб. 1909 (Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи, кн. IX).

2) А. Самойловичъ. Туркменскія развлеченія (оттискъ изъ «Ежегодника» Русскаго Антропологическаго Общества).

VII.

А. Д. Рудневъ принесъ въ даръ библіотекѣ Общества тридцать оттисковъ статей изъ «Сборника въ честь семидесятилѣтія Г. Н. Потанина» (Зап. Имп. Р. Г. О. по отд. этнографіи, т. XXXIV).

VIII.

В. В. Бартольдъ, въ качествѣ представителя И. Р. Археологическаго Общества въ Русскомъ Комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи, представилъ, для присоединенія къ библіотекѣ Общества, слѣдующія изданія Комитета: 1) Извѣстія Русскаго Комитета etc., № 8 (мартъ 1908); 2) Протоколы засѣданій Русскаго Комитета, 1907 годъ, №№ III и IV, 1908 годъ, №№ I—VI, 1909 годъ, № I.

IX.

А. Д. Рудневъ вкратцѣ ознакомилъ собраніе съ содержаніемъ изслѣдованія Halmar Öhrvall, Om knutar, med 133 Figuren i Texten, Stockholm 1908, посвященнаго вопросу объ узлахъ, имѣющему значеніе не только для этнографіи, но и для археологіи.

X.

Н. Н. Мартиновичъ прочиталъ сообщеніе: «Еще о сельджукскихъ стихахъ» [1]).

XI.

А. И. Ивановъ прочиталъ сообщеніе: «Одинъ изъ неизданныхъ памятниковъ монгольскаго квадратнаго письма» [2]).

---

1) Будетъ напечатано въ «Запискахъ» Отдѣленія, и потому содержаніе здѣсь не излагается.

2) См. ниже стр. 169 и слѣд.

Засѣданіе 24 сентября 1909 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, К. А. Иностранцевъ, В. Л. Котвичъ, А. Е. Любимовъ, А. К. Марковъ, А. А. Миллеръ, А. А. Мироновъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, Б. В. Фармаковскій, М. В. Фармаковскій.

Гости: Л. Ѳ. Богдановъ, В. Я. Владимірцовъ, Н. В. Кюнеръ, Н. Н. Мартиновичъ, С. В. Недачинъ, А. А. Ромаскевичъ, К. І. Симонолевичъ, С. Б. Смогоржевскій.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 30 апрѣля.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о кончинѣ иностраннаго почетнаго члена Общества проф. М. І. де-Гус, послѣдовавшей 17/4 мая, представилъ краткій обзоръ научной дѣятельности покойнаго оріенталиста и выразилъ пожеланіе, чтобы однимъ изъ спеціалистовъ по арабской словесности былъ составленъ для «Записокъ» Отдѣленія болѣе подробный некрологъ. Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

III.

Почтена вставаніемъ память члена-сотрудника Общества Н. Н. Пантусова, скончавшагося 7 іюня, причемъ Управляющимъ Отдѣленія было сдѣлано сообщеніе, посвященное памяти покойнаго.

IV.

А. Д. Рудневъ сообщилъ о кончинѣ финляндскаго ученаго проф. О. Доннера, послѣдовавшей 17/4 сентября. Собраніе, почтивъ память покойнаго вставаніемъ, уполномочило А. Д. Руднева выразить семьѣ покойнаго соболѣзнованіе отъ имени Отдѣленія и послать таковое же Финно-угорскому ученому обществу, въ которомъ покойный принималъ дѣятельное участіе.

V.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о выходѣ въ свѣтъ приложенія къ XVIII тому «Записокъ» Отдѣленія, посвященнаго памяти барона В. Р. Розена, и части XVIII «Трудовъ» Отдѣленія.

VI.

Доложены: 1) сообщеніе о предстоящемъ XII съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ, присланное распорядительнымъ комитетомъ съѣзда; 2) сообщеніе завѣдующаго подсекціей этнографіи при съѣздѣ проф. В. Ѳ. Миллера съ изложеніемъ причинъ, по которымъ при секціи географіи, этнографіи и антропологіи впервые организуется подсекція этнографіи. Опредѣлено принять къ свѣдѣнію.

VIII.

Доложено письмо А. А. Дьякова по поводу заключительнаго примѣчанія В. Л. Котвича къ «Воспоминаніямъ илійскаго сибинца о дунганско-таранчинскомъ возстаніи», переведеннымъ А. А. Дьяковымъ и напечатаннымъ въ XVIII томѣ «Записокъ» Отдѣленія. Опредѣлено: передать письмо В. Л. Котвичу.

VIII.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества слѣдующихъ изданій:

1) L. de la Vallée Poussin. Bouddhisme. Paris 1909 (отъ издателей G. Beauchesne et C-ie, для рецензіи).

2) B-on Carra de Vaux. La doctrine de l'Islam. Paris 1909 (также).

3) Л. Ѳ. Богдановъ. Персія. Пособіе для слушателей курсовъ востоковѣдѣнія. С.-Пб. 1909 (отъ автора).

4) А. Рудневъ. Памяти Отто Доннера (отд. оттискъ изъ № 14 журнала «Финляндія»; отъ автора).

5) П. А. Ровинскій, Изъ Нерчинска въ Китай съ караваномъ въ 1871—72 гг. (отд. оттискъ изъ «Сборника въ честь семидесятилѣтія Г. Н. Потанина»; отъ А. Д. Руднева).

6) И. Матанцевъ. Описаніе путешествія отъ города Урумчи въ Чжунгаріи, черезъ пустыню Гоби, на серебряный рудникъ Гюрджи въ Монголіи (отд. оттискъ изъ «Извѣстій И. Р. Геогр. Общ.», т. XLII; отъ автора; 2 экземпляра).

7) К. А. Иностранцевъ. Объ одной группѣ статуэтокъ въ мусульманской археологіи и ихъ возможной датировкѣ. С.-Пб. 1909 (отъ автора).

8) Id. Персидская литературная традиція въ первые вѣка ислама (отд. оттискъ изъ Записокъ Имп. Акад. Наукъ по истор.-фил. отд., VIII серія, т. VIII, вып. 4; также).

9) Id. Обычаи прикаспійскаго населенія Персіи въ X-мъ вѣкѣ (отд. оттискъ изъ журнала «Живая Старина» 1909, вып. II—III; также).

10) А. Н. Самойловичъ. Изъ туркменской старины (отд. оттискъ изъ «Сборника въ честь семидесятилѣтія Г. Н. Потанина»; отъ автора).

11) Id. Загадки закаспійскихъ туркменовъ (отд. оттискъ изъ журнала «Живая Старина», 1909, вып. II—III; также).

12 Id. Рецензіи на статьи А. Калмыкова «Хива» и А. А. Володина «Туркменская степь» (изъ журнала «Живая Старина» 1909, вып. I; также).

13) Id. Краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Ташкентъ, Бухару и въ Хивинское ханство (отд. оттискъ изъ «Извѣстій» Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, № 9; также).

14) Id. Два отрывка изъ «Хорезм-Намэ» (отд. оттискъ изъ «Записокъ» Отдѣленія, т. XIX; также).

15) Id. Матеріалы по среднеазіатско-турецкой литературѣ (отд. оттискъ изъ того же тома; также).

16) В. Бартольдъ. Къ вопросу объ уйгурской литературѣ и ея вліяніи на монголовъ (отд. оттискъ изъ журнала «Живая Старина» 1909, вып. II—III; отъ автора).

17) Id. Еще извѣстіе о Коркудѣ (отд. оттискъ изъ «Записокъ» Отдѣленія, т. XIX; также).

IX.

К. А. Иностранцевъ прочиталъ сообщеніе: «Къ вопросу о критикѣ Китāб-ал-Āйнъ».

Приводимыя въ 'Уӯн-ал-ахбāръ Ибн-Кутейбы цитаты изъ Китāб-ал-Āйнъ суть выдержки изъ сдѣланнаго Ибн-ал-Мукаффой въ VIII-мъ вѣкѣ арабскаго перевода сасанидской книги Āйн-нāмэ. Вѣрность этого положенія подтверждается въ частности одной изъ этихъ цитатъ, касающейся древне-персидскихъ повѣрій (см. 'Уӯн-ал-ахбāръ, ed. C. Brockelmann, II, ١٨٩ слѣд. и Зап. Вост. Отд., XVIII, 189 слѣд.). Сообщенія этой цитаты нужно возводить къ персидскому источнику какъ на основаніи ряда соображеній внутренней критики (см. Зап. Вост. Отд., XVIII, 202 слѣд.), такъ и на основаніи нижеслѣдующаго примѣра критики внѣшней. Среди древне-персидскихъ повѣрій упоминаются въ большинствѣ случаевъ параллельныя

примѣты о хорошей и дурной встрѣчѣ (см. Зап. Вост. Отд., XVIII, 192). Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія двѣ примѣты: первая считаетъ хорошимъ знакомъ встрѣчу съ животными, навьюченными пищей, соломой или навозомъ; вторая считаетъ дурнымъ знакомъ встрѣчу съ животными, нагруженными питьемъ, дровами и *собакой*. Принимая во вниманіе какъ смыслъ фразы, такъ и вышеотмѣченный параллелизмъ примѣтъ (въ частности параллелизмъ вьюка: пища — питье, солома — дрова), мы должны предполагать въ послѣднемъ наименованіи груза («собака») ошибочное чтеніе, хотя слово это и читается ясно въ арабскомъ текстѣ. Исходя изъ мысли о персидскомъ оригиналѣ текста, мы переводимъ арабское слово الكلب (собака) на персидскій соотвѣтствующимъ словомъ سگ и путемъ коньектуры въ основномъ персидскомъ текстѣ получаемъ слово, какъ весьма сходное со словомъ سگ по произношенію и начертанію, такъ и вполнѣ подходящее по смыслу къ данному мѣсту фразы. Слово это سنگ и означаетъ «камень». Замѣняя это слово арабскимъ въ наличномъ текстѣ, мы должны перевести его الحجر, словомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ الكلب ни по начертанію, ни по произношенію. Вѣрность этой коньектуры подтверждается сходной ошибкой въ пехлевійскомъ текстѣ VIII-го фаргарда Вендидада (J. Darmesteter, Le Zend-Avesta, II, 120, n. 13), гдѣ слово «камень» ошибочно выражено означающей слово «собака» арамейской идеограммой «кельба». Вѣроятно эту-же ошибочную идеограмму встрѣтилъ въ персидскомъ текстѣ и Ибн-ал-Мукаффа, прямо транскрибировавшій ее арабскими буквами. Такимъ образомъ, онъ не ввелъ въ свой переводъ коньектуру, тѣсно связанную съ имъ-же формулированной и подтвержденной примѣрами (Фихристъ, ١٤) теоріей *хузвареша* (означенія въ пехлевійскомъ письмѣ ряда персидскихъ словъ арамейскими). Теперь, при этой коньектурѣ мы имѣемъ *въ арабскомъ переводѣ примѣръ арамейской идеограммы основного пехлевійскаго текста* [1]).

X.

А. И. Ивановъ прочиталъ сообщеніе: «Буддійскій каменописный памятникъ Восточнаго Туркестана» [2]).

XI.

Н. И. Веселовскій прочиталъ сообщеніе: «Объ альбомѣ А. А. Боголюбова (Ковровое производство въ Средней Азіи [3])».

1) Докладъ напечатанъ въ ZDMG, Bd. LXIV, S. 126 f.

2) См. ниже стр. 0149—0153.

3) Будетъ напечатано въ «Запискахъ» Отдѣленія, и потому содержаніе здѣсь не излагается.

Засѣданіе 29 октября 1909 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены - сотрудники: секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, М. Г. Деммени, кн. И. А. Джаваховъ, А. И. Ивановъ, А. Е. Любимовъ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, А. Н. Самойловичъ, А. А. Спицынъ, гр. И. И. Толстой.

Гости: Б. Я. Владимірцовъ, Б. И. Карлгренъ, Н. В. Кюнеръ, И. Ю. Марконъ, С. В. Недачинъ, Вс. С. Платоновъ, А. А. Ромаскевичъ, С. Б. Смогоржевскій, Г. Ѳ. Смыкаловъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 24 сентября.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ сообщилъ о выходѣ въ свѣтъ 1-го выпуска XIX тома «Записокъ» Отдѣленія.

III.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества слѣдующаго изданія:

И. Крачковскій. Списокъ трудовъ барона В. Р. Розена. С.-Пб. 1909 (отд. оттискъ изъ приложенія къ XVIII тому «Записокъ» Отдѣленія; отъ автора).

IV.

А. А. Спицынъ прочиталъ докладъ: «Предметы китайской культуры въ русскихъ древностяхъ».

Докладчикъ изложилъ свои наблюденія, по которымъ среди средне-азіатскихъ вещей XIII—XV вв. имѣются какъ подлинныя китайскія издѣлія, такъ и подражанія имъ, что ближе всего объясняется вкусами новыхъ властителей края, монголовъ, издавна привыкшихъ къ китайской культурѣ. Китайское вліяніе сказывается на цѣлыхъ разрядахъ вещей: серебряной и золотой посудѣ, золотыхъ поясахъ и бляшкахъ, коврахъ, браслетахъ, зеркалахъ, гау (амулетокъ). Такія древности цѣликомъ перешли въ Золотую Орду; онѣ были найдены въ Царевѣ, Болгарахъ, черкесскихъ курганахъ, мордовскихъ могильникахъ, въ татарскихъ курганахъ на Днѣпрѣ и на берегу Чернаго моря. Въ Сибири сказывается весьма сильное китайское влія-

ніе въ вещахъ VI—VIII вв. (клады и могильники) и въ мѣдной Минусинской культурѣ. Сообщеніе было иллюстрировано значительнымъ количествомъ рисунковъ вещей и новымъ кладомъ золотыхъ вещей изъ подъ Томска. Попутно была развита мысль, что въ основѣ завоеваній Чингисъ-хана лежатъ, быть можетъ, въ большой степени культурныя стремленія.

V.

Въ преніяхъ по поводу прослушаннаго доклада приняли участіе А. И. Ивановъ, указавшій, что помимо вліянія китайскаго искусства на западно-азіатское есть также примѣры обратнаго вліянія, и гр. И. И. Толстой, выразившій мнѣніе, что нѣкоторыя особенности, въ которыхъ докладчикъ видѣлъ признаки китайскаго вліянія, въ дѣйствительности болѣе тѣсно связаны съ персидскимъ искусствомъ.

VI.

А. Н. Самойловичъ прочиталъ сообщеніе: «Антологія новѣйшей Хивинской поэзіи»[1]).

VII.

В. В. Бартольдъ прочиталъ сообщеніе: «Объ изданномъ въ Ташкентѣ «Сборникѣ постановленій шаріата»[2]).

Засѣданіе 26 ноября 1909 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, К. Г. Залеманъ, А. И. Ивановъ, В. Л. Котвичъ, А. Е. Любимовъ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, А. Н. Самойловичъ, бар. А. А. Сталь-фонъ-Гольштейнъ.

Гости: г. H. Williams, Б. Я. Владимірцовъ, Б. И. Карлгренъ, Н. Н. Мартиновичъ, С. В. Недачинъ, В. С. Платоновъ, А. Д. Романовъ, А. А. Ромаскевичъ, К. І. Симонолевичъ, С. Б. Смогоржевскій, Г. Ѳ. Смыкаловъ, М. Р. Фасмеръ.

---

1) См. ниже стр. 0198—0209.
2 См. ниже стр. 0191—0197.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 29 октября.

II.

Н. Н. Мартиновичъ, прочиталъ сообщеніе: «Нѣсколько словъ о турецкихъ рукописяхъ библіотеки Римской академіи наукъ».

Докладчикъ указалъ, что почти для всѣхъ болѣе значительныхъ собраній восточныхъ рукописей въ Италіи нынѣ существуютъ научно составленные каталоги: въ 1904 г. закончено начатое въ 1878 г. изданіе «Каталоговъ восточныхъ рукописей нѣкоторыхъ итальянскихъ библіотекъ» (Cataloghi dei codici orientali di alcune biblioteche d'Italia); кромѣ того два собранія описаны проф. Наллино (I manuscritti arabi, pers., siriaci e turchi della Bibl. Nazion. e della R. Academia delle Scienze di Torino. Torino 1900). Исключеніе составляютъ библіотеки Ватикана и Римской Академіи Наукъ. Докладчикъ, по недостатку времени, могъ ознакомиться только съ турецкими рукописями послѣдней библіотеки, которыхъ по карточному каталогу всего три:

1) А 26 (72 л. 4⁰); дата 1028 г. х. (1618 г. по Р. Хр.). Заключаетъ въ себѣ сочиненіе неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ «О чудесахъ земли и неба», раздѣленное на 15 главъ. Судя по языку (встрѣчается напр. форма повел. накл. на كل и غل) списана съ болѣе древней рукописи.

2) А 30 (104 л. 4⁰); дата 1093 г. х. (1682 г. по Р. Хр.). На подклеенномъ спереди листѣ написано: «Codex Turcicus continens Tractatus varios Theologicos juxta Doctrinam Maumetis». Подъ вліяніемъ этой записи рукопись очевидно, была отнесена къ турецкимъ; въ дѣйствительности она оказывается арабской.

3) А 37 (78 л. 8⁰ мал.); дата 20 джумади II 1037 (16 февр. 1628 г.). На подклеенномъ листѣ написано: «Joseph et Zelicha: Amasius et Amasia: carmen Turcicum compositum in urbe Mecca mense Romadano Anno Hegire 579». Далѣе приводится ссылка на Herbelot, т. I, стр. 374. На чемъ основано такое опредѣленіе мѣста и даты, непонятно; ссылка также оказываетса невѣрной. Докладчикъ считаетъ возможнымъ, что рукопись заключаетъ въ себѣ произведеніе османскаго поэта Хамди († 1509 г. по Р. Хр.) «Іосифъ и Зулейха».

III.

А. Е. Любимовъ прочиталъ докладъ: «Къ исторіи оффиціальной переписки между русскими и китайцами въ XVII вѣкѣ» [1]).

---

1) Докладъ будетъ напечатанъ въ «Запискахъ» Отдѣленія, и потому содержаніе здѣсь не излагается.

IV.

А. И. Ивановъ прочиталъ докладъ: «Къ вопросу о тангутскомъ языкѣ (Сися)».

Докладчикъ указалъ на важное значеніе результатовъ, добытыхъ экспедиціей П. К. Козлова, снаряженной И. Р. Географическимъ Обществомъ. Богатое собраніе рукописей и археологическихъ предметовъ, вывезенное экспедиціей, несомнѣнно прольетъ новый свѣтъ на культурную исторію сѣверо-западнаго Китая. Рукописи, насколько могло быть установлено до сихъ поръ, заключаютъ въ себѣ сочиненія буддійскаго, историческаго и лингвистическаго содержанія; въ большинствѣ случаевъ онѣ написаны на такъ называемомъ языкѣ Си-ся, что дастъ возможность установить характеръ какъ письма, такъ и языка, такъ какъ матеріалъ необычайно богатъ. Кромѣ того одно изъ вывезенныхъ сочиненій содержитъ китайскія слова и формы съ параллельной транскрипціей тангутскимъ письмомъ, причемъ значеніе словъ передается по-китайски и по-тангутски. Насколько можно судить по данному сочиненію, языкъ Си-ся состоялъ изъ словъ тибетскихъ, китайскихъ и такихъ, происхожденіе которыхъ опредѣлить пока трудно. Письмо Си-ся представляетъ иногда скорописную форму китайскихъ знаковъ, иногда же измѣненную форму послѣднихъ. Докладчикъ остановился также на значеніи этого памятника для выясненія исторіи китайскаго языка и письменности [1]).

Засѣданіе 17 декабря 1909 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго, присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, секретарь Отдѣленія В. В. Бартольдъ, К. Г. Залеманъ, А. И. Ивановъ, В. Л. Котвичъ, А. Е. Любимовъ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, А. Н. Самойловичъ.

Гости: Б. Я. Владимірцовъ, Н. Г. Маллицкій, В. С. Платоновъ, А. А. Ромаскевичъ, А. С. Славцевъ, С. Б. Смогоржевскій, Г. Ѳ. Смыкаловъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 26 ноября.

---

1) См. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ 1909 г., № 18 (15 дек.), стр. 1221 и слѣд.

II.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества слѣдующихъ изданій:

1) Л. З. Мсеріанцъ. Къ вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію Востока (изъ Изв. Отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XIII, кн. 4; отъ автора).

2) І. Я. Кондаковъ. Легенда о томъ, какъ царевичъ Махасадова сдѣлался Буддой, поднеся себя въ пищу голодной тигрицѣ. С.-Пб. 1909. (Труды Троицкосавск. Кяхт. Отд. Приамурск. отд. И. Р. Г. О., т. IX, вып. 2, 1906; отъ А. Д. Руднева).

3—7) Оттиски статей Н. И. Веселовскаго, Ѳ. Е. Корша, С. Ѳ. Ольденбурга, Г. І. Рамстедта и А. Н. Самойловича изъ «Сборника въ честь семидесятилѣтія Г. Н. Потанина».

III.

Н. Я. Марръ прочиталъ докладъ «Поѣздка въ Лазистанъ лѣтомъ 1909 года».

Теорія о родствѣ грузинскаго языка, собственно, ќарт̒скаго, съ семитическими, выдвинула на очередь вопросъ объ изученіи живыхъ говоровъ. Еще болѣе важно въ данный начальный моментъ разработки этой теоріи изученіе родственныхъ съ грузинскимъ другихъ яфетическихъ языковъ, хотя и не литературныхъ. Въ числѣ ихъ особый интересъ представляетъ наименѣе подвергавшійся вліянію грузинской рѣчи, къ тому же наименѣе извѣстный, лазскій или точнѣе ч̒анскій языкъ. Изученіе ч̒анскаго вмѣстѣ съ мингрельскимъ можетъ пролить болѣе яркій свѣтъ и на степень родства армянскаго, признаваемаго пока наукою чистымъ индоевропейскимъ, съ яфетическими, на дешифровку памятниковъ сузскаго языка, съ которымъ въ ч̒анскомъ именно намѣчаются наиболѣе характерныя родственныя морфологическія явленія, и на рядъ историческихъ вопросовъ, въ томъ числѣ и на вопросъ о реальной географической сценѣ, съ которою можно связывать легендарный разсказъ о походѣ аргонавтовъ.

Самый отчетъ о поѣздкѣ въ Турецкій Лазистанъ, имѣвшій главною цѣлью изученіе ч̒анскаго языка, докладчикъ разбилъ на три части: 1) краткое описаніе маршрута; 2) наблюденія и впечатлѣнія; 3) результаты лингвистической работы. Докладчикъ со студ. Н. Н. Тихоновымъ объѣхали всю береговую линію Турецкаго Лазистана и пѣшкомъ исходили ущелья Атинское и Абу-Ислы. Какъ путешествіе, такъ наблюденія и особенно работа фотографическаго аппарата сильно затруднялись недружелюбнымъ от-

ношеніемъ лазовъ, относившихся съ подозрѣніемъ къ занятіямъ докладчика. Въ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ были собраны болѣе или менѣе любопытныя свѣдѣнія о жизни малоизвѣстныхъ намъ лазовъ, подмѣчены нѣкоторыя черты и дано общее описаніе края. Особенное вниманіе было обращено на записываніе географическихъ названій, въ одномъ Атинскомъ ущельѣ свыше 62-хъ, совершенно не упоминающихся на существующихъ картахъ. Наконецъ, характеризована была ч̒анская рѣчь, оказавшаяся не нарѣчіемъ, а самостоятельнымъ языкомъ о двухъ нарѣчіяхъ съ нѣсколькими говорами и подговорами; указано было вліяніе какъ родственнаго грузинскаго, такъ отчасти армянскаго, а особенно греческаго и турецкаго языковъ. Въ итогѣ почти мѣсячнаго изученія этого любопытнаго, нынѣ вымирающаго языка, получилась грамматика его съ маленькой хрестоматіей и словаремъ. Общій лингвистическій результатъ поѣздки, по мнѣнію докладчика, — поправка, вносимая въ родословную таблицу яфетическихъ языковъ, въ частности признаніе мингрельскаго и ч̒анскаго не двумя нарѣчіями одного языка, а двумя языками, составляющими особую, тубалкайнскую группу.

МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Матеріалы по среднеазіатско-турецкой литературѣ.

I. Краткая опись среднеазіатскихъ рукописей собранія А. Самойловича.

Предисловіе.

I.

Не надѣясь въ ближайшемъ будущемъ подробно заняться разработкой литературныхъ матеріаловъ, вывезенныхъ мною изъ Средней Азіи въ 1902, 1906-7 и 1908 годахъ[1]), я рѣшилъ обнародовать краткую имъ опись и сказать предварительно нѣсколько словъ о содержаніи этихъ матеріаловъ, объ ихъ языкѣ и объ ихъ творцахъ.

Мое собраніе рукописей заключаетъ въ себѣ преимущественно памятники *туркменской* литературы и свидѣтельствуетъ о томъ, что у туркменовъ, не смотря на крайнюю незначительность распространенія среди нихъ грамотности, имѣлись и имѣются литературные дѣятели помимо знаменитаго и уже полулегендарнаго Махтум-Кули[2]). Конечно, туркменская литература, представленная почти исключительно поэзіей, не можетъ не носить на себѣ печати малограмотности и малокультурности своего народа. Туркменскіе поэты занимаютъ среднее мѣсто между казакъ-киргизскими

---

1) Отчеты о двухъ послѣднихъ путешествіяхъ см. въ З. В. О., XVIII, стр. XVIII и Извѣстіяхъ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, № 9, а о первомъ (студенческомъ) путешествіи см. въ Отчетахъ о состояніи и дѣятельности И. Спб. Университета за 1902 г., стр. 71, и за 1903 г., стр. 73—74 «Записки о наградахъ».

2) Проф. Г. Вамбери назвалъ сборникъ пѣсенъ Махтумъ-кули «das einzige Specimen turkomanischer Literatur». Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machdumkuli's, Z. D. M. G. т. 33, стр. 391.

импровизаторами и образованными писателями Ташкента, Ферганы, Кашгара или Хивы, причемъ отдѣльные поэты болѣе или менѣе приближаются къ первымъ или послѣднимъ въ зависимости отъ степени своей просвѣщенности и даровитости.

На основаніи своихъ личныхъ наблюденій въ Туркменіи я считаю себя въ правѣ повторить за проф. Г. Вамбери[1]), что чисто-народная литература у туркменовъ крайне бѣдна, особенно въ области пѣсни; туркмены поютъ *искусственные* стихи своихъ и чужихъ поэтовъ, «народныхъ поэтовъ», которыхъ, вопреки взгляду проф. М. Гартманна, вѣрно, по моему, представляетъ проф. Г. Вамбери: дѣйствительно, «Eine speciell mittelasiatisch-türkische Geistesrichtung ist eigentlich nur bei den Volksdichtern ....anzutreffen, in deren Gedichten sich jener Geist der Poesie *einigermassen* (курсивъ нашъ) wiederspiegelt, den wir bei den schlichten Nomaden auf der Steppe bewundern» [2]). Но не въ одномъ только настроеніи, а и въ языкѣ, и въ формѣ стиха, и въ метрикѣ вижу я у народныхъ поэтовъ Средней Азіи вообще и Туркменіи въ особенности болѣе или менѣе замѣтное проявленіе ихъ народности. Въ этомъ отношеніи народные среднеазіатскіе поэты напоминаютъ османскихъ поэтовъ эпохи пробужденія въ османской литературѣ національнаго направленія [3]).

Какъ для поэтовъ изъ образованнаго общества Средней Азіи недосягаемымъ образцомъ до сихъ поръ служитъ Мир-Али-Ширъ Неваи, вѣрный передатчикъ персидской поэзіи и по духу, и по формѣ, и по содержанію, — такъ для народныхъ поэтовъ, и только для нихъ, великимъ, но не единственнымъ вдохновителемъ является Ахмедъ Ясеви, въ твореніяхъ котораго турецкій духъ *чувствуется*, несмотря на то, что и онъ подражалъ персидской поэзіи [4]). Скажу коротко, что языкъ у *народныхъ* поэтовъ

---

1) Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen, стр. 408.

2) Вамбери въ W. Z. K. M. т. VI, Zwei moderne centralasiatische Dichter, Munis und Emir, стр 197. Гартманнъ: M. S. O. S. B., т. V, отд. II, Der čaghataische Diwan Hüwedā's, стр. 134, сноска 1; Der islamische Orient, I, стр. 147, сноска 1, стр. 155, сноска 2. — Многоточіе въ нашей цитатѣ замѣняетъ рядъ собственныхъ именъ, изъ коихъ не всѣ принадлежатъ среднеазіатскимъ народнымъ поэтамъ, какъ утверждаетъ проф. Г. Вамбери и въ Türkenvolk'ѣ, стр. 409. Извѣстно, что Фузули—адербейджанскій поэтъ, весьма популярный и въ Туркестанѣ, а что тоже всюду въ Средней Азіи извѣстный и любимый поэтъ Бидиль писалъ только по-персидски; изъ остальныхъ поэтовъ не всѣ являются *народными*.

3) A history of Ottoman poetry by E. J. W. Gibb. т. I, стр. 29, 70, 130—131.

4) Произведенія первой категоріи составляютъ литературу такъ называемую *джагатайскую*; вторую категорію также нельзя относить къ джагатайской литературѣ, какъ къ послѣдней не относится شجرهٔ ترك Абульгази, который самъ говоритъ: بو تاریخنی بخشی و یمان بارچەلاری بیلسون تیب ترکی تیلی بیرلان آیتدیم ترکی‌نی هم آنداق آیتب من کیم بیش یاشار اوغلان توشونور بیر کلمه جغتای ترکی سندین وفارسیدین وعربی‌دین قوشمای من روشن بولسون تیب (Изданіе Демезона, ٣٧, 2 св.) — О терминѣ جغتای,

Средней Азіи прежде всего отличается *сравнительной* простотой, не будучи пресыщенъ еще не вошедшими въ народный обиходъ арабскими и персидскими словами и оборотами, а затѣмъ, особенно у туркменскихъ поэтовъ, болѣе чѣмъ языкъ образованныхъ писателей, отражаетъ въ себѣ мѣстное нарѣчіе; *сравнительно* простъ и стиль: описаніе дѣйствій, состояній и чувствованій не отодвинуто совсѣмъ на задній планъ погоней за вычурными, хитроумными, эффектными, но мертвыми фразами; блестки простого, неутонченнаго турецкаго юмора, подчасъ довольно ядовитаго, и незатѣйливой народной мудрости, иногда выраженной прямо въ видѣ пословицы, наконецъ проявленіе грубой дикости, напримѣръ, при восхищенномъ описаніи ужасныхъ боевыхъ сценъ, — также характеризуютъ творенія среднеазіатскихъ народныхъ писателей. Особенно типичны въ этихъ твореніяхъ метръ стиха и его форма. Начиная съ Ахмеда Ясеви, стихъ народныхъ среднеазіатскихъ поэтовъ не кантитативный, а слоговой, только съ болѣе или менѣе удачнымъ приближеніемъ къ кантитативному стиху персидскому; преобладаютъ стихи 11-ти, 8-ми и 7-ми слоговые, которые мы наблюдаемъ и въ чисто народныхъ пѣсняхъ отъ Байкала до Босфора. Излюбленная форма стиха среднеазіатскихъ народныхъ поэтовъ это—четверостишіе, про которое акад. В. Радловъ, примѣнительно тоже къ чисто-народной пѣснѣ, выразился: «die vierzeilige Strophe ist die verbreiteste von allen Versarten; in allen Liedern, sowohl in Improvisationen wie auch in historischen Liedern ist sie fast ausschlieslich allein angewendet» [1]). Слѣдуетъ отмѣтить, что названіе غزل — «газаль» среднеазіатскіе народные поэты прилагаютъ ко всѣмъ своимъ стихотвореніямъ-пѣснямъ безъ различія ихъ формъ [2]).

II.

При описаніи каждой рукописи я указываю: 1) — число листовъ, размѣръ листа полностью и части его, занятой текстомъ, въ сантиметрахъ; число строкъ на страницѣ; 2)—мѣсто, время и способъ пріобрѣтенія рукописи; 3)—сообщаю данныя о состояніи рукописи, объ ея бумагѣ, переплетѣ,

---

подлежащемъ еще детальному выясненію съ привлеченіемъ туземныхъ источниковъ, см.: Čagataische Sprachstudien von H. Vámbéry, стр. 1; Турецкія нарѣчія и литературы, П. Меліоранскаго въ Энцикл. Слов. Брокгауза и Эфрона, 34, стр. 161; Martin Hartmann, Der islamische Orient, Band. I, стр. 143 и 148. — Въ поэмѣ *Шейбани-намэ* (изд. Меліоранскаго, стр. ٢١١) имя جغتای встрѣтилось мнѣ *одинъ* разъ, причемъ оно, какъ и у персидскихъ историковъ, противоставляется имени اوزبك (стихи 119—120).

1) Ueber die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren въ Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, IV, 103.

2) См. Dutreuil de Rhins. Mission Scientifique dans la Haute Asie. Vol. III par Grenard, стр. 81.

характерѣ письма, о переписчикѣ, объ ея возрастѣ; 4)—привожу содержаніе рукописи съ выдержками изъ нея и со сылками на другіе извѣстные списки или изданія того же сочиненія. Первый отдѣлъ описанія я иногда сокращаю во второй его половинѣ, если рукопись не представляетъ хотя-бы приблизительнаго единства въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ какъ по объему текста, такъ и по числу строкъ на каждой страницѣ. Почеркъ во всѣхъ рукописяхъ, кромѣ № 32, среднеазіатскій, насталикъ. Объ оттѣнкахъ языка предлагаю судить по выдержкамъ.

Въ 34-хъ моихъ рукописяхъ содержится 61 отдѣльное сочиненіе полностью или въ отрывкахъ, не считая молитвъ и другихъ мелочей. Прозой написано 10 сочиненій, прозой и стихами — 7, а одними стихами — 44. По содержанію мой матеріалъ распредѣляется такъ:

а) Исторія и легенды: 1) №№ 12 и 26_3; 2) 13_1; 3) 14; 4) 23; 5) 32, *всего* 5.

б) Священныя преданія: 1) 5_3; 2) 5_4; 3) 5_5; 4) 5_6; 5) 5_7; 6) 5_8; 7) 17; 8) 31_1, *всего* 8.

в) Религіозно-поучительныя и религіозно-бытовыя сочиненія: 1) 5_2; 2) 5_9; 3) 16; 4) 29; 5) 30_2; 6) 31_2; 7) 30_3, *всего* 7.

г) Сборники стихотвореній и извлеченія изъ этихъ сборниковъ: 1) Махтум-Кули, 1—4, 6_1, 15_{v}; 2) Талиби, 1_2, 3_2, 6_9, 8_2; 3) Зелили, 6_7; 4) Садыкъ, 6_8; 5) Ма'руфи, 6_5, 15_{vi}; 6) Мескин-Клычъ, 7, 8_1, 15_{ii}, 24; 7) Молла-Нефесъ, 9; 8) Кöр-Молла, 10—11; 9) Алла-берди-Хырра-бегъ, 15_{iii}; 10) Ак-Молла, 15_{iii}; 11) Метаджи, 8_3, 15_{iii}, 25; 12) Бендэ-Мурадъ, 15_{iv}; 13) Зунуби, 15_{iv}; 14) Кеминэ, 15_{vi}; 15) Мешребъ, 19_1; 16) Хаксаръ, 19_2; 17) Фузули, 19_3; 18) Хувейда, 19_4; 19) Анна-Джанъ, 20_1; 20) Ата-бай, 20_4; 21) Дурды-Шагыръ, 26_1, 27; 22) Молла-Мирза, 26_2; 23) Фиркатъ, 28; 24) Даван-Шагыръ, 13_2; 25) Карра-Огланъ (Шагыръ), 13_2; 26) Ходжели-Молла, 15_{iii}, 15_{iv}; 27) Эзберъ, 20_5; 28) Нури-Шагыръ, 20_5; 29) Иль-Гельди, 22_2; *всего* 29.

д) Отдѣльныя стихотворенія неизвѣстныхъ авторовъ: 1) 20_2; 2) 20_3; 3) 34_1; 4) 34_2; *всего* 4.

е) Разсказы: 1) 6_2; 2) 6_3; 3) 6_4; 4) 15_{ii}; 5) 18; 6) 22_1; 7) 22_3; 8) 22_3, *всего* 8.

Кромѣ 61 сочиненія имѣются еще 2 сказки (рук. 21), нѣсколько пословицъ и загадокъ (рук. 6) и каллиграфическій сборникъ (рук. 33).

Отдѣльныхъ авторовъ въ моемъ собраніи 38. Изъ не-туркменовъ въ европейской литературѣ извѣстны: Абульгази (32), Ашык-паша (29), Фузули (19_3), Мешребъ (19_1), Хувейда (19_4, 31_2), Садыкъ (6_8, 18),

Фиркатъ (28), Бехадуръ (311)[1]; неизвѣстны: Мулла-Гаибъ (6), Бахри (18), Дост-Али (18), Хаксаръ (192), Молла-Мирза (262). Остальные 25 авторовъ всѣ—туркменскіе поэты разныхъ племенъ. Ниже я перечисляю всѣхъ *вообще* туркменскихъ поэтовъ, которыхъ я знаю или по разспроснымъ свѣдѣніямъ, или изъ писемъ Ходжели-Моллы, по даннымъ-ли путешественниковъ, или изъ восточныхъ рукописей, — и привожу все мнѣ извѣстное про каждаго изъ нихъ[2]).

А. — Туркменскіе поэты неизвѣстныхъ племенъ.

1) Ахсан-шейхъ или Дана-ата[3]).

Этотъ поэтъ мнѣ встрѣтился въ рукописи Ходжели-Моллы, заключающей въ себѣ передѣлку сочиненія Абульгази شجرۀ تراكمه [4]); передѣлка выразилась, между прочимъ, въ рядѣ вставокъ прозой и стихами. Имя Ахсан-шейха стоитъ въ концѣ стихотворенія اوغوزنامه, т. е. стихотворной туркменской генеалогіи, начиная съ сыновей Огузъ-хана. Стихотворенію предшествуютъ вводныя слова (f. 18 a, 6 св.):

القصه‌كون خانينك اوغوزخانينك اتا كيندين يايلغان فرزندلارنينك اتلارنى ايتالينك احسان شيخ يعنى دانه اتا رحمة الله عليه .....دين بوليب اوغوز نامه ايتيب تورور جمع سيلخانغه بزدين يديكار (sic!) قالسون تيب تاكا (sic!) انى كوريب اصل نسللارين بيلسونلار تيب بولارنينك شانينه نظم قيلديلار

Начало стиховъ:

اوغوز خاندين ايريلمشام كل سيلخان يولاتميز[5]
بر اتادين يايلمشام يوقتور سوزدا يلاتمز

---

1) Мешребъ и Садыкъ представлены въ مجمعه الشعرا Омаръ хана, см. M. Hartmann, Buchwesen in Turkestan, M. S. O. S. B. т. VII, отд. II, стр. 92, №№ 86 и 94. Библіографическія данныя о Мешребѣ см. также въ моей замѣткѣ «Туркменскій поэтъ-босякъ Кöръ-Молла», Живая Старина, IV вып. 1907 г. и M. Hartmann, Der islamische Orient, Band I, стр. 328. О Фиркатѣ см. Н. П. Остроумовъ, Сарты. Этнографическіе матеріалы, изд. III, стр. 93, 97, 105—117 и З. В. О., VIII, стр. 129. О Бехадурѣ см. Mél. As. X, 2, p. 280, N 11.

2) Поэты, представленные въ моемъ собраніи, отмѣчены звѣздочкой; номера рукописей указываются только при тѣхъ поэтахъ, которые не упомянуты выше въ отдѣлѣ г).

3) Судя по второму имени, можно думать, что этотъ поэтъ былъ изъ племени Ата, см. поэта № 44 и ср. поэта № 43.

4) См. мою замѣтку «По поводу изданія Н. П. Остроумова «Свѣточъ Ислама», З. В. О. XVIII, стр. 0161, сн. 4.

5) Чит. ايلاتمز?

Всего четверостишій — 18; послѣднее:

پیر دور دیرلار بابامیزی نامه ایجره راستدور سوزی
احسان بابا دیرلار بزی ابول خاندور اوراغیز

*2) Зунуби — ذنوبی; *3) Бендэ-Мурадъ; 4) Ораз-Менгли — اوراز منکلی; упоминается въ одной изъ пѣсенъ Махтум-Кули [Прилож., № 47, см. слѣдующ. вып. З. В. О.]; *5) Куль-Юсуфъ (53); *6) Мескин-Али (54).

Б. — Текинскіе поэты.

а) Поэты Ахала.

*7) Талиби—طالبی, изъ рода Аманша; умеръ давно, но до сихъ поръ живетъ въ памяти народныхъ пѣвцовъ, какъ выдающійся поэтъ (г+221).

*8) Иль-Гельди—ایل کیلدی, изъ аула Кызылъ-Арватъ.

*9) Метаджи[1])—محتاجی, изъ рода Аманша, аула Кöши; настоящее имя его было Анна-Клыч-Молла; умеръ онъ черезъ 4 года послѣ паденія Гöкъ-Тепе, 62 лѣтъ отъ роду.

*10) Шейдаи—شیدایی, изъ рода Аманша. Три его пѣсни изданы проф. Березинымъ въ его Турецкой хрестоматіи, II, 1, стр. 88: «Туркменскія пѣсни», №№ 1, 9, 10; одинъ изъ выдающихся поэтовъ; умеръ давно.

11) Караджоглан, Karajoglan. Ему приписываются пѣсни I — V изданія Ходзько Specimens of the popular poetry of Persia (Лондонъ, 1842, въ The Or. Transl. Fund).

*12—13) Катиби—کاتبی, поэтическое прозвище Ходжели-Моллы[2]) и еще одного поэта, пѣсни котораго записаны мною въ русской транскрипціи.

*14) Ак-Молла —اقملا, Мулла Нур-берди-хана.

*15) Алла-берди Хыра-бегъ—الله بردی خره بك из аула Бами.

б) Поэты Мерва.

*16) Кемінэ — کمینه. Ходзько сообщилъ одну его пѣсню подъ № XI; одна пѣснь имѣется въ рукописи Имп. Публичной Библіотеки, по рукописному каталогу IV—2—69 (г+221).

*17) Даван-Ша'ыръ دوان شاعر изъ рода Гöкча. Былъ неграмотенъ (г+12).

---

1) *Туркм.* произношеніе мäтаџі ср. съ *ташк.-сарт.* балант (перс. بلند — *высокій*), *хив.-сарт.* мäһкäм (араб. محکم—*крѣпкій*), *ташк.-сарт.* хатна (араб. ختنه — *обрѣзаніе*).

2) О немъ см. вышеназванную (стр. 05, сн. 4) мою замѣтку, стр. 0159, сн. 4.

*18) Молла-Нефесъ ملا نفس, векилецъ рода Язы. Былъ ученымъ человѣкомъ и кромѣ дивана написалъ, по разсказамъ, двѣ поэмы: «Зехра и Таһір» и «Баба-Реушан».

*19) Дурды-Ша'ыръ توردی شاعر, сычмазецъ рода Кара-Ахмедъ.

20) Баба-Ша'ыръ بابا شاعر, векилецъ рода Гёкча. Отрывокъ одной его пѣсни записанъ мною въ русской транскрипціи.

21) Бабыш-Ша'ыръ, подъотдѣла Бегъ, рода Кара-гёкча.

22) Сакар-Молла, утомышецъ подъотдѣла Бахшы, рода Топазъ; авторъ «Теке-намэ» и отецъ Кёр-Моллы.

*23) Кёр-Молла. О немъ и его отцѣ я писалъ въ Живой Старинѣ 1907 г., вып. IV: «Туркменскій поэтъ-босякъ Кёръ-Молла, и его пѣсня о русскихъ».

24) Бай-Мухаммедъ. Его пѣсню сообщилъ въ описаніи своего путешествія А. Борнсъ[1]), а Марвинъ затѣмъ перепечаталъ въ своей книгѣ «Merv, the Queen of the World, стр. 117 (Лондонъ, 1881).

В. — Іомудскіе поэты.

*25) Шаһ-бендэ; образцы его поэзіи имѣются въ рук. Имп. Публичной Библіотеки, по рукописному каталогу IV—2—69 (221); изъ рода Коджукъ.

*26) Анна-джанъ.

*27) Ата-бай.

*28) Нури-Ша'ыръ; о немъ имѣется замѣтка въ Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. VII: Разсказы и стихи тюркменскаго пѣвца Нури (съ острова Челекена), 1870 г. А. К.

*29) Эзберъ.

Г. — Сарыцкіе поэты.

*30) Карра-Шагыръ, рода Байрачъ; умеръ послѣ прихода русскихъ.

31) Арна-Сатлыкъ[2]), рода Хорасанли; умеръ до прихода русскихъ.

32) Баба-Шаjыръ, рода Байрачъ; умеръ до прихода русскихъ.

33) Джума-Шаjыръ, рода Байрачъ.

34) Гарра-Шаjыръ[3]), рода Суюнъ-Али-Беденгъ; живъ.

---

1) Travels into Buchara, изд. 1839 года, т. III, стр. 90.

2) *Сарыцк.* арна соотвѣтствуетъ *текинск.* анна и *перс.* ادينه, اذينه (ср. *чуваш.* äрнä).

3) Тезка поэта № 30. *Гарра* и *карра* туркм. произношеніе слова قره *черный*; арабск. شاعر, какъ видно изъ моего перечня, произносится туркменами и *ша'ыр*, и *шагыр*, и *шаjыр*.

Д. — Гӧкленскіе поэты.

35) Деулет-Мухаммед-Молла, по прозванію Азади, отецъ Махтум-Кули, изъ рода Гӧркезъ. Авторъ нравоучительнаго وعظ آزادی—مثنوی имѣющагося у Ходжели-Моллы. Жилъ въ XVIII вѣкѣ[1]).

*36) Махтум-Кули. Къ литературѣ о немъ, сообщенной мною въ статьѣ «Туркменскій поэтъ-босякъ Кӧръ-Молла» (Живая Старина, 1907, вып. IV, стр. 2 отдѣльнаго оттиска) слѣдуетъ прибавить изданіе Н. П. Остроумова[2]).

*37) Молла-Зелили — ذلیلی изъ рода Гӧркезъ. Упоминается въ Обзорѣ Закаспійской области за 1882—90 года, стр. 42 (г+22і).

Е. — Емрелинскіе поэты.

*38) Ма'руфи — معروفی[3]). Одна его пѣсня напечатана въ Турецкой хрестоматіи проф. Березина, подъ № 14; жилъ въ Ахалѣ, въ XVIII вѣкѣ.

39) Чары-Шагыръ, изъ рода Такырдынгъ, живетъ нынѣ среди хивинскихъ емрели.

Ж. — Поэты мелкихъ туркменскихъ племенъ.

40) Абду-с-Саттар-казы, изъ племени Махтумъ; объ немъ я уже сообщалъ въ своей замѣткѣ: «Книга разсказовъ о битвахъ текинцевъ», Зап. В. Отд. XVI, стр. 0201.

41) Дост-Мамедъ, анау'скій житель (ӓнӓÿlі). Его пѣсни мною записаны въ Ахалѣ въ 1902 г. въ русской транскрипціи.

42) Доулет-Яр-бегъ изъ племени Али-Эли; жилъ въ Кахка. Березинъ издалъ въ своей хрестоматіи 5 его пѣсенъ №№ 7, 8, 11, 12 и 15. Ходжели-Молла утверждаетъ, что этотъ поэтъ — узбекъ изъ Хивы, переселившійся къ текинцамъ. Въ Хивѣ извѣстенъ поэтъ Доулет-Яръ, узбекъ-конградъ. Возможно, что два поэта носили одно и тоже прозвище.

43) Сейид-Ходжа изъ племени Ходжа; образецъ его поэзіи имѣется въ рукописи Имп. Публичной Библіотеки, по рукописному каталогу IV—2—69.

---

1) См. мою замѣтку „По поводу ... «Свѣточъ Ислама»", стр. 0159, сн. 4, и протоколы засѣданій Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. въ З. В. О. XVIII, стр. XIX.

2) См. мою замѣтку: По поводу изданія Н. П. Остроумова «Свѣточь Ислама» стр. 0158, сн. 4.

3) Звукъ *ф* въ туркм. говорахъ отсутствуетъ и замѣняется въ заимствованныхъ словахъ звукомъ *п*; исключаются звукоподражанія, напримѣръ *кӱф* (произносится въ концѣ заклинаній, когда *дуновеніемъ* изгоняютъ нечистую силу). Поэтому произносятъ *Марупи*, *Непес*.

*44) Мескин-Клычъ изъ племени Ата; настоящее имя его было Молла-Клычъ; родился онъ въ Хивѣ, затѣмъ жилъ среди кочевыхъ іомудовъ, а кончилъ свои дни года 4—5 тому назадъ на берегахъ Гургена, въ гökленскомъ аулѣ Клычъ-Ишана, приблизительно 60 лѣтъ отъ роду. Выдающійся поэтъ.

Туркменскихъ поэтовъ, о которыхъ мнѣ не удалось отыскать никакихъ данныхъ, очень мало, но за то всѣ собранныя данныя, къ сожалѣнію, слишкомъ кратки и — главное — бѣдны хронологическими датами: о большинствѣ поэтовъ извѣстно только, что они уже умерли или еще живы. — Впрочемъ я не пишу исторіи туркменской литературы, а спѣшу обнародовать свѣдѣнія о тѣхъ матеріалахъ, которые мнѣ удалось самому собрать на мѣстахъ и которыми я охотно предложу пользоваться всякому, кто ими заинтересуется. Самую безпощадную критику моихъ матеріаловъ и нѣкоторыхъ наблюденій приму съ радостью и благодарностью.

---

1. 84 ff. $21^1/_2 \times 16^1/_2$, 16×12 въ 13—16 строкъ.—Мервъ 1906 г.; подарокъ Мамедъ Оразова.—Новая рукопись, отчетливо написанная на русской бѣлой бумагѣ, въ одну синюю линейку; въ началѣ и концѣ — бумага гладкая бѣлая и безъ текста. Переплетъ кожаный, обклеенный зеленой бумагой, съ тисненіемъ. — На f. 71a дата ١٣١٤.

ff. 1—13a пусты.

1) ff. 13b—69b ديوان مختوم قلى въ 128 газелей. Первая газель начинается стихомъ[1]):

مغربدين مشرقه دنيانينك يوزى ديمانك بيزه معلوم دالدور بو دنيا

Послѣдняя газель начинается стихомъ:

اى يرانلار مسلمانلار كورينك بو حكم دادكيرى
كه مسجدده اولتورميشدور بر كون مرتضى على

2) ff. 69b—71a: два стихотворенія طالبى. Одно начинается такъ:

اى يرانلار مسلمانلار من بر عجب كانى كورديم
مصطفى‌نينك شريعتى بوزيلماز دوكانى كورديم

---

1) При выдержкахъ я поправляю мелкія погрѣшности въ написаніи арабскихъ и персидскихъ словъ *безъ оговорокъ*.

Другое:

يوقدين بيزى بارايتكان قدرتلى بيربارين تيليمنى كويا قيليب كوزكه بردى نظاريم

См. приложенiе къ настоящему описанiю: Алфавитный указатель пѣсенъ Махтум-Кули (будетъ напечатано въ слѣд. выпускѣ З. В. О.).

2. 41 ff. 20 × 12, 15 × 9 въ 11 строкъ.—Мервъ, августъ 1902 г.; подарокъ муллы Бай-Мухаммеда.—Старая рукопись, отчетливо написанная на восточной желтой бумагѣ. Рукопись безъ переплета и несшитая. Конца нѣтъ.

ff. 1b—41b ديوان مختوم قلى въ 55 газелей. Начало первой газели:

مغرب دين مشرقه دنيانينك يوزى ديمانك بيزه معلوم دالدور بو دنيا

Начало послѣдней газели:

فلك سنينك بو كزاكلى كردشينك بزينك سارى اوكرولمازمى كيلمازمى

Рукопись обрывается на 8-мъ стихѣ:

اولوم ظلمين آدم بوينونده قويسانك قورقوسيندين ساراريبان سولماز[مى]

3. 19 ff. 20 × 12, 15 × 9 въ 15 строкъ.—Мервъ 1906 г.; подарокъ Мамедъ Оразова.—Старая рукопись, довольно разборчиво написанная на восточной желтой бумагѣ. Между ff. 12 и 13 пропускъ; ff. 1—3 попорчены посрединѣ; верхнiй уголъ у большинства листовъ подмоченъ, причемъ задѣтъ и текстъ. Рукопись безъ начала и конца. Переплета нѣтъ, и рукопись не сшита.

1) ff. 1a—19b: отрывокъ изъ ديوان مختوم قلى въ 38 газелей. Первая пѣсня (безъ начала) имѣетъ одинъ и тотъ-же повторяющiйся 4-й стихъ:

منينك صاحب جمالنى كوردينكمى

Послѣдняя пѣсня начинается стихами:

كونكلوم ايتور خلقدين قاليب كزسام تاغ تاشلار بيلان

и обрывается на стихѣ:

دعا قيليب سحر وقتى نالش ايتسام قوشلار بيلان

2) Въ этой-же рукописи имѣется по одной пѣсни طالبى (f. 1a) и نفس (f. 18b).

Первая пѣсня начинается такъ (ср. рук. 8,2):

يكتلكننك زورى كتدى قولونكدين درد يمانى قريلك دور يرانلار

Вторая первымъ стихомъ имѣетъ слѣдующій:

صانع صنع برلان پیدا ایلادی   دست قدرتندین بولدی محمد

4. 4 ff. 35 × 22, 29 × 14½ въ 15—18 строкъ. — Подарено И. А. Бѣляевымъ, вывезшимъ рукопись изъ дельты Аму-Дарьи, отъ кара-калпаковъ въ 1903 г. — Рукопись совсѣмъ новая, на русской бѣлой бумагѣ, изъ отдѣльныхъ несшитыхъ листковъ; почеркъ размашистый, разборчивый; переплета нѣтъ.

ff. 1a—4b пѣсни مختوم قلی, числомъ 6. На f. 1a рукой И. А. Бѣляева помѣчено: Аулъ «Кырк Садак». На f. 2a имѣется заголовокъ:

قره قالفاق جراولاری نینك آیتاتورغان مخدوم قلی دیکان حکایتی

Начало первой пѣсни:

آدم بولسنك قولاق سالغیل اوکوت که   عالملار یانینده صحبت بخشی دور

Начало шестой пѣсни:

اویان غیل خواب غفلت دان   اجلسز اولان کونکلوم

5. 96 ff. 21 × 14, 16 × 10 въ 13 строкъ.—Островъ Челекенъ, аулъ Кара-Голъ, ноябрь 1906 г.; подарокъ Кыят-хана [1]).—Рукопись не новая, на желтовато-бѣлой бумагѣ; почеркъ ясный. Переплетъ кожаный, черный; рукопись порастрепалась, но текстъ невредимъ.

1) ff. 2a—3a: арабскія молитвы съ турецкими наставленіями;

ff. 3b—9a: чистые;

2) ff. 9b—54a: رونق الاسلام.

Начало:

شکر ادیب اول خالقی برله یلی   صانعینك صنعی نه دور سویلایلی

Конецъ:

وزن ایچینده مضبوط اولشدور بیات   فاعلات فاعلات فاعلات

تمت الکتاب بعون الملك الوهاب   والله اعلم بالصواب مmm

Съ боковъ вкось приписаны той-же рукой еще стихи; справа, вверхъ ногами:

لیت قندو لیت قندو لیت قند   حریدارم منم قیمت بوکو جند

اکر قیمت بوکویم راستی را   بخارا او حورثانو ثمرقند [2]

1) См. З. В. О. XVIII, стр. 0158—0159.

2) Безграмотное правописаніе здѣсь сохранено полностью.

Слѣва:

ختم يوقدور دوستلار عيب اتمانكزلار اوزينى سوك اتامنى سوكمانكزلار

Данныя о сочиненіи и рукописяхъ رونق الاسلام указаны мною въ моей замѣткѣ, упомянутой на стр. 05 (сноск. 4) предисловія къ настоящей работѣ.

ff. 54b—57a: пустые.

3) ff. 57b—77a: حنيفه قصّه‌سى въ стихахъ مثنوى. Авторъ — нѣкій قل يوسف Куль-Юсуфъ (f. 77a). Начало обычнаго предисловія къ поэмѣ:

اوّل الله ادينى ياد ايداليم سوزين اندين سونكره بنياد ايداليم

Сама поэма начинается словами:

خبر دور مصطفى‌دين بردى راوى كه قافدين قافه كتدى بلكه جاوى
اوقيااليم حنيفه قصه‌سنى كيدارسين كونكلمزينك غصه‌سنى

Поэма оканчивается на f. 76b на половинѣ стиха, конецъ котораго относится къ заключительнымъ стихамъ:

حقه شكر ايلاديلار ختم قصه كه كتدى كونكلمزدين جمله غصه
تمام اولدى بحمد الله بو دستان تازه كلدى بو كلستان
كراك قل يوسف سز ياد ايداسز دعا برله روحنى شاد ايداسز

4) ff. 77b—79a: كيك قصه‌سى — разсказъ изъ жизни Мухаммеда въ стихахъ مثنوى. Авторъ — مسكين على Мескин-Али. Начало стихотворенія:

كتاب ايجره ايلا كورديم بر حبيب اولتوروردى محراب ايجره سوكيب

Конецъ:

جونكه يازدى قصه‌نى مسكين على رحم قيل‌غيل يرلقاغيل يا غنى

5) ff. 79b—85a: قصه ابراهيم въ стихахъ مثنوى. Авторъ не называется. Начало:

اى جلب قادرسن اوشبو ايشلاره رحمة ايله بز قموغ قاليش‌لاره

Конецъ:

يوقسه عالم قيغويه يتمش دورور سندين اوترو جانلارين ايتمش دورور

ff. 84 пустой.

6) ff. 85b—88b: разсказъ въ стихахъ مثنوى объ удаленіи Мухаммеда въ пещеру. Авторъ неизвѣстенъ.

Начало:

ثنا للخالق اعلا اکبر . قیلور عالمنی بر مده منور

Конецъ:

دیدی تنکریم سنکا قیلدی عنایت همه آزاد بولدی عاصی امت

7) ff. 88b—91a: Муса-бен-Омранъ и птица, 400 лѣтъ поющая хвалу Богу на деревѣ близъ ручья. Разсказъ въ стихахъ مثنوی. Авторъ неизвѣстенъ.

Начало:

باسم خالقی حیی و توانا علیم و عالم و دانا بینا

Конецъ:

یزانی اوقویانی دینكلایانی رحم ایلاب برلقاغیل یا غنی

8) ff. 91a—92a: مثنوی, содержащее анонимный пересказъ одного хадиса о томъ, какимъ, по словамъ Мухаммеда, обращеннымъ къ Али, будетъ ребенокъ въ зависимости отъ дня и времени совокупленія его родителей.

Начало:

کل ای مؤمن جماعنینك وقتنی بیل رسول الله حدیث دور مونی بیل

Конецъ:

اخر عمرنده بولور اوشبو خراب یوق ایرسه طلاق والله اعلم بالصواب

ff. 92b—93a: пустые;

9) ff. 93b—94a: بیان فرق فرض, проза.

f. 94b: اعمار الانبیاء علیهم السلام. Дата ١٢٧٢.

f. 95a: даты нѣкоторыхъ священныхъ событій.

f. 95b: нѣсколько хадисовъ.

6. 8 ff. $22 \times 17^1/_2$, 17×14 въ 12—16 строкъ.—Петербургъ, 1907 г.; подарокъ Махтум-кули-хана. — Новая тетрадка безъ переплета, написанная то каламомъ, то стальнымъ перомъ, рукой Ходжели-Моллы. — Сборнаго содержанія.

1) f. 1b: пѣсня مختوم قلی, начинающаяся стихомъ:

کوب یکیتلار کلور کچار جهاندین نیتسنه کوره اقبال بولدی

Слѣдуютъ два отдѣльныхъ бейта.

2) f. 2: разсказъ про Пехлеван-ата Хивинскаго и блудницу, съ персидскимъ стихомъ и его толкованіемъ по-турецки; 3 отдѣльныхъ бейта.

3) f. 3: нѣсколько пословицъ (نقل) въ стихахъ; веселый анекдотъ со стихами про казакъ-киргизскаго мальчика, который впервые поѣхалъ путешествовать на необъѣзженномъ жеребенкѣ; пятистишіе о чаѣ.

4) ff. 3b—5b: разсказъ въ прозѣ и стихахъ о томъ, какъ въ Бухарѣ ученые приписали солнечное затменіе дурной дѣятельности музыкантовъ, сказителей, пѣвцовъ и поэтовъ и какъ поэтъ ملا غايب — Мулла Гаибъ разубѣдилъ въ этомъ эмира.

5) ff. 5b—6a: مخمس емрелинскаго поэта معروفى Ма'руфи въ подражаніе мухаммасу Муллы Гаиба.

اوّلا الله خدايدين بر مدار استار كونكل
چون عرصات يومدا عمال كران استر كونكل

6) ff. 6a—7a: отдѣльные бейты, пословицы, загадка (въ стихахъ).

7) ff. 7a—7b: двѣ пѣсни поэта ذليلى Зелили.

Начало первой:

بولاچق يكيت باشليقدين اول اوّل باشده بلّى دور

Начало второй:

مرد خذمت ايدار دوشمانه محنتلار دوستدين قچار

8) ff. 7b—8b: تعريف كتاب غزل صادق — восхваленіе книги, пѣснь Садыка; отдѣльные бейты.

Начало «восхваленія книги»:

غنچۀ كللار آچلغان خوش كلستانم كتاب
يوز منك الوان ميواه بركان باغ بوستانم كتاب

9) f. 8b: одна пѣсня طالبى, начинающаяся стихомъ:

كيل كونكليم نصيحت برام آشنا بولمه كنده بيله

Нѣсколько отдѣльныхъ бейтовъ, послѣдній по-персидски.

7. 26 ff. $17\frac{1}{2} \times 22$, по 8 строкъ.—Списано мною въ ноябрѣ 1906 г. на островѣ Челекенѣ съ рукописи, привезенной изъ Астрабада или Гӧмӱштепе. — ديوان مسكين قيلچ диванъ Мескин-Клыча въ 14 пѣсенъ съ приложеніемъ (ff. 25—26) начальныхъ стиховъ всѣхъ 50 пѣсенъ, изъ которыхъ состоялъ Челекенскій списокъ. Начинается мой списокъ 3 пѣснями въ честь Батыр-Нефеса.

8. 20 ff. $22 \times 17\frac{1}{2}$, 19×12 по 15 — 20 строкъ. — Прислана въ Петербургъ изъ Бахардена въ августѣ 1907 г.; подарокъ Ходжели-

Моллы. — Тетрадка безъ переплета изъ русской бумаги, новая, написанная рукой **Ходжели-Моллы.**

1) ff. 1b—18b: دیوان مسکین قیلچ диванъ **Мескин-Клыча** въ 41 пѣсню. Начало первой пѣсни — мухаммаса:

ای الیف قدینك کوریب غافل فریشان اولمیشام
بی بولیب عاشق سنکا اشفته حیران اولمیشام

2) ff. 18b—19b: двѣ пѣсни طالبی; первая озаглавлена توصیف قرّیلیق — «Описаніе старости» (ср. рук. 3,2):

1 یکیت‌لیکینك زوری کتدی قولیمدین   درد یمانی قرّیلیقدور یرانلار
درمانی یوق آنینك غیری اولیمدین   درد یمانی قرّیلیقدور یرانلار
2 خسته‌لار قوتیلور قرّی قوتیلماز   کونکل قوشی اوچار کیدار توتیلماز
بو درده کیمسه‌دین چاره تفیلماز   درد یمانی قرّیلیقدور یرانلار
3 آغزین کوزلاسنك بر دیشی بولماز   یورغن دوشاك بیلان هیچ ایشی بولماز
یانینده قدردان دنك‌دوشی بولماز   درد یمانی قرّیلیقدور یرانلار
4 اوغل بیله کلینه ایرکاجی بولور   آلار بیله مداریننك کورکونجی بولور
یرتیق اورتیك دوشاك اورتونجی بولور   درد یمانی قرّیلیقدور یرانلار
5 ایراقدین کوزلاسه کوزی کسمیه   اوغل قیز سوزینه قولاق آسمیه
آغزینه سلاننی دیشی باسمیه   درد یمانی قرّیلیقدور یرانلار
6 قالان مجان بولسه اونکینه بیرلار   ایسیغ ییلی یوقدور ایی دیرلار
برسوزی سوزلاسنك کفینك قوی دیرلار   درد یمانی قرّیلیقدور یرانلار
7 طالبی دیر دوستلار قریمانك بتار   آلتمیشنینك یتمیشننك اراسی یتار
اوزین بیلماز نادان ایتاکلاب اوتار   درد یمانی قرّیلیقدور یرانلار

Второй пѣснѣ предшествуетъ объясненіе въ прозѣ, что эту пѣсню **Талиби** продекламировалъ въ одномъ негостепріимномъ аулѣ, въ который онъ попалъ въ зимнюю стужу, когда отъ мороза борода и усы его изъ черныхъ обратились въ бѣлые; начало ея таково:

ای یرانلار کشت ایداردیم دنیانینك چهار کنجینی
بر خدایمدین ایراق ایللارکا توشدیم بوکیجه

3) ff. 19a—19b غزل محتاجی:

سبب بیله ستاشدینك سالدینك نظر آی پری
غمزانك اوق یتوشدی بردینك آزار آی پری

9. 24 ff. 18×22 по 14 — 16 строкъ. — Переписано мною съ участіемъ Молла-Сабура въ агырбашскомъ аулѣ Перренг-чага подъ Мервомъ въ 1906 г. съ туземной рукописи.—Тетрадь безъ переплета изъ русской бумаги; правописаніе сохранено не смотря на явную безграмотность; есть неразобранныя мѣста. Текстъ только на одной сторонѣ листа — а).

دیوان ملا نفس изъ 15 пѣсенъ; вложенъ листъ съ первыми стихами 28 пѣсенъ (см. еще рук. 3,2). Двѣ первыхъ пѣсни — хвала Мервскому хану Каджар-баю; начало первой пѣсни:

صفاتینك یازارمن اولوغ ایللارده سن سن یکیتلارینك خانی قجر بای

Начало второй пѣсни:

بخشی ایلینده قجر بای بارچه ایلنینك خانیدور
قوچ یکیتلارنینك باشی سرکرده سلطان خانیدور

10. 12 ff. 35×22½ по 18 — 19 строкъ. — Мервъ 1906 г. — Тетрадь безъ переплета и несшитая, изъ русской бумаги. Исписана карандашемъ и только ff. 10b—11b стальнымъ перомъ, рукой Молла-Сабура.

Пѣсни Кӧр-Моллы, числомъ 17, записанныя впервые подъ его диктовку.

ff. 1 a, 9 b, 10 a и 12 — пустые.

11. 17½×22 въ 13—15 строкъ. — Мервъ 1906 г. — Тетрадь безъ переплета, сшитая, изъ русской бумаги. Написана мною съ участіемъ Молла-Сабура. Бѣловикъ предыдущей тетради. Текстъ только на одной сторонѣ листа — а).

f. 1 a — заглавіе; f. 1 b — оглавленіе; f. 30 — пустой.

Начало:

قوشیت خان نینك قوشغوسی — امّا راوی‌لار انداغ روایت قیلور ایردیکیم مرو دیکان ولایتده تکه دیکان ایلی بار ایکان قوشیت خان دیکان خانی بار ایکان کوب زیاده جنك‌باز آدی عالمی توتان اوچ پادشاهنی سیندوروب دور اوزی اوتاندین بر نچه ییل سونك بر شاعر دورابدور زیاده حقدین ایچمکان خلقدین ایچان آدی کور ملا دیکان اوتامیش توفاز اوباسندین قوشیت خانی تعریف ایتب بیت آیتغانی

آی یـرانـلار اوّل اولی ایـل اوچـون امان صحت سردار قوشیت خان یخشی

Начало второй пѣсни, озаглавленной اوروس قوشغوسی:

اوزاق آرامزده بولسه شو ملت   کمکم بزینک ایلی دیندین آیرجق
جین داین مثالی دونکزدای سلات[1]   کمکم بزینک ایلی دیندین آیرجق

См. мою замѣтку «Туркменскій поэтъ-босякъ Кöръ-Молла», упомянутую на стр. 05 (сноск. 1) предисловія къ настоящей работѣ.

12. 12 ff. $17\frac{1}{2}\times 22\frac{1}{2}$, 14×20, въ 13—14 строкъ. — Мервъ, 1906 г. — Тетрадь безъ обложки, сшитая, изъ русской бѣлой бумаги въ одну линейку. Написана рукой Молла-Сабура стальнымъ перомъ по моей просьбѣ съ другой рукописи.

f. 1 a: заглавіе:

بوکتاب قوشیت خان‌نینک ناصرالدین پادشاه‌نینک قوشون‌لاری بیلان اوروشوب باسغان‌نینک بیانی

Неполная запись разсказовъ въ прозѣ и стихахъ — въ подражаніе книжно-народнымъ произведеніямъ — неграмотнаго поэта Даван-Ша'ыра о персидскомъ походѣ на Мервъ 1860 года. Начало:

اما راویلار انداغ روایت قیلورلار کیم قدیم الایام‌دین بر یوکوریت (یورت =)
بار ایردی کوب اوتلیق سولیق یوکوریت ایردی آدینه مروی شاه جهان دیر ایردیلار
امّا مروی شاه جهان‌نینک حکمی سوران خانی‌غه قوشیت خان دیر ایردیلار

Начало первой пѣсни (f. 2a):

سوز اشیتکیل قیزیل باشینک شاهندین   چهار طرفغه آدم فرمان ایلادی
کچیب کیلسون بکون مالی جانیندین   قهر غضب بیلان فرمان ایلادی

Начало пѣсни на f. 4b:

قره سرتیپ تنده جانینک   یا سنینک دور یا منینک دور
نایی‌بینک[2] خانینک سلطانینک   یا سنینک دور یا منینک دور

Послѣ конца на f. 19b:

کاتب ملاصابر سیون اوغلی امانشه آغیرباش اوباسینده فرانك چاکه دیکان یرده سنه ۱۳۲۴

---

1) Русское слово *солдатъ*; см. Čagat. Sprachst. Vámbéry, стр. 111 (сноска 1).

2) Чит. نایبینک.

13. 28 ff. 18 × 22, 14 × 21 въ 13 строкъ.—Самаркандъ, 13 октября 1906 г. — Сшитая тетрадь безъ переплета изъ русской бумаги въ одну линейку. Переписана мною съ рукописи іолатанскаго сарыка Рахман-Ніяз-бая. Текстъ только на одной сторонѣ листа — а).

1) ff. 1—25: исторія туркменскаго племени *сарыковъ* въ прозѣ. Рукопись Рахман-Ніяз-бая представляла большую тетрадь русской работы для торговыхъ записей въ картонной обложкѣ; въ верху каждой страницы было написано по одному абзацу, на которые разбито сочиненіе; повидимому имѣлось ввиду между прозаическими абзацами вставить стихи. Въ тетради Рахман-Ніяз-бая были и торговыя записи. Исторія сарыковъ начинается съ ихъ переселенія изъ Чарджуя въ Мервскій оазисъ при Байрам-Али-ханѣ. Она распадается на 45 абзацевъ; послѣ 45-аго абзаца приписано:

سنه ١٣١٩ بتلدی کاتب هذا المکتوب ملّا خالنیاز بن خواجه محمد شیخ غفر اللّه ذنوبهما و استر عیوبهما یا اللّه لا اله الا الله محمد الرّسول (sic) اللّه

Начало исторіи:

اوّل ساریق خلقی‌نینك اولتوریلی جایی چهارجوی دور بر نچه یل‌لاردین سونك اولتورغان مذکور جایلارینی خواهلامای بیرام علی خاندین یر سوراب دورلار ماری یورتیدین بز مذکور جماعه‌لارغه یر بیرسنکیز دیب التماس قیلیب دورلار شویله مصلحت بیله ساریق جماعه‌لاری بیرام علی خان حضوریغه آقی بای دیکان کیشینی بیاروب دورلار اول بیرام علی خان آقی بایغه آیتب دور بزنینك اولتورغان حاضرغی قلعه‌میزنینك آرقه دروازه‌سی‌دین اوغلان اوشاقلارینك بیله کیریب قبله دروازه سیدین چیقسانك ماری ولایتیدین خواهلاغان یرینکنی سز جماعه‌لارغه بیرورمن دیب دور

Послѣдній абзацъ (f. 25):

القصّه شول ایتلغان تمامی سوزلارده یلغانی یوقدور تمامی راست واقع بولغان سوزلار دور حالا هم سوزنی کوتا قیلدوق آندین اوروسیّه جماعه‌سی کیلب اوّل تاشکند و قوقان وثمرقند وبخارا و خیوه و آشقبادلارنی آلب بول ولایت‌لارنی هم آلب خواست الهی شول بولوب تور و واضح باد

Начальникъ Мангышлацкаго уѣзда Закаспійской области капит. Михайловъ сообщилъ мнѣ письмомъ, что содержаніе этого сочиненія пересказано имъ въ асхабадской газетѣ «Закаспійское обозрѣніе».

f. 26 a: два стишка, которые обыкновенно приписываютъ въ концѣ сочиненія; одинъ — турецкій, другой — персидскій.

2) ff. 27—28: два язвительныхъ стихотворенія, которыми обмѣнялись между собой поэтъ мервскихъ *текинцевъ* قل دوان — Куль-Даванъ (авторъ сочиненія № 12) и *сарыцкій* поэтъ قرا اوغلان — Карра-Огланъ. Въ этихъ интересныхъ стихотвореніяхъ упоминаются отдѣльныя родовыя дѣленія сарыковъ и текинцевъ и ихъ герои.

Начало стихотворенія Давана (سوال تكه):

دعای سلام اغا نیاز بیکه سیون خان‌نی آلب چهارجویه کوچسون
آیدینك یغمور بیکه عمرخان داغی آرنه اوغول بیکی آلب عامی[1] دین کیچسون

Начало отвѣта Карра-Оглана (جواب شاعر ساریق):

بزدین دعای سلام نوربردی خانه سایری‌سین سیلاسون اخاله کوچسون
آیدینك سفرکه قره شیطانه بیردی نیازنی آلب قرشی‌دین کیچسون

14. 16 ff. $18 \times 22\frac{1}{2}$, 13×21 въ 14 строкъ. — Самаркандъ, 11 октября 1906 г. — Сшитая тетрадь безъ переплета изъ русской бумаги въ одну линейку. Переписана мною съ рукописи, полученной на время отъ Рахман-Нiяз-бая. — Анонимная исторія туркменовъ съ легендарныхъ временъ (зарожденіе туркменскихъ племенъ на Мангышлакѣ) до занятія сарыками и салорами Мерва и краткая исторія этого города и оазиса со временъ Тамерлана. Малограмотный трудъ, недостовѣрная исторія.

Начало:

اوق مانکغشله ولایتینده بر ولی الله آدمینك اوینه بر آدم کلدی اول ولی الله
سوره‌دی اول ادمدین نا خلقسن نا ولایتی‌نك آدمسن دیب اول آدم ولی الله‌غه
جواب بردی اوچ مرتبه تورکدیربن من تورکدیربن من دیب

Конецъ (f. 16):

اندین سونك شاه مرات ولنامی (sic) یارلیغه مؤهر (sic) باسیب مری‌نی ساریقغه
بردی یول اوتانی سلورغه بردی اول زمانده خارزیم (sic) خان‌غه عوز ایناق دیرلار
ایران پاشاسینه جانسیز شاه دیرلار اول زماندین تا بول کوچه بر یوز بر کم
اوتوز یل بولیبدور— سنه ۱۳۰۳ (карандашомъ:)

15. 10 ff. 22×18. — Литературныя письма Ходжели-Моллы, числомъ 6.

---

1) Аму-дарья.

I — сообщаются біографическія данныя объ Абду-с-Саттар-Казы, авторѣ «Книги разсказовъ о битвахъ текинцевъ».

II — сообщаются: 1) біографическія данныя объ мервскомъ поэтѣ-текинцѣ Молла-Нефесѣ; 2) два дополнительныхъ мухаммаса къ стихотворенію Мескин-Клыча «Паденіе Гок-тепе» (см. рук. № 24); 3) дополненіе къ разсказу о вытѣсненіи текинцами изъ Ахала эмрелинцевъ[1]).

III — сообщаются: 1) два стихотворенія въ честь Нур-берди-хана, одно по поводу его побѣды надъ Джафар-кули-ханомъ, подъ Карри-кала, а другое по поводу его смерти; авторы: آقملا и الله بردی خره بك; 2) стихотвореніе, посвященное первому неудачному походу русскихъ на Гок-тепе; авторъ: محتاجی; 3) газаль поэта محتاجی и біографическая о немъ замѣтка; 4) стихотвореніе самого Ходжели-Моллы, посвященное мнѣ и Н. Н. Іомудскому.

Начало стихотвореній по порядку:

1 قولاق سالینك قوچ یكیتلار سوزیمه تنكری نظر سالغان آردی نور بردی

2 ذات پاكیندین یراتمیش حق سنی نور بردی خان
غایب آرلار هم نظر سلغان سنكا نور بردی خان

3 من دیام مؤمنلار رمضان ماهی قالاندور سریز قلا یكیتلار

4 نازلی دلبر بر تیلاكیم بار سنكا آیداین عرضیمنی ایراقده دورمه

5 ای برادر خطنی كوركاچ كویا [كه] كوردینك بزی
حق تعالی روزی قیلغای بزكا كورملیك سزی

IV — сообщается о находкѣ списка дивана Мескин-Клыча; приводится по газалю Зунуби (ذنوبی) и Бендэ-Мурада; письмо заканчивается стихами Ходжели, обращенными ко мнѣ.

Начало трехъ стихотвореній:

1 لطف حقدین بی حساب احسانی كوركان كوزلاریم
یوز اوتوز تورت اویده بر مهمانی كوركان كوزلاریم

2 بلبل آرزو جكار كلی كلشنده آنینك اوچون اسلاب تقار باغلاری

3 بزدین سلام بولسون اسكندر خانه اوز حالینكدین احوالینكدین خبر بر

V — сообщаются біографическія данныя о Метаджи, Мескин-Клычѣ, Азади (отцѣ Махтум-Кули) и приводится стихотвореніе

1) См. мою статью «Изъ туркменской старины» въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отдѣл. Этнографіи, т. XXXIV.

Махтум-Кули, положившее, по разсказамъ, начало его славѣ; стихотвореніе это, будто-бы, было прочитано авторомъ въ Тегеранѣ передъ шахомъ; его начало:

رسول داماديدور اوز آرصلانينك دور يا امام عليه بغشله بزنى
جشم چراغيمدور نورى عينيم دور يا امام حسنه بغشله بزنى

VI — сообщаются: 1) газаль емрелинскаго поэта Ма'руфи; 2) Мухаммасъ Моллы Кеминэ «توصيف صاحب جمال»; 3) новогодняя пѣсенка школьниковъ.

Начало двухъ стихотвореній:

1 عقلينك بولسه يخشيلاره همدم بول احمق اوزين نادان بيله يار ايلار
2 دوستلاره كلديم اليسدين خانه عرض آيداين
دولتى صاحب كرم سلطانه عرضيم آيداين

16. 72 ff. 20 × 13, 16 × 9 въ 11—16 строкъ. — Іолатань, окт. 1906 г.; подарокъ Рахман-Нияз-бая.—Рукопись четкая на восточной желтоватой бумагѣ, не старая, безъ переплета и несшитая; — درّ العجايب проза религіозно-поучительная въ 67 главахъ; наша рукопись даетъ только 10 главъ.

Начало:

الحمد لله رب العالمين و العاقبة للمتقين و الصلواة و السلام على رسوله محمد وآله اما بعد بيلكيل اى بندهٔ نيك بخت و . . . بوكتابى جميع حديثلاردين و مقتدمان اجمعين صحابهلاردين صحابهلارينك روايتلارى برلان جمع قيلديلار تا كمراهلارغه رهبرى و فاسقلارغه عبرتى بولسون ديب

Конецъ послѣдней страницы, на которой обрывается списокъ (f. 72b):

بيشلانچى حق تعالىنينك طاعتيغه مشغول بولور آلتىلانچى توبه قيلغاندين سونك ينه كناه قيلماس اكر قيلسه فى الحال توبه قيلور يتىلانچى

Послѣ f. 38 пропускъ.

См. рукописный каталогъ И. Публ. Библіотеки, II—6—6; Mél. As. X, 2, p. 281, N 24.

17. 8 ff. $22\frac{1}{2} \times 13$, 15×9 въ 13 строкъ. — Мервскій уѣздъ, осень 1906 года. — Четкая рукопись на восточной желтоватой бумагѣ, безъ переплета, не сшитая.—قصه ابن عباس въ стихахъ مثنوى изъ 30 дестановъ; въ настоящемъ отрывкѣ только два дестана и начало третьяго.

Начало:

قیلای بر قصه شرین روایت کرم قیلسه خدایم استعانت
علی شیری خدادین نقل ایتالوك قیامت کون شفاعت کوز توتالوك

Конецъ введенія (f. 1 a):

بو قصّه ابن عباس‌دین ایرور نقل که اوتوز داستان ای صاحب عقل

Конецъ отрывка (f. 86):

کوزینی آچیبان اوغلی‌نی کوردی قولاچینی یازیب انده یوکوردی
کیل ای جانیم بلام سن قیده ایردینك بو تورت کوندین باری قیده یورار دینك

18. 16 ff. 22 × 17, 15 × 11 въ 13 строкъ. — Гор. Хива, іюнь 1908 года; подарокъ юз-башы Батыр-бая. — Тетрадка безъ переплета изъ русской бумаги, пожелтѣвшей отъ времени, сшитая; почеркъ вполнѣ ясный. — Датирована рукопись ١٣٢١ годомъ. Стихи бухарскаго дервиша (دیوانه) Баһри (بحری) съ указаніемъ обстоятельствъ, при которыхъ эти стихи были составлены.

Начало (f. 1b):

اما راویان اخبار و ناقلان و محدثان داستان بوستان کهن و خوشه چنان خرمن سخن هرکه سخن‌را بسخن خم‌کنند پارهٔ از خون جکر کم کنند اما راویلار آنداغ روایت قیلیب تورورلار کیم بخارا شهریندە محمد بهادر خان نینك اتّامینده چنکیز دیکان بر ایل بار ایردی آنینك منزل و مکانی کیل آباد دیکان یرده ایردی

Начало первой пѣсни (f. 3a):

اوینات کولوب یاتیب ایردیم ناکهان باشمه سودا سالدی خدایم
محبت جامیدین بریبان منکا مست اتیب عقلم‌نی الدی خدایم

Появленіе поэта Моллы Садыка съ тамбурой (f. 5b) и безуспѣшное состязаніе его въ стихахъ съ Баһри (начиная съ f. 6a); выступленіе на состязаніе другого поэта, Дост-Али (دوست علی) — f. 7a; романъ съ نشاط خانیم Нишат-Ханымъ (съ f. 9a); смерть возлюбленной — f. 13a — и тоска любовника ея до самой смерти. Конецъ:

القصه بو سوزنی تمام ایتکاندین سونك بو دنیاده عیش عشرتلار برلان عمرین غنیمت بیلیب یوروب دار البقاغه رحلت قیلدی و الله اعلم بالصواب تمت کتاب
شد سنه ١٢٣١

19. 4 ff. 35×22 — Мервъ, 1906 г.; подарокъ Молла-Сабура Сююн-оглы. — Два полулиста и одинъ цѣльный листъ, исписанные въ разныхъ направленіяхъ рукой Молла-Сабура; несшиты; строки доходятъ до краевъ фоліума со всѣхъ сторонъ. — Сборникъ разныхъ стихотвореній составленный муллой въ юности.

1) ff. 1—2: 8 стихотвореній Мешреба (مشرب) f. 2b: печать — ملا صابر ۱۳۰۸.

2) ff. 3—4: два большихъ стихотворенія въ формѣ касыды съ одинаковой рифмой — يومن كوپك; сатира на суфія; псевдонимъ поэта — خاكسار.

Начало первой сатиры:

ایلار اوز جانیغه چوخ جور و جفا مؤمن کوپك
هر نفس یوز یول ایتار شرك وخفا مؤمن کوپك

Съ 4-аго стиха вмѣсто مؤمن вездѣ يومن.
Начало второй сатиры:

بزكا وعده كوب قيليب ايلدين نهان يومن كوپك
پريكا قيلماى وفا وجهين عيان يومن كوپك

3) f. 4a: одно стихотвореніе Фузули:

اول مشکبو غزاله اخلاصم اوله واضح   بَلِّغ صَبَا سَلَامًا مُشْكِينَةِ الرَّوَايِحْ

4) f. 4a—b: 7 стихотвореній هويدا въ формѣ газаля.

20. 4 ff. 21×13. — Мервъ, 1906 г. — Два почтовыхъ листика, на которыхъ рукой Молла-Сабура переписаны въ мусульманской транскрипціи туркменскія пѣсни, записанныя мною въ томъ-же году русской транскрипціей на островѣ Челекенѣ.

1) f. 1a—b: три пѣсни іомудскаго современнаго поэта Анна-Джана.

2) f. 2a—b: стихи неизвѣстнаго поэта на смерть нѣкоего Дост-Мамеда.

3) f. 2b—3a: любовная пѣсенка неизвѣстнаго поэта.

4) f. 3a—4a: стихи нѣкоего Ата-бая, въ которыхъ онъ изливаетъ передъ смертью свою душу своему спутнику-ишану.

5) f. 4a—b: вопросы въ стихахъ хивинскаго поэта Эзбера и отвѣты тоже въ стихахъ Нури-Ша'ыра, ученика Мирзы.

21. 2 ff. 22×18. — Мервъ. 1906 г. — Листокъ, исписанный рукой Молла-Сабура стальнымъ перомъ. — Двѣ туркменскихъ сказки f. 1b — 2b.

22. 4 ff. $23\frac{1}{2}\times18$. — Станція Бахарденъ Зак. ж. д., 6 декабря 1906 г. — Тетрадочка, написанная стальнымъ перомъ рукой Ходжели-Моллы для меня на память:

بز ملا خواجلی مراد بردی اوغلی یادکارلیق اوچون نشانه یازیب بردیم ملا اسکندر جهانگیر اوغلیغه

1) f. 1a—3b: разсказъ въ прозѣ со стихами о романическомъ приключеніи, которое испытали во время совмѣстнаго путешествія три поэта: мервецъ Кеминэ, ахалецъ Талиби и хивинскій іомудъ Шах-бендэ.

2) f. 3b: стихи кызылъ-арватскаго поэта Иль-Гельди по случаю перваго неудачнаго похода русскихъ на Гöк-тепе. Начало:

شکر لله قری دولت نور بردی اوغلی خانه دوندی
قوتلیغ بولسون کلان نوبت مخدومقلی خانه دوندی

3) f. 4a—b: два разсказа, связанныхъ съ именемъ поэта Махтум-Кули, — одинъ разсказъ про поэтовъ Молла-Зелили (ملا ذلیلی) и Сейид-Ходжу, а другой про пастуха кызылъ-арватскаго скотовода Софи-бая, который (пастухъ) вздумалъ подражать Махтум-Кули.

23. 2 ff. 35×22. — Іолатань, 1906 г.; подарокъ Рахман-Ніяз-бая. — Листъ, исписанный стальнымъ перомъ; пожелтѣлъ отъ времени. — Проза о переселеніи сарыковъ въ Мервъ изъ Бухары и объ ихъ войнѣ съ Медемин-ханомъ, съ пробѣлами для стиховъ, которыхъ нѣтъ.

24. $1\frac{1}{2}$ ff. 35×22. — Красноводскъ, 1906 г. — На полутора листѣ русской бумаги въ синюю линейку текстъ рукой صوفی قاری بن ملا اوراز محمد съ позднѣйшей припиской Ходжели-Моллы и моей собственной (изъ письма Ходжели-Моллы). — Стихи Мескин-Клыча на паденіе Гöкъ-тепэ, посвященные текинцу Уста-Мураду, въ формѣ مخمس'а. Начало:

ای خدایا توبه قیلدیم بو نه آفتدین نشان
الامان هی الامان سقلا بلالردین امان

Стихи эти напечатаны въ русскомъ стихотворномъ переводѣ Ѳ. Михайлова въ асхабадской газетѣ «Закаспійское Обозрѣніе», 1905, № 12.

25. 3 ff. $18\times23\frac{1}{2}$. — г. Асхабадъ, 1906 г. — Въ тетрадочкѣ изъ русской бѣлой бумаги въ синюю линейку исписано двѣ страницы карандашомъ, мало опытной, неразборчивой рукой муллы еще мальчика, неизвѣстнаго мнѣ по имени. — Два стихотворенія текинскаго поэта Мäтацi, по текинскому произношенію, а по написанію محتاجی; ff. 1a—2a—безъ текста.

26. 2 ff. 35 × 22.—Мервъ, 1906 г., подарокъ Моллы Мухаммеда Мурад-Эвез-оглы. — Листъ исписанъ стальнымъ перомъ, рукой названнаго молла. — f. 1a: пустой;

1) f. 1b: مخمس текинца Дурды-Ша'ыра изъ отдѣла сычмазъ (утомышъ), аула Кара-Ахмедъ.

2) f. 1b—2a: стихи Моллы Мирзы, попавшаго въ плѣнъ текинцамъ въ Персіи, въ честь Баба-Лаккы (بابا لقى), изъ рода Гöкча.

3) f. 2a—b: отрывки изъ поэмы Даван-Шагыра, дополняющіе рукопись № 12.

27. 1 f. 22 × 18, 21 × 15½. — Мервъ, 1906 г.; подарокъ Моллы Мохаммеда Мурад-Эвез-оглы.— Листокъ написанъ каламомъ, красиво, рукой названнаго моллы; въ правописаніи сказывается адербейджанское вліяніе, вѣроятно, письменныхъ переводчиковъ изъ кавказскихъ «татаръ» при русской администраціи.—Текстъ, занимающій только f. 1a, даетъ стихотвореніе Дурды Ша'ыра.

28. 2 ff. 35 × 22. — Ташкентъ, весна 1908 года; подарокъ Муллы Кемаль-ед-дина изъ медресе-и-Ходжа Ахраръ.—На листѣ русской бѣлой бумаги въ синюю линейку наклеенъ другой листъ безъ линеекъ; послѣдній исписанъ каламомъ сплошь въ разныхъ направленіяхъ рукой извѣстнаго ферганскаго поэта Фирката (по сообщенію муллы Кемаль-ед-дина). —Собственноручное письмо Фирката въ стихахъ изъ Константинополя въ Ташкентъ друзьямъ, которые въ стихахъ перечисляются[1]). Стихи въ формѣ مثنوى. Начало:

سرشته صحرای غریب ذاکر جان فرقت‌نینك بر کون استانبولده ملت باغچه‌سینده اولتوروب باد صباغه خطاب برله تاشکندده‌کی احباب‌لاریغه سلام سویلاکانی

1 بو کلشن کیم نسیمی فیض رب دور
کلی حلم و حیا برله ادب دور
2 زهی باغیکه ملت باغی دیرلار
ختن مشکی قرا تفراغی دیرلار

Всего въ письмѣ 130 двустишій; послѣднее:

130 بو دور سوز ای صبا زینهار زینهار
توکاندی سوز ولیکین شوق بسیار

---

1) Ср. Гартманъ, M. S. O. S. B., VII, Buchwesen, 92, № 74.

نام‌لاری فراموش بولغان برادرلارغه خاصتًه سلام‌لاریم بار دور امّا نه چاره که
اکثرلاری نام‌لاری کتابت چاغی فراموش اولوب خاطرغه کیلمدی معذور توتکایلار
یازیلدی بو مکتوب دار السلطنته استانبولده محمد پادشاه یقوشنده و اکاه شریف ده

Данныя о поэтѣ **Фиркатѣ** указаны мною на стр. 05 (сноск. 1) предисловія къ настоящей статьѣ.

29. 218 ff. 21 × 17, 17 × 11. — Іолатань, 1906 г.; подарокъ Рахман-Ніяз-бая. — Рукопись на желтой отъ времени бумагѣ, то толстой, то потоньше, по виду конца XVII или начала XVIII вѣка, найденная мною въ растрепанномъ видѣ въ мусорной корзинѣ у вышеназваннаго туркмена-сарыка и затѣмъ приведенная по возможности въ порядокъ. Почеркъ разборчивый. — غريب نامه Ашык-паши; безъ начала и конца и съ пропусками въ срединѣ. Изъ 218 ff. не удалось пристроить только 6; изъ остальныхъ 212 — три пристроены послѣ пагинировки рукописи, такъ что ихъ пришлось помѣтить номерами предыдущаго листа съ помѣткой bis. Въ общемъ наша рукопись состоитъ, не считая 6 листковъ, изъ 16-ти кусковъ разной величины и чѣмъ больше къ концу, все бо́льшихъ по размѣру.

I. ff. 1—2: отрывокъ изъ введенія; II. ff. 3—4: конецъ 1-аго и 2-ого дестановъ I главы; III. f. 5: начало 1-го дестана III главы; IV. f. 6—9: конецъ 1-аго, весь 2-ой и начало 3-аго дестана III гл.; V. f. 10: конецъ 7-аго и начало 8-го дестановъ III гл.; VI. f. 11: начало 9 дестана III гл.; VII. f. 12: начало 10 дестана III гл.; VIII. ff. 13—22: конецъ 10 дестана III гл., 1—3 дестаны и половина 4-аго IV главы; IX. ff. 23—25: конецъ 4 дестана и часть 5-аго IV гл.; X. ff. 25 bis—49: конецъ 5-аго и 6—10 дестаны IV гл.; 1—5 и начало 6-ого дестановъ V гл.; XI ff. 50—53: конецъ 6-ого, весь 7 и начало 8 дест. V гл.; XII. ff. 54—96: конецъ 1-аго и 2—10 дестаны VI главы, начало 1 дестана VII гл.; XIII. ff. 97—119: конецъ 1-го, 2—6 и начало 7 дестана VII гл.; XIV. ff. 120—125: отрывокъ изъ послѣдующихъ дестановъ VII главы; XV. ff. 125 bis—150: конецъ 1-аго дестана, 2—7 и начало 8-ого VIII гл.; XVI ff. 151—209: конецъ 10-аго дестана VIII главы, 1—10 дестаны IX главы, 1—8 и половина 9 дестана X главы.

Для характеристики языка нашего списка «Стоглава» Ашык-паши приводимъ полностью коротенькій 6-ой дестанъ IV главы, f. 27b—28a:

داستان ششم از باب جهارم

حکایت در بیان آنکه وجود آدمی مثال شهرست دران شهر تخت کاهی بنا نهاده

و دران تختگاه حکم آله حاکم شده واین شهر چهار دروازه کشاده جنانکه تمامت افریدکار از در دروازهٔ او خروج میکنند . . . . .

بر عجایب حکمت ایدم نظملا   شرح تقریر بیان قیلدن قیلا
کیم بو حکمت ساره ویره جانونکا   جان اجنده قوت اولا ایمانونکا
کیم بو حکمت‌دن بیلاسن حالونکی   آنکلاده بو سوز سنکا احوالونکی
اشدن ایمدی نجه در ایدم عیان   کیم بیلاسن بو ایشی بلّو بیان
آدمیده دُرد قپو وار در کسرر   یر و کوك اهلی کیلور اندن کچار
ایله صان بر دور دری کاروان سرای   کاروان دُرمز کچار ییل اون ایکی آی
یر و کوك دکمه بری بر ایل کبی   اورته یرده آدمی بر ییل کبی
یول اوزره بو صورت بر شهر اولو   کیم کچار اندن کلور اُصلو دلو
شهر اجنده وار درر بر تخت کاه   حاکم اول تخت اوستنه حکم آله
جان اننك مُلکی کنکل کنج خانه سی   عقل کتابی فهم پیمانه سی
بو صورت شهری مقام در معتبر   کر نجه کیم کورینورسه مختصر
بو شهرده دُرد قپو وار در عیان   آدلو آدیلا دِیَم بلّو بیان
بریسی کوز در بری قولقدرر   بریسی دل در بری برمقدرر
نیك بد جمله کلور اندن کچار   عقل اونکونده عرض اولو جاندن کچار
کیمسی کوزدن کرور الدن جقار   کیمی قولاقدن کرور دلدن جقار
قولاق آلور سوزی ویرور کونکولا   بنه کونکولدن کیلور اول سوز دیلا
بس بیلننك کوزدن کورن الدن جقار   هم بو قولقدن کیرن دلدن جقار
هم بو سوزده بر درر جمله قولاق   سوز اشتمکده قولاغه دوتمه دق
سویلامکده ساجیلور کفرُ ایمان   کرتو بیلکیل بو سوزی دیمه یلان
سوز اشدننده دکِل دوتانده دُر   اش اکیلانده دکِل بیتانده دُر
کشِ اولدُر کیم الِندن اش جقا   یوخسه بو کوز قندن اولورسه بقا
ای عاشق سن بو اش اسی آرنا   قُربان ایله جانی اول یول وارنا
کیم دیلارسنك مقصودونکا ایره سن   بی حجاب اول دوست یوزدنی کوره سن
ای خُدا طغرُ یولدن ایرمغیل   دوست‌لارونکدن سن بزی آیرمغیل

Свѣдѣнія о غريب نامه и ея авторѣ указаны у: В. Д. Смирновъ, Очеркъ исторіи турецкой литературы, отд. оттискъ, стр. 37 и сл.; его-же, Мнимый турецкій султанъ... Calepinus Cyriscelebes (З. В. О., XVIII), стр. 38 и сл.; Rieu, 160b и 162a; Pertsch, Берлинскій каталогъ, № 359; Gibb, A history of Ottoman poetry, t. I. Въ Петербургѣ имѣется, кромѣ моей, рукопись Азіатскаго Музея (Mél. Asiat. V, p. 460).

30. 74 ff. 12 × 7, 9 × 5, по 7—8 строкъ. — Ташкентъ, августъ 1906 года; подарокъ Муллы Кемаль-ед-дина.—Карманная книжечка изъ желтой восточной бумаги въ картонномъ толстомъ переплетѣ съ краснымъ кожанымъ корешкомъ и зеленой бумажной обклейкой, украшенной красными выдавленными узорами. Почеркъ крупный и неумѣлый, свидѣтельствующій о малограмотности переписчика. — ff. 1—4a, 44a и 72—74 пусты;

1) ff. 4b—27b: اسناد دعاء بازونبر; ff. 28a—43b: اسناد دفع دوشمان بن и другія молитвы.

2) ff. 44b—66a: رسالهٔ دهقان بو ترور; 3) ff. 66a—69b: о томъ, какъ обращаться съ дыней; 70a—71b: молитвенное послѣсловіе переписчика. На f. 27b. есть дата ١٣٠٨. — «Рисаля для землевладѣльца» издано Н. П. Остроумовымъ въ «Туркестанской туземной газетѣ», 1902 г. №№ 22 и 23; рукописи см.: Das Asiatische Museum im Jahre 1890, von C. Salemann (Mél. As. X, 2, p. 289, № 9); Die osttürkischen Handschriften der Sammlung Hartmann von M. Hartmann (M. S. O. B. VII (1904), II, S. 2, № 7.) См. еще З. В. О., I, 326.

31. 160 ff. $20^{1}/_{2} \times 13$, $15 \times 9^{1}/_{2}$ по 13 строкъ.—Куплено въ Бухарѣ, въ маѣ 1908 года.—Бумага бѣлая, пожелтѣвшая, почеркъ ясный, рукопись въ хорошемъ состояніи; переплетъ картонный съ краснымъ кожанымъ корешкомъ и свѣтлокоричневой, тисненой узоромъ, бумажной обклейкой.

1) ff. 1b—76a: обработка въ مثنوى исторіи ابو حنيفه; авторъ нѣкій بهادور. Начало:

1 كيل ايدى اوليالاردين بهادور بو دنياده برار نقلى قيلا كور
على مرتضى دين قيل حكايت شفاعت خواه بولغايلار قيامت
3 اوشل كون كه على توغدى انادين قوتولس بولدى كافرلار بلادين

. . . .

9 بو عالمده بار ايركان روم ديكان شهر انينك اوستيغه حضرت تارتدى لشكر

. . . .

13 كه اول روم شهرنينك قيزى نى توتوب اوشل دم حضرت آلديغه كيتوروب

23 آتم قويغان آتيم دور بو حنيفه آتم ايردی بو شهر ابجره خليفه
آتمنی اول علی اولدوردی توتوب منی تاپشوردی دم سيزكه كيتوروب

Месневи кончается на f. 75a, а на ff. 75b и 76a приведены два молитвенныхъ газаля безъ техаллуса. См. Mél. As. X, 2, p. 280, № 11.

2) ff. 76b—160b: مثنوی поэта هويدا подъ заглавіемъ راحت دل. Неоднократно издавалось въ Казани.

32. 52 ff. $35^1/_2 \times 23^1/_2$, $31 \times 21^1/_2$ по 25 приблизительно строкъ. — Куплено въ Ташкентѣ, августъ 1906 года. — Несшитая тетрадь изъ русской бѣлой бумаги; исписана стальнымъ перомъ, казанскимъ почеркомъ, въ общемъ разборчиво. Переписчикъ—«татаринъ» (по русски), или «ногай» (по-среднеазіатски) محمدبيك بيكقلبيك اوغلی. Дата: ۱۳۲۳ نجی يلده جمادی الاول آی نينك ۲۸ نجی ده شهرتاشكنده يازيلدی.—Копія хранящейся въ Ташкентской Публичной библіотекѣ рукописи сочиненія Абульгази: شجرهٔ تراكمه[1]). Моимъ спискомъ для научнаго изданія пользоваться нельзя.

33. 44 ff. $21^1/_2 \times 13$, $15^1/_2 \times 8$; ff. 4—35a по 2 и 4 строки, f. 3b въ 6 строкъ, ff. 35b—49b по 5 строкъ, f. 36a въ 4 строки.—Хива, іюнь 1908 г.; подарокъ его сіятельства Исфендіар-тюра, наслѣдника хивинскаго престола. — ff. 1, 2, 41—44 изъ обыкновенной бѣлой бумаги, а остальные листы изъ толстой, глянцевой цвѣтной бумаги: бѣлой, розовой, красной, желтой, коричневой, голубой. Текстъ заключенъ въ золотыя и синія рамки; на ff. 3b и 29b пестрый цвѣточный орнаментъ красками. Переплетъ черный кожаный съ бумажными—зелеными и золотыми—узорными наклейками. — Образцы для упражненія въ каллиграфіи и для письменныхъ обращеній къ высокопоставленнымъ лицамъ, написанные двумя лучшими современными хивинскими каллиграфами: 1) начальникомъ писцовъ (ميرزا باشی) Мухаммед-Расуль-баемъ, въ стихахъ подписывающимся «Мирза», сыномъ извѣстнаго поэта Пехлеван-Мирза-баши المتخلص بالكامل; 2) придворнымъ рѣзчикомъ печатей, отливателемъ пушекъ и часовыхъ дѣлъ мастеромъ Худай-Берген-диваномъ, сыномъ Устад-Мухаммед-Пенаха, Хорезми. На ff. 39b и 40a имѣются даты: ۱۳۱۹ и ۱۳۱۷.

34. 6 ff. въ четвертушку листа, по 13—15 строкъ.—Хива, май 1908 г.; подарокъ Медемин-бая. — Тетрадка изъ русской бумаги, несшитая,

---

1) По каталогу Каля № 80с; къ спискамъ этого сочиненія, указаннымъ мною въ З. В. О. XVIII, стр. 0161, сн. 4, слѣдуетъ еще добавить: 1) копію съ ташкентской рукописи, снятую полк. Туманскимъ и 2) туркменскій списокъ, подаренный полк. Туманскому полк. Даулетшинымъ. См. также З. В. О., т. IX, стр. 302.

совсѣмъ новая; почеркъ ясный, но писаніе безграмотное. — Два любопытныхъ стихотворенія: одно воспѣваетъ земледѣліе, а другое-водоподъемное колесо (чыкыръ).

1) f. 2b—4a: произведеніе нѣкоего Ахмед'а

قصهٔ دهقانچیلیق بیانی تورور

начинающееся стихами —

ایاقمغه کیب چکی ایتوك دهقانچیلیق قیلسام
منکا بو ایش بیلینك کیم راحتی سلطاندن آرتوقدور

2) f. 4a—6a: произведеніе Андалиб'а[1])

قصهٔ چقرنینك بیانی تورور

Начало —

هوشلیق دهقان لاره بر نازنین جان دور چقر
بولسه سو .... آیلانوز چندان چقر

А. Самойловичъ.

СПБ. 19 октября 1908 г.

---

1) Подробнѣе объ этомъ поэтѣ скажу въ статьѣ, посвященной Хивинской литературѣ, пока см. Vambéry, Čagat. Sprachst., стр. 94, стихъ 115 и З. В. О. XVIII, стр. XIX. Поэтъ Ахмедъ мнѣ неизвѣстенъ. Оба поэта не попали въ предисловіе къ настоящей статьѣ.

Дополненія. 1) къ стр. 06, № 10: Шейдаи представленъ еще въ Čagat. Sprachst. Вамбери, стр. 139;

2) къ стр. 05, 1 сверху: не былъ-ли Мулла-Гаибъ отцомъ Хувейда? см. рук. № 31, 2) f. 84, стихъ 3:

کمینه‌نی آتی خواجه نظر دور * اتاسینی آتی غایب نظر دور;

3) Относительно сочиненія 2) рук. № 5 слѣдуетъ отмѣтить, что кромѣ рукописей, указанныхъ въ моей замѣткѣ «По поводу . . . «Свѣточъ Ислама»», имѣется еще одна въ И. Публ. Библіотекѣ, см. Отчетъ за 1876 г. (СПБ. 1878), стр. 185.

4) къ стр. 06, № 17: по другимъ показаніямъ Даван-Ша'ыръ былъ изъ рода Аманша, колѣна Коуки Зеренгъ.

О древнѣйшихъ формахъ Эчміадзинскаго храма.

(Архитектурно-археологическій этюдъ [1]).

Эчміадзинъ, многовѣковой патріаршій престолъ армянскаго народа, естественно, долженъ былъ стать предметомъ внимательныхъ штудій ученыхъ, въ томъ числѣ и филологовъ, въ частности особое вниманіе должно было привлечь зданіе самого храма, которое по преданію приписывается первой эпохѣ христіанства въ Арменіи, какъ постройка Тирдата и св. Григорія въ 303-мъ году по Р. Хр. По этой причинѣ Эчміадзинъ, однако, помимо историческихъ изысканій, долженъ былъ вызвать интересъ и съ архитектурной точки зрѣнія.

Объ исторіи этого зданія болѣе или менѣе значительныя свѣдѣнія имѣются до половины VII-го вѣка, а затѣмъ вплоть до XVII-го столѣтія она почти совершенно покрыта мракомъ неизвѣстности. Только въ XVII-мъ вѣкѣ вардапетъ Аракелъ Тавризскій разсказываетъ о немъ сравнительно подробнѣе своихъ предшественниковъ, описывая, въ какомъ запущенномъ видѣ храмъ находился въ его дни и какимъ реставраціоннымъ работамъ и измѣненіямъ подвергли его католикосъ Моисей и его преемники. Никто не сообщаетъ свѣдѣній о размѣрахъ, формѣ и стилѣ древняго храма. Частичныя показанія Аракела Тавризскаго касательно размѣровъ касаются, понятно, работъ, произведенныхъ въ его время.

Ученые изслѣдователи, съ XVII-го вѣка до нашихъ дней, высказывали различные взгляды на храмъ, изслѣдуя его, какъ прославленный патріаршій престолъ и какъ древнѣйшую христіанскую церковь. Изслѣдователи, высказывая тѣ или другія, часто діаметрально противоположныя, гипотезы, всѣ однако рѣшительно сходятся въ одномъ пунктѣ, именно въ томъ, что въ Эчміадзинскомъ храмѣ безъ измѣненія сохранена съ IV-го вѣка только форма плана.

И я въ свою очередь попытался обслѣдовать памятникъ и провѣрить высказанныя до сихъ поръ мнѣнія, въ надеждѣ, что, быть можетъ, мнѣ удастся сдѣлать одинъ шагъ впередъ въ сторону правды.

---

1) Оригиналъ, доставленный въ рукописи, писанъ на армянскомъ языкѣ. Переводъ принадлежитъ Н. Я. Марру. Переводчикъ старался быть возможно вѣрнымъ армянскому тексту. Естественно, ссылки на армянскіе переводы европейскихъ работъ замѣнены цитатами по подлинникамъ. *Ред.*

Въ мартѣ прошлаго года (1908) я отправился въ Эчміадзинъ и началъ тщательно изучать каждую изъ подробностей и улавливать признаки перенесенныхъ ими измѣненій. Тогда-то на стѣнахъ самого храма съ двухъ сторонъ выступающихъ абсидъ у верховъ были замѣчены мною слѣды двухъ малыхъ фронтоновъ (рис. I), именно по одному малому фронтону съ каждой стороны средняго большого фронтона, теперь покрытаго выступающею абсидою. Такое сочетаніе фронтоновъ мнѣ напомнило непосредственно восточный фасадъ церкви Апостоловъ въ Ани[1]). Еще въ 1906 г. мнѣ удалось составить проектъ реставраціи этой анійской церкви, благодаря содѣйствію проф. Н. Я. Марра, который предоставилъ въ мое распоряженіе рабочихъ, чтобы произвести вокругъ храма развѣдочныя раскопки и собрать необходимыя подробности для восполненія проекта реставраціи.

Выяснивъ весьма близкое сходство сѣвернаго фасада Эчміадзина съ восточнымъ фасадомъ анійской церкви Апостоловъ и сравнивъ между собою особенности въ ихъ планахъ, я увидѣлъ, что только одна подробность нарушаетъ гармонію, именно наличіе въ Эчміадзинскомъ храмѣ абсидъ, выступающихъ наружу за предѣлы четырехъ его стѣнъ. Наружныя абсиды въ Эчміадзинѣ показались мнѣ вообще неумѣстными. Эта мысль стала слагаться у меня въ убѣжденіе, когда я замѣтилъ, что камни абсидъ представляютъ большое отличіе отъ камней стѣнъ, какъ качествомъ и размѣрами, такъ способомъ кладки. Одновременно я убѣдился, что не упущено еще время для подробнаго изслѣдованія, что еще можно найти болѣе точныя и положительныя данныя для представленія себѣ храма въ первоначальномъ видѣ. Надо было спѣшить, имѣя въ виду то обстоятельство, что скоро предстояла чистка зданія въ цѣляхъ реставраціи, и, слѣдовательно, много существенныхъ подробностей, свидѣтельствующихъ объ его древнихъ формахъ, могло быть уничтожено. Кстати, позволяю себѣ высказать искреннее желаніе, чтобы при разборѣ зданія со стороны имѣющихъ наблюдать архитекторовъ было обращено вниманіе на тѣ подробности, которыя могли бы послужить къ подтвержденію или опроверженію настоящихъ моихъ предположеній.

Слѣды древнихъ малыхъ фронтоновъ въ стѣнахъ храма значительно раньше меня замѣтилъ и оцѣнилъ, какъ впослѣдствіи убѣдился я, Dubois [2]).

---

1) Малые фронтоны анійской церкви Апостоловъ не занимаютъ полностью угловыхъ частей храма подобно Эчміадзину: съ боковъ оставлены незначительныя углубленія съ перекрытіемъ пониже фронтона. Но это не представляетъ большого отличія.

2) Chardin также воспроизвелъ на своемъ изображеніи Эчміадзина одинъ изъ застрявшихъ подъ позднѣйшей кладкою малыхъ фронтоновъ, именно на южномъ фасадѣ храма у западнаго края (*Voyages du chevalier Chardin en Perse*, изд. Langlès, Atlas, pl. X), но здѣсь значеніе ихъ не выясняется.

Соотвѣтственно онъ и нарисовалъ какъ бы древній видъ Эчміадзина, довольно замѣтно отличающійся отъ настоящаго[1]).

Стржиговскій произведеніе Dubois нашелъ совершенно произвольнымъ, критикуя его мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: въ согласіи съ армянскими преданіями, «въ нынѣшней постройкѣ, происходящей, судя по основнымъ ея частямъ, явно изъ новѣйшаго времени, искали остатки древнѣй-

Рис. I. Эчміадзинскій храмъ. Видъ съ сѣвера.

шаго сооруженія. Дальше всѣхъ въ этомъ направленіи пошелъ Dubois[2]). Онъ не ограничился подобно другимъ путешественникамъ положеніемъ, что основныя стѣны могли бы быть (sein dürften) древними, а попытался дать реконструкцію древнѣйшаго храма[3]), которая столь же произвольна, какъ его заключеніе, что церковь эта, такъ какъ во всей Арменіи только на ней, по его мнѣнію, выступаетъ греческое вліяніе, должна восходить къ первоначальной

---

1) Dubois de Montpéreux, *Voyage autour du Caucase*, Paris 1839, Atlas, sér. III, pl. VII, fig. 1. Этотъ рисунокъ французскаго путешественника и воспроизводитъ о. Алишанъ безъ указанія источника въ своемъ трудѣ Այրարատ (стр. 214) съ подписью *Древній видъ Эчміадзинскаго собора* (Հին ձեւ կաթողիկէին Էջմիածնի).

2) Dubois de Montpéreux, ц. с., т. III, стр. 371.

3) ц. с., Atlas, sér. III., pl. VII., fig. 1.

постройкѣ Тирдата, который, будучи воспитанъ въ Римѣ, старался-молъ ввести у себя римскія формы построекъ»[1]).

Однако, сравнительно съ взглядомъ Dubois критика Стржиговскаго менѣе состоятельна: быть можетъ, онъ не видѣлъ всѣхъ сохранившихся подробностей, которыя доказываютъ сѣдую древность и представляютъ характеръ чисто римскаго стиля.

Впрочемъ Dubois планомъ не занимался: онъ интересовался лишь подробностями наружнаго вида[2]). Потому-то его проектъ реставраціи даетъ лишь фасадъ[3]), причемъ онъ предполагалъ, что выступающія наружу абсиды столь же древни, сколь первоначальное зданіе храма.

Долженъ однако признаться, что если бы я не былъ занятъ раньше анійскою церковью Апостоловъ, едва ли въ такой мѣрѣ, какъ сейчасъ, удалось бы мнѣ обратить вниманіе, помимо фасада, и на форму плана.

Въ началѣ Эчміадзинскій храмъ имѣлъ снаружи форму четыреугольника, почти квадрата, безъ выступающихъ наружу абсидъ. Доказательствомъ этого, какъ было сказано, можетъ служить и то, что ни качество или размѣры камней въ выступающихъ абсидахъ, ни кладка ихъ не имѣетъ никакой связи съ фундаментальными стѣнами. Однимъ взглядомъ можно уловить эту разницу даже на фотографическомъ снимкѣ (рис. I и II). Имѣется и другое характерное явленіе. Архивольты оконъ, непосредственно примыкающихъ съ двухъ сторонъ къ абсидѣ южнаго фасада, отчасти заложены камнями позднѣйшей кладки (рис. II. 1, 2). Тоже самое случилось съ окномъ сѣвернаго фасада, расположеннымъ съ востока входной двери почти вплотную къ западной стѣнѣ абсиды (рис. I. 3).

Длина храма внутри съ востока на западъ, не считая углубленій выступающихъ наружу абсидъ 22 м., 55, а ширина съ сѣвера на югъ, также не считая углубленій тѣхъ же абсидъ, 20 м., 72. Прибавивъ къ длинѣ съ востока на западъ толщину западной и восточной стѣнъ, съ запада 1 м., 15, съ востока 0 м., 80, мы получаемъ длину сѣверной стѣны снаружи 24 м., 50(=22, 55+1, 15+0 м., 80)[4]). Прибавивъ также къ ширинѣ толщину

---

1) Joseph Strzygowski, *Das Etschmiadzin-Evangeliar*, Wien 1891, стр. 3.

2) Dubois, ц. с., т. III, стр. 372.

3) ц. с., Atlas, sér. III, pl. VII, fig. 1.

4) Толщина стѣны, отдѣляющей храмъ отъ [позднѣе пристроенныхъ] четыреугольныхъ угловыхъ комнатъ у восточной стѣны, собственно не 0 м. 80, а 1 м., 32. Но я счелъ толщину въ 0 м., 80, такъ какъ и направленіе демаркаціонной линіи между подлинною первоначальною частью стѣны храма и частью стѣны, использованною, какъ увидимъ, отъ смежной постройки, отграничило искомую толщину въ точности въ 0 м., 80. Изъ этой неправильности, несоотвѣтствія толщины восточной стѣны толщинѣ остальныхъ трехъ стѣнъ, явствуетъ, что она, восточная стѣна, подверглась какимъ-то позднѣйшимъ измѣненіямъ, или, быть можетъ, смежная постройка отдѣлялась отъ соборнаго храма одною общею стѣ-

боковыхъ стѣнъ, мы получаемъ ширину храма съ сѣвера на югъ снаружи 23 м., 02(=20 м., 72+1 м., 15+1 м., 15).

На лицо—показатель, точно опредѣляющій первоначальную длину храма съ востока на западъ. Съ востока непосредственно за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ кончается первоначальная длина храма, находится начало отдѣльной постройки болѣе низкой, чѣмъ храмъ. Рядомъ съ первоначальною восточною стѣною храма

Рис. II. Эчміадзинскій храмъ. Видъ съ юга.

сохранилось лишь начало фронтона, вѣнчавшаго весь фасадъ отдѣльной постройки. Надъ остаткомъ сѣвернаго фронтона сверху внизъ и сейчасъ тянется линія, раздѣляющая двѣ постройки (рис. I. 4). Такая же демаркаціонная линія виднѣется и на южномъ фасадѣ (рис. II. 6). Эти остатки доказываютъ, что нѣкогда рядомъ съ восточною стѣною храма, въ непосредственной съ нею близости, во всю ея ширь тянулась какая то постройка. Мнѣ кажется, что по-

ною, будучи возведена одновременно съ нимъ. Пользуюсь случаемъ констатировать фактъ, что почти невозможно точно передать въ прямыхъ линіяхъ направленія стѣнъ въ наличномъ ихъ состояніи, не прибѣгая къ среднему пути, настолько значительны искривленія и неправильности, возникшія отъ непрерывныхъ подновленій руками невѣжественныхъ мастеровъ. По точнымъ обмѣрамъ, отмѣченнымъ въ планѣ (рис. X), можно видѣть, что нигдѣ не сохранилось правильной симметріи въ размѣрахъ. Даже длина самого храма на 0 м., 40 превышаетъ норму съ южной стороны и т. д.

стройка эта была обособлена, самостоятельна, но впослѣдствіи, когда она разрушилась и лежала въ развалинахъ, строители или реставраторы соборнаго храма, воспользовавшись прилегавшею ея частью, включили ее въ свою постройку и у восточнаго фасада, съ двухъ сторонъ нынѣшняго алтарнаго полукружія, выработали четыреугольныя комнатки, служащія придѣлами (III. 1, 1). Боковое окно придѣла, несомнѣнно, принадлежало смежной постройкѣ, впослѣдствіи использованной для удлиненія храма. Судя по степени наклона ея фронтона и мѣсту его нахожденія, смежная постройка была, надо думать, довольно значительнаго размѣра.

Пока, понятно, трудно сказать, чему служила самостоятельная постройка, сооруженная у восточной стѣны Эчміадзинскаго храма въ его первоначальномъ видѣ. Но изъ ея наличія можно сдѣлать два заключенія, одно изъ нихъ опять таки въ доказательство того, что теперешнія абсиды — позднѣйшаго происхожденія.

Съ востока абсида не могла первоначально выступать наружу, такъ какъ она уперлась бы въ самый корпусъ смежнаго зданія. Выступающая наружу восточная абсида явилась бы совершенно неумѣстною, она представила бы чрезвычайное неудобство для смежной постройки, какихъ бы размѣровъ и какой бы формы она ни была.

Отсюда ясно, что наружныя абсиды выведены были по разрушеніи той смежной постройки.

Другое заключеніе высказываю съ бо́льшею опасливостью. Съ существованіемъ постройки съ востока можно бы связать обычное среди турокъ названіе Эчміадзина—Ӱчќилисэ, т. е. *Три церкви*,—названіе, быть можетъ, восходящее къ древней мѣстной традиціи. Для этого достаточно бы было предположить, что съ востока главнаго храма были не одна, а двѣ самостоятельныя постройки, примѣрно двѣ часовни. Въ такомъ случаѣ частями этихъ двухъ построекъ пришлось бы признать наличный кусокъ фронтона и переживанія продолжающейся подъ нимъ древней кладки въ сѣверномъ и южномъ фасадахъ.

Стефанъ Какашъ Залонкеменскій, путешественникъ самаго начала XVII-го вѣка, вполнѣ ясно говоритъ, что Ӱчќилисэ, т. е. *Тремя церквами* называли именно Эчміадзинскій храмъ [1]).

1) «A trois milles de là se trouvent trois églises datant de plusieurs siècles; deux d'entre elles sont en ruine, la troisième, la plus importante, que les Turcs appellent Utchkilissa, est entretenue en bon état» (*Iter persicum* ou *Description du voyage en Perse* entrepris en 1602 par Étienne Kakasch de Zalonkemeny. Relation rédigée en allemand et présentée à l'empereur par George Tectander von der Jabel. Traduction publiée et annotée par Ch. Schefer. Bibliothèque Orientale elzévirienne X, Paris 1877, стр. 60). Обычное объясненіе названія Ӱчќилисэ приводится еще Chardin'омъ (ц. с., т. II, стр. 171—172, 177): «помимо монастыр-

Но обратимся къ размѣрамъ самого храма, имѣющимъ технически существенное значеніе для возведенія купола въ армянскомъ стилѣ. Если отъ всей длины сѣверной стѣны отнимемъ протяженіе, занятое малыми фронто-

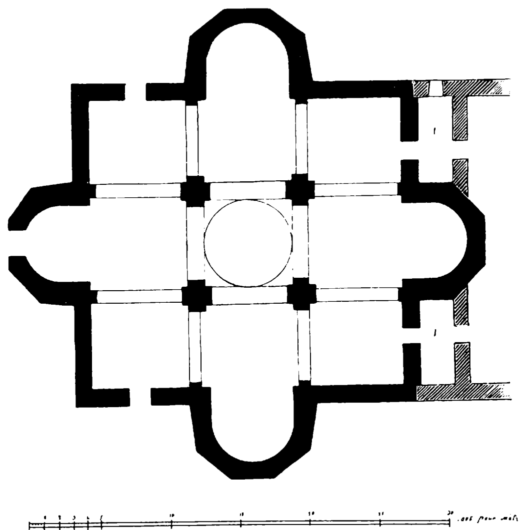

Рис. III. Планъ нынѣшняго Эчміадзина съ позднѣйшими комнатками (1, 1).

нами 7 м., 03 + 7 м., 03 = 14 м., 06 (рис. I. 7, 8 и IV. 1, 1, 1, 1, 1, 1), остатокъ въ 11 м., 44 представитъ ширину средняго большого фронтона съ каждой стороны. Это же протяженіе въ 11 м., 44 можетъ служить дѣйствительнымъ предѣломъ для діаметра основанія купола[1]). Дѣло въ томъ, что

ской церкви имѣются еще двѣ церкви довольно близко», «это—св. Гаянэ и св. Рипсиміи». Если бы судить по цитатѣ у Алишана (Այրարատ, стр. 232), Tectander подъ Учкилисэ подразумѣваетъ самый Эчміадзинъ его времени о трехъ древнихъ церквахъ, изъ коихъ двѣ лежали въ развалинахъ, а третья, бо́льшая, стояла въ цѣлости: Եկն ի քնին Էջմիածնի, զոր եւ ասէ ի Թուրքաց կոչել (Իւչ գիլիսէ) Երեք եկեղեցիս հինս, երկուքն աւերեալք, մեծագոյնն չէն. Но путешественникъ начала XVII-го вѣка предполагаемыхъ нами построекъ не могъ видѣть: онѣ были въ развалинахъ еще до появленія наружныхъ абсидъ храма, да, кромѣ того, въ началѣ XVII-вѣка вокругъ Эчміадзинскаго храма вздымались груды обломковъ высотою въ семь «локтей» (Կանգուն, Аракелъ, ц. с., стр. 233).

1) Я имѣлъ возможность измѣрить лишь восточный малый фронтонъ сѣвернаго фасада. Всѣ мои соображенія основаны на его размѣрѣ. Но долженъ признать, что размѣръ этого фронтона нѣсколько неясенъ съ одной стороны, именно не ясно, гдѣ кончается его край со стороны абсиды. По противоположному краю, судя на глазъ, кажется, что ширина малость превосходитъ принятый мною размѣръ въ 7 м., 03. Если это и окажется дѣйстви-

протяженія въ 11 м., 44, идя въ направленіяхъ съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, скрещиваются (рис. IV. 2, 2, 2) и въ центрѣ образуютъ тотъ квадратъ, на которомъ только и покоится куполъ (рис. IV. 3, 3, 3, 3). Въ то же протяженіе входитъ толщина стѣнъ, обрамляющихъ средніе фронтоны (рис. IV. 4, 4) и, слѣдовательно, предѣлъ размѣщенія пилоновъ, поддерживающихъ куполъ внутри храма (рис. IV. 5, 5, 5, 5). Цифры 1, 1, 1, 1, 1, 1 на рисункѣ IV-мъ показываютъ направленія демаркаціонныхъ и скрещивающихся линій въ соотвѣтствіе съ шириною наружной лицевой стороны фронтоновъ.

Слѣдовательно, при такомъ разсчетѣ, основаніе центральнаго купола также должно имѣть діаметръ въ 11 м., 44. Благодаря этому получится размѣръ куполовъ армянскаго стиля съ широкою посадкою съ приблизительнымъ соблюденіемъ традиціонной симметріи въ противовѣсъ нынѣшнему его діаметру, замѣтно укороченному. По провѣркѣ существующихъ нынѣ частей съ точки зрѣнія закона объ этой симметріи вполнѣ ясно обнаруживается, что храмъ подвергался измѣненіямъ не только снаружи, но и внутри.

Если бы у насъ не было въ рукахъ этой строго научной опоры, и тогда нами должно было быть замѣчено другое весьма характерное обстоятельство. Оно также показываетъ, что расположеніе пилоновъ подъ куполомъ — позднѣйшаго происхожденія. Расположеніе пилоновъ подъ куполомъ находится всегда въ зависимости отъ діаметра купола и направленія скрещивающихся протяженій среднихъ большихъ фронтоновъ. И вотъ при провѣркѣ этого положенія безусловно должно было обнаружиться, что наличное расположеніе (рис. III) не только не было свойственно армянскому стилю до XVII-го и XVIII-го вѣковъ, но едва ли оно появлялось въ церквахъ другихъ христіанскихъ народовъ. Представляетъ же наличное расположеніе слѣдующую особенность: равенство разстояній между пилонами, съ одной стороны, и между пилонами и внѣшними стѣнами, съ другой стороны, то есть три нефа параллельно подрядъ, равные по ширинѣ.

Въ данномъ случаѣ неправъ Стржиговскій, когда это явленіе считаетъ похожимъ на первую форму византійскихъ купольныхъ церквей, начинающихъ входить въ обиходъ со времени Юстиніана[1]), между тѣмъ

тельно такъ, ни одна іота не подлежитъ измѣненію въ моихъ предположеніяхъ. Послѣдствіемъ будетъ только то, что внутри пилоны сблизятся больше другъ съ другомъ, почти сравняются съ нынѣшнимъ расположеніемъ, и уменьшится еще діаметръ купола, который въ такомъ случаѣ въ точности совпадетъ съ размѣромъ церкви Апостоловъ въ Ани, что явилось бы лишнимъ доводомъ въ пользу правильности моихъ мыслей.

1) ц. с., стр. 5: «Der Grundriss entspricht somit, wenn wir von den specifisch armenischen Motiven der Apsiden auf der Nord-, Süd-, und Westseite (Schnaase, *Geschichte d. bild. Kunste* 2. A. III, S. 327) absehen, durchaus dem erst seit Justinian giltigen Schema der byzantinischen Kuppelkirche».

какъ св. Софія, мать византійскихъ купольныхъ церквей, имѣетъ боковые нефы, замѣтно суженные, далеко расходясь такимъ образомъ съ подобною симметріею въ расположеніи [пилоновъ и стѣнъ]. Что же касается армянскихъ церквей, въ нихъ всегда особенно сильно выражена ширина центральныхъ арокъ. Иллюстраціею этого факта могутъ служить Дигоръ, Мренъ, Ани съ его соборомъ и другіе многочисленные памятники. По этой причинѣ и строились купола древнихъ армянскихъ церквей съ очень широкимъ основаніемъ. Въ Анійскомъ соборѣ, который нѣсколько шире Эчміадзинскаго храма, пилоны, поддерживающіе внутри куполъ, размѣщены настолько близко къ внѣшнимъ стѣнамъ, сѣверной и южной, что съ ихъ широко сидящихъ базъ одно время вынуждены были стесать сверху внизъ выдававшіяся орнаментальныя мулюры, чтобы нѣсколько расширить проходы въ промежуткахъ между пилонами и внѣшними стѣнами.

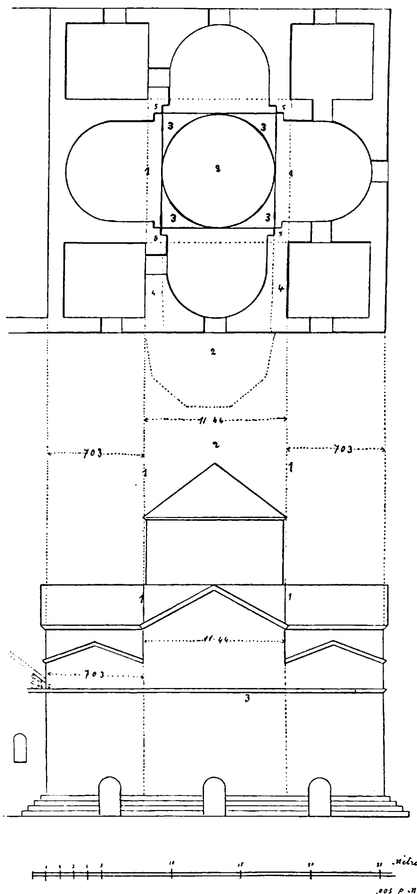

Рис. IV. Первоначальный планъ и фасадъ Эчміадзина съ сѣвера.

Однако, если даже слѣдовать выяснившимся размѣрамъ среднихъ протяженій въ 11 м., 44, отъ скрещенія которыхъ получившійся квадратъ въ проэкціи на поверхности даетъ отдаленность пилоновъ отъ внѣшнихъ стѣнъ и другъ отъ друга, всетаки центральныя арки оказываются довольно

узкими сравнительно съ правильными пропорціями армянскихъ церквей. Для разъясненія этого явленія въ предѣлахъ четыреугольника, образуемаго подлинными древними стѣнами Эчміадзина, я попробовалъ представить себѣ церковь, возведенную на четырехъ пилонахъ, размѣщенныхъ согласно выясненнымъ пропорціямъ. Когда на такомъ планѣ понадобилось нанести абсиду алтарнаго полукружія внутри восточной стѣны, мало того, что сооруженіе приняло несуразный видъ, попытка дала результаты, противные обычной крестной формѣ, освященной традиціею вообще для церквей. Абсида достигла ближайшей пары четырехъ центральныхъ пилоновъ и слилась съ ними, оставивъ справа и слѣва углубленія въ качествѣ комнатъ или нишъ. Общій же видъ самого храма съ двумя остальными центральными пилонами представилъ залъ, болѣе обширный въ ширину, съ сѣвера на югъ, чѣмъ въ длину, съ востока на западъ. Ввиду этой безвкусицы оставалось предположить, что алтарная абсида, быть можетъ, выходила наружу за предѣлы восточной стѣны четыреугольнаго корпуса.

Но эту мысль побудилъ меня оставить, помимо разъясненныхъ выше основаній, и общій характеръ армянскихъ церквей, алтарныя абсиды которыхъ почти всегда прикрываются восточною стѣною. Хотя въ этомъ отношеніи имѣются исключенія, напримѣръ церкви въ Касалѣ и Дигорѣ, но, по моему, и эти рѣдкіе случаи нуждаются въ обслѣдованіи: едва-ли и въ нихъ выдающіяся наружу алтарныя абсиды одного времени съ постройкою самихъ храмовъ. На примѣрѣ Талинской церкви св. Богородицы[1]) до наглядности ясно, что всѣ боковыя абсиды прибавлены впослѣдствіи, вѣроятно, на протяженіи X-го вѣка или еще позднѣе. Посему, по обнаруженіи этихъ необычныхъ пропорцій, выяснилась настоятельная необходимость обратиться къ анійской церкви Апостоловъ, представляющей снаружи сходство съ Эчміадзинскою, и развязать узелъ путемъ использованія ея плана (рис. V). Выведя въ предѣлахъ подлинныхъ стѣнъ Эчміадзинскаго храма соотвѣтственныя направленія съ проэкціею діаметра и основанія купола, я получилъ планъ (рис. IV), который не только общимъ впечатлѣніемъ соотвѣтствуетъ плану церкви Апостоловъ въ Ани, но и размѣрами ширины и длины представляетъ съ нею въ высшей степени близкое подобіе.

При обмѣрахъ Эчміадзина снаружи мы получили длину съ востока на западъ въ 24 м., 50 и ширину въ 23 м., 02, т. е., значитъ, протяженіе съ востока на западъ превосходитъ протяженіе съ сѣвера на югъ. Разница въ 1 м., 48. Этой особенности нельзя было ожидать отъ четыреугольнаго кресто-

---

1) Архим. Месропъ Теръ-Мовсесянъ, *Раскопки развалинъ церкви св. Григорія близъ Эчміадзина*, Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи, вып. 7-й. СПб. 1903, табл. XX, или на арм. языкѣ, *Էջմիածինն եւ Հայոց Հնագոյն եկեղեցիներ, տախտ.* XXI.

образнаго храма вообще въ греческихъ церквахъ. Между тѣмъ этою особенностью отличается и церковь Апостоловъ въ Ани. Длина церкви Апостоловъ съ востока на западъ 21 м., 64, ширина 19 м., 68. Разница 1 м., 96. Слѣдовательно, и здѣсь соблюдены пропорціи плана Эчміадзинскаго храма съ небольшою разницею въ 48 сантиметровъ. Кстати, укажу, что у анійской круглой церкви св. Григорія, постройки царя Гагика, завѣдомой копіи арапарскаго храма Бдящихъ силъ, помимо иныхъ вольныхъ или невольныхъ отличій, оказывается разница съ оригиналомъ и въ діаметрѣ на 0 м., 60.

Въ армянскихъ церквахъ округлыя абсиды не полуциркульныя: глубину онѣ представляютъ бо̀льшую, чѣмъ та, которая ожидалась бы при ихъ радіусахъ. Эта глубина бываетъ болѣе ожидаемаго размѣра на половину радіуса полукруга. Когда въ предѣлахъ ранѣе установленнаго протяженія въ 11 м., 44, по выключеніи толщины стѣнъ, я внутри начертилъ съ указанными пропорціями полукруглую абсиду, то планъ принялъ видъ, вполнѣ отвѣчающій требованіямъ армянскаго строительнаго искусства. Правда, благодаря этому діаметръ купола слишкомъ укоротился сравнительно съ тѣми размѣрами, которые свойственны куполамъ армянскихъ церквей съ широкимъ основаніемъ. Однако, если внутри церкви не было бы такихъ полукруглыхъ крыльевъ, а стояли бы пилоны или хотя бы пилястры, то четыре центральныхъ устоя въ такомъ случаѣ должны были быть безусловно дальше другъ отъ друга и ближе къ внѣшнимъ стѣнамъ, и естественнымъ послѣдствіемъ этого было бы то, что, во-первыхъ, діаметръ купола долженъ былъ раздаться и, во-вторыхъ, соотвѣтственно фронтоны фасадовъ снаружи должны были стать шире, т. е. шире 11 м., 44. Посему получающаяся противъ обычнаго стѣсненность основанія купола опять таки служитъ доказательствомъ того, что внутри церковь представляла крестъ съ полукруглыми крыльями, такъ какъ съ этою стѣсненностью основанія находится въ естественной связи отдаленіе основаній пилоновъ къ центру отъ внѣшнихъ стѣнъ

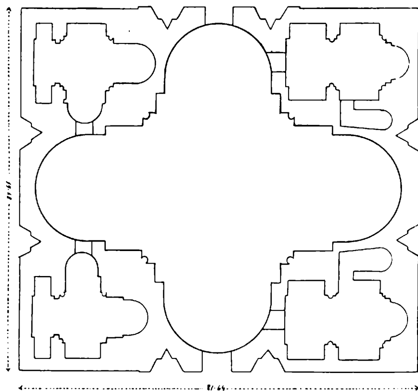

Рис. V. Планъ церкви Апостоловъ въ Ани.

настолько, чтобы получить возможность умѣстить въ крыльяхъ полукруглыя абсиды, болѣе глубокія, чѣмъ радіусъ ихъ полукруговъ.

Другимъ доказательствомъ предполагаемой первоначальности крестообразной формы внутри храма является наличіе четырехъ комнатъ или придѣловъ въ четырехъ углахъ.

Однако чѣмъ можно подтвердить, что эти комнаты дѣйствительно существовали первоначально? Тѣмъ, что на лицо сейчасъ боковыя двери, открывающіяся въ тѣ части, гдѣ должны были находиться предполагаемыя угловыя комнаты. Таковы — двѣ боковыя входныя двери, южная и сѣверная, у западной стѣны, а въ южномъ фасадѣ заложенная у восточнаго края дверь (рис. II. 7), симметрично отвѣчающая входу у западнаго края.

Угловыя комнаты были обособлены отъ храма, иначе не было бы надобности снабжать ихъ внѣшними дверьми, особенно у восточнаго края. Принадлежность этихъ дверей угловымъ комнатамъ доказывается и тѣмъ, что онѣ — совершенно чужды традиціонному стилю армянскихъ церквей. У армянскихъ церквей входныя двери бывали съ сѣвера, юга или съ запада, но всегда въ средней части соотвѣтственнаго фасада, и въ томъ случаѣ, когда видъ церкви и снаружи былъ крестообразный. Сколько ни сохранилось до насъ церквей съ VII-го вѣка и позднѣе съ крестообразною формою и внѣ, входъ во всѣхъ ихъ открывается въ центрѣ выступающихъ наружу абсидъ. Посему и у Эчміадзинскаго храма были, несомнѣнно, первоначально главныя входныя двери съ боковъ, но въ серединѣ соотвѣтственныхъ фасадовъ, независимо отъ обособленныхъ дверей угловыхъ комнатъ, какъ это можно видѣть на планѣ (рис. IV). Но когда, по разрушеніи полукруглыхъ крыльевъ креста внутри, комнаты слились съ храмомъ, строители, естественно, воспользовались готовыми уже дверьми сѣвернаго и южнаго фасадовъ, а также — западнаго фасада, если, понятно, такая дверь существовала, а дверь южнаго фасада у восточнаго края заложили (рис. II. 7), такъ какъ по разрушеніи соотвѣтственной комнаты она оказывалась на неподобающемъ мѣстѣ, открывая доступъ прямо въ кругъ священниковъ, вообще причта.

Указанныя комнаты отличаются простотою своихъ формъ отъ соотвѣтственныхъ частей анійской церкви Апостоловъ съ ихъ алтарными абсидами. Это понятно. До X-го вѣка въ армянскихъ церквахъ не встрѣчаются угловыя комнаты съ алтарными абсидами, безразлично находятся ли онѣ на восточной или на западной сторонѣ храма. Этотъ обычай, смѣло можно сказать, начинаетъ проявляться съ X-го вѣка, наиболѣе вѣроятнаго времени постройки церкви Апостоловъ въ Ани.

Для чего служили угловыя комнаты западной стороны, пусть разъяснятъ

намъ Ереруйская базилика, церковь Рипсиміи и другіе храмы съ подобными отдѣленіями. Я рѣшаюсь лишь въ качествѣ предположенія высказать, что онѣ въ древнѣйшихъ армянскихъ церквахъ, быть можетъ, служили въ качествѣ притвора для язычниковъ, точнѣе оглашенныхъ, такъ какъ у армянъ въ древнихъ храмахъ нѣтъ этого для литургіи необходимаго отдѣленія, какъ это водится въ западныхъ церквахъ. Эту мысль я высказываю, основываясь на преданіи, распространенномъ на моей родинѣ въ Малой Азіи, именно Шабан-Караһисарѣ и его окрестностяхъ. Въ этомъ районѣ вообще множество церквей. Въ частности тамъ имѣется церковь св. Богородицы, и въ ней эти комнаты западной стороны отъ храма отдѣляются не глухою стѣною, а рѣшетчатою (վանդակորմ), да и полы въ нихъ на двѣ ступени выше, чѣмъ полъ въ храмѣ. Народъ эти отдѣленія по преданію называетъ «бэйнамаз сэ̆кюси» (бинамаз сэкюси), т. е. *притворъ безмолитвенныхъ*, буквально *безмолитвенная площадка*.

Быть можетъ, намъ замѣтятъ, что у армянъ обычны церкви, крестообразныя снаружи. Такихъ церквей, дѣйствительно, сохранилось достаточное количество, напр. въ Мастарѣ, Талинѣ, Багаранѣ, Аламнѣ и т. д. и т. д. Посему можно бы утверждать, что Эчміадзинъ вначалѣ имѣлъ ту же форму, крестообразную и снаружи, а другіе храмы являлись воспроизведеніями освященнаго традиціею прототипа или его подражаніями. Однако дѣло въ томъ, что всѣ другія крестообразныя церкви, кромѣ Эчміадзинской, подчинены правиламъ опредѣленнаго стиля и присущей ему симметріи, а наличный Эчміадзинъ, напротивъ, проявляетъ усилія во чтобы то ни стало уподобиться имъ. Даже не производя обмѣровъ, по простому глазомѣру можно видѣть, что эти крестообразныя снаружи церкви, получающія свое существованіе съ VII-го вѣка, вылиты въ формы, обязательныя по симметріи четыреугольныхъ храмовъ, т. е. выступающія наружу абсиды сохраняютъ ту пропорціональную ширину, какая должна была отличать главные фронтоны и широкіе купола въ четыреугольныхъ церквахъ тожественныхъ размѣровъ. Ширина наличныхъ абсидъ Эчміадзинскаго храма почти равна ширинѣ прямыхъ стѣнъ, остающихся съ каждой изъ сторонъ данной абсиды. Эти же прямыя стѣны во всѣхъ другихъ крестообразныхъ церквахъ значительно у́же, часто настолько, что онѣ равны лишь половинѣ ширины абсиды. Равнымъ образомъ входныя двери, какъ я уже говорилъ, помѣщались безъ исключенія въ среднихъ частяхъ абсидъ.

Мы рѣшаемся идти далѣе, именно пытаемся, насколько возможно, выяснить, когда или въ какія эпохи вѣроятнѣе всего произведены были эти измѣненія внутри и снаружи Эчміадзинскаго храма.

Такъ какъ восточная и западная стѣны покрыты постройками новѣй-

шаго происхожденія, остается изслѣдовать подробности, оставшіяся отъ различныхъ вѣковъ въ сѣверной и южной стѣнахъ.

Малые фронтоны сѣверной стѣны, по моему мнѣнію, надо считать постройкою самого Ваһана Мамиконяна, дѣятеля второй половины V-го вѣка, такъ какъ они чисто римскіе, какъ это уже замѣтилъ одинъ изъ изслѣдователей, именно Dubois [1]).

Подробности, устанавливающія ихъ характеръ, все еще ясно намѣчаются, хотя онѣ сейчасъ сильно поистерлись.

По верхнему краю карниза этого фронтона за свойственной его стилю рельефною мулюрою слѣдуетъ вдоль выпускная плита съ плоскою лицевою стороною, подъ которою симметрично расположены модильоны. Верхнія части двухъ экземпляровъ этихъ модильоновъ сохранились совершенно непочато, поистерлись лишь нижніе ихъ концы, и потому не ясно, имѣлись ли внизу рѣзьбою обычные вообще въ этомъ стилѣ листья, хотя, судя по неповрежденнымъ верхнимъ частямъ, не можетъ быть мѣста для какого-либо сомнѣнія въ томъ, что они существовали. Карнизъ съ этими чертами единственное явленіе среди всѣхъ армянскихъ памятниковъ. Даже въ церкви Бдящихъ силъ, богатой подробностями западнаго стиля, нельзя замѣтить до такой степени чисто римской линіи [2]). Слѣдовательно, это явленіе отнюдь не можетъ быть случайнымъ.

Толкуя его исторически, я долженъ сказать, что это была единственная эпоха, когда, судя по всему, армяне находились подъ вліяніемъ Запада.

1) Ясное дѣло, что Стржиговскій не замѣтилъ вовсе архаичнаго карниза. Если бы онъ видѣлъ его и разсмотрѣлъ, онъ не только отказался бы отъ рѣзкой критики подлежащей части въ сужденіяхъ Dubois, но и не прибавилъ бы съ своей стороны или значительно иначе редактировалъ бы собственное сужденіе, гласящее такъ (ц. с., стр. 5): «и сама церковь въ верхней своей структурѣ (im Oberbau) цѣликомъ нова; дѣло въ томъ, что церковь и монастырь были разрушены шахомъ Абасомъ I въ 1604-мъ году, и обломки были перевезены въ Джульфу у Испагани для постройки новой церкви». Сужденіе такимъ образомъ основано на свѣдѣніи, восходящемъ къ историку Аракелу. А это значитъ, что Стржиговскій плохо освѣдомленъ на счетъ истиннаго показанія историка, и на такой освѣдомленности обосновываетъ мысль, что храмъ представляетъ новую постройку. По сообщенію Аракела, Таһмаз-кули-ханъ, исполняя волю шаха Абаса, изъ Эчміадзинскаго храма доставилъ въ окрестности Испагани всего на всего пятнадцать «знаменательныхъ» (նշանաւոր) камней. Армянскій историкъ въ числѣ этихъ камней называетъ каменный престолъ, колонку престола, камень сошествія Христа, купель и два каменныхъ подсвѣчника. Слѣдовательно, чисто архитектурныхъ камней забрано было всего девять, да и они извлечены были изъ наименѣе отвѣтственныхъ частей, именно два камня изъ лѣстницы алтарнаго возвышенія съ юга и съ сѣвера, четыре — изъ угловъ церкви со стороны дверей и три — изъ пола алтарнаго возвышенія (Պատմութիւն, Вагаршапатъ 1884, стр. 161). Эчміадзинскій соборъ значительно болѣе страдалъ отъ отсутствія ухода и запущенія (Аракелъ, ц. с., стр. 233, 235).

2) Стоило бы, конечно, подробно обмѣрить этотъ карнизъ и представить его въ чертежѣ, но по нѣкоторымъ, независящимъ отъ меня причинамъ я не могъ сдѣлать этого. Было бы прекрасно при разборѣ храма передъ реставраціею осторожно извлечь его и заботливо сохранить.

Изъ кружковъ Месропа, получившихъ образованіе въ различныхъ частяхъ Византіи и Запада, многіе еще были живы. Одинъ изъ нихъ былъ любимецъ Ваһана Мамиконяна: это—историкъ Лазарь Парбскій, одно время попечитель нашего храма въ качествѣ настоятеля монастыря. Слѣдовательно, не можетъ показаться странною мысль, что попеченіе со стороны такихъ ученыхъ, умудренныхъ западною наукою, при реставраціи храма, могло оказать непосредственно вліяніе на архитектурный стиль и орнаменты внутри и снаружи.

Верхъ окна подъ самымъ малымъ фронтономъ (восточная часть сѣвернаго фасада), къ несчастью, я не имѣлъ никакой возможности изучить, но на видъ и онъ кажется мнѣ сохранившимся безъ измѣненія. Кромѣ этихъ двухъ слѣдовъ съ этой стороны ничего не осталось, что бы относилось къ первоначальной постройкѣ церкви. Конечно, за исключеніемъ барельефа съ изображеніемъ святыхъ, греческой надписи и т. п. [1]), для изслѣдованія коихъ я себя считаю не подготовленнымъ.

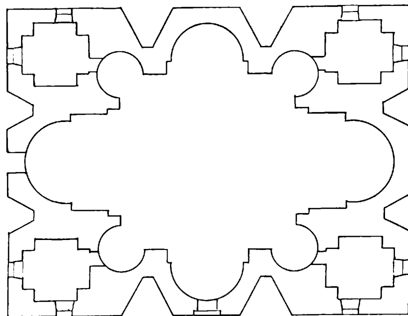

Рис. VI. Храмъ св. Рипсиміи.

Въ восточной части южнаго фасада заложенная дверь въ извѣстной степени сохранила отпечатокъ древности. Подобно дверямъ Ереруйской базилики, она поверхъ выпускной арки вѣнчалась двускатнымъ фронтономъ, слѣды котораго не погибли еще и ясно замѣчаются даже на фотографическомъ снимкѣ (рис. II. 7).

Мнѣ кажется, что католикосъ Комитасъ въ началѣ VII-го вѣка во время своихъ работъ по реставраціи не вводилъ измѣненій во внутреннемъ устройствѣ, ограничившись тѣмъ, что возвелъ крышу и куполъ изъ камня. Армянскій историкъ VII-го же вѣка по этому поводу пишетъ, что Комитасъ «снялъ перекрытіе св. Собора, обновилъ и шаткость стѣнъ, построилъ каменное перекрытіе» [2]). Тотъ же католикосъ, кромѣ того, и вновь воздвигнутый имъ храмъ св. Рипсиміи уподобилъ Эчміадзину, чтобы увѣковѣчить его планъ, освященный преданіемъ.

Храмъ св. Рипсиміи (рис. VI) лучше сохранилъ въ своемъ планѣ первоначальную форму сравнительно съ Эчміадзиномъ. Мы въ немъ находимъ весьма близкое сходство съ прототипомъ, равно съ церковью Апостоловъ въ Ани.

---

1) см. D-r Joseph Stzygowski, *Das Etschmiadzin-Evangeliar*, Wien 1891, стр. 5 сл.
2) Себеосъ, изд. Патканова, стр. 89, см. также католикосъ Іоаннъ, Моск. 1853, стр. 43.

У него также крестообразная внутри форма; въ немъ также угловыя комнаты. Есть лишь одно, другое отклоненіе.

Первое отклоненіе состоитъ въ томъ, что длина съ востока на западъ выражена сильнѣе. Во-вторыхъ, на соединеніяхъ полукруглыхъ абсидъ помѣщены вдобавокъ малыя абсиды или ниши [почти въ $^2/_3$ круга]. Но эти особенности не вносятъ большого или существеннаго различія въ общій характеръ типа. Въ то-же время первая особенность, сравнительно бо́льшая длина, храмъ Рипсиміи ставитъ ближе къ спеціальной особенности армянскихъ храмовъ, выше разъясненной.

Двадцать лѣтъ спустя послѣ Комитаса работы по реставраціи Эчміадзина или постройкѣ производитъ Нерсесъ Строитель. Но опредѣленныхъ свѣдѣній нѣтъ, что именно онъ строилъ. Такъ какъ отъ Себеоса и католикоса Іоанна знаемъ, что католикосъ Комитасъ сильно обновилъ св. Соборъ, особенно же отстроилъ совершенно заново крышу и купол, за двадцать лѣтъ храмъ не могъ, надо думать, настолько изветшать и пострадать, чтобы Нерсесъ Строитель произвелъ перестройки, которыя заслужили бы упоминанія армянскихъ историковъ, вообще умѣренныхъ или сдержанныхъ въ сообщеніи свѣдѣній о постройкахъ. Естественно, что онъ могъ сдѣлать коекакія новыя прибавленія по своему вкусу. Характерныя слова историка «трудолюбиво приладивъ, строитъ святой Шолакатъ [такъ назывался тогда Эчміадзинъ] въ ⌈Нор-⌉калакѣ»[1]) показываютъ, что онъ прибавилъ новыя вещи, приладилъ и т. д. Но что̀ могъ онъ тогда прибавить, если не внѣшнія абсиды и въ связи съ ними то, что внутреннія полукруглыя крылья и угловыя комнаты были объединены въ одинъ залъ съ храмомъ? Это уже само по себѣ довольно важное дѣло, заслуживавшее упоминанія.

Въ то-же время я долженъ признаться, что, судя по вкусу, проявленному Нерсесомъ на церкви Бдящихъ силъ, мною не найденъ въ Эчміадзинѣ ни одинъ фрагментъ, который напоминалъ бы Бдящія силы или вкусъ католикоса Строителя: ничто здѣсь не напоминаетъ богатства и великолѣпія орнаментовъ на церкви Бдящихъ силъ. Быть можетъ, вкусъ католикоса обнаружится на другихъ частяхъ, результатахъ «трудолюбія» Нерсеса, которыхъ мнѣ не удалось видѣть.

Послѣ Нерсеса Строителя судьбы этого храма покрыты мракомъ. И мы принуждены опять обратиться къ немногочисленнымъ сохранившимся архитектурнымъ фрагментамъ для обоснованія нашихъ сужденій.

Отъ эпохи прибавленія абсидъ сохранился карнизъ (рис. I. 9 и II. 9, 9,

---

1) См. Шахатунянъ, *Ստորագրութիւն կաթուղիկէ Էջմիածնի*, I, стр. 22: «*երկասիրաբար յարդարեալ շինէ (Գ Ներսէս կաթողիկոս) զսուրբ Շողակաթն 'ի (Նոր) քաղաք (այն է ի Վաղարշապատ)*».

рис. IV. 3 (на сѣв. фасадѣ), рис. X. 1, 1): по вѣнчаніи нововозведенныхъ выступающихъ абсидъ этимъ карнизомъ, лишь для гармоніи имъ обвели все зданіе. Чтобы продолженія этого карниза вдѣлать въ основныя стѣны, на уровнѣ карниза новыхъ абсидъ выбить былъ одинъ рядъ кладки, и, по помѣщеніи карниза, остававшаяся пустота была заложена и укрѣплена кладкою низкихъ камней [1]), какъ можно видѣть на фотографическомъ снимкѣ (рис. I. 10, 10). И вотъ карнизы такой формы или съ такою мулюрою съ X-го вѣка въ Арменіи уже не употребляются; въ X-мъ вѣкѣ только церковь Апостоловъ сохранила весьма близкую къ ней форму. Находятся же такіе карнизы на древнихъ постройкахъ, на церкви св. Богородицы въ Талинѣ и св. Троицы въ Дигорѣ, но одновременны ли они съ построеніемъ этихъ храмовъ или представляютъ плодъ позднѣйшихъ обновленій, трудно отвѣтить, такъ какъ у дошедшихъ до насъ отъ VII-го вѣка карнизовъ обычную, ставшую общераспространенною, форму представляютъ зубцы, вѣнчанные сверху линіями или каймою. Таковы карнизы церквей Еруруя, Мастары, Багарана, Талина и Мрена. Словомъ, карнизъ, обрамляющій Эчміадзинскій храмъ, происходитъ изъ періода отъ VII-го до X-го вѣка, быть можетъ, онъ болѣе близокъ къ X-му столѣтію.

На перспективномъ (рис. VII), древнѣйшемъ, по моему предположенію, видѣ храма, этого карниза я, понятно, не наносилъ на соотвѣтственной части, такъ какъ его считаю чуждымъ армянскому архитектурному стилю отъ начала до позднѣйшихъ временъ. Какъ было сказано, вновь прибавленныя абсиды явились причиною того, что этимъ карнизомъ обвели вокругъ весь храмъ.

Дуга, вѣнчающая окно сѣверной абсиды (рис. I. 11), повидимому, — одного времени съ постройкою выступающихъ абсидъ. Она опять таки проявляетъ форму, свойственную армянской архитектурѣ до X-го вѣка. Съ X-го вѣка въ качествѣ дугъ, уже съ широкою и плоскою поверхностью, начинаютъ примѣнять коймы или вѣнцы съ рѣзною орнаментаціею, и съ тѣхъ поръ крайне рѣдко появляется указанная форма на армянскихъ памятникахъ.

Особаго этюда касательно дверей и оконъ я не могу дать, такъ какъ я не имѣлъ средствъ и удобствъ для производства надлежащаго ихъ обслѣдованія; пока могу лишь сказать, что, по моему, нынѣшнія входныя двери и окна (сѣвернаго фасада) смѣщены съ своихъ мѣстъ, хотя и въ незначительной степени.

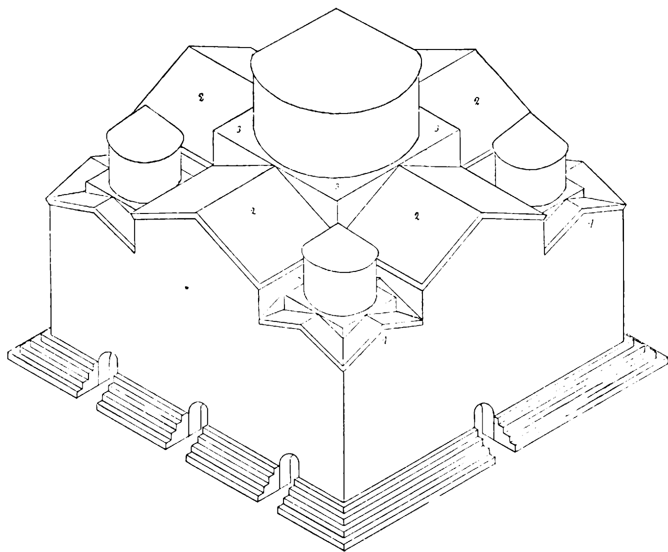
Необходимо нѣсколько словъ сказать объ измѣненіяхъ въ кровлѣ.

---

1) Тотъ же пріемъ можно замѣтить на церкви Богородицы въ Талинѣ (архим. Месропъ Теръ-Мовсесянъ, ц. с., табл. XX, арм. версія, табл. XXI), но здѣсь, щадя стѣны, оставили ихъ въ покоѣ, не обводили ихъ другимъ карнизомъ, и онъ вѣнчаетъ лишь добавленную абсиду съ восточной стороны.

Какъ выясняется, Эчміадзинскій храмъ пережилъ три главныя эпохи измѣненія своихъ формъ. Первая эпоха отъ начала до VII-го вѣка, вторая — отъ VII до XVII-го, третья эпоха — время дошедшаго до насъ вида.

Все, что можно было счесть вѣроятнымъ для первой эпохи, я помѣстилъ на перспективномъ видѣ (рис. VII). На немъ можно видѣть верхи боковыхъ фасадовъ каждой угловой застройки, вѣнчанные малыми фронтонами, и между ними большіе двускатные фронтоны, которые, идя съ четырехъ

(масштабъ см. стр. 037 и 039).

Рис. VII. Первоначальный видъ Эчміадзинскаго храма съ сѣверо-запада.

сторонъ, съ востока и запада, съ юга и сѣвера, и скрестившись въ серединѣ, образовывали основаніе центральнаго купола. Крестообразность кровли боковыхъ малыхъ застроекъ — миніатюрное воспроизведеніе совокупности перекрытія четырехъ абсидъ съ центральнымъ куполомъ. Со сторонъ сѣверной и южной храма она не можетъ вызвать возраженія, такъ какъ подлежащіе фронтоны сохранились донынѣ. Помимо теоретическихъ соображеній и доводовъ имѣются положительныя доказательства и въ пользу того, чтобы перекрытіе угловыхъ комнатъ предположить также двускатнымъ и съ восточной и западной сторонъ храма. На западномъ фасадѣ въ подлежащихъ

частяхъ малыхъ фронтоновъ по сію пору остаются ряды первоначальной кладки, которые въ центральной полосѣ поднимаются до уровня высоты малыхъ фронтоновъ сѣвернаго фасада. Въ этой полосѣ первоначальной кладки въ старину имѣлись окна (рис. VII. 1, VIII. 1 и IX. 1). Одно время, по измѣненіи вида перекрытія, пролеты оконъ были увеличены, такъ какъ получилось свободное мѣсто, но впослѣдствіи они совершенно были задѣланы.

Рис. VIII. Видъ Эчміадзинскаго храма съ юго-запада.

Четыре малыхъ купола, угловыхъ, показаны мною безъ всякаго положительнаго доказательства изъ древнихъ частей самого Эчміадзина, исключительно по архитектурнымъ даннымъ церкви Апостоловъ въ Ани. И это я позволилъ себѣ только потому, что эти два зданія, Эчміадзинъ и анійская церковь Апостоловъ, проявляютъ весьма близкое сходство другъ съ другомъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ. Въ то-же время позволительно спросить, не представ-

ляетъ ли наличіе и сейчасъ пяти куполовъ на Эчміадзинскомъ храмѣ, хотя и размѣщенныхъ иначе, посильное продолженіе древней традиціонной формы?

Для второй эпохи вѣроятнымъ видомъ храма можно счесть перспективный видъ (рис. X). Здѣсь для сравненія показана мною и часть нынѣшняго плана. На фасадѣ пунктиромъ выведены первоначальные малые фронтоны; надъ ними впослѣдствіи была продолжена кладка стѣнъ, и перекрытія угловыхъ комнатъ получили форму ската въ одну сторону. Это измѣненіе, несомнѣнно, представляетъ естественное послѣдствіе неудобствъ, сопряженныхъ со сложною постройкою первоначальныхъ крышъ. Сложная форма съ ея уклонами или скатами въ четыре стороны задерживала дождевую воду и становилась источникомъ разрушенія.

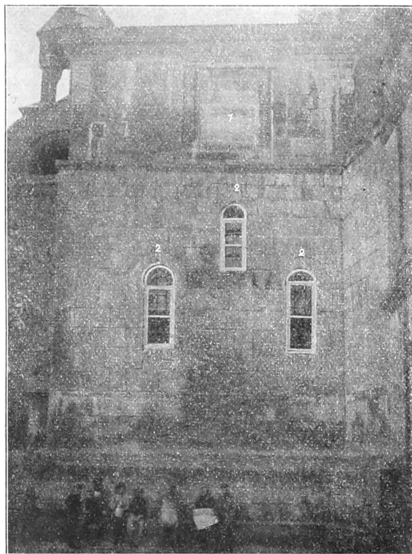

Рис. IX. Сѣверная часть западной стѣны храма.

Главные фронтоны слишкомъ узки сравнительно съ симметріею, наблюдаемою въ размѣщеніи внутри пилоновъ. Абсиды выступаютъ наружу и верхи перекрыты полуконусомъ. Различныя части храма въ наличномъ видѣ, не нашедшія мѣста на этомъ рисункѣ, относятся къ новѣйшей эпохѣ. Говорить о нихъ внѣ нашей задачи.

Итакъ, вкратцѣ изложилъ я взглядъ свой на первоначальныя архитектурныя формы Эчміадзина и ихъ измѣненія въ различныя эпохи. Считаю долгомъ къ этому прибавить одно живое свидѣтельство. Въ немъ вскрывается подтвержденіе части моихъ мыслей. Нѣтъ основанія настаивать на томъ, чтобы это свидѣтельство было признано безусловно документальнымъ, но оно, надѣюсь, способно дать болѣе сильный толчекъ детальному обслѣдованію памятника первостепенной важности, когда въ цѣляхъ реставраціи храма приступятъ къ разборкѣ старой постройки.

Въ Эчміадзинѣ въ этотъ разъ я гостилъ у архимандрита Гарегина

Овсепяна. За два дня передъ отъѣздомъ изъ Эчміадзина о. Гарегинъ мнѣ передалъ, что епископъ Сукіасъ, замѣтивъ меня изъ окна своей кельи за работою надъ храмомъ, поинтересовался ея цѣлью. Когда же о. Гарегинъ сообщилъ ему научную цѣль работы и изложилъ мой взглядъ на предметъ, преосвященный Сукіасъ немедленно замѣтилъ, что эта мысль совершенно

Рис. X. Древній видъ Эчміадзинскаго храма съ сѣверо-востока, съ планомъ его части, по пристройкѣ абсидъ.

правильна, такъ какъ онъ слышалъ о подтверждающихъ ее фактахъ отъ католикоса Макара, а католикосу Макару разсказалъ очевидецъ событія, католикосъ Нерсесъ Аштаракскій.

Заинтересованный неожиданнымъ заявленіемъ, я лично отправился вмѣстѣ съ архимандритомъ Гарегиномъ къ преосвященному Сукіасу, желая

узнать о дѣлѣ непосредственно изъ его устъ. И онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

„Я лично не видѣлъ. Мнѣ разсказалъ католикосъ Макаръ, которому въ свое время разсказано было Нерсесомъ: «Во время русско-персидской войны Эчміадзинскій соборъ долго служилъ въ качествѣ крѣпости. По этой причинѣ русскіе солдаты часто дни и ночи проводили на крышѣ храма, гдѣ отъ разводившагося ежедневно огня камни перекрытія большею частью обгорѣли. Порча камней отъ огня послужила причиною того, что дождевая вода, протекая въ храмъ, вызывала и поддерживала сырость. По этому я разобралъ всю крышу и заново отдѣлалъ. Во время этихъ реставраціонныхъ работъ я съ великимъ изумленіемъ увидѣлъ, что храмъ, до сихъ поръ считающійся нами крестообразнымъ, вначалѣ былъ четыреугольнымъ. Обнаружились очень ясные признаки того, что выступающія абсиды были прибавлены впослѣдствіи. Части абсидъ, впослѣдствіи присоединенныя къ стѣнѣ, были съ полыми мѣстами, въ одномъ изъ которыхъ найдены были посохъ изъ слоновой кости и нѣсколько другихъ церковныхъ предметовъ»“.

Т. Тораманянъ.

Александрополь
22 января 1909 г.

По поводу работы архитектора Т. Тораманяна: „О древнѣйшихъ формахъ Эчміадзинскаго храма“.

Въ 1864-мъ году архитекторъ профессоръ Гриммъ писалъ:

«Трудно допустить, чтобы церковь (Эчміадзинъ) въ настоящемъ видѣ представляла въ точности формы и пропорціи древней постройки. Обслѣдованіе стѣнъ, гдѣ глазъ можетъ еще выслѣдить линіи когда-то существовавшихъ фронтоновъ, а также различныя надписи, между прочимъ надпись на сѣверной стѣнѣ, подтверждаютъ наличіе измѣненій, которымъ подвергали церковь въ различныя эпохи. Не смотря на это, четыре внутреннія стѣны должны происходить изъ IV-го вѣка»[1]).

За симъ слѣдуетъ «краткая исторія памятника», но въ ней нѣтъ ни одной подробности, основанной на архитектурныхъ наблюденіяхъ, назначеніи какихъ-либо линій или на смыслѣ эпиграфическаго матеріала. «Краткая исторія памятника» и у архитектора проф. Гримма представляетъ сводъ свѣ-

---

1) *Monuments d'architecture en Géorgie et en Arménie*, St.-Pétersbourg 1864, стр. 9.

дѣній армянскихъ историковъ изъ вторыхъ рукъ и съ искаженіями именъ [1]), именно легендарнаго разсказа о построеніи храма самимъ Григоріемъ Просвѣтителемъ и тощихъ по реаліямъ сообщеній, въ громадномъ большинствѣ безъ всякихъ архитектурныхъ деталей объ измѣненіяхъ, произведенныхъ въ различныя эпохи.

Насколько должны быть легендарны наши книжныя или такъ называемыя традиціонныя представленія о первопрестольномъ храмѣ, можно судить по тому, что до сихъ поръ въ точности не извѣстна не только древнѣйшая его форма, но и то, какъ первоначально называлась церковь.

Названіе Эчміадзинъ вошло въ обиходъ и начало пріобрѣтать популярность лишь съ XV-го вѣка, послѣ того какъ армянскіе католикосы вернулись изъ Киликіи въ коренную Арменію и въ 1441-мъ году возобновили храмъ, лежавшій въ развалинахъ [2]). Въ *Плачѣ* Орбеляна объ этихъ развалинахъ употребляются сродныя слова *Էջք Միածնի* *сошествіе Единороднаго*, но не въ качествѣ названія мѣста, а извѣстнаго божественнаго явленія. Въ описаніи этого момента появляются тѣ-же слова въ одномъ шараканѣ, церковномъ пѣснопѣніи, гдѣ они гласятъ: *Էջ Միածինն ի Հաւրէ և լոյս փառաց ընդ նմա* «*Сошелъ Единородный* отъ Отца и съ Нимъ свѣтъ славы» и т. д. Одно время храмъ назывался «Шолакат», что̀ значитъ *свѣтоисточеніе*. Впослѣдствіи и довольно рано, до X-го еще вѣка, Шолакат» обращается въ имя мученицы, сподвижницы св. Рипсиміи и ея подругъ. Но и какъ названіе храма, «Шолакат» — позднѣйшій терминъ, внесенный легендарною редакціею *Житія св. Григорія Просвѣтителя*. Такъ какъ легендарное *Житіе* популярность начинаетъ пріобрѣтать при господствѣ халкедонитовъ въ Арменіи, то и названіе «Шолакат» не должно быть древнѣе VII-го вѣка. Его мы находимъ между прочимъ въ *Исторіи св. Креста*

---

1) Достаточно указать, что описатель Эчміадзина Шахатунянъ названъ «Chahkhathamof».

2) Мсеръ Мсеріанцъ, *Պատմութիւն կաթողիկոսաց Էջմիածնի*, Москва 1876, стр. 240—241, 248. Алишанъ приводитъ записи изъ середины XV-го вѣка (1443, 1447, 1464), въ которыхъ Эчміадзинъ упоминается еще въ неразрывной связи съ Валаршапатомъ (*Այրարատ*, стр. 210, прим. 1), хотя въ это время Эчміадзинъ въ качествѣ названія встрѣчается и самостоятельно, какъ въ одной записи 1444 года (ц. м.). Епископъ Іусикъ предполагаетъ (*Հայրապետական աթոռի մայրն Համառօտ տեսութիւն*, Вагаршапатъ 1904, стр. 10), что названіе «Эчміадзинъ» существовало задолго до XV-го столѣтія — «съ незапамятныхъ временъ», «достигающихъ до X-го вѣка», такъ какъ терминъ армянскаго народнаго-молъ происхожденія и въ литературу проникаетъ лишь впослѣдствіи изъ народа! Н. Г. Адонцъ обратилъ мое вниманіе на утвержденіе Инджиджяна, *Ստորագրութիւն Հին Հայաստանեայց*, стр. 476, что Нерсесъ Благодатный, писатель XII в., употребляетъ названіе «Эчміадзинъ» въ *Плачѣ Едессы*, однако это—плодъ какого-то недоразумѣнія. Въ части упомянутаго памятника объ Эчміадзинскомъ храмѣ, по крайней мѣрѣ по печатному изданію (*Élégie sur la prise d'Édesse* ... publiée etc. par le D-r J. Zohrab, Парижъ 1827, стр. 9,1 сл.), нѣтъ и признака знакомства съ терминомъ «Эчміадзинъ», но есть стихъ (ц. с., стр. 9,3), представляющій парафразъ названія «Шолакат»: *Յորում կաթեաց՝ շող երկնային*.

Нины, армянскомъ памятникѣ, по всей вѣроятности, халкедонитскаго происхожденія [1]). Въ другомъ безусловно халкедонитскомъ произведеніи, сказаніи (X-го вѣка) грузинскаго католикоса Арсенія *О церковномъ раздѣленіи грузинъ и армянъ*, сообщается, что «Шулакат»омъ назвали или во всякомъ случаѣ звали святой Соборъ при настоятелѣ его Іоаннѣ, значитъ, около 618-го года [2]). Очень жаль, что нельзя датировать памятникъ на армянскомъ языкѣ, именно «гандз», церковное пѣснопѣніе, нѣкоего Атома въ честь Эчміадзинскаго храма, называемаго и здѣсь Шолакатомъ [3]). Было бы интересно выяснить также, не связано ли появленіе этого поэтическаго произведенія съ какимъ либо моментомъ обновленія Эчміадзина. Во всякомъ случаѣ первое вытѣсненіе «Шолакат»а началось собственно въ VII-мъ же вѣкѣ, но не терминомъ «Эчміадзинъ», а названіемъ «Зовартунк», т. е. *Бдящія силы* или *Ангелы*. Бдящія силы являлись также, какъ Эчміадзинъ, образнымъ выраженіемъ того же чудеснаго явленія св. Григорію, именно «шолакат»а или свѣтоисточенія, происходившаго въ сопутствіи ангельскихъ силъ. Однако появленіе этого названія знаменуетъ вытѣсненіе не только названія «Шолакат», но и значенія самого зданія Эчміадзинскаго храма, такъ какъ оно появилось въ связи съ постройкою въ Арапарѣ (или Калакудаштѣ) близъ Валаршапата католикосомъ Нерсесомъ извѣстнаго круглаго храма Бдящихъ силъ.

Оффиціальное умаленіе значенія произошло собственно въ 452-мъ году, когда, судя по традиціонному представленію, перенесенъ былъ католикосскій престолъ въ Двинъ, остававшійся здѣсь до перемѣщенія въ X-мъ вѣкѣ въ Ширакъ, именно въ Аргину и затѣмъ въ Ани. Мы ничего не знаемъ, что происходило со зданіемъ въ Эчміадзинѣ въ вѣкъ Нерсеса, а также за долгій періодъ пребыванія армянскихъ католикосовъ сначала въ Двинѣ, затѣмъ въ Аргинѣ и Ани и наконецъ въ Киликіи.

Значеніе Эчміадзинскаго храма относится къ болѣе раннему времени. Но тогда, въ V-мъ вѣкѣ, какъ узнаемъ изъ одной древней схоліи къ письму Лазаря Парбскаго, церковь называлась просто «святымъ Соборомъ» [4]). Такъ обстояло дѣло, когда она передавалась на попеченіе Лазаря Парбскаго.

Для Эчміадзинскаго храма, по преданію посвященнаго Богородицѣ,

---

1) см. ниже, стр. 060. Въ спискѣ, которымъ пользовался Алишанъ (Այրարատ, стр. 214), «Шолакат» замѣнено болѣе позднимъ Эчміадзиномъ.

2) Ѳ. Жорданія, ⴕⴐⴍⴌⴈⴉⴄⴁⴈ, I, стр. 329. Текстъ поврежденъ, но вычитываемый нами смыслъ дается безъ труда: ⴃⴀ ⌈ⴈⴍⴅ⌉ ⴍⴀⴌⴄ ⴉⴀⴇⴀⴊⴈⴉⴍⴆ ⴜⴋⴈⴃⴈⴑ ⴋⴀⴋⴀⴑⴀⴑⴊⴍⴁⴈ. ⴘⴍⴊ⌈ⴀ⌉ⴉⴀⴇ [а не ⴁⴍⴊⴉⴀⴇ!] ⴓⴜⴋⴈⴃⴄⴑ ⴜⴋⴈⴃⴀ ⴉⴀⴇⴍⴊⴈⴉⴄⴑ. Ниже опять появляется ⴘⴍⴊⴀⴉⴀⴇ во фразѣ: ⴓⴜⴍⴃⴈⴀⴌ ⴘⴍⴊⴀⴉⴀ⌈ⴇ⌉ⴈ.

3) Араратъ, 1902 май-іюнь, стр. 447—451.

4) Պատմութիւն Հայոց, Тифлисъ 1904, стр. 186.

и термину «католикэ» (архаичное чтеніе: католикей, въ лат. транскрипціи — kaѳolikey) могло бы быть отказано въ правѣ быть первоначальнымъ названіемъ: терминъ этотъ въ качествѣ названія собора — греческаго происхожденія, тогда какъ первичный составъ христіанской терминологіи у армянъ сирійскій, но надо имѣть въ виду, что это греческое слово воспринято было въ формѣ ܩܬܘܠܝܩܝ и въ сирійскомъ, откуда оно также могло перейти къ армянамъ въ значеніи соборной, resp. каѳедральной или патріаршей церкви. Такимъ образомъ исторія названій, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга, съ своей стороны нисколько не противорѣчитъ мнѣнію, что Эчміадзинскій храмъ, дѣйствительно, можетъ восходить, если не къ самому началу насажденія христіанства въ Арменіи, то во всякомъ случаѣ къ половинѣ V-го вѣка.

Архитекторъ Тораманянъ выясняетъ хронологію крестообразныхъ храмовъ въ Арменіи. Крестообразныя и снаружи церкви, по его мнѣнію, оказываются какъ бы вылупившимися изъ четыреугольныхъ въ VII-мъ вѣкѣ [1]).

Теорія г. Тораманяна находитъ поддержку въ рядѣ крестообразныхъ снаружи армянскихъ храмовъ, представляющихъ собою датированные памятники VII-го вѣка, какъ то Аламнъ, Багаранъ, Ӱчкилисэ (въ Турціи) и др.

Къ VII-му же вѣку относится древнѣйшая датированная грузинская церковь, именно церковь Креста на горѣ у Мцхеты. Архит. Тораманянъ предполагаетъ, что католикосъ Комитасъ, сооружая церковь св. Рипсиміи, имѣлъ въ виду увѣковѣчить въ основныхъ чертахъ традиціонный типъ, собственно внутренній распорядокъ первопрестольнаго храма.

Между тѣмъ грузинскій храмъ креста близъ Мцхеты повторяетъ церковь Рипсиміи [2]). Не удержаны стѣны четыреугольника, но угловыя комнаты все еще сохранены. Другая грузинская церковь, Атенская, называемая Сіономъ, также служившая епископскою каѳедрою, еще ближе къ Рипсиміи [3]):

---

1) Лѣтъ 16 тому назадъ я имѣлъ случай печатно высказать мнѣніе, едва-ли кому либо кромѣ меня извѣстное, если не діаметрально противоположное, то во всякомъ случаѣ значительно отличающееся (Отчетъ Имп. Археол. коммиссіи за 1892, Спб. 1894, стр. 41—42). Изъ трехъ разновидностей церквей крестообразная тамъ признается древнѣйшею. Что «древнѣйшій типъ армянскихъ церквей имѣлъ форму креста, безъ пристроекъ въ углахъ», подтверждается у меня и наблюденіями 1893 года (Отчетъ Имп. Археол. коммиссіи, Спб. 1895, стр. 35). Дѣло будущаго, нужно ли отказаться мнѣ отъ этого мнѣнія или есть возможность примирить мои наблюденія надъ армянскими храмами вообще съ детальнымъ архитектурнымъ надъ Эчміадзиномъ анализомъ такого основательнаго знатока армянскаго зодчества, какъ архитекторъ Тораманянъ.

2) Brosset, *Voyage archéologique en Transcaucasie*, Спб. 1851, Premier rapport, p. 47—50, Atlas, pl. II.

3) Графиня П. С. Уварова, Матеріалы по археологіи Кавказа, IV, Москва 1894, стр. 148. Названіе Сіонъ любопытно сопоставить съ тѣмъ, что въ цитованномъ выше «гандзѣ» пѣвца Атома Эчміадзинскій храмъ нѣсколько разъ сравнивается и даже называется Сіономъ.

она между прочимъ воспроизводитъ въ точности угловыя ниши почти въ $^2/_3$ круга на соединеніяхъ полукруглыхъ крыльевъ. Но Атенская церковь, предполагается, X—XI вѣка [1]), и ее строилъ [архитекторъ] армянинъ не то По-Г̒осъ, т. е. Павелъ, не то Т̒одосъ, т. е. Ѳеодосій, судя по армянской надписи на этомъ грузинскомъ храмѣ [2]). Что же касается грузинскаго храма Креста близъ Мцхеты, значительная его древность пока не подвергалась никѣмъ сомнѣнію. По датировкѣ Броссе, основанной на данныхъ грузинскихъ надписей, постройка его относится ко времени отъ 600-го года до 619-го. Начало постройки было положено еще раньше, именно между 575-мъ и 600-мъ [3]). Строители, сооружая его, не могли имѣть въ виду церковь Рипсиміи, построенную католикосомъ Комитасомъ: армянскій католикосъ приступилъ къ постройкѣ Рипсиміи въ 619-мъ году [4]). Значитъ, до этого года архитектурный типъ съ особенностями его былъ уже извѣстенъ ближе всего, надо думать, въ томъ же Валаршапатѣ. Художественные вкусы грузинъ и армянъ, какъ и многія ихъ религіозныя преданія и обычаи, проявляли сродство столѣтія спустя послѣ церковнаго ихъ раздѣла. При постройкѣ храма Креста намѣчается, кромѣ того, лицо, которое могло повліять на выборъ образца. Это — іерархъ, игравшій первенствующую роль въ церковномъ разрывѣ армянъ и грузинъ, именно грузинскій католикосъ Киріонъ: до выбора въ католикосы Грузіи Киріонъ семь лѣтъ былъ настоятелемъ Эчміадзинскаго собора.

Такимъ образомъ какъ архитектурные, такъ культурно-историческіе матеріалы сосѣдней съ сѣвера страны поддерживаютъ мысль г. Тораманяна, именно древность выясняемаго имъ архитектурнаго типа, осуще-

---

1) Бакрадзе подъ существующими фресками нашелъ фрески болѣе древнія съ надписью и указаніемъ на 825 г. (граф. П. С. Уварова, Матеріалы, IV, стр. 153, см. также Бакрадзе, *Кавказъ въ археологическомъ отношеніи*, Тифлисъ 1875, стр. 31—32). Въ примѣчаніи (ჩ) къ საქართველოს ისტორია Вахушта (Тифлисъ 1885) на стр. 167 Бакрадзе высказался такъ: «роспись до XI-го вѣка, недавно открытая подъ сохранившимися фресками, и ея надпись насъ убѣдили въ томъ, что храмъ много древнѣе XI-го вѣка, хотя пока мы не можемъ сказать, къ какому въ точности столѣтію онъ долженъ принадлежать».

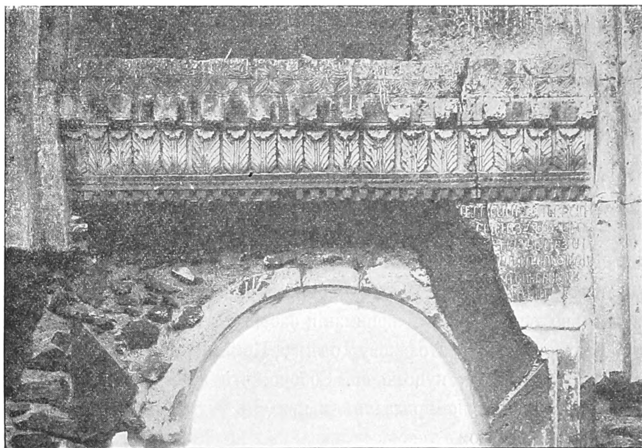
2) Граф. П. С. Уварова, Матеріалы, IV, стр. 152—153.

3) см. также А. Натроевъ, *Михетъ и его соборъ*, Тифлисъ 1900, стр. 17—18: «Гурамъ куропалатъ Багратидъ (575—600) положилъ первое основаніе церкви Джварисъ-сакдари и успѣлъ поднять ее на высоту половины роста человѣка. Сынъ его и братъ мтавара (патрика) Грузіи Степаноса I (600—619) Димитрій продолжалъ это дѣло. Преемникъ Степаноса I, убитаго въ битвѣ противъ Ираклія въ началѣ VII в., Адарнасе I, гипатосъ (619—639), докончилъ постройкою церковь. Сынъ же его мтаваръ Степаносъ II (639—663) обнесъ ее оградою и обстроилъ царскими покоями».

4) Впрочемъ и вопросъ о годѣ постройки Рипсиміи въ точности подлежитъ пересмотру и во всякомъ случаѣ обоснованію. Сравнительно недавно открытая армянская надпись самого Комитаса о построеніи не содержитъ даты, см. архим. Гарегинъ Овсепянъ, Араратъ, 1898 октябрь, стр. 442.

ствленнаго не только въ Эчміадзинскомъ соборѣ и Рипсиміи, но и въ одномъ изъ древнѣйшихъ грузинскихъ храмовъ, въ церкви Креста близъ Мцхеты въ Грузіи, первоначально жившей единой церковною жизнью съ Арменіею.

Еще важнѣе было бы къ датировкѣ выясняемой г. Тораманяномъ первоначальной формы Эчміадзинскаго собора подойти со стороны архитектурныхъ данныхъ южной сосѣдки, Сиріи, откуда пошла въ Арменіи народная христіанская церковь, вообще народная христіанская культура. Этотъ болѣе сложный вопросъ требуетъ предварительнаго знакомства со всѣми матеріалами, теперь съ появленіемъ Ереруйской базилики особенно ярко

XI. Фронтонъ южной двери церкви Апостоловъ въ Ани.

выступившими, —матеріалами, документально свидѣтельствующими о вкладѣ сирійцевъ въ архаичное зодчество христіанской Арменіи.

Показательницею сѣдой древности Эчміадзинскаго собора является и форма оконъ, подковообразная, какъ въ западной стѣнѣ сѣверо-западной комнаты[1]). Не входя въ разсмотрѣніе причинъ такого явленія, на основаніи фактическаго матеріала мы теперь можемъ счесть установленнымъ, что подковообразная форма въ армянской архитектурѣ исчезаетъ съ появленіемъ арабовъ, вообще съ мусульманскимъ вліяніемъ въ краѣ, что она — характерный признакъ армянскаго христіанскаго зодчества до арабовъ, быть можетъ, даже исключительно до конца VI-го вѣка, и эта форма смѣло могла быть использована при реконструкціи древнѣйшаго вида Эчміадзина.

1) см. Т. Тораманянъ, *О древнѣйшихъ формахъ Эчміадзинскаго храма*, рис. X.

Основная опора реконструкціи г. Тораманяна — церковь Апостоловъ въ Ани. Надо знать, какое представленіе имѣли мы раньше о планѣ этой церкви, чтобы оцѣнить по достоинству вкладъ архитектора Тораманяна. Для этого достаточно взглянуть на существовавшій до сихъ поръ планъ церкви Апостоловъ, напр. у Алишана [1]). Частичныя раскопки, производившіяся для составленія плана г. Тораманяномъ, обнаружили еще въ 1906-мъ году рядъ интересныхъ надписей. Онѣ-то и установили между прочимъ, что церковь Апостоловъ въ Ани была каѳедральною, архіепископскою въ XII—XIII вѣкахъ, а раньше при католикосахъ, надо думать, патріаршею, замѣстительницею древняго Эчміадзина. О древности типа церкви Апостоловъ могутъ свидѣтельствовать и характерные орнаменты, такъ напр. аканты и ланцетки на фронтонѣ южной двери (рис. XI), пальметки на верхахъ полуколонокъ, гранаты и грозди на кровлѣ, совершенно чуждыя эпохѣ расцвѣта анійскаго искусства.

Есть мѣста въ этюдѣ архитектора Тораманяна, которыя требуютъ, на мой взглядъ, оговорокъ. Я остановлюсь сейчасъ на трехъ пунктахъ.

Изъ нихъ одного коснусь лишь мимоходомъ, именно того, что обновительныя работы католикоса Комитаса архитекторъ Тораманянъ описываетъ по показаніямъ армянскихъ историковъ Себеоса и Іоанна безъ реальнаго толкованія ихъ словъ, безъ рѣшенія вопросовъ, встающихъ передъ нами при архитектурно осмысленномъ пониманіи соотвѣтственныхъ армянскихъ текстовъ. Если слѣдовать католикосу Іоанну, Комитасъ, «разобравъ (քակեալ) перекрытый деревомъ куполъ св. Собора, что̀ въ городѣ Ваӆаршапатѣ, строитъ его, прекрасно приладивъ и придавъ чудный видъ, изъ тесаныхъ камней» [2]). И при этомъ текстѣ возникаетъ вопросъ, могла ли не сказаться замѣна деревянныхъ частей купола каменными на состояніи стѣнъ храма и другихъ ближайшихъ опоръ купола, могла ли совершиться реставрація Комитаса безъ измѣненій въ нижнихъ частяхъ зданія? И не только этотъ вопросъ, но отрицательный на него отвѣтъ, именно невозможность замѣны деревяннаго верха каменнымъ, не трогая фундаментальныхъ стѣнъ храма, получаемъ въ болѣе древнемъ и въ болѣе надежномъ свидѣтельствѣ Себеоса, гласящемъ: Комитасъ «снялъ и деревянное перекрытіе св. Собора, обновилъ и шаткость *фундаментальныхъ стѣнъ* (որմոյն), построилъ каменное перекрытіе» [3]).

---

1) *Շիրակ*, стр. 61.

2) Моск. изд., стр. 43: *Յետ որոյ ապա քակեալ սորա զփայտայարկ գմբէթ սրբոյ կաթուղիկէին, որ ի Վաղարշապատ քաղաքի՝ շինէ զնա գեղեցկայարմար եւ չքնաղատես կոփածոյ քարամբք.*

3) Пет. изд., стр. 89: *Վերացոյց եւ զփայտայարկս սրբոյ կաթուղիկէին. Նորոգեաց եւ զխախուտ որմոյն. շինեաց զքարայարկն.*

Слѣдовательно, не куполъ или его кровля, а перекрытіе всего храма было до Комитаса деревяннымъ, и замѣна его каменнымъ потребовала обновленія «шаткости» фундаментальныхъ стѣнъ, т. е. вѣроятно, ихъ соотвѣтственнаго утолщенія или укрѣпленія какимъ-либо инымъ пріемомъ. Быть можетъ, въ связи съ этимъ находится поразительно неравномѣрная толщипа стѣнъ, 0 м., 80 у восточной стѣны при толщинѣ въ 1 м., 15 у трехъ остальныхъ стѣнъ. Не мѣшаетъ замѣтить также, что наличный основной источникъ, именно Себеосъ, ничего не говоритъ о куполѣ, даже не упоминаетъ о немъ и съ точки зрѣнія филологическаго толкованія о существованіи тогда уже купола на Эчміадзинскомъ храмѣ можно говорить, лишь вкладывая въ слово կաթողիկէ kaϑolikey значеніе *храма съ куполомъ*, какъ, повидимому, поступилъ историкъ католикосъ Іоаннъ[1]).

Затѣмъ, церковь Апостоловъ въ Ани архитекторъ Тораманянъ считаетъ постройкою Х-го вѣка, и это весьма вѣроятно. Но въ такомъ случаѣ можно ли утверждать, что эта анійская церковь была возведена по образцу Эчміадзина, у котораго, какъ доказываетъ самъ г. Тораманянъ, съ половины VII-го вѣка, со времени Нерсеса Строителя, имѣлись выступающія наружу абсиды, совершенно отсутствующія въ анійской церкви Апостоловъ? Это видимое противорѣчіе можно бы объяснить со стороны г. Тораманяна недосказанностью касательно того, что, говоря объ Эчміадзинскомъ храмѣ, какъ оригиналѣ анійскаго, онъ еще этимъ не предрѣшаетъ, пользовались ли строители церкви Апостоловъ въ Ани непосредственно Эчміадзиномъ въ качествѣ оригинала или какою-либо иною его копіею. Какъ и въ Ани, сооруженіе храма по типу первопрестольнаго Эчміадзина могло находиться въ связи съ пребываніемъ патріаршаго престола и въ другихъ мѣстахъ, такъ напр. въ Двинѣ, гдѣ армянскіе католикосы имѣли резиденцію вплоть до второй половины Х-го вѣка. И анійскіе зодчіе, сооружая церковь Апостоловъ въ Ани въ Х-мъ вѣкѣ по типу Эчміадзина, могли копировать непосредственно лишь двинскій патріаршій соборъ.

Однако пока не вижу фактовъ, вынуждающихъ идти на этотъ окольный, притомъ все же гадательный, путь. Не вижу пока основанія, чтобы перестройку Эчміадзина изъ первоначальнаго или болѣе древняго четыреугольника снаружи въ крестообразную форму съ наружными абсидами приписать Нерсесу Строителю, католикосу половины VII-го вѣка. Доводы архитектора Тораманяна въ этой части мнѣ кажутся не вполнѣ убѣдительными.

Начну съ того, что время съ половины VII-го вѣка до начала XVII-го было бы трудно представить одною эпохою въ архитектурной жизни ар-

---

1) По-армянски kaϑolikey значитъ и *куполъ*.

мянскаго храма и въ томъ случаѣ, если бы у насъ, дѣйствительно, не было никакихъ свидѣтельствъ о памятникѣ за этотъ долгій періодъ, почти въ цѣлое тысячелѣтіе.

Между тѣмъ хорошо извѣстно, что, когда армянскій католикосскій престолъ снова водворился въ Эчміадзинѣ, вернувшись изъ Киликіи, то первопрестольный соборъ лежалъ въ развалинахъ. Это было въ XV-мъ вѣкѣ. Цѣлыя столѣтія длилось такое запустѣніе[1]). Въ исходѣ XIII-го вѣка развалины Эчміадзина нашли своего Іеремію въ лицѣ сюнійскаго епископа Орбеляна, написавшаго въ стихахъ *Плачъ* объ Эчміадзинѣ. И вотъ было бы особенно важно выяснить реставраціи указанной эпохи возрожденія Эчміадзина. Иначе мы рискуемъ архаизировать передѣлки этой поры.

Съ точностью неизвѣстно, къ какому моменту надо пріурочить послѣднее разрушеніе Эчміадзинскаго собора, длившееся до этого возрожденія въ XV-мъ вѣкѣ. Можно только сказать, что этотъ моментъ, а, быть можетъ, моменты, т. е. неоднократное разрушеніе Эчміадзина надо искать во всякомъ случаѣ послѣ эпохи анійскихъ армянскихъ царей. Когда Валаршапатъ посѣтилъ послѣдній багратидскій царь Арменіи Гагикъ II, соборъ благополучно стоялъ въ цѣлости. Это было во второй четверти XI-го вѣка.

Но въ какомъ видѣ стоялъ тогда храмъ, кто къ тому времени возобновилъ его и когда? Дѣло въ томъ, что у насъ въ рукахъ легендарное армянское сказаніе *Исторія св. Креста Нины, просвѣтительницы Грузіи*, съ болѣе любопытными реаліями, чѣмъ какія обыкновенно находимъ у историковъ. И вотъ здѣсь мы читаемъ, что мусульманскій завоеватель Субќи (Սպքի) подвергъ разгрому «святой соборъ въ Валаршапатѣ, называемый Шолакатомъ»[2]). Мхитаръ Айриванкскій грабительскій набѣгъ Субќи приводитъ подъ 801-мъ годомъ. Весьма вѣроятно, что при этомъ разгромѣ храмъ былъ не только ограбленъ, но и подвергнутъ разрушенію. Я уже не говорю о поврежденіяхъ, которыя могъ потерпѣть Эчміадзинскій соборъ при разгромѣ Арменіи Абул-ћАджомъ въ X-мъ вѣкѣ: по словамъ армянскаго историка, Абул-ћАджъ въ 431-мъ году, т. е. 982-мъ году по Р. Хр., «канатами стащилъ внизъ крестъ Спасителя, стоявшій на куполѣ св. Шолаката»[3]).

1) Свидѣтельства какъ будто иного характера, приводимыя у Алишана (Այրարատ, стр. 214), состоянія храма отнюдь не касаются. Мѣстомъ богомолья служатъ часто развалины, какъ святыня, куда и могъ явиться на поклоненіе Мхитаръ Керманскій. Епископъ Гавріилъ могъ называться Эчміадзинскимъ, будучи представителемъ епархіи съ этою святынею.

2) см. выше, стр. 054, прим. 1.

3) Асоѓикъ, Спб. изд., стр. 188—189.

Слѣдовательно, вотъ опять необходимость момента, если не моментовъ, возобновленія до XI-го вѣка, съ которымъ могутъ быть связаны интересующія насъ реставраціонныя работы, въ частности передѣлка четыреугольнаго снаружи храма въ крестообразный.

Во всякомъ случаѣ менѣе всего эту передѣлку мы можемъ приписать Нерсесу, и вотъ почему —

1) какъ свидѣтельствуетъ и архитекторъ Тораманянъ, въ придаточныхъ пристройкахъ, приписываемыхъ имъ Нерсесу III-му, нѣтъ ни одной подробности, подтверждающей вкусъ католикоса, такъ блестяще проявленный въ другихъ его сооруженіяхъ, прежде всего въ храмѣ Бдящихъ силъ;

2) интересующая насъ капитальная передѣлка характеризуется не только появленіемъ наружныхъ выступающихъ абсидъ, но и смѣщеніемъ изъ центра ясно выраженнаго простого креста съ полукруглыми крыльями, и трудно устраненіе столь существенной части первоначальнаго внутренняго распорядка приписать тому Нерсесу, въ подлинной постройкѣ котораго, въ храмѣ Бдящихъ силъ, крестъ занимаетъ, быть можетъ, въ подраженіе Эчміадзинскому собору, именно центральную часть, развертываясь колоннадами въ видѣ полукруглыхъ крыльевъ [1]);

3) при такомъ отсутствіи какихъ-либо спеціальныхъ основаній въ архитектурныхъ данныхъ, прямо таки невозможно допустить производство столь коренныхъ перестроекъ Нерсесомъ лишь двадцать лѣтъ спустя послѣ фундаментальной реставраціи католикоса Комитаса.

Болѣе того, въ дѣятельности Нерсеса приходится отмѣтить еще одинъ актъ, имѣющій прямое отношеніе къ судьбѣ Эчміадзинскаго собора, и этотъ актъ долженъ быть правильно и всесторонне освѣщенъ прежде, чѣмъ опредѣлять характеръ реставраціонныхъ работъ въ Эчміадзинскомъ храмѣ, прежде чѣмъ связывать ихъ съ именемъ католикоса Строителя. Нерсесъ, сооружая круглый храмъ Бдящихъ силъ около Валаршапата, имѣлъ ввиду замѣнить имъ древнѣйшій соборъ: престижъ Эчміадзина, какъ патріаршей соборной церкви, былъ уже раньше утраченъ съ переселеніемъ католикосовъ въ Двинъ. Теперь же дѣлалось покушеніе на умаленіе его славы, какъ національной святыни. На соперницу, новую церковь, постройку католикоса Нерсеса, переносились легендарныя сказанія, связанныя съ Эчміадзинскимъ соборомъ.

---

1) Арх. Месропъ, ц. с., табл. I. — Н. Марръ, *О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 года*, Спб. 1907, стр. 13.

Быть можетъ, кое-что изъ этихъ легендъ относится ко времени послѣ сооруженія круглаго храма въ VII-мъ вѣкѣ: современники Нерсеса или ближайшія поколѣнія такимъ путемъ могли укрѣплять связь постройки Нерсеса непосредственно съ моментами изъ жизни Григорія Просвѣтителя. Но самъ Нерсесъ Строитель, несомнѣнно, виновникъ такого пріуроченія эчміадзинскихъ легендъ къ его дѣтищу: храмъ былъ построенъ во имя Бдящихъ силъ или Ангеловъ, сопровождавшихъ извѣстное видѣніе св. Григорія, называемое Шолакатомъ, т. е. *Свѣтоисточеніемъ*, или позднѣе Эчміадзиномъ, т. е. *Нисхожденіемъ Единороднаго*. Слѣдовательно, храмъ Бдящихъ силъ, сооруженіе Нерсеса, предназначенъ былъ заступить мѣсто Эчміадзина въ сказаніи о жизни св. Григорія въ качествѣ національной святыни.

Если же это такъ, или окажется такъ, то въ строительныхъ работахъ въ Эчміадзинскомъ соборѣ Нерсесъ не могъ руководствоваться мыслью объ его украшеніи или улучшеніи.

Историческая освѣдомленность г. Тораманяна, на мой взглядъ, нѣсколько устарѣлая. Традиціонные у армянъ термины и типы: «кружки Месропа», «Месропъ, изобрѣтатель армянскаго алфавита», мнѣ лично сами по себѣ ничего не говорятъ ни въ отношеніи времени, ни въ отношеніи характера ихъ реальнаго вклада въ армянскую христіанскую культуру. И хотѣлось бы думать, что я нахожусь не въ полномъ одиночествѣ при такомъ убѣжденіи. Сомнѣнія вызываетъ во мнѣ и истинный характеръ направленія того Лазаря Парбскаго, который былъ настоятелемъ Эчміадзинскаго собора въ V-мъ вѣкѣ. Еще менѣе надежную историческую опору можетъ представить свидѣтельство легендарнаго *Житія Григорія Просвѣтителя* объ армянскомъ царѣ Тирдатѣ для объясненія его пристрастія къ римскимъ формамъ. Но это чисто историческое толкованіе отнюдь не затрогиваетъ существа дѣла, какъ то устанавливается архитекторомъ Тораманяномъ. Если наличіе «римскихъ» чертъ въ формахъ Эчміадзинскаго собора, дѣйствительно, получитъ всеобщее признаніе, станетъ безспорнымъ фактомъ, нѣтъ никакой надобности останавливаться для объясненія его на сказочныхъ дѣяніяхъ Тирдата или на традиціонномъ, я бы сказалъ, легендарномъ грекофильствѣ армянъ V-го вѣка.

Римскія формы могли вноситься въ Арменію и архитектурнымъ вліяніемъ, шедшимъ изъ Сиріи вмѣстѣ съ христіанскою культурою. Специально же въ Валаршапатѣ, да и далеко вокругъ него, съ начала IV-го по VI-й вѣкъ римскія формы могли быть использованы армянскими зодчими подъ вліяніемъ окружавшихъ ихъ живыхъ архитектурныхъ пейзажей, развалинъ, дѣйствительно, римскихъ построекъ, о которыхъ могутъ

свидѣтельствовать наличные и сейчасъ фрагменты такъ называемаго дворца въ Гарни и о которыхъ такъ ярко и такъ кстати напомнила недавно найденная латинская надпись въ мастерской обработкѣ проф. М. И. Ростовцева, посвятившаго ей докладъ въ декабрьскомъ засѣданіи Классическаго отдѣленія Импер. Русск. Археологическаго общества. Надо только не спѣшить обобщеніями и не медлить организаціею систематической работы надъ обнаруженіемъ и изученіемъ обломковъ памятниковъ въ нынѣшнемъ Валаршапатѣ и въ его окрестностяхъ. Никто меня не заподозритъ въ желаніи умалить цѣнность армянской исторической литературы или переоцѣнить значеніе памятниковъ армянскаго искусства, но въ нашей области при господствующихъ нынѣ взглядахъ послѣ памятниковъ языка, историческаго изслѣдованія армянской рѣчи, литературной и народной, я больше всего жду здороваго свѣта отъ языка памятниковъ архитектуры, когда мы научимся понимать его. Въ г. Тораманянѣ я вижу перваго учителя этого языка. Кстати, и историкамъ искусства, если не ошибаюсь, слѣдуетъ искать опоры не только въ мѣстныхъ матеріалахъ, при томъ, конечно, не случайныхъ или одностороннихъ, но и въ освѣщеніи, вытекающемъ изъ внутренняго ихъ свѣта, чтобы не уподобиться лингвистамъ, соорудившимъ, казалось, стройное и прочное, на дѣлѣ же однобокое и шаткое теоретическое построеніе объ армянскомъ языкѣ, не давъ себѣ труда предварительно изучить самый этотъ языкъ. И мнѣ кажется, что работа архитектора Тораманяна, ищущая опоры прежде всего во взаимоотношеніяхъ дѣйствительно связанныхъ генетически другъ съ другомъ мѣстныхъ памятниковъ и мѣстныхъ матеріаловъ, при всей ея кажущейся смѣлости, а, пожалуй, всилу этой именно смѣлости, является цѣннымъ и плодотворно возбуждающимъ опытомъ въ этомъ направленіи. Пока что, ввиду чрезвычайнаго значенія, устанавливаемаго этимъ серьознымъ опытомъ за церковью Апостоловъ въ Ани, на насъ ложится долгъ выдвинуть на первый планъ въ предстоящую анійскую кампанію полныя ея раскопки.

Н. Марръ.

Новыя археологическія данныя о постройкахъ типа Ереруйской базилики.

I.

По самой Ереруйской базиликѣ и сродному съ нею Дигорскому храму новые матеріалы добыты раскопками и повторными наблюденіями въ Ереруѣ, нынѣ Кизил-кулэ, и поѣздкою въ Дигоръ, древній Текоръ.

Эти матеріалы преимущественно архитектурные. Многочисленные фотографическіе снимки — ихъ воспроизведеніе. Результатъ работъ сводится къ поддержкѣ высказаннаго еще въ прошломъ году мнѣнія, что Ереруйская базилика, какъ и Дигоръ или Текоръ въ первоначальномъ видѣ, относится къ концу V-го или къ началу VI-го вѣка, и что оба памятника должны быть связаны «съ сирійскимъ теченіемъ въ армянской церковной жизни[1])».

Сейчасъ я позволю себѣ указать лишь на два, три новыхъ факта, подтверждающихъ или указанную древность, или сирійское происхожденіе Ереруя и Текора.

Нѣтъ надобности останавливаться на характерѣ орнаментовки вновь обнаруженныхъ архитектурныхъ подробностей, преимущественно капителей. Въ нихъ не находимъ ничего, напоминающаго геометрическіе и вообще узорчатые мотивы, излюбленные въ позднѣйшей армянской орнаментальной рѣзьбѣ, а то, что находимъ, это или древніе декоративные рисунки, какъ то пальметки, трилистники, ланцетки и т. п., или древне-христіанскіе символы, чаша съ птицами, виноградная кисть съ павлинами, кресты въ кругахъ и т. п.

Есть кое-какіе образчики позднѣйшей рѣзьбы, но это — времени послѣ обновленія храма. Изученіе данныхъ надписи о возобновленіи дало возможность установить, что храмъ былъ возобновленъ священникомъ Іаковомъ, вѣроятно, въ X-мъ вѣкѣ. Найдена архитектурная подробность, на одной изъ сторонъ которой имѣется примитивное изображеніе этого реставратора, о. Іакова. На двухъ другихъ сторонахъ погрудное изображеніе св. Ѳеодора и св. Духа, спускающагося въ видѣ голубя. И сортъ красноватаго камня, и качество работы насъ относятъ опять таки ко времени Ашота Милостиваго, т. е. къ X-му вѣку. Моментъ возобновленія пріурочиваетъ

---

1) З. В. О., т. XVIII, 1908, стр. XIII.

время разрушенія къ одному изъ опустошительныхъ нашествій арабовъ, изъ коихъ самымъ подходящимъ является разореніе въ началѣ IX-го вѣка.

Мысль, что Ереруйская базилика относится къ значительно болѣе древней порѣ, нашла поддержку и въ болѣе внимательномъ изученіи дворцовой церкви въ Ани. Съ производствомъ раскопокъ въ Вышгородѣ начало выясняться, что, когда Багратиды въ X-мъ вѣкѣ стали строить дворецъ, церковь эта давно существовала: съ расширеніемъ дворца церковь включили въ него, но первоначально она стояла самостоятельно, какъ постройка князей Камсаракановъ. Такимъ образомъ у меня исчезло недовѣріе къ датѣ ея надписи на южной стѣнѣ[1]). По этой надписи, церковь построена въ 71-мъ году армянскаго лѣтосчисленія, т. е. 622 году по Р. Хр., значитъ какъ разъ въ первый годъ гиджры.

Рѣзьба даже при несходствѣ мотивовъ проявляетъ сродство съ орнаментаціею Ереруйской базилики, но есть и общіе сюжеты, какъ-то пальметки, ланцетки, виноградные побѣги и т. п.

Въ раскопкахъ въ самомъ Ереруѣ мы нашли полное подтвержденіе того, что базилика была не съ каменнымъ перекрытіемъ, а черепичнымъ. Нашлись обломки черепицъ. Въ этомъ же фактѣ для армянскаго храма доказательство того, что онъ сооруженъ былъ до VII-го вѣка. Масса черепичныхъ обломковъ оказалась и въ Текорѣ; бóльшее количество черепицъ здѣсь объясняется тѣмъ, что, по снятіи древняго перекрытія, при перестройкѣ храма онѣ были использованы въ бутѣ на крышѣ подъ каменными плитами. Между текорскими черепицами оказались экземпляры съ армянскою надписью. Армянская надпись на Текорскомъ храмѣ, главная опора при датировкѣ и Текора, и сроднаго съ нимъ Ереруя, концомъ V-го или началомъ VI-го вѣка, была тщательно обслѣдована на мѣстѣ и сфотографирована. Для меня теперь не подлежитъ сомнѣнію, что она по содержанію подлинна, но не по формѣ, будучи копіею, списанною съ другого мѣста храма при его перестройкѣ или съ какого-либо документа.

Пріятною неожиданностью было открытіе на стѣнахъ Текорскаго храма фрагментовъ сирійскихъ надписей, полуистершихся частью отъ времени, частью отъ усилій человѣческихъ рукъ. Мысль о связи Ереруйской базилики и Текора до его перестройки съ сирійскимъ культурнымъ вліяніемъ на Арменію до VI—VII-го вѣковъ впервые встрѣтила нѣкоторую под-

1) Симъ я отказываюсь отъ прежняго своего толкованія надписи (*Раскопки въ Ани въ 1904 году*, Извѣстія Имп. Археол. коммиссіи, вып. 18, Спб. 1906, стр. 91=отд. отт., стр. 18), когда въ ՀԱ я видѣлъ не цифру 71, а начало слова Հա[յոց] *армянъ*, т. е. армянскаго лѣтосчисленія.

держку въ эпиграфическомъ документѣ (не граффити) въ предѣлахъ Русской Арменіи.

Внутри Текорскаго храма замѣчены были жалкіе обрывки стѣнной росписи. Въ полукуполѣ алтарной абсиды мое вниманіе обратила на себя фресковая модель церкви, занимающая центральное мѣсто. Круглою формою, тремя этажами, частыми продолговатыми окнами въ каждомъ этажѣ, въ нижнемъ двумя рядами оконъ, куполомъ на барабанѣ или третьемъ этажѣ фресковая модель имѣетъ много общаго съ круглою церковью Нерсеса Строителя и ея копіею въ Ани, постройкою царя Гагика.

О древности базиличнаго типа, представленнаго въ Ерерукѣ въ первичномъ видѣ и въ Текорѣ съ позднѣйшими передѣлками, свидѣтельствуетъ и сообщеніе эчміадзинскаго архимандрита о. Гарегина Овсепяна, приводимое ниже.

II.

Собирая сродные матеріалы по вопросу объ Ереруйской базиликѣ, я обратилъ вниманіе на описаніе развалинъ храма у истоковъ рѣки Касаѓа, въ древности Касаѓа. Алишанъ даетъ рисунокъ отъ руки сохранившейся части южнаго портика, а также планъ въ трудѣ Այրարատ (стр. 250, № 101 и стр. 252, № 102). Оба рисунка привлекли мое вниманіе, какъ свидѣтельствующіе о памятникѣ, весьма близко напоминающемъ Ереруйскую базилику. Мнѣ лишь казалось, что планъ недоработанъ. Не имѣя времени лично посѣтить развалины, въ концѣ прошлогодней кампаніи, именно въ сентябрѣ, я обратился къ архимандриту Гарегину Овсепяну съ просьбою описать храмъ на Касаѓѣ, сдѣлать фотографическіе снимки и въ случаѣ необходимости произвести развѣдочныя раскопки, разсчитывая удѣлить сотню рублей изъ остатка прошлогодняго анійскаго бюджета, предназначавшагося на изданіе все той же Ереруйской базилики.

Отецъ Гарегинъ предпринялъ позднею осенью поѣздку въ Апаранъ, но вслѣдствіе нестерпимаго холода и отсутствія какихъ бы то ни было удобствъ могъ провести на мѣстѣ лишь одну ночь. Кратковременное пребываніе онъ использовалъ для описанія и разспросовъ, рѣшивъ для болѣе основательныхъ изысканій вернуться весною на продолжительное время. Храмъ въ Касаѓѣ, дѣйствительно, оказался базиликою типа Ереруйской церкви. Есть различія, но больше въ подробностяхъ. Указаніе этихъ подробностей и сдѣланные о. Гарегиномъ промѣры опускаю [1].

1) Они сохраняются для работы объ Ереруйской базиликѣ; въ нихъ архим. Гарегинъ также высказывается о связи памятника съ сирійскими церквами.

Но интересно описаніе одной изъ трехъ южныхъ дверей, именно у западнаго края. «Ширина ея 2 метра; измѣрить высоту нѣтъ возможности безъ раскопокъ: она засыпана снаружи землею. Пролетъ вѣнчанъ камнемъ длиною въ 3 м., 16, шириною 0 м., 16.[1]). Поверхность этого крупнаго камня во всю его ширину занимаетъ орнаментальная рѣзьба длиною 2 м., 10. Рисунокъ слѣдующій: въ центрѣ на основаніи полумѣсяцемъ (Մահիկաձև) стоитъ крестъ; надъ горизонтальными крыльями креста стоятъ два барса, другъ противъ друга, въ спокойной позѣ, хвосты свѣшены съ загнутыми нѣсколько концами. Подъ каждымъ барсомъ по барельефу, но не могу опредѣлить, что они, эти барельефы, представляютъ, быть можетъ, землю. Справа и слѣва основанія креста поднимается по дереву: изъ нихъ одно сначала склоняется къ западу, а затѣмъ воздымается, другое стоитъ съ такимъ же изгибомъ на восточную сторону... Вся эта орнаментальная рѣзьба заключена въ рамку изъ двухъ линій, обрамляющихъ цѣпь круговъ съ полушаріями въ центрахъ».

Отмѣчаетъ о. Гарегинъ орнаментальную рѣзьбу и на камнѣ, вѣнчающемъ пролетъ западной двери: «Въ центрѣ и здѣсь крестъ. На четырехъ концахъ и въ серединѣ креста по шишкѣ. Справа и слѣва основанія креста по дереву; справа поднимается вѣтвь полукругомъ и обрамляетъ крестъ пятью листьями. Слѣва для зрителя четыре листика. Подъ крестомъ свалившееся дерево, лежащее горизонтально. Съ двухъ сторонъ виноградная кисть и листъ. Справа и слѣва описанной рѣзьбы поднимается по пальмовому дереву, весьма рѣдкому въ нашихъ (т. е. армянскихъ) архитектурныхъ орнаментахъ. Близъ горизонтальныхъ крыльевъ креста другъ противъ друга стоятъ два барельефныхъ оленя съ вѣтвистыми рогами. Вся рѣзьба заключена съ трехъ сторонъ, боковыхъ и нижней, въ рамку изъ оваловъ, между коими высѣчены виноградныя кисти и листья: боковыя коймы рамки изъ двухъ гроздей и двухъ листьевъ, нижняя кайма — листъ съ гроздью четыре раза»....

---

1) Кстати, крупные размѣры камней для обрамленія дверей не только сверху, но также съ боковыхъ сторонъ и даже снизу, особенность древнѣйшихъ армянскихъ церквей, отмѣченны и въ легендарной исторіи Григорія Просвѣтителя. Въ арабской ея версіи разсказывается (Н. Марръ, стр. 113): когда построили три церкви для трехъ мученицъ въ Вааршапатѣ, царь Тирдатъ «просилъ Григорія разрѣшить ему отправиться на гору, которая называется Араратомъ, въ области, называемой Масисомъ, и принести оттуда на своихъ плечахъ балки и косяки для дверей церкви, чтобы съ него былъ снятъ образъ свиньи. И онъ велѣлъ ему сдѣлать такъ. Тогда тотъ поднялся на гору надъ Масисомъ и выломалъ тамъ двѣнадцать большихъ камней для трехъ святыхъ церквей, куда перенесли тѣла дѣвъ, для каждаго храма по одной двери и для каждой двери по четыре камня, которые притащилъ на своемъ плечѣ, такъ какъ онъ былъ мощный гигантъ, и мощь его очень увеличилась въ его вѣрѣ», ср. арм. Агаѳ., стр. 446.

Ввиду возбужденнаго въ Классическомъ отдѣленіи нашего Общества спеціальнаго интереса къ древностямъ Валаршапата и его окрестностей пищу для болѣе общей любознательности можетъ представить слѣдующее мѣсто въ письмѣ архим. Гарегина; его приведу цѣликомъ:

«Я упомянулъ уже, что Баш-Апаранъ заслуживаетъ особаго изслѣдованія. Есть всякое вѣроятіе, что это мѣсто было культурнымъ центромъ во времена не только христіанства, но и язычества. Въ часовнѣ, построенной на одномъ изъ истоковъ Ќасала, имѣется камень съ языческимъ барельефомъ. Къ несчастію, камень былъ такъ прикрѣпленъ льдомъ къ мѣсту, что не могли никакъ сдвинуть и осмотрѣть полностью. Можно было видѣть лишь ноги фигуры съ бедрами человѣка и головою животнаго. Въ деревнѣ этой проживаетъ лицо, учившееся два года въ Эчміадзинской духовной академіи: имъ по памяти нарисована названная фигура, что̀ и посылаю[1]). Имѣются двѣ такія фигуры, по одной на сторонѣ. На одной изъ другихъ сторонъ барельефъ иного содержанія, который виднѣется лишь на половину: онъ напоминаетъ эмблему Ашура [крылатый дискъ]. Этотъ камень можетъ быть ассиро-халдейскаго или урартскаго происхожденія. Кромѣ этого барельефа въ селѣ въ другомъ мѣстѣ имѣется греческая надпись на гранитномъ камнѣ; по словамъ сельчанъ, она принесена изъ крѣпости. Камень съ надписью — въ формѣ ступы; онъ круглый и съ углубленіемъ. Говорятъ, что не далеко отъ села имѣется еще камень, на которомъ высѣчено нѣчто вродѣ буквъ. Какой то языческій барельефъ имѣется и въ Чамрлу (см. Алишанъ, Այրարատ, стр. 254). И его опять таки нужно сфотографировать и изслѣдовать. Всѣ эти предположенія и свѣдѣнія сообщаю вамъ, чтобы вы поняли, съ какимъ нетерпѣніемъ жду наступленія весны. Быть можетъ, новости получимъ и отъ обслѣдованія крѣпости. Употребленіе въ ея кладкѣ исполинскихъ гранитныхъ камней — признакъ древности сооруженія также, какъ греческая надпись, которая едва ли относится къ византійской эпохѣ».

Н. Марръ.

---

1) Фигура, если вѣренъ рисунокъ, нѣсколько напоминаетъ изображеніе человѣка съ звѣриной, resp. птичьей головой, на бронзовыхъ поясахъ изъ языческихъ могильниковъ Арменіи (J. de Morgan, *Mission scientifique au Caucase*, т. I, стр. 164—165).

Къ вопросу о ближайшемъ сродствѣ армянскаго языка съ иверскимъ.

Что въ армянскомъ языкѣ мы не имѣемъ чистаго, точнѣе цѣльнаго представителя индоевропейской семьи языковъ, это фактъ, которому легко сдѣлаться общепризнаннымъ. Для лицъ, усвоившихъ основы яфетической фонетики, безспорнымъ является, однако, не только то, что въ органическомъ составѣ армянскаго языка имѣется слой, противоборствующій арійскому, иногда перевѣшивающій его и всегда налагающій обособляющій отпечатокъ арменизма на наличные въ немъ арійскіе элементы; для нихъ безспоренъ также фактъ, что этотъ коренной слой, отчасти и раньше замѣчавшійся наиболѣе внимательными наблюдателями армянской рѣчи, но не поддававшійся никакому опредѣленію, есть пережитокъ языка первоначальныхъ жителей Арменіи, языка яфетической вѣтви ноэтической семьи. Рѣчь о той яфетической вѣтви, которая лингвистически равноцѣнна и генетически родственна съ семитическою и, по всей видимости, хамитическою вѣтвями[1]). Естественно, поэтому, что армянскій языкъ оказывается въ родствѣ половиною, во всякомъ случаѣ — доброю частью своей природы съ чистыми представителями яфетической вѣтви, какъ то к̒арт̒скимъ (грузинскимъ), иверскимъ (лазо-мингрельскимъ), сванскимъ и т. п. Но постепенно начинаетъ обнаруживаться далѣе, что до-арійскій языкъ Арменіи, отложившійся и въ наличномъ армянскомъ, находясь въ родствѣ съ перечисленными языками, ближайшее сродство проявляетъ съ иверскимъ. Собираясь приступить къ детальному на мѣстѣ изслѣдованію одного изъ иверскихъ нарѣчій, именно лазскаго, я считаю преждевременною точную формулировку этой болѣе тѣсной связи армянскаго съ иверскимъ. Можетъ быть, указываемая связь усилилась отъ позднѣйшаго сожительства армянъ съ иверами, — сожительства болѣе тѣснаго съ ними, чѣмъ съ к̒арт̒ами, т. е. возможно, что въ части общихъ у армянъ съ иверами языковыхъ явленій слѣдуетъ признать плодъ процесса заимствованія армянскаго изъ иверскаго. Впрочемъ болѣе тѣсное сродство армянскаго съ иверскимъ сказывается и въ нѣкоторыхъ грамматическихъ явленіяхъ, напр. въ томъ, что въ армянскомъ, какъ и въ иверскомъ, замѣчаемъ сращаемость окончанія именительнаго

---

1) Н. Марръ, *Основныя таблицы къ грамматикѣ древне-грузинскаго языка*, СПб. 1908, стр. 1 сл.

падежа i, resp. e съ основою, превращеніе этого падежнаго окончанія въ гласный исходъ основы, такъ въ գինի ġini *вино* и т. п. Я сейчасъ хочу остановиться лишь на двухъ лексическихъ примѣрахъ, именно на армянскихъ словахъ կէս keys (осн. keyso) *половина* и ճանճ ṭanḍ, resp. ճանճ ṭanṭ *муха*.

1) *Половина* по-картски гласитъ ნახევარი naqev-ar-i, и съ нимъ армянское слово не имѣетъ ничего общаго. Въ армянскомъ словѣ keys на лицо форма ketl отъ трехбуквеннаго корня krs съ паденіемъ r въ y передъ согласнымъ[1]): keys < *kers (осн. *kerso). Чтобы найти иверскій или картскій эквивалентъ, достаточно взять древнюю армянскую форму *kerso съ закономѣрнымъ подъемомъ s въ ṫ: *kerṫo. Очевидно, мы здѣсь имѣемъ армянскій эквивалентъ картскаго კერძოჲ kerd̆o-y, которое значитъ обыкновенно *бокъ*, *сторона*, но иногда и *половина*. Послѣднее значеніе усвоено въ грузинскомъ, повидимому, подъ вліяніемъ иверскихъ нарѣчій, какъ это уже выяснялось раньше[2]). Впрочемъ и въ армянскомъ тому же корню, но въ формѣ kotl, resp. kutl свойственно значеніе [*бокъ*,] *сторона*: *kors > koys կոյս. Видъ ея съ закономѣрнымъ подъемомъ s въ ṫ (*kors > korṫ) въ армянскомъ сохраненъ намъ глаголомъ կործանեմ korṫ-an-em, что̀ значитъ [первоначально *положить на бокъ* или *свалить ударомъ бока*, resp. *бедра*, а потомъ вообще] *свалить*, *опрокинуть*, *разрушить* и т. п.[3]). Въ картскомъ и иверскомъ языкахъ мы ожидали бы въ этой же формѣ *kord̆-i, resp. *kurd̆-i, что̀ и имѣемъ между прочимъ, съ передвиженіемъ глухого k въ звонкій g, съ раздвоеніемъ гласнаго u въ we (ve < ŭe) и отупѣніемъ (диссибиляціею) d̆ въ d, въ გუერდი güerd-i (< *kurd̆-i), и въ этой формѣ слово въ картскомъ значитъ *бокъ*, *сторона*, но въ иверскомъ (лаз. güer и küerd-i, мингр. güerd-i) опять-таки *половина*. Для семасіологической параллели къ арм. կործանեմ korṫ-an-em *свалить*, *опрокинуть* интересно отмѣтить, что производное отъ той-же основы слово მოგვერდი mo-gverd-i въ картскомъ является терми-

---

1) О паденіи r въ y въ яфетическихъ элементахъ армянскаго языка см. Н. Марръ, *Происхожденіе изъ охотничьяго быта двухъ грузинскихъ терминовъ уголовнаго права* (З. В. О., XVIII, стр. 0168 — 0169). Примѣровъ много. Сюда относится и կէտ keyt *точка* изъ *kert, resp. *ḱert, слово одного корня съ грузинскимъ წერტილი ṫert-il-i (<*ḱert-il-i) *уколъ; точка* при глаголѣ წერტა ṫerta (<*ḱerta) *колоть*, ср. лат. punctum *точка* отъ pungere *колоть*.

2) Н. Марръ, *Физіологъ*, стр. XLV. კერძოჲ kerd̆o-y въ картскомъ встрѣчается въ значеніи *половины* еще въ сложныхъ словахъ კერძოდიაკონი kerd̆o-diakon-i (ср. կիսասարկաւագ) *иподіаконъ* и კერძოვირი kerd̆o-vir-i *лошакъ*, *мулъ*. И эти картскіе переводы греческихъ терминовъ *ἡμιδιάκονος, указываемаго венеціанскими мхитаристами въ Большомъ словарѣ при կիսասարկաւագ, и ἡμίονος (semiasinus), весьма вѣроятно, принадлежатъ иверамъ, какъ предполагается, главнымъ проводникамъ грекофильскаго направленія въ грузинской литературѣ.

3) Въ свое время будутъ указаны другія разновидности этой же формы даннаго корня въ армянскомъ.

номъ борьбы первоначально въ значеніи «свалить ловкимъ ударомъ *бока*, resp. *бедра*» (см. С. Орбеліани: თეძოსკვრა ფერხდრეკში *ударить бедромъ въ игрѣ*, т. е. *въ борьбѣ*, а не въ *пляскѣ*), а потомъ вообще для обозначенія различныхъ пріемовъ *опрокидыванія* противника, напр. «подножки (croc-en-jambe)», какъ толкуетъ Чубиновъ или «перебрасыванія черезъ голову». При послѣднемъ значеніи въ гурійскомъ говорѣ ќарт́скаго языка терминъ звучитъ მეგორდია me-gord-ia; слѣдовательно, въ немъ сохраняется еще первоначальный гласный характеръ (o) данной формы основы (*kord̆ || арм. korṫ), притомъ безъ раздвоенія.

2) Чтобы понять ближайшее сродство армянскаго ծանձ ṭanḓ, resp. ծանծ ṭanṭ съ иверскимъ эквивалентомъ, надо знать по крайней мѣрѣ существованіе двухъ такихъ основныхъ фонетическихъ законовъ, какъ — во-первыхъ, то, что ќарт́скому свистящему (s) соотвѣтствуетъ иверскій шипящій (ш) звукъ, resp. ќарт́скому ტ ṫ — иверскій ჭ ṭ и т. п., а, во-вторыхъ, то, что ќарт́скій r въ иверскомъ бываетъ представленъ звукомъ ḓ, иногда съ наростомъ n (nḓ). Иллюстраціями послѣдняго явленія, давно замѣченнаго особенно въ отношеніи одного изъ иверскихъ нарѣчій, именно мингрельскаго[1]), могутъ служить слѣдующіе примѣры:

ќарт́.	ивер.
1. ხარი qar-i *быкъ*	лаз. ხოჯი qoḓ-i, мингр. id.
2. მხარი mqar-i *плечо* (вульг. ფხარი φqar-i)	лаз. { ფხოჯი φqoḓ-i, мингр. ხუჯი quḓ-i. ბხოჯი bqoḓ-i по записи G. Rosen'a.
3. სურო sur-o *плющъ*	лаз. სუჯი suḓ-i
4. ფური φur-i *корова*	лаз. ფუჯი φuḓ-i, мингр. id.
5. პირი pir-i *ротъ*, *лицо*	лаз. პიჯი piḓ-i, мингр. id.
6. ღორი ğor-i *свинья*	лаз. ღეჯი ğeḓ-i, мингр. id.
7. ყური kur-i *ухо*	лаз. { ღუჯი ğuḓ-i, мингр. ყუჯი ʿuḓ-i. უჯი uḓ-i (<ʿuḓ-i, ср. мингр.).
8. ქმარი qmar-i *мужъ*	лаз. { ქომოჯი qomoḓ-i, мингр. ქომო-ქიმოჯი qimoḓi. [ნჯი qomonḓ-i.
9. ცვარი ϑvar-i *роса*	мингр. ცუნჯი ϑunḓ-i, съ отупѣніемъ ḓ въ d: ცუნდი ϑund-i[2]).
10. სიზმარი sizmar-i *сонъ*	лаз. ეზმოჯი ezmoḓ-i (<*ʿezmoḓ-i).
11. ფუტკარი φutkar-i *пчела*	лаз. ბუტკუჯი butkuḓ-i, діал. ფუტოჯი φutoḓ-i (<*φutkoḓ-i).

1) А. Цагарели, *Мингрельскіе этюды*, СПб. 1880, вып. II, стр. 64, § 38, 1 б.

2) Сюда же относится арм. слово ցաւղ ϑawḷ (<*ϑawr) *роса*, огласовка котораго, какъ въ свое время будетъ показано, поддерживаетъ не ќарт́скую (ktal), а иверскую форму (katḷ > ново-діал. kotl||kutl).

12. ცხვირი ϑ̇qvir-i *носъ* — лаз. ჩხვინჯი ϑ̣q̇vinḓ-i [ჩხინჯი ϑ̣q̇inḓ-i], но обыкновенно и лаз. и мингр. съ отупѣніемъ (диссибиляціею) ḓ въ d: ჩხინდი ϑ̣q̇ind-i id.

Эти примѣры могутъ быть значительно умножены. При существованіи двухъ указанныхъ основныхъ фонетическихъ законовъ ясно, что для грузинскаго слова წერი ṫer-i *муха* у иверовъ въ качествѣ вполнѣ закономѣрнаго эквивалента мы ожидали бы форму ჭაჯი ṭaḓ-i, resp. ჭანჯი ṭanḓ-i[1]). И, дѣйствительно, мы ее и находимъ въ обоихъ иверскихъ нарѣчіяхъ, въ лазскомъ въ видѣ ჯაჯი ḓaḓ-i и მჭაჯი m-ṭaḓ-i *крупная муха* и въ мингр. въ видѣ ჭანჯი ṭanḓ-i *муха*, съ отупѣніемъ (диссибиляціею) послѣдняго ḓ въ d — ჭანდი ṭand-i[2]). Что арм. ճանձ ṭanḓ, resp. ճանճ ṭanṭ *муха* примыкаетъ къ этой иверской формѣ, а не къ картской, это ясно, какъ Божій день. Вопросъ лишь въ томъ, имѣемъ ли въ данномъ примѣрѣ одинъ изъ случаевъ, устанавливающихъ вообще органически болѣе тѣсную связь до-арійскаго армянскаго съ иверскимъ, или здѣсь налицо лишь простое армянское заимствованіе изъ иверскаго языка, впослѣдствіи также продолжавшаго вліять на армянскій. Во всякомъ случаѣ утверждать совсѣмъ противное, именно говорить о заимствованіи этого слова иверскимъ изъ армянскаго, значитъ безплодно упорствовать уже не въ научно устойчивомъ положеніи, а въ предразсудкѣ, что лингвисты-индоевропеисты раскрыли-молъ всѣ тайны происхожденія армянскаго языка. Смѣю думать, что до этихъ тайнъ еще далеко, и если когда либо къ нимъ будетъ открытъ наукѣ доступъ, то путь можетъ быть проложенъ лишь черезъ яфетическую лингвистику, съ привлеченіемъ богатыхъ и обильныхъ матеріаловъ по живымъ картскимъ (грузинскимъ), сванскимъ и особенно иверскимъ (лазо-мингрельскимъ) нарѣчіямъ и говорамъ.

Н. Марръ.

11 апрѣля 1909 г.

---

1) При картскомъ «е» въ иверскомъ закономѣрно появляется «а». Между прочимъ къ многочисленнымъ случаямъ такой иверской перегласовки относится лаз. ლაკი lak-i (<*lakv-i) *собака*, равно съ передвиженіемъ глухого k въ звонкій g — ლაგი lag-i (<*lagv-i) при картскомъ ლეკვი lekv-i *щенокъ*. И въ этомъ случаѣ арм. լակոտ lakot (<lakv-at) *щенокъ*, отличаясь лишь женскимъ окончаніемъ at, примыкаетъ къ иверской, а не къ картской формѣ.

2) Есть еще одна спорная діалектическая разновидность — ḓanḓ-i, указываемая въ примѣрахъ проф. А. А. Цагарели (*Мингрельскіе этюды*, вып. II, стр. 37, § 19, г, α, стр. 65, § 38, в, β); она категорически отрицается г-номъ П. Чараіа (მოამბე, 1895, X, стр. 79), но теоретически такая форма вполнѣ возможна при нормальности позднѣйшаго озвонченія глухихъ, въ частности — передвиженія глухого ṭ въ звонкій ḓ.

Еще извѣстіе о Коркудѣ.

При чтеніи книги Е. И. Козубскаго «Исторія города Дербента» (Темиръ-Ханъ-Шура, 1906) я обратилъ вниманіе на извлеченіе (стр. 61—64) изъ разсказа знаменитаго путешественника Олеарія, посѣтившаго Дербентъ весной 1638 г., на обратномъ пути изъ Персіи. Въ этомъ разсказѣ упоминается патріархъ и пѣвецъ Коркудъ[1]), съ именемъ котораго связанъ циклъ эпическихъ сказаній, носящій въ единственной извѣстной рукописи заглавіе: «Книга о моемъ дѣдѣ Коркудѣ, на языкѣ племени огузовъ», и воспѣвающій событія, происходившія на армянской возвышенности. Память о Коркудѣ сохраняется теперь, насколько извѣстно, только у туркменъ и киргизъ-казаковъ; въ XVII в., какъ видно изъ словъ Олеарія, и среди турецкаго (адербейджанскаго) населенія Закавказья еще не были забыты преданія, имѣвшія, повидимому, нѣкоторое сходство съ содержаніемъ «Книги о Коркудѣ». Олеарію разсказывали не только о Коркудѣ, объ огузахъ, о главномъ богатырѣ Казанъ-бекѣ, но и о женѣ послѣдняго Бӱрлэ-хатунъ[2]), имя которой упоминается только въ «Книгѣ о Коркудѣ» и совершенно не встрѣчается въ туркменскихъ преданіяхъ, насколько они извѣстны до сихъ поръ[3]).

Е. И. Козубскій приводитъ разсказъ Олеарія въ русскомъ переводѣ, вообще довольно точномъ; мы замѣтили только двѣ крупныхъ ошибки противъ нѣмецкаго подлинника: «царь Кассанъ» происходилъ, по Олеарію, изъ Мидіи, а не изъ Индіи; среди приношеній паломниковъ на могилѣ «имама Курхуда» упоминается не вино (что, конечно, было бы слишкомъ грубымъ нарушеніемъ религіозныхъ предписаній), а воскъ[4]). Приводимъ подлинный текстъ Олеарія, съ сохраненіемъ ороографіи[5]), по изданію 1671 г.[6]):

1) Ср. о немъ З. В. О. VIII, 204; IX, 271—273; X, 193—194. Также Абуль-Гази Бохадуръ-Ханъ, Родословная туркменъ, перев. А. Туманскаго, Асхабадъ 1897, стр. 40 и слѣд.

2) З. В. О. XII, 048 и слѣд.

3) Н. Н. Мартиновичъ обратилъ мое вниманіе на слова османскаго автора XVII в. Эвлія-Челеби, по которымъ среди личныхъ именъ туркменъ было и имя Коркудъ (قورقوت). Ср. سياحتنامه, Константин. изд., т. III, стр. 172.

4) Въ переводѣ П. Барсова (Подробное описаніе путешествія и т. д., составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ, Москва 1870, стр. 968 и 971) ни той, ни другой ошибки нѣтъ.

5) Только готическое ß замѣнено латинскимъ ss; кромѣ того употребляемыя въ подлинникѣ наклонныя черты замѣнены запятыми. Слова, набранныя курсивомъ, въ подлинникѣ напечатаны латинскимъ шрифтомъ.

6) Т. е. 4-му изданію (Adam Olearii Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reise nach Muscow und Persien, Schleswig 1671, S. 721—723). Часть отрывка напечатана также въ статьѣ Френа о дербентскихъ надписяхъ, помѣщенной въ книгѣ E. Eichwald, Reise auf dem Caspischen Meere, Bd. II, Berlin 1838, S. 206—207.

«Auf disseit Derbent funden wir überaus viel Grab- und Leichensteine, etliche tausend stück, waren weit über Mannes Länge, rund als halbe Cylinder, und ausgehölet, dass man darinn liegen kunte, oben mit Arabischer und Syrischer[1]) Schrifft bezeichnet. Von diesen Gräbern erzehlten sie folgende Historie: Es sol vor alten Zeiten jedoch nach Mahumed[2]) ein König in Meden Namens *Kassan*, von Geburt ein *Okus*, welche Nation hinter dem *Elburs* in *Thabesseran*, wo jetzo viel Jüden wohnen, gewesen sein. Dieser hat mit den Tagesthanischen Tartern (welche sie *Lesgi* nennen) am selben Orte ein hartes Treffen gethan, sie überwunden, und ihrer etliche tausend Mann erleget, derer fürnembsten Gräbern mit solchen Leichsteinen beleget, nach Form und Art wie im beigefügtem Kupffer angedeutet[3]). Unter andern war auch nach der Seewerts ein absonderlich Begräbniss mit einer Maur umbzogen, in welchem viertzig solche lange ungeheure Grabsteine einer neben dem andern lagen, waren dabey viel Fahnen auffgesteckt. Die Perser nennen solch Begräbniss *Tziltenan*, die Türcken und Tartern aber *Kerchler*. Dann es sollen viertzig Fürsten, heilige Männer, welche auch in selbiger Schlacht geblieben, allda begraben liegen, die Perser und Tartern gehen täglich dahin zu beten. Man hat vor dieser Zeit bey demselben durch stifftungen reiche Allmosen ausszutheilen gehabt. Jetzo aber wurde es von einem alten Mann, welcher darbey wohnete, nur gehütet, und bekompt selbst Allmosen von denen, die kommen, und die Gräber besuchen. Der König Kassan, welcher hernach eines natürlichen Todes gestorben, liegt bej *Tabris* an einem Rivire *Atzi*[4]) (bitter Wasser) genandt, begraben, woselbst noch heute sein Grab gesehen wird, dessen Gemahlin, der Königin Burloe Begräbniss, wird bei der Festung *Urumi* gezeiget und sol das Grab viertzig Schuh lang seyn[5]). Sie sagen dass selbige Nation viel grössere und stärckere Leute gehabt, als die jetzigen seynd.

Den 13 Aprilis kamen 50. Tartern Mann und Weibes Personen daselbst an. Den folgenden Tag, als den 10 *Silhatzae*[6]), da die Opfferung Abrahams einfiel, bey den *Kerchler* ihrem Gebrauch nach zu opffern. Sie gien-

---

1) Сирійскими надписями Олеарій, очевидно, считалъ куфическія.

2) У Френа по ошибкѣ: jedoch vor Mahumed.

3) Приложено изображеніе Дербента и окрестностей, съ кладбищемъ Кыркляръ. Ср. въ книгѣ г. Козубскаго стр. 295 и рисунокъ къ стр. 20.

4) Какъ извѣстно, рѣчка Аджи-чай протекаетъ къ сѣверу отъ Тебриза и впадаетъ въ озеро Урмію.

5) О той же гробницѣ говорится при описаніи Урміи (Ausführliche Beschreibung etc., S. 541): *Tzors* und *Urumi* seynd treffliche Festungen, bey dieser wird der *Burlae*, König Kasans Gemahl Grab, welches 40. Schuh lang ist, gezeiget». Ср. въ переводѣ П. Барсова стр. 701.

6) Въ 1638 г. день 10-го зу-ль-хиджа, по таблицамъ Вюстенфельда, приходился на 25/15 апрѣля. Изъ этого видно, что даты у Олеарія приведены по старому стилю.

gen nach einander, küsseten die Grabsteine, hielten die Hände darauff und beteten.

... Wie zogen eine viertel Meile von der Stadt, und lagerten uns neben einem Weinberg, da die Gräntze der Perser und Tagesthaner Tartern durch einen kleinen Bach sich scheiden.

Allhier trafen wir noch zwene Mahumedische Heiligen an, deren einer *Pyhr Muchar* im Felde, der ander *Imam Kurchud* im Berge begraben liegt. Dieser sol von des Mahumeds Freundschafft seyn, sich stets zu dessen Füssen gehalten, von ihm gelernet, und nach ihm noch dreyhundert Jahr gelebet haben. Er hat sich zum Könige Kassan begeben, ihm mit einer Lauten vorgespielt, und Lieder, in welchen er den König wider die *Lesgi* zu streiten angefrischet, drein gesungen. Da er aber ihm fürgenommen hatte die *Lesgi* oder Tagesthaner Tartern, welche Heyden waren, zu bekehren, und öffentlich bey ihnen zu predigen angefangen, haben sie ihn todt geschlagen. Sein Begräbniss ist in einer im felsichten Berg gehawenen grossen Höle. Der Sarck war nur von vier Brettern zusammen geschlagen, welches ferner hinten in einem Loche, das zwo Ellen hoch von der Erden gar armselig stund, und kunte von jederman gesehen werden. Den vorigen Tag war ich daselbst, besahe alles eben, fand gar keinen Zierath darbey, sondern nur ein alt Weib, als Hüterin des Grabes sitzen. Heute aber weil die Wallfahrt wegen der Opfferung geschahe, hatten sie das Pflaster mit Strohmatten beleget, und für das Loch, worinnen der Sarck, ein Tapet von gülden Stück gehänget. Es kamen sehr viel Weiber und Jungfern aus der Stadt, und von ferne, giengen Barfuss in die Höle, küsseten das Sarck, und satzten sich nieder dabey zu beten und zu bitten, was jegliche gerne haben wollte. Nach dem Gebet opfferten sie der Alten, welche auch heilig gehalten wird, und des Nachts beym Grabe eine brennende Lampe erhält. Die Opffer warer Käse, Butter, Milch, Brodt, Geld, Wachs und dergleichen. Die folgende gantze Nacht durch hörten wir in unserm Lager, dass bey selbigem, wie auch der viertzig Heiligen Begräbnissen, ein gross Geschrey, gleich derer, die zu jubiliren, zu tantzen, auch zu heulen pflegen, gar Heydnisch und Barbarisch anzuhören».

Казалось бы, что по этимъ даннымъ мѣстоположеніе гробницы «имама Курхуда» могло бы быть опредѣлено съ полной точностью. Лѣтомъ 1908 г. мнѣ удалось посѣтить Дербентъ для осмотра памятниковъ древности въ этомъ городѣ; 21 іюня я вмѣстѣ съ однимъ изъ мѣстныхъ жителей, студентомъ Исрафиловымъ, осматривалъ мѣстность къ сѣверу отъ города, которая, очевидно, имѣется въ виду въ разсказѣ Олеарія. Миновавъ большое кладбище у воротъ Кырклярь, гдѣ въ особой оградѣ помѣщены

могилы такъ называемыхъ сорока мучениковъ, дорога проходитъ мимо родника и немного далѣе пересѣкаетъ сухое русло ручья; по разсказамъ въ дождливое время русло и теперь наполняется водой. Разстояніе отъ воротъ города вполнѣ подходитъ къ указанному Олеаріемъ (1/4 мили, т. е. около 2 верстъ). Не доходя до родника, вправо отъ дороги, напротивъ виноградника, мы нашли большой могильный камень, упавшій и расколовшійся надвое. Спустившись въ яму, надъ которой теперь находится камень, можно было различить на сторонѣ его, обращенной къ ямѣ, слѣды надписей; камень былъ настолько тяжелъ, что повернуть его для прочтенія надписей оказалось невозможнымъ. На другой сторонѣ никакихъ надписей не было.

Очень вѣроятно, что здѣсь находилась та гробница «въ полѣ», о которой говоритъ Олеарій и которую онъ приписываетъ святому Пиръ-Мухару (Пиръ-Мухтару?). Скалистыя высоты близко подходятъ къ этому мѣсту (съ западной стороны), но ни о какой пещерѣ и ни о какой гробницѣ мѣстные жители не слышали; имя Коркуда имъ также было совершенно неизвѣстно.

Френъ, при которомъ преданія о Казанъ-бекѣ и Коркудѣ еще не были извѣстны, отожествлялъ упоминаемаго у Олеарія «царя Кассана» съ монгольскимъ правителемъ Персіи Газанъ-ханомъ (1295—1304 гг.)[1]; теперь это предположеніе, конечно, должно отпасть, хотя возможно, что слова о гробницѣ въ Тебризѣ относятся къ Газанъ-хану и что Олеарій смѣшалъ легендарнаго героя, о которомъ, повидимому, впервые услышалъ въ Дербентѣ, съ исторической личностью этого хана[2]).

Преданія объ огузахъ, Коркудѣ и Казанъ-бекѣ несомнѣнно были принесены на западъ въ эпоху Сельджукской имперіи (XI—XII вв.), къ которой относится также отуреченіе Адербейджана, Закавказья и Малой Азіи. Что эти преданія и на османской почвѣ сохранялись довольно продолжительное время, показываетъ поэма Китаби-Коркудъ, сохранившаяся въ рукописи XVI в., и тѣсно связанное съ ней свидѣтельство автора «Тарихи-Али-Сельджукъ» (XV в.)[3]). Въ Дербентѣ объ огузахъ слышалъ еще послѣ

1) Особенно характерны попытки Френа объяснить упоминаніе, въ связи съ именемъ этого хана, народа огузовъ: «Wenn er von Geburt ein Okus genannt wird, so weis man, dass auch Mongolen im Oghus einen in die orientalische Mythenzeit sich verlierenden Ahnherrn verehren. Die Daghestanischen Tataren oder Lesgi, mit denen er Krieg geführt haben soll, mögen zur Armee des damaligen Chanes von Kaptschak Toktogü oder zu der des Pagratiden David V. gehört haben» (Eichwald, Reise etc., Bd. II, S. 224 f.).

2) По Шардену (Voyages etc., изд. 1735 г., t. I, p. 255 и планъ Тебриза) гробница Газанъ-хана находилась въ сѣверной части Тебриза, имѣла видъ башни и называлась «башней хана Казана» (Monar-Can-Cazan).

3) На эту связь мною уже было указано въ З. В. О. VIII, 205; въ доказательство

Олеарія кн. Д. Кантемиръ, посѣтившій Дербентъ въ 1722 г., вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ; въ его рукописи, которой пользовался Френъ, упомянуты «signa antiqua hieroglyphica et alia scripta Oguriana (l. Ogusiana) quae in muro urbis et monumentis sunt observata»[1]). Книжные разсказы о прошломъ Дербента, приведенные въ «Дербендъ-намэ» и относящіеся къ болѣе раннему времени[2]), тѣмъ не менѣе уже ничего не знаютъ объ огузахъ и относятъ гробницы кладбища Кырклярь къ сомнительному событію I в. хиджры — гибели Сальмана ибн-Рабі'и и его 4000 воиновъ[3]). Когда этими книжными разсказами окончательно были вытѣснены народныя преданія, пока невозможно установить[4]).

В. Бартольдъ.

можно привести параллельно текстъ Китаби-Коркудъ по дрезденской рукописи № 86 (стр. 1) и текстъ Тарихи-Али-Сельджукъ по рукописи Аз. музея 590 ba (стр. 27):

كتاب ددم قورقود

رسول عليه السلام زماننه يقين بيات
بوينددن قورقوت اتا ديرلر بر ار قوپدى
اغوزك اوّل كشى تمام بيلجسيدى نه ديرسه
اولردى غائبدن درلو خبر سويلردى حق
تعالى انك كوكلنه الهام ايدردى قورقوت
اتا ايتدى آخر زمانده خانلق كرو قاييه
دكه كمسنه اللرندن الميه آخر زمان اولپ
قيامت قوپنجه بو ديدوكى عثمان نسلى
در ايشده سوريلب كيده‌يو در

تاريخ آل سلجوق

رسول عليه السلام زماننه يقين زمانده
بيات بوينددن قورقود اتا قوپدى كندو
قومنك بلكه‌سيدى نه ديرسه اولوردى
غايبدن خبرلر سويلردى حق تعالى انوك
كوكلنه الهام ايدردى ايتدى آخر زمانده
كرو خانلق قاييه ويرلوب كمسه اللرندن
الميه ددى ديدوكى عثمان رحمه الله نسلى
در

1) Eichwald, Reise etc., B. II, S. 212.

2) Время, когда жилъ Мухамедъ-Авабн Акташи, авторъ турецкой передѣлки утраченнаго персидскаго оригинала Дербендъ-намэ, въ точности не установлено; во всякомъ случаѣ это сочиненіе существовало уже въ XVII в., такъ какъ рукопись Имп. Публичной библіотеки Dorn 541 датирована 1099 (1687—8) г.

3) Съ разсказомъ Дербендъ-намэ почти во всемъ сходится разсказъ такихъ раннихъ авторовъ, какъ Балазури (Beladsori ed. de Goeje, p. 203—204) и Я'куби (Historiae ed. Houtsma, II, 194), хотя могила Сальмана по Балазури находилась въ Баланджарѣ (гдѣ и произошла битва), а не въ Дербентѣ. Совершенно иначе разсказываетъ о тѣхъ же событіяхъ Табари (Annales, I, 2669). О Баланджарѣ см. J. Marquart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Lpz. 1903, S. 18.

4) Настоящая статья была уже напечатана, когда мнѣ удалось найти извѣстіе о Коркудѣ и о его могилѣ близъ Дербента у турецкаго современника Олеарія, Эвлія-челеби (سياحتنامه, II, 312). Среди дербентскихъ мѣстъ паломничества упоминается زيارتكاه دره خورخوط [l. دده] ' اولو سلطاندر شروانليلر بو سلطانه معتقد درلر «Мѣсто паломничества (т. е. могила) Дэдэ-Хорхута. Это — великій султанъ; ширванцы поклоняются этому султану».

Два отрывка изъ „Хорезм-намэ".

(Посвящается памяти Н. Ф. Петровскаго).

Нѣсколько хивинскихъ поэтовъ и поэтессъ излили, по разсказамъ, свои патріотическія чувства въ стихахъ по поводу появлянія русскихъ въ Хивѣ въ 1873 году. Мнѣ посчастливилось раздобыть только два отрывка стихотворенія - пѣсни «*Хорезм-намэ*», состоящаго изъ 11-слоговыхъ четверостишій со словомъ خوارزم въ концѣ каждаго 4-аго стиха[1]). Оба отрывка относятся къ началу стихотворенія и показываютъ, что это произведеніе неизвѣстнаго мнѣ по имени *народнаго*[2]) поэта, переходя изъ устъ въ уста, успѣло уже разбиться на варіанты. Отрывки записаны для меня двумя хивинцами по памяти.

Первое четверостишіе обоихъ отрывковъ даетъ общій намекъ на постигшее Хиву несчастье, причемъ первый варіантъ слѣдуетъ признать совершеннѣе второго; во второмъ варіантѣ стихи тѣсно между собою не связаны. *Второе* четверостишіе перваго отрывка говоритъ о русскомъ завоеваніи, а въ другомъ отрывкѣ соотвѣтствующаго четверостишія не имѣется; возможно, что оно было умышленно выпущено хивинцемъ, который записывалъ этотъ отрывокъ для меня—русскаго. *Третье* четверостишіе перваго отрывка и второе — другого называетъ главнымъ виновникомъ паденія страны диван-беги *Мамед(Мат)-Мурад*'а. На этомъ кончается первый отрывокъ, второй-же сообщаетъ въ своемъ *третьемъ* четверостишіи о потерѣ хивинскимъ ханомъ и его наслѣдникомъ независимости, въ *четвертомъ* — о русскихъ трофеяхъ и, наконецъ, въ *пятомъ*,

---

1) См. мой отчетъ о поѣздкѣ въ Хиву лѣтомъ 1908 г., въ Извѣстіяхъ Русскаго Комитета для изученія Ср. и Вост. Азіи, № 9, стр. 13 отд. отт.—Ср.: 1) «Пѣсню о русскихъ» мервскаго текинца Кӧр-Моллы въ моей статьѣ «Туркменскій поэтъ-босякъ Кӧръ-Молла и его пѣсня о русскихъ», Живая старина, вып. IV, 1907 года; 2—4) рукописи №№ 15—II—2, 15—III—2, 22—2 и 24 въ «Краткой описи среднеазіатскихъ рукописей собранія А. Самойловича» (стр. 020 и 024 настоящаго выпуска Зап. В. О.); 5—8) четыре стихотворныхъ произведенія въ книгѣ Н. Веселовскаго «Киргизскій разсказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ» (СПБ. 1894), изъ коихъ главное, не надо этого забывать, исполнено *по заказу* для русскаго «большого человѣка» (стр. V); 9—11) три пѣсни о Худоярънханѣ, изд. Н. П. Остроумовымъ (З. В. О., тома II, VII и VIII; ко второй есть разъясненіе Н. Ф. Петровскаго ibid., т. VIII, стр. 151).

2) О томъ, кого я причисляю къ *народнымъ* поэтамъ Средней Азіи, см. цитованную выше мою статью «Краткое описаніе рукописей», стр. 02—03. Спеціально о народныхъ поэтахъ Хивы будетъ сказано въ готовящейся къ печати статьѣ о хивинскихъ библіотекахъ.

очень похожемъ на *заключительное*, винитъ «всѣхъ мусульманъ» въ неблагочестіи и несогласіи, какъ бы говоря: «по дѣломъ вамъ!». Въ общемъ, два отрывка даютъ вмѣстѣ 6 отдѣльныхъ четверостишій; для стихотворенія «муребба» такое количество строфъ не мало, но прежде всего недостаетъ, очевидно, четверостишія съ техаллусомъ автора, а затѣмъ весьма естественно было-бы ожидать по крайней мѣрѣ еще одного четверостишія, въ которомъ сообщалось-бы объ уничтоженіи русскими рабства: вѣдь рабы были «трофеемъ», наиболѣе цѣннымъ *по своему* и для хивинцевъ, и для русскихъ.

Первый отрывокъ.

1 بهارینکده سیراب باغده بلبللار   بوستانده آصیلیب قرمزی کللار
خزان فصلی یتب سوسن سنبللار   آچیلغان کل ایدینک سولدینک خوارزم [1]

2 اوروس کیلب سنینک یورتینکنی آلدی   مسلمان یورتینه قوزغلانک سالدی
دینینکنی آلورغه ایمدی نه قالدی   اوروسغه قرادی کونینک خوارزم

3 محمد مراد قُل دیوان بیکی شول بولدی [2]   قُل بولماقدین مدعاسی فل [3] بولدی
یورت بوزولماقینه سبب شول بولدی   اوروسغه قرادی کونینک خوارزم

Второй отрывокъ.

1 یاز بولسه صفالی اولوغ نروانی   قلدین بولدی خیوه‌لی‌نینک دیوانی
خراب بولدی کوشکی بیله ایوانی   شونچه ایلنک قولدین کیتدی خوارزم [4]

---

1) Рук. خوارزیم; такое написаніе можно встрѣтить и въ прозаическихъ сочиненіяхъ людей малограмотныхъ (напр., стр. 019 настоящаго выпуска, 5 снизу); оно отражаетъ народное произношеніе среднеазіатскихъ турковъ, не терпящее двухъ согласныхъ на концѣ слова, если только первый согласный звукъ *не* плавный (ср. *тӳрк*, *барс*); см. хотя-бы *Краткую грамматику казакъ-киргизскаго языка* П. М. Меліоранскаго, часть I, стр. 70, пунктъ 2); примѣромъ другого, указаннаго въ этомъ пунктѣ, способа измѣненія чужеязычныхъ словъ (отпаденіе одного изъ двухъ конечныхъ согласныхъ) можетъ служить *хивинское* произношеніе *һазáрыс* вм. һазар-асп (съ переходомъ безударнаго *а* въ *ы*).

2) Первое слово надо читать *Мат* вм. *Мухаммад*, чтобы получилось 11, а не 13 слоговъ; ср. 2-ой отрывокъ, 2-ое четверостишіе, стихъ 1-ый. — Какъ извѣстно, сокращеніе имени пророка идетъ въ Хивѣ еще дальше, и въ именахъ *Ходжам*, *Нурум* отъ слова *Мухаммад* остался одинъ звукъ *м*.

3) Чит. پول; передача звука *п* буквой ف явленіе обычное въ среднеазіатско-турецкой письменности, особенно въ восточно-туркестанской. Подробнѣе объ этой, какъ и о другихъ особенностяхъ среднеазіатско-турецкой орѳографіи надѣюсь высказаться печатно въ ближайшемъ будущемъ, при изданіи تکه‌لارینک اوروش قصه کتابی.

4) Чит. въ 3 слога и см. сноску 1.

2 محمد[1] مراد ديوان بيكى قل بولدى   جان ايمانى استكانى فل بولدى
يورتنى برماكينه سبب شول[2] بولدى   توتدى سننك حلال توزونك خوارزم
3 ياز ايستغين قيش ساوقين كورماكان   يوز قدم يول فيادالار[3] يورماكان
خدادين غيريغه خذمت قيلماغان   بنده بولدى خانينك تورانك خوارزم
4 بساطنكده بار و يوقينك كوب كيتدى   كوشك ايوان[4] طلاسراى چوف[5] كيتدى
نادر[6] شاهدين قالغان اولوغ توف كيتدى   شونچه اسبابلارينك كتدى خوارزم
5 حقنينك رحتيدين اميدسز[7] شيطان   تيرانسه اير توقماق حكيم سليمان
اغزىنى برلاسه كلى مسلمان   بولسه پهلوان اتا پرينك خوارزم

Переводъ. I отрывокъ.

1.

Во время твоей весны пѣли въ садахъ соловьи,
Въ цвѣтникахъ свѣшивались алыя розы.
Осенняя пора нагрянула на лиліи и гіацинты, —
Распустившимся цвѣткомъ былъ ты и завялъ, Хорезмъ!

2.

Русскіе пришли, твоей страной завладѣли,
Въ мусульманскую страну смятеніе внесли.
Вѣрѣ твоей отнятой быть долго-ли теперь осталось!? [8])
Отъ русскихъ зависитъ существованіе твое, Хорезмъ!

---

1) Чит. *Мамед.* Здѣсь чтеніе *Мат* дало-бы только 10 слоговъ, т. е. нарушило-бы размѣръ. Русскіе источники называютъ это лицо *Матъ-Мурадъ* (см. сноску 1 на стр. 081).

2) Рук. опущ.

3) Чит. پيادهلار и см. сноску 3 на стр. 079.

4) Чит. كوشك و ايوان; و въ стихахъ обыкновенно опускается, см., напр., стр. 010 настоящаго выпуска, 7 снизу, гдѣ надо читать تاغ و تاشلار.

5) Чит. چوپ; توف слѣдующ. стиха чит. توپ.

6) Рук. نذر.

7) Рук. اوميد; ср. случайное созвучіе съ *исконно-турецкимъ* اوموت отъ глагола اوممق и см. Словарь Будагова, I, 95 (ошибка!) и 159 (вѣрно!).

8) Ср. цитованную выше «Пѣсню о русскихъ», 1-ый куплетъ. Что такого рода боязнь существуетъ у хивинскаго народа и понынѣ, я испыталъ на самомъ себѣ: среди разныхъ слуховъ, ходившихъ на мой счетъ во время моего путешествія по ханству, одинъ гласилъ, что я — миссіонеръ. См. цитованный выше мой отчетъ, стр. 9 отд. отт.

3.

Мамед-Мурадъ изъ рабовъ, — диванбег'омъ это онъ былъ.
Такъ какъ былъ онъ рабомъ, то его мечтой были деньги;
Онъ былъ причиной разоренія страны [1]).
Существованіе твое отъ русскихъ зависитъ, Хорезмъ!...

II отрывокъ.

1.

Какъ настанетъ лѣто, усладительны его могучіе нарван'ы...
Изъ рабовъ былъ диван-беги хивинцевъ...
Разорены его кіоски и айван'ы...
Изъ рукъ такого народа ушелъ Хорезмъ! [2])

1) Въ 3-емъ четверостишіи I отрывка и въ 1 и 2-мъ четверостишіяхъ II отрывка главнымъ виновникомъ паденія Хивы указывается *рабъ, сребролюбецъ Мамед (Мат)-Мурадъ диван-беги.* Таково народное убѣжденіе, какъ я наблюдалъ на мѣстахъ, хотя приходилось слышать тяжелые упреки и по адресу самого главы ханства; меня при этомъ удивляла откровенность, съ которой эти упреки высказывались въ присутствіи людей служилыхъ, оффиціальныхъ. По русскимъ источникамъ (Описаніе Хивинскаго похода 1873 года по матеріаламъ особой комиссіи... подъ предсѣдательствомъ бывшаго Начальника Полевого Штаба [В. Н. Троцкаго]. Составлено полк. Ф. И. Лобысевичемъ. Подъ редакціей ген.-адъют. В. Н. Троцкаго. СПБ. 1898) *Матъ-Мурадъ* былъ человѣкомъ «въ высшей степени энергичнымъ, хитрымъ, но корыстолюбивымъ и жестокимъ»; «народъ презиралъ его, ненавидѣлъ, но въ то же время страшно его боялся»; «онъ бралъ съ народа въ свою пользу тяжелые налоги и поборы». «Матъ-Мурадъ былъ непримиримый врагъ русскихъ» (стр. 223). «Ближайшимъ сподручникомъ» Матъ-Мурада былъ «есаулъ-баши Рахметъ-улла» (sic); и тотъ, и другой были арестованы подъ Хивой 2 іюня 1873 г. и сначала отосланы въ Казалинскъ, а затѣмъ сосланы въ Калужскую губернію «въ виду вреднаго вліянія, которое они до сихъ поръ оказывали на хана и которое они могли и въ будущемъ имѣть на дѣла ханства» (стр. 224). Виновность Мат-Мурада въ разореніи Хивы надо понимать, думается мнѣ, такъ, что Богъ покаралъ страну русскимъ нашествіемъ за чрезмѣрные грѣхи ея фактическаго правителя, диван-беги. По воззрѣніямъ среднеазіатцевъ и благодѣянія, и несчастья посылаются странѣ не за дѣла народа, а за поведеніе правителя, хотя-бы русскаго уѣзднаго начальника.

2) Такое начало стихотворенія нельзя не признать весьма удачнымъ въ художественномъ отношеніи: однимъ словомъ *нарван* читатель сразу переносится въ Хиву. При поѣздкахъ по Средней Азіи мнѣ нигдѣ такъ не бросались въ глаза деревья *нарван*'ы, какъ въ Хивѣ, хотя они имѣются не только тамъ: какъ извѣстно, въ Самаркандѣ (русскомъ) есть цѣлая «улица *карагачей*» (=*нарван, ulmus*); карагачи можно видѣть и въ Закаспійской области. Въ хивинскомъ ханствѣ *нарван*'ы являются непремѣннымъ украшеніемъ *чāр-баг*'овъ, правильно распланированныхъ четыреугольныхъ садовъ, въ которыхъ *нарван*'ы занимаютъ центральное мѣсто, осѣняя своей темнозеленой, могучей, плотной, тѣнистой, шапкообразной листвой садовые водоемы (*хоуз*) предъ садовыми павильонами (*чāр-дере*). Слово *его* въ 1 и 3 стихахъ относится, конечно, къ Хорезму.

2.

Диван-беги Мамед-Мурадъ рабомъ былъ;
Вѣрой души его, его помысломъ были деньги;
Причиной сдачи страны онъ былъ.
Отомстила (ему) твоя неоскверненная хлѣбъ-соль [1]), Хорезмъ!

3.

Лѣтней жары, зимней стужи не видавшіе,
Ста шаговъ пути пѣшими не ходившіе,
Кромѣ Бога никому другому не служившіе,
Слугами [2]) стали ханъ твой и наслѣдникъ твой, Хорезмъ!

4.

Въ твоихъ собственныхъ коврахъ всякаго добра много ушло,
Кіоски, айваны, золоченые дворцы на щепы пошли,
Послѣ Надир-шах'а оставшаяся большая пушка ушла, —
Столько твоего имущества ушло, Хорезмъ! [3])

---

1) Стихъ переведенъ такъ на основаніи Бабурова выраженія «کوزلارنی توزه توتتی хлѣбъ-соль ослѣпила его глаза, т. е. онъ измѣнилъ дружбѣ и былъ за то наказанъ» (Словарь Будагова, т. I, стр. 571) и на основаніи туркменскаго выраженія, любезно сообщеннаго мнѣ полк. Даулетшинымъ устно: «انی فلان آدمینك دوزو توتتی — ему отомстила хлѣбъ-соль такого-то, онъ понесъ возмездіе за злоупотребленіе гостепріимствомъ, дружбой такого-то». Въ «Опытѣ словаря тюркскихъ нарѣчій» ак. В. Радлова слово *дуз* опущено, а при словахъ *тус* и *туз* подходящихъ выраженій не приводится, равно какъ и при словѣ *тут* (v). — Ср. «Вторая пѣсня о... Худоярѣ» Н. П. Остроумова (З. В. О., т. VII), стр. 53, строфы 7 и 8.

Стихъ намекаетъ, очевидно, на кару, понесенную диван-бегомъ, — ссылку въ Калужскую губернію. Интересно отмѣтить, что не только въ Хивѣ, но и въ Закаспійской области, и въ Ферганѣ, т. е. вообще въ русской Средней Азіи нарицательнымъ именемъ для «ссылки» стало слово *сібір* (Сибирь); для закаспійскихъ туземцевъ «Сибирью» является полуостровъ Мангышлакъ (см., между прочимъ, мою рецензію на Матеріалы по земле-водопользованію въ Закасп. обл., Живая Старина, 1908, вып. 1, стр. 2 отд. отт.). И про Мат-Мурада въ Хивѣ говорятъ, что онъ былъ сосланъ въ «Сибирь».

2) Ср. Мирный договоръ 12 авг. 1873 года, пунктъ 1): «Сеидъ-Магометъ Рахимъ-Богадуръ-ханъ признаетъ себя покорнымъ слугою Императора Всероссійскаго».

3) По русскимъ *оффиціальнымъ* даннымъ (см. цитованное выше Описаніе Хивинскаго похода, стр. 245) «Трофеями войскъ, за весь періодъ дѣйствія ихъ до занятія Хивы, были 25 различныхъ калибровъ мѣдныхъ пушекъ, 2 мѣдныя мортиры, и множество фальконетовъ, ружей, холоднаго оружія и запасовъ пороху, свинца, ядеръ и *проч.* (курсивъ нашъ)». Холодное и ручное огнестрѣльное оружіе, найденное въ ханствомъ дворцѣ, было частью представлено въ Петербургъ, частью роздано офицерамъ дѣйствовавшихъ отрядовъ. «Въ домѣ диванъ-беги Матъ-Мурата было конфисковано денегъ 48844 р.... и еще сундукъ съ золотыми вещами и каменьями азіатскаго женскаго туалета на 25640 р.» Артиллерійское имущество, кромѣ 8 пушекъ (стр. 246), было возвращено хивинскому хану. — Насколько помню, пушку Надир-шаха мнѣ показывали въ хивинскомъ *топ-хана*, что̀ на площади предъ Аркомъ.

5.

На Божью милость нѣтъ надежды у діавола!
Кабы ожили Эр-Токмакъ, Хаким-Сулейманъ!
Кабы единогласны были всѣ мусульмане!
О, если-бы явился Пальван-ата[1]), твой покровитель, Хорезмъ!...

А. Самойловичъ.

СПБ. апрѣль 1909 г.

---

1) Въ послѣднемъ четверостишіи упоминаются три хивинскихъ святыхъ. О *Хаким-Сулейманѣ* см. К. Залеманъ «Легенда про Хакимъ-Ата», Изв. И. Ак. Наукъ, 1898 г., т. IX, № 2; В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, т. II, стр. 149, сноска 2, и стр. 404; *его же:* Свѣдѣнія объ Аральскомъ морѣ (Изв. Турк. Отд. И. Р. Геогр. О., т. IV, вып. II, стр. 49); *его-же*: Къ вопросу о родинѣ Хакимъ-Ата (Турк. Вѣдом. 1902, № 17). Гробница *Пальван-ата* находится въ г. Хивѣ, а могила *Эр-Токмак*'а на полуостровѣ Аральскаго моря, носящемъ имя этого святого: «Такмакъ (sic!) атау» (40-верстная карта южной Пограничной полосы Азіятской Россіи, листъ 7, изд. Главнаго Штаба). — По показанію хивинскаго полковника *(юз-башы)* Батыр-бая (о немъ см. мой отчетъ, стр. 10 отд. отт.), *уран*'омъ, т. е. кличемъ на войнѣ и на скачкахъ хивинскихъ *узбек*'овъ является выраженіе: *ја ћазрäт-і Паlwан, ја Шаћ-і мäрдан!*, а *уран*'омъ *каракалпак*'овъ: *ја ћазрäт-і ћакім-ата!* — Ср. «Пѣсню о русскихъ», гдѣ желанными избавителями называются Коушут-ханъ и Нур-берди-ханъ. Достойно вообще вниманія сходство «Хорезм-намэ» съ «Пѣсней о русскихъ» по мотивамъ и по построенію; непосредственной зависимости тутъ быть, конечно, не могло, и объяснять это сходство должно *традиціей*, которая существуетъ во всѣхъ отдѣлахъ среднеазіатско-турецкой литературы, какъ извѣстно, весьма неподвижной и безличной. — При чтеніи «Хорезм-намэ» невольно вспоминается еще одно стихотвореніе — *газаль* Мунис'а съ *редиф*'омъ خوارزم, изданное Г. Вамбери (Zwei moderne centralasiatische Dichter, W. Z. K. M. т. VI, стр. 273) среди другихъ произведеній того-же хивинскаго поэта — подъ заглавіемъ «Zum Lobe Charezm's». Заключительнымъ стихомъ Муниса закончимъ мы нашу послѣднюю сноску:

اقبال همیشه یارینك اولسون * تـــا بـــار دورور دیـــار خـــوارزم

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

---

352. Manichaeische Studien von C. Salemann. I. Die mittelpersischen texte in revidierter transcription, mit glossar und grammatischen bemerkungen. (Зап. И. А. Н. Томъ VIII, № 10) Спб. 1908. VII+172. 8⁰.

Найденные въ Восточномъ Туркестанѣ—въ этомъ очагѣ средне-азіатской культуры, гдѣ скрещивались и взаимно вліяли другъ на друга различныя культуры съ запада, юга и востока—рукописные матеріалы принесли намъ между прочимъ и драгоцѣнныя данныя въ области средне-иранскаго языковѣдѣнія, такъ скудно представленныя въ полу-криптографической формѣ пехлевійской литературы. Научно систематизированную обработку этихъ матеріаловъ представляетъ собою выше обозначенный трудъ петербургскаго ученаго, который, будучи авторомъ средне-персидской грамматики въ изданной Куномъ и Гейгеромъ энциклопедіи врановѣдѣнія, является въ данномъ вопросѣ самымъ компетентнымъ лицомъ.

Работа автора значительно затруднялась тѣмъ обстоятельствомъ, что оригинальные рукописные матеріалы по независящимъ отъ него обстоятельствамъ были для него недоступны. Объ этомъ нельзя въ достаточной мѣрѣ сожалѣть. Ибо судя по той массѣ дополненій къ изданному тексту, которыя автору удалось сдѣлать[1]), не имѣя передъ собою оригинала, чисто аналитическимъ путемъ,—несомнѣнно результаты работы при другихъ условіяхъ были бы еще цѣннѣе. Трудъ этотъ представляетъ собою критическое переизданіе въ транскрипціи еврейскимъ (квадратнымъ) шрифтомъ изданныхъ впервые Ф. В. К. Мюллеромъ разновременно средне-иран-

---

1) По непонятной скромности на это обстоятельство авторомъ не указано; такимъ образомъ тѣ коньектуры, которыя сдѣлалъ лично авторъ, можно обнаружить только при внимательномъ сравненіи его работы съ работою Мюллера.

скихъ текстовъ въ латинской транскрипціи, а также отрывка, находящагося въ Азіатскомъ Музеѣ — съ приложеніемъ къ нимъ словаря и краткой грамматики, которая должна дополнять, объяснять и исправлять изданную авторомъ средне-персидскую грамматику. Центръ тяжести помимо коньектуръ въ текстѣ лежитъ собственно въ словарѣ и грамматикѣ, гдѣ параллельно съ объясненіемъ спеціально «турфанскихъ» формъ можно найти и нѣкоторыя весьма цѣнныя толкованія темныхъ мѣстъ изъ пехлевійской литературы.

Къ весьма удачнымъ коньектурамъ автора надо отнести напр. *kōštīh dār* 3,3; *bavānd vāwarīg* 4g, 17 (хотя можетъ быть для нея и мало мѣста, судя по оставленному Мюллеромъ незаполненнымъ пространству); тамъ же 4g, 21 можно бы было, пожалуй, согласно переводу Мюллера *abzāy°*, дополнить до *abzāyānd*. Очень хороши дополненія: 20b,3—*angār*; 40,3—*ač tō;* 43,5 — *sahāy*; 48 — *ispihr* и *mas čē*; 48v,4 — *nigōšāg;* 98,17 — *āδūrīn*; 102,4 — *nē vašt*; 102,11 — *iškift*, 102v,15 — *istāvāδ*; 176,4 — *vaxšnām*; 324,7—*mēšag*; 388v,6 — *tanvār*; 470,16 — *yazd ač*; затѣмъ 473b,6 — *x^vēš*; 475,10 — *pēš;* 482,1 — *daxmagān, astōδānān;* 482,2 — *vēnēnd;* 482v,10 — *hān;* 97a,4 я предложилъ бы читать: *ku hān;* очень хороши тамъ же коньектуры *vēmān, visyār*; *ēδaōn* и т. д.

Словарь весьма тщательно составленъ; указаны всѣ мѣста, гдѣ данное слово встрѣчается; при болѣе рѣдкихъ или спеціально «турфанскихъ» словахъ приведены и объяснены цитаты изъ текста. Встрѣчаются новыя этимологіи, нѣкоторыя старыя исправлены. Гдѣ это возможно, приводятся для «турфанскихъ» словъ пехлевійскіе, армянскіе и даже грузинскіе (заимствованные изъ армянскаго) эквиваленты[1]), что придаетъ толкованію полноту и убѣдительность. Новыхъ вкладовъ въ иранскій словарь такъ много, что прослѣдить ихъ въ рамкахъ замѣтки нѣтъ возможности. Укажу только на главнѣйшіе:

awēčag — чистый — приведена очень хорошая этимологія; при *ārag*— дано объясненіе идеограммы [illegible][2]); *awžīrvānag* я бы предложилъ перевести прилагательнымъ «понятливый, разумный» въ связи съ *āžīr*; слова *abyāδ* — «воспоминаніе», *awēyāδ* — «непричастный», *adyāvar* — «помощникъ», *āyādgārīh* — «воспоминаніе» (и «собраніе гимновъ») — переведены вполнѣ правильно, жаль только, что авторъ не остановился надъ ними, чтобы разъ навсегда установить этимологически ихъ мѣсто; всѣ они въ пехлеви пишутся вначалѣ съ [illegible]; не является ли этотъ многозначущій комплексъ [illegible] внѣшнимъ результатомъ происходившихъ раньше языковыхъ

1) Сообщены Н. Я. Марромъ.

2) Тамъ же К 25 вѣроятно значитъ копенгагенская рукопись № 25?

процессовъ и какъ слѣдуетъ читать всѣ эти слова въ пехлеви? всегда ли съ *āy*°?

Дальше правильно этимологизировано *aƀnās* — «уничтоженіе»; *āδēn* — «входъ», почему авторъ не рѣшается предложить этимологію **adyayana?* (das mp. ergebnis eines alten* *ady-ayana* müste doch wol anders lauten).

Ōh ([Pahlavi], [Pahlavi], [Pahlavi]) — «verbalpartikel, welche die beziehung der handlung auf das object bezeichnet»:.... «wir haben es hier wol mit der adverbial gebrauchten praeposition *ō* zu tun». Не вполнѣ ясно, считаетъ ли авторъ, что *ōh* и *ō* вполнѣ тождественны, или же авторъ согласно съ Бартоломэ видитъ въ *ōh—ava hē?* Въ грамматикѣ на стр. 161 авторъ принимаетъ эту этимологію, но если пользоваться однимъ словаремъ, то получается впечатлѣніе невыясненности. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что работа печаталась три года и что большая часть ея уже была готова, когда появились «Nacharbeiten zum Altiranischen Wörterbuch» Бартоломэ. Пехлевійское [Pahlavi], [Pahlavi], какъ извѣстно, имѣетъ въ фразеологіи двойную роль: оно соотвѣтствуетъ «манихейскому» *ōh* (въ такихъ выраженіяхъ, какъ *ōh guftan*, *ōh ƀūδan*) и *ō* (чистый предлогъ: къ, до); сообразно съ этимъ, основываясь на ясно обозначенномъ различеніи этихъ частицъ въ манихейскихъ текстахъ, слѣдовало бы, пожалуй, и пехлевійское [Pahlavi], [Pahlavi], транскрибировать двояко.

Тою же, вѣроятно, продолжительностью печатанія объясняется и нѣкоторое противорѣчіе тамъ же далѣе: «M. III p. 1082 scheint *ōh* als nebenform seines *ōδ* «dort» [соотв. др. пер. *avadā*] an zu sehen, worin ich ihm nicht folgen kann» и нѣсколько строчекъ ниже «...und wenn er an manchen stellen auch *ōy* (und *ōh*) als abkömlinge des alten *avadā* auffaszt, so läszt sich das lautgesezlich halten».

Возвращаясь далѣе къ объясненнымъ авторомъ словамъ, укажу на *ōhang* — «мелодія», оставленное Мюллеромъ безъ перевода; сопоставляя *ōhang* съ آهنگ, авторъ правильно видитъ здѣсь тотъ же корень съ различными приставками, точно также *ōržūk* آرزو и *ōxēstan*.

astāy—«scheint 2 sg. conj. zu sein, doch zu ستودن kan es nicht gestellt werden.... Ob die 2 sg. هستی zu vergleichen»? Мнѣ кажется, что авторъ правъ, предполагая образованіе аналогичное هستی: *astāy* есть 2 лицо сосл. накл. существительнаго глагола отъ употребленнаго въ функціи основы 3-го лица изъяв. накл. (ср. польское *jest-em* и т. д.).

בא — «verbalpartikel и בא «sondern, aber» — не есть ли одна и та же частица? я склоненъ былъ бы думать, что и בי «sondern, aber» передъ энклитическимъ *č* — есть то же самое בא, только въ другомъ написаніи; употребляемое приблизительно въ томъ же значеніи, послѣ паузы, ביד предла-

гаетъ Бартоломэ читать bid, производя его вмѣстѣ съ пехлевійскимъ dit отъ древняго dvita.

Для *gyān* — «душа» предлагаетъ авторъ этимологію, сравнивая это слово чрезъ посредство гипотетическаго *vyān* (на основаніи аналогіи *gyāk*-*vyāk*) съ ав. *vyānā*, что значитъ «ловкость», «умъ». Но само *vyānā*, къ сожалѣнію, слишкомъ темно. Скорѣе подойдетъ этимологія *ǰīv*-.

דוזדיל транскрибируется авторомъ *duždēl*; откуда *ē?*

Затѣмъ исправлены авторомъ: *dahen* «ротъ», что даетъ фразѣ вполнѣ понятный смыслъ; Мюллеръ видѣлъ въ этомъ словѣ *dah°* «десять». *Vārišn* «ростъ»; Мюллеръ переводилъ «даръ». *vaδisgār* «злоумышляющій, врагъ», которое Мюллеромъ оставлено совершенно безъ перевода; точно также *vaδēftagēft* «злостность».

ודישנאסגיפת транскрибирую *vaδ-išn°*; авторъ транскрибируетъ *vaδē-šn°*, находя, очевидно, въ *vaδē* старую форму casus obliqui; но это сложное слово, какъ спеціальный манихейскій терминъ, новаго происхожденія. Для *viδang* я бы предложилъ этимологію *vi-tangīh*. *vindāδan* «erlangen» и *vindāδan* «aufleben» по моему одинъ и тотъ же глаголъ, и нѣтъ надобности разъединять его; переходъ значенія такой же приблизительно, какъ въ *petere*.

vaftan «плевать» вмѣсто वपति «бросать, сѣять» я бы сопоставилъ съ वमति «*vomīre*».

חונסנדיפת авторъ отождествляетъ вполнѣ правильно съ пехлевійскимъ [illegible], которое вслѣдствіе несчастной особенности пехлевійскаго начертанія читали вопреки традиціи [illegible], благо какъ разъ этимъ словомъ въ словаряхъ [illegible] и объяснялось. На подобнаго рода ошибки со стороны ученой критики, исправлявшей вѣрную традицію, указано авторомъ и въ другихъ мѣстахъ.

Hamis, правильно этимологизируя *(hamiϑriya)*, переводитъ авторъ невѣрно — «getrennt». Здѣсь правъ по-моему Мюллеръ, переводя какъ разъ наоборотъ «zusammen». Должно быть, авторъ выводитъ это значеніе «раздѣльно» отъ древне-персидскаго *hamiϑriyā aδavan*, что можно перевести, «они отложились, отпали»; но вѣдь *hamiϑriyā aδavan* значитъ собственно «они сдѣлались соумышленниками, они устроили заговоръ». А само *hamiϑriya* буквально значитъ «сотоварищъ», а затѣмъ «conspirator, заговорщикъ» и такимъ образомъ заключаетъ въ себѣ понятіе соединенія, а не раздѣленія.

ו̈ правильно читаетъ авторъ *u*; наличность въ турфанскихъ текстахъ болѣе древней формы *uδ* того же союза подтверждаетъ правильность предложенной авторомъ гораздо раньше этимологіи этого слова изъ древн. *uta*.

Дальше объяснено *mardēhang*, *nāfag* «пупъ», которое Мюллеръ переводилъ «возвышеніе»; *nivist* (?) — авторъ отвергаетъ предлагаемое Мюллеромъ «scriptum».

nizār я предложилъ бы перевести «обида» въ связи съ *āzarm* и *nizārīh Bhm. Yašt* II,37; *nyāwag* очень хорошо переводитъ авторъ «въ состояніи», М. оставляетъ безъ перевода; такъ же *sīrišn* «насыщеніе».

istaft правильнѣе бы было перевести съ Мюллеромъ «Bedrängnis» или прилагательнымъ того же значенія; вѣдь *awistaft* (то же самое съ отриц.) переводитъ авторъ «unbedrängt»? Къ тому же корню относятся: *avištāwišn*, *vistambagešt*, *istawr* и пехлевійское [illegible], [illegible], [illegible] и т. д. Этимологія этихъ словъ и дифференціація ихъ значеній въ зависимости отъ двухъ формъ $\sqrt{stambh}$ — слабой и сильной — приведена у меня WZKM т. XX.

išnōhrag у Мюллера «помилованный», у автора правильно «доставляющій удовлетвореніе». כּרוז̄ я предложилъ бы этимологію *pat-rōž*, тогда не пришлось бы ничего исправлять.

По поводу *patūδan* далъ намъ авторъ цѣлую статейку, интересно объясняющую нѣкоторыя темныя мѣста изъ пехлевійскихъ текстовъ.

Этимъ я заканчиваю обзоръ нѣкоторыхъ болѣе интересныхъ или, по моему пониманію, сомнительныхъ словъ изъ составленнаго авторомъ словаря. Если я относительно больше останавливался на тѣхъ объясненіяхъ, которыя мнѣ казались недостаточно обоснованными, то понятно это было сдѣлано по той причинѣ, чтобы со своей стороны дать посильное толкованіе того, что оставалось, по моему разумѣнію, невыясненнымъ. Остальное настолько убѣдительно своей очевидностью, что останавливаться надъ нимъ нѣтъ никакой надобности, да и возможности.

Грамматику авторъ располагаетъ въ такомъ же порядкѣ и даже подъ тѣми же §§, что и въ своей средне-персидской грамматикѣ; это значительно облегчаетъ справки въ сей послѣдней. Послѣ краткаго вступленія, излагающаго нѣкоторыя общія положенія, данъ анализъ звукового состава данныхъ діалектовъ, какъ онъ представленъ внѣшнимъ образомъ алфавитомъ эстрангело. Авторъ остерегался далеко идущихъ гипотезъ и обобщеній и ограничивался фактами. Отъ попытки разграничить діалекты авторъ отказывается въ виду того, что въ однихъ и тѣхъ же текстахъ встрѣчаются слова съ различными діалектическими признаками. Въ словообразованіи приведены всѣ встрѣчающіеся суффиксы съ обильными примѣрами для каждаго; новые въ сравненіи съ пехлевійскимъ особо указаны. Въ флексіи существительныхъ кратко перечислены всѣ немногочисленныя формы падежныхъ отношеній; между прочимъ и не встрѣчающіяся въ книжномъ пехлеви окончанія множественнаго числа *īn* и (въ одномъ словѣ: *dušmēnūn*)

ūn, столь блестяще объясненное Бартоломэ. Мѣстоименія мало чѣмъ отличаются отъ пехлевійскихъ; ново только мѣстоименіе перваго лица *an*, отъ объясненія котораго авторъ отказывается; возможнымъ мнѣ кажется объясненіе Бартоломэ, который принимаетъ *an*, какъ результатъ контаминаціи двухъ основъ того же мѣстоименія: *az* (для им. пад.) и *man* (для косв. п.). Глагольные корни приведены въ такой же системѣ, что и въ средне-персидской грамматикѣ; нѣсколько глаголовъ не нашло себѣ мѣста въ спискѣ, вслѣдствіе невыясненности ихъ этимологіи. Въ глаголѣ אורואריךן «исповѣдывать» хотѣлось бы видѣть интенсивную удвоенную форму корня var съ предлогомъ *ā*; въ такомъ случаѣ пришлось бы читать *āvarvārīδan*. Изъ глагольныхъ формъ, слабо представленныхъ въ пехлеви, указано авторомъ на сослагательное накл., сохранившееся довольно полно здѣсь. Въ спряженіи сущ. глаг. не приведена форма *astāy*.

Авторъ транскрибируетъ тексты еврейскимъ [квадратнымъ] шрифтомъ и отрицаетъ цѣлесообразность употребленія для этой цѣли общепринятаго латинскаго, какъ это сдѣлалъ Мюллеръ. Сдѣлано это авторомъ на томъ основаніи, что благодаря особенности, я бы сказалъ несовершенству, семитическаго шрифта, весьма трудно, а иногда совершенно невозможно опредѣлить, при отсутствіи другихъ данныхъ, болѣе или менѣе точно, какой звукъ подразумѣвается подъ даннымъ знакомъ; это въ особенности касается гласныхъ и спирантовъ; поэтому авторъ предпочелъ передать оригинальный шрифтъ эстрангело еврейскимъ алфавитомъ, въ которомъ можно было найти буквы, точь въ точь соотвѣтствующія оригинальнымъ. Противъ этого ничего нельзя возразить. Только такая передача не можетъ претендовать на названіе транскрипціи въ общепринятомъ смыслѣ. Когда восточные тексты транскрибируются болѣе совершеннымъ, обладающимъ большимъ количествомъ знаковъ латинскимъ шрифтомъ (къ тому же пополненнымъ знаками изъ греческаго и другими), то преслѣдуется главнымъ образомъ именно та цѣль, чтобы передать возможно болѣе точно то, что вслѣдствіе несовершенства оригинальнаго шрифта не могло быть выражено. Конечно, при такомъ транскрибированіи нужна крайняя осторожность, какъ при рѣшеніи всякаго научнаго вопроса; въ случаѣ невозможности транскрипціи слѣдуетъ отъ нея отказаться совсѣмъ, чтобы не сказать больше, чѣмъ въ дѣйствительности извѣстно, и дать текстъ въ оригиналѣ. Самъ авторъ, желая дать намъ пробы средне-иранскаго языка, какъ онъ выраженъ въ данныхъ турфанскихъ рукописяхъ, прибѣгъ именно къ латинской транскрипціи, наглядно представляющей намъ изложенную имъ фонетику.

Противъ послѣдней трудно что-нибудь возразить; развѣ что мнѣ не

казалось бы правильнымъ транскрибированіе такихъ словъ, какъ mānbed, merd, kerd и т. п., черезъ долгое ē; ни то обстоятельство, что для выраженія этого спорнаго гласнаго пишется йod, ни армянское պեա здѣсь ничего не доказываютъ. Я былъ бы склоненъ видѣть въ этомъ гласномъ что-нибудь въ родѣ ä, въ крайнемъ случаѣ ĕ. «Изафетъ» выражается авторомъ тоже долгимъ ē, не имѣющимъ, какъ мнѣ кажется, историческаго обоснованія; я бы предложилъ i (такъ онъ между прочимъ выражается въ армянскомъ въ заимствованныхъ изъ персидскаго выраженіяхъ). Что же касается введеннаго авторомъ знака ə для обозначенія глухого гласнаго (dēnəvar, xvarəxšēδ, paδəgrift), то отнюдь не отрицая того, что этотъ звукъ могъ въ данныхъ словахъ слышаться, не считаю цѣлесообразной попытку транскрибировать столь бѣглые звуки, ввиду невозможности послѣдовательно во всѣхъ случаяхъ это дѣлать; вѣдь и самъ авторъ не признаетъ возможности проникнуть въ мельчайшія тонкости звукового состава иранскаго языка (стр. 170 *one die praetension in die feinsten lautlichen nuancen jemals einsicht erlangen zu können)*[1]).

Вполнѣ правильно счелъ авторъ нужнымъ указать на то обстоятельство, что языкъ данныхъ текстовъ, весьма близкій къ пехлевійскому, совершенно лишенъ всякой «идеограмматической» примѣси и такимъ образомъ лишній разъ подтверждаетъ правильность непрестанно выражаемаго имъ взгляда, что посторонній элементъ въ пехлевійскомъ есть ничто иное, какъ идеограммы.

Не касаясь совершенно отрывковъ на «согдійскомъ» діалектѣ, авторъ остальную часть отрывковъ считаетъ написанной на средне-персидскомъ языкѣ. Мнѣ кажется, что при томъ количествѣ отклоненій отъ нормы персидскаго языка, причемъ довольно часто указывающихъ на восточно-иранское ихъ происхожденіе, удобнѣе бы было употребить болѣе объемлющій терминъ, называя эти діалекты просто средне-иранскими.

Какъ на большой плюсъ работы слѣдуетъ еще указать на то обстоятельство, что авторъ первый обратилъ вниманіе на метрически составленные отрывки, стихосложеніе которыхъ, имѣя своимъ основаніемъ авестское, служитъ, по мнѣнію автора, переходнымъ звеномъ къ позднѣйшимъ متقارب и رباعی.

Что касается внѣшней стороны работы, то долженъ указать на неудачно выбранный знакъ, долженствующій въ словарѣ указывать на группировку значеній какого-нибудь слова; знакъ этотъ 1) 2) и т. д. обыкновенно употребляется для обозначенія выносокъ внизу; пока привыкнешь,

---

1) Курсивъ мой.

не разъ опустишь голову внизъ, нца примѣчанія. Не лишнимъ бы былъ также списокъ сокращеній. Читатель недостаточно ознакомленный съ пехлевійской литературой (а такимъ будетъ всякій лингвистъ не-иранистъ), много потратитъ времени, раньше чѣмъ узнаетъ, что значатъ эти отдѣльныя буквы. Тѣмъ болѣе, что есть случаи непослѣдовательности; такъ PA и PN, должно быть, обозначаютъ одинъ и тотъ же текстъ Pand-nāmak i Āδurwāδ i Mahraspandān. За корректурныя ошибки самъ авторъ извиняется въ предисловіи.

Остается всякому иранисту искренно поблагодарить автора за тотъ большой трудъ, который онъ задалъ себѣ данною работою, дѣлясь съ нами своими наблюденіями и выводами. Пожелаемъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы добытые рукописные матеріалы сдѣлались доступными для всѣхъ, желающихъ ихъ обрабатывать, и чтобы снаряжаемая изъ Петербурга экспедиція въ вост. Туркестанъ спасла отъ гибели все то, что еще можно спасти.

А. А. Фрейманъ.

353. First steps in muslim jurisprudence, consisting in excerpts from *Bākūrat-al-sa'd* of *Ibn Abū Zayd* with arabic text, english translation, notes and a short historical and biographical introduction by **Alexander David Russell** and **Abdullah al-Ma'mūn Suhrawardy.** XXI+121 p. 8⁰. 1906. London. Luzac & C⁰.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ авторы издали небольшое практическое руководство по мусульманскому праву и, именно, по тѣмъ его отдѣламъ, которые и понынѣ имѣютъ практическое значеніе въ мусульманскихъ странахъ. Руководство это обнимаетъ отдѣлы семейнаго и наслѣдственнаго права, а равно даетъ очеркъ гражданскаго процесса по мусульманскому праву и представляетъ собой извлеченіе изъ *рисâлы* знаменитаго малекитскаго ученаго, законовѣда *Абў-Мухаммед-ʿАбдаллâх-ибн-абй-Зейд-ал-Кайравâнія* (+389/999)[1]), извѣстной также подъ заглавіемъ «Бâкўрат-ас-саʿдъ» (Первые плоды счастія).

Арабскій текстъ напечатанъ en regard съ англійскимъ переводомъ.

Какъ авторы заявляютъ въ предисловіи, руководство это должно слу-

1) Имя автора въ такомъ видѣ (ابو محمّد عبد الله بن ابى زيد القيروانىّ) подтверждается данными Хâджй-Халйфы (III стр. 358 и 423) и рукописями библіотекъ Гота'ской (Pertsch II, стр. 286 № 1045), Лейденской (Catalogus IV, стр. 107, Cod. 688 Warn.) и Берлинской (Ahlwardt IV, стр. 52 № 4446); почему Brockelmann (Gesch. d. arab. Litt. I, 177) въ разрѣзъ съ этими данными называетъ автора *ʿУбейдаллâх-ибн-ʿАбдаррахмâн-ибн-абй-Зейд*'омъ, намъ не вполнѣ ясно. Сдѣланное авторами разбираемой книги извлеченіе обнимаетъ 23, 24, 26, 27, 29 и 30 главы *рисâлы* по берлинской рукописи.

жить, главнымъ образомъ, практическимъ цѣлямъ. Съ одной стороны, оно должно дать англійскимъ чиновникамъ въ Западной Африкѣ возможность ознакомиться и освоиться съ имѣющими силу въ этомъ краѣ постановленіями *шарі'ата* и служить имъ подспорьемъ къ изученію арабской юридической терминологіи, а съ другой стороны, это руководство должно служить средствомъ пропаганды англійскаго языка среди мѣстнаго населенія.

Но, помимо этихъ, преслѣдуемыхъ авторами, практическихъ цѣлей, разбираемая книга, несомнѣнно, не лишена значенія и для большаго круга лицъ, занимающихся мусульманскимъ востокомъ, вообще, и мусульманскимъ правомъ, въ частности, въ особенности же для лицъ, еще только начинающихъ знакомиться съ мусульманскимъ правомъ по первоисточникамъ.

Начать съ того, что самый текстъ выбранъ весьма удачно. Ибн-абй-Зейдъ излагаетъ свои мысли очень сжато, безъ всякой излишней витіеватости, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ ясно и точно, чего нельзя, напр., сказать про «Мухтасаръ» *ал-Кудӯрія*, у котораго сжатость изложенія идетъ въ ущербъ ясности. Текстъ изданъ внимательно, обильно снабженъ гласными знаками, а помѣщенный en regard англійскій переводъ даетъ богатый матеріалъ, въ смыслѣ попытки перевести мусульманскіе юридическіе термины на европейскій языкъ. Переводъ, вообще, близокъ къ подлиннику, но не въ ущербъ ясности.

Большое количество интересныхъ свѣдѣній мы находимъ въ примѣчаніяхъ подъ строкой и въ прибавленіяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ интересъ только для лицъ, болѣе спеціально занимающихся мусульманскимъ правомъ, другія же, какъ, напримѣръ, помѣщенное на стр. 98—103, въ дополненіе къ тексту, систематическое изложеніе мусульманской судебной процедуры, не лишены и болѣе общаго значенія.

Во введеніи (стр. XIII—XXI) авторы пытаются дать общую характеристику мусульманскаго права, и тутъ они, къ сожалѣнію, не избѣжали нѣкоторыхъ крупныхъ промаховъ. Они подчеркиваютъ то обстоятельство, что мусульманское право, въ отличіе отъ другихъ правовыхъ системъ, съ теченіемъ времени до неузнаваемости измѣнявшихся, въ теченіе XIII вѣковъ сохранило свой первоначальный обликъ и якобы понынѣ проводитъ въ практическую жизнь тѣ основы права, которыя на зарѣ ислама заложены были его пророкомъ—законодателемъ. Въ этомъ авторы видятъ заслугу какъ самого пророка, во всѣхъ своихъ установленіяхъ державшагося принципа «aurea media» (خير الامور اوسطها), такъ и его послѣдователей, при детальной разработкѣ правовой системы неукоснительно державшихся преподанныхъ великимъ учителемъ основныхъ принциповъ.

Это не такъ. За исключеніемъ религіозно-обрядовыхъ вопросовъ и тѣхъ областей права, которыя трактуются въ разбираемомъ руководствѣ, мусульманское право не имѣетъ уже практическаго значенія, а представляетъ собой нынѣ скорѣе лишь интересную страницу изъ культурной исторіи мусульманъ-арабовъ. И такое положеніе вещей было создано цѣлыми поколѣніями фанатиковъ ученыхъ, упорно боровшихся противъ проявленія самостоятельной мысли и добившихся, наконецъ, того, что система мусульманскаго каноническаго права остановилась на точкѣ замерзанія, а жизнь потекла по своему собственному руслу и дала ростъ обычному праву и свѣтскимъ «*канунамъ*».

При всемъ томъ, мусульманское право въ теченіе 3-хъ вѣковъ своего интенсивнаго развитія успѣло уже далеко уйти отъ незатѣйливыхъ установленій мухаммедовыхъ, и подъ санкціей всесильнаго *иджмâ*'а (consensus) оно по многимъ вопросамъ стало даже въ противорѣчіе съ ними. Правда, тѣ именно отдѣлы мусульманскаго права, которымъ посвящено разбираемое руководство, въ мелочахъ были разработаны самимъ Мухаммедомъ, которому, въ силу необходимости, пришлось попытаться разъ на всегда урегулировать вопросы семейнаго и наслѣдственнаго права [1]), и къ тому, что въ этомъ направленіи было сдѣлано имъ, дѣйствительно, мало что было прибавлено позднѣйшими учеными юристами. Но того-же, конечно, нельзя сказать про мусульманское право вообще.

Указанные недочеты, впрочемъ, не мѣшаютъ признать разбираемую книгу полезнымъ подспорьемъ при изученіи мусульманскаго права.

А. Э. Шмидтъ.

354. Ал-Хâфизъ Шемс-ад-дûн-Мухаммед-б.-Ахмед-аз-Захабій. Мûзâн-ал-и'тидâлъ фû накд-ар-риджâлъ. I (486 стр.) и II (362 стр.). Каиръ 1325 г. (1908 г.). كتاب ميزان الاعتدال فى نقد الرجال للامام الحافظ شمس الدين ابى عبدالله محمد بن احمد بن عثمان بن قايماز الذهبى الدمشقى ... الطبعة الاولى سنة ١٣٢٥ هجرية .... طبع على نفقة احمد ناجى الجمالى ومحمد امين الخانجى الكتبى واخيه .... بمطبعة السعادة

Нельзя не привѣтствовать предпринятаго извѣстнымъ каирскимъ издателемъ Мухаммедъ-Амûномъ новаго изданія книги «Вѣсовъ справедливости въ распознаніи (надежныхъ и ненадежныхъ) людей, (вошедшихъ въ иснады сборниковъ хадûсовъ)», принадлежащей перу извѣстнаго историка и знатока литературы хадûсовъ *Хâфиза Шемс-ад-дûн-Мухаммед-ибн-Ах-*

1) Срв. Nöldeke, Gesch. d. Kor. стр. 145—147.

мед-аз-Захабія (род. въ 673/1274 г. въ Дамаскѣ и тамъ же умеръ въ 748/1348 г.[1]), т. к. это сочиненіе служитъ необходимымъ подспорьемъ для всякаго, кто занимается критическимъ изученіемъ обширной литературы мусульманскихъ религіозныхъ преданій—*хадйсовъ*. Сочиненіе это, правда, издавалось уже и ранѣе, а именно, въ Lucknow'ѣ въ 1884 г.[2]), но это изданіе уже давно стало почти библіографической рѣдкостью.

«Вѣсы справедливости» принадлежатъ къ той вспомогательной отрасли литературы хадйсовъ, которая носитъ названіе *ʿилм-ар-риджâлъ* — науки о (распознаніи) людей, или *ʿилм-ал-джархъ ва-т-таʿдйлъ*[3]) — науки объ опорочиваніи и реабилитаціи. Возникла эта отрасль науки въ ту пору, когда санкціонировавшій разныя новшества *иджмâʿ* (consensus) находилъ себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ тенденціозныхъ хадйсовъ[4]). Во II в., одновременно со стремленіемъ положить предѣлъ измышленію новыхъ тенденціозныхъ хадйсовъ путемъ ихъ кодификаціи, сказалась необходимость въ какомъ либо критеріи, который далъ бы возможность изъ всей необъятной массы находившихся въ обращеніи религіозныхъ преданій выдѣлить достовѣрныя и отбросить недостовѣрныя[5]). Такимъ критеріемъ явилось критическое изученіе *иснâдовъ*, т. е. цѣпей передатчиковъ, на авторитетѣ которыхъ основывалось то или иное преданіе[6]).

Согласно выработанной представителями *науки хадйсовъ* техникѣ, всякое преданіе обязательно должно было быть снабжено *иснâдомъ*; только наличность таковаго могла, по ихъ мнѣнію, служить порукой тому, что данное преданіе не есть плодъ измышленія, ибо *иснâдъ* давалъ возможность прослѣдить, черезъ чье посредство это преданіе отъ пророка или его ближайшихъ сподвижниковъ дошло до послѣдняго разсказчика, ссылающагося на него. *Иснâдъ*, и только *иснâдъ* долженъ былъ служить показателемъ достовѣрности того или иного хадйса[7]), тогда какъ за содержа-

---

1) Срв. Мйзâн-ал-иʿтидâлъ I, 1 (Х.Х. VI, 282; Brockelmann, Gesch. d. Ar. Litt. II, 46.

2) Срв. Brockelmann II, 47.

3) Muh. St. II, 141—144; 272. Х. Х. II, 590: علم الجرح والتعديل هو علم يبحث فيه عن جرح الرواة وتعديلهم بالفاظ مخصوصة وعن مراتب تلك الالفاظ Срв. также Brockelmann I, 167.

4) Muh. St. II, 138; 139. Подложные хадйсы часто распространялись даже благочестивыми людьми съ благою цѣлью; срв. Муслимъ I, 48: لم نر اهل الخير فى شىء اكذب منهم فى الحديث

5) Муслимъ I, 44: لم يكونوا يسالون عن الاسناد فلما وقعت الفتنة قالوا سمّوا لنا رجالكم فينظر الى اهل السنّة ويؤخذ حديثهم وينظر الى اهل البدع فلا يؤخذ حديثهم

6) Срв. И.-Халдӯнъ (изд. булакское) I, 368. На рѣдкость яркій примѣръ пользованія пріемами *джарха* при критикѣ хадйсовъ можно найти у ас-Субкія въ его Табакâт-аш-Шâфиʿійя I, 59—60.

7) Muh. St. II, 140.

ніемъ хадйса, въ этомъ отношеніи, не признавалось почти никакого значенія[1]).

Поэтому понятно, что, напр., Муслимъ (+202/877 г.) во введеніи къ своему сборнику хадйсовъ — *Сахйху* въ отдѣльной главѣ пытается доказать рядомъ изрѣченій авторитетныхъ ученыхъ, что достовѣрность иснâдовъ является однимъ изъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ религіей ([2] ان الاسناد من الدين), ибо слѣдуетъ быть осмотрительнымъ въ выборѣ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ воспринимаешь догматы вѣры своей ([3] انظروا عمّن تأخذون دينكم). Иснâды стали называться опорами, *ногами* (*ал-кавâ'имъ*) хадйса[4]), *узами (кайдъ)*, связывающими и скрѣпляющими его[5]).

Подспорьемъ для критики *иснâдовъ* служили, съ одной стороны, всякія, вообще, біографическія сочиненія *(вафаятъ, табакâтъ)*[6]), въ которыхъ можно было найти характеристики многихъ выдающихся представителей *науки хадйсовъ* и даты ихъ рожденія и смерти. Но этого не было достаточно, и, въ силу необходимости, появилась цѣлая отрасль біографической литературы, имѣвшая цѣлью давать хотя бы краткія характеристики всѣхъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются въ *иснâдахъ* хадйсовъ, вошедшихъ въ каноническіе сборники преданій. Въ этихъ характеристикахъ отмѣчается нравственный обликъ того или другого *рâвія* (передатчика преданія), его отношеніе къ религіи, указывается, отъ кого онъ слышалъ сообщаемыя имъ преданія и кто воспринималъ ихъ отъ него, указывается, наконецъ, степень его достовѣрности и правдивости. Появились и такія сочиненія, въ которыхъ были собраны имена тѣхъ *слабыхъ рâвіевъ*, на которыхъ нельзя было полагаться[7]). Приходилось при этомъ давать отрицательные отзывы о многихъ лицахъ, что, на первыхъ порахъ, какъ кажется, немного смущало правовѣрныхъ и благочестивыхъ ученыхъ[8]); по крайней

---

1) Такъ, напр., Ибн-Хаджар- ал-'Аскалâній (+852/1449 г.) возражаетъ Ибн-ал-Джаузію (+597/1200 г.), который нашелъ возможнымъ усумниться въ достовѣрности одного хадйса, приведеннаго въ сборникѣ Ахмед-ибн-Ханбала (+241/858 г.), между прочимъ и на томъ основаніи, что въ этомъ хадйсѣ говорится о банѣ (*хаммâмъ*, срв. Муснад-Ахмедъ VI, 361—362), тогда какъ во времена пророка бань еще не было. Срв. Ибн- Хаджаръ, ал-Каул-ал-мусаддадъ фй-з-заббъ 'ан-ал-Муснадъ ли-л-имâмъ Ахмедъ, стр. 46: وحكمه عليه بالبطلان... بما نقله من نفى وجود الحمام فى زمانهم لايقتضى الحكم بالبطلان فقد تكون اطلقت (sic!) لفظ الحمام على مطلق ما يقع الاستحمام فيه لا على انه الحمام المعروف الان وقد ورد ذكر الحمام فى عدة احاديث غير هذه.

2) Муслимъ I, 44.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же, стр. 46.

5) Muh. St. II, 141.

6) Срв. ас-Суютый, Тадрйб-ар-рâвй стр. 254; 267.

7) Срв. Тадрйб-ар-рâвй, стр. 261.

8) Срв. Muh. St. II, 272—273. Тâдж-ад-дйн-ас-Субкій (+771/1370 г.) совѣтуетъ быть очень осторожнымъ въ неодобрительныхъ отзывахъ (*джархъ*). Въ особенности онъ подчер-

мѣрѣ, Муслимъ, во введеніи къ своему сборнику преданій, посвящаетъ цѣлую главу вопросу о допустимости обнаруживанія недостатковъ и пороковъ ра̂віевъ и передатчиковъ преданій (الكشف عن معائب رواة الحديث و ناقلى الاخبار [1]). *Мухъй-д-дйн-ан-Нававій* (+676/1278 г.), комментаторъ Муслима, подводя итогъ всему тому, что по этому поводу говоритъ Муслимъ, приходитъ къ заключенію [2]), что указывать на такіе недостатки ра̂віевъ, которые заставляютъ относиться съ недовѣріемъ къ сообщаемымъ ими хадйсамъ, не только можно, но и должно. Такъ какъ это дѣлается въ интересахъ выясненія истинъ религіи и права [3]), такое опорочиваніе (*джархъ*) нельзя считать запрещенными закономъ и наказуемыми клеветою и злословіемъ; въ этомъ отношеніи опорочиваніе ра̂віевъ нужно приравнять отводу свидѣтелей на судѣ [4]).

Съ теченіемъ времени была выработана подробная терминологія, которая давала возможность отмѣчать безконечное множество оттѣнковъ въ степени достовѣрности и надежности или недостовѣрности и лживости того или другого ра̂вія [5]).

Къ числу наиболѣе раннихъ біографическихъ сочиненій, служившихъ подспорьемъ для критики иснâдовъ, принадлежатъ «Книга разрядовъ законовѣдовъ и мухаддисовъ» (طبقات الفقهاء والمحدّثين [6]) *ал-Хайсам-ибн-ʿАдія* (+209 г.), «Большая книга разрядовъ» (كتاب الطبقات الكبير) *Ибн-Саʿда* (+230/845 г.) и «Большая хроника» (التاريخ الكبير) [7]) *ал-Бухâрія* (+256/270 г.), автора извѣстнаго сборника преданій *Сахŷха*.

Совершенно особенное мѣсто въ этой біографической литературѣ за-

---

киваетъ то обстоятельство, что источникомъ неодобрительныхъ отзывовъ часто являются odium theologicum или даже личные счеты (Табакâт-аш-Шафиʿійя I, 188). Даже такой видный и авторитетный ученый, какъ упоминаемый ниже ан-Насâ'ій, авторъ одного изъ каноническихъ сборниковъ преданій, опорочилъ одного очень почтеннаго ра̂вія лишь потому, что разъ съ нимъ поссорился (тамъ-же I, 187).

1) Муслимъ I, 47 слѣд.

2) Тамъ же, стр. 60.

3) Срв. Тадрйб-ар- ра̂вй, стр. 261—262.

4) Срв. Х.Х. II, 590—591. Судья (*ал-кâдй*) можетъ принимать свидѣтельскія показанія лишь отъ лицъ съ безупречной репутаціей (*ʿадлъ*), а потому обязанъ наводить точныя справки о тѣхъ лицахъ, которыя сторонами привлекаются въ качествѣ свидѣтелей [срв. Juynboll, Handleiding tot de kennis van de mohammedaansche wet, стр. 213 и A. D. Russell, First steps in muslim jurisprudence, стр. 102]. Такая аттестація свидѣтелей называется тоже *джархъ* (جرح) или *таджрйхъ* (تجريح), если она отрицательна, и *таʿдйлъ* (تعديل) или *тазкія* (تزكية), если она положительна [срв. Russell, стр. 63 и 102—103, а также Mafâtih al Olûm, ed. van Vloten, стр. 21]. Дающій хорошій отзывъ о свидѣтелѣ называется *ал-музаккй* [المزكى] срв. Тâдж-ал-ʿарŷсъ X, 165].

5) Срв. Мйзâн -ал-иʿтидâлъ, I. 3—4; Muh. St. II, 142—144; Муслимъ I, 47—48.

6) И.-Халликâнъ (изд. Wüstenfeld'a) № 790 и Х.Х. IV, 149.

7) Тадрйбъ, стр. 259; Х.Х. I, 288; Brockelmann I, 159.

нимаютъ сочиненія, имѣющія цѣлью установить правильное чтеніе именъ и прозвищъ ра̂віевъ. Вопросъ этотъ представляется важнымъ въ виду того, что при отсутствіи въ арабскихъ рукописяхъ не только гласныхъ знаковъ, но весьма часто и діакритическихъ точекъ, возможны ошибки въ чтеніи собственныхъ именъ. Сочиненія этого рода составляютъ особый отдѣлъ науки *ʻилм-ар-риджа̂лъ*, который называется *ʻилм-асма̂ʼ-ар-риджа̂лъ*[1]), т. е. наукой объ именахъ ра̂віевъ. Этому отдѣлу ученые собиратели хади̂совъ придавали большое значеніе при выясненіи надежности иcна̂довъ и говорили, что знаніе именъ составляетъ половину *науки хади̂совъ*[2]).

По этому отдѣлу до насъ дошли сочиненія многихъ выдающихся изслѣдователей хади̂совъ; отмѣтимъ лишь наиболѣе извѣстныя.

Абу̂-ʻАбдалла̂х-Мухаммед-ибн-Исмаʻи̂л-ал-Буха̂рій, упомянутый уже выше (стр. 096) авторъ *Сахы̂ха*, оставилъ сочиненіе подъ заглавіемъ *Кита̂б-ал-куна̂* (Книга о куньяхъ)[3]).

Муслимъ-ибн-ал-Хаджа̂дж-ан-Ни̂са̂бу̂рій (+261/875 г.), авторъ второго *Сахы̂ха*, оставилъ сочиненіе *Кита̂б-ал-асма̂ʼ ва-л-куна̂* (Книга объ именахъ и куньяхъ[4]).

Абу̂-ʻИса̂-ат-Тирмизій (+279/892 г.), авторъ одного изъ каноническихъ сборниковъ хади̂совъ, оставилъ сочиненіе подъ тѣмъ же заглавіемъ[5]).

Абу̂-ʻАбдаррахма̂н-ан-Наса̂ʼій (+303/915 г.), тоже авторъ каноническаго сборника хади̂совъ, оставилъ сочиненіе *Кита̂б-ал-куна̂* (Книга о куньяхъ)[6]).

Абу̂-Бишр-ад-Ду̂ла̂бій (+320/932 г.) оставилъ сочиненіе *Кита̂б-ал-куна̂ ва-л-асма̂ʼ* (Книга о куньяхъ и именахъ)[7]).

Абу̂-Ахмед-ибн-ʻАбдалла̂х-ал-ʻАскарій (+382/992 г.) оставилъ сочиненіе *Кита̂б-ал-мухталифъ ва-л-муʼталифъ фи̂ асма̂ʼ-ар-риджа̂лъ* (Книга о различныхъ [по произношенію] и сходныхъ [по начертанію][8]) именахъ ра̂віевъ)[9]). Сочиненія подъ такимъ же заглавіемъ оставили *Абу̂-л-Хасан-ад-Да̂ракутній*[10]) (+385/995 г.) и *ʻАбд-ал-Ганій-ал-Аздій*[11]) (+409/1018 г.).

1) X.X. I, 287.

2) Тамъ же: فانّ العلم بها يعنى باسماء رجال الاحاديث نصف علم الحديث; срв. также X.X.V, 463: قالوا اولى الاشياء بالضبط اسماء الناس لانهم شىء لايدخله القياس.

3) Тадри̂бъ, 259.

4) Тамъ же и X.X. I, 288.

5) X.X.I, 288; Тадри̂бъ, 260.

6) Тадри̂бъ, 260.

7) X.X.I, 288. Brockelmann I, 518.

8) Срв. Ahlwardt (Каталогъ арабск. рукоп.), IX, 513a и 515b.

9) X.X.V, 464; Ибн-Халлика̂нъ № 163.

10) Ибн-Халлика̂нъ № 445 и 450; X.X. V, 463; Brockelmann (I, 165) этого сочиненія ад-Да̂ракутнія не называетъ, хотя ссылается на него ниже (I, 329).

11) И.-Халл. № 412; Brockelmann I, 168; X.X.V, 464.

Этому послѣднему Хâджй-Халйфа[1]) приписываетъ и сочиненіе *Муштабих-ан-нисба*, тогда какъ Ибн- Халликâнъ авторомъ этого сочиненія считаетъ *Абŷ-л-Валйд-ал-Аздія*, по прозванію *Ибн-ал-Фердâ* (+ 403/1012 г.)[2]). Эти сочиненія ад-Дâракутнія и ал-Аздія были переработаны и дополнены *Абŷ-Бекр-ал-Хатыб-ал-Багдâдіемъ* (+ 463/1071 г.) подъ заглавіемъ *ал-Му'та-нифъ такмилат-ал-му'талифъ ва-л-мухталифъ*[3]) (Новое въ дополненіе къ «Сходному и различному»), а *Абŷ-Наср-ибн-Мâкŷлâ-ал-'Иджлій* (+ между 470 и 487/1094 г.) дополнилъ это сочиненіе и свою переработку озаглавилъ *ал-Икмâлъ фй-л-мухталифъ ва-л-му'талифъ мин-асмâ-ар-риджâлъ*[4]) (Дополненное о различныхъ и сходныхъ именахъ рâвіевъ).

Существуютъ кромѣ того сочиненія, въ которыхъ собраны имена рâвіевъ, встрѣчающихся только въ тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ сборникахъ хадйсовъ, какъ, напр., сочиненіе *Абŷ-Наср-ал-Келâбâдія* (+ 306/918 г.), въ которомъ собраны только имена рâвіевъ, встрѣчающіяся въ «Сахŷхѣ» *ал-Бухâрія*[5]); Хâджй Халйфа (I, 289—290) приводитъ цѣлый рядъ такихъ сочиненій.

Но непосредственною критикою рâвіевъ, въ смыслѣ *джарх*'а и *та'дйл*'а, занимаются тѣ ученые, которые въ своихъ сборникахъ именъ рâвіевъ, пользуясь выработанною для этой цѣли терминологіею, даютъ по поводу каждаго лица точныя указанія о степени его достовѣрности и надежности. При этомъ нѣкоторые авторы составляли спеціальные сборники надежныхъ или ненадежныхъ рâвіевъ, другіе же включали въ свои сборники и тѣхъ и другихъ[6]).

Аз-Захабій говоритъ[7]), что первыми учеными, посвятившими отдѣльныя монографіи *джарх*'у и *та'дйл*'у, были *Яхъя-ибн-Са'йд-ал-Каттâнъ* (+ 143/760 г.) и *Яхъя-ибн-Му'йнъ* (+ 233/847 г.)[8]), но сочиненія ихъ до насъ не дошли.

Изъ другихъ предшественниковъ аз-Захабія, оставившихъ сочиненія по этому отдѣлу критики хадйсовъ, отмѣтимъ наиболѣе извѣстныхъ.

Ал-Бухâрій (+ 256/870 г.) составилъ сборникъ *слабыхъ*, т. е. ненадежныхъ рâвіевъ, подъ заглавіемъ *Китâб-ад-ду'афâ'*[9]); такіе же сборники и подъ

---

1) Тамъ же.

2) И.-Халл. № 358.

3) И.-Халл. № 450; Brockelmann I, 329; Х.Х. V. 463, гдѣ эта переработка ошибочно озаглавлена: المؤتلف تكملة المختلف.

4) И.-Халл. № 450; Brockelmann I, 355; Х.Х. V, 463.

5) Х.Х.I, 289; Brockelmann I, 167.

6) Х.Х.I, 288; 289. Тадрйбъ. 261.

7) *Мйзâн-ал-и'тидâлъ* I, 2; Х.Х. II, 591.

8) О послѣднемъ срв. И.-Халл. № 801: وهو صاحب الجرح والتعديل

9) Х.Х. IV, 118. Тадрйбъ, 259.

тѣмъ же заглавіемъ оставили намъ *ан-Насâ'ій* (+302/914 г.)[1]) и *Мухаммед-ибн-'Амр-ал-'Укайлій* (322/934 г.)[2]).

Абӯ-Мухаммед-ибн-абй-Хâтим-ар-Рâзій (+327/939 г.) въ своемъ сочиненіи *Китâб-ал-джарх-ва-т-та'дйлъ* добросовѣстно пытается выяснить степень надежности отдѣльныхъ рâвіевъ[3]).

'Абдаллâх-ибн-'Адій (+360/971 г.) оставилъ солидный трудъ, озаглавленный: *Ал-Кâмилъ фй ма'рифат-ду'афâ-ал-мухаддисйнъ* (Совершенное по распознанію слабыхъ среди мухаддисовъ)[4]). Трудъ этотъ пользовался большимъ авторитетомъ и извѣстностью на мусульманскомъ востокѣ[5]).

Изъ болѣе позднихъ предшественниковъ аз-Захабія слѣдуетъ отмѣтить *Абӯ-л-Фарадж-ибн-ал-Джаузія* (+597/1200 г.), оставившаго многочисленные труды по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и строгихъ изслѣдователей хадйсовъ и кромѣ *Китâб-ад-ду'афâ'*[6]) (Книги слабыхъ рâвіевъ) составилъ еще и сборникъ подложныхъ преданій — *Китâб-ал-маудӯ'âтъ*[7]), въ которомъ собралъ большое количество преданій, по его мнѣнію, подложныхъ, вошедшихъ, однако, въ каноническіе сборники хадйсовъ. Даже въ сочиненіяхъ знаменитаго имâма *ал-Газзâлія* (+505/1111 г.) Ибн-ал-Джаузій находилъ подложные хадйсы[8]). Такой ригоризмъ Ибн-ал-Джаузія вызвалъ довольно сильную реакцію со стороны мусульманскаго общества вообще и въ частности со стороны тѣхъ ученыхъ, которые считали авторитетъ каноническихъ сборниковъ преданій незыблемымъ, тѣмъ болѣе, что обвиненія въ недобросовѣстности, которыя Ибн-ал-Джаузій возводитъ на нѣкоторыхъ лицъ, не всегда были достаточно обоснованы[9]). *Ибн-Хаджар-ал-'Аскалâній* (+852/1200 г.) въ упомянутомъ уже выше (стр. 095 пр. 1) сочиненіи *ал-Каул-ал-мусаддадъ* мѣстами очень рѣзко нападаетъ на Ибн-ал-Джаузія, обвиняя его, между прочимъ, и въ непослѣдовательности[10]).

'Абд-ал-Ганій-ал-Макдисій-ал-Джаммâ'йлій (+600/1203 г.) и *Абӯ-*

1) X.X. IV, 119; Тадрйбъ, 260; Brockelmann I, 163.

2) *Мйзâн-ал-и'тидâлъ*, I, 2; Brockelmann I, 518.

3) Тадрйбъ, 261; Мйзâн-ал-и'тидâлъ I, 2; X.X.II, 591; Muh. St. II, 272—273; Brockelmann I, 167.

4) Muh. St. II, 142; Мйзâн-ал-и'тидâлъ I, 2; X.X. II, 592 и V, 28—29. X.X. (V, 28) называетъ это сочиненіе: الكامل فى معرفة الضعفاء والمتروكين من الرواة. Brockelmann (I, 167) приводитъ еще и другое заглавіе: الكامل فى الجرح والتعديل.

5) Срв. отзывы о немъ у X.X. V, 29.

6) X.X. IV, 119. Brockelmann I, 503.

7) Brockelmann, тамъ же; X.X. VII, 263; Muh. St. II, 272.

8) Muh. St. II, 154.

9) Muh. St. II, 186; Brockelmann I, 500—501; X.X. VI, 264.

10) См. напр. стр. 46: فلا ينقضى تعجبى منه كونه يحكم عليه (على هذا الحديث .т. е) بانه باطل ولا يورده فى الموضوعات مع انه اورد فى الموضوعات اشياء اقوى من هذا.

'Абдаллâх-Мухаммед-ибн-ан-Наджâр-ал-Багдâдій (+643/1245 г.) тоже посвятили по обстоятельному сочиненію вопросамъ *джарха* и *та'дîла*, и оба одинаково озаглавили свой трудъ: *ал-Кемâлъ фî ма'рифат* [1])-*ар-риджâлъ* [2]) (Совершенное [руководство къ] познанію рâвіевъ). Изъ сочиненія подъ такимъ заглавіемъ *Джамâл-ад-дîн-ал-Миззій* (+742/1341) сдѣлалъ извлеченіе и назвалъ его *Тахзîб-ал-кемâлъ-фî асмâ'-ар-риджалъ* [3]) (Извлеченіе изъ «Совершеннаго объ именахъ рâвіевъ»). Самъ ал-Миззій не довелъ своего труда до конца; его закончилъ и дополнилъ другой ученый — *'Алâ-ад-дîн-ибн-Кылîджъ* (+762/1361 г.) [4]).

Относительно того, которое изъ двухъ сочиненій, озаглавленныхъ *ал-Кемâлъ*, послужило основаніемъ для *Тахзîба* ал-Миззія, существуетъ разногласіе. Ahlwardt [5]) полагаетъ, что въ основаніе *Тахзîба* легло сочиненіе *ал-Макдисія*; то-же самое утверждаетъ и Хâджй Халîфа (V, 241). Наоборотъ, Pertsch [6]), Slane [7]) и A. Fischer [8]) полагаютъ, что *Тахзîбъ* — извлеченіе изъ сочиненія *Ибн-ан-Наджâра*.

Тахзîбъ ал-Миззія, въ свою очередь, подвергся дальнѣйшей переработкѣ и, на ряду съ другими учеными, изъ него сдѣлалъ извлеченіе также и авторъ «Вѣсовъ справедливости» *аз-Захабій*; свое извлеченіе онъ озаглавилъ: *ат-Тазхîбъ фî мухтасар-тахзîб-ал-камâлъ* [9]) (Позолота, извлеченіе изъ «Тахзîб-ал-кемâлъ»).

Изъ другихъ сочиненій аз-Захабія, относящихся все къ той же области *'илм-ар-риджâлъ*, отмѣтимъ еще слѣдующія.

1. *Тазкират-ал-хуффâзъ* [10]) (Памятка о знатокахъ корâна и преданій), сборникъ краткихъ біографій.

---

1) Или: фî асмâ'-ар-риджâлъ; срв. Х.Х. I, 290 и Ahlw. IX, 384 № 9924.

2) Х.Х. V, 240; Brockelm. I, 357 и 356; Muh. St. II, 263.

3) Х.Х. V, 240—241; Brockelm. I, 160.

4) Х.Х. и Brockelm. тамъ же.

5) Каталогъ IX, 384.

6) Каталогъ арабскихъ рукописей Готаской библіотеки III, 337.

7) Каталогъ арабскихъ рукописей Парижской національной библіотеки, стр. 371.

8) Biographien von Gewährsmännern d. Ibn-Ishâq, введеніе, I. Fischer, вслѣдъ—за Pertsch'емъ, приписываетъ берлинскую рукопись *ал-Кемâл'а* Ahlw. IX, 384 № 9924 [Sprg. 270] — *Ибн-ан-Наджâру*, тогда какъ Ahlwardt авторомъ ея считаетъ *ал-Макдисія;* сколько-нибудь убѣдительныхъ доводовъ въ пользу своего мнѣнія никто не приводитъ, и не имѣвъ въ рукахъ этой рукописи, мы не рѣшаемся высказывать свое мнѣніе.

9) Х.Х. V, 240—241; Brockelm. I, 360 и II, 47; A. Fischer, o. c. стр. I, пр. 2.

10) Х.Х. II, 259; изданіе этого сочиненія имѣется въ виду тѣмъ же каирскимъ издательствомъ, которое нынѣ издаетъ Мîзан-ал-и'тидâлъ (см. прим. на заглавномъ листѣ Мîзâна). Brockelm. (II, 47) называетъ это сочиненіе *Табакâт-ал-Хуффâзъ*; подъ этимъ заглавіемъ извѣстна переработанная ас-Суютыемъ (+911/1505 г.) редакція его, изданная Wüstenfeld'омъ въ 1833/4 гг. подъ названіемъ Liber classium etc.

2. *Китâб-ал-муштабихъ фŷ асмâ'-ар-риджâлъ* (Книга о сомнительныхъ именахъ рâвіевъ); это сочиненіе издано de Jong'омъ (Leiden 1883).

3. *Ал-кâшифъ фŷ асмâ'-ар-риджâлъ*[1]) (Открывающее [истину] объ именахъ рâвіевъ) — извлеченіе изъ Тазхŷб'а, при чемъ въ этотъ сборникъ вошли имена лишь тѣхъ рâвіевъ, которые упоминаются въ шести каноническихъ сборникахъ хадîсовъ *ал-Бухâрія* (+256/870 г.), *Муслима* (+261/875 г.), *Абŷ-Дâŷда* (+275/888 г.), *ат-Тирмизія* (+279/892 г.), *ан-Насâ'ія* (+302/914 г.) и *Ибн-Мâджы* (+273/886 г.).

4. *Таджрŷд-риджâл-ат-тазхŷбъ 'алâ-т-табакâтъ* (Извлеченіе [именъ] рâвіевъ изъ тазхŷба и распредѣленіе ихъ по разрядамъ)[2]). Въ этомъ сочиненіи встрѣчающіяся въ *Тазхŷбѣ* имена рâвіевъ распредѣлены въ хронологическомъ порядкѣ по 10 разрядамъ (*табакâтъ*)[3]).

5. *Мŷзâн-ал-и'тидâлъ фŷ накд-ар-риджâлъ*, два первыхъ тома котораго нынѣ, какъ указано выше, появились въ печати въ Каирѣ[4]). Въ этомъ сочиненіи аз-Захабій собралъ имена рâвіевъ, упоминаемыхъ въ сборникахъ преданій и въ сочиненіяхъ его предшественниковъ въ области *джарха*. Имена расположены въ алфавитномъ порядкѣ; одинаковыя имена — въ алфавитномъ порядкѣ именъ отцовъ[5]). Имя каждаго рâвія сопровождается указаніемъ на то, въ какихъ сборникахъ оно упоминается, при чемъ авторъ пользуется принятыми для этого условными сокращеніями[6]). Указывается также, отъ кого каждый упоминаемый рâвій воспринималъ свои хадîсы и кому онъ ихъ сообщалъ. Сообщаются отзывы разныхъ авторитетовъ о каждомъ рâвіѣ, нерѣдко приводятся и самые хадîсы, давшіе поводъ къ тому или другому отзыву о степени его надежности, и, наконецъ, приводится мнѣніе самого автора и его оцѣнка этихъ отзывовъ.

Помимо сомнительныхъ или завѣдомо ненадежныхъ рâвіевъ, аз-Захабій въ своемъ *Мŷзâнѣ* приводитъ также имена вполнѣ достовѣрныхъ лицъ, если только въ какомъ-либо сочиненіи, посвященномъ вопросамъ *джарха*, ихъ достовѣрность подвергается малѣйшему сомнѣнію[7]). Авторъ, въ такихъ случаяхъ, старается опровергнуть ложную точку зрѣнія и воз-

---

1) Или *фŷ ма'рифат-асмâ'-ар-риджâлъ;* срв. Х.Х. V, 3—4 и 241—242; Brockelm. II, 47; Ahlwardt IX, 391 № 9937: كتاب فى معرفة رجال الكتب الستة.

2) Ahlw. IX, 392 № 9938; Х.Х. (II, 294) и Brockelm. (II, 47) называютъ это сочиненіе— ат-Таджрŷдъ фŷ асмâ'-ас-сахâба.

3) Ahlw. l. c.

4) Третій (послѣдній) томъ, какъ намъ сообщаютъ, въ данное время тоже уже отпечатанъ.

5) Мŷзâн- ал-и'тидâлъ I, 2.

6) О нихъ срв. Канз-ал-'уммâлъ (на поляхъ Муснада Ахмед-ибн-Ханбала) I, 7—9.

7) Мŷзâн-ал-и'тидâлъ I, 2—3.

становить репутацію такого ра̂вія[1]). Аз-Захабій во введеніи къ *Мӣза̂ну* какъ бы извиняется за то, что упоминаетъ имена такихъ почтенныхъ лицъ, и объясняетъ это тѣмъ, что хотѣлъ исчерпать вопросы *джарха* и лишить позднѣйшихъ ученыхъ возможности найти у него упущенія и обвинить его въ незнакомствѣ съ какими-либо сочиненіями изъ этой области[2]).

Однако, аз-Захабій воздерживается отъ включенія въ свой сборникъ именъ современниковъ пророка, *асха̂бовъ*, и извѣстнѣйшихъ авторитетныхъ ученыхъ, хотя бы имена ихъ и встрѣчались въ другихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ *джарху*[3]), т. к. онъ считаетъ неудобнымъ упоминать о нихъ въ книгѣ, въ которой, собственно, имѣлось въ виду собрать имена лицъ, надежность которыхъ подвергалась сомнѣнію, если не самимъ авторомъ, то кѣмъ-либо изъ его предшественниковъ. Авторъ тѣмъ болѣе счелъ себя въ правѣ поступить именно такъ, что недостовѣрность какого-нибудь хадӣса, сообщаемаго со ссылкою на кого-либо изъ этихъ мужей, стоящихъ выше всякихъ подозрѣній, объясняется подлогомъ одного изъ упоминаемыхъ въ иснâдѣ ра̂віевъ, а потому на нихъ не можетъ бросать никакой тѣни[4]).

Новое каирское изданіе *Мӣза̂на* очень опрятное и удобное для пользованія; имена ра̂віевъ выдѣлены въ скобки, и посвященные отдѣльнымъ ра̂віямъ отрывки всегда начинаются съ новой строки[5]).

А. Э. Шмидтъ.

355. كتاب الالفاظ الفارسية المعرّبة تاليف السيّد ادّى شير رئيس اساقفة سعرد الكلدانى. بيروت سنة ١٩٠٨. صفحاته ١٩٤.

Среди подготовительныхъ работъ по изданію научнаго арабскаго словаря, о которомъ шла рѣчь на послѣднихъ конгрессахъ оріенталистовъ, одно изъ первыхъ мѣстъ должно занимать выдѣленіе всего иноязычнаго элемента, вошедшаго въ лексическій составъ самаго богатаго въ этомъ отношеніи семитскаго языка. Кромѣ чисто-лингвистической цѣли, эта работа не менѣе необходима для освѣщенія многихъ вопросовъ культурной исторіи. Къ сожалѣнію, матеріалъ, который могъ бы облегчить эту слож-

1) Срв. напр. I, 4 № 1.

2) Тамъ-же I, 2.

3) Тамъ-же.

4) Тамъ-же.

5) И послѣ аз-Захабія многіе выдающіеся ученые, какъ, напр., *Ибн-Хаджар-ал-ʽАскала̂нӣй* (+852/1449 г.) и *Джала̂л-ад-дӣн-ас-Суюҭый* (+911/1505 г.) продолжали заниматься наукою *джарха*, но, какъ уже многія сочиненія аз-Захабія и его ближайшихъ предшественниковъ, ихъ сочиненія являются не столько самостоятельными трудами, сколько сокращеніями или дополненіями сочиненій предшественниковъ, извлеченіями изъ нихъ или попытками новой группировки собранныхъ въ нихъ матеріаловъ.

ную и требующую коллективныхъ усилій задачу, далеко не во всѣхъ областяхъ собранъ съ одинаковой полнотой и систематичностью. Вполнѣ научно освѣщенъ лишь вопросъ объ арамейскихъ заимствованіяхъ благодаря извѣстной монографіи S. Fränkel'я[1]). Для другихъ языковъ много матеріаловъ собрано безвременно скончавшимся R. Vollers'омъ, который въ противоположность Fränkel'ю исходилъ не столько изъ классическаго языка, сколько изъ современнаго египетскаго діалекта[2]). Если къ этимъ монографіямъ прибавить раннюю диссертацію Fränkel'я[3]) и замѣчанія, разбросанныя passim Dozy въ его «Supplement aux dictionnaires arabes», равно какъ дополненія къ нимъ Fleischer'а[4]), то этимъ будетъ исчерпываться весь матеріалъ по данному вопросу[5]).

Такимъ образомъ настоящая книга является первымъ опытомъ полнаго словаря персидскихъ заимствованій въ арабскомъ языкѣ. Имя автора — халдейскаго митрополита въ Сеʿердѣ[6]) — не безызвѣстно въ наукѣ: въ этомъ отношеніи онъ достойно поддерживаетъ славу высшаго духовенства во-

1) Die aramäischen Fremdwörter im Arabischen. Leiden 1886. Работа можетъ считаться исчерпывающей матеріалъ, поскольку она касается классическаго языка; область же современныхъ діалектовъ и теперь въ значительной мѣрѣ остается tabula rasa. Особенно интересенъ, въ частности, вопросъ о вліяніи арамейскаго языка на современный діалектъ Сиріи: не выдерживая борьбы съ послѣднимъ, онъ иногда тѣмъ не менѣе вызывалъ сильныя измѣненія не только въ лексическомъ составѣ, но даже и въ морѳологическомъ строѣ. Къ послѣднему случаю, напримѣръ, относится сильное распространеніе арамейскаго суффикса ܳܢ (emph. ܳܢܳܐ), извѣстнаго, правда, еще и въ классическомъ языкѣ (نفسانيّ, روحانيّ и др.), но теперь играющаго почти такую же роль, какъ и нисба: فوقانيّ, تحتانيّ, ارضانيّ, даже اوّلانيّ, или появленіе вопросительнаго мѣстоименія اين (арам. ܐܰܝܢܳܐ). Больше, конечно, заимствованій въ лексическомъ составѣ; интересно отмѣтить, что въ большинствѣ случаевъ они касаются обыденныхъ понятій и заимствованы, вѣроятно, устнымъ, а не литературнымъ путемъ. Достаточно напомнить такія, неизвѣстныя классическому Sprachgebrauch выраженія, какъ شوب (жара, арам. ܫܽܘܒܳܐ), بكّير (рано, арам. ܒܨܦܪܐ), لقّيس (поздно — ܠܩܝܫܐ), سكّر (запереть — ܣܟܰܪ), شلح (снять — ܫܠܰܚ), и др.

2) Beiträge zur Kenntniss der lebenden arabischen Sprache in Egypten. II. Ueber Lehnwörter. Fremdes und Eigenes въ ZDMG—L (1896), 607—657, LI (1897), 291—326, 343—346. Vollers успѣлъ дать нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній и къ реферируемой работѣ въ ZA—XXII (1908), 215—222.

3) De vocabulis in antiquis arabum carminibus et in corano peregrinis, Lugduni. 1880.

4) Kleinere Schriften, Leipzig. 1888, II, 470—796, III, 1—102.

5) Не могутъ итти въ сравненіе съ отмѣченными работами ни по полнотѣ, ни по систематичности замѣтки о греческихъ заимствованіяхъ одного изъ месопотамскихъ ученыхъ о. Anastase'а (въ бейрутскомъ журналѣ المشرق—I, 1898, 440—448; II, 345—349, 489—491, 840—847, 923—928, 1046—1048; III, 63—65, 318—322. Ср. ibidem IV, 1901, 73—79, 214—218, и V, 536—543).

6) Сеʿердъ — по классическо-арабскому произношенію سعرت и سعرد, равно какъ اسعرت и اسعرد (см. BGA—I, 76, пр. k; VI, 233, 11; Fleischer, Kleinere Schriften—III, 320, прим. 1) — городокъ въ Курдистанѣ на одномъ изъ притоковъ Тигра къ юго-востоку отъ Битлиса и озера Ванъ.

стока[1]). На одну изъ его работъ — изданіе несторіанской хроники — обращалось вниманіе и въ русской научной литературѣ[2]). Среди прочихъ трудовъ особаго вниманія заслуживаютъ каталоги арабскихъ и сирійскихъ рукописей нѣкоторыхъ восточныхъ собраній[3]), равно какъ рядъ монографій по сирійской литературѣ[4]). Читатели арабскихъ журналовъ знали, что Шеръ кромѣ исторіи и литературы не чуждъ лингвистики: его перу принадлежитъ статья о причинахъ лексическаго богатства арабскаго языка, несмотря на незначительный объемъ, дающая много интересныхъ соображеній[5]).

На настоящую работу—плодъ десятилѣтняго труда автора (стр. 4)— можно смотрѣть или какъ на самостоятельное изслѣдованіе, или какъ на сводъ сырого матеріала. Тотъ, кто хоть нѣсколько знакомъ съ условіями научной работы на востокѣ, уже a priori не можетъ ожидать особенно крупныхъ результатовъ съ первой точки зрѣнія: одна скудость пособій дѣлаетъ почти невозможнымъ сколько-нибудь серьезный трудъ этого рода и не всегда представляютъ исключеніе даже такіе крупные центры, какъ Бейрутъ или Каиръ. Кромѣ того въ данномъ случаѣ читатель чувствуетъ себя совсѣмъ обезоруженнымъ, знакомясь съ тѣми условіями, въ которыхъ работалъ авторъ (стр. 5). Въ области персидскаго языка его единственнымъ пособіемъ былъ извѣстный словарь برهان قاطع въ турецкой обработкѣ изд. 1870 г. Признавая все его значеніе, заранѣе можно предугадать, что одинъ лексиконъ Vullers'а могъ бы предостеречь автора отъ многихъ увлеченій. Съ арабскимъ языкомъ дѣло обстояло еще хуже: здѣсь были привлечены лишь словари XIX вѣка محيط المحيط Бустāнӣ и اقرب الموارد Шартӯнӣ, которые, конечно, не могутъ замѣнить въ лингвистическихъ работахъ لسان العرب и تاج العروس. Изъ арабскихъ монографій авторомъ использована شفاء العليل Хафāджӣ, цитаты изъ которой приводятся довольно часто въ противоположность болѣе важному сочиненію его пред-

1) Изъ покойныхъ ученыхъ достаточно назвать маронитскаго митрополита Дибса, автора девяти-томной «Исторіи Сиріи» (на арабскомъ языкѣ), сирійскаго патріарха Давида, извѣстнаго и въ Европѣ своими трудами по арамейской и арабской лингвистикѣ; изъ здравствующихъ — преемника перваго П. Шиблӣ, издателя Северова опроверженія Евтихія (см. Византійскій Временникъ, т. XIII, библіографія, отд. arabica), равно какъ и преемника втораго И. Рахмāнӣ, выпустившаго уже три тома своихъ Studia Syriaca и издавшаго сирійскій переводъ евангелій Іакова Едесскаго.

2) Византійскій Временникъ, т. XIV, библіографія, отдѣлъ arabica.

3) Епископальной библіотеки въ Се'ердѣ (изданъ въ Мосулѣ 1905 г.), халдейскаго монастыря Богоматери около Мосула (JA, с. 10, т. VII, 1906, 479—512, VIII, 55—82), епископальной библіотеки въ Діарбекирѣ (JA—10 с., т. X, 1907, 331—362, 385—431).

4) ROC, 2 с. т. I, 1906, 1—33, 182—197, 403—423; т. II, 1907, 9—13; JA — 10 с. т. VII, 1906, 103—118, т. X, 1907, 161—178.

5) المشرق — III, 1900, 721—724.

шественника Джāвāликū المعرّب, извѣстному европейцамъ въ изд. Sachau[1]). Еще болѣе скуденъ у автора былъ выборъ европейскихъ пособій: подъ руками у него находилась лишь тщательно использованная монографія Fränkel'я и еврейскій словарь Gesenius'а (въ изд. 1847 г. ! стр. 8).

Самый принципъ работы не по текстамъ, а по словарямъ не можетъ быть признанъ раціональнымъ во всѣхъ вообще вопросахъ, связанныхъ съ заимствованными словами; тѣмъ менѣе онъ выдерживаетъ критику, когда дѣло касается такого языка, какъ арабскій, гдѣ научный словарь еще на долгое время будетъ оставаться pium desiderium. Эта система обусловила у автора рядъ проходящихъ черезъ весь трудъ методическихъ промаховъ, хорошо извѣстныхъ тѣмъ, кому приходилось пользоваться почтенными трудами авторовъ تاج العروس (въ дальнѣйшемъ Т'А) и لسان العرب (въ дальнѣйшемъ Л'А). Формулировать ихъ можно въ двухъ главныхъ пунктахъ: слабость сравнительнаго метода и полное отсутствіе исторической, равно какъ и географической перспективы. Въ первомъ отношеніи авторъ стоитъ, конечно, гораздо выше арабскихъ лингвистовъ уже потому, что не старается исходить исключительно изъ арабскаго языка, чего не позволяетъ и самая тема, но его выводы въ большинствѣ случаевъ носятъ поверхностный характеръ и основаны, главнымъ образомъ, на внѣшнемъ созвучіи. Въ своихъ слишкомъ широко приводимыхъ сравненіяхъ[2]) онъ не столько взвѣшиваетъ, сколько считаетъ факты, хотя иногда и самъ принужденъ видѣть въ приводимыхъ имъ сопоставленіяхъ простое توافق اللغات (см. s. v. كشف, كوب и др.).

Перечислять всѣ эти случаи значило бы написать вторую не меньшую по объему книгу, что въ задачу референта, какъ не спеціалиста по лингвистикѣ, входить не можетъ. (Общимъ примѣромъ служатъ почти всѣ сопоставленія съ европейской вѣтвью индо-германскихъ языковъ; о многихъ частныхъ будетъ рѣчь ниже). Отсутствіе исторической перспективы заставляетъ автора не считаться съ временемъ заимствованія, объединяя въ одну группу всѣ стадіи эволюціи языка, начиная отъ до-исламской эпохи вплоть до современныхъ діалектовъ. Благо-

---

1) Для будущихъ изслѣдователей того же вопроса не лишне отмѣтить, что кромѣ этихъ общихъ трактатовъ въ арабской литературѣ существовали и спеціальные о персидскихъ заимствованіяхъ: одинъ изъ такихъ сохранился въ мюнхенской рукописи — Aumer № 894, fol. 43 сл. Значеніе его, конечно, очень проблематично; интересно, однако, что онъ былъ скопированъ Thorbecke, см. ZDMG—XLV, 1891, 480, № 119.

2) Достаточно отмѣтить, что помѣщенный въ концѣ указатель — стр. 162—194 — даетъ списокъ цитованныхъ въ книгѣ персидскихъ, турецкихъ, курдскихъ, арамейскихъ, еврейскихъ, греческихъ, латинскихъ, санскритскихъ, эѳіопскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, италіанскихъ, армянскихъ и русскихъ словъ!

даря этому, персидскими заимствованіями у него нерѣдко являются слова, заимствованныя въ персидскомъ изъ арабскаго: однимъ изъ примѣровъ момента служитъ производство коренного семитскаго باب — врата отъ персидскаго بپا — стр. 30[1]). Обратное же заимствованіе имѣется скорѣе и въ персидскомъ داغ отъ араб. корня دجى съ богато развитыми второобразованіями — стр. 60[2]), перс. غرا отъ араб. غرّة — стр. 115[3]), غوغا — стр. 116[4]), اويس — стр. 13[5]) и мн. др. При нѣкоторомъ вниманіи къ географическимъ условіямъ авторъ не пришелъ бы къ мысли производить араб. فيل — слонъ отъ арамейскаго корня ܦܠܠ — стр. 123, съ оригинальной попыткой обосновать это семасіологически (وهى مشتقة من ܦܠܠ اى تلطخ ولوث فانه من خواصّ الفيل المكث على شواطئ الانهار وفى المستنقعات وقبل ان يشرب المآء يكدّره وكثيرا ما يوعيه فى خرطومه حتى يمتلئَ فيرمى به ما حوله!) Такимъ же образомъ онъ могъ бы разъяснить себѣ исторію арабскаго شاى, идущаго не отъ персидскаго چاى — 106, а черезъ турецкій восходящаго къ русскому[6]). Отстаивая въ этомъ случаѣ роль нашего языка, въ другомъ отъ такой чести приходится отказываться: слово صندوق — стр. 108, давшее русское «сундукъ», своей родиной имѣетъ, повидимому, Индію[7]). Въ нѣко-

---

1) Если и не соглашаться съ Vullers'омъ, Lexicon persico-latinum—I, 187, склоняющимся къ обратному заимствованію, то доводы Fränkel'я, op. cit. 14, о переходѣ слова въ арабскій языкъ изъ арамейскаго приходится признать удовлетворительными.

2) Vullers, op. cit. I, 778.

3) Ibidem — II, 601.

4) Ib. II, 626.

5) Ib. I, 144.

6) Ср. Vollers въ ZDMG LI, 1897, 307.

7) См. ZDMG L (1896), 651 и Fleischer, Kleinere Schriften — II, 775. Вообще немногочисленнымъ русскимъ словамъ, цитуемымъ авторомъ, не очень посчастливилось, хотя за это его не всегда можно упрекать: сопоставляя «облако» съ персидскимъ ابر стр. 7, онъ не могъ, конечно, отличить префикса отъ корня; внѣшнее созвучіе заставило его чисто-русское образованіе «носорогъ» сопоставить — стр. 134 — съ персидскимъ كركدن, однако, знакомство съ латинскимъ языкомъ могло бы удержать отъ производства «циркуль» отъ перс. پرگار — стр. 20. На внѣшнемъ созвучіи основано и неудачное сопоставленіе «окно» съ араб. اُقْنَة — стр. 11. (Не нужно добавлять, что это послѣднее не имѣетъ ничего общаго съ перс. خانه, отъ котораго его авторъ производитъ. Оно представляетъ лишь закономѣрную параллель къ формѣ وُقْنَة (ср. Л'А—XVI, 159), вызываемую законами арабскаго языка, замѣняющими въ нѣкоторыхъ случаяхъ сочетаніе wy черезъ 'у. См. Brockelmann, Kurzgefasste vergl. Grammatik der Semit. Sprachen—117, Vollers, Schriftsprache und Volkssprache—43. Ср. OLZ. 1909, стр. 26—27). Въ соблазнъ ввела здѣсь автора, вѣроятно, семасіологія, такъ какъ и خانه и اقنة одинаково даютъ понятіе «домъ». Однако, и здѣсь особыхъ основаній для сопоставленія нѣтъ: въ اقنة домъ является лишь второобразнымъ значеніемъ, первое же (s. v. وقن)—«птичье гнѣздо въ расщелинѣ скалы». Въ своемъ второмъ метафорическомъ значеніи оно сохраняетъ оттѣнокъ того же понятія, какъ можно видѣть по словамъ Ибн-Кельби: بيوت العرب ستّة قبّة من ادم و مظلّة من شعر وخباء من صوف وبجاد من وبر و خيمة من شجر و اقنة من حجر — Т'А IX, 124.).

торыхъ случаяхъ отсутствіе историко-географической перспективы заставило автора за персидскія слова принимать турецкія (напр. سنجق — стр. 95, طغرا — 113, باشا — 16, ср. ZDMG LI, 305, دبوس — 60) или за чисто персидскія заимствованныя изъ греческаго (بابرى — 14, ср. ZDMG — LI, 324, بربط — 18, فالج — 134. Послѣднее перешло въ арабскій даже безъ посредства персидскаго — ZDMG LI, 295, 300). Для многихъ именъ растительнаго царства, приводимыхъ авторомъ, какъ فارسىّ محض, родиной является Индія, а персидскій языкъ лишь передаточнымъ пунктомъ (خيزران — 54, فلفل — 121 قرمز — 125, كافور — 136, نيلوفر — 155 и др.[1]). Болѣе осторожно приходится высказываться о كاغذ и كعك; они не могутъ быть فارسى محض — стр. 136, такъ какъ первое имѣетъ связь съ Китаемъ, второе съ Египтомъ[2]).

Среди методическихъ промаховъ, которые авторъ раздѣляетъ со многими изслѣдователями заимствованныхъ словъ, можно отмѣтить недостаточное вниманіе къ семасіологіи. Иногда, если это въ интересахъ автора, онъ исключительно на ней основываетъ свои соображенія (какъ въ выше приведенныхъ случаяхъ съ فيل и اقنة), въ противномъ же случаѣ не останавливается передъ большими натяжками. Арабское تباب, напр., со значеніемъ «гибель» онъ производитъ — стр. 33 — отъ перс. تاب — печаль, гнѣвъ, دهْم — толпа отъ перс. دهُم — десятый — стр. 67 (sic!), شاكر — рабъ, слуга — стр. 102 — отъ شاهكار — крупная вещь, хитрость[3]), قِرشَبّ — старый, прожорливый, стр. 124, онъ считаетъ составнымъ изъ خر — оселъ и شب — ночь, не останавливаясь передъ сомнительностью персидскаго сочетанія. Арабское مائدة — столъ нѣтъ нужды сопоставлять — 148 съ перс. ميده — хлѣбъ, тѣмъ болѣе что еще Fränkel указалъ (op. cit. 83) на заимствованіе его изъ эѳіопскаго ማእድ. Нѣкоторыя сопоставленія объясняются только свойственнымъ спеціалисту увлеченіемъ своимъ предметомъ, къ нимъ приходится отнести, напр., производство араб. خيال — 59 отъ перс. خوليا, которые совпадаютъ по выраженію автора لفظا ومعنًى. На самомъ же дѣлѣ خيال значитъ «видѣніе, бѣглая мысль», тогда какъ خوليا, представляющее лишь усѣченную форму خلوليا — «res nemini», въ переносномъ смыслѣ

---

1) Ср. ZDMG—L, 650. Со словомъ اوج — стр. 13 проницательнѣе автора оказался составитель برهان قاطع, предполагавшій его индійское происхожденіе. Оно доказано еще M. Reinaud, Geographie d'Aboulféda, I, CXCI, прим. 1.

2) См. ZDMG—L, 652 и 654.

3) См. Vullers, Lexicon—II, 395. Болѣе удовлетворительнымъ является отвергаемое имъ объясненіе происхожденія изъ چاكر—ср. ZDMG L, 644, или изъ شاگرد съ тѣмъ же значеніемъ: отпаденіе د можетъ быть объяснено стремленіемъ народной этимологіи къ трехбуквенности.

«храбрецъ». (См. Vullers, Lexicon — I, 716, 758). Араб. شهيّ — пріятный, нѣжный, лишь внѣшнему созвучію обязано сопоставленіемъ съ شاهى — царскій — стр. 104, равно какъ عطش — 115 съ перс. تش или إنو съ перс. نيم — стр. 13. Совсѣмъ неумѣстны въ научной работѣ такія этимологіи какъ متراس — 143, запоръ, засовъ отъ глагольной формы مترس — не бойся! или منجنيق — 146 осадная машина отъ фразы من چه نيك — какъ я прекрасенъ! Оба объясненія, конечно, не колеблютъ извѣстныхъ выводовъ Fränkel'я, op. cit. 17, 243.

Особенно много аналогичныхъ увлеченій въ производствѣ глаголовъ. Не имѣя возможности приводить всѣ сомнительные случаи (достаточно сказать, что больше пятидесяти трехбуквенныхъ глаголовъ авторъ возводитъ къ персидскимъ корнямъ!) я ограничусь лишь одной группой четырехбуквенныхъ, нѣсколько характеризующей поспѣшность выводовъ автора. Глаголы эти таковы: بهرس — гордиться, производимый авторомъ — стр. 29 отъ персидскаго بهى رس — достигъ красоты (конструкція!), سربخ — б. легкимъ — стр. 88 — отъ سرسبك — легкоголовый, شمختر — б. скупымъ, гордымъ — стр. 102 отъ شوم اختر — злосчастный, طرسع — бѣжать со страху — 112 отъ ترسا — пугливый, طرشم — чернѣть — 112 отъ تارشب — темная ночь. Съ перваго взгляда не трудно обратить вниманіе на то, что во всѣхъ этихъ корняхъ фигурируетъ звукъ ر — какъ извѣстно одинъ изъ формативныхъ элементовъ четырехбуквенныхъ глаголовъ въ арабскомъ языкѣ на ряду съ плавными [1]). Одно это обстоятельство побуждаетъ выяснить, не имѣется ли эквивалентовъ этимъ глаголамъ среди трехбуквенныхъ корней, наличность которыхъ устранила бы вопросъ о заимствованіи. Для بهرس съ его первымъ значеніемъ горделивой походки такой эквивалентъ имѣется въ видѣ بيهس, второобразнаго отъ بهس съ тѣмъ же значеніемъ (Л'А VII, 329 يتبيهس . . . . . اذا كان يتبختر فى مشيته); параллельныя формы تهبرس и تبهرس арабскіе лексикологи, руководствуясь вѣрнымъ чутьемъ, возводятъ къ тому же بيهس (Т'А — IV, 113). Глаголъ سربخ — второобразный отъ سبّخ со значеніемъ خفّف и سكّن (Т'А — II, 260—261); повидимому понятіе «глупости» въ немъ является второобразнымъ отъ основного значенія سربخة, какъ الارض الواسعة . . . . المضلّة لا يهتدى فيها (ср. Л'А — III, 502). Корень شمختر считаетъ персидскаго происхожденія и Т'А — II, 316, но это или народная этимологія, или совпаденіе, такъ какъ корень شمخر — б. гордымъ, несомнѣнно восходитъ къ трехбуквенному شمخ

1) Wright, A grammar of arabic language 3—I, 47 § 67b; Actes du XIV Congrès International des Orientalistes, Alger 1905, III partie, 411.

съ тѣми же понятіями высоты, гордости (Л'А — III, 508. Ср. Wright, op. cit., loc. cit.). Глаголъ طرسع — бѣжать со страху — восходитъ тоже къ трехбуквенному طسع (Т'А V, 440: طسع فى البلاد ذهب), дающему въ нѣкоторыхъ случаяхъ понятіе трусости (طسع — فعل الجندىّ ولم يغز — ibid. Къ первому значенію восходитъ второобразное طيسع — обширная степь). Глаголъ طرشم, наконецъ, лексикографы вполнѣ основательно сопоставляютъ съ содержащими ту же идею мрака, неясности طرسم и طرمس, которые восходятъ къ извѣстному طمس (Л'А — XV, 354—355; Т'А—VIII, 377). Я не касаюсь еще одного корня بذرق, производимаго авторомъ отъ بدراه — 17 — хотя и его Cheikho[1]) считаетъ восходящимъ къ بذق. Совпаденіе мнѣнія Шера съ мнѣніемъ авторовъ Л'А XI, 294—295 и Т'А — II, 256 заставляетъ отнестись къ вопросу болѣе серьезно, хотя персидская этимологія уже a priori внушаетъ подозрѣніе[2]).

Послѣ этихъ, хотя и отрывочныхъ замѣчаній не трудно видѣть, что работа Шера не всегда отличается той объективностью и методичностью, которой можно было бы требовать отъ европейскаго ученаго. Самыя доказательства его, обыкновенно сводящіяся къ выраженіямъ ....واصحّ انه, ...على ظنّى ....وعندى далеко не всегда научны; общій очеркъ измѣненій, которымъ подвергаются персидскія слова на арабской почвѣ (стр. 4—5), не можетъ быть признанъ систематично группирующимъ матеріалъ и въ сущности развиваетъ идею انّ العرب كثيرًا ما يتصرّفون تصرفًا غريبًا فى الالفاظ الاعجميّة[3]). Образцомъ слишкомъ субъективныхъ доказательствъ въ самой работѣ могутъ служить этимологіи словъ جوق отъ بوك[4]), شخص —

1) См. المشرق — XI, 1908, 232.

2) Въ подтвержденіе роли ر, какъ формативнаго элемента четырехбуквенныхъ корней, можно было бы привести много другихъ примѣровъ, начиная отъ классическихъ параллелей съ одинаковыми идеями زمخر — زمخ ,زمجر — زمج ,دربخ — دبخ ,بعثر — بعث и пр. вплоть до современнаго сирійскаго ܡܚܕܘܕܒ — горбатый = класс. احدب или ܡܚܕܘܕܒ. Вообще изслѣдованіе вопроса о четырехбуквенныхъ арабскихъ корняхъ является однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и насущныхъ въ арабской лингвистикѣ: за послѣднее время здѣсь накопилось много новаго матеріала, доставляемаго съ одной стороны семитской лингвистикой, съ другой — арабской діалектологіей. Изъ этихъ двухъ пунктовъ и должно исходить изслѣдованіе. Новая монографія A. Joly, Quelques mots sur les dérivations du trilitère et les origines du quadrilitère en arabe (въ Actes du XIV-e Congrès International des Orientalistes, III partie. Paris 1907, 394—436) не можетъ считаться окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса, какъ по полнотѣ матеріала, такъ и по методичности его разработки. Диссертація Schwarzlose, De linguae arabicae verborum plurilitterorum derivatione, Berolini 1854, теперь сильно устарѣла.

3) Съ методической точки зрѣнія его интересно сравнить съ соотвѣтствующими главами часто упоминавшихся работъ Fränkel'я, стр. XI—XXII и Vollers'a, ZDMG, L (1896), 610—627.

4) Стр. 49 — اظنّه معرّبا ومقلوبا.

особа, индивидуумъ, отъ корня شکست — ломать [1]), صحن отъ سینی [2]), صقر отъ چرغ [3]), جمهور отъ گروه [4]), صیف отъ سپیدبر [5]), هنرمن отъ انجمن [6]) и т. д. Фигурируютъ, конечно, у Шера нѣкоторыя слова, встрѣчавшіяся и на страницахъ З. В. О.; упомянуть про нихъ можно развѣ потому, что рѣчь идетъ pro domo sua; самыя же объясненія иногда представляютъ интересъ курьеза: ارش онъ производитъ, стр. 8, отъ ارز — цѣна [7]), صنم отъ перс. شمن [8]); при упоминаніи زنديق, 80—81 и چلیپا, 89 s. v. سراج онъ къ счастью ограничивается извѣстными толкованіями.

Не трудно видѣть, что всѣ эти мелкіе недочеты сводятся къ главнымъ формулированнымъ въ началѣ пунктамъ и происходятъ отъ недостаточной внимательности къ методическимъ требованіямъ, такъ какъ въ недостаткѣ фактическихъ знаній автора упрекнуть никакъ нельзя. Главнѣйшими вспомогательными орудіями—арабскимъ и персидскимъ языкомъ—онъ владѣетъ свободно, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ. Арабскій, какъ было видно и изъ предшествующихъ трудовъ, является для него почти роднымъ [9]), въ персидскомъ же иногда попадаются недоразумѣнія, не играющія, правда, особо существенной роли. Въ персидскомъ جناغ — 46, онъ очевидно неточно понялъ объясненія برهان قاطع. Послѣдній толкуетъ его, какъ طاق پیش زین‌اسپ (Vullers, Lexicon I, 530), т. е. выгнутая, передняя часть лошадинаго сѣдла = лу́ка; Шеръ, введенный въ заблужденіе, вѣроятно, созвучіемъ перс. زین — сѣдло и араб. زَيْن — украшеніе, переводитъ это ثوب مرصّع منقّش يلقى على السرج للزينة — т. е. расшитое золотыми рисунками покрывало, которое набрасывается для украшенія на сѣдло. Самая этимо-

1) 98 — انّه معرّبا عن شکست و معناه المقطوع فانّك بقولك الشخص تدلّ على ذات مقطوعة من غيرها

2) 107. Sic безъ дальнѣйшихъ объясненій! Слова Fränkel'я здѣсь же переданы не точно: онъ не говоритъ стр. 63, что صحن заимствованіе эѳіопскаго ጸሕል, и только приводя параллельныя формы указываетъ на принадлежность ихъ къ общесемитскому корню.

3) 108 — بتقديم العين وجعلها قافًا

4) 45—مشتقّ من كروه بزيادة الميم. Ср. Wright, op. cit. I, 47. D.

5) 109—بحذف شطره الاخير.

6) 158—безъ объясненія.

7) См. Н. Марръ, З. В. О.—XVIII, 0168—0170.

8) Sic! стр. 109 بتقديم النون على الميم

9) Придирчивый критикъ могъ бы отмѣтить нѣсколько не арабскихъ оборотовъ, какъ переводъ перс. زرنه—79, черезъ ذهب ليس (не говоря о сомнительности персидскаго выраженія), или опредѣленіе نرد – 151, какъ شيء معروف يلعب. Попадается иногда невѣрная огласовка, напр. سَعة (у автора سَعْة — 70 s. v. ربغ), لَجّ (у автора لِجّ—141, вмѣсто персидскаго لَک здѣсь же чит. لُک) и даже въ такомъ извѣстномъ выраженіи, какъ لَبَّيْک (у автора لُبَّيْک — 67 s. v. دهدر).

логія, благодаря отпадающему такимъ образомъ семасіологическому сходству, становится болѣе сомнительной. Аналогичное недоразумѣніе имѣется въ словѣ ذبر, которое Fränkel вполнѣ основательно сопоставляетъ съ другими семитскими эквивалентами (op. cit. 248 — 9). Авторъ хочетъ въ немъ видѣть персидское زبر (69 — قريب لفظًا ومعنًى من زبر ومعناه الحفظ غيبًا), упуская изъ виду, что это выраженіе не является самостоятельнымъ и не заключаетъ приписываемаго ему понятія, а представляетъ сложный предлогъ (بر + از) только въ сочетаніи زبر كردن — дающемъ значеніе «возвышать, запоминать». (См. цитаты у Vullers'a, op. cit. II, 114—115). При большемъ вниманіи къ персидскому языку не проскользнули бы у автора и нѣкоторыя невозможныя по его законамъ этимологіи или переводы: слово دمار, напр., онъ считаетъ 66 — составнымъ изъ دم и глагольной основы آر, тогда какъ здѣсь имѣется обычный суффиксъ ار (ср. Vullers, Lexicon — I, 901); خَريده образовываетъ отъ خِرد — 52, тогда какъ это причастная форма خَريدن, и принужденъ прибѣгнуть къ натяжкѣ въ толкованіи (خرد = араб. عقل, а не حياء); خشتحاش онъ производитъ — 55 отъ خشت и причастной формы كشان, тогда какъ въ персидскомъ возможно только сочетаніе خشتكش съ глагольной основой; для объясненія араб. دربزين [1]) онъ не останавливается передъ толкованіемъ рѣдкаго персидскаго داربزين — 61, какъ составного изъ در — дверь и بزين — ложе, софа (ср. Vullers, I, 784); персидское چارگاه онъ переводитъ «четвертое мѣсто» (المقام الرابع — 100 s. v. شاركاه), въ словѣ جامگى — 45 слогъ گى называетъ اداة النسبة, тогда какъ суффиксомъ является лишь ى (= ياى نسبت), а گ есть закономѣрный переходъ передъ нимъ ه слова جامه и т. д. [2]).

Послѣ всѣхъ выше приведенныхъ примѣровъ не слишкомъ рѣзкимъ покажется выводъ, если сказать, что работа Шера, какъ самостоятельное изслѣдованіе, едва ли можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Для этого прежде всего нужна была бы иная система работы: во всеоружіи современныхъ методовъ сравнительнаго языкознанія путемъ изслѣдованія соотвѣтствующихъ текстовъ слѣдуетъ выдѣлить весь заимствованный изъ персидскаго языка лексическій матеріалъ, не упуская изъ виду ни на ми-

---

1) = греч. τραπέζιον, ср. Vollers въ ZDMG—LI, 299.

2) Изъ мелочей можно отмѣтить стр. 76 s. v. زئبق чит. زيبوه вм. زيبوه, стр. 17 s. v. بد чит. بت вм. بِت (само слово восходитъ, вѣроятно, къ имени божества, ср. WZKM — VII, 276), стр. 154 s. v. نمرق чит. نرمه вм. نرماك, стр. 159 s. v. وقت чит. وكنه вм. وكنه и т. д. Къ типографской небрежности относится непослѣдовательная огласовка перс. مى — вино на однѣхъ и тѣхъ же страницахъ (مِى, s.v. ماخور — 143, ميدان — 148, ميسوسن — 149; مَى s.v. ميسون — 146, ميبه — 148, ميبختج — ib.).

нуту исторической и географической перспективы. Первая съ одной стороны требуетъ разграниченія болѣе древнихъ и болѣе новыхъ фазисовъ въ персидскомъ языкѣ, и съ другой, опредѣленія времени заимствованія и появленія слова въ арабскомъ, ограничиваясь хотя бы четырьмя главнѣйшими эпохами: до-исламской и омейядской, ʿаббāсидской, мамлукской, и наконецъ, османской съ современными діалектами. Вниманіе къ географической перспективѣ дастъ возможность опредѣлить путь заимствованія и распространенность даннаго выраженія внутри арабскаго языка. Наконецъ, въ интересахъ исторіи заимствованныхъ понятій, тѣсно связанной съ исторіей заимствованныхъ словъ, едва ли можно одобрить самый принципъ алфавитнаго распредѣленія, внѣшнія удобства котораго могутъ быть легко замѣнены указателемъ. Систематическое распредѣленіе матеріала, принятое Fränkel'емъ въ обѣихъ отмѣченныхъ работахъ, является болѣе цѣлесообразнымъ, предоставляя возможность дать рядъ цѣнныхъ культурно-историческихъ монографій, матеріалъ для которыхъ такъ легко доставляютъ эти заимствованныя слова при вниманіи къ историческимъ и географическимъ условіямъ ихъ распространенія.

Если книга Шера не даетъ самостоятельнаго изслѣдованія, то его, какъ было замѣчено выше, и несправедливо было бы требовать отъ автора, находящаго силы и средства такъ интенсивно работать въ горахъ Курдистана внѣ всякихъ культурныхъ условій. Еще болѣе чести поэтому дѣлаетъ ему сознаніе характера своей работы (стр. 4: وانّى مقرّ بوعورة الطريق التى سلكت فيها وارجو من علمآء اللغة ان ينتقدوا علىّ فانّ لهم للانتقاد ميدانًا واسعًا).

Насколько мѣстожительство автора неблагопріятно для научнаго изслѣдованія, настолько оно оказалось удобнымъ для свода матеріаловъ по данному вопросу; въ этомъ отношеніи его трудъ безспорно оставляетъ далеко позади все то, что сдѣлано въ указанномъ направленіи до сихъ поръ. Находясь въ области, гдѣ сталкиваются кромѣ арабской и персидской другія разнообразныя народности (турецкая, курдская, сирійская, армянская), Шеръ сумѣлъ использовать это преимущество самымъ лучшимъ образомъ, и работа его даетъ гораздо больше того, что обѣщаетъ заглавіе. Главная заслуга, конечно, выдѣленіе почти 2000 заимствованныхъ изъ персидскаго словъ, но это количество само по себѣ не представляетъ еще ничего поражающаго: много словъ служитъ для обозначенія предметовъ растительнаго и животнаго царства, мало извѣстныхъ въ литературѣ[1]),

---

1) Въ этомъ отношеніи работа Шера даетъ интересныя дополненія къ извѣстнымъ книгамъ J. Löw'а, Aramäische Pflanzennamen — Leipzig 1881, и F. Hommel'я, Die Namen der Säugethiere bei den südsemitischen Völkern, Leipzig 1879.

равно какъ значительное количество составляетъ исключительную принадлежность месопотамско-арабскаго нарѣчія и неупотребительно въ другихъ діалектахъ. Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи авторъ собралъ матеріалъ почти исчерпывающимъ образомъ и, если можетъ найтись еще нѣсколько десятковъ ускользнувшихъ отъ его вниманія словъ, то они явятся лишь каплей въ морѣ матеріала, собраннаго авторомъ[1]). Но кромѣ этого богатства много интереснаго матеріала привлечено и изъ сопредѣльныхъ діалектовъ — матеріала тѣмъ болѣе цѣннаго потому, что едва ли кто нибудь былъ поставленъ для собиранія его въ такія благопріятныя условія, какъ авторъ. Все здѣсь основано на личныхъ наблюденіяхъ и потому получаетъ особое значеніе, какъ первоисточникъ, чего нельзя сказать о сопоставленіяхъ съ другими языками, какъ это и было замѣчено выше. Особенную цѣнность имѣютъ матеріалы, приводимые изъ двухъ областей, далеко еще не разработанныхъ наукой съ надлежащей полнотой (по крайней мѣрѣ въ лексическомъ отношеніи)—изъ сирійскихъ народныхъ діалектовъ и изъ курдскаго языка. Несомнѣнно, что спеціалисты найдутъ здѣсь много интереснаго.

Подводя итогъ, не трудно видѣть, что работа Шера, не совсѣмъ удовлетворяющая въ нѣкоторыхъ пунктахъ современнымъ научнымъ требованіямъ, отличается исчерпывающей полнотой, какъ сводъ матеріала, и, не ограничивая узко тему, даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщало заглавіе. Авторъ исполнилъ что было въ его средствахъ, и при томъ исполнилъ наилучшимъ образомъ. За это ему всегда будутъ благодарны не одни арабисты, но оріенталисты и другихъ спеціальностей.

И. Крачковскій.

Мартъ 1909 г. г. Бейрутъ (Сирія).

---

1) Шеръ немного строго упрекаетъ — стр. 134 другого почтеннаго месопотамскаго ученаго о. Anastase за неполноту его матеріаловъ по заимствованнымъ изъ греческаго арабскимъ словамъ, упуская изъ виду, что въ подобнаго рода трудахъ идеальная полнота можетъ быть достигнута лишь коллективной работой. Въ подтвержденіе можно привести нѣкоторыя, достаточно извѣстныя въ литературѣ слова, которыя не встрѣчаются въ трудѣ автора: ابزار (пряность—перс. افزار), استانة (въ выраженіи الاستانة العالية — Константинополь, перс. آستانه), انموذج (указатель, перс. نموده), برطل (подкупать, отъ перс. корня پرتله—подарокъ), برغول (грубомолотая пшеница, перс. idem), برنامج (титулъ—перс. برنامه) برنيّة (сосудъ, перс. برنى), بخشيش (подарокъ, перс. بخشش), بس (только, довольно! перс. idem), بهاء (цѣна, перс. id.), باطية (сосудъ для вина, перс. باديه, повидимому, производное отъ باده, ср. Vullers, Lexicon I, 166), توت (тутовое. дерево, перс. idem.), تاج (корона, перс. idem), جؤذر (антилопа, перс. گودر), جزدان (сумка, составное изъ араб. جزء и перс. суффикса دان; аналогичное образованіе اجزاخانه — аптека отъ араб. اجزاء (мн. جزء) и перс. خانه), جوهر (драгоцѣнный камень, суть, перс. گوهر), درفس (знамя, перс. درفش), ششمة (источникъ, ватеръ-клозетъ, перс. چشمه), شال (платокъ, перс. idem), كتان (ленъ, перс. id.), مرج (лугъ, перс. مرز), نياز (веселье, перс. idem), نيشان (орденъ, перс. نشان) и др.

356. Diwan d'as Samaou'al d'après la récension de Niftawaihi, édité pour la première fois d'après un ancient Manuscrit avec des Variantes et des Notes par le P. L. Cheikho. Beyrouth 1909. 8⁰ IV+34.

Несмотря на всю разработанность древне-арабской поэзіи въ европейской научной литературѣ, время приноситъ все новые и новые матеріалы, позволяющіе надѣяться, что остатки книжныхъ сокровищъ востока не совсѣмъ еще оскудѣли и, можетъ быть, подарятъ не одной пріятной неожиданностью. Къ числу новыхъ открытій, честь которыхъ принадлежитъ бейрутской школѣ арабистовъ, относится и диванъ Самау'аля, до послѣдняго времени считавшійся утраченнымъ, хотя о немъ и было извѣстно по указанію Ҳāджи-Халӣфы (изданіе Flügel'я—III, 285). Рукопись найдена въ Дамаскѣ о. Anastase Marie de St. Elie и редакторъ ал-Машрика L. Cheikho, несмотря на напряженную работу надъ печатаніемъ Хамāсы Бухтурӣ, поспѣшилъ издать новый диванъ сперва въ своемъ журналѣ (т. XII за 1909 г., стр. 161—178), а затѣмъ и отдѣльнымъ оттискомъ, дополнивъ его варіантами, примѣчаніями и французскимъ предисловіемъ.

Имя Самау'аля европейскимъ арабистамъ не безызвѣстно: въ научной литературѣ оно фигурировало не разъ. Еще въ 1864 году Nöldeke посвятилъ поэту отдѣлъ въ своихъ Beiträge zur Kenntniss der Poesie der alten Araber (стр. 57—64), основываясь главнымъ образомъ на неизданной еще тогда «Китāбъ ал-Агāнӣ»: въ дополненіе къ этому Delitzsch обработалъ (Jüdisch-arabische Poesien aus vormuhammedanischer Zeit. Leipzig 1874) комментарій Хамāсы къ наиболѣе популярному произведенію Самау'аля (въ изд. Freytag'a, I, 49—54). Послѣ этого до XX вѣка нашъ поэтъ въ спеціальныхъ статьяхъ не фигурировалъ и только въ 1905 году онъ снова привлекъ вниманіе ученыхъ, можетъ быть, сильнѣе прежняго. Въ Jewish Quarterly Review за апрѣль этого года Hirschfeld издалъ одну приписываемую ему пьесу, дошедшую въ еврейской транскрипціи. Текстъ подвергся сильнымъ искаженіямъ и коньектуры Margoliouth'a (JRAS, 1906, стр. 363—371), равно какъ дополненіе самого Hirschfeld'a (ibid. 701—704) далеко не могли разъяснить всѣхъ смутныхъ пунктовъ. И здѣсь помогли бейрутскіе арабисты: Cheikho перепечаталъ текстъ Hirschfeld'a (المشرق—IX, 1906, 482—483), а вскорѣ затѣмъ имъ были получены отъ читателей двѣ новыхъ копіи того же произведенія по мосульской (ibid. 674—675) и багдадской рукописи (ib. X, 1907, 334—335), если еще больше усложнявшія вопросъ о подлинности, то дававшія все же возможность установить текстъ болѣе или менѣе критически.

Это случайное прибавленіе матеріала принесло мало новаго для вы-

ясненія какъ внѣшнихъ сторонъ жизни Самау'аля, такъ и его поэтическаго наслѣдія. Свѣдѣнія арабскихъ источниковъ въ свою очередь въ этомъ отношеніи довольно скудны. Самау'аль представляетъ одного изъ тѣхъ «анонимныхъ» героевъ арабской древности, съ именемъ которыхъ соединяется извѣстное качество: «быть вѣрнѣе Самау'аля»—اوفى من السموءل—по пословицѣ считалось недостижимымъ идеаломъ. Происхожденіе этой пословицы традиція ставила въ связь съ извѣстнымъ разсказомъ о вѣрности Самау'аля данному слову, которая заставила его сохранить кольчуги, порученныя на сбереженіе царемъ-поэтомъ Имруулькайсомъ, хотя за это и пришлось лишиться родного сына. Кромѣ этого, наиболѣе оттѣненнаго преданіемъ факта, о жизни Самау'аля мало извѣстно: по большинству данныхъ былъ онъ послѣдователемъ Моисея и происходилъ изъ Ятриба, жилъ въ своемъ замкѣ Аблакъ въ области Теймā' (между Сирійской пустыней и Вāдӣ-л-Курā): сынъ его Шурайхъ спасъ жизнь поэту Аʿшā, за что и удостоился хвалебнаго стихотворенія со стороны послѣдняго. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ явствуетъ, что время его жизни относится, вѣроятно, ко второй половинѣ VI вѣка. Не менѣе скудны были извѣстныя до сихъ поръ остатки его поэтическаго наслѣдія. Наибольшей популярностью пользовалось его прекрасное, гордое стихотвореніе въ столь обычной арабской формѣ مفاخرة, приводимое въ Хамāсѣ (Freytag — I, 49); къ сожалѣнію и его коснулось тлетворное дыханіе губительнаго въ арабской поэзіи вопроса о подлинности, такъ какъ нѣкоторые литераторы сравнительно ранней эпохи уже приписывали его другому лицу. Въ пользу его подлинности говоритъ, однако, присутствіе произведенія въ новомъ диванѣ (стр. 8—9); въ крайнемъ случаѣ можно примириться на томъ компромиссѣ, который Nöldeke такъ остроумно предложилъ относительно аналогичнаго случая съ извѣстной касыдой Шанфары اقيموا بنى امّى صدور مطيّكم (Beiträge, стр. 203—204): если она и подложна, то написана невѣдомымъ поэтомъ съ такимъ знаніемъ этого времени, этой среды и этихъ людей, что смѣло можетъ быть признана произведеніемъ, отлично передающимъ духъ данной эпохи и вполнѣ для нея характернымъ. Второе стихотвореніе Самау'аля, сдѣлавшееся извѣстнымъ недавно благодаря изданію الاصمعيّات (Ahlwardt, № 20, стр. 20—21) — въ другомъ родѣ: своимъ вдумчивымъ характеромъ, флеромъ рефлексіи съ оттѣнкомъ пессимизма, намеками на библейскую исторію оно сразу даетъ узнать ту среду, откуда вышло, и очень напоминаетъ произведенія ханӣфовъ этой эпохи, въ частности столь извѣстнаго Умейи-ибн-абу-с-Сальта, личность котораго только теперь начинаетъ вырисовываться съ нѣкоторой ясностью, благодаря многочисленнымъ работамъ послѣднихъ лѣтъ (Schulthess, Power, Huart). Если къ

двумъ бо́льшимъ стихотвореніямъ прибавить два отрывка, повидимому изъ одной пьесы, въ Китāбъ ал-Агāнӣ съ намекомъ на поступокъ съ Имруулькайсомъ (Аг. VI, 88 и XIX, 99) и съ характеристикой прошлой жизни въ хорошо извѣстномъ доисламскомъ стилѣ (ib. VI, 88 и XIX, 98), то этимъ будутъ исчерпаны всѣ доступныя въ настоящее время произведенія Самау'аля, не считая, конечно, отдѣльныхъ стиховъ, цитуемыхъ иногда въ словаряхъ и антологіяхъ. Такимъ образомъ, дивāнъ впервые даетъ сводъ стараго матеріала и, прибавляя къ нему нѣкоторое количество новаго, позволяетъ нѣсколько оттѣнить одну изъ характерныхъ фигуръ столь густо населеннаго древне-арабскаго Парнасса.

По объему своему новый дивāнъ очень невеликъ: онъ содержитъ всего 9 отрывковъ въ 87 стихахъ; три не вошедшихъ въ него произведенія, помѣщенныхъ Cheikho въ примѣчаніяхъ, и пьеса, открытая Hirschfeld'омъ, прибавляютъ еще сорокъ стиховъ. Это, однако, не заставляетъ считать дивāнъ неполнымъ: въ древне-арабской поэзіи на ряду съ плодовитыми поэтами были и المقلون. У нѣсколько болѣе поздняго поэта Абӯ-Михджана, напримѣръ, дивāнъ (изд. Abel и Landberg) по объему лишь нѣсколькими стихами превосходитъ Самау'аля.

Для внѣшнихъ обстоятельствъ жизни поэта, а тѣмъ болѣе для политической исторіи эпохи дивāнъ даетъ очень мало; интереснѣе онъ для характеристики личнаго творчества. Есть, конечно, упоминаніе о случаѣ съ Имруулькайсомъ (№ VI, ст. 12—13: «Я честно сберегъ кольчуги киндита; я оказался вѣрнымъ, хотя меня и бранили за это люди. Мнѣ говорили: «Это вѣдь завидное сокровище!» Но нѣтъ, клянусь Аллахомъ, я не окажусь измѣнникомъ, пока меня носятъ ноги!»), нѣсколько разъ вспоминается родовой замокъ Аблакъ (№ III, ст. 1; VI, 3—4) и построившій его ʿĀдія, (III, 5; IV, 1; VI, 3—5). Одинъ стихъ (VI, 5) заставляетъ видѣть въ ʿĀдія, согласно съ Агāнӣ—XIX, 100, дѣда, а не отца Самау'аля: «И завѣщалъ мнѣ ʿĀдія — мой дѣдъ: не губи, Самау'аль, того, что я основалъ» (ср. див. 4). Можетъ быть на личныхъ впечатлѣніяхъ основано очень живое описаніе движенія войска въ VII, 3—8. Упоминаніе Кайса, ст. 9, не даетъ ближайшихъ данныхъ для опредѣленія событія. Мало освѣщая внѣшніе факты, дивāнъ не помогаетъ выясненію вопроса о религіи Самау'аля, хотя Cheikho не безъ обычной тенденціи бейрутской школы отрицаетъ традиціонное показаніе о принадлежности его къ іудейству и хочетъ найти данныя о христіанствѣ поэта (см. див. стр. III—IV и 4—5). Строго говоря, этотъ вопросъ вообще представляется нѣсколько «академическимъ», т. е. не имѣющимъ непосредственнаго научнаго значенія; несомнѣнно, что вопросъ о «христіанскомъ вліяніи» на древне-арабскую поэзію

очень важенъ какъ для исторіи самой поэзіи, такъ и для исторіи христіанства, а отвѣтъ на него обыкновенно можно найти въ соотвѣтствующихъ произведеніяхъ того или иного лица. Однако, отъ этого вопроса приходится отдѣлять другой—о конфессіональной принадлежности даннаго автора къ христіанству, который, конечно, не рѣшается утвердительнымъ отвѣтомъ на первый, т. е. признаніемъ наличности христіанскаго вліянія. Для рѣшенія его матеріалъ обыкновенно слишкомъ недостаточенъ и отвѣтъ еще болѣе усложняется тѣмъ, что христіанства въ чистомъ видѣ здѣсь не существовало: были распространены всякія секты христіанско-іудейскія, христіанско-гностическія, не говоря ужъ о различныхъ потомкахъ еретиковъ первыхъ вѣковъ. Въ данномъ случаѣ доводы Cheikho еще болѣе подсѣкаются вопросомъ о подлинности, безъ рѣшенія котораго не можетъ быть рѣчи о признаніи выводовъ, дѣлаемыхъ изъ данныхъ мѣстъ. Главнымъ его основаніемъ служатъ два стиха: одинъ—заключительный въ пьесѣ, открытой Hirschfeld'омъ («Въ концѣ временъ пришелъ нашъ Мессія, онъ принесъ людямъ совершенный миръ») и другой въ II (стихъ 15), гдѣ на ряду съ упоминаніемъ про Соломона говорится объ апостолѣ Іоаннѣ, Матѳіи и Іосифѣ, рѣчь о которыхъ, конечно, была бы странной въ устахъ еврея. Если и отрицать возможность пониманія перваго стиха въ будущемъ времени или съ оттѣнкомъ пожеланія, которыя вполнѣ допускаются контекстомъ, то не слѣдуетъ забывать, что вопросъ о подлинности пьесы, высказанный уже Margoliouth'омъ, послѣ изданія дивана еще болѣе затемнился: во 1-хъ, въ диванѣ ея нѣтъ, во 2-хъ, странно, что переписчикъ багдадской рукописи упорно настаиваетъ на принадлежности касыды *другому* Самау'алю (см. المشرق т. X, 334: هذه القصيدة للسموءل من بنى قريظة لا للسموءل من بنى غسّان), въ 3-хъ, наконецъ, характерно, что именно послѣдній стихъ, на которомъ Cheikho строитъ свой выводъ, приводится только въ мосульской рукописи, не находясь ни въ лондонской, ни въ багдадской (см. див. стр. 32, прим. 7). Со вторымъ стихомъ, служащимъ доводомъ Cheikho, дѣло обстоитъ не лучше: сама его конструкція очень подозрительна и запутана, такъ что здѣсь вѣрно имѣется искаженіе текста; кромѣ того, этотъ стихъ опять таки приводится одной рукописью дивана (стр. 26) и не фигурируетъ ни въ редакціи الاصمعيّات, ни у 'Айни, ни въ другихъ источникахъ, гдѣ цитуются стихи этой пьесы. Не даетъ права заключать о христіанствѣ Самау'аля и общее содержаніе его произведеній: библейскіе намеки (напр. II, 14—18), выраженія, иногда идущія, повидимому, изъ общаго съ Кораномъ источника (II, 1, 7 и прим.), указываютъ лишь на ту единую среду, откуда черпали свое содержаніе и представители еврейско-арабской поэзіи, какъ Самау'аль, и христіане, какъ 'Адй-ибн-Зейдъ, и ханифы въ лицѣ

Умейи-ибн-абу-с-Сальта, и основатель ислама. Несомнѣнная наличность христіанскаго вліянія не позволяетъ, конечно, считать Умейю христіаниномъ или Коранъ произведеніемъ христіанской литературы. И относительно Самау'аля пока самый правильный путь — подчиненіе арабской литературной традиціи, коль скоро нѣтъ возможности опровергнуть ее сколько-нибудь положительными данными.

Тому, кто нѣсколько знакомъ съ содержаніемъ древне-арабской поэзіи, произведенія Самау'аля едва ли прибавятъ что-нибудь новое къ ея характеристикѣ. Зная его традиціонный литературный образъ, одну часть произведеній не трудно предугадать: это характерная древне-арабская مفاخرة — похвальба, еще болѣе усиленная случаемъ съ Имруулькайсомъ. Особенно рельефнымъ примѣромъ является I — одна изъ самыхъ живыхъ и энергичныхъ пьесъ дивана. Идеалы и личные, и племенные здѣсь все знакомые: достоинство человѣка должно обусловливаться его собственными качествами, а не многочисленностью племени; наше племя видитъ позоръ въ мирной смерти и всѣ у насъ умираютъ на полѣ битвы, а убитые не остаются неотмщенными. Извѣстія о нашихъ подвигахъ идутъ изъ древности, мечи наши иззубрены ударами о кольчуги. «Мы можемъ гордо не обращать вниманія на слова людей, но наши рѣчи, разъ онѣ сказаны, не остаются безъ вниманія. Когда у насъ уйдетъ своимъ путемъ предводитель, на его мѣсто становится другой, твердо поддерживающій своими словами рѣчь благородныхъ и приводящій ее въ исполненіе. Нашъ огонь не тушится передъ ночнымъ путникомъ, о насъ не отзывался дурно никто, разъ остановившійся». Тому же идеалу старо-арабской «муруввы» посвященъ и № VII. Послѣ традиціоннаго, хотя всего въ двухъ стихахъ начала съ откочевкой племени и обычнымъ литературнымъ типомъ «порицательницы», здѣсь مفاخرة идетъ уже къ предкамъ и къ родовому замку, а затѣмъ къ своимъ личнымъ подвигамъ. «Много домовъ я построилъ себѣ безъ глины и безъ дерева: большой славы я добился. Шелъ я во главѣ не одного войска — могучаго, во мракѣ ночи двигавшагося въ страну чужого царя... Защищалъ я сосѣда въ минуту невзгоды, и онъ оказывался въ безопасности: никто на него не покушался, разъ я былъ защитникомъ. Защищалъ я народъ отъ многихъ такихъ бѣдъ, когда всѣмъ приходится стоять съ зондами (мѣря раны)». Война Самау'алю была очень знакома и № VII даетъ очень недурное описаніе войска (ст. 3—8): «Есть у насъ черная, сплоченная (туча), которая угощаетъ врага ядомъ и огнемъ. Она шевелится и долина точно давится ею, — отъ ея коней, пѣхотинцевъ, отъ ея мѣрнаго строя. По краямъ у нея сплошь всадники-герои, могучіе, какъ львы, воинственные и яростные. Въ рукѣ у каждаго мечъ съ отточеннымъ лезвіемъ:

когда онъ устремится въ бѣдѣ на врага, этотъ мечъ не отскочитъ. Каждый герой приготовилъ для войны и широкій продолговатый панцырь, (блестящій) какъ поверхность пруда, и кожаный щитъ, и смуглое отточенное прямое (копье) и бѣлые (мечи), сіяющіе такъ, что ихъ можно принять за звѣзды».

Такимъ образомъ, гордость своимъ племенемъ, войны съ врагами, защита сосѣдей и ночныхъ путниковъ, гостепріимство и помощь сиротамъ (№ VIII)—вотъ извѣстный и почти исчерпывающій идеалъ древне-арабскаго міра, который въ полной неприкосновенности фигурируетъ и у Самау'аля. Вкратцѣ онъ его формулируетъ въ невошедшемъ въ диванъ отрывкѣ (стр. 29), представляя себѣ слова плакальщицъ послѣ его смерти съ перечисленіемъ его доблестей. Конечно, не оставались забытыми и составлявшія поэзію древне-арабской жизни въ мирное время الاطيبان— обѣ утѣхи—женщины и вино: «Не въ одну палатку суровой красавицы я просовывалъ свою голову и, бывало, сжималъ ея разукрашенное татуировкой запястье», вспоминаетъ Самау'аль (VI, 15); иногда онъ, впрочемъ, и отказывался отъ достигнутаго успѣха (стр. 27, стихъ 3 съ конца). По отношенію къ своимъ пріятелямъ онъ не былъ скупъ: «Не одинъ бурдюкъ я волочилъ къ собутыльникамъ, не одинъ бурдюкъ я выпилъ самъ, не однимъ угостилъ и своихъ сотоварищей» (ibid.). Но теперь вся эта жизнь въ прошломъ: «Не удовлетворено еще стремленіе къ утѣхамъ любви, а между тѣмъ опередила тебя молодость, умчавшись впередъ. Въ сердце, бывшее здоровымъ, вернулась его старая болѣзнь, но встрѣтила вмѣсто любви одно утомленіе» (VII, 1—2). Жизнь обманула во всемъ: «Я съ радостью надѣлъ новое одѣяніе времени, я шелъ за братьями веселья, но это меня и состарило. Я подчинился утѣшенію относительно видѣнныхъ мной, но ушедшихъ; однако я оказался обманутымъ во всемъ, что было въ моихъ рукахъ, и теперь я печаленъ» (IV, 2—3). Въ этихъ стихахъ можно видѣть извѣстные зачатки пессимизма, который, какъ было попутно замѣчено выше, даетъ себя знать въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Самау'аля. Это обстоятельство лишній разъ подтверждаетъ высказанную года три тому назадъ мысль о наличности въ древней поэзіи рефлексивнаго направленія и его возможныхъ причинахъ (ЗВО т. XVIII, 107, сл.). Знакомство Самау'аля съ откровенной религіей отчасти отвѣчаетъ и на послѣдній вопросъ, хотя исходной точкой его пессимизма, какъ четырьмя вѣками позже у Мутанаббія (ЗВО. т. XIX, 17 сл.), является не столько это обстоятельство, сколько обычная мысль о смерти и уничтоженіи. Въ данномъ направленіи особенно характерны пьесы II, III, IV, V, которыя можно назвать своего рода «предсмертными мелодіями», на что намекаетъ даже стихъ одной изъ нихъ:

«Осталось во мнѣ лишь послѣднее дыханье, я умираю...» (IV, 1). Если мысль о смерти звучитъ и въ упомянутомъ выше отрывкѣ (див. стр. 29), то тамъ это ведетъ къ другимъ результатамъ: скажутъ обо мнѣ доброе слово, признаютъ достойнымъ продолжателемъ арабскихъ традицій—значитъ и хорошо: жизнь прожита не даромъ. Въ этихъ же пьесахъ о людскомъ судѣ уже рѣчи нѣтъ и достаточнымъ успокоеніемъ онъ не является. Какъ отзвукъ религіи проходитъ мысль о верховномъ судѣ и неизвѣстности его результата (II, 7—8), но тутъ же она отходитъ на задній планъ при сомнѣніи въ томъ, есть ли сама будущая жизнь: «О если бы у меня было доказательство того, что послѣ смерти, когда сгніютъ мои кости, я буду воскрешенъ; если бы мнѣ знать, какую пользу принесетъ моя смерть!» (II, 9; V, 5). Страшитъ здѣсь даже не разставаніе съ жизнью, хотя и приходится сожалѣть о невозможности пріютить гостя, для угощенія котораго раньше имѣлся и котелъ, и бурдюкъ (III, 3—4); страшитъ самый фактъ безслѣднаго уничтоженія, когда «домъ въ Аблакѣ» приходится перемѣнить на «домъ въ голой степи шириной въ два локтя» (ibid. 1—2). Внутренняго смысла этого Самау'аль постигнуть не можетъ, и самымъ сильнымъ выраженіемъ, пожалуй, не только его мысли, но и всего примитивнаго пессимизма этой эпохи являются два горькихъ восклицанія: «Я былъ мертвымъ вѣчность, потомъ сталъ жить и самая жизнь моя—залогъ того, что я умру. Я былъ созданъ мертвымъ, не бывъ раньше ничѣмъ, что могло бы умереть; я умеръ въ тотъ самый моментъ, какъ сталъ жить» (II, 3; V, 4). Извѣстной глубины здѣсь даже во внѣшнемъ выраженіи мыслей трудно не признать.

Послѣ этого общаго очерка легко видѣть, что диванъ Самау'аля, несмотря на незначительный объемъ, по своему содержанію представляетъ довольно характерный памятникъ древне-арабской поэзіи, хорошо рисующій всю ея сущность. Съ одной стороны здѣсь затронуты всѣ внѣшніе факты жизни арабовъ этого времени, съ другой стороны нѣсколько обрисовывается и ихъ внутреннее міросозерцаніе, быть можетъ, у Самау'аля выработанное немного глубже, чѣмъ у среднихъ представителей его эпохи. Съ внѣшней стороны эта поэзія тоже ничѣмъ не отличается отъ извѣстныхъ вообще образцовъ: нѣсколько разъ (II, IV, VI, VII) фигурируетъ обязательная по требованію арабскихъ литераторовъ внутренняя риѳма въ первомъ стихѣ, имѣются традиціонныя начала со слѣдами ставки (V), откочевкой племени (VI) и воспоминаніемъ объ ушедшей молодости (VII). Попадаются хорошо знакомые типы «порицательницъ» (I, 3; VI, 2; стр. 27) и плакальщицъ (стр. 29). Въ заслугу автору можно поставить, что языкъ его обыкновенно простъ и не вызываетъ особыхъ затрудненій; нѣкоторое

исключеніе, пожалуй, представляетъ № VII, 3—8, гдѣ самый сюжетъ (описаніе войска) заставилъ прибѣгнуть къ менѣе извѣстнымъ словамъ; попытку игры словъ, основанной на внѣшнемъ созвучіи, можно видѣть въ № V, 1. Съ лингвистической точки зрѣнія диванъ почти ничего не даетъ: характерна только діалектическая замѣна ث через ت въ нѣкоторыхъ словахъ (مبعوث=مبعوت—II, 9, الخبيث=الخبيت—ibid. 12, ср. الحثيث=الحتيث въ الأصمعيّات Ahlwardt'a № XX, стихъ 16). Можетъ быть въ этомъ вмѣстѣ съ филологомъ Язӣдӣ (див. стр. 12, прим. 3) приходится видѣть слѣды еврейскаго происхожденія автора. Чисто графическое значеніе (какъ и въ Коранѣ) имѣетъ форма لأعلمنْ=لأعلمًا (V, 5).

Дошелъ до насъ диванъ въ редакціи и съ комментаріемъ Нифтавейhи (ум. 935 г.)—одного изъ тѣхъ филологовъ, которые даже своимъ «истинно-грамматическимъ» именемъ обязаны вліянію Сибавейhи. (Это подмѣчено Ибн-Халликаномъ, изд. Slane, стр. 15 и Суютӣ у Хаджи Халӣфы, изд. Flügel'я, VII, 837). Ученикъ, съ одной стороны, куфійца Саʻлаба, съ другой басрійца Мубаррада (Фиhристъ, изд. Flügel'я, 81) самъ онъ принадлежалъ, естественно, къ эклектической школѣ и оставилъ послѣ себя довольно много сочиненій грамматическаго и эдебнаго характера; Ибн-Халликанъ цитуетъ даже нѣкоторые его стихи. По своимъ богословско-юридическимъ воззрѣніямъ принадлежалъ онъ къ заhиритамъ. Работы его, повидимому, большой популярностью не пользовались и уже у Хаджи-Халӣфы упоминаются только двѣ изъ нихъ: та'рӣхъ (II, 155) и грамматическая касыда (IV, 547). Поэтому, вѣроятно, онъ не попалъ къ Brockelmann'у, и настоящее произведеніе, насколько намъ извѣстно, является первымъ его трудомъ, появляющимся въ печати. Комментарій носитъ, конечно, обычный характеръ произведеній такого рода въ арабской литературѣ и чего-нибудь оригинальнаго не представляетъ. Послѣ короткаго историческаго вступленія (стр. 6—8), передающаго только разсказы про Самау'аля и Имруулькайса, про сына перваго Шурайха и поэта Аʻшā, Нифтафейhи переходитъ къ обычному грамматическому анализу отдѣльныхъ произведеній. Въ качествѣ источника очень часто привлекается Коранъ, сравнительно рѣдко хадӣсы (12, прим. 6 съ иснадомъ, 16, 2 безъ него). Поэты фигурируютъ въ примѣрахъ обычные, преимущественно умейядской эпохи: Джерӣръ (9, 8; 13, 5; 14, 5; 18, 2. 4), Аусъ-ибн-Хаджаръ (10, 6; 17, 3; 18, 1), Ахталь (10, 7; 17, 3), Зӯ-р-Румма (10, 7; 13, 1), Зуhейръ (9,7), Неджатӣ (10, 7), Хутей'а (10,7), Аʻшā (15, 5), Абӯ-Зу'айбъ (14, 2), Фераздакъ (16, 4); изъ менѣе извѣстныхъ встрѣчающіеся въ Хамасѣ Кайсъ (9, 5) и Баʻӣсъ (14, 1). Филологическими авторитетами для Нифтавейhи, кромѣ его учителя Саʻлаба (11, 1; 12, 5; 17, 4), особенно

часто является куфіецъ же Ферра̄ (7, 2; 9, 8; 10, 5; 11, 2; 14, 5; 16, 2, 3, 6); фигурируютъ и обычные въ грамматическихъ трактатахъ имена Абӯ-ʻУбейды (11, 1), Абӯ-ʻАмра (7, 3), Асмаʻӣ (18, 5), Язӣдӣ (12, 3). Чего-нибудь особо выдающагося въ комментаріи врядъ ли можно найти; интересно отмѣтить развѣ одну персидскую цитату (стр. 13, пр. 5), своимъ появленіемъ лишній разъ бросающую свѣтъ на исторію развитія арабской филологіи.

Само изданіе Cheikho, хотя и исполненное по одной рукописи, можетъ быть названо критическимъ. За состояніе текста ручается имя извѣстнаго лексикографа ас-Сага̄нӣ (ум. 1262), которымъ рукопись была сличена съ оригиналомъ и съ «иджа̄зой» котораго она дошла до насъ (див. стр. 20). Не довольствуясь такими благопріятными условіями, Cheikho, конечно, привлекъ доступный матеріалъ для критики текста, благодаря чему варіанты и примѣчанія (стр. 21—33) занимаютъ почти половину изданія; незначительный объемъ дива̄на избавлялъ отъ нужды въ указателѣ. Коегдѣ, конечно, вкрались незначительныя опечатки и типографскіе недосмотры, объясняющіеся нѣкоторой спѣшностью работы. На стр. I и 3, напримѣръ, въ цитатѣ изъ Ха̄джи-Халӣфы надо читать 285 вмѣсто 282, на стр. IV въ цит. изъ المشرق чит. 334 вм. 674. Изданіе الاصمعيّات Ahlwardt'a дважды почему-то приписано Geyer'у (стр. III и 33). На стр. 5 въ послѣднемъ стихѣ Аʻша̄ надо читать لا يتأبّق безъ و, нарушающаго размѣръ. (Поправка была отмѣчена уже въ изд. Якӯта—т. V, 9, откуда пьеса перепечатана). Въ сочетаніи لم часто отпадаетъ первая буква (стр. 10, стихъ 7; стр. 30, стихъ 2). Имя поэта Аус-ибн-Хаджаръ Cheikho почему то систематически огласовываетъ ибн-Худжръ (стр. 10, прим. 6; 17, прим. 3; 18, пр. 1). Стр. 13, прим. 5 въ концѣ, текстъ сильно испорченъ: вмѣсто ويروى عن انّه سئل надо читать вѣроятно ويروى عنه الخ; стр. 14, строка 6 чит. العزا вм. العرا (ср. коммент.); стр. 14, прим. 4 чит. فاسيت вм. فابيت; стр. 17, прим. 3 въ стихѣ Ахталя вм. فأسأره чит. فأشعره: это даютъ и петербургская и багдадская рукописи (изд. Salhani, 228, 2 и 138, 12); не имѣющій смысла варіантъ объясняется графически. Стр. 27, стихъ 4 снизу чит. مُنْتَهَ вм. совершенно непонятнаго مُنْتُهُ (этого требуетъ и стоящее дальше انتهَيْتُ). Стр. 28—lapsus calami: стихи написаны размѣромъ الكامل, а не الطويل; стр. 29, 5 чит. لاتَبْعَدْ вм. لاتَبْعُدْ (традиціонная формула обращенія къ умершимъ, ср. Rhodokanakis, Hansā' und ihre Trauerlieder, стр. 60 сл.) и т. д.

Не трудно видѣть, что всѣ эти мелкія поправки не вліяютъ на оцѣнку изданія въ цѣломъ, за достоинства котораго довольно говоритъ многолѣтняя

опытность Cheikho, давшаго европейскимъ арабистамъ уже столько критически обработанныхъ памятниковъ арабской литературы. Новый диванъ до-исламскаго поэта не такое незначительное явленіе, чтобы пройти незамѣченнымъ для всѣхъ интересующихся этой областью. Несомнѣнно, что всѣ арабисты лишній разъ выразятъ свою благодарность бейрутской школѣ, которая не только дѣлаетъ счастливыя находки, но и передаетъ ихъ въ пользованіе ученыхъ въ научно-обработанномъ видѣ.

И. Крачковскій.

г. Бейрутъ (Сирія).
Іюнь 1909 г.

МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Указатель къ пѣснямъ Махтум-кули.

[Приложеніе къ статьѣ: Матеріалы по среднеазіатско-турецкой литературѣ. I.[1])].

I.

И въ Закаспійской области, и въ Хивѣ я разыскивалъ полное собраніе пѣсней Махтум-кули, но тщетно. Только въ Мервѣ въ 1906 году одинъ молла сообщилъ мнѣ, что онъ собственноручно снялъ копію съ كليات-а Махтум-кули, принадлежащаго жителю селенія *Мэанэ*[2]), далъ эту копію какому-то эрсаринскому моллѣ почитать, а тотъ ее укралъ, оправдавъ дурную славу своего племени. Самъ въ Мэанэ я не былъ и не могъ провѣрить даннаго сообщенія. Обыкновенно приходится слышать, что *полнаго* собранія пѣсенъ Махтум-кули нечего и искать, такъ какъ его никто еще не составилъ; самъ Махтум-кули, будто-бы, ронялъ свои газали въ народъ всюду, гдѣ ему приходилось странствовать, и ихъ пришлось-бы подбирать и на Гургенѣ среди гökленовъ, и въ Хивѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Въ послѣднемъ соображеніи, возможно, есть немалая доля правды, но *факты* убѣждаютъ насъ въ томъ, что если не всѣ, то многія пѣсни были соединены въ одинъ или нѣсколько *основныхъ* сборниковъ, съ участіемъ-ли самого автора, или помимо его, когда и кѣмъ — неизвѣстно. Изучая современные сборники пѣсенъ Махтум-кули, замѣчаешь между нѣкоторыми изъ нихъ бо̀льшую или меньшую связь: то одинъ повторяетъ другой полностью, то рядъ сборниковъ совпадаютъ между собой отдѣльными частями.

Я рѣшилъ напечатать указатель къ извѣстнымъ мнѣ пѣснямъ Махтум-кули съ цѣлью содѣйствовать дальнѣйшему изученію этого весьма

---

1) З. В. О. XIX, 01 и сл.; подзаголовокъ: Краткая опись среднеазіатскихъ рукописей собранія А. Самойловича. См. стр. 010.

2) Закасп. обл., Атекск. приставство Теджѣнск. уѣзда. Древнее Мейхенэ.

почитаемаго не только среди туркменовъ, но и вообще въ Средней Азіи народнаго мыслителя-учителя-поэта. Вотъ какъ отзывается объ Махтум-кули одинъ хивинскій грамотѣй[1]): صوفی مختوم قلی ترکی لفظی بیله آیغان اشعاری اکرچندیکه قافیه‌سنج خورده‌دانلارغه بحرلار موازنتیدین قیراقراق[2] کورونور لیکین نصایح و تنبیه دُرّ آبور و لؤلؤ شهوارلار بیله مملو جهتدین بارچه‌نینك قولاقلاریغه یاقیمه‌لی[3] و قیزلیقراق[4] کورونور. — «Хотя стихи суфія Махтум-кули, сочиненные [дословно: сказанные] на турецкомъ языкѣ, и представляются для тонкосвѣдущихъ рифмотворцевъ нѣсколько уклоняющимися отъ равномѣрнаго соблюденія стихотворныхъ размѣровъ, однако вслѣдствіе переполненія ихъ чистѣйшими жемчужинами и превосходными перлами совѣтовъ и предостереженій они кажутся пріятными и довольно усладительными для ушей всякаго»; а извѣстный бухарецъ Шейх-Сулейманъ неоднократно цитуетъ Махтум-кули въ своемъ словарѣ[5]).

Послѣ того какъ будетъ установленъ *maxitum* приписываемыхъ Махтум-кули пѣсенъ, необходимо будетъ сдѣлать попытку опредѣлить, дѣйствительно-ли всѣ пѣсни съ техаллусомъ Махтум-кули и другими техаллусами того-же поэта[6]) принадлежатъ именно ему, и только тогда явится возможность научнаго изданія сборника знаменитаго гёклена. Для выясненія степени и характера зависимости творчества Махтум-кули отъ произведеній его предшественниковъ и современниковъ потребуется привлеченіе, помимо среднеазіатско-турецкихъ, еще и адербейджанскихъ и даже малоазіатско-турецкихъ *народно*-литературныхъ матеріаловъ, извѣстныхъ намъ больше въ рукописяхъ или въ некритическихъ (чаще восточныхъ) изданіяхъ, а также изученіе поэтическихъ произведеній отца Махтум-кули, Доулет-Мамед-бен-Абдулла Азадӣ[7]).

---

1) Эта замѣтка списана мною съ первой страницы сборника Махтум-кули, видѣннаго мною въ хивинскомъ городѣ Иляллы.

2) Читаю *kaipak* и произвожу отъ *kajыр, kaip* (v) — сгибать.

3) Форма јакымалы (вм. јакмалы) мнѣ неизвѣстна.

4) Ср. въ словарѣ Будагова (II, 56) *тобольск.* قزیلچانك.

5) См. ниже. — «Чьи пѣсни ты поешь?» спросилъ я одного бахшы въ Хивѣ, и онъ отвѣтилъ: «*Махтум-кули*».—«А еще чьи?»—«Больше не знаю».—«Пѣсенъ *Талиби*, *Кеминэ* и др. ты, значитъ, не знаешь?» — «Да это все *Махтум-кули!* Разные бахшы передѣлывали немного пѣсни Махтум-кули и вставляли въ нихъ свое имя». На основаніи такихъ отвѣтовъ можно думать, что имя Махтум-кули стало въ понятіи нѣкоторыхъ почти именемъ *нарицательнымъ* для извѣстнаго рода пѣсенъ—стихотвореній. Во всякомъ случаѣ Махтум-кули является родоначальникомъ цѣлаго цикла народныхъ поэтовъ-пѣвцовъ Туркменіи и Хивы. Туркмены признаютъ его святымъ — اولیا.

6) معروف, فراغی. Первый встрѣтился мнѣ дважды (№№ 17, 108, 127), второй однажды (№ 194). Туземцы утверждаютъ, что это техаллусы Махтум-кули.

7) О немъ см. пока только Зап. В. О. XVIII, 0159, сноска 4. Въ моемъ распоряженіи находится нѣсколько четверостишій этого поэта.

Критическое изданіе пѣсенъ Махтум-кули желательно въ интересахъ историко-литературныхъ, этнографическихъ и лингвистическихъ.

II.

Самымъ объемистымъ изъ видѣнныхъ мною сборниковъ пѣсенъ Махтум-кули является помѣченный въ описаніи моей коллекціи рукописей номеромъ 1-ымъ; въ этомъ сборникѣ 129 пѣсенъ. Въ рукописи И. Публичной библіотеки IV-2-69 (по писаному каталогу) заключается 84 пѣсни (послѣдней только начало), изъ которыхъ первыя 69 повторяются въ томъ же порядкѣ въ рукописи Туркестанской публичной библіотеки, №. 84 (по катал. Каля); въ рукописи, отпечатанной Н. П. Остроумовымъ — 81 пѣсня, въ рукописи моего собранія №. 2 — 55 пѣсенъ, въ рукописи И. П. Библіотеки II-4-23 ихъ 48; рукопись полковника Агабекова (Закаспійск. обл.) заключаетъ 46 пѣсенъ, рукопись моего собранія №. 3 — 38 пѣсенъ. При бѣгломъ просмотрѣ еще одного сборника пѣсенъ Махтум-кули, видѣннаго мною въ хивинскомъ городкѣ Иляллы, я отмѣтилъ себѣ только новыя пѣсни, не подсчитавъ всѣхъ въ немъ находящихся. До сихъ поръ жалѣю, что время не позволило мнѣ ознакомиться со старымъ каллиграфическимъ спискомъ Мухтум-кули, припадлежащимъ іомуду Караджа-хану на островѣ Челекенѣ (аулъ Огаменэ). Проф. Вамбери издалъ 31 пѣсню полностью и 10 отрывковъ, проф. Березинъ — 1 пѣсню [1]). Въ извѣстномъ джагатайско-османскомъ словарѣ Шейха-Сулеймана Бухарскаго (لغت چغتای وترکی عثمانی اثر شیخ سلیمان افندی اوزبکی البخاری استانبول ۱۲۹۸) Махтум-кули цитуется 18 разъ [2]).

Видѣнныя мною рукописи и помянутыя изданія содержатъ въ себѣ въ общемъ 197 отдѣльныхъ пѣсенъ Махтум-кули, изъ которыхъ 41 встрѣтились мнѣ по одному разу, а остальныя по два и болѣе (самыми распространенными оказались пѣсни №. 56 и 20). 125 пѣсенъ составлены 11-тислоговыми [3]) четверостишіями, 31 — 8-мислоговыми, 23 — 7-мислоговыми и 1 — 15-ти слоговыми; такимъ образомъ форма *четверостишій* преобладаетъ (180). Мухаммасовъ 15-тислоговыхъ (رمل) — 9 и

1) Точныя данныя объ этихъ изданіяхъ см. ниже.

2) Стр. ۳, ۱۳, ۱۵, ۲۰, ۳۴, ۳۹, ۶۳, ۱۰۸, ۱۵۸, ۱۶۸, ۱۹۸, ۲۰۴, ۲۱۱, ۲۵۹, ۲۷۸, ۲۸۵, ۲۹۴, ۲۹۵.

3) Вопроса о томъ, какимъ арабско-персидскимъ размѣрамъ *подражалъ* въ своихъ пѣсняхъ Махтум-кули, я въ указателѣ не касаюсь; замѣчу только, что наличность въ произведеніяхъ этого поэта обѣихъ системъ стихосложенія, слоговой (турецкой) и кантитативной (арабско-персидской), въ смѣшанномъ, преимущественно, видѣ, — очевидна. Опредѣленіе метра иногда затрудняется искаженнымъ по винѣ переписчика текстомъ.

14-тислоговыхъ 2. На другія формы стиховъ приходится 6 пѣсенъ. 8 и 7-мислоговыя четверостишія всего чаще пишутся въ одну строку, состоящую изъ двухъ частей, и такимъ образомъ имѣютъ внѣшній видъ одноримфныхъ стиховъ [1]). Есть и другіе случаи искусственнаго составленія изъ короткихъ турецкихъ стиховъ болѣе длинныхъ арабско-персидскихъ; въ указателѣ это иногда отмѣчается, причемъ одна изъ двухъ формъ стиха приводится въ скобкахъ.

Указатель мой составленъ въ алфавитномъ порядкѣ постоянныхъ *рифмъ* (съ редифомъ) припѣва, т. е. послѣдняго стиха четверостишій, пятистишій и т. д. Сначала я привожу рифму каждой пѣсни, затѣмъ ссылку на рукописи и изданія, въ которыхъ данная пѣсня встрѣчалась мнѣ, съ указаніемъ: 1) номера пѣсни для каждаго источника [2]), 2) формы стиха, его метра и числа куплетовъ и, наконецъ, два или больше первыхъ стиха пѣсни.

Преобладаніе въ моемъ указателѣ рифмъ на ر, م, ن, ه, ی — не случайность: въ цѣломъ рядѣ среднеазіатско-турецкихъ стихотворныхъ произведеній (напр. شیبانی‌نامه Мухаммеда Салиха и др. مثنوی) я наблюдалъ предпочтительное рифмованіе на эти-же самыя буквы.

СОКРАЩЕНІЯ:

1) *Агаб.* — рукопись Агабекова.
2) *Б.* — рукопись моего собранія № 4.
3) *Бер.* — Турецкая хрестоматія проф. Березина, II, 1, 88.
4) *В.* — изданіе проф. Вамбери: Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machdumkuli's, Z. D. M. G. т. 33, стр. 391.
5) *Ил.* — рукопись, видѣнная мною въ Иляллы.
6) *Ор.* — рукопись моего собранія № 1.
7) *Ораз.* — рукопись моего собранія № 3.
8) *Остр.* — изданіе Н. П. Остроумова: مخدوم قلی Махтум-кули. Ташк. 1907 (50 экз. изъ Туркест. Туземн. Газеты за 1907 г.).
9) *Пет.* — рукопись И. Публ. Библіотеки II-4-23.
10—11) *П.-Т.* (*П.*) — тожественныя рукописи И. Публичной и Туркестанской Публичной библіотекъ (IV-2-69 и № 84). Слѣдуетъ помнить, что въ первой рукописи 84 пѣсни (конца нѣтъ), а во

1) По поводу этой стихотворной формы, называемой musemmat, Gibb замѣчаетъ: «Musemmat rhyme, which is simply the Murebba arrangement adapted to the couplet, seems to have been peculiarly pleasing to the Turkish ear, and most likely formed part of the original native systeme» (A history of Ottoman poetry, vol. I, p. 97. London, 1900).

2) Для словаря Шейха Сулеймана указывается не номеръ, а страница, а для отрывковъ (въ отличіе отъ цѣлыхъ пѣсенъ) изданія Вамбери — и страница и номеръ.

второй только 69 (конца нѣтъ), поэтому, начиная съ 70-ой пѣсни, я ставлю одно *П.*

12—13) *Рук. № 6 и 15* — имѣются въ виду рукописи моего собранія, въ которыхъ пѣсни Махтум-кули встрѣчаются между прочимъ.

14) *С.* — рукопись моего собранія № 2.

15) *Транс.* — пѣсни, записанныя мною въ русской транскрипціи со словъ народныхъ пѣвцовъ (бахшы).

16) *Ш.-С.* — Словарь Шейха Сулеймана.

Изъ трехъ цифръ, стоящихъ вслѣдъ за перечисленіемъ источниковъ, первая указываетъ на форму стиха (4-стишіе и т. д.), вторая — на метръ (11 слоговъ и т. п.), третья — на число куплетовъ (пѣсня изъ 8 четверостишій или изъ 6 пятистишій, и. т. д.). Звѣздочка при номерѣ пѣсни по указателю подчеркиваетъ, что эта пѣсня встрѣтилась мнѣ только *одинъ* разъ.

При неустойчивости среднеазіатско-турецкой орѳографіи съ одной стороны, и при возможности значительныхъ измѣненій въ редифѣ и вообще въ текстѣ одной и той-же пѣсни по разнымъ спискамъ съ другой, — отыскиваніе пѣсенъ по указателю представитъ иногда нѣкоторыя затрудненія; напримѣръ, пѣсня, которую ищутъ подъ ا, можетъ оказаться подъ ه, пѣсня съ рифмой на س — подъ ز (ماز — ماس), съ рифмой на ت — подъ د и т. д. Метръ и форма стиха, которыя всегда у меня указаны, несомнѣнно будутъ облегчать подобныя затрудненія.

ا (см. также ه).

*1) ا — П. 78; 4. 7. 7.

عالم صنعینکا موجود * وجوده کلکان اشیا

اشیا حمدینکده ذاکر * ذکرینک تیللارده فیدا [1]

2) ریم قالمزا — Ор. 81 (деф.), Остр. 44, П-Т. 39; 4. 15 (رمل). 5.

کورسام ای دلبر جمالینك اختیاریم قالمزا * کورماز ایرسام بر زمان صبرو قراریم قالمزا

*3) ل بیلا — Остр. 60; 4. 11. 7.

کوزلاکیل دل عقل قالدی بو دوری * جان وطن ارزولاب توردی یل بیلا

4) بو دنیا — С. 1, Ор. 1, Ораз. 6, Пет. 24, В. 441—2 (деф.), Ш.-С. 15; 4. 11. 8.

مغربدین مشرقه دنیانینك یوزی * دیمانك بزه معلوم دالدور[2] بو دنیا

1) Чит. پیدا. 2) = осм. دکل دور. Въ туркм. рукописяхъ звукъ *ӓ* въ первомъ слогѣ передается иногда чрезъ *элифъ*: باش — пять, تان — тѣло, کالور — придетъ, نامه — что, ساس — голосъ.

*5) کملوا (قملوا) — П. 73 (деф.); 6. 11. 5.

کونکللار کوشکنده خیالینك جانی * اولاد خونکارا (?) منکزار حکملو ا

ب

*6) ادین یارب — П. 80; 4. 7. 7.

سعی ایله قورتلمدیم * من بو بلادین یا رب
چیقه بلمم جهد ایدیب * عجب ریادین یا رب

7) م بولوب — С. 50, Ор. 74, П-Т. 19, Остр. 30; 4. 11. 7.

چالیندیقچه جهان قیغوسی[1] آرتار * قاچان کونکل قرار تاپار جم بولوب

ت (см. د, ط).

8) لدیم توت — Остр. 81, П. 81; 4. 11. 7.

دنیا توتقان قالسنك بلی بر کنچده * باد پا دیك یر یوزینه یلدیم توت

چ

9) نماز هیچ — С. 43, Ор. 41, П. 82, Пет. 1, Остр. 3; 4. 11. 7.

الله یادی بیلان تیریك بولان تیل * کوز یومولماق بیلان کونکل یاتماز هیچ

د (см. ت, ط).

10) ل بولسه آدم زاد[2] — Ораз. 13, П. 76, Пет. 9; 4. 11. 5.

یتسه[3] تورسه خیالیندین چقارمز * قیسی ایشه مایل بولسه آدم زاد

11) جدی محمد — С. 18, Ор. 85, Ораз. 25, Остр. 69; 4. 11. 5.

اوّل دستلاب باریب جدّی[4] تاغینده * کافرلارینك قانین ساچدی محمّد

ر

12) ار — Остр. 64, П-Т. 10; 4. 7. 78.

قولاق برینك قرداشلار * بر عجایب سوزیم بار
نه ازمامیش ایلایور * دوستلار پروردکار

---

1) Варіантъ: چرچغی. 2) Ораз. آدم ذات (sic). 3) Чит. یاتسه.
4) Варіанты: خیبر и احد.

13) ر کیدار — С. 35, Остр. 21, П-Т. 16, Пет. 30; 4. 11. 7.

کوب نامرده مال بریبسن دون دنیا * کوزی کوکده قایغوسی یوق سیر کیدار

14) ن تورار — С. 28, Ор. 7, П-Т. 42; 4. 7. 7.

بر کون اول کون باتاردین * بلّی مشهور خان تورار

15) طه منکزار (ته) — П-Т. 68; 4 (2). 8 (16). 7.

اوبه اوچندداقی دفهلار * ایارلانان آطه منکزار

عقلسیز آیرلار[1] زر بلان * یازیلان بد خطه منکزار

*16) رْصْ چیقر (رْسْ) — Ор. 55; 4. 11. 5.

حقیقت یولینه کرکان درویشلار * یولین شیطان اورار یولی ترسچیقر

17) ان چیقار — Ор. 56, Остр. 7, Пет. 6 (деф.), П. 75; 4. 8. 7. Имя автора فراغی.

کر توتسه حالیمدین خبر * بر قوری اغاجدین قان چقر

*18) ر چکار — Ораз. 20; 4. 11. 8.

تنکری سوکان محمدنینک امتی * بسم الله دیب اوّل جبّار یار چکار

19) ار ایلدان پروزدکار — С. 17, Ор. 82, П-Т. 9, Остр. 45; 5. 15 (رمل). 5.

اون سکزمنک عالم اهین بار ایدان پروردکار * دوندریب درکاهنه هموار ایدان پروردکار

20) خراب ایلار — С. 10, Ор. 16, Ораз. 37, Остр. 9, В. 7, Пет. 10, П-Т. 30; 4. 11. 11.

مؤمن بولسنک قولاق برکین سوزیمه * جبّار بو جهانی کور خراب ایلار

21) غلارلار (کلار) — П-Т. 28; 4. 11. 5.

ساغ سلامت سرمست اولوب کزان جان * تورت بلانینک بیربسندین ایکلارلار

22) لار قالمزلار — Ор. 102, Ил.; 4. 7. 7.

غم چکمه غریب آدم * بیکلار شاهلار قالمزلار

23) کوزلار — Ор. 115, В. 31; 4. 7. 7.

ایلیندین آیره دوشان * آه اورار ایلی کوزلار

*24) چار یارانلار — Ил.; 4. 11. 7.

سحر وقتی یاتمانک تیلاک چاغیدور * عمر یلدیک کیلب کچر یارانلار

اجل [بر] ساقی یورور قولونده جام * اول میدین خلایق ایچار یارانلار

1) Чит. äpläp.

25) چدور یرانلار (ش) — Ор. 105, Ораз. 11, Пет. 18, Агаб. 7; 4. 11. 7.

نمازخوان درویشلار دولتلی بایلار * فلکینک کردانی کج دور یرانلار[1]

26) چلور چاغدور یرانلار — В. 20, Ил.; 4. 11. 5.

سحر وقتی غافل بولمانك یارانلار * درکاهلار آچلور چاغدور یرانلار
رحمته دوش کیلدی بو وقت یرانلار * حق نوری ساچیلور چاغدور یرانلار[2]

27) لور یرانلار — С. 9, Ор. 60, Остр. 11, Пет. 13, Ораз. 3; 4. 11. 19.

کیل کونکل عزم ایله باقی دنیایه * فانی دنیاده کیم قالور یرانلار[3]

28) نمز یرانلار — Ор. 111, Ил.; 4. 11. 5.

کونکل فرواز[4] ایتب اوجدی یریندین * هوالانمیش اینمز کوکدین یرانلار

29) تدی یرانلار — Ор. 32, Ораз. 27 (деф.), Остр. 77, Ил.; 4. 11. 5.

تورت منك تورت یوز یاشان لقمان حکیمینك * باشی قره قومه باتدی یرانلار

30) چدیلار — С. 19, Ор. 86; 4. 11. 5.

محمد کیلور دیب آسمان ایشکینه * ملكلار مشك ایله عنبر ساچدیلار

31) تیدیلار — П-Т. 1, С. 2, Ор. 5, Ораз. 35, Остр. 67; 4. 11. 17.

بر کیجه یاتوردوم دونینك یارینده * بر تورت آطلی کیلب تورغین تیدیلار

По легендѣ, это первая пѣсня, которую сочинилъ Махтум-кули, послѣ того какъ впервые испыталъ состояніе hal'я.

*32) ان دیدیلار — Ил.; 4. 11. 10 стиховъ (варіантъ № 31?).

یاتوردیم غفلتده کیلدی ایرانلار * تورغیل ها یرینکدین اویان دیدیلار

33) ره دونار — Ораз. 29, Б. 5; 4. 8. 6.

اولکاده صاحب بولسه * امیرلار وزیره[5] دونار

34) غ سایار (ك) — Остр. 49, В. 15 (деф.); 4. 7. 6.

داغلار حقینك میخی دور * دفه اوزین داغ سایار

*35) ان سندین بیخبر — Пет. 47; 4. 7. 14.

سن آرایش جان * جان هم سندین بیخبر
سن جهانه تولوغ سن * جهان سندین بیخبر

1) Вм. یارانلار (passim). 2) В. بو چاغلر. 3) Пет. قالسه کراکتور. 4) Чит. پرواز.
5) Варіантъ (Б.): آربابلار امیره.

*36) سی قلندر — Ор. 112; 4. 11. 7.

عاشقلار ایلینینک خانی سلطانی * تجلی تختنینک ساسی قلندر[1]

*37) ادور — Остр. 72; 4. 11. 8.

عیال دیکاچ همه عیال بر بولماز * عیال بار دور بر اوبەنی دوزادور

38) یب بارادور — Ор. 69, Ил.; 4. 11. 5.

غم دومانی باسیب غریب کونکلومی * کوز یاشین سقلامای دوکیب برادور

39) ب بارادور — С. 30, Ор. 18, П-Т. 34, Пет. 17; 4. 11. 9.

بو دنیا فانیدور توتاز بنانی * بو دنیایه کیلان کچیب بارادور

40) ب دوروبدور — С. 14, Ор. 126, Остр. 53; 4. 11. 8.

بر جوروك قوز بیلان جهان جوهرین * اول نه قماربازدور اوتوب دوروبدور

41) یب دوریب دور — Ор. 33, Ораз. 12, П-Т. 67, Пет. 15; 4. 11. 5.

غفلت یصدوقینه قویبدور باشین * ادم اوغلی مونچه ارنیبدوریبدور

42) لی جیقیب دور — П-Т. 69; 4. 11. 5.

حق تعالی بو نیچوك احوال دور * دوری دیب ایچدیکیم لایلی جیقیب دور

43) لان‌ده بار دور — С. 25, Ор. 19; 4. 11. 5.

کونده یوز منك کوچ هم بولسه اول دنیا * اول مقدار بو دنیا کیلان‌ده بار دور

44) حقدور — П-Т. 58; 4 (2). 8 (16). 5.

ای یـــرانــــلار آدم اوغــــلــــی * بوز توفراقدین بولماق حقدور
اصلی خــاکدیــن اونــان ادم * قـــمـــه قــازلوب قالماق حقدور

45) سه کراك دور — С. 7, Ор. 12, Ораз. 26, П-Т. 49, Остр. 48; 4. 11. 38.

قرداشلار کون کوندین بتر بولوبدور * یل یلدین بدعتلار کیلسه کراك دور

Для этой пѣсни пришлось слышать названіе قیامت نامه; см. еще № 67.

46) سه کراك دور — С. 8, Ор. 10, Ораз. 17, П-Т. 53; 4. 11. 17.

امنّا صدّقنا محشر کونلاری * بر کون آلینمیزه کیلسه کراك دور

*47) سه کراکدور — Агаб. 4; 4. 11. ?.

مایل اولمانك بو دنیاکا دوستلاریم * بارچه موندین اونده بارسه کراك دور

---

1) Не читать-ли этотъ стихъ такъ (причемъ ساسی = сäсі):

تجلی تختینینک خان و سلطانی * عاشقلار ایلینینک ساسی قلندر

48) اشی کراك دور — Ор. 27, П-Т. 14, В. 11 (деф.); 4. 11. 7.

صفا بولوبدور آط چیقان هر یردین * عقلی کاندین کیسان باشی کراکدور

49) زه مهماندور — Ор. 98, Пет. 43, В. 443—8 (деф.), Транс.; 4. 11. 7.

قره تاشدین قره قیلی سیلان کوز * جوی کالور[1] کوز آچینك کوزه مهماندور

50) قی کیمده دور (کی) — Пет. 33, Ш-С. 30; 4. 11. 5.

بزدان سلام اوراز منکلی شاعره * مسلمان کافرینك فرقی کیمده دور

Отвѣтное письмо Махтум-кули поэту Ораз-Менгли. Извѣстно въ Хивѣ.

51) لار آنده دور — С. 27, Ор. 15, Ораз. 9, П-Т. 3, Остр. 39, Ил.; 5. 15 (رمل). 5.

* ای یرانلار غافل اولمانك جانه جانلار آنده دور *

* آوی زهر و شهد و شکّر طرفه باللار آنده دور *

*52) لار آنده دور — Ор. 3; 4. 11. 7.

ایلکی قت زمینینك آدی رمکاندور * عقیم آتلیغ یویزیللار آنده دور

53) اری کوردوم شونده دور — С. 26, Ор. 9, П-Т. 8, Остр. 43; 5. 15 (رمل). 5.

* بخشیلار توتمیش بنا بر شهری کوردوم شونده دور *

* عشق متاعی ساتیلور بازاری کوردوم شونده دور *

*54) شینده دور — Ор. 67; 4. 8. 7.

کونکل بر بدن شاهی دور * هر سوز کونکل جوشنده دور

یتی اقلیم پای‌تختنده * هر سوز کونکل جوشنده دور

55) وز نه دور — Ор. 120, В. 25 (деф.); 4. 11. 5.

یانکی یاشان عرب آطینك شانینه * معلوم اولماز دفه نه دور توز نه دور

56) ت بخشیدور — С. 33, Ор. 24, П-Т. 11, Пет. 25, Б. 1, Остр. 19, В. 9; 4. 11. 5.

ادم بولسنك قولاق برکین اوکوده * ملّالار یانینده صحبت بخشیدور

57) اغی دور (اکی) — Ор. 34, П-Т. 46; 4. 8. 8.

سریمزنی سودا سالان * کوزال حقنك فلکیدور

شیطان چیقار دینکلاماکا * یلدوزلار انکا یاغیدور

1) Вм. کیلور.

58) یانینده بلی دور — Ораз. 30, Пет. 35, П-Т. 61, Ш-С. 294; 4 (2). 7 (14). 5.

یخشی‌لیغی بس بیلمز * ایر یانینده بلی دور
کورار کوزنینک قیمتی * کور یانینده بلی دور

59) نینده بلّی دور — Ор. 35, Пет. 21, В. 444—10 (деф.); 4. 11. 5.

اشك اوزین اکسوك سایز بدودین * قیمت ایتسانك آط یانینده بلّی دور
بداو دیکاچ همه بداو دنك بولماس * چین بداولار میدانینده بلّی دور

60) لْغان علی دور — Ор. 94, П-Т. 56, Остр. 55, Ил.; 4. 11. 6.

ضرب اوروبان جنادیل‌نینك شهرینه * کافرلاره غضب[1] قیلغان علی دور

*61) اچان یالیدور — Ор. 71; 4. 8. 7.

یمان یخشه[2] یولداش بولسه * آویلیق اچان یالیدور

*62) انی دور — П. 70; 4. 8. 7.

درد دور بو جانینك دلّتی * ساغلیق انینك سلطانیدور

*63) شی یاندورور — Ил.; 4. 11. 5.

باشیمه بر سودا توشان کون بولور * خیال هجوم ایلاب جوشی یاندورور

64) اشی سندورور — Ор. 76, Пет. 31, Остр. 33; 4. 11. 5.

اقبالینك اویانسه دولت یار بولسه * داغه غزاو اورسانك تاشی سیندورور

*65) (ت) د بولور — Агаб. 9; 4. 11. 5.

محمد امتی مالسز بولسون * مالسز بولسنك قرداش دوغان یاد بولور

66) کیلور — С. 4, Ор. 11; 4. 11. 5.

عملاً صالحًا یخشی عمل قیل * بر کون سنکا روان امر خان کیلور

67) ان کیلور — С. 6, Ор. 17, Ораз. 8, П-Т. 31, Остр. 10; 4. 11. 9.

دابّة الارض اتلیق دجّال سونکیدین * مردەدین صفادین بر بیان کیلور

Эту пѣсню называютъ قیامت نامه, ср. № 45.

*68) لار کورونور — Ор. 100; 4 (2). 8 (16). 7.

سیر ایدالی بو جهانده نه‌لار کورونور

---

1) Варіантъ: قران. 2) *jaxша* — примѣръ туркм. дательнаго пад. отъ словъ на гласную (отъ *jaxшы*).

ز (см. س).

69) لْماك يراشماز — Ор. 43, П. 84 (деф.), Пет. 3; 4. 11. 7.

خوش تميزلى بيك اوغلى‌نينك ناشته‌سين * سغير يتاغينده قيلماق يراشماز

70) شنه دكماز — С. 39, Ор. 45; 4. 11. 7.

يوقسوللیقده نچه‌لارينك دورانى * ياتيب كوران يخشى دوشينه دكماز

71) ل قالماز — С. 54, Ор. 122, П-Т. 15, Пет. 40, В. 26, Ораз. 21; 4. 11. 5.

آلتميش باشلى آله قارلى داغلاردين * دومان كوچار يغمور يغار سيل قالماز

72) تْماين قالماز — С. 34, Ор. 25, Ораз. 2, П-Т. 12, Остр. 20; 4. 11. 5.

اخلاص بيلان بر كامله قول بران * يتار منزلينه يتماين قالماز

73) ان اكلاغماز — С. 31, Ор. 20, Пет. 44, Остр. 79; 4. 11. 7.

بلبل هجوم ايدان هوالى باغلار * بلبل سندين كيدار فغان اكلاغماز

74) شين اكلاغماز — С. 32, Ор. 22, Ораз. 24, В. 29; 4. 11. 5.

بر آصيله بيك‌ليك دكسه بر كونده * آلور آوين سالور قوشين اكلاغماز

*75) شيميز — Остр. 66; 4. 11. 5.

استار الدين چقه دولت همايم * دعا قيلوب دوقز بولدى ياشيمز

Конецъ пѣсни:

رواج بيركين يموت كوكلانك برليكنه * اول كمال خان اوغلان بولسون باشيمز

76) قدرين هيچ بلمز — П-Т. 65, Бер. 2, Ш-С. 13; 4. 11. 9.

دكرمنچى قولنه دوشسه آلغر باز * قانتيندين آير قدرين هيچ بلمز

بر چوفان الينه دكسه بر آلماز * چاقماغه ..... قدرين هيچ بلمز

77) قيسى بيلنمز — Ор. 124, Ораз. 19, В. 27; 4. 11. 5.

درديم باردور دياريمدين دوريمدين * خير قيسى احسان قيسى بيلنمز

س (см. ز)

*78) ان تابيلماس — Пет. 12; 4. 11. 7.

دعامه دوش كلان كوكارور كلديك * كل نينك موسمى‌ديك دوران تابيلماس

ش

79) نینك عیبتکش — С. 47, Ор. 54, П-Т. 55; 4. 11. 5.

روز محشر شکات ایدار تیلینکدین * رسولیغینك بو دور سنینك عیبتکش

80) نده چلیمکش — С. 46, Ор. 53, П-Т. 54, Остр. 54, Ораз. 7, В. 17; 4. 11. 5.

حق سنی راینکده قویمیش جهانده * ایده بیلانینك ایت مونده چلیمکش

81) وب اوتیرمیش — С. 5, Ор. 13, П. 77 (деф.); 4. 11. 9.

غواص آیره برابر هیچکیمسه یوقدور * ترك دنیا بولوب چیقیب اوتیرمیش

82) مان کتمزمیش — Ор. 95, Ораз. 22, Остр. 58; 4 (2). 8 (16). 7.

ایللار هی مجنون داغیننك * باشیندین دومان کتمزمیش

غ (см. ق).

*83) آتلیغ — Ор. 2; 4. 11. 9.

ایلکی آسمان توتمیش اختردین زینت * فرشته‌سی بار دور سفیر صورتلیغ

ك

84) تماق کیرك (تماك) — П-Т. 43, Остр. 76; 5. 15 (رمل). 7.

* الف الله یولیدور دوغری دوربب کیتماك کیرك *

* ب خدانینك برلیکین بر حق بیلیب کیتماك کیرك *

85) ان کراك — Ор. 101, В. 19 (деф.); 4. 7. 9.

نه بیلورسن آدمزاد * چلپاق توغدینك طون کراك[1]

86) تی کراك — Ор. 23, Остр. 56, В. 18; 4. 8. 5.

آت قزانور قوچ یکیتغه * اوّل بدو اطی کراك

نك

87) ری بهشتنك — С. 22, Ор. 58, Ораз. 36, П-Т. 60, Пет. 14, Остр. 68; 4. 11. 7.

کوکدین یوقاریدور عرشدین اشاقدور * ای یرانلار اورنی اوزی بهشتنك

---

1) У Ор. первый стихъ 8-слоговой, а остальные 7-слоговые:

نه بیلورسن ای آدمزاد * بیلمنکاج توغدینك طون کرك

88) ایتدینك (تیدینك) شه — Агаб. 22, Остр. 51, В. 14; 4. 7. 5.

بر کون اتانك عشق ایتدی * صلبیندین جوشه ایتدینك

89) ره یوز اورسانك — С. 41, Ор. 48, П-Т. 23; 4. 11. 5.

دعا قیلسام درکاهه دوش کیلورمی * سحر توروب بیر باره یوز اورسانك

90) وزی بُراغینك — С. 23, Ор. 59, П-Т. 63, В. 28; 4. 11. 5.

مؤمنلار بُراغینك وصفین سویلاین * عرب دلین سوزلار اوزی بُراغینك

91) دی آتامینك — Ор. 39, П-Т. 35, Остр. 34, В. 13 (деф.); 4. 11. 5.

آلتمیش یاشده نوروز کونی لو یلی * توردی اجل بولین توتدی اتامینك

Пѣснь на смерть отца Махтум-кули.

92) دوردیکم بیلنمزمنك — Ор. 14, П-Т. 40, Остр. 78; 5 (10). 14 (7). 7.

* قلم الیب نامه‌نی کوندردیکم بیلمزمنك *

* افسون اوریب هرهدنی ایندوردیکم بیلمزمینك *

93) لیمه منینك — Ор. 104, Агаб. 16; 4. 11. 5.

کرم ایله یا رب قدرتلی سلطان * غریب غمکین کچان حالیمه منینك

*94) لی بنده نینك — Ораз. 14; 4. 11. 5.

ای‌یارانلار خرام ایشه اولاشماز * اکر دورست بولسه سالی بنده‌نینك

ل (см. ن).

95) لاین دیسانك اونلاکیل — Ор. 113, Ораз. 16, Пет. 36; 4 (2). 8 (16). 7.

یکیت حالینك قری‌لیغه * سالاین دیسانك اونلاکیل

م

96) انی کورسام — Ор. 93, Агаб. 20, Остр. 52; 4 (2). 7 (14). 7.

دهستانینك بایریندین * باد صبانی کورسام

بهاوالدین میر کلان * زنکی بابانی کورسام

97) ایه عاشق بولمیشام — С. 24, Ор. 8, П-Т. 7; 5. 15 (رمل). 7.

* ای‌یرانلار بر یوزی کل آیه عاشق بولمیشام *

* برچه‌نینك مقصودی اول رعنایه عاشق بولمیشام *

98) لی نیلارم — П-Т. 4, Остр. 40, В. 442 — 5 (деф.); 5. 15 (رمل). 5.

اهل حق بولسام یتارمن اوزکا حالی نیلارم * بو سویلماز درد و سانسز غلماغالی نیلارم

99) امی کوردوم — С. 16, Ор. 96, Остр. 61; 4. 11. 7.

شکر لله بز هم بو یوله توشدوك * کچوردوم بر نچه ایامی کوردوم

*100) لان کونکلوم — Б. 6; 6 (12). 14 (7). 5.

اویان غیل خواب غفلتدان * اجلسز اولان کونکلوم
اومید اوزوب بو عالمدین * درکاهغه دولان کونکلوم

101) ان قایسی بیلمادیم — Ор. 29, Ораз. 32; 4. 11. 7.

فلك منکا غم بادهسین برالی * وصال قایسی هجران قایسی بیلمادیم

102) ایه ستاشدیم — Ор. 37, П-Т. 57, Остр. 74; 4. 11. 7.

سحر وقتی سیران ایدیب کزارکام[1] * عجب منزل عجب جایه ستاشدیم

103) دا بولدیم — П-Т. 41; 9 (18). 14 (7). 5.

سندواجه سر مستیم * بر کیمدین جدا بولدیم
بر کیمنی خزان چالدی * بر صوت و صدا بولدیم

Повторяющій 9-ый стихъ (припѣвъ):

یا دوستلار کویدیم بشدیم * اورتاندیم ادا بولدیم

104) Ш-С. 20, Ор. 6, П-Т. 2, Остр. 38 (деф.); 10 (20). 14 (7). 5. Начало:

یوقدین باره کتوردینك * من انده قلینك بولدیم
خدایا من نه عاصی * شرمنده قولینك بولدیم

Повторяющійся 10-ый стихъ (припѣвъ):

خدایا من نه عاصی * شرمنده قولینك بولدیم

*105) انه کلدیم — Остр. 73 (деф.); 10 (10). 14 (7). 14. Нѣтъ имени автора! Ср. № 88.

اتا صبلیندین ایندیم * انا مهرینه کلدیم

*106) قیسی بیلمدیم — Ор. 118; 4. 11. 5. Ср. № 101 (Ор. 29).

ابدال منکا ابد جاین سونالی * مسجد قیسی محراب قیسی بیلمدیم

---

1) Сокращ. изъ کزارایکانیم; разночтеніе: کزارکان.

107) اليم — П-Т. 32; 4. 11. 7.

قریدیجق قولدین کتدی انصافیم * ایا دوستلار اللا[1] یتوشدی سالیم
کری کوندین کونه کم بولوب خوفیم * دم دمدین آرتیب دور بو بد افعالیم

108) قویماغیل یا ذا الجلالیم (قیلمه) — Ор. 87, Агаб. 18; 4. 11. 5.

یا یراتغان قادر قدرتلی جبار * آرمانده قویماغیل یا ذا الجلالیم

Въ спискѣ Ор. вмѣсто Махтум-кули въ послѣднемъ четверостишіи упоминается فراغی. См. также № 127.

109) رحم ایلایوب یغمور یاغدیر سلطانیم — Ор. 110, Пет. 42; 4. 11. 8.

سنینک‌دیک قادردین تیلاک تیلارین * رحم ایلایوب یغمور یاغدیر سلطانیم

110) Агаб. 35, В. 22; 5. 11. 5.

بویادیلار کویناکنکی قان بیله * آدی بلّی عرب تیللی سودکیم

Припѣвъ:

آدی بلّی عرب تیللی سودکیم * شام عبای روم قبای جانانم

ن (см. ل, ه, ا).

111) ش بولان — Ор. 128, П. 72; 4. 8. 5.

یخشی سوزدین یاریر جهان * یخشی بیلان قرداش بولان

*112) لان — П. 79; 4. 7. 7.

نومید ایکان نظریم * کوردی ایکی هلالان
خوبیم راحتیمن آلدی * آندین حسن خیالان
بار آندین اکه اولدی * اوزینی ایراق سالدی
اشک کوزدین روان اولدی * کویا دکمیش مغیلان

113) اشلار بیلان — Ор. 42, П. 83, Пет. 2, Остр. 2 (деф.), В. 1 (деф.); 4. 8. 7.

کونکل آیدور خلقدین قالیب * کیزسام داغلار داشلار بیلان

114) الیق بیلان — Ор. 79, П-Т. 6, Остр. 42, В. 443 — 7 (деф.); 5. 15 (رمل). 5.

دنک بولور دیب سانماغیل ایشینک بر اقباللیق بیلان *
هیچ قاچان دنک بولماغای اشک بدو شاهلیق بیلان *

1) Дат. пад. отъ اللی; ср. № 61.

115) (ا)شه دوشیب سن — П-Т. 64; 4. 11. 5.

کل کونکل کوزلاکین عالم جهانی * بویله نه دین اوچون جوشه دوشیب سن

116) ار سن — Ораз. 28, Ил.; 4. 11. 7.

مغرور بولمه بو قوندوغینك یوردینکا * بی بقا دور ایکلانمزسن کوچارسن

117) تار سن — С. 53, Ор. 121; 4. 11. 7.

کیلان کچر قونان کوچار آدمزاد * یوریسن هم بر منزله یتارسن

118) که کیدار سن — که — С. 37, Ор. 28, Пет. 16, Остр. 14 (деф.); 4. 11. 7.

فانیدین بقایه کوچه کوچ بولسه * تلموروبان بقه بقه کیدارسن

119) له کیدار سن — С. 36, Ор. 26, П-Т. 36, Остр. 35; 4. 11. 5.

قرا قانلار یوتوب خسرتلار چکیب * ماله مشغول بوله بوله کیدارسن

120) ناکاه یاتورسن — Ор. 73, Ил., Остр. 29; 4. 11. 5.

ای اولکاسی آباد ملکینه مغرور * ملکینك بقاسی یوق ناکاه یاتورسن

121) رتك بولارسن — Пет. 8, Остр. 25, Транс.; 4. 11. 7.

بییك داغلار بلندلیکنکه بوسانمه * کذرده سودوران زرتك بولارسن

122) مو سن نامه[1] سن — Ор. 107, В. 21; 4. 11. 5.

اصلا سنی کورمامیشام دلداریم * قمری مو سن بلبل مو سن نامه سن

123) لی بولوب قالیب من — Ор. 77, П-Т. 37, Остр. 36; 4. 11. 5.

جاهلیقنك جوشی چیقدی سریمدین * من اول جوشدین خالی بولیب قالیب من

124) چدی دیوب آغلارمن — Агаб. 41, В. 23; 4 (2). 7 (14). 7.

ای یرانلار عمریمدین * کچدی دیوب آغلارمن

125) الله حقی اوچون — Ор. 97, Агаб. 12; 4. 11. 9.

یا یراتغان مقصودیمه یتورکین * یا جمال جلیل الله حقی اوچون

126) لمزدین بورون — Ор. 80, П-Т. 5, Остр. 41, В. 443—6; 5. 15 (رمل). 5.

* ساغلیغینك قدرنی بیلکیل خسته بولمزدین بورون *
* خستهلیق قدرنی بیلکیل تاکه اولمزدین بورون *

1) Чит. نیمه.

Эти два первыхъ стиха стали народной поговоркой.

127) اد قالسون — Ор. 62, Остр. 28, В. 442—3, 4 (?); 4. 8. 5.

سحر تور خداغا يالبار * اسلام اويونك آباد قالسون

Въ послѣднемъ стихѣ у Ор. и Остр. упоминается не Махтум-кули, а فراغى, см. № 108.

128) سى نه بيلسون — Ор. 38, Ораз. 10, Пет. 32, Остр. 32; 4. 11. 5.

اوز اميدينك اوزين بيلمز آدمدين * آنكلامزلار عامى خاصى نه بيلسون

129) ش اولمسون — Ор. 88, Пет. 34, П-Т. 47, Остр. 47, Ш-С. 168; 4. 8. 9.

اى يرانلار مسلمانلار * دالى كونكل جوش اولمسون

ينه بر يخشى يكيده * يمان خاتون دوش اولمسون

*130) چه بيلمان نيلاين — Ор. 99; 4. 11. 5.

كونكليم استار كزسام دنيا عالمى * قانتيم يوق اوچه بيلمان نيلاين

131) اددين — С. 15, Ор. 127; 4. 11. 5.

نه اون باش[1] عيال دور آرتمز فرزندى * اول اون بيش عياليناك اوچى اولاددين

*132) كمّاين آردين[2] — Ор. 36; 4. 8. 7.

بر كونكل شادليغى چيقمز * بر كونكل يقماين آردين

133) الاردين — Остр. 17, В. 440—1 (деф.); 4. 11. 5.

كوزلاب كونكل برمه بيوفالارغه * باق كيم وفا كورميش بيوفالاردين

134) سز ايردين — С. 49, Ор. 70; 4. 8. 5.

كوردوك سائى كونكل ساوير * صبرسز قرارسز ايردين

135) انينكدين — С. 52, Ор. 117, Ораз. 18, П-Т. 62, Пет. 37, В. 24; 4. 11. 5.

دنكسز بيلان دنك ايلاسنك اوزينكى * دود بوليبان كچار سوزى جانينكدين

136) ينك يخشى سين — Ор. 125, Ил.; 4. 11. 7.

يكرمه تورت ساعتده اول ايكى آيده * رمضان ديرلار آنينك يخشى سين

137) ل بولغين — Пет. 22, Остр. 13; 4. 11. 5.

بر بى‌دولت ايله بيك بولينچه * دولتلى نينك قاپوسيده قول بولغين

1) Чит. بيش.   2) Чит. كمايان ايردين —.

و

*138) اسه قارشو — Ор. 91; 4. 7. 5.

اغزیم آچدیم کوز یومدیم * قول سوندیم طاسه قارشو

ه (см. ا, ن).

139) اش اوستونده — Ор. 21, П. 74, Пет. 5, Остр. 6; 4. 8. 7.

نامرد کیمدور بیلور بولسانك * نه دیسانك دیر باش اوستونده

140) ان ایچینده — Ор. 103; 12 (6). 7 (14). 5.

کونکل نه ایش بتوردینك * قالدینك آرمان ایچنده
قالدینك دنیا غمیندین * یوراکینك قان ایچنده

141) ان ایچینده — Ор. 61, П-Т. 50; 4. 7. 26.

فکر قیلدیم یر کوکه * بیعقل جان ایچینده

142) شنده — Ор. 109, Агаб. 37; 4 (2). 7 (14). 13.

ای یارانلار آدمزاد * معنی بیلمز یاشنده

143) مان یکیده — С. 51, Ор. 75, П-Т. 20, Пет. 28, Б. 2, Остр. 31; 4. 8. 9.

اولالنده ایش خوش کیلماز * یاشلیقده کویمان[1] یکیده

*144) اشیمیزه — В. 444—9; 4. 8. ?.

ای یارانلار بلمك اولمز * نه ایش کلور باشیمیزه

*145) ان کورسه — П. 71; 4. 8. 7.

کیشی سانعینی کم ایلار * توتان ایشین روان کورسه
سونکین کوزلار سانب سوزلار * هر ایشنده زبان کورسه

146) مان یولوقسه — Ор. 49, Б. 3, В. 3, Транс.; 4. 11. 5.

بدو اولسه میدان قالور ارمانلی * حق عشقینه آط سال میدان یولوقسه

147) ش کیلسه — С. 44, Ор. 40, Пет. 27, Остр. 27, Ораз. 4; 4. 11. 7.

دنیاده نیچه ایش بار دور یمان دور * بری اولدور یرسز قهر دوش کیلسه

1) Туркм. отрицат. форма причастія вм. джагат. کویماکان.

148) ـُن بولسه — Ораз. 31, Пет. 45; 4. 11. 5.

تان[1] ياپماقغه كويلاك تيلار يلانكاچ * كويناكلى دير آغ[2] اوستونددين تون بولسه

149) وز هم بولمسه — Ор. 72, П-Т. 18, Пет. 26, Остр. 26 (деф.), В. 12; 4. 11. 7.

توقسان تورلوك طعام بولسه قاشنكده * نه لذت ايچينده توز هم بولمسه

150) رى بولماسه — С. 48, Ор. 63, Остр. 23; 4. 11. 7.

زمانه شويلا دور كوزه ايلمازلار * هر يكيدينك قولده بارى بولماسه

151) تْماغه — П-Т. 17, Остр. 24; 4. 11. 7.

آلتميش ياشلى صوفىلار ايتميش يلغا * بلمز كونى از قالوبدور باتماغه

*152) بغشلاسنك نيلاياريم يا الله — Остр. 75; 4. 11. 7.

جان چوشغينه قيناب چوشيب ايلديم * بغشلاسنك نيلاياريم يا الله

153) ر بيله — Пет. 23, Остр. 22, Ш-С. 34; 4. 11. 7.

غافل آدم غم آستيده ياتوب سن * اوتدى عمرينك اوشاق دوشك كار بيله

154) ـَر بيله — Ор. 50, П-Т. 24, Б. 4, В. 4; 4. 11. 7.

دميردين تيرناغى تالاچى دنيا * ايشينك نه دور ناموس بيله آر[3] بيله

155) نْدر بيله — Ор. 78, П-Т. 38, Остр. 37; 4. 11. 5.

كوراركا سپامن تانيرغه دلكش * ديوانه همدميم[4] قلندر بيله

156) وز بيله — С. 40, Ор. 46, П-Т. 21, Остр. 12; 4. 11. 7.

كيمسام بار دور دياريمدين دوريمدين * عشق اوتينه ياندیم بشتيم كوز بيله

157) هم كيلسه يغلاب كيچار حاليمه — Ор. 64, Остр. 16; 4. 11. 7.

كينك كور انى غم باسيب دور اوزيندين * باش هم كيلسه يغلاب كيچار حاليمه

158) انه — С. 3, Ор. 4, П-Т. 29, Пет. 7, В. 6; 4. 11. 11.

يازوقيم ياد ايتيب بوزيم خاك ايتيب * سحر نالش بيلان بولدوم كريانه

159) هْرى قانه — Ор. 92, Остр. 50; 4 (2). 7 (14). 5.

خرايمنينك ارصلانى * دولاندى قهرى قانه

1) Чит. تَن. 2) Вм. آه. 3) Вм. عار. 4) Остр. ديوانهٔ دهريم (sic).

160) دی بورایه — С. 38, Ор. 44, Пет. 4. Остр. 5; 4. 11. 5.

مالینکه ملکینکا مغرور اولماغیل[1] * ای یوق یردین کیلان کندی بورایه

161) دیه دیه — С. 13, Ор. 108; 4 (2). 8 (16). 9.

من یعقوبم اهی زاری * جکام یوسف دیه دیه

ی

*162) ای — Пет. 48; 4. 7. 6.

بر دلبره دوش کیلدیم * غمزه‌سی اوق قاشی یای

کون چهره دور کورکیندین * خجالتده تولغون آی

163) انه کیلکای — П-Т. 66, Пет. 46; 4. 11. 9.

مسلمانلار قیلچ اورسه بربره * دولت دونیب دین‌لار نقصانه کیلکای

164) لدی کیتی — Ораз. 15, П-Т. 48; 4. 7. 6.

بو دنیا بازکار دور * بعضی‌سین جلدی کیتی

165) ت ایتدی — Ор. 30, Остр. 62; 4. 11. 7.

فهم ایلا سوزیمنی عاشقلار باشی * کیم بو ردده اوغلین کفارت ایتدی

166) ب کچدی — С. 12, Ор. 89, П-Т. 52, Пет. 11; 4. 8. 12.

هر پیغمبر بر کسب اجدی * کسبین مدام ایدیب کچدی

167) ر کچدی — С. 11, Ор. 31, Ш-С. 278; 4. 11. 5.

ایلّی منک یل دوران سوران بنی‌جان * دنیاده قالمدی یر به یر کچدی

168) چکه بیلمز بو دردی — Ор. 116, Пет. 41, Остр. 65; 4. 11. 5.

کشت ایلادیم کزدیم عشقینک داغیندین * هر کیم بولسه چکه بیلمز بو دردی

169) ان کتوردی — С. 42, Ор. 47, П-Т. 22, Остр. 1; 4. 11. 5.

بر کیجه یاتوردیم شاه نقش‌بنده * کرمی خوش ایلایوب بر نان کتوردی

170) (ج) شدی — Ор. 114, В. 30; 4. 8. 5.

دنکیم دوشیم قوج یکیت‌لار * هرکیم بیر ایشه اولاشدی

171) لار بولدی — Ор. 68, Остр. 59 (деф.); 4. 8. 9.

ای یرانلار مسلمانلار * جهان یوقدی نالار[2] بولدی

---

1) Разночт. اولونمه.   2) Чит. نه‌لار.

172) مَدی — Ор. 51, Ораз. 34, Рук. 6,1, Остр. 15, В. 5; 4. 11. 5.

کوب یکیتلار کیلیب کچدی جهاندین * نیتینه کوره اقبال بولمادی

173) ر بزم ساری — Ор. 65, Остр. 18, В. 8 (деф); 4. 11. 7.

قلزمی قرسانیب قرق یول کچرمن * اکر که میل ایتسه یار بزم ساری[1]

174) ستانه ساری — Ор. 90, Агаб. 43; 4 (2). 7 (14). 7.

آنده آدم سایلانور هزارستانه ساری * فلك بقال اوتورمیش بازارستانه ساری

*175) ـت بخشی — Ораз. 23; 4. 11. 5.

مسلمان اوغلینه اچیغ سوز ایتمه * فقیره مسکینه دلالت بخشی

176) ت بخشی — Ор. 119, Пет. 38 (деф.), Агаб. 42; 4. 11. 7.

خوش کیدانکده خوش تابلاشیب کیلماکا * باریشماغه کیلیشماغه یات بخشی

177) (کون - کین) غین بو ایشی — С. 45, Ор. 52, П-Т. 27, Остр. 8; 4. 11. 7.

بندهسن بد ایشه باتیرلیق ایتمه * آلنیکده قوبارلار اول کون بو ایشی

178) ده بلی — П-Т. 44, Агаб. 32, Остр. 46; 4. 11. 9.

ای اغهلار برکون بولور پای آلور * قوللوق ایدیب کزان اوستاده بلی

179) علی — Ор. 129 (деф.), Агаб. 46, Остр. 80; 4. 7. 24.

ای یرانلار مسلمانلار * کورینك بو حکم دادکیری

180) (ض) ز دالمی — С. 29, П-Т. 51; 4 (2). 7 (14). 5.

زیاینه ملکلار * قوللاریندە کُرز دالمی
سکز عرشنی کوتاران * لا اله ورز دالمی
قایغو غصّه جکماکلیك * بیلماز کچار احماقلیق
کوزده یاشین توکماکلیك * قادر حقه عرض دالمی[2]

181) وزلامابن بولورمی — Ораз. 5, П-Т. 25, Пет. 29, Ш-С. 259; 4. 11. 5.

بر کینك یترسه کزیب بالا * خسرتیندین کوزلامابن بولورمی

182) لْازمی — С. 55, Ор. 123, Пет. 39; 4. 11. 5.

فلك سنینك بو کزاکلی کردشینك * بزینك ساری اوکرولمازمی کیلمازمی

---

1) Варіантъ: اکر عزم ایلاسه یار بزم ساری.   2) Чит. دکلمی.

183) منم صاحب جمالیمنی کوردینکمی — Ор. 106, Ораз. 1 (деф.), Агаб. 14; 4. 11. 7.

یختی سالور کیدار ظلمات تونینده * منم صاحب جمالیمنی کوردینکمی

*184) انی — Остр. 57 (деф.); 4. 8. 5.

.... * ....

روز ازلده براتدی * رسول جسدنده جانی

*185) ـنی بیلانی — Ор. 57; 4. 11. 5.

باش[1] شرط بیان قیلغین مسلمان بولسانك * یوریکین محمد دینی بیلانی

186) سومیشام سنی — С. 21, Ор. 84, Ораз. 32, Остр. 70 (деф.); 4. 8. 13.

یا حبیب حق رسول سن * جان بیلان سومیشام سنی

187) لده سنی — С. 20, Ор. 83, П-Т. 45; 4. 8. 7.

رسول الله سنی ایستان * تاپار قایسی یولده سنی

188) بغشلا (بزنی) منی — Остр. 71, Рук. 15, V; 4. 11. 12.

رسول دامادیدور اوز ارصلانینك دور * یا امام علیغه بغشلا منی

О легендѣ, связанной съ этой пѣснью, см. въ описаніи рук. № 15.

*189) هی — Агаб. 17; 4. 11. 5.

قسمت اولماز .... اوزاق یوللاره * نصیب قویماز کیدام بولیم باغلار هی

190) ان کوزلار هی — Ор. 66, Агаб. 33; 4. 11. 9.

بیلمدیم یقیلدیم توردیم یریمدین * باشیمدین آغیبان جوشان کوزلار هی

*191) هیهات کوندن ظلمات کوندین امان هی — Остр. 63; 4. 11. 9.

حدیثدن راویدن بر سوز دیایون * هیهات کوندین ظلمات کوندین امان هی

Дополненіе для буквъ ز, س, نك, ن, ى.

192) ردی بلنمز — П-Т. 13, В. 10; 4. 11. 5.

یوموت کوکلانك تعصیب[2] ایدیب اوزیندین * جیقدی قوشون اونکی آردی بلنمز

---

1) Чит. بییش. 2) В. оп.

193) لینه دیکماس — Пет. 19 (деф.); 4. 11. 4. Имя автора не упомянуто.

بایلار بار دور غریبلاره رحم ایلار * بایلار بار دور یغغان مالینه دیکماس
کوزل بار دور دنیا مالین خرج ایتسانك * کوزل بار دور بران مالینه دیکماس

194) زینه یکماس — Пет. 20; 4. 11. 5. Имя автора — معروف.

بزمنینك لذتین بیماکان آدم * هنرلی یکیتنینك سازینه دیکماس
بر سیاق بر خوی‌غه یولیقغان ظالم * پریزادنینك ایتان نازینه دیکماس

195) لینك سنینك — П-Т. 33, В. 16, Агаб. 13; 5. 15. 5.

* اوغری بولسنك دینکله‌کین بولغای نیچوك حالینك سنینك *
* کیشی مالینرا کیدار کونکلینك کوزینك فعلینك سنینك *

196) جقسن — П-Т. 26, В. 2, Остр. 4; 4. 8. 5.

آدم اوغلی اوزینك بیلمای * کیدم کیدم آدیچق[1]سن
ایلینك امرینی توز ایتمای * اوز کونکلونکی کویدیچق[2]سن

197) ان اولدی — П-Т. 59, Агаб. 38; 4 (2). 8 (16). 7.

کعبه‌دین چیقدی بر کوزال * مدینه‌که روان اولدی
کوران تاج ایتدی سرینه * کورمانینك چشمی قان اولدی
حقدین انکا ایندی کلام * آدی* شام جراغ العالم[3]
مطیع بولدی جمله عالم * شویله صاحب زمان اولدی

А. Самойловичъ.

СПБ. Осень 1908 г.

---

1) Такъ П., а В. اداچقسن, Остр. کیده‌چکسن; туркмены говорятъ: барџаk, gälџäк, гітчäк, танчаk. 2) Такъ П. (sic), а В. کویده‌چکسن; туркмены говорятъ: кöiџäк. Метръ не допускаетъ здѣсь *народнаго* произношенія. 3) Sic! чит. شمع چراغ عالم.

Буддійскій каменописный памятникъ Восточнаго Туркестана.

Эстампажъ надписи на камнѣ, присланный Н. Н. Кротковымъ, представляетъ собою отрывокъ 金剛船若波維密經 Дзинь-ганъ-пань-жо-бо-ло-ми-дзинъ, Vagrachedikâ pragnâ pâramitâ sûtra[1]), о чемъ упоминаетъ и Н. Н. Кротковъ, ссылаясь на мнѣніе китайцевъ.

Отрывокъ надписи, сохранившейся довольно плохо, удалось разобрать, благодаря повторяющемуся имени Субути, современника Будды[2]).

Эта сутра на китайскій языкъ переводилась неоднократно, существуютъ также переводы на тибетскій, монгольскій и манджурскій языки.

На европейскіе языки сутра была переведена Beal[3]) съ китайскаго, Max Müller въ Sacred books of the East[4]) съ санскритскаго, Harlez съ манджурскаго[5]) и др. Bunyiu Nanjio въ своемъ «каталогѣ» (p. 1) доказалъ, что эта сутра есть глава Mahâpragnâ pâramitâ sûtra.

Переводы на китайскій языкъ были сдѣланы Kumâragjîva (его текстъ былъ переведенъ Beal'емъ[6]), затѣмъ Bodhirutchi[7]), Сюань-дзан'омъ (648 г.), И-дзин'омъ[8]), Dharmagupta (589—618) и Paramârtha[9]).

Нашъ отрывокъ, насколько можно судить по нѣкоторымъ сохранившимся строкамъ, взятъ изъ перевода Bodhirutchi[10]).

Предлагая ниже переводъ надписи, считаемъ не лишнимъ указать нѣкоторые варіанты переводовъ Paramârtha и Kumâradjîva.

---

1) Bunyiu Nanjio, Catalogue of the Buddhist Tripataka. № 10—15.

2) См. ниже.

3) J. R. A. S. of G. B. and I. l. 1864/5 Vajrachedika, the Kin-kong-king, or Diamond sutra, transl. from the Chinese by the Rev. S. Beal., Chaplain, R. N.

4) t. XLIX Buddhist Mahâyâna Sûtras.

5) Journal Asiatique 1892.

6) 鳩摩羅什 уроженецъ Харашара, сынъ Kumarâyana и Djivâ, ученикъ Vandhudatta, Vimalâkcha и Sûryasoma, уведенный въ 383 г. въ Китай въ плѣнъ, перевелъ около 50 сочиненій. Назывался «однимъ изъ 4-хъ сыновей Будды». См. выше.

7) 留支 Шраманъ изъ Индіи, прибывшій въ 508 г. въ г. Ло-янъ 洛陽 Перевелъ около 30 сочиненій.

8) 703 г. см. E. Chavannes. Les religieux éminants, qui allèrent chercher la loi dans les pays d'occident. Mémoire composé à l'époque de la grande dynastie T'ang p. I-tsing. 1894. Paris.

9) Gunarata 眞諦 Шраманъ изъ Udjadjayana. Перевелъ около 50 сочиненій.

10) Отдѣльныя заголовки опущены.

О воспроизведеніи на камнѣ текста Vagrachedikâ мы имѣемъ только одно указаніе. Именно, въ сочиненіи 潛研堂金石文跋及尾續 на 18-ой стр. 3-ей дз. говорится, что эта сутра въ 3-емъ году 天復 Тянь-фу, т. е. въ 903 г.[1]) была вырѣзана на камнѣ въ округѣ Дзэ-джоу (пров. Шань-си 山西澤州).

Значеніе сутры опредѣляется Max Müller, какъ трактата, посвященнаго спеціально выясненію, что «всѣ предметы, различающіеся другъ отъ друга своими dharma[2]), призрачны, что они есть продуктъ нашего ума»[3]).

Объ этомъ же говоритъ и китайское предисловіе къ 1-й части, добавляя однако, что понявшіе принципъ, выясняемый изъ собесѣдованія Будды съ Субути, станутъ добрыми дѣтьми своихъ родителей, добродѣтельными гражданами, преданными своему государю, и любящими своихъ ближнихъ, т. е. буддисты станутъ неукоснительно слѣдовать совѣтамъ Конфуція[4]).

Слово dharma передано во всѣхъ переводахъ словомъ 法[5]), т. е. законъ, правила, образецъ, подражаніе (реальности) и только Kumarâdjîva въ одномъ мѣстѣ переводитъ 法名—«терминъ формы», въ которую облекается данная идея. Этотъ переводъ[6]) представляется намъ наиболѣе удачнымъ. Значеніе это для слова 名 мы беремъ у древнихъ философовъ Китая, такъ называемыхъ 名家. Слово это переводится обыкновенно словомъ «терминъ»[7]), и намъ кажется (какъ это отчасти и было уже указано Franke и Forke[8])), что здѣсь рѣчь идетъ именно о разграниченіи понятій идеи[9]) (ши) и той реальной формы, которую принимаетъ эта идея.

Поэтому въ разговорѣ Конфуція, намъ кажется, надо понимать, что

---

1) 天復 годы правленія императора 昭宗 Джао-дзунъ (889—907 г.) дин. Танъ 618 — 907 г.

2) Dharma имѣетъ значенія: 1) Буддійскій законъ, правила, религія, канонъ, предметы поклоненія; 2) одна изъ трехъ драгоцѣнностей 三寶 Triratna (Buddha, Sañgha, Законъ) или 1) chadâytana 六處 guṇas—чувство, предметы чувственныхъ воспріятій, органы чувствъ (12 Nidâna), 2) познаваніе характера или рода. Eitel. Handbook of Chinese Buddhism. 1888. M. Müller переводитъ dharma въ данной сутрѣ словомъ «quality» въ противоположность «idea».

3) Op. cit. Introduction p. XIV.

4) Д. Г. Д. П. П. Д. Предисловіе, стр. 1. 2. 3.

5) 法相 наружность, форма.

6) См. фразу 如我解佛所說義無有定法名 какъ я понимаю принципъ, о которомъ говорилъ Будда,—нѣтъ реальнаго представленія (quality Max Müller'a).

7) См. напр. Лунь-юй.

8) Chinese sofists. J. N. Ch. B. R. A. S. XXXIII и др.

9) См. въ Vagrachedikâ слова 實相, которыя Max Müller переводитъ «true idea».

мудрецъ имѣлъ въ виду именно соотношеніе этихъ двухъ понятій. Такимъ образомъ, слова 法 и 名, употребляемыя въ Vagrachedikâ, имѣютъ значеніе, придававшееся имъ уже ранѣе въ китайской философской литературѣ.

Переводъ:

«Какъ ты думаешь, Субути [1])? Возможно-ли видѣть Татагату, благодаря тому, что всѣ признаки совершенны»?

Субути сказалъ: «Нѣтъ, о Lokâdjyêchtha [2]), нельзя вслѣдствіе совершенства признаковъ видѣть Татагату. Почему? Въ виду того, что признаки [3]), о которыхъ говорилъ Татагата, не суть признаки» [4]).

Будда сказалъ Субути: «Всякое обладаніе признаками — пустыя слова. Если же смотрѣть на признаки, какъ на не-признаки (не реальные), то это не пустыя слова [5]). Въ такомъ случаѣ, признавая за признаками ихъ нереальность, увидишь Татагату».

Гл. 5.

Субути сказалъ Буддѣ: «о Lokâdjyêchtha [6])! Родится ли истинная идея (представленіе) [7]) у живыхъ существъ, которыя въ будущемъ, въ концѣ міра [8]), удостоятся услышать фразы такой сутры»?

Будда сказалъ Субути: «не говори такъ: зародится ли истина у живыхъ существъ, которыя въ будущемъ, въ концѣ міра, удостоятся услышать фразы такой сутры!».

Будда сказалъ Субути: «Въ будущемъ, въ концѣ міра, когда законъ придетъ въ упадокъ [9]), будутъ Боддисатвы-Магасатвы; разумные изъ нихъ,

---

1) 順菩提 сюй-пу-ти; тиб. Rub hbyor. Var. 蘇部(浮)帝(府) или 善現 шань-сянь, 善實 шань-ши, 善吉 шань-дзи, или 空生 кунъ-шэнъ, или 善業 шань-ѣ. Современникъ Сакьямуни, уроженецъ S'ravasti, знаменитый діалектикъ. Eitel. Op. cit. 1888. p. 161.

2) 世尊 ши-дзунь. Bhagavat. M. Müller.

3) The possession of sings. M. Müller.

4) 非相 фэй-сянъ.

5) Wherever there is no possession of sings. M. Müller.

6) 1 Bhagavat. M. Müller.

7) True idea 實相 ши-сянъ.

8) In the last moment, in the last 500 years, during the time of the decay of the good law (M. M.) In the former section (Beal). Max Müller въ примѣчаніи къ переводу фразы: «in the last 500 years, during the time of the decay of the good law» ссылается на указаніе Mahasannipâta sûtra. Однако, этотъ варіантъ мы имѣемъ въ переводѣ Paramârtha. 末來世後五百歲正法滅時.

9) 滅時.

хранившіе обѣты и имѣющіе религіозныя заслуги[1]), благодаря фразамъ этой сутры[2]) въ состояніи будутъ зародить въ себѣ сердце вѣры и это будетъ истинно!»[3]).

Будда затѣмъ сказалъ Субути: «Должно знать, что эти Боддисатвы-Магасатвы занимались нравственнымъ усовершенствованіемъ[4]) и поклонялись[5]) не одному, двумъ, тремъ, четыремъ или пяти Буддамъ и не при одномъ, двухъ, трехъ, четырехъ или пяти Буддахъ насажденъ былъ корень добра».

Далѣе сказалъ Будда: «Нравственное усовершенствованіе при безконечномъ количествѣ Буддъ[6]) и насажденные при безконечномъ числѣ Буддъ корни добра, какъ и услышаніе этой сутры, достигаютъ одной и той же мысли[7]) и въ состояніи зародить чистую вѣру. О Субути! Татагата знаетъ вполнѣ эти живыя существа[8]). Почему же у всѣхъ Боддисатвъ возникнутъ такія безпредѣльныя религіозныя заслуги, почему они пріобрѣтутъ безпредѣльныя религіозныя заслуги? Субути! У всѣхъ этихъ Боддисатвъ нѣтъ признаковъ личности[9]), (они свободны отъ) признаковъ живыхъ существъ, признаковъ[10]), признаковъ вообще, а также и не-признаковъ[11]). Почему, о Субути? Если Боддисатвы имѣли бы признаки реальности, то они (признаки) были бы примѣнимы и къ личности человѣка, живому существу, живущимъ много лѣтъ[12]). Почему? Потому что не должно принимать ни реальности[13]), ни противоположной идеи[14]).

Вслѣдствіе этого принципа[15]) Татагата часто говорилъ, что плотъ по-

---

1) 有持戒修福德智慧者.

2) By these former sections of my doctrine. Beal.

3) Will frame a true idea. M. Müller. Will be able to arrive to a true faith. Beal. 能生信心以此爲實.

4) 修行 def. M. B.

5) 供養.

6) 無量百千萬諸佛.

7) 乃至一念. Will obtain one and the same faith. M. Müller.

8) 悉知是諸衆生.

9) The idea of self. M. Müller. Free from all selfish distinction. Beal. 無復我相.

10) См. выше. Beal. defic.

11) Any idea (saṁgñā or no idea. M. Müller).

12) 壽者相.

13) Quality. M. Müller.

14) 非不取法 we should neither rely on anything real or unreal. Beal.

15) 以是義故.

добенъ закону (dharma): реальность необходимо отрицать, но не отрицать ее, какъ таковую.

Далѣе Будда сказалъ Субути[1]): «какъ ты думаешь? Пріобрѣтаетъ ли Татагата высшую мудрость[2])? Есть ли dharma, о которомъ говорилъ Татагата?[3]).

Субути сказалъ: «какъ я объясняю себѣ принципъ, о которомъ говорилъ Будда, нѣтъ опредѣленнаго закона (dharma) и нѣтъ опредѣленнаго закона (dharma) для высшаго знанія[4]), пріобрѣтеннаго Татагатою. Почему же такъ могъ говорить Татагата? Потому что законъ (dharma), о которомъ говорилъ Будда, вообще нельзя пріобрѣсти и нельзя (о немъ) говорить[5]), что это ни dharma, ни обратное[6]). Почему? Всѣ святые люди, благодаря закону бездѣйствія (т. е. проникновенію въ сущность вещей, въ силу подчиненія интуиціи), пріобрѣли это имя». 以切聖人皆以無爲法得名[7]).

А. Ивановъ.

---

1) 慧命 Субути.

2) Anutara samyak sambodhi 阿耨多羅三藐三菩提.

3) Is there anything (dharma) that was known by the Tathâgata under the name of the highest perfect knowledge, or anything that was taught by the Tathâgata (M. Müller). Has Tathâgata obtained the condition of the unurpassed, just and enlightened heart? Or has Tatâgata any law which can be put into words by which this state may be obtained. (Beal). Эта фраза какъ у Müller, такъ и у Beal отнесена, какъ и отвѣтъ Субути, къ 7-й главѣ.

4) См. выше.

5) 如來所說法皆不可取不可說.

6) 非法非非法.

7) So it appears that all the sages and wise men who have lived, have all adopted true mode of diffusive doctrine [doctrine which admits of no particular distinction (wou-wei)], and hence the difference which have occured. Beal. Because the holy persons are of imperfect power. Müller. Kumâradjîva. — 一切賢聖皆以無爲法而有差別. Paramârtha. — 一切聖人以無爲眞如所顯現.

Яфетическій k̇ въ армянскомъ языкѣ.

Небные и зубные аффрикаты въ армянскомъ сохранились въ такой же полнотѣ, какъ въ чистыхъ представителяхъ яфетической вѣтви: ṫ = ճ, ṭ = ծ, d̆ = ջ, ḓ = ձ, ϑ = ց, ϑ̣ = չ. Напротивъ, въ гортанныхъ аффрикатахъ у армянъ чувствуется недохватъ. Индоевропейскій составъ армянскаго языка въ этой части, очевидно, сказался сильнѣе. Впрочемъ причина перерожденія, быть можетъ, лежитъ въ качествѣ самихъ обсуждаемыхъ звуковъ. И въ чистыхъ яфетическихъ языкахъ наблюдаемъ постепенное вымираніе гортанныхъ аффрикатовъ: a) q̇, еще жившій въ древне-грузинскомъ (ⴗ = ყ), нынѣ сохраняется лишь діалектически; его нѣтъ даже въ ч̔анскомъ (лазскомъ) и мингрельскомъ языкахъ; b) ḳ и k̇ смѣшались и въ к̔арт̔скомъ (грузинскомъ), сохранивъ впрочемъ больше звуковое качество ḳ, чѣмъ k̇; c) въ одномъ изъ двухъ ч̔анскихъ нарѣчій, западномъ, исчезъ и k̇ = ყ, иногда совпавъ, какъ въ армянскомъ, съ k, почему напр. к̔арт̔. წყალი ṫk̇al-i *вода* по-ч̔ански звучитъ წკარი ṫkar-i и т. п.

Однако и здѣсь, въ западномъ ч̔анскомъ нарѣчіи, перерожденіе вызвано сосѣдствомъ греческаго языка, такъ сильно повліявшаго на ч̔анскій. Въ армянскомъ языкѣ, въ сильной степени аріизовавшемся, это перерожденіе, естественно, должно было сказаться сильнѣе. И вотъ въ немъ мы не находимъ ни k̇ = к̔арт̔. ყ, ни ḳ, и слова, которыя должны были имѣть эти звуки, замѣстили ихъ простымъ k. Такимъ образомъ въ армянскомъ k мы имѣемъ представителя съ одной только яфетической стороны трехъ k: k, k̇, ḳ. Случаи съ k и ḳ мы сейчасъ оставляемъ въ сторонѣ. Насъ интересуютъ случаи представленія армянскимъ k аффриката k̇ (груз. ყ, араб. ع), такъ ярко характеризующаго яфетическіе языки и обособляющаго ихъ съ семитическими отъ индоевропейскихъ. Слѣдующіе примѣры иллюстрируютъ положеніе дѣла въ отношеніи перерожденія k̇ въ k лишь въ началѣ армянскихъ словъ [1]) —

---

1) Въ читателѣ настоящихъ строкъ, понятно, я предполагаю знакомство съ моими лингвистическими работами, въ томъ числѣ и книгою: *Основныя таблицы къ грамматикѣ древне-грузинскаго языка съ предварительнымъ сообщеніемъ о родствѣ грузинскаго языка съ семитическими.* СПб. 1908. Послѣдняя поѣздка въ Лазистанъ меня убѣждаетъ, что въ лазскомъ или, какъ называютъ его вполнѣ основательно грузины, ч̔анскомъ (точнѣе ч̔айнскомъ) мы имѣемъ не нарѣчіе, а языкъ: ч̔анскій особенно близокъ къ мингрельскому, съ которымъ онъ составляетъ одну группу, но далеко не тождественъ. Посему нѣтъ возможности подводить языки ч̔анскій (лазскій) и мингрельскій, какъ видовые, подъ названіе «иверскій», какъ родовое, такъ какъ реально-исторически, что для лингвиста особенно

арм. k, до-арійскій арм. ḱ = яфет. ḱ, въ соврем. яфет. ḱ (> ğ), resp. ṭ (> ď):

1. до-ар. арм. *ḱn = яфет. ḱn

կական kakan (<*ḱakan) *крикъ, вопль, ревъ.* — ḱарṫ. კაკანი ḱakan-i *крикъ, шумъ.*

2. до-ар. арм. *ḱn(n) = яфет. ḱn(n)

1. կանաչ kan-aǰ (*ḱan-aǰ) *зеленый.* — 1. ḱарṫ. კანა ḱan-a [*зеленые* всходы, *зеленая*] *нива, пашня.*

2. կանուխ kan-uq (*ḱan-oq̇) [*зеленый, весенній,*] *ранній* и т. п.[1]) — 2. ṫан. კონა ḱon-a, аṫин. ონა on-a (<*hona) id.

Заимствованное изъ армянскаго груз. კანოხი kan-oq̇-i во-очію удостовѣряетъ семасіологическую связь корня съ «*зеленою* весною»: въ грузинскомъ оно сохранило значеніе «*первая* упряжь воловъ для паханія *весною*» (Орб.; въ русскомъ толкованіи Чуб. опущено по недосмотру «весною»).

Въ свѣтѣ предлагаемой этимологіи становится совершенно понятнымъ, что въ самомъ армянскомъ ամիս կանխոյ amis kanq̇oy значитъ *первый мѣсяцъ, начало ранозрѣющихъ злаковъ въ мартѣ и апрѣлѣ.*

3. до-ар. арм. (krd̂ <) *ḱrṭ = яфет. ḱrṭ { ḱrḱ / ḱrt

1. կոկորդ kokord (<*ko-kord̂) *горло.* — 1. ḱарṫ.: гур. კორკა ḱorḱ-a (вм. *ḱorḳa) *горло.* Въ ḱарṫалинскомъ говорѣ по закону нисхожденія (ḳ > q, a ḱ > q̇) имѣется ყორყი qorq-i (вм. q̇orq-i) *горло.*

2. կիրճ kirṭ (<*ḱurṭ) *тѣснины, ущелье,* семасіологически ср. fauces, тур. بوغاز и т. п. — 2. ḱарṫ. კარკანტო ḱarḱant-o (<*ḱar-ḱarṭ-o) *глотка.*

Относительно огласовки и вообще формы (*kokorṭ >) kokord не мѣшаетъ замѣтить, что

важно, терминъ «иверскій» равняется лишь «мингрельскому», тождествененъ съ нимъ, см. Н. Марръ, *Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ святымъ Григоріемъ* (Арабская версія), СПб. 1905 (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. общ., т. XVI), стр. 168 сл. Съ другой стороны, такъ какъ древнѣйшая форма «iver»а, resp. «tibar-en»а звучитъ «tubal»,а «ṫан» = ṭan или «ṫайн» = ṭayn (ср. арм. ձէն ṭeyn) сохранило намъ съ закономѣрнымъ перебоемъ ḳ въ ṭ этническое названіе «ḳayn», то основательнѣе всего группу изъ мингрельскаго (иверскаго) и ṫанскаго (ḳайнскаго) языковъ именовать тубалкайнскою. Съ соотвѣтственными поправками слѣдуетъ читать цитованную ниже сокращенно (*Къ вопросу о сродствѣ*) статью мою въ Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. (т. XIX, стр. 069—072 = 1—4) — *Къ вопросу о ближайшемъ сродствѣ армянскаго съ иверскимъ* [слѣдовало сказать — *тубалкайнскими языками*].

1) Съ озвонченіемъ ḱ въ ğ это же слово должно было звучать по-армянски *ğan-uq *зеленый, весенній,* отъ котораго и произведено ḱарṫ. ღანუყობა ğanuq-oba *весенняя пора.*

это — имя отъ породы kokotl, равнозначущей породѣ kotkotl, resp. kutkutl, по какой образовано ч̓ан. kirkint-i (<*kur-kurṭ-i).

3. *karḳ-a, что̀ по закону нисхожденія даетъ въ гур. и имер. ხარხა q̇arq̇-a (вм. q̇arq-a) *глотка*, *гортань*, въ к̓арт̓ал. говорѣ съ дальнѣйшею потерею r: ხახა q̇aq-a id.

4. ч̓ан.: хоп. ქირქინტი kirkint-i (*kur-kirṭ-i или *kur-kurṭ-i) *горло*.

5. к̓арт̓. ყრონწი kronṭ-i (<*krōṭ-i) *горло*, въ гур. по закону диссибиляціи ყრონტი kront-i (<*krōṭ-i).

Въ имеретинскомъ говорѣ к̓арт̓скаго языка сохранилась форма ყორყინდი korkind-i *горло*, вѣроятно, въ качествѣ ранняго заимствованія изъ иверскаго (мингрельскаго).

4. до-ар. арм. (ʒkr<) *шkr = яфет. шkr / skr / skl > { ṭkr / ṭkl

կոր kor-i (<*ʒkor-i) [*вода*,] *оросительная канавка* и т. п.

1. к̓арт̓. წყარო ṭkar-o *родникъ*.

2. к̓арт̓. წყალი ṭkal-i *вода*.

Здѣсь, казалось бы, слѣдовало привести мингр. წყარი ṭkar-i и ч̓ан. წყარი ṭkar-i *вода*, но эти формы не коренныя тубалкайнскія, а заимствованы изъ к̓арт̓ской группы[1]): при к̓арт̓скомъ ṭ въ тубалкайнской формѣ должны были мы имѣть ṭ, не говоря объ огласовкѣ. Въ тубалкайнской группѣ корень [skl>] ṭkl также представленъ, но съ перебоемъ, какъ въ армянскомъ, первичнаго сибилянта, именно ш [при к̓арт̓скомъ s], въ ʒ, и озвонченіемъ k въ ǧ въ видѣ, значитъ, ʒǧl, откуда ღალი ǧal-i (<*ʒǧal-i) *вода*, *рѣка* (ср. названіе извѣстной рѣки Ἅλυ-ς).

5. до-ар. арм. *kyr = яфет. kwr: тубалк. ʒvr

կոյր koyr *слѣпой*[2]).

тубалк. ცვერ ʒver *слѣпой*, отсюда отыменный глаголъ мингр.: დეეცვერჷ dee-ʒverə *ослѣпъ*.

---

1) Н. Марръ, *Къ вопросу о сродствѣ*, стр. 071 = 3.

2) Мнѣ прекрасно извѣстно, что арм. koyr *слѣпой* считается заимствованнымъ изъ персидскаго, но въ иранскихъ нарѣчіяхъ это, увы, не единственное слово яфетическаго происхожденія.

Такъ какъ для k̔ точный перебойный эквивалентъ — ṫ, то въ к̔арт̔скомъ мы часто въ соотвѣтствіе арм. k, resp. до-ар. арм. k̔, находимъ წ = ṫ. Сейчасъ вопроса о первенствѣ того или иного звука, k̔ или ṫ, мы не касаемся. И такъ —

6. до-ар. арм. *krϑ = яфет.: к̔арт̔. ṫrϑ

1. կիրթ kirϑ (> *kurϑ) *воспитанный, обученный.*
2. կրթել kərϑ-el (< kirϑ-el) *упражнять, часто твердить, повторять; обучать, воспитывать.*

1. к̔арт̔. წურთა ṫurϑa *упражняться, твердить, вытверживать.*
2. к̔арт̔. წურთნა ṫurϑ-na *упражнять, пріучать, воспитывать* и т. п.

7. до-ар. арм. krt = яфет.: к̔арт̔. ṫrt

կէտ keyt (< *k̔ert) *точка* (см. Н. Марръ, *Къ вопросу о сродствѣ*, стр. 070 = 2, прим. 2).

1. წერტა ṫerta *кололъ.*
2. წერტილი ṫert-il-i *точка.*
3. წრტიალი ṫrti-al-i (< *ṫirt-al-i) *шпоры* у Руставели, *Барс. кожа*, 611,2: ველარ მოვუსწარ, გამუსწრეს, რაზომცა ვსცემდი წრტიალსა.

8. до-ар. арм. *kyϑ = яфет.: к̔арт̔. ṫwϑ (> ṫvϑ)

1. կաթ kaϑ (< *k̔ayϑ) *капля*, отсюда: a) отыменный глаголъ կաթել kaϑ-el (< *kayϑ-eal) *капать*,

   b) կաթիլ kaϑ-il (< *kayϑ-il) *капля*, собственно *капелька*.

   Третій коренной ϑ не первичный въ корнѣ kyϑ || kwϑ, онъ — одна нисходящая ступень звонкаго d, существованіе котораго въ данномъ корнѣ свидѣтельствуется закономѣрнымъ яфетическимъ его перебоемъ въ l въ арм. словѣ կայլակ kayl-ak (< *k̔ayd-ak) *капля*. Въ армянскомъ послѣдняя форма есть наслѣдіе какого-то нарѣчія до-ар. армянской группы.

1. карт. წვეთი ṫveϑ-i *капля*.
2. карт. წთოლა ṫϑ-ola (< *ṫwϑ-ola) *капаніе*, წთის ṫϑ-is (< *ṫwϑ-is) *капаетъ*.

   Въ тубалкайнской группѣ мы ожидали бы видъ корня ṭwϑ и форму самого слова *ṭwiϑ-i > *ṭiϑ; послѣдняя форма и сохранена арм. շիթ šiϑ *капля*, съ закономѣрнымъ паденіемъ ṭ въ ш. Слѣдовательно, слово šiϑ *капля* въ арм. заимствовано изъ какого-то нарѣчія тубалкайнской группы.

Касательно формы замѣчу, что соотвѣтствіе арм. katl к̔арт̔скому ktel̇ обычное, какъ напр. отъ корня до-ар. арм. ṫyr = к̔арт̔. ṫwr (> ṫvr): арм. katl — ծայր ṫayr *край, верхушка*, к̔арт̔. ktel — წვერი ṫver-i *край, верхушка*.

Въ до-арійскомъ армянскомъ языкѣ иногда вскрывается глухой аффрикатъ k̇, когда въ сохранившихся яфетическихъ на лицо звонкій ğ, быть можетъ, лишь по позднѣйшему нисхожденію на одну ступень (k̇ > ğ). Въ такихъ случаяхъ классическому армянскому k въ наличныхъ чистыхъ яфетическихъ соотвѣтствуетъ ğ, но самъ-то класс. арм. k всетаки представляетъ яфетическій k̇. И такъ —

9. до-ар. арм. *k̇ṫṫ = яфет.: к̔арт̔. ğṫṫ

1. կծծի kəṫəṫ-i (<*kəṫuṫ-i или kəṫiṫ-i) *скряга, жадный*.
2. կծիծ kəṫiṫ (<*kəṫiṫ, resp. *kəṫuṫ) *скряга, жадный*.

1. к̔арт̔. ღუნწი ğunṫ-i (<*ğuṫṫ-i) *скряга, жадный*.

Это же слово въ к̔арт̔. имѣется съ прямымъ или непосредственнымъ перебоемъ ğ въ d̆: ძუნწი d̆unṫ-i *скряга*.

Въ армян. также замѣчается позднѣйшее озвонченіе этого корня: kṫṫ > gṫṫ и даже gd̆d̆, что̀ и имѣемъ въ формѣ k⌜ə⌝tul этого корня — գծուծ gəṫuṫ *скряга, жадный*, գձուձ gəd̆ud̆ id., *дешевый, жалкій* и т. п.

10. до-ар. арм. *k̇ḓ = яфет.: к̔арт̔. ğr, тубалк. ğḓ

կինճ kinḓ (<*kīḓ) *свинья, кабанъ, дикій кабанъ*

կինծ kinṭ (<*kīṭ) id.

1. к̔арт̔. ღორი ğor-i *свинья*.
2. ч̆ан. ღეჯი ğeḓ-i *дикій кабанъ*.
3. мингр. ღეჯი ğeḓ-i *свинья*.

Такъ какъ перебой r въ ḓ есть специфическая особенность тубалкайнской группы[1]), то арм. kinḓ (<*kinḓ) мнѣ представляется заимствованіемъ изъ какого-либо ея языка, тѣмъ болѣе что и нарастаніе n при ḓ въ такихъ случаяхъ наблюдается часто какъ въ ч̆анскомъ, такъ въ мингрельскомъ[2]). Можно бы думать, что армянскому не чуждо аналогичное перерожденіе r въ z, и въ խոզ q̇oz *свинья* имѣемъ тотъ же корень k̇r съ к̔арт̔скою огласовкою, но съ нисхожденіемъ k̇ на третью ступень (k̇ > ğ > q̇). Обсужденіе же этой формы требуетъ указанія семитическаго эквивалента, выясненія первичной трехзвучности даннаго корня и сопоставленія съ нею довольно хорошо извѣстныхъ словъ, проникшихъ въ качествѣ заимствованія въ нѣкоторые индоевропейскіе языки. О семъ въ другомъ мѣстѣ.

---

1) Н. Марръ, *Къ вопросу о сродствѣ*, стр. 071 = 3.

2) Н. Марръ, *Къ вопросу о сродствѣ*, ц. м.

11. до-ар. арм. *k̔rp = яфет.: к̔арт̔. ǧrm, тубалк. ǧrm, сван. ǧrb

1. կերպ kerp (<*k̔erp) *идолъ, языческій богъ.*

Это слово и почти исключительно съ такимъ значеніемъ особенно излюблено въ грузинскомъ (ქერპი kerp-i), гдѣ оно обрѣтается па правахъ заимствованія изъ армянскаго.

2. կերպ kerp (<*k̔erp) *форма, образъ.*

Въ армянскомъ излюблены разбираемое слово и производныя отъ него въ этомъ именно значеніи.

1. к̔арт̔. ღმერთი ǧmerϑi (<*ǧrm-eϑ-i или *ǧerm-eϑ-i) *Богъ.*

2. сван. ღერბეთ ǧerb-eϑ Богъ [1]).

3. a) ч̔ан. ღორმოთი ǧorm-oϑ-i *Богъ,*

b) мингр. ღორონთი ǧoron-ϑi (*ǧorom-ϑi вм. ǧorm-oϑ-i, что̀ и обрѣтается въ ч̔анскомъ).

Въ наличныхъ чистыхъ представителяхъ яфетической группы слово должно собственно значить не *Богъ*, а *богиня*, судя по женскому окончанію въ к̔арт̔. и сван. eϑ, въ ч̔ан. и мингр. oϑ.

Н. Марръ.

„Вотъ — вагонный пассажиръ“. Пѣсенка-сатира ташкентскихъ сартовъ.

Весной 1908 года, въ одно изъ моихъ посѣщеній кельи «вѣчнаго» студента Ходжа-Ахрарской медресы въ Ташкентѣ, милѣйшаго Кемаль-еддина, послѣдній вручилъ мнѣ два лоскутка бумаги; на одномъ изъ нихъ — карандашемъ, а на другомъ — стальнымъ перомъ была записана одна и та-же пѣсенка-сатира (черновикъ и бѣловикъ), которую можно озаглавить по ея припѣву: «Вотъ — вагонный пассажиръ!» [2]). Сложена она, конечно, шаблонно: восьмислоговые стихи разбиты на 7 четверостишій съ вышеприведеннымъ семислоговымъ припѣвомъ въ качествѣ неизмѣннаго четвертаго стиха. Четвертый куплетъ, повидимому, сборный. Я издаю эту пѣсенку сначала въ арабской транскрипціи по бѣловику, списанному

---

1) Въ сванскомъ встрѣчается и форма ღერმეთ ǧerm-eϑ. Обѣ формы (ǧerbeϑ, ǧermeϑ) еще раньше предполагали заимствованными изъ грузинскаго [к̔арт̔скаго] (Сборникъ матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа, X, стр. 38), и это весьма вѣроятно.

2) См. мой отчетъ о поѣздкѣ въ Ташкентъ, Бухару и Хиву въ № 9 Извѣстій Русскаго комитета для изученія Ср. и Вост. Азіи, стр. 2 отд. оттиска.

Кемаль-ед-диномъ съ черновика, который ему доставилъ одинъ его знамый; затѣмъ — въ русской транскрипціи подъ диктовку Кемаль-ед-дина, и, наконецъ, — въ русскомъ переводѣ. Пѣсенки-сатиры въ ходу у сартовъ, — народа, склоннаго къ шуткамъ, насмѣшкамъ, пародированію[1]).

Рѣшаясь впервые обнародовать образчикъ своихъ лингвистическихъ записей, сознаюсь, что въ своемъ теперешнемъ видѣ онѣ весьма мало удовлетворяютъ меня самого, такъ какъ грубо и невсегда увѣренно отмѣчаютъ только наиболѣе уловимыя для слуха черты даннаго нарѣчія.

۱

چیتویرت[2] دیکان واکانیغه   بیلمای چتته[3] آلکانیمه
سالدی عذابنی[4] جانیمه   اول واکانی فسّه‌جیر[5]

۲

دادیمغه هرکز[6] یتمسه   بوغیلکاننکنی بیلمسه[7]
حالینک نجوکدیب سورمسه   اول واکانی فسّه‌جیر

۳

قیتب دمیم تیرلار[8] آقیب   هم خانه‌که[9] آدم تولیب
استنسه‌ده یورمس توروب   اول واکانی فسّه‌جیر

۴

ایلادی طبعیمنی سودا   اول واکانی فسّه‌جیر
سالدی باشیمغه[10] جفانی   اول واکانی فسّه‌جیر

۵

کندوخترینک[11] تیل بیلمسه   ایتکان سوزینکنی[12] اوقمسه
چتینک[13] قنی دیب[14] سورمسه[15]   اول واکانی فسّه‌جیر

---

1) Н. П. Остроумовъ, Сарты. Этнографическіе матеріалы. Изданіе третье дополненное. Ташкентъ, 1908, стр. 79 и 73; его-же: Пѣсня-сатира «Викторъ-бай» (Зап. Вост. Отд. IX, 87). 2) Черновикъ: چیرت ویرت. 3) Черн. چیتته; ср. транскрипцію. 4) Черн. عذابی. 5) Черн. فسه‌جیر. 6) Черн. هرکیز. 7) Черн. کورمسه. 8) Черн. ترلار. 9) Черн. خانه‌کا. 10) Черн. باشیمغه. 11) Черн. کندوتیرینک; это четверостишіе въ черновикѣ стоитъ шестымъ, а пятымъ — седьмое. 12) Черн. سوزینکنی. 13) Ср. транскрипцію. 14) Черн. оп. 15) Черн. سورمسه.

٦

قیلدی یورکنی فارەلار[1] هیچ[2] تابمدیم بر چارەلار
قیلدی منی دیوانەلار اول واکانی فسّەجیر

٧

*توقتاسه بر جایده اکر بر کونغەچه انده یاتر[3]
یورسه یولی‌نی[4] چنك ایتر اول واکانی فسّەجیر

1.

Чітwȧрт дігȧн wаҕѡніҕа[5]
Білмȧі чіпт ȧ ѡlҕѡніма
Сѡlді азѡбні ц̣ѡніма
Уl wаҕѡні пассажір.

2.

Дѡдімҕа һȧргіз jäтмȧсȧ
Боҕыlҕаніңні білмȧсȧ
Һѡlің нäчу̇к дäп сурмаса
Уl wаҕѡні пассажір.

3

Каітіп дȧмім, тäрlȧр ѡкып
Һȧм хѡнȧҕа адам туlіп
Істансада jу̇рмȧс туруп
Уl wаҕѡні пассажір.

---

1) Черн. پارەلار. 2) Черн. هچ. 3) Два первыхъ стиха въ черновикѣ иначе, въ семь слоговъ; смыслъ теменъ:

توقته‌ماقدین قان ایتر * کم‌تربنی تانك آتر

4) Такъ въ черновикѣ, а въ бѣловикѣ ошибочное یولی‌ننك; ср. транскрипцію.

5) Буква ȧ передаетъ звукъ, обозначаемый ак. Радловымъ въ казак-киргизскихъ текстахъ (III т. Образцовъ) чрезъ $\bar{ä}$ ($\bar{ä}$кä, б$\bar{ä}$рі), звукъ средній между *ä* и *a* и очень близкій къ *a*; этотъ звукъ имѣется въ персидскомъ языкѣ, а въ сартовскихъ нарѣчіяхъ онъ является однимъ изъ показателей (наравнѣ съ l вм. л, і вм. ы, ѡ вм. а, у̇ вм. ӱ) первоначальнаго иранизма сартовъ. Буква у̇ обозначаетъ слабо принебленный звукъ, очень близкій къ *у*. — Ср. монгольскіе небные гласные звуки въ транскрипціи пр.-доц. А. Д. Руднева (Лекціи по грамматикѣ монгольск. письм. языка, СПБ. 1905, стр. 7—8).

4.

Àiàдi таб'імні саудѡ
Уl wаҕѡні пассажір
Сѡlдi бѡшімҕа цàпѡні
Уl wаҕѡні пассажір.

5.

Кàндỳктỳрің тіl бilмàсà
Аiткан сöзỳңні укмаса
Чiптàң кані діп сурмаса
Уl wаҕѡні пассажір.

6.

Кыlдi јỳрàкні пѡрàlар
Ћäч тапмадім бір чѡрàlар
Кыlдi мàні діwѡнàlар
Уl wаҕѡні пассажір.

7.

Токтаса бір цѡiда àгàр
Бір кỳнгàчà анда јатар
Јỳрсà јуlіні чаң àтàр
Уl wаҕѡні пассажір.

ПЕРЕВОДЪ.

I.

Какъ въ вагонъ четвертаго класса 1)
По невѣдѣнію взялъ я билетъ 2),
То подвергли мою душу пыткамъ, —
Вотъ — вагонный пассажиръ!

---

1) Дословно: въ вагонъ, называемый «чітwäрт».

2) Такъ мнѣ объяснилъ слово чіптà Кемаль-ед-динъ; оно встрѣчается въ текстѣ дважды (четверост. I и V), и въ мусульманской транскрипціи передано чрезъ چپتته, چیپته и چپتینک (*твой* билетъ). Знающіе сартовское нарѣчіе говорили мнѣ, что обыкновенно сарты называютъ *билетъ* — патта (собственно *росписка*, см. русско-сарт. часть Словаря Наливкиныхъ, Казань, 1884 г., стр. 95).

II.

На жалобы мои не отзовутся,
Что ты задыхаешься, не замѣтятъ,
Какъ себя чувствуешь, не спросятъ, —
Вотъ — вагонный пассажиръ!

III.

Дыханье сперло, потъ льется,
А въ вагонѣ людей полнешенько.
Остановятся у станціи и не двигаются, —
Вотъ — вагонный пассажиръ!

IV.

Сдѣлали мое настроеніе тоскливымъ, —
Вотъ — вагонный пассажиръ!
Обрушили на мою голову страданія, —
Вотъ — вагонный пассажиръ!

V.

Кондукторъ твой языка не знаетъ,
Рѣчи твоей не понимаетъ,
Гдѣ твой билетъ, не спрашиваетъ, —
Вотъ — вагонный пассажиръ!

VI.

Растерзали сердце на куски,
Никакого не нашелъ я исхода,
Сдѣлали меня юродивымъ, —
Вотъ — вагонный пассажиръ!

VII.

Если гдѣ-нибудь задержатся,
Такъ цѣлый день тамъ и стоятъ,
А коли ѣдутъ, путь свой пылью заволакиваютъ, —
Вотъ — вагонный пассажиръ!

А. Самойловичъ.

Терійоки. Лѣто 1909 г.

Шейбани-намэ.
Персидскій unicum библіотеки Хивинскаго хана.

(Посвящается памяти бар. В. Р. Розена).

Торопливо перебирая рукописи въ за́мковой (Арк) библіотекѣ хивинскаго хана[1]) и обращая преимущественное вниманіе на среднеазіатско-турецкія сочиненія, какъ спеціально меня интересующія, — я отложилъ для болѣе близкаго ознакомленія изъ *персидскихъ* рукописей только одну, озаглавленную: شیبانی نامه که ملا بنائی گفته.

Взявъ ее на домъ, я сдѣлалъ изъ нея значительныя выписки и сфотографировалъ 4 folium'a.

Въ рукописи 42 листа $31^1/_2 \times 20^3/_4$ сантим.; текстъ занимаетъ на страницѣ площадь въ $20^3/_4 \times 13^1/_2$ кв. сметр., раздѣленную на 19 (въ общемъ) строкъ. По внѣшности рукопись роскошна: текстъ отчетливо написанъ на отдѣльныхъ листахъ, которые вклеены въ рамки-поля изъ толстой глянцевитой бумаги, покрытой изящнымъ, тонкимъ блѣдно-золотымъ растительнымъ орнаментомъ, съ разноцвѣтной каймой по четыремъ внутреннимъ краямъ. Бумага пожелтѣлая и мѣстами со слѣдами сырости. Переплетъ, насколько помню, изъ свѣтло-коричневой кожи. Первая и послѣдняя страницы рукописи (ff. 1a и 42b) вмѣсто текста украшены одинаковымъ образомъ: въ центрѣ — сплошной золотой кругъ, обхваченный двумя смежными пестрыми, съ растительнымъ орнаментомъ, кольцами, отъ которыхъ проведены тонкіе, синіе узорчатые радіусы до краевъ вклееннаго листа. Первая страница текста (f. 1b) заключена въ пестрый бордюръ изъ растительнаго орнамента. Всѣ украшенія — тонкой, изящной работы. Текстъ вписанъ двумя разными руками.

Рукопись заключаетъ въ себѣ исторіи Шейбани-хана, составленную по-персидски извѣстнымъ современникомъ хана, Муллой *Бенāи*, перешедшимъ вмѣстѣ съ другимъ исторіографомъ хана, Мухаммедомъ Салихомъ и иными джагатайцами на сторону узбековъ[2]). Настоящее сочиненіе

1) См. мой краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Ташкентъ и Бухару и въ Хивинское ханство, Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Ср. и Вост. Азіи, № 9, стр. 7 отд. оттиска.

2) См. Бабур-нама, изд. Ильминскаго, стр. 47: Мулла Бенаи и Мухаммедъ Салихъ на службѣ у Ходжа-Яхъя, приближеннаго бухарскаго тимурида Султан-Али-Мирзы (901 = 1495 г.); 106 — 107: Мулла Бенаи, бывшій на сторонѣ Шейбани-хана, когда тотъ овладѣлъ Самаркандомъ, прибываетъ къ Бабуру послѣ занятія послѣднимъ этого города (906=1500); перс. и турецк. стихи Бенаи; 225: біографія Бенаи по случаю смерти Султан-Хусейн-

Бенаӣ ранѣе извѣстно не было, и поэтому рукопись хивинскаго хана является единственной въ своемъ родѣ. Внѣшнее значенiе рукописи еще увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ея написанiи участвовала какая-то царственная особа, какъ будто-бы даже самъ Шейбани-ханъ, разные таланты котораго, и въ томъ числѣ каллиграфическiй, столь восхищенно запечатлѣны въ поэмѣ Мухаммеда Салиха[1]).

Какъ я уже упоминалъ, рукопись переписана двумя руками. Изъ помѣтокъ третьей рукой, лица не особенно грамотнаго, на поляхъ рукописи противъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ одна рука смѣняется другой, явствуетъ, что строки, написанныя болѣе тонко и умѣло, принадлежатъ рукѣ میرزا مومن منشی (см. ff. 16a и др.), а написанныя болѣе грубо, — рукѣ лица, титулуемаго: حضرت خلافتمکانی فردوس آشیانی (f. 3b) или خلیفة الرحمانی (f. 25b), лица, письмо котораго называется: خط شریف (ff. 18b, 22a, 28b, 34b) или خط مبارك (ff. 25b, 31b); послѣдняя приписка, на f. 34b, гласитъ: خط اشرف (sic) تا این نشانه بعد ازین خط میرزا مومن منشی است تا اخیر. Имя царственнаго переписчика не возбуждало-бы никакого сомнѣнiя, если-бы время и сырость, а можетъ быть — и человѣческiй умыселъ, не уничтожили двухъ важныхъ помѣтокъ на f. 1a. Той-же третьей рукой въ верхнемъ лѣвомъ углу f. 1a надписано: . . . . این کتاب بخط شریفی حضرت صاحب قران است و پارهٔ بخط میرزا مومن منشی.

Вторая помѣтка была сдѣлана бѣлыми чернилами на золотомъ кругѣ въ центрѣ f. 1a; нѣсколько словъ читаются ясно, другiя — съ трудомъ, а имя царственной особы совсѣмъ стерто, если не считать намековъ на отдѣльныя буквы. Одинъ образованный хивинецъ, съ которымъ я всматривался въ таинственную помѣтку, прочелъ ее такъ: راقم این نسخه شریف | حضرت صاحب قران سلطان اعظم | خاقان المکرّم ابوالغازی. . . ابو الفتح ? | محمد شیبانی بهادر خان | خلد الله ملکه. . .

Но достаточныхъ данныхъ для такого чтенiя, по моему, не было. Итакъ, участiе Шейбани-хана въ перепискѣ труда его современника Бенаӣ можно предполагать только на основанiи титула خلیفة الرحمانی, который имѣется въ помѣткахъ на поляхъ и который прилагается именно къ Шей-

---

Мирзы; написалъ диванъ газалей, مثنوی «о фруктахъ» мутекарибомъ и еще два مثنوی (малое и большое) — хафифомъ; занимался музыкой; былъ противникомъ Неваи и зло надъ нимъ подшучивалъ [эти шутки разсказываются и посейчасъ. А. С.]; 261 — 262: шутливый перс. стишокъ по случаю предоставленiя Бенаи на эксплоатацiю Шейбани-ханомъ гератскихъ поэтовъ и сочинителей; тѣ-же мѣста по изд. Бевериджъ: ff. 38, 87 — 87b, 179b — 180b, 206. Умеръ въ 918 = 1512 — 3 г. См. ниже стр. 0176, прим.

1) Шейбани-намэ, изд. П. М. Меліоранскаго, стр. ١٥ (2 снизу):

قلمی داغی ایرور مشك فشان * خطی دیك بیرمادیلار هیچ نشان

бани-хану какъ въ текстѣ настоящаго сочиненія, такъ и въ другихъ памятникахъ [1]).

На томъ-же f. 1a нѣсколько разъ повторено заглавіе сочиненія: شیبانی نامه, сдѣланы оттиски двухъ печатей и даны двѣ хронологическихъ даты; первая показываетъ, что рукопись поступила въ библіотеку нѣкоего نذر محمد خواجه جویباری въ мѣсяцѣ рамазанѣ 1081 года Гиджры (1670—71 г.) изъ книгъ его покойнаго отца, а вторая сообщаетъ, что рукопись перешла во владѣніе العبد محمد عیسی توره въ 1291 году Гиджры (1874—75 г.).

Если Шейбани-ханъ дѣйствительно принималъ участіе въ переписываніи сочиненія Бенāи, то наша рукопись должна относиться ко времени между 1507 годомъ, когда Шейбани-ханъ принялъ титулъ امام الزمان و خلیفة الرحمن [2]), и годомъ 1510, въ которомъ ханъ принялъ мученическую кончину.

Шейбани-намэ Муллы Бенāи начинается такъ (f. 1b):

بسم الله الرحمن الرحیم و به نستعین

کفتار در ذکر اُمرا و بهادران کبار حضرت شیبانی خان شیبانی نامه که ملا بنائی کفته

جماعتی اُمرا که در زمان قزاق که جان سپاریها کرده اند سبب دولت خانی شده اند اسامیٔ ایشان اینست الخ.

Послѣднія строки f. 42a таковы:

و بیمن توفیق و امداد فضل ربّانی و برکت همّت حضرت خان خلیفة الرّحمانی تأسّس قاعدهٔ این خیر عظیم بر وجهی اتفاق افتاده که نقش آن بر صفات ایام و اثر آن برو جنّات اجرام مدّ اللیالی و الاعوام باقی و مستدام خواهد بود

این آن اساس نیست که کردد خلل پذیر
لو بُسّتِ الجِبال اِذا انِشقّتِ السّما

Заглавія 29 главъ рукописи слѣдующія:

1 — کفتار در ذکر اُمرا و بهادران کبار شیبانی خان — 1b

2 — ذکر جمع دیکر از امرای خان بزُرك که بعداز فتح ممالك از اطراف آمده اند — 1b

1) Шейбани-намэ, ۱۳ и pass.: فتحنامه ;حضرت امام الزمان خلیفه الرحمن (В. Бартольдъ, Отчетъ о командировкѣ въ Туркестанъ, З. В. О. т. XV, стр. 176), стр. 10: امام الزمان و خلیفة الرحمن.

2) Н. Веселовскій. Подробности смерти узбецкаго хана Мухаммеда Шейбани. Отд. оттискъ изъ III тома Трудовъ 8-го Археолог. Съѣзда въ Москвѣ 1890 г. (1897 г.), стр. 10.

22 — گفتار در ذکر فرستادن سلطان محمود خان محمود سلطان‌را بخدمت حضرت خلیفةُ الرّحمانی — 24a

23 — گفتار در ذکر عقد بستن حضرت خلیفةُ الرّحمانی برلاس بیکیم‌را[1] — 27a

24 — گفتار در ذکر رسیدن اخبار از دار المحفوظه سمرقند — 29b

25 — گفتار در عزم نمودن حضرت خلیفة الرحمانی بفتح ممالك خوارزم[2] — 34b

26 — گفتار در نصیحت فرمودن حضرت خان جین صوفی‌را بکتابت بسته بر تیر و جواب فرستادن او بهمین تدبیر[3] — 38b

27 — گفتار در ذکر وقوع جنك قلعه و شهادت یافتن امیر حسین علی قنکرات[4] — 39b

28 — گفتار در ذکر جنك سلطانی جهت تسخیر قلعه خوارزم[5] — 40b

29 — ذکر پل بستن حضرت بر دریای کوهك — 40b

Изъ перечисленныхъ главъ мною списаны девять: 1, 2, 3, 16, 17, 25, 26, 27 и 28, т. е. три начальныхъ главы и затѣмъ шесть главъ, касающихся походовъ Шейбани-хана въ Хорсзмъ. Изъ главы 18-й списано турецкое восхваленіе Шейбани-хана, ترکیه.

Сочиненіе написано витіевато, съ частыми стихотворными вставками, въ папигирическомъ духѣ. Объ историческомъ значеніи многословнаго произведенія Муллы Бенāй судить не беремся, а приведемъ только для образца одинъ отрывокъ и турецкіе стихи.

f. 34b. گفتار در عزم نمودن حضرت خلیفه الرحمانی بفتح مملکت خوارزم واز جملهٔ فتوح نامدار که سلاطین عالی مقدارار بوده فتح دیار خوارزم است و چُنین تحقیق کرده اند که مملکت خوارزم ابتداء بلاد معمورهٔ ناحیهٔ دشت قبچاق است و جماعتی از اعَاظِم مُلوك که صاحبان قرانات عظمی اند ایشانرا کریز نیست ازانکه مملکت خوارزم در تحت ایالت و حکُومت ایشان باشد زیراکه اکر از طرف مغرب صاحب قرانی عازم فتح جانب شرق کردد ایالت مملکت خوارزم اورا حاصل نباشد و اعدای دولت او

1) Шейбани-намэ, гл. XVIII, стихъ 61 и сл.

2) Ш-Н., гл. LXVII.

3) Ш.-Н., гл. LXVII, стихи 106 — 123. Персидскій текстъ значительно полнѣе.

4) Ш.-Н., гл. LXVIII, стихи 1 — 21. Въ стихахъ Салиха Эмиръ Хусейн-Али называется сокращенно اوسم میرز (какъ я прочелъ на фотограф. снимкѣ текста Вѣнской рукописи, стих. 7 и 10); Вамбери прочелъ: اوهم میرزا и перевелъ: «dessen (Kungrats) Mirza», «mit ihm auch seine Leute» (sic!) — изд. Вамбери, стр. 397 и 399.

5) Ш.-Н., гл. LXVIII, стихи 22 — 24.

برآن دیار مستولی باشند نتوانند که بی استظهار اهل آن دیار بر فتوح مشارق ارض اقدام نمایند بنا بر اندیشهٔ مُخاطرات سابحه که از قبل جنگ‌جویان خوارزمی نژاد . . . و اکر از طرف شرق و نواحی دشت عازم تسخیر جانب غَرب کردد ابتداء دُخول در معمورهٔ غَرب آن بلاد است و بی آنکه در تحت تسخیر او باشد و بعدّه و یراق آن مملکت پشت استظهار او قوی کردد ⁝ و شروع در تسخیر بلاد غَرب خالی از f. 35a. صعوبت نیست فی الجُمله تسخیر مملکت خُوارزم احاد سلاطین نامدارارا دست داده و بیامن فتح آن بلاد و بامداد جنك آوران خوارزمی نژاد مملکت شَرق و غَرب‌را کشاده و تسخیر آن موجب استظهَار بسی از خواقینی نامدار و سلاطین کامکار بوده

هر که شد پادشاه در خوارزم * کشت فتح ممالك او جزم

جُنانجه بر ناظر و مطلع تواریخ مُلوك سالفه این معنی ظاهرست که بسی از مُلوك نامدار بواسطهٔ تسخیر خوارزم . . . شاه که اوّل سلاطین خوارزم شاهیّه است و جُنانجه از محاوی تواریخ معلوم شده پدَر او غلام طَشت دار سلطان سنجر ابن ملکشاه سلجوقی بوده و آنروز مملکت خوارزم در وظیفهٔ طشت خانه سنجری مُقرّر بوده اَتسِز از قبل سُلطان سنجر بران بلاد دست حکومت و استیلا کشوده و شوکت و ایالت خوارزم دماغ اورا فاسد ساخته و از جادّهٔ مطاوعت سنجری مانع کشته عَزم مُخالفت جزم نموده است و باوجود ضعف نسب قوی خودرا مُستحقّ سلطنت و استیلا دانسته و این همه از قوّت مردان آن دیار که تمامیٔ عسَاکِر جرّار و جوانمردان خوارزم اند سلطان سنجر بعداز اطّلاع بر خیال فاسد اَتسِیز دانسته که غلام و خدمتکار نمك بحرام خواسته فی الحال عَزم فرموده که عسَاکِر شوکت مَآثِررا دیار خوارزم‌را با خاك برابر سازد و خون آن غُلام مفسدرا بر خاك رِیزد کویند که سبب حرکت سُلطان در دفع اَتسِیز آن بوده که رشید وطواط که از شعراء نامدار بوده این مطلع در مدح اَتسِیز کفته که

f. 35b. تا[1] ملك اتسیز بتخت ملك درآمد * دولت سلجوق وآل او بسر آمد

سلطان با لشکر فزون . . . عازم خوارزم شده و خدمت مولانا ملك الشعرا حکیم انوری عَزم مُرافقت سُلطان در آن سفر یافته و جون بقلعهٔ هزاراسب رسیده اهل ان قلعه

---

1) Мирхондъ (Histoire des Sultans du Kharezm, изд. Дефремери. Источникъ—Джувейни), ס: چون.

مُحکم شده اند و اِتّفاقا رشید وطواط در آن قلعه بوده و حکیم انوری این رُباعیرا گفته و بر تیر بسته در قلعه انداخته

ای شاه جهان روی زمین کشف تراست [1]
وز دولت واقبال* جهان حسب [2] تراست
امروز بیك حمله هزاراسب بگیر
فردا خوارزم و صدهزار اسب تراست

سهم آن رُباعی که همچُو تیر در خاطر وطواط نِشسته بطریق جواب این بَیت گفته بیرون افکنده

گر* خصم تو [3] ای شاه شود [4] رُستم گرد
یك خر ز هزاراسب تو نتواند بُرد

گویند دیگر روز که فَتح قلعه مُیسّر شده حُکم شده که وطواطرا هر جا که یابند هفت پاره کنند و حضرت سُلطان از حمّام بیرون آمده حکیم انوری در مقام شفاعت وطواط که پناه باو بُرده بود زانو زده گفته که حُکم سلطانی شده که وطواطرا هفت پاره کنند و وطواط جانور ضعیف است اگر اورا دوپاره کُنند شاید که نیك و بهتر باشد سلطان تبسّم کرده از خون او در گذشته اَلقِصّه بعداز فتح هزاراسب سلطان سنجر عازم فتح خوارزم گشته و مُدّتهای مدید محاصرهٔ آن اشتغال فرموده و هر چند بکرّات جنگهای سلطانی انداخته و اسبابی حصارگیری بانوَاع ساخته از فتح آن روی نجام نِدیدَه عاقبتُ الامر بدان رضا داده که اَتسِیز بیرون آمده از پُشت اسب برو سلام کند و مُعاودت نماید تا از آوَازهٔ عدم فتح کسری در شوکت او ظاهر نگردد و بدین طریقه بصُلح راضی شد و باز گشته و قوّت اَتسِیز از استظهار || عدّهٔ خوارزم روی در فزونی نهاده و بعداز f. 36a.
انکه سُلطان سنجر در دست غزان اَسیر شده به بهانهٔ استخلاص سُلطان از خوارزم بیرون آمده و بر ممالِك ماورا النّهر و خُراسان مُستولِی شده و مُدّت دویست سال سلطنت ممالك ماورا النّهر و خراسان و در بعضی اوقات عِراق و هندُستان در تحت تصرّف خوارزم شاهیان باز مانده با آنکه طَنطَنهٔ کَوکَبهٔ دولت جنگیزی از اساس آن دولت گرد بر آورده غرض که فتح خوارزم هر پادشاهرا مُیسّر نشده و پادشاه تِیمور گُورگان

1) Мирхондъ, lib. cit., ٦—٧: ای شاه همه ملك جهان حسب تراست. 2) Ibid. شهی کسب. 3) Ibid. دشمنت. 4) Ibid. بود.

اگرچه در آخر اورا فتح آن دیار میسّر شده امّا چند نوبت بنفس خود محاصرهٔ آن بلاد رفته و بکرّات عساکر جرّار فرستاده و هیچکس‌را از صاحب قرانان سابق این حال میسّر نشده که در دفعهٔ اوّل که عزم تسخیر بلاد خوارزم نماید مگر دولت پایدار حضرت خلیفة الرّحمانی که عجایب آثار سبحانی است

بهر سو که بختش فرازد علم * نهد فتح و نصرت بدان ره قدم
بهر جا که عزم سپاهش بود * نسیم ظفر بیک راهش بود
عجب نیست جون همتش عزم کرد * بیک حمله کس فتح خوارزم کرد

تفصیل داستان این فتح نامدار جون خلیفة الرّحمانی بتأیید نصرت ربّانی جمیع بلاد ترکستان و ماورا النّهررا مسخّر ساخته و خاطر شریف از دغدغهٔ اعداد مخالفان آن دیار باز پرداخته متوجه این کشت که هر مملکت‌را در تحت حکومت یکی از سلطانان و امرایٔ کامکار درآید تا از اثار نصفت و معدلت ایشان اقطار ممالك محروسه معمور کردد لاجرم از اعیان سلطانان ولایت ترکستان‌را بکوجکونجی[1] سلطان مفوّض کشت و در تاشکند برادر او سیونیج خواجه سلطان مقرّر شد و ناحیهٔ اندجان || بجانی بیك سلطان حکم شد ودر شهرخیّهء نواحی او بامیر یعقوب وفادار f. 36b.
حکم شد و دار المحفوظهٔ سمرقند باحمد سلطان مقرّر شد و مملکت حصار و توابع آن منصوب بحمزه سلطان و برادر او مهدی سلطان بداد و در مملکت ترمذ سید محمد سلطان پسر باباخان مقرّر شد و قندوزرا بامیر قنبر و سید عاشق مقرّر شدند و امور ممالك انتظام تمام یافت[2]

---

1) Б.-Н. کوچوم‌خان (изд. Бевериджъ, ff. 347a-b, 352b, 354b, 357; данное въ указателѣ имя قوچکنجی въ текстѣ не встрѣчается); Ш.-Н. کوجوم سلطان, стр. 170 и 195. В. Бартольдъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Туркестанъ, 204. Персидскій текстъ говоритъ о томъ, что излагается въ поэмѣ Мухаммеда Салиха (изд. Меліоранскаго) на стр. 194 и сл. (глава LXVII и сл.); вм. Туркестана резиденціей Кӯчӯм-хана Салихъ называетъ «Ясы и Сауранъ». Вамбери при изданіи и переводѣ Ш.-Н. не обратилъ вниманія на перестановку стиховъ 22 и 24 (см. мое примѣчаніе въ изд. Меліоранскаго на стр. 195), благодаря чему Мехди-Султанъ попалъ изъ Хисара (ср. перс. текстъ) въ Кундузъ (изд. Вамбери, стр. 386 — 387). Правитель Термеза, Сейид-Мухаммед-Султанъ, сынъ Баба-хана (перс. текстъ), упоминается Салихомъ въ стихѣ:

و ترمذ اوستیدا قیلیبان جولان * اولتورور نقد سید بابا خان

что Вамбери неправильно переводитъ: «Ueber Termez kreiset auf Wacht herum * Der tapfere (sic) Seid Baba Chan»; نقد здѣсь значитъ иносказательно *сынъ*, ср. гл. XVIII, стихъ 64. Въ персидскомъ текстѣ не указанъ Хаджи-Газы, правитель Ура-тӯбä (Ш.-Н. стихъ 19).

2) Ш.-Н. LXVII, 26.

ظالمان‌را چو روزگار بکاست
رونق کار عدل افزون شد
از فلك امن چون فرود آمد
فتنه بر بست بار و بیرون شد

و درین ولا مُنهیان اخبار معروض داشتند که چین صوفی که حاکم مملکت خوارزم است از مقام عصیان دم میزند و در راه کمراهی و طغیان قدم می نهد فی الحال حکم شد که افواج عساکر نُصرت شعار که در اقطار دیار سمیّت انشار دارند تهیهٔ اسباب نموده تمامی در مملکت بخارا جمع آیند[1] و حضرت خان از دار المحفوظهٔ سمرقند توجه بجانب مملکت بخارا فرمود* و طیّ مسافت بشش مرحله فرموده نزول اجلال در مدینهٔ فاخرهٔ بخارا واقع شد[2] و اکابر و اشراف بخارا تمامی بسعادت استقبال استسعاد یافتند و ساوری و پشکشهای لایق نثار کردند و چون ایّام راحت و فراغ و اوقات اَمن بود مناسب نمود که شاهزادهٔ ارجمند عُبید الله بهادر سلطان که در مستقرّ ایالت پدر نامدار استقرار یافته بود و حکومت بخارا برای انور او سمیّت تفویض یافته بمضمون فرموده النّکاح سُنّتِی متسنّن کرد و نواب شاهزاده مشار الیه به تَهِیّهٔ طوی اقدام نمودند[3] و جشنهای لایق دست داد و آن مشتری سپهر جلالت ناهید پردهٔ عِصمت مقارن کشته و عساکر منصوره از اطراف جمع آمدند حضرت خان از بخارا بیرون فرموده || اکابر و اشراف‌را بخلعتهای خاص سرافراز و مفتخر ساخت f. 37a. و عزیمت طرف قرا کول نمود[4] و چون آن ولایت بواسطهٔ بی اهتمامی و توجه والیٔ ان مهدی سلطان روی در اختلال و پریشانی نهاده بود و مهدی سلطان بواسطهٔ اهال در رعایت رعیّت از ایالت بر طرف شده بطرف حصار روانه شده بود مراحم خَسروانه متوجه حال سُکّان آن دیار شده سید عبدُ الغفّار دیوان‌را بضبط نسق آن ولایت مُقرّر فرمودند[5] و در اوقات توطّن بخارا ایّام شتا در آمد و اتفاقا آن سال در هوا سردی بافراط ظاهر شد و برودت هوا بغایت انجامید

چنان جیش سرما کند دست بُرد
که نی پوستین دافع آید نه بُرد

---

1) Въ Ш.-Н. указывается другой мотивъ похода въ Хорезмъ, пожалуй, болѣе искренній, — loc. cit. 32 — 33. 2) Ш.-Н., loc. cit. 35: آلتی قوندی و بخارا کیلدی. 3) Ш.-Н. loc. cit. 47 — 49. 4) Loc. cit. 60. 5) Этотъ эпизодъ Салихомъ не упоминается.

نفس کر برون آید از حلق کس
زسرما همانـدم بـه بندد نفس
.... که افسرده است
سمندر جو ماهی به یخ مُرده است [1]

از موضع قراکول عزیمت کنار آب آمویهٔ فرمود و جون رایات به قلعه جهارجوی رسید امیر یار علی کوندلان که از جملهٔ ملازمان سلطان حُسین میرزا بود و مُحافظت قلعهٔ جهارجوی و ایالت آن ناحیه درعهدهٔ او کرده بودند ازغایت تأثیر خوف و هوس (که) از موکب حضرت خان باو استیلا یافته بود در مقام تضرّع و نیاز در آمده کس بدرکاه جهان‌پناه فرستاده معروض داشت که اکر از کناه این بیجاره عفو فرمایند کلید قلعه‌را دست آویز ساخته رکاب هُمایون‌را بر دیدهٔ خود مالم و مِن بعد سر اِطاعت از ربقهٔ عبودیت اصلا بر ندارم [2] و حضرت خان فرستادهٔ اورا به خلعتهای فاخر پوشانیده باز کردانید و مُقرّر شد که امیر ابیکه ترخان همراه فرستادهٔ امیر یار علی کُوندلان باز کردد واورا بغایت بپایهٔ سریر اعلی آورد [3] || و دیکر روز امیر f. 37b.
یار علی بشکش‌های لایق مُهیّا ساخته آورد و بشرف عرض رسید و از جملهٔ تبرّوکات (sic) او قطار شتری بود به پوشش ابریشمی آراسته و تبوجاق خاص و دیکر تبرّوکات (sic) کرانمایه بعرض رسانید و مقبول خاطر بندکان درکاه شد و بشرف التفات اختصاص تمام یافت و حکومت قلعهٔ جهارجوی‌را بامیر محمد صالح عیانت فرمود و حکم شد که مشار الیه مُتوجه قلعه کردد [4] و کوج امیر یار علی‌را روانهٔ اُردوی همایون کرداند و اسباب زیادتی‌را تصرّف نموده بمحافظت قلعه اشتغال نماید و جون کوج امیر یار علی باردُوی همایون رسید امرعالی شد که کوج امیر یار علی در قراکول توقف کند و امیر یار علی بلشکر خوارزم مُتوجّه کردد و بعداز فراغ از امر تسخیر جارجوی رایت نُصرت شعار متوجه صوب خوارزم کشت و ازانجا کوج بر کوج تا خوارزم در هیج جا توقف واقع نشد و در اثنای طیّ مراحل جون بحوالیٔ خوارزم نزدیك شدند فرمان شد که شاهزادهٔ کامکار سلطان محمد تیمور و عُبید الله سلطان با بهادران لشکر

---

1) Loc. cit. 42—55. 2) Loc. cit. 60—63; имя тимуридскаго правителя Чарджуя не названо и весь эпизодъ очень сокращенъ. Ср. ibid., стр. 208, стихъ 55. 3) Ш.-Н. abs. Абике-Тарханъ не упоминается и въ Б.-Н. 4) Ш.-Н., loc. cit. 63 и 65.

جرسم یورتاولی از راه خیوق متوجه کردند و سلطانان بر وُفق فرمان با بنج هزار مرد اراسته از آن راهی که تعین شده بود بمتوجه صوب خوارزم شدند[1] فی الحال که از راه رسیدند اغاز محاربه و جنك کردند و مُتعاقب رأیات منصوره حضرت صاحب قرانی در رسید و جون حوالیِّ خوارزم اقبال شد بر حسب مُقتضای سُنّت اِلٓهی کسی‌را برسم رِسالت بنزد جین صوفی که حاکم قلعه بود فرستادند مضمون پیغام آنکه متوجه فتح باین قلعه شده ایم تا بدست ندرآید مُعاودت بهیچ وجه مُمکِن نیست

تو میدانی که کر من کینه خواهم
نیارد کوه تاب این سپاهم
اکر لشکر کشم بر کشور روم
نه کشور ماند و نی قیصر روم

f. 38a. وظیفهٔ داناییِٔ || او آنکه در قلعه‌را کشاده از راه دولتخواهی درآید

ای که در ناله جو رنجید برین درکاهی
ناله بکذار و درا از در دولتخواهی

جون ازآن دولت روی تافته بود و پشت استظهار بر دیوار حصانت قلعه نهاده و بجواب ناصواب اقدام نموده از مقام اطاعت انحراف ورزید جه حصار خوارزم از غایت اِرتفاع سر بر فرقدین می ساید حضرت خان‌را از استماع آن کلام نافرجام نایرهٔ غضب اشتعال یافت[2] و فرمان شد که سلاطین و امرا هر یك در مُلجر خود فرُود آمده بمحاصرهٔ قلعه اشتغال نمایند[3] و بذات شریف خود کرد قلعه بر آمده هر کس‌را در ملجار خود تعین فرمُود و محل نزول خاصه در موضع بیل خانه[4] مُقرّر کشت و محمد تیمور سلطانرا در مُقابله تعین نمود[5] و عُبید الله سلطانرا در آقسرا تعین کرد[6] و همچنین بهادران دست راست و دست جب هر یك بر حسب مراتب خود مُعیّن شدند[7] و همجون مُحیط مرکز آن قلعه‌را احاطه نموده بنشستند[8] و هر روزه از دلیران لشکر متوجه پای قلعه کشته اغاز جنك میکردند مردان کارزار بجدّی که در

1) Loc. cit. 68 — 74. Соотвѣтствіе обоихъ текстовъ *почти* полное. 2) Эпизодъ съ письмомъ въ Ш.-Н. abs. 3) Ibid. 79. 4) Ш.-Н., 81: بیل‌بایه. 5) Ibid. 82. 6) Ibid. 83. 7) Ibid. 84. 8) Ibid. 85—6; удивительно сходство текстовъ въ этомъ мѣстѣ.

هیچ زمان جشم جهان جنان غلبه و اجتماع ندیده بوده جون راه خیوق دور بود و منازل آن نامعموره و کثرت افراد لشکر نا محصور ازوق و زخیره همراه بود اِنقراض یافت و موجب دغدغهٔ خواطِر کشت رای عقده‌کشای حضرت خان مُقتضی آن کشت که بهر جانب یورتاول روانه فرمایند یورتاولان در درهای حوالیٔ خیوق اموال بسیار از اسب و شتر و کاو و کوسفند یافتند و بلشکر آوردند[1] و حضرت خان و سلاطین این معنی‌را بتفاول کرفته از مُقدّمات فتح قلعه شمُردند سلاطین و امرا در حرکت
f. 38b. آمده باتفاق بعرض زانو زدند که اکر || حکم شود ما بندکان در مقام مُحاربه و جدال در آمده بعون سُبحانی و همت خانی در یك حمله این قلعه‌را باخاك برابر سازیم و از بیخ بر اندازیم[2]

بتائید پروردکار قدیم
به نیروی بازوی خان عظیم
درائیم از راه جنك و نبرد
براریم ازین تودهٔ خاك کرد
بیك حمله ما جمله مردان کار
جو این قلعه سازیم ویران هزار

حضرت خان آن جوانمردانرا جواب داد که حالا درین قلعه جماعتی از ترکمانان یك جهت مُحکم شده اند و از بیم خود کوشش خواهند کرد و شاید که بدان سبب بسیاری از عساکر منصوره‌را آسیبی رسد مصلحت آنست که جند روزی توقف کنیم که هر روز آن جماعت‌را قوّت مکنت روی در تراجع و ضعف می نهد و استخلاص قلعه بهر زمان از قوّت بفعل نزدیکتر می کردد وفی الواقع این کمال حکمت و مصلحت حال ملك و لشکر است که ممر اِلهام ربّانی بر خاطر حضرت خان رسیده بود[3]

در ازل آنرا که فیض رحمت ارزانی بود
تا ابد تعلیمش از اِلهام ربانی بود

---

1) Ibid. 87 — 99. 2) Ibid. 100 — 101. 3) Ibid. 102 — 104.

Турецкія стихи — ترکیه.

شیبانی خان که شهلارنین (sic) کیبی پردەسی دور
شهلار نیدور که خانلار ارادا کورداسی دور
اول خان که طریق کرمُ احسان دور
شهلار باری جسم و جسم ارا اول جان دُور
کر مروّت ایتب باغیشلادی خانلارنی
آندِین نِی عجَب خَلِیفة الرّحمان دُور
یوقتور سندیك اوروشدا قوتلیق خان
هم پاك اِیتاك بیلان فتُودتلیق خان
خانلارنی آلِیب باغیشلادینك مرُوت ایتب
کیم کوردی سنینك کیبی مرُوّتلیق خان

Употребивъ на ознакомленіе съ рукописью и на выписки изъ нея только одинъ или два вечера, я не могу ручаться, что издаваемые мною здѣсь отрывки передаютъ подлинникъ съ полной точностью, и что нѣкоторыя описки и пропуски, оказавшіеся въ моей копіи, были уже и въ оригиналѣ. Приношу благодарность В. В. Бартольду и А. Ѳ. Хащабу за разрѣшеніе ряда моихъ недоумѣній и надѣюсь, что обнародованныя мною, хотя-бы и въ предварительномъ видѣ, выдержки изъ новой «Шейбани-намэ», съ приложеніемъ факсимилэ, не лишены все-же извѣстнаго научнаго интереса [1]).

А. Самойловичъ.

Терійоки, Іюнь 1909 г.

---

1) Я согласенъ съ В. В. Бартольдомъ, высказавшимъ мнѣніе (З. В. О XV, 205), что едва-ли, вопреки мнѣнію Дорна, Мулла Бенāī могъ быть авторомъ сочиненія, описаннаго Дорномъ въ его каталогѣ рукописей Императорской Публичной Библіотеки, рук. № 301, подъ названіемъ شاهنشاه نامه. Какъ могъ бы Бенāī написать شاهنشاه نامه, когда въ этомъ сочиненіи сообщается о его собственной смерти! Привожу цитату изъ письма ко мнѣ В. В. Бартольда:

(f. 229a) و مولانا بنایی خراسانی که از افاضل شعرای هراة بود و مدّتی بود که ساکن بلاد ماورا النهر شده بود و ازو آثار نظم و نثر در میانهٔ اهل کمال باقی درآن قتل عام عرضهٔ تیغ تقدیر شد.

(рѣчь идетъ о взятіи персами Карши въ 918 г. х.; см. еще Tarikh-i Rashidi, engl. version p. 260 и З. В. О. XV, 202).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

---

357. Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета. Часть I Географическая. Вып. 1-й. Имя, границы, обзоръ путешествій. Владивостокъ 1907, XXXII, VIII, 262, 129 стр. 8⁰.—Вып. 2-й. Очеркъ физической географіи Тибета. Ibid. XVIII, 182, 90 стр. 8⁰.—Часть II Этнографическая. Вып. 1-й. Составъ и бытъ населенія. Владивостокъ 1908. XXVIII, 117, 111 стр. 8⁰.—Вып. 2-й. Экономическій очеркъ Тибета. Ibid. XII, 183, 96 стр. 8⁰.

Обширный трудъ Н. В. Кюнера предпринятъ съ цѣлью «дать возможно полный критическій обзоръ существующихъ въ европейской и русской литературѣ данныхъ относительно географіи и этнографіи, политической, культурной, въ частности религіозной, и экономической жизни» Тибета. Двѣ первыхъ части труда, доставившія автору степень магистра исторіи Востока, заключаютъ въ себѣ сводъ данныхъ по географіи и этнографіи страны; третью часть, еще не вышедшую въ свѣтъ, авторъ предполагаетъ посвятить обзору исторіи Тибета, въ частности изложенію «возникновенія и постепеннаго развитія тибетской культуры и ламаизма».

Изъ предисловія видно, что планъ составленія такого обзора возникъ подъ вліяніемъ событій 1903—4 гг., выдвинувшихъ Тибетъ «на одно изъ первыхъ мѣстъ въ политикѣ европейскихъ державъ въ Азіи» и вызвавшихъ обширную литературу объ этой странѣ. Большая часть книгъ и брошюръ о Тибетѣ, появившихся въ то время, имѣла цѣлью только удовлетвореніе временнаго любопытства читателей, вызваннаго политическими событіями. Совершенно иной была цѣль труда Н. В. Кюнера. Исходя изъ преувеличенной оцѣнки англо-тибетскаго договора 7 сент. (н. ст.) 1904 г., авторъ еще въ то время, когда писалъ предисловіе къ своей книгѣ (въ іюнѣ 1907 г.), считалъ этотъ договоръ началомъ новой эры не только въ исторіи

изученія Тибета, но и въ исторіи самой страны; ему казалось, что въ непродолжительномъ будущемъ «историческій Тибетъ исчезнетъ; его мѣсто займетъ Тибетъ ученыхъ изслѣдователей и европейскихъ торгово-промышленныхъ дѣятелей» (ч. I, вып. I, предисл., стр. VI). Въ виду этого ему представлялось настоятельно необходимымъ именно въ настоящее время составить сводъ всѣхъ данныхъ объ «историческомъ Тибетѣ», собранныхъ прежними изслѣдователями.

Ожиданія автора, какъ извѣстно, не оправдались, въ чемъ онъ убѣдился и самъ во время составленія своей книги. Ни одинъ изъ пунктовъ, открытыхъ по договору для англійской торговли, не былъ даже посѣщенъ англійскими купцами (ч. II, вып. II, прим., стр. 92); для ученыхъ изслѣдованій не только не были устранены прежнія затрудненія, но были созданы новыя: по англо-русской конвенціи 18/31 августа 1907 г. «оба правительства взаимно обязались не допускать въ Тибетъ въ теченіе трехъ лѣтъ никакой научной экспедиціи» (ч. I, вып. I, прим., стр. 129). Изъ всего этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы появленіе книги Н. В. Кюнера въ настоящее время было излишнимъ или несвоевременнымъ. Литература о Тибетѣ настолько значительна и разбросана, что подобный сводъ данныхъ о странѣ и ея населеніи, несомнѣнно, удовлетворяетъ вполнѣ назрѣвшей потребности.

Компилятивные труды, заключающіе въ себѣ сводъ данныхъ по какой-нибудь отрасли науки (напр. «Grundriss der indoarischen Philologie» и «Grundriss der iranischen Philologie») или сводъ свѣдѣній о какой-нибудь странѣ (напр. изданія министерства финансовъ, посвященныя описанію Маньчжуріи и Кореи), обыкновенно являются результатомъ коллективной работы. Н. В. Кюнеръ приступилъ къ составленію такого труда единолично, безъ сотрудниковъ, что̀ свидѣтельствуетъ о выдающейся работоспособности и рѣдкомъ научномъ энтузіазмѣ. Но тою же причиною въ значительной степени объясняется главный недостатокъ труда — недостаточно критическое отношеніе автора къ своимъ источникамъ и пособіямъ. Требованіямъ, которыя обыкновенно предъявляются къ компилятивнымъ трудамъ спеціалистовъ[1]), книга Н. В. Кюнера не могла бы удовлетворить; авторъ далеко не всегда былъ въ состояніи опредѣлить, какіе изъ приводимыхъ имъ взглядовъ могутъ быть признаны научно доказанными и какіе остаются только личными мнѣніями того или другого изслѣдователя. Въ вышедшихъ до сихъ поръ частяхъ труда, географической и этнографической, этотъ недостатокъ долженъ былъ сказаться особенно замѣтно, такъ какъ авторъ,

1) Ср. напр. слова бар. В. Р. Розена въ З. В. О. I, 229 и II, 292.

какъ видно изъ многихъ мѣстъ его книги, не является спеціалистомъ ни въ области географической, ни въ области этнографической науки.

Наиболѣе цѣнной частью труда долженъ быть признанъ, по моему мнѣнію, первый выпускъ первой части, посвященный исторіи ознакомленія европейцевъ съ Тибетомъ. Авторъ далъ намъ подробный обзоръ европейскихъ путешествій въ Тибетъ, въ которомъ можно отмѣтить только несущественные пробѣлы[1]). Китайскихъ и мусульманскихъ извѣстій о Тибетѣ авторъ касается только мимоходомъ; въ этомъ отношеніи его трудъ нуждается въ значительныхъ дополненіяхъ, которыя, вѣроятно, будутъ имъ сдѣланы при составленіи исторической части. Относительно китайскихъ источниковъ авторъ уже на публичномъ диспутѣ получилъ отъ компетентнаго лица нѣкоторыя указанія, которыми, вѣроятно, воспользуется; мусульманскіе источники использованы имъ въ крайне незначительной степени. Къ сожалѣнію, то изъ произведеній мусульманской географической литературы, гдѣ мы находимъ больше всего свѣдѣній о Тибетѣ (рукопись Туманскаго)[2]), еще не сдѣлалось доступнымъ для общаго пользованія; но Н. В. Кюнеромъ не использованы даже сочиненія, давно переведенныя на европейскіе языки. Совершенно невѣрно, что первымъ арабскимъ писателемъ, упоминающимъ о Тибетѣ, былъ Истахри (стр. 4)[3]); самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (прим., стр. 42) замѣчаетъ, что графъ Геза Кунъ «приводитъ въ арабскомъ текстѣ и венгерскомъ переводѣ мѣста, относящіяся до Тибета, изъ арабскихъ писателей[4]), начиная съ Ибнъ-Хордадбеха (IX в.) до Абулгази (XVII в.)». Совершенно ошибочно предположеніе, что арабы заимствовали самое слово «Тибетъ» изъ Китая или изъ Кашмира (стр. 3), причемъ второе признается болѣе вѣроятнымъ (прим., стр. 10). Изъ орхонскихъ и енисейскихъ надписей видно, что слово «Тӳпӳт» или «Тӧпӧт»[5]) давно уже употреблялось среднеазіатскими турками; что арабское названіе Тибета заимствовано изъ Средней Азіи, видно уже изъ того факта, что тибетскій

---

1) Такъ во 2-мъ выпускѣ (стр. 72) говорится, что «единственной лодкою, спускавшейся когда-либо на озеро Манасароваръ, была лодка, принадлежавшая Друммонду»; при этомъ не сообщается, кто былъ этотъ Друммондъ, даже не приводятся слова Шерринга (Sherring, Western Tibet and the British Borderland, 1906, p. 273), по которымъ онъ былъ коммиссаромъ въ Bareilly. Читатель, естественно, будетъ искать въ первомъ выпускѣ свѣдѣній о Друммондѣ и его путешествіи, но не найдетъ тамъ ни слова.

2) Ср. З. В. О. X, 121 и слѣд., заглавіе главы о Тибетѣ (л. 16 а) на стр. 130.

3) То же самое сказано также въ статьѣ Г. Е. Грумъ-Гржимайло въ Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона (XXXIII, 142).

4) Мы, конечно, не придаемъ значенія этому lapsus calami, вслѣдствіе котораго Абулгази оказался въ числѣ *арабскихъ* писателей.

5) Встрѣчается въ нѣсколькихъ мѣстахъ большихъ надписей (К 4,11; X 5,9; Ка 3,24; Xb 3,4). Ср. также титулъ «Тӳпӳт Кан» въ надписи ММ. III b, 2 (W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St.-P. 1895, S. 336).

государь носитъ въ арабскихъ источникахъ турецкій титулъ хакана[1]). Сверхъ того въ мусульманской литературѣ нѣтъ описанія пути въ Тибетъ ни изъ Китая, ни изъ Кашмира, тогда какъ, кромѣ непосредственныхъ торговыхъ сношеній между тогдашней пограничной областью ислама Бадахшаномъ и Тибетомъ черезъ Ваханъ[2]), описывается еще путь въ Тибетъ изъ Кашгара и Хотана[3]).

Изъ военныхъ походовъ мусульманъ на Тибетъ авторъ упоминаетъ только о походѣ (въ XVI в.) Мухаммедъ-Хайдера (прим., стр. 19—21)[4]) и полагаетъ, что «извѣстія о прежнихъ мусульманскихъ походахъ сомнительны»; но столь же достовѣренъ разсказъ о болѣе раннемъ (XIII в.) походѣ султана Мухаммедъ-Бахтіяра на Тибетъ изъ Бенгаліи, переданный авторомъ того же XIII в., историкомъ Джузджани[5]). Изъ другихъ мусульманскихъ извѣстій о Тибетѣ, не использованныхъ Н. В. Кюнеромъ, особенный интересъ представляетъ разсказъ османскаго автора Сейфи, писавшаго въ 1582 г., о торговлѣ чаемъ между Тибетомъ и Китаемъ. Разсказъ Сейфи, обнародованный въ французскомъ переводѣ Шеферомъ[6]), между прочимъ показываетъ, что, вопреки установившемуся мнѣнію[7]), слово «чай» проникло въ турецкій языкъ не черезъ посредство русскаго, но, благодаря китайско-тибетской торговлѣ, было извѣстно въ восточныхъ областяхъ ислама еще въ XVI в. и тогда же, задолго до начала торговли чаемъ между Россіей и Китаемъ, сдѣлалось извѣстнымъ османскому автору.

О европейскихъ путешествіяхъ въ Тибетъ авторомъ собранъ такой обширный матеріалъ, какого мы не могли бы найти ни въ одномъ изъ другихъ сочиненій, ни на русскомъ, ни на западно-европейскихъ языкахъ; тѣмъ не менѣе, даже въ этой части труда приходится отмѣтить чрезмѣрную зависи-

---

1) خاقان تبّت у арабовъ и въ مجمل التواريخ (ср. мой трудъ «Туркестанъ въ эпоху монг. нашествія», ч. I, стр. 20); تبّت خاقان у Гардизи (ср. мой «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію», стр. 88, строка 14).

2) Ср. Туркестанъ въ эпоху монг. наш., ч. II, стр. 67. По словамъ Гренара (F. Grenard, Le Tibet, p. 306, у Н. В. Кюнера ч. II, вып. 2, стр. 83) тибетскія владѣнія, въ составъ которыхъ входилъ и Ваханъ, непосредственно граничили съ арабской имперіей; у Истахри (изд. de Goeje, p. 297) сказано только, что «между Ваханомъ и Тибетомъ небольшое разстояніе»; но въ VIII в. Ваханъ, по китайскимъ извѣстіямъ, дѣйствительно былъ подчиненъ тибетцамъ (E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue occidentaux, p. 152 и 165).

3) Ср. мой «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію», стр. 112.

4) Число «160» (переходовъ отъ Ле до Лхасы), повидимому, опечатка вм. «60»; ср. The Tarikh-i-Rashidi, engl. vers., Lond. 1895, p. 455 sq.

5) The Tabaqát-i Násiri. ed. by capt. W. Nassau Lees, Calcutta 1864, p. ١٥٢—١٥٦. Raverty, Tabakat-i Nasiri, p. 560—572. Elliot, History of India, II, 309—313.

6) Histoire de l'Asie Centrale par Abdoul-Kerim Boukhary, trad., Paris 1876, p. 296.

7) Ср. З. В. О. XIX, 0106.

мость автора отъ своихъ предшественниковъ. На стр. 219 авторъ совершенно правильно отмѣчаетъ крупные недостатки одного изъ такихъ пособій— книги Г. Сэндберга «The exploration of Tibet»; между тѣмъ зависимость труда Н. В. Кюнера отъ этой книги оказывается гораздо болѣе значительной, чѣмъ можно было бы думать по количеству ссылокъ. На стр. 44 приводится, съ ссылкой на Маркхама[1]), дата смерти путешественника Ванъ-де-Путте — 1737 г.; въ дѣйствительности мы у Маркхама находимъ другую дату — 1745 г.[2]); ошибочная дата, приведенная авторомъ, заимствована у Сэндберга[3]). На стр. 155 говорится о дополненіяхъ Рокхиля къ «графическому описанію» монастыря Кумбумъ, составленному Гюкомъ; выраженіе «графическое описаніе», едва ли имѣющее въ русскомъ языкѣ то же значеніе, какъ въ англійскомъ, заимствовано у Сэндберга[4]). Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ книги[5]), гдѣ говорится о значеніи того или другого путешествія и гдѣ авторъ какъ-бы высказываетъ свое собственное мнѣніе, въ дѣйствительности буквально воспроизведены, безъ ссылки, слова Сэндберга.

Недостаточно критическое отношеніе автора къ своимъ предшественникамъ, можетъ быть, нагляднѣе всего проявляется въ слѣдующемъ примѣрѣ: на стр. 22 примѣчаній сказано, что Паркеръ «приводитъ рядъ выдержекъ изъ китайскихъ лѣтописей, доказывающихъ, что завоеваніе Тибета монголами было не только полностью завершено, но и обстоятельно разсказано»; Н. В. Кюнеръ въ этомъ случаѣ буквально воспроизводитъ слова самого Паркера[6]), не замѣчая, что приведенныя Паркеромъ выдержки (заимствованныя исключительно изъ Юань-ши) въ дѣйствительности касаются только военныхъ дѣйствій въ пограничныхъ областяхъ тогдашняго Тибета (теперь входящихъ въ составъ Китая) и ничего не говорятъ о полномъ завоеваніи страны. При такомъ отношеніи автора къ трудамъ предшественниковъ вполнѣ естественно, что его отзывъ о заслугахъ отдѣльныхъ путешественниковъ и изслѣдователей иногда оказывается слишкомъ благопріятнымъ. Таковымъ представляется намъ отзывъ о путешествіяхъ Свена Гедина (стр. 186 и слѣд.) и въ особенности о научныхъ результатахъ англійской «миссіи» 1903—4 гг. (стр. 219 и слѣд.). Изъ собствен-

---

1) Ср. примѣч., стр. 37. Страница книги Маркхама указана невѣрно; вмѣсто LVI надо читать LXII—LXIII.

2) Ту же дату по Маркхаму даетъ и K. Ganzenmüller, Tibet, Stuttg. 1878, S. 5.

3) G. Sandberg, Exploration of Tibet, p. 60.

4) Ibid., p. 202.

5) Ср. стр. 61 о коммиссіи 1847 г. (Sandberg, Exploration, p. 137), стр. 95 о Саратъ-Чандра-Дасѣ (ibid., p. 172), стр. 168 о миссъ Тэйлоръ (ibid., p. 212—213).

6) As. Quart. Review, Jan. 1904, p. 132.

ныхъ словъ автора видно, что посѣщеніе «запретнаго» города европейскимъ военнымъ отрядомъ не доставило наукѣ почти никакихъ новыхъ свѣдѣній. Произведенная экспедиціей сьемка только подтвердила, «за самыми ничтожными исключеніями», правильность картъ, составленныхъ раньше, на основаніи сьемокъ пандитовъ (стр. 224). Собранныя членами экспедиціи научныя коллекціи были составлены «безъ всякой системы и не во имя интересовъ науки» (стр. 240). Самыми подробными свѣдѣніями объ администраціи Тибета остались и послѣ 1904 г. свѣдѣнія, собранныя болѣе чѣмъ 20-ю годами раньше Саратъ-Чандра-Дасомъ (прим., стр. 117). Даже составители плана Лхасы не могли воспользоваться своимъ положеніемъ хозяевъ города и, «чтобы не возбудить подозрѣній туземцевъ, не пользовались планшетомъ, а только буссолью, разстоянія же измѣряли шагами» (стр. 225). О религіозныхъ достопримѣчательностяхъ Лхасы участники экспедиціи, не обладая надлежащей подготовкой, могли сообщить только свои «поверхностныя впечатлѣнія» (ч. II, вып. II, стр. 88—89).

Въ обзоръ путешествій по Тибету вошла также значительная часть фактическихъ свѣдѣній о странѣ, собранныхъ путешественниками; поэтому авторъ во второмъ выпускѣ, посвященномъ «очерку физической географіи Тибета», призналъ возможнымъ ограничиться «общими характеристиками и выводами, предполагая меньшія детали уже извѣстными изъ предшествующаго изложенія» (вып. I, стр. 262). Какъ и слѣдовало ожидать, авторъ при изложеніи этихъ «характеристикъ и выводовъ» находился еще въ болѣе тѣсной зависимости отъ своихъ предшественниковъ, чѣмъ при изложеніи фактическихъ данныхъ. На стр. 6 авторъ повторяетъ отъ своего имени слова Сиверса, по которымъ «Гималаи отдѣляютъ земледѣльческихъ индусовъ отъ пастушескихъ представителей монгольской расы»; на стр. 60 примѣчаній приводится безъ критики мнѣніе Сэндберга, по которому «тибетецъ является прирожденнымъ земледѣльцемъ по инстинкту»; впослѣдствіи, при чтеніи этнографической части труда, читатель узнаетъ, что Гималаи, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не составляютъ и этнографической границы, такъ какъ «тибетцы живутъ и по южнымъ склонамъ Гималаевъ отъ Инда до Брамапутры» [1]). Съ другой стороны, дѣйствительное этнографическое значеніе горной цѣпи Каракорумъ, отмѣченное Германомъ фонъ-Шлагинтвейтомъ [2]), оставлено безъ вниманія (стр. 7—9).

Къ географической номенклатурѣ Тибета авторъ также не относится съ тѣмъ вниманіемъ, котораго можно было ожидать отъ оріенталиста. При-

---

1) Описаніе Тибета, ч. II, вып. I, стр. 4.
2) K. Ganzenmüller, Tibet, S. V.

водя значеніе того или другого названія, авторъ даже не сообщаетъ своимъ читателямъ, изъ какого языка это названіе заимствовано; такъ на стр. 16 упоминаются горы Баян-хара «богатыя (золотомъ) черныя», на стр. 17 хребетъ Аркатаг («задній хребетъ»), на стр. 23 хребетъ Аккар чэкыл таг «бѣлоснѣжный скалистый хребетъ», но не прибавлено, что первое названіе — монгольское, два послѣднихъ — турецкія. Не всегда названіе объясняется правильно; такъ Каракорум значитъ не «черный тронъ» (стр. 7), а «черная розсыпь»[1]). Наравнѣ съ тибетскими, монгольскими[2]) и турецкими названіями употребляются и русскія, данныя Пржевальскимъ, причемъ въ этомъ отношеніи не замѣтно никакой системы[3]). Этотъ послѣдній недостатокъ до нѣкоторой степени можетъ быть исправленъ, если къ третьей части, какъ можно надѣяться, будетъ приложенъ указатель также для двухъ первыхъ.

Въ главѣ о климатѣ Тибета (стр. 106—120) авторъ съ первыхъ строкъ предупреждаетъ своихъ читателей, что почти всѣ данныя по этому вопросу сводятся къ личнымъ впечатлѣніямъ путешественниковъ и что «трудно, почти невозможно дѣлать опредѣленныя заключенія изъ столь отрывочныхъ и разнохарактерныхъ данныхъ». Тѣмъ не менѣе онъ не ограничивается сопоставленіемъ противорѣчивыхъ мнѣній, но какъ бы присоединяется къ каждому изъ нихъ, такъ какъ высказываетъ всѣ эти мнѣнія отъ своего имени, и только изъ примѣчаній мы узнаемъ, кому принадлежитъ тотъ или другой взглядъ. Читателю сообщается, что «въ великомъ по результатамъ процессѣ чередованія индійскихъ муссоновъ—сѣверо-восточнаго и юго-западнаго, Тибетъ, за рѣдкими исключеніями, почти не принимаетъ участія» (стр. 107); нѣкоторыя части Тибета (Бжянъ-т'анъ, западная и центральная части южнаго Тибета) «лежатъ совершенно внѣ дѣйствія влажныхъ муссоновъ» (стр. 108); нѣсколькими страницами дальше мы читаемъ, что «сезонъ индійскихъ муссоновъ до извѣстной степени ощущается по всему Тибету» (стр. 114); даже въ Бжянъ-т'анѣ лѣтомъ «выпадаютъ обильные дожди» (стр. 116). По вопросу о вліяніи климата на населеніе авторъ-оріенталистъ серьезно приводитъ наивное мнѣніе Уодделя,

1) Ср. значеніе слова Корум въ «Опытѣ словаря тюркскихъ нарѣчій» В. В. Радлова, т. II, стр. 561.

2) На стр. 53—54 описывается озеро Бжянъ-нам-ц'о-чьид-мо (ч. I, вып. I, стр. 74 Нчідмо, ср. у Рокхиля, Diary, p. 238); только изъ оглавленія и изъ примѣчаній мы узнаемъ, что это — то же самое озеро, которое болѣе извѣстно подъ монгольскимъ названіемъ Тенгри-норъ.

3) На стр. 18—19 описывается «хребетъ Марко Поло», причемъ туземное названіе совершенно не приводится, хотя это названіе (Ангиртакша) было приведено авторомъ въ другомъ мѣстѣ (ч. I, вып. I, стр. 83). О значеніи названія «Ангиртакша» см. W. Rockhill, Land of the Lamas, p. 140 и Diary of a journey through Mongolia and Tibet, p. 187—188.

по которому одна изъ особенностей тибетскаго языка — «замѣчательно малое число гласныхъ въ словахъ и чрезвычайное обиліе согласныхъ» — объясняется «вліяніемъ холоднаго климата, который заставляетъ держать ротъ по возможности менѣе открытымъ» (стр. 112).

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о климатическихъ условіяхъ страны находится вопросъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ эти условія могли подвергаться еще въ историческое время. До недавняго времени вопросъ о томъ, происходитъ ли вообще въ Средней Азіи, слѣдовательно и въ Тибетѣ, процессъ постепеннаго высыханія, не возбуждалъ среди спеціалистовъ по физической географіи никакихъ сомнѣній; въ послѣднее время противъ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ были представлены вѣскіе доводы[1]). Н. В. Кюнеру этотъ споръ, повидимому, остался неизвѣстенъ, и онъ не сомнѣвается въ правильности прежняго взгляда, по которому тибетскія озера «находятся въ періодѣ высыханія» (стр. 52) и по которому въ этихъ озерахъ «площадь и уровень воды уменьшаются» (прим., стр. 30). Однако, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ размѣра озеръ, происходитъ, по его мнѣнію, процессъ постепеннаго расширенія области внѣшняго стока насчетъ внутреннихъ бассейновъ. Въ то время, когда Бжянъ-т'анъ былъ «дномъ одного или нѣсколькихъ обширнѣйшихъ прѣсноводныхъ озеръ», страна «еще въ болѣе рѣшительной степени была лишена внѣшняго стока, чѣмъ нынѣ»: истоки большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Индійскій океанъ, постепенно «углубляются внутрь страны на западъ» и соединяются съ озерами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, происходитъ и обратный процессъ: для образованія верховьевъ Цзанъ-по нѣкогда послужили «значительные озерные бассейны», остатки которыхъ теперь не имѣютъ сообщенія съ океаномъ (стр. 57). Озеро Кукуноръ нѣкогда соединялось съ однимъ изъ истоковъ Хуан-хэ (прим., стр. 20); теперь такого соединенія нѣтъ, но авторъ убѣжденъ въ «близости момента», когда оно возобновится (стр. 29). Авторъ полагаетъ, что для этихъ физико-географическихъ процессовъ требуется настолько незначительный промежутокъ времени, что о нихъ могли сохраниться даже народныя преданія: въ преданіи объ озерѣ Кукуноръ, разсказанномъ у Гюка, по которому озеро когда-то «перешло по подземному каналу на сѣверъ» изъ южнаго Тибета, онъ видитъ «несомнѣнное» доказательство, что озеро «сравнительно недавняго происхожденія» (прим., стр. 21). Въ дѣйствительности подробности легенды ясно указываютъ на ея чисто-религіозное происхожденіе: вода, протекавшая по подземному каналу, вхо-

1) Ср. З. В. О. XVII, 091. Ср. теперь также Изв. Имп. Р. Г. О., т. XLIV, стр. 132 и слѣд. (мнѣніе А. И. Воейкова).

дила въ котловину озера черезъ отверстіе; чтобы заполнить это отверстіе и спасти страну отъ наводненія, божество, принявъ видъ огромной птицы, принесло сюда скалистый островъ, на которомъ и теперь находится небольшая обитель отшельниковъ[1]). При такомъ характерѣ легенды едва ли есть основаніе связывать ее съ какими бы то ни было физико-географическими процессами.

За географической частью труда слѣдуетъ этнографическая, причемъ первый выпускъ этой части посвященъ вопросу о «составѣ и бытѣ населенія». Можно было ожидать, что авторъ, какъ историкъ, окажется болѣе подготовленнымъ къ рѣшенію этнографическихъ вопросовъ, чѣмъ къ рѣшенію географическихъ, но и это ожиданіе не оправдывается. Даже терминологія этнографической науки такъ мало извѣстна автору, что онъ отождествляетъ родовую организацію съ общинной (стр. 79). Крайне неясны и противорѣчивы его мнѣнія о родинѣ и странствованіяхъ тибетскаго племени. На стр. 4 сказано, что тибетцы «въ неизвѣстную историческую эпоху или даже ранѣе» (sic) перешли черезъ Гималаи и «разселились по южнымъ склонамъ Гималаевъ отъ Инда до Брамапутры»; на стр. 85 примѣчаній авторъ присоединяется къ мнѣнію, по которому тибетцы изъ сѣверо-западнаго Китая по теченію рѣкъ перешли въ Индо-Китай и Индію и уже изъ Индіи «вверхъ по Брамапутрѣ въ собственный Тибетъ». На той же стр. 4 говорится о «до-арійскомъ тибетскомъ коренномъ населеніи» Кашмира; на стр. 23 Кашмиръ причисляется къ областямъ, гдѣ тибетцы «смѣшались съ коренными арійцами». Наконецъ все на той же стр. 4 область Спити названа «областью съ чисто тибетскимъ населеніемъ», въ противоположность области Лахулъ, гдѣ населеніе «смѣшанное индо-тибетское, среди котораго существуютъ рядомъ четыре отличныхъ языка» — и тутъ же прибавлено, что «подобное же смѣшеніе языковъ наблюдается и въ Спити».

Столь же мало выясненъ вопросъ о культурныхъ связяхъ между Тибетомъ и другими областями Азіи. Тибетцы признаются народомъ «неполной — половинной культуры», что будто бы «явствуетъ уже изъ того факта, что въ ихъ странѣ, именно въ южной половинѣ, уживаются рядомъ кочевники и осѣдлое населеніе» (стр. 2). На томъ же основаніи авторъ долженъ былъ бы признать «половинной» культуру такого древняго культурнаго народа, какъ персы. Понятія «полной» и «половинной» культуры вообще едва ли могутъ быть научно обоснованы; во всѣхъ культурныхъ странахъ, не исключая западной Европы, различные слои населенія находятся на различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія, и даже среди самыхъ культур-

1) W. Rockhill, Land of the Lamas, 123.

ныхъ слоевъ можно отмѣтить пережитки болѣе раннихъ эпохъ. Одновременное существованіе въ Тибетѣ осѣдлаго и кочевого быта объясняется, какъ тутъ же признаетъ и самъ авторъ, «соединеніемъ здѣсь различныхъ физическихъ условій». Еще менѣе основанія причислять эту особенность бытового строя къ расовымъ признакамъ; между тѣмъ авторъ, повидимому, склоненъ признавать кочевой бытъ «характернымъ», хотя «этнографически не наиболѣе важнымъ» признакомъ монгольской расы (ibid.).

По словамъ автора, «даже та несовершенная культура, которая нынѣ является удѣломъ тибетцевъ, главнымъ образомъ южныхъ, не развилась самостоятельно» (ibid.). То же самое, какъ извѣстно, можно сказать о «несовершенной» культурѣ всѣхъ прочихъ древнихъ и новыхъ народовъ за исключеніемъ, можетъ быть, китайцевъ, древнихъ египтянъ и до-семитическаго населенія Вавилоніи. Тибетцы обязаны своей культурой, какъ извѣстно, главнымъ образомъ индійцамъ и китайцамъ. По вопросу о томъ, насколько въ настоящее время продолжается вліяніе китайцевъ на Тибетъ, мы въ книгѣ Н. В. Кюнера находимъ, по обыкновенію, противорѣчивыя мнѣнія. На стр. 15 авторъ присоединяется къ мнѣнію Гакмана, по которому теперь «никакого взаимнаго обмѣна между обѣими религіозными формами (тибетскимъ и китайскимъ буддизмомъ) не производится, какъ его не существуетъ и между народностями»; на стр. 27 примѣчаній приводится, со словъ Рокхиля, фактъ, что архитектура храмовъ и библіотекъ «по всему Тибету китайская». Для мѣстностей, гдѣ границы Китая соприкасаются съ границами Тибета, приводятся какъ примѣры вліянія китайцевъ на тибетцевъ (стр. 13), такъ и примѣры обратнаго вліянія (стр. 40 и прим., стр. 9).

Независимо отъ культурнаго вліянія Индіи и Китая, въ Тибетъ проникали также передне-азіатскіе и средне-азіатскіе культурные элементы, о которыхъ мы въ книгѣ Н. В. Кюнера находимъ только отрывочныя свѣдѣнія, остающіяся неразъясненными и непровѣренными. Едва ли была надобность повторять слова Уодделя, по которымъ «мало надежды, что въ Тибетѣ оправдаются предположенія тѣхъ ученыхъ, которые думали найти въ этой странѣ исчезнувшія съ гибелью Атлантиды начала наиболѣе раннихъ цивилизацій міра, предшествовавшихъ древнему Египту и Ассиріи» (стр. 115). Такіе ученые теперь едва ли существуютъ; при современномъ состояніи науки можетъ быть рѣчь только о вліяніи культуры Передней Азіи на Тибетъ, не объ обратномъ вліяніи. Въ книгѣ Н. В. Кюнера встрѣчаются указанія на культурныя слова передне-азіатскаго происхожденія, вошедшія въ тибетскій языкъ, и на другіе факты, свидѣтельствующіе о такомъ куль-

турномъ общеніи; но эти указанія не сопоставлены между собой и не приведены съ систему.

На стр. 62 тибетское слово «чуба»[1]) сближается какъ со словомъ «дзуба восточныхъ тюрковъ, для обозначенія мѣхового одѣянія», такъ и съ русскимъ словомъ «шуба», будто бы заимствованнымъ «изъ того же тюркскаго языка». Какъ извѣстно, турецкое слово, на которое указываетъ авторъ, принадлежитъ къ числу арабскихъ словъ, вошедшихъ въ турецкій языкъ. Фактъ заимствованія арабскаго слова, черезъ посредство турковъ, съ одной стороны славянами, съ другой — тибетцами представлялъ бы большой культурно-историческій интересъ, если бы только этотъ фактъ могъ быть научно установленъ. На самомъ дѣлѣ нельзя было бы привести никакихъ доводовъ въ пользу происхожденія русскаго слова «шуба»[2]) отъ турецкаго «џӯбä»; связь между словами турецкимъ и тибетскимъ тоже остается недоказанной, тѣмъ болѣе, что слово џӯбä[3]) употребляется только османцами, крымцами и персидскими турками и, повидимому, совершенно неизвѣстно восточнымъ туркамъ.

На стр. 109 говорится о тибетскихъ цифрахъ, «видоизмѣненныхъ арабскихъ». Мнѣніе объ арабскомъ происхожденіи тибетскихъ цифръ принадлежитъ Дегодену и тѣсно связано съ мнѣніемъ того же изслѣдователя о мусульманскомъ происхожденіи тибетскаго счисленія времени (по Дегодену[4]) тибетцы заимствовали астрологію, календарь и дни недѣли изъ Туркестана). Н. В. Кюнеру извѣстно, что «въ основу тибетскаго лѣтосчисленія положенъ индійскій циклъ» (стр. 108) и что если можно говорить о турецкомъ происхожденіи этого цикла, то только въ смыслѣ «первоначальнаго турецкаго происхожденія» животнаго цикла вообще — мнѣніе, котораго придерживаются нѣкоторые ученые. Во всякомъ случаѣ, если даже тибетцы заимствовали свой циклъ непосредственно отъ турковъ, то и это заимствованіе могло имѣть мѣсто только до принятія ислама, слѣдовательно, не имѣетъ отношенія къ заимствованію арабскихъ цифръ. Были ли «арабскія» цифры заимствованы тибетцами у мусульманъ или изъ того же источника, откуда ихъ получили арабы, т. е. у индійцевъ, остается невыясненнымъ.

На стр. 103 примѣчаній приводится слово деб-т'ер или деб-гтер,

---

1) W. Rockhill, Land of the Lamas, p. 243 chuba; Diary, p. 234 ch'uba.

2) Ср. о немъ Вл. Даль, Толковый словарь живого великорусскаго языка, 3-е изд. подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, IV, 1479 (сближеніе съ нѣм. Schaube и средне-верхне-нѣм. Shūbe).

3) О немъ В. В. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, IV, 189. — Л. Будаговъ. Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, I, 432.

4) Desgodins, Thibet, 2-me ed., Paris 1885, p. 369.

«заимствованное съ персидскаго языка». Какъ извѣстно, слово «дебтер» принадлежитъ къ тѣмъ культурнымъ словамъ, которыя перешли въ языки Передней Азіи, между прочимъ и въ персидскій, изъ греческаго и были принесены въ Восточную Азію сирійцами; то же слово «дебтер» мы находимъ и въ монгольскомъ языкѣ. При такихъ условіяхъ предположеніе о непосредственной связи между персидскимъ и тибетскимъ словами болѣе чѣмъ сомнительно; во всякомъ случаѣ вопросъ нуждается въ дальнѣйшемъ выясненіи.

На стр. 106 примѣчаній приведено, съ ссылкой на В. П. Васильева, интересное извѣстіе «о существованіи тибетскаго перевода трудовъ знаменитаго врача классической древности — Галена». В. П. Васильевъ, однако, самъ передавалъ это извѣстіе только съ чужихъ словъ [1]), причемъ прибавлялъ, что лично такого перевода не видѣлъ. Можно было ожидать, что авторомъ будетъ выяснено, изъ какого источника заимствовано это извѣстіе, соотвѣтствуетъ ли оно дѣйствительности и съ какого языка, въ такомъ случаѣ, былъ сдѣланъ переводъ (едва ли на тибетскій языкъ могъ быть переведенъ непосредственно греческій подлинникъ); но объ этомъ намъ ничего не сообщается.

Изъ культурныхъ словъ средне-азіатскаго происхожденія приводятся слова *дарханъ* (примѣч., стр. 43: «освобожденныя отъ повинностей вдовы», съ ссылкой на Козлова, Камъ, I, 570), очевидно тожественное съ турецко-монгольскимъ *тархан*, и *дам-k'a* (прим., стр. 80: «правительственная печать»), тожественное съ турецко-монгольскимъ *тамга*. Вопроса о происхожденіи слова «дарханъ» авторъ не касается; слово «дам-k'a» даетъ ему «лишній поводъ подчеркнуть несомнѣнность прежняго существованія культурной связи между тибетцами и турками». По нашему мнѣнію, вполнѣ возможно, что оба слова проникли въ тибетскій языкъ гораздо позднѣе, подъ вліяніемъ терминологіи монгольской имперіи, въ составъ которой входилъ и Тибетъ. Еще болѣе поздняго происхожденія, можетъ быть, то названіе тибетской серебряной монеты [2]), о которомъ говорится во второмъ выпускѣ этнографической части и которое представляетъ сходство съ терминомъ монгольскаго періода «тенге», перешедшимъ и въ русскій языкъ («деньга»). Въ числѣ другихъ странъ, нѣкогда входившихъ въ составъ монгольской имперіи, этотъ терминъ сохранился въ Восточномъ Туркестанѣ,

---

1) Mélanges Asiatiques, II, 574.

2) Описаніе Тибета, ч. II, вып. II, стр. 33 «дамха» (по произношенію Цыбикова, ср. прим., стр. 17). У Рокхиля (Land of the Lamas, p. 208) tranka, у Саратъ-Чандра-Даса (Путешествіе въ Тибетъ, перев. под. ред. Вл. Котвича, Спб. 1904, стр. 55) «танька».

откуда его, по всей вѣроятности, заимствовали тибетцы, приступившіе къ чеканкѣ собственной монеты только во второй половинѣ XVIII вѣка.

Вообще второй выпускъ этнографической части, посвященный «экономическому очерку Тибета», отличается тѣми же свойствами, какъ предыдущіе отдѣлы книги. Противорѣчія встрѣчаются и здѣсь; такъ въ городѣ Лхасѣ «порядокъ поддерживается очень исправно туземной полиціей» (стр. 96) и въ то же время «всѣ туземные агенты индійскаго правительства, посѣщавшіе Лхасу, единогласно утверждали, что въ столицѣ во всякое время бываетъ мало порядка и законности» (прим., стр. 62). Встрѣчаются, хотя и рѣдко, ошибки противъ историческихъ фактовъ; такъ царевичъ Годанъ былъ не братомъ Хубилая (стр. 175), но сыномъ Угэдэя, братомъ прежняго великаго хана Гуюка [1]). На стр. 37 примѣчаній курсивомъ напечатаны слова Риттера о дорогѣ изъ Лхасы мимо Тенгри-нора въ Яркендъ, какъ о «единственномъ извѣстномъ сообщеніи между Яркендомъ и Китаемъ», причемъ не прибавлено, что этотъ взглядъ Риттера совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности [2]).

Недостатки книги отчасти объясняются той спѣшностью, при которой только и было возможно появленіе четырехъ выпусковъ въ теченіе двухъ лѣтъ. По той же причинѣ число корректурныхъ недосмотровъ настолько значительно, что иногда они затрудняютъ чтеніе книги. Въ первомъ выпускѣ авторъ объясняетъ этотъ недостатокъ «крайне неблагопріятными обстоятельствами, при которыхъ происходило печатаніе первой половины настоящаго выпуска въ частной типографіи»; но въ слѣдующихъ выпускахъ количество опечатокъ нисколько не меньше. Въ списки «замѣченныхъ опечатокъ» не включены нѣкоторые корректурные недосмотры, совершенно искажающіе смыслъ [3]); сверхъ того печатаніе этихъ списковъ не обошлось безъ новыхъ ошибокъ [4]). Встрѣчаются опечатки въ ссылкахъ [5]); иногда при ссылкахъ на книгу указаніе на страницу пропущено совсѣмъ [6]). Авторъ часто позво-

---

1) Авторъ въ этомъ случаѣ буквально повторяетъ, безъ ссылки на источникъ, слова В. Л. Котвича (Саратъ-Чандра-Дасъ, Путеш. въ Тибетъ, стр. 19). По Рашид-ад-дину Кутанъ (Горданъ) былъ вторымъ изъ семи сыновей Угэдэя. Ср. о немъ же (по Джувейни) у д'Оссона, Histoire des Mongols, II, 232. По Рашид-ад-дину Годанъ умеръ не въ царствованіе Гуюка, но въ царствованіе Мункэ.

2) Ср. хотя бы свѣдѣнія, приведенныя Григорьевымъ во второмъ выпускѣ того же «Восточнаго Туркестана», стр. 362—367.

3) Ср. ч. I, вып. I, стр. 84 «въ концѣ 1880 г.» вм. «въ концѣ марта 1880 г.» и «15 мѣсяцевъ» вм. «5 мѣсяцевъ»; ч. I, вып. II, стр. 119 «3 декабря» вм. «3 августа»; ibid., прим., стр. 21 «въ серединѣ 1896 г.» вм. «въ серединѣ ноября 1896 г.»

4) Ср. списокъ опечатокъ въ ч. II, вып. II, гдѣ поправка къ «стр. 54, 2 строка сверху», относится не къ тексту, какъ напечатано, но къ примѣчаніямъ.

5) Ч. I, вып. II, прим., стр. 31 «324—6» вм. «224—6».

6) Напр. ч. II, вып. I, стр. 5, 16, 21, 38.

ляетъ себѣ буквально выписывать слова своихъ источниковъ безъ знаковъ рѣчи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наоборотъ, знаки рѣчи поставлены неправильно, такъ какъ слова подлинника приводятся въ нѣсколько сокращенномъ и измѣненномъ видѣ [1]).

Говоря о внѣшнихъ недостаткахъ книги, нельзя не упомянуть о многочисленныхъ неудачныхъ выраженіяхъ (достаточно указать на выраженіе «нравственная этика», ч. II, вып. I, стр. 76 и на часто встрѣчающіяся въ географической части слова «смѣющійся пейзажъ») и въ особенности о нѣмецкомъ переводѣ оглавленія, приложенномъ къ тремъ первымъ выпускамъ (во второмъ выпускѣ второй части оглавленіе помѣщено только по-русски). Въ настоящее время авторы русскихъ научныхъ трудовъ обыкновенно обходятся безъ такихъ знаковъ вниманія къ иностраннымъ читателямъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они не владѣютъ иностранными языками настолько, чтобы придать такимъ резюме или оглавленіямъ форму, соотвѣтствующую достоинству русской науки. Нѣмецкое оглавленіе книги Н. В. Кюнера, въ которомъ мы находимъ такія выраженія, какъ «die moralische Physiognomie der Tibeter» (ч. II, вып. I, стр. IX) и «Abwesenheit der Kasten-Abgeschlossenheit» (ibid., стр. XIII), является въ этомъ отношеніи печальнымъ пережиткомъ прежняго обычая.

Несмотря на указанные недостатки, трудъ Н. В. Кюнера, по нашему мнѣнію, даетъ автору полное право на благодарность спеціалистовъ. Первый выпускъ первой части, заключающій въ себѣ обзоръ изученія Тибета европейцами, представляетъ вполнѣ законченный трудъ, какого не было до настоящаго времени ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ ни для одной области, входящей въ составъ Китайской имперіи. Если автору въ слѣдующихъ выпускахъ не удалось вполнѣ разобраться въ сложныхъ географическихъ и этнографическихъ вопросахъ, связанныхъ съ изученіемъ Тибета, то несомнѣнно, что собранный имъ обширный матеріалъ значительно облегчаетъ эту работу въ будущемъ какъ для него самого, такъ и для другихъ изслѣдователей. Обнаруженный авторомъ рѣдкій научный энтузіазмъ и обширная эрудиція даютъ полное основаніе надѣяться, что обѣщанная третья часть труда (политическая и культурная исторія Тибета, главнымъ образомъ по китайскимъ источникамъ) окажется самостоятельнымъ трудомъ спеціалиста и прочнымъ пріобрѣтеніемъ для науки. **В. Б.**

---

1) Ср. напр. ч. I, вып. II, стр. 62 и подлинныя слова Рокхиля въ «Land of the Lamas», p. 224 и слѣд.

358. منتخب المسائل نام رساله. Опытъ систематическаго изложенія главнѣйшихъ началъ шаріата, примѣняемыхъ нынѣ въ коренныхъ областяхъ Туркестанскаго края. Ташкентъ 1909. VI, 126 стр. 8⁰.

Появленіе настоящей книги находится въ связи съ сенаторской ревизіей Туркестанскаго края, произведенной въ послѣдніе годы гофмейстеромъ гр. К. К. Паленомъ. Среди жалобъ, поступавшихъ на имя ревизующаго сенатора, были многочисленныя жалобы на неправосудіе народныхъ судей; попытки провѣрить степень основательности такихъ жалобъ «разбивались о наличность громаднаго количества противорѣчивыхъ риваятовъ по каждому вопросу права». Чины ревизіи пришли къ заключенію, что при такихъ условіяхъ для «выясненія нормъ мѣстнаго матеріальнаго права» существуетъ только одинъ путь: созвать съѣздъ «изъ лицъ, свѣдущихъ въ этомъ правѣ, независимо отъ служебнаго положенія и профессіональныхъ занятій такихъ лицъ». Подъ «съѣздомъ» обыкновенно понимаютъ или собраніе всѣхъ лицъ, интересующихся даннымъ вопросомъ, или собраніе выборныхъ представителей отъ различныхъ группъ; ни то, ни другое не имѣлось въ виду въ данномъ случаѣ, какъ показываетъ составъ съѣзда, собравшагося въ маѣ 1909 г. Къ участію въ съѣздѣ были привлечены почти въ одинаковомъ числѣ туземцы (29) и русскіе (27, кромѣ предсѣдателя гр. Палена); первые были приглашены по указанію военныхъ губернаторовъ, предсѣдателей и прокуроровъ окружныхъ судовъ, вторые, повидимому, по усмотрѣнію предсѣдателя (среди нихъ 15 лицъ принадлежали къ администраціи, 8 къ судебному и 4 къ учебному вѣдомствамъ).

Для чиновъ ревизіи было ясно, что при такомъ составѣ съѣзда подготовительныя работы должны быть выполнены до его созыва. Прежде всего, по распоряженію гр. Палена, былъ переведенъ съ англійскаго языка на русскій сводъ постановленій мусульманскаго права, дѣйствующихъ въ Британской Индіи, составленный сэромъ Роландомъ Уильсономъ[1]); изъ этого свода были извлечены положенія шаріата по толку ханифитовъ, одинаково господствующему среди индійскихъ и туркестанскихъ мусульманъ. Сокращенный переводъ книги Уильсона съ нѣкоторыми измѣненіями примѣнительно къ мѣстной практикѣ долженъ былъ, по мысли гр. Палена, лечь въ основу работъ съѣзда. Для разрѣшенія вопроса о не-

1) Sir R. Kn. Wilson, Anglo-Muhammadan Law. A digest preceded by a historical and descriptive introduction of the special rules now applicable to muhammadans as such by the civil courts of British India, with full references to modern and ancient authorities. Second edition (revised and much enlarged). London 1903.

обходимыхъ измѣненіяхъ было произведено «по особой программѣ обслѣдованіе правового быта мѣстнаго населенія въ трехъ коренныхъ областяхъ края». Кѣмъ производилось это «обслѣдованіе», въ какихъ пунктахъ трехъ областей оно производилось, сколько времени оно потребовало, обо всемъ этомъ намъ въ предисловіи ничего не сообщается. Составители книги признаютъ, что по краткости времени работа «была исполнена безъ той полноты и всесторонности, которыхъ можно требовать отъ научнаго изслѣдованія», но полагаютъ, что тѣмъ не менѣе «практическая цѣль установленія главнѣйшихъ положеній мѣстнаго матеріальнаго права была достигнута болѣе или менѣе удовлетворительно». Казалось бы, что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о кодификаціи юридическихъ нормъ, «практическая цѣль» требуетъ еще большей «полноты и всесторонности», чѣмъ цѣли чисто-академическія.

Въ результатѣ обслѣдованія было признано возможнымъ оставить болѣе половины статей свода безъ всякихъ измѣненій; «въ остальныя же статьи, относящіяся по преимуществу къ области вещного, обязательственнаго и семейственнаго правъ, пришлось внести измѣненія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно существенныя». Такъ какъ, кромѣ названныхъ отдѣловъ, книга заключаетъ въ себѣ только отдѣлъ наслѣдственнаго права, то очевидно, что въ этой послѣдней области практика туркестанскихъ судовъ оказалась наиболѣе согласной съ практикой индійскихъ.

Члены съѣзда изъ туземцевъ, вѣроятно, не безъ удивленія узнали, что имъ подносится уже готовый сводъ постановленій шаріата на русскомъ языкѣ, статьи котораго тутъ же на съѣздѣ будутъ переводиться устно на сартовскій языкъ. Съѣздъ продолжался всего недѣлю, съ 21 по 28 мая, и имѣлъ всего восемь засѣданій. Какъ и слѣдовало ожидать, въ такой короткій срокъ указанная выше цѣль съѣзда — выяснить нормы мѣстнаго матеріальнаго права — не могла быть достигнута. На нѣкоторые вопросы участники съѣзда отказались отвѣчать безъ справокъ въ книгахъ; одного изъ главныхъ отдѣловъ (о правѣ наслѣдованія), обнимающаго въ настоящей книгѣ 112 статей изъ общаго числа 294, на съѣздѣ не коснулись вовсе. Членамъ съѣзда было предложено высказаться о соотвѣтствующихъ статьяхъ письменно; такія же письменныя мнѣнія (риваяты) могли быть поданы по содержанію статей, прочитанныхъ на съѣздѣ. Этимъ самымъ, по справедливому замѣчанію автора одного изъ газетныхъ отчетовъ о съѣздѣ[1]), было признано, что созывать съѣздъ въ сущности не было необходимости; достаточно было бы разослать экземпляры книги русскимъ и туземнымъ знатокамъ шаріата, съ просьбой сообщить свои замѣчанія.

1) Туркест. Курьеръ 1909, № 119.

Для разбора ривáятовъ была образована особая коммиссія изъ трехъ русскихъ членовъ съѣзда (Н. П. Остроумова, Н. С. Лыкошина и П. С. Скварскаго) и нѣсколькихъ туземцевъ. Результаты работъ коммиссіи еще не вошли въ настоящее «неоффиціальное изданіе», на которое сами составители смотрятъ только какъ на *проектъ* сборника постановленій шаріата. При составленіи «дополненнаго и исправленнаго сборника мусульманскаго права, удовлетворяющаго въ большей мѣрѣ требованіямъ текущей жизни и юридической науки», будутъ использованы ривáяты; кромѣ того составители обращаются ко всѣмъ знатокамъ мусульманскаго права съ просьбой присылать свои замѣчанія въ канцелярію ревизующаго сенатора въ С.-Петербургѣ.

Надо надѣяться, что на этотъ призывъ откликнутся только лица, знакомыя съ правовыми воззрѣніями *туркестанскихъ* представителей шаріата и съ практикой *мѣстныхъ* судовъ. Сопоставленіе этихъ юридическихъ нормъ съ взглядами другихъ мусульманъ и съ теоретическими положеніями мусульманскаго права, установленными въ первые вѣка ислама, — задача, крайне важная въ научномъ отношеніи; но эта задача, по моему мнѣнію, должна быть выполнена совершенно независимо отъ настоящаго изданія. Для достиженія какъ научной, такъ въ особенности практической цѣли этого изданія безусловно необходимо, чтобы оно ознакомило насъ съ постановленіями шаріата въ томъ видѣ, какъ они примѣняются въ Туркестанѣ въ настоящее время, безъ устраненія разногласій, если таковыя имѣются, съ практикой другихъ странъ и другихъ эпохъ.

Что касается обѣщанныхъ ривáятовъ, то надо пожелать, чтобы они не только были использованы для внесенія «тѣхъ или другихъ измѣненій» въ статьи сборника, но были напечатаны полностью. Можно только пожалѣть о томъ, что чины ревизіи не съ этого начали свою работу, но признали необходимымъ предварительно перевести на русскій языкъ англо-индійскій сборникъ и ознакомить туземцевъ съ содержаніемъ этой книги въ переводѣ съ русскаго языка на сартовскій. Можно опасаться, что предложенный туземцамъ готовый проектъ окажетъ вліяніе какъ на взгляды составителей ривáятовъ, такъ въ особенности на способъ выраженія этихъ взглядовъ, вслѣдствіе чего ривáяты утратятъ значеніе первоисточника для изученія юридическаго быта туркестанскихъ мусульманъ.

Какъ уже было отмѣчено выше, иниціаторы дѣла вообще не сознавали тѣсной связи между научной и практической цѣлью подобныхъ сборниковъ; этимъ объясняется, что при переводѣ англійской книги были опущены всѣ ссылки, которымъ англійскій авторъ придавалъ главное зна-

ченіе[1]), и что при печатаніи перевода не указаны мѣста, гдѣ въ текстѣ статей сдѣланы нѣкоторыя измѣненія противъ англо-индійскаго кодекса. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и опредѣлить, въ какихъ случаяхъ практика туркестанскихъ судовъ отличается отъ практики индійскихъ, читателю самому приходится произвести сличеніе русскаго текста съ англійскимъ. Разногласіе обнаруживается только въ немногихъ §§[2]). Кромѣ того въ книгѣ Уильсона нѣтъ статей о собственности, о договорахъ, о поклажѣ и о куплѣ-продажѣ (§§ 276—293), такъ что текстъ этихъ статей всецѣло установленъ русскими составителями. Наконецъ, самый переводъ носитъ на себѣ нѣкоторые слѣды самостоятельной работы переводчиковъ; во многихъ мѣстахъ возстановлены арабскіе термины[3]), опущенные Уильсономъ. Къ сожалѣнію, изъ книги не видно, какая часть всей той работы, на которую указываютъ различія между русскимъ и англійскимъ текстами, выполнена на съѣздѣ и какая при «обслѣдованіи» на мѣстахъ. Можетъ быть, иниціаторы съѣзда найдутъ возможнымъ опубликовать, хотя бы въ извлеченіяхъ, какъ отчеты лицъ, производившихъ «обслѣдованіе», такъ и протоколы засѣданій съѣзда.

Если правильны свѣдѣнія о съѣздѣ, напечатанныя въ газетномъ отчетѣ[4]), то проектъ свода, предложенный вниманію съѣзда, отличался отъ настоящей книги какъ бо́льшимъ количествомъ статей (318 вм. 294), такъ и распредѣленіемъ матеріала; отдѣлы третій и четвертый первоначальнаго проекта соединены въ одинъ (часть III: вещное и обязательственное право) и прибавленъ новый отдѣлъ (часть IV: уголовная давность), впрочемъ, состоящій только изъ одной статьи и не имѣющій практическаго значенія, по неподсудности такихъ дѣлъ суду казіевъ. Но происходившія на съѣздѣ пренія, судя по газетному отчету, въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно не отразились на текстѣ книги. Отчетъ упоминаетъ о преніяхъ по поводу

---

1) На это указываетъ уже заглавіе его книги (см. выше стр. 0191, прим.).

2) Ср. напр. § 3 о минимальномъ возрастѣ для дѣйствительнаго брака (12 л. для мальчиковъ и 9 л. для дѣвочекъ) и Уильсонъ, § 91 (15 л. для обоихъ половъ); § 17 о наказаніи за незаконный бракъ «по шаріату» и У., § 33 (тюремное заключеніе до 7 лѣтъ), § 27 о минимальной величинѣ мехра (10 денегъ) и У., § 41 (1 рупія или 5 рупій, по арабскимъ авторитетамъ 10 дирхемовъ); § 140 о максимальномъ срокѣ отдачи въ аренду душеприказчикомъ имущества умершаго (3 года) и У., § 177 (5 лѣтъ); § 152 о судебныхъ сборахъ при повѣркѣ завѣщанія ($^1/_2$ % или $2^1/_2$ %) и У., § 191 (2%).

3) Для русскихъ читателей слѣдовало бы привести эти термины также въ русскомъ переводѣ. Читатель, незнакомый съ арабскимъ языкомъ, можетъ предположить, что «талакъ ахсянъ», «талакъ хасянъ» и «талакъ бидъатъ» (§ 43)—одинаково законные формы развода, «бай каты», «бай джаизъ» и «бай фасидъ» (§ 284)—одинаково законныя формы купли-продажи.

4) Турк. Курьеръ 1909, № 112 и слѣд.

статей 69 (о правахъ незаконпорожденныхъ дѣтей на наслѣдованіе имущества родителей) и 113 (объ обязанности отца содержать сына) первоначальнаго кодекса; во второмъ случаѣ говорилось о распространеніи обязанности отца на все время, пока сынъ желаетъ учиться, причемъ на съѣздѣ было принято добавленіе, что это требованіе должно соблюдаться и въ томъ случаѣ, когда сынъ учится въ русской школѣ. Въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ книги (§§ 208 и 111) сохранена безъ измѣненія редакція англо-индійскаго кодекса (§§ 266 и 142), по которой незаконное дитя является наслѣдникомъ только своей матери и ея родственниковъ, а объ обязанности отца дать образованіе своимъ дѣтямъ ничего не говорится[1]).

При переводѣ съ русскаго языка на сартовскій переводчики недостаточно позаботились о томъ, чтобы сдѣлать текстъ понятнымъ для туземцевъ; такъ при переводѣ § 201 сохранено упоминаніе о римскихъ цифрахъ (صفر رومی) и о большихъ буквахъ (کته حروفلار) въ отличіе отъ малыхъ (کچیك حروفلار). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при переводѣ съ англійскаго на русскій вкрались какіе-нибудь недосмотры, тѣ же недосмотры перешли и въ сартовскій переводъ. Въ § 185 (Уильсонъ § 238) изъ контекста видно, что рѣчь идетъ не о возвращеніи имущества послѣ смерти наслѣдодателя, но о возвращеніи прямымъ наслѣдникамъ остатка, получившагося послѣ удовлетворенія «долевыхъ участниковъ». Въ § 192 (У. § 250) передъ словами «родныхъ братьевъ и сестеръ» пропущено слово «дѣтей»; въ § 193 (У. § 251) передъ тѣми же словами слова «какихъ бы то ни было» (т. е. родныхъ, единокровныхъ и единоутробныхъ). Заголовокъ: «По ученію Абу-Юсуфа и Имамъ Магомета» долженъ быть поставленъ передъ § 200, а не передъ § 202[2]). Въ § 258 (У. § 367) передъ словомъ «ранѣе» пропущено слово «не» (трудно представить себѣ, чтобы право преимущественной купли могло быть признаваемо до вступленія обѣихъ сторонъ во владѣніе предметами сдѣлки).

Въ нѣкоторыхъ §§ замѣчается разногласіе между текстами сартовскимъ и русскимъ, не оговоренное въ предисловіи. Въ одномъ случаѣ (§ 37 а) сличеніе съ англійскимъ подлинникомъ (У. § 53 а) показываетъ, что сартовскій переводъ сдѣланъ съ болѣе полнаго русскаго текста, чѣмъ текстъ печатнаго изданія:

---

1) Англійскій авторъ особо обращаетъ вниманіе на этотъ фактъ въ примѣчаніи къ § 140: Nothing is said about education or medical attendance.

2) Сравни слова англійскаго подлинника (Wilson, p. 316, § 260): This and the two preceding sections hold good according to both Abu Yusuf and Muhammad.

Англійскій текстъ.	*Русскій.*	*Сартовскій.*
To maintain his adult wife in a manner suitable to his wealth, or at least to the mean between his wealth and hers if she is the poorer, so long as she is undivorced and obedient, and whether obedient or not if she has the right of refusal for non-payment of dower; but he is not bound to maintain his wife who is too young for sexual intercourse, nor one who refuses herself to him without reasonable cause or is otherwise disobedient.	Содержать взрослую жену сообразно со своимъ и ея состояніемъ, а при неравенствѣ условій — по среднему разсчету.	ایردین لازم شولکه اوز حالیغه لایق بالغه خاطونغه ایر خاطون نینک حال لاریغه مناسب نفقه برماق امّا اول ایرنی خاطونی جوده یاش بولوب جماع قیلماقغه قادر بولمای وایری اول خاطوننی اوز اوییغه آلیب کیلماکان بولسه اولوقتده نفقه برماك لازم ایمس

Въ трехъ другихъ случаяхъ, гдѣ мы въ сартовскомъ переводѣ замѣтили отступленіе отъ русскаго текста (§ 34в, § 36 и § 114), русскій текстъ вполнѣ соотвѣтствуетъ англійскому (У. §§ 49с, 51 и 146). Въ послѣднемъ случаѣ можно предположить простую неточность перевода[1]); но по поводу §§ 34в и 36 было бы интересно выяснить, почему въ русскомъ текстѣ жена обязывается исполнять приказанія мужа, «если они не безразсудны», въ сартовскомъ — «если они не противорѣчатъ шаріату», и почему при переводѣ на сартовскій языкъ право мужа «лишать жену свободы и послѣ увѣщаній подвергать легкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ»[2]) было замѣнено правомъ «наставлять жену, не выгоняя ея изъ своего дома».

Въ заключеніе еще разъ выражаемъ надежду, что будутъ опублико-

---

1) Нѣкоторая неточность была, повидимому, допущена въ §§ 135,5 и 137, гдѣ слово «область» (англ. province) передано арабскимъ словомъ موضع («мѣсто»). Интересно было бы выяснить, какія требованія по вопросу о мѣстопребываніи душеприказчика или администратора предъявляются туркестанскими казіями.

2) Въ русскомъ переводѣ опущена оговорка англійскаго автора: «but it is doubtful whether either, very doubtful whether the latter, can safely be exercised under modern Anglo-Muhammadan Law».

ваны риваяты, извлеченія изъ отчетовъ лицъ, изучавшихъ юридическія нормы на мѣстахъ, и извлеченія изъ протоколовъ съѣзда; если эта надежда осуществится, то мы будемъ обязаны просвѣщенной иниціативѣ гр. Палена появленіемъ новыхъ и цѣнныхъ матеріаловъ по изученію мусульманскаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть о томъ, что и на этомъ предпріятіи сказался злой рокъ, тяготѣющій, повидимому, надъ всѣми русскими работами объ исламѣ и мусульманскомъ правѣ. Не смотря на многочисленность послѣдователей ислама въ Россіи, не смотря на полную возможность непосредственнаго изученія ихъ вѣрованій и быта, русскіе изслѣдователи до настоящаго времени ограничивались почти исключительно переводомъ западно-европейскихъ сочиненій и повтореніемъ западно-европейскихъ теорій, большею частью въ такое время, когда эти теоріи на своей родинѣ уже считались устарѣвшими. Блестящая работа А. Н. Вышнегорскаго по изученію киргизскаго обычнаго права, исполненная по иниціативѣ Н. И. Гродекова[1]), была оцѣнена по достоинству; было отмѣчено, какъ «фактъ весьма отрадный», самое «появленіе въ Ташкентѣ такой книги, какъ эта»[2]); но этотъ фактъ, къ сожалѣнію, остался единственнымъ. Вмѣсто того, чтобы примѣнить къ изученію шаріата тотъ же способъ, который съ такимъ успѣхомъ былъ примѣненъ къ изученію адата, тѣмъ же Н. И. Гродековымъ, въ качествѣ «комментаріевъ мусульманскаго права», былъ изданъ переводъ «Хидаи» съ англійскаго, причемъ и англійскій переводъ былъ сдѣланъ не съ арабскаго подлинника, но съ персидскаго перевода[3]). Теперь русскимъ читателямъ снова предлагается «Опытъ систематическаго изложенія главнѣйшихъ началъ шаріата», представляющій переводъ англійской книги съ небольшими измѣненіями, причемъ въ русской книгѣ нѣтъ никакихъ документальныхъ данныхъ въ родѣ тѣхъ, которыя въ довольно значительномъ количествѣ помѣщены въ англійскомъ подлинникѣ; читателю даже не сообщается, на основаніи какихъ именно фактовъ мѣстной практики или какихъ именно мнѣній мѣстныхъ знатоковъ шаріата сдѣланы измѣненія противъ англійскаго текста.

В. Б.

---

1) Н. И. Гродековъ. Киргизы и Каракиргизы Сыръ-дарьинской области. Т. I. Юридическій бытъ. Ташкентъ 1889.

2) З. В. О. V, 122.

3) Н. И. Гродековъ. Хидая. Комментаріи мусульманскаго права. 4 тт. Ташкентъ 1893. Ср. мнѣніе бар. В. Р. Розена въ З. В. О. X, 206 и 209—210.

359. مجمع ٣٠ شعرا شاهی پیرو فیروز — Собраніе 30 царскихъ поэтовъ, сопутствующихъ Фируз'у. Хива. 1909 г. 1638 стр. in folio.

По примѣру извѣстнаго кокандскаго царственнаго поэта Омар-хана, увѣковѣчившаго себя «Собраніемъ поэтовъ», которое было составлено по порученію хана поэтами Фазли и Мешрефомъ [1]) и которое я видѣлъ и въ хивинской придворной библіотекѣ,—нынѣ царствующій, маститый хивинскій ханъ Сейид-Мухаммед-Рахимъ Второй, именующій себя въ стихахъ Фируз'омъ [2]), поручилъ своему придворному врачу и поэту Ахмед-Табибу составить собраніе газалей современныхъ хивинскихъ поэтовъ, «сопутствующихъ» (پیرو) хану въ его ста одной газали [3]).

«Собраніе» представляетъ изъ себя съ внѣшней стороны громоздкое (819 ff. или 1638 страницъ) изданіе in folio на довольно плохой русской бумагѣ. Изданіе не отличается опрятностью и аккуратностью, которыхъ можно было-бы ожидать отъ придворной литографіи, существующей съ начала 70-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія и не преслѣдующей коммерческихъ интересовъ [4]). Отмѣтимъ прежде всего, что гладкая бѣлая бумага въ нашемъ экземплярѣ пять разъ смѣняется линованной (ff. 582—97, 705, 707—8, 710, 728—35), что f. 231 вложенъ отдѣльно и имѣетъ текстъ только на одной сторонѣ, что ff. 543 и 549 склеены изъ двухъ листовъ, на которыхъ смежныя стороны оказались безъ текста. Укажемъ далѣе, что

---

1) У меня имѣется ташкентское литографированное изданіе этого собранія, напечатанное въ типолитографіи В. М. Ильина, съ цензурной помѣткой 26 іюня 1900 г. (504 стр. 8⁰). См. еще M. Hartmann, Buchwesen in Turkestan, M. S. O. S. B., т. VII, отд. II, стр. 87 и слѣд. — Преобладаютъ *персидскіе* стихи.

2) Диванъ Фируза (рукописный) имѣется въ Императорской Публичной Библіотекѣ, шкафъ II, полка 6, номеръ 16. Тамъ же, въ сборной рукописи II—6—20 имѣются отдѣльныя стихотворенія Фируза.

3) См. мои: 1) Краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Ташкентъ и Бухару и въ Хивинское ханство, Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Ср. и Вост. Азіи, № 9, стр. 7 отд. оттиска; 2) Списокъ рукописей и мѣстныхъ изданій, привезенныхъ изъ Туркестана (К. Г. Залеманъ, Новыя поступленія въ Азіатскій Музей, Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, 1908, стр. 1301—1302). — Я привезъ изъ Хивы неоконченное изданіе, а оконченное мною получено отъ начальника хивинской государственной канцеляріи лѣтомъ 1909 года.

4) Первое извѣстіе о существованіи литографіи въ Хивѣ принадлежитъ, насколько намъ извѣстно, Вамбери (W. Z. K. M. VI, стр. 270, откуда П. М. Меліоранскій, Турецкія нарѣчія и литературы, Энциклопед. Слов. Брокгауза и Ефрона, изд. 1-ое, т. 34, стр. 163). Что эта литографія основана и содержится *ханомъ*, сообщено впервые, кажется, нами (Отчетъ о поѣздкѣ 1908 г., стр. 7 отд. отт.). Изданія ханской литографіи, выходящія въ ограниченномъ количествѣ, въ продажу не поступаютъ, а расходятся среди близкихъ хану лицъ. — Въ обѣщанной нами статьѣ «Хивинскія придворныя книгохранилища и книгопечатня» (докладъ, читанный въ Вост. Отдѣленіи весной 1909 г.) мы еще вернемся къ хивинскимъ литографированнымъ изданіямъ.

издание не пагинировано, за исключеніемъ немногихъ страницъ (١٧, ١٨ = f. 9; ٣٣—٤٩ = f. 17—23; далѣе ошибочно ٤١—٤٩ = f. 24—26), а нумерація стихотвореній въ нѣсколькихъ мѣстахъ перепутана, почему послѣдняя газаль помѣчена цыфрой ٣٠٩٩ вмѣсто ٣١١٠ (f. 818b). Даже и исправленная мною цифра газалей не является точной, такъ какъ цѣлый рядъ газалей не введенъ редакторомъ изданія въ общій счетъ (о чемъ еще ниже). Порядокъ листовъ отмѣченъ, какъ водится, повтореніемъ внизу каждаго листа начальныхъ словъ слѣдующаго. Текстъ мѣстами слѣпъ и неразборчивъ.

Что на внѣшнюю сторону изданія все-таки было обращено вниманіе, видно изъ того, что текстъ стиховъ помѣщенъ въ правильно разлинованныхъ клѣткахъ и рамкахъ и мѣстами украшенъ заставками, виньетками и коймами растительнаго характера. Растительный орнаментъ, обыкновенно посредственнаго качества, иногда — вовсе плохого и изрѣдка — довольно изящнаго, имѣется на заглавномъ листѣ, на первой и послѣдней страницахъ предисловія и на тѣхъ страницахъ, на которыхъ помѣщены газали хана (за нѣкоторыми исключеніями: ff. 13a, 20a, 240a); отдѣльные цвѣточки и листочки попадаются случайно тамъ и сямъ, а на верхнихъ внутреннихъ (обращенныхъ къ корешку) углахъ страницъ выглядываютъ изображенія разныхъ фигуръ, напримѣръ, въ видѣ цвѣтовъ и листьевъ, кувшиновъ и чайниковъ (см. ff. 410, 411, 413, 416, 426). Мой экземпляръ переплетенъ въ толстый картонъ съ краснымъ кожанымъ корешкомъ и краями: съ внѣшней стороны картонъ обклеенъ зеленой бумагой и украшенъ тисненіемъ по золотымъ ярлычкамъ, а съ внутренней — обклеенъ бѣлой бумагой, причемъ на лѣвой крышкѣ переплета эта бумага исписана судебными рѣшеніями съ приложеніемъ печатей. Обрѣзъ сдѣланъ весьма неумѣло.

О возникновеніи и содержаніи «Собранія», написаннаго на нѣсколько подновленномъ, но все-же обилующемъ архаизмами, классическомъ для Средней Азіи языкѣ, — джагатайскомъ, говорится въ предисловіи (دیباجه ff. 1a—5a), которое составлено стихами размѣра متقارب и формы مثنوی редакторомъ изданія, Ахмед-Табибомъ. Этотъ хивинецъ, съ которымъ я имѣлъ весной 1908 года не одну пріятную встрѣчу въ столицѣ хивинскаго ханства, имѣетъ 30 съ лишнимъ лѣтъ отъ роду и является личностью довольно интересной. Ахмед-Табибъ съ виду не по лѣтамъ моложавъ; лицо его лишено растительности и покрыто желтизной, свидѣтельствующей о привязанности поэта и врача къ опіуму; голосъ — высокій, какъ у подростковъ. Поэтъ уклонился, по его разсказамъ, отъ усвоенія полнаго курса мусульманскихъ наукъ въ медресэ изъ-за свободомысленнаго на нихъ

взгляда; онъ вкусилъ нѣкоторую толику европейскихъ знаній, которыя проникаютъ въ Хиву, помимо непосредственнаго общенія хивинцевъ съ русскими, нѣмцами — колонистами, татарами, еще и чрезъ татарскія и османскія книги, журналы и газеты новаго направленія. Врачуетъ Ахмед-Табибъ по мусульманскому методу, усовершенствоваться въ которомъ онъ имѣлъ случай въ Мешхедѣ, куда ѣздилъ по порученію своего властелина за лѣкарственными снадобьями, но тайно, повидимому, хивинскій лейбъ-медикъ надъ своей наукой посмѣивается. Таково-же, насколько я замѣтилъ, отношеніе редактора «Собранія» и къ родной среднеазіатской литературѣ въ ея теперешнемъ, доживающемъ свой безконечно долгій и неизмѣнно однообразный вѣкъ видѣ; и въ области литературы этотъ не единственный представитель молодой Хивы несомнѣнно тяготѣетъ, хотя пока только платонически, въ сторону новѣйшихъ произведеній, переводныхъ и оригинальныхъ, османскихъ, турецко-казанскихъ, турецко-кавказскихъ. Твердо помню скучно-презрительное выраженіе лица поэта, когда онъ характеризовалъ мнѣ своихъ собратьевъ по перу: «для всѣхъ ихъ образцомъ служитъ Мир-Али-Ширъ Неваи, но никто изъ нихъ, конечно, не обладаетъ его талантами!»

Моя бѣглая характеристика редактора «Собранія» объясняетъ, думается мнѣ, хотя-бы только отчасти, перечисленные выше внѣшніе недостатки, очевидно, нелюбовно исполненнаго изданія, а затѣмъ указываетъ истинную цѣну тѣхъ сердечныхъ признаній Ахмед-Табиба, которыми пересыпано جمع.

Въ отрицательномъ отношеніи Ахмед-Табиба и нѣкоторыхъ другихъ хивинцевъ и вообще среднеазіатцевъ къ современной среднеазіатско-турецкой стихотворной литературѣ, дѣйствительно рабски, безлично, мертво воспроизводящей поэтическія сочиненія золотого вѣка джагатайской литературы, я склоненъ видѣть залогъ недалекаго наступленія и въ консервативной Средней Азіи новой литературной эры, которая уже наступила или зарождается въ другихъ мусульманско-турецкихъ странахъ и областяхъ. Можно ожидать при этомъ, что процвѣтаніе молодой, живой, близкой народу по языку и содержанію поэзіи уже не будетъ болѣе зависѣть отъ поддержки и поощренія отдѣльныхъ высокихъ особъ, такъ какъ всенародная слава и сочувствіе, а не служебная карьера и придворныя подачки будутъ воодушевлять и питать жрецовъ новой поэзіи.

Если мы теперь обратимся къ содержанію «Собранія», то съ первыхъ же словъ предисловія встрѣтимся съ давно намъ знакомыми, въ средніе вѣка турками отъ персовъ заимствованными, мотивами, идеями и риторическими пріемами.

1 ثنا اول خدایی‌غه لایق ایرور   که رزّاق جمله خلایق ایرور
آنینك صنعتی‌دین تمامی جهان   بولوب‌دور نیچه زینت ایله عیان
خصوصًا که انسان‌نی صاحب شرف   قیلیب ایلادی سوز دُریغه صدف
قاچان اول صدفغه آغیز آچیلور   در بی بها اورتاغه ساچیلور
5 خصوصًا اکر دیسه موزون کلام   بولور فیض اهل جهان ایچره عام

Такъ начинается вступительное مثنوی Ахмед-Табиба, въ которомъ, послѣ восхваленія Мухаммеда, Чāр-јар'овъ и асхабовъ и послѣ вторичнаго, болѣе подробнаго описанія важности дара слова, воспѣвается самымъ льстивымъ образомъ хивинскій ханъ, затѣмъ сообщается о высочайшемъ порученіи, данномъ поэту, составить собраніе газалей поэтовъ, сочинившихъ стихи на одну рифму со стихами хана; редактору предписывается привести имена этихъ поэтовъ, ихъ техаллусы и ихъ характеристики и снабдить собраніе собственными вставочными двустишіями.

18 که سوز قیمتی‌دین دیکوسی کلام   قیلینك سمع آنی دقّت ایله تمام
که سوز دور بشر خیلی نینك زیوری   نی زیور که بیر بی بها کوهری
20 بیراو که دیماس خلق ایچره سوزین   نیچوك قیلغای عالم‌ده مشهور اوزین
اول آدم که صاحب تکلم ایرور   آنکا عزت ایلاب اولوس یر بیرور
غرض سوز ایرور لطف پروردکار   اولوس‌دین داغی قالغوچی یادکار
مونی فهم قیلغاچ شهٔ کامکار   دیماکنی غزل ایلادی اختیار
قایو شه که سلطان عالی نسب   جهان اهلی امنی‌کا کیلکان سبب
25 صداقت‌دا بوبکرغه همقر   عدالت‌دا نایٔب مناب عمر
حیا اُویدا چو عثمان ایرور[1]   معینی همه ایشدا قرآن ایرور
شجاعت‌دا حیدرغه نایٔب مناب   قیلوردا جهاد امریکا ارتکاب
شریعت‌غه رایج ایرور محتشام   تیلاب علم‌غه رتبهٔ عالی مدام
شرافت‌لیغ عصری ارا سال[2] مه   بنا تاپدی کوب مسجدُ مدرسه[3]
30 بو ایکی نیکولیغ‌غه اثبات ایرور   قیامت‌غه تیکرو عزیز آت ایرور
نکین جلال اوزره دور مستقیم   شریف اسمی سلطان محمد رحیم
34 خصوصًا که اهل علومُ فنون   حقیدا ایرور بذلی حددین فزون

1) Метръ!   2) Встав. و.   3) Рифма!

سوز اهلی تاپیب رتبهٔ عصر ارا   قیلورلار آنکا مدح بیرله دُعا
اوزی خود بسی نکته‌دانلیغ قیلور   غزل ایجره معجز بیانلیغ قیلور
چو بیلدیکه سوز یخشی آثار ایرور   آنینک زبده‌سی داغی اشعار ایرور 39
غزللار غزالی‌نی قیلدی شکار   سالیب فکر بازینی لیلُ نهار
زمانیدا سوز اهلی افزون ایدی   فضیلتده بارچه فلاطون ایدی
بلی شاه‌نینک نی ایسه عادتی   آنکا خلق‌نینک بولغوسی رغبتی 43
باری اهل فضل فطانت‌شعار   ایشتکاچ کلام شهٔ کامکار
آنینک نظم ایجره کوروب دقّتین   سوزی کوهرین قدرایله قیمتین 45
بیلیب مفتنم تابع اولماق ایشین   غزل دیکالی خوب ایتب ورزشین
آلارنینک اراسیدا بعضی ظریف   غزلدا آنکا بولدیلار همردیف

Далѣе въ предисловіи сообщается, что, получивъ лестное порученіе составить «Сборникъ», редакторъ обрадовался, но одновременно загоревалъ изъ-за сознанія собственнаго безсилія; впрочемъ, противъ ханскаго приказа не пойдешь, и поэтъ обращается съ молитвой къ Богу, и здѣсь, какъ всюду, слѣдуя плану старинныхъ مثنوی. Затѣмъ начинается перечисленіе поэтовъ, представленныхъ въ «Собраніи»; указываются имена, званія и техаллусы и льстиво восхваляются достоинства поэтовъ; только о себѣ самомъ редакторъ почитаетъ приличнымъ отозваться со скромностью.

طبیبی نچوک دیکای اوزدین سخن   که بو خیل ارا کیلدی بی علمُ فن 112
اکرچه ایرور بی بضاعت بسی   ولی قیلغوسی دور قناعت بسی
همیشه جبین سای درکاه ایرور   غلام اباعنجد شاه ایرور
منکا قایدا بار اکه ایش قیلغامن   نی حد کیم بو مجموعه قاتیلغامن
خوش اولدور منکا فضل ایلی خدمتین   قیلیب توتسام عزت بیله حرمتین
ولی لطف سلطان عادل منی   بو مجموعه قیلدی داخل منی
کیلیب آت اوّلدا احمد منکا   طبیب اولدی نام مجدّد منکا 118

Введеніе заканчивается молитвой за хана и выраженіемъ слѣдующей надежды:

بو مجموعه منشی خوش قلم   کراک قیلغای البته مُونداغ رقم 148
که کورکاچ آنی عاقل خورده‌بین   دیکای اسرو تحسین ایله آفرین

Кромѣ хана редакторъ называетъ поименно 29 поэтовъ, которые приняли участіе въ «Собраніи» при его возникновеніи. Позднѣе въ «Собраніе» вступило еще 3 поэта.

«Сопутствіе» поэтовъ хану выражается, по словамъ редактора, въ томъ, что за каждой изъ 101 газали хана слѣдуетъ по одной газали всѣхъ остальныхъ 29 поэтовъ, на общій съ ханской газалью редифъ. Собраніе должно было, такимъ образомъ, состоять изъ 3030 газалей, но благодаря участію еще 3 поэтовъ число газалей превысило цифру 3110; точную цифру газалей установить нелегко по той причинѣ, что газали новыхъ 3 поэтовъ вводятся въ общій счетъ не сразу, а на нѣкоторомъ разстояніи имѣютъ свою отдѣльную нумерацію, которую надо еще провѣрить (مذنب до f. 698a, ناظر до f. 693a, عنايت до f. 404a).

Среди поэтовъ имѣются царевичи, государственные дѣятели и духовныя лица разныхъ ранговъ, включая студентовъ медресэ.

1) سلطانى; Сейид-Насиръ, внукъ хана (پسرزادهٔ شاه جم جاه ايرور).

2) صادق; Рахман-кули-тӳрӓ, внукъ хана.

3) سعدى; Са'ду-л-Ла, внукъ (اختوق) хана.

4) غازى; Сейид-Гази, племянникъ хана (اخوزاده).

5) اسد; Сейид-Асадъ, братъ Сейид-Гази.

6) بيانى; Мухаммед (Мет)-Юсуф-бегъ, хивинскій министръ (ديوانبكى) и капитанъ русской службы; знаетъ русскій языкъ, выписываетъ мусульманскіе и русскіе журналы и газеты.

7) عاقل; Хасан-Мурад-бегъ.

8) ميرزا; Мулла Мухаммед-Расуль, начальникъ хивинской государственной канцеляріи (ميرزاباشى), сынъ покойнаго поэта Камуль'я (по хивинскому произношенію; كامل); первый въ Хивѣ знатокъ теоріи поэзіи и музыки, поэтъ, музыкантъ и каллиграфъ.

9) شناسى; Шейх-Назаръ, братъ Мет-Юсуф-бега, губернаторъ провинціи Стараго Ургенча, выдающійся администраторъ и большой любитель поэзіи, въ частности — Мир-Али-Шира-Неваи.

10) غلامى; Деулет-Мурадъ, гулямъ, ханазадъ и меһремъ хана.

11) نور كامل; Абду-р-Расуль, братъ Мухаммед-Расуля.

12) كمالى; редакторъ называетъ его постоянно: دعاكوى سلطان (f. 488b, 531a).

13) اُميدى; Диванъ Мухаммед-Ніязъ.

14) داغى; Юсуф-хаджи ахундъ.

15) عاجز; Худай-бергенъ, муфтій-ахундъ.

16) حقیری; Мулла Мухаммед-Шерифъ изъ духовнаго рода Махзумъ, ахундъ.

17) خاکی; ʻИбаду-л-Ла ахундъ.

18) نیازی; Мулла Мухаммед-Ніязъ, ахундъ и диванъ.

19) یوسف; Мулла Юсуфъ.

20) حبیب; Хабибу-л-Ла.

21) طبیبی; Ахмед-Табибъ.

22) خیالی; Мухаммед-Назаръ.

23) راغب; изъ Ургенча (f. 92a), по происхожденію Махзумъ (f. 696b, 704b).

24) دیوانی; редакторъ нѣсколько разъ называетъ его рисовальщикомъ (نقاش: f. 665b, 681a, 774b).

25) مطرب خانه خراب; Мухаммед-Хасанъ.

26) عوض; молодой поэтъ (شاعر تازه).

27) ندیمی; студентъ медресэ (f. 93a, 100b).

28) خادم; студентъ медресэ (f. 93a).

29) چاکر; Мухаммед-Юсуфъ.

Поэты, не вошедшіе въ предисловіе:

30) مذنب; повидимому, студентъ медресэ (см. ff. 706a, 715b, 740b, 768a).

31) ناظر; Мухаммед-Хусейнъ, везиръ и сборщикъ податей (f. 812b).

32) عنایت; придворный муншій (f. 813b).

На f. 5a, подъ вѣнкообразнымъ бордюромъ, въ которомъ вписаны имена поэтовъ[1]), имѣется дата начала изданія:

سنه ۱۳۲۴ الانچی بلی (sic) امر عالی‌لاری بیله مطلع و مزیّن بولدی محرم الحرام ایده

«Въ 1324 (1906) году по высочайшему повелѣнію было начато и украшено, въ мѣсяцъ священнаго Мухаррема (февр.—мартъ)».

Главная часть (f. 5b) открывается مثنوی редактора, восхваляющимъ снова Бога и прославляющимъ хана. Коротенькія, въ два или одинъ стиха, مثنوی редактора, всегда написанныя متقارب'омъ, помѣщаются предъ каждой газалью; مثنوی предъ газалью хана бываютъ крупнѣе. Въ этихъ двусти-

1) Въ верхнемъ и нижнемъ ромбикахъ этого бордюра заключено по фразѣ, первая изъ которыхъ сообщаетъ о времени начала изданія (мѣсяцъ Мухаррамъ), а вторая, мало для меня разборчивая, даетъ имя иллюстратора, изображенное ранѣе въ ромбикахъ бордюра заглавнаго листа; въ первой строкѣ второй фразы читаю عمل, въ слѣдующей — اتا جان, въ послѣдней — خیوه.

шiяхъ редакторъ восхваляетъ поэта, иногда при этомъ сообщая краткiя о немъ бiографическiя данныя (напримѣръ, въ какомъ хивинскомъ городѣ онъ живетъ, къ какому сословiю принадлежитъ, или какой постъ занимаетъ). Газали расположены въ алфавитномъ порядкѣ по рифмамъ.

Въ первой, вступительной газали ханъ и его спутники по стихамъ обращаются въ выраженiяхъ, переполненныхъ условными мистическими терминами, съ хвалой къ Богу. И всѣ послѣдующiя газали написаны въ той изстари извѣстной условной формѣ, при которой невозможно сказать, являются ли эти газали религiозно-мистическими или просто эротическими. Сопутствiе поэтовъ хану выражается не только въ повторенiи ханскихъ рифмъ, но и ханскихъ размѣровъ и темъ, что не отмѣчено въ предисловiи редактора. Размѣры кантитативные, арабско-персидскiе съ неизбѣжными отступленiями въ сторону слогового метра турецкаго, особенно въ турецкихъ словахъ. Первая газаль хана и 29 послѣдующихъ газалей его спутниковъ составлены 16-ти стопнымъ هزج-емъ, однимъ изъ любимѣйшихъ метровъ турецкихъ поэтовъ (на ряду съ 11 и 14-тистопнымъ هزج-емъ, 11 и 15-тистопнымъ رمل-емъ).

Приведу для примѣра нѣсколько сопроводительныхъ مثنوى Ахмед-Табиба.

f. 9b. Предъ газалью поэта съ техаллусомъ عاجز:

ایرور عاجز اول مفتی فقهسنج   که اصلی مکانی آنینک اورکنج
کوروب شه عنایاتینی دمبدم   اطاعت بیله جیکتی مونداق رقم

Передъ газалью حقیر:

حقیریکه آخوند مخذوم ایرور   آنکا جملهٔ علم معلوم ایرور
اطاعت طریقیدا کاربن کورینك   بو اشعاردین اقتدارین کورینك

f. 10a. Предъ газалью حبیبی:

حبیبی داغی هردم ایلاب دُعا   بولوب بیرو[1] خسرو دین‌کُشا
دیدی بو غزلنی هول نکته‌دان   که باشدین ایاغی ثنای اُوغان

f. 11a. Предъ газалью редактора:

دیدی بو غزلنی طبیبی نزار   بُولوب لشکر ایزیدا مثل غبار

Вторая газаль хана (f. 13a) и послѣдующiя газали его спутниковъ

1) Чит. بیرو.

представляютъ مناجات, т. е. молитвенное обращеніе къ Богу, и написаны 15-тистопнымъ رمل-емъ.

f. 17b. Привожу مثنوی редактора предъ газалью خاکی:

داغی خاکی شارب کوکنار کهی مست کهی اسیرُ[1] خمار
بهر حال دیکوسی یخشی غزل بولوب بیرو خسرو جم مثل

Третья группа газалей «Собранія» (f. 20a) посвящена восхваленію пророка (نَعْت). Четвертая серія газалей названа по редифу سلمنا غزللاری (f. 27a). Послѣдующія газали особыхъ заглавій не имѣютъ.

Перепечатываю для образца нѣсколько газалей хивинскаго хана.

f. 65a, № 9; размѣръ — 15-тистопный رمل.

یاریمنینک رخساری الیدا خجل دور آفتاب
وه که انینک عشقی اوتی قیلدی باغریمنی کباب
اول پر نوشکا دیدیم لعلینک میٔ دین باده توت
ناز ایلا دیر که سنکا یتکایمو لعلیم دین شراب
یالباریب هر نیچه لطف امید قیلسام یاردین
اول منکا سوکوب کولوب یوز ناز ایله ایلار عتاب
تا ایرور جانینک بدن دا استار جانان وصلی دین
یتسه هم ای دل سنکا یولیدا یوز رنج عذاب
من دیدیم یاریمغه لعلینک دین عطا قیل بوسه
دیدی ای فیروز صبر ایت مونچه کورکوزمه شتاب

f. 217b, № 29; размѣръ 15-тистопный رمل.

افتاب آسا جمالینک کورکاچ اولدوم ای نکار بیقرارُ بیقرارُ بیقرارُ بیقرار
تیغ عشقُ خنجر نازینکدین اولدیم صبح[2] شام دلفکارُ دلفکارُ دلفکارُ دلفکار
اه نالم ایلادی عشقینکنی آخر دهر ارا آشکارُ آشکارُ آشکارُ آشکار
جور ظلمینک بولغوسی دور من حزینغه دمبدم بیشمارُ بیشمارُ بیشمارُ بیشمار
ای کیبی فرخ جمالینک کورکالی یولونکده کوز انتظارُ انتظارُ انتظارُ انتظار

---

1) Дамма вм. изафета — орѳографическій пріемъ, встрѣчавшійся мнѣ и прежде.

2) Встав. و.

ناز ایله سُورسانک سمندینک سیکراتیب یوق سن کبی   شهسوارُ شهسوارُ شهسوارُ شهسوار
وصلینکا یول تاپسه هر کیم بولغوسی فیروز دیک   بختیارُ بختیارُ بختیارُ بختیار

f. 240a, № 32; размѣръ 11-тистопный هزج.

کولوب دیدی منکا اول یار غمخوار   بولوب موسن منکا اسرو گرفتار
دیدیم کیم عاشق زارینک اری   نیتایکیم وصلینکا یول بیرماس اغیار
سنکا اغیار همدم بولسه هر دم   منینک باغریم بولور افکار افکار
بو حالیمنی کوروب قیلغیل ترحم   بولوب من درد عشقینک دین بسی زار
تبسّم بیرله دُر ساچیب سوزیدین   دیدیکیم نی غرض بو سوزدین ای یار
دیدیم لعلینک میدین بوسه احسان   دیدی بو نکته بار دور اسرو دشوار
کوروب اولدمده بیحد اضطرابیم   دیدی فیروز بولغوم سنکا غمخوار

Чтобы показать, какъ «сопутствуютъ» своему хану хивинскіе поэты, приведемъ для трехъ вышенапечатанныхъ газалей Фируза три соотвѣтствующихъ газали Шинаси, Мирзы и Біяни.

f. 66b. **Газаль Шинаси вослѣдъ ханской газали № 9:**

مهر رخسارینک کیلیب دور طرفه رشك آفتاب
دهر ارا کورکان ایل ایلار ذرّه یانکلیغ اضطراب
پر نظاره ایلاکاچ کاکون یوزینکغه ای پری
عقل هوش ایلاب وداع مندین قیلورلار اجتناب
بزم وصلینک محرمیدین ایلابان من زارنی
لعل جان بخشینک زلالی بیرله قیلغیل کامیاب
هر نچه فریاد افغان ایلاسام ایرماس عجب
بارها اغیارغه لطفُ منکا ایلار عتاب
ای شهٔ خوبان شناسی وصلینک امیدی بیله
کیجه کوندوز ناله ایلاب قیلدی باغرینی کباب

f. 219b. **Газаль Мирзы вослѣдъ ханской газали № 29:**

حسن اقلیمیده سندیک یوقتور ای زیبانکار   گلعذارُ گلعذارُ گلعذارُ گلعذار
قیلدی قدیم قاشلارینک خم کوزلاریم نرکس کوزینک   اشکبارُ اشکبارُ اشکبارُ اشکبار

شدّتی هجرینکنی تارتارمن تنیمده قالمادی   هج مدارُ هج مدارُ هج مدارُ هج مدار
هجری تیغی بیرله دور من وصلینک ایستاب آی یل   دلفکارُ دلفکارُ دلفکارُ دلفکار
کل یوزینک ایستاب قیلورمن ناله بلبل دیک بولوب   بیقرارُ بیقرارُ بیقرارُ بیقرار
اسرار ایردیم عشقنکی کونکلومده قیلدی کور آنی   آشکارُ آشکارُ آشکارُ آشکار
ایلابان کوب وعده میرزاغه وفاده بولمادینک   استوار استوار استوار استوار

f. 241b. Газаль Біяни вослѣдъ ханской газали № 32:

تبسم بیرله اول خورشید رخسار   دیدی حُسنیمکا دورسنمو خریدار
دیدیم آری بو جان نینک نقدی بیرله   منینک جولانکهیم بولمیش بو بازار
دیدی نقدینک بو ایرسه سهل ایرکان   جمالیم یانیده جانغه نی مقدار
دیدیم ای جان جمالینک نینک فداسی   من مفلسدا موندین اوزکا نی بار
دیدی موندداغ ایسه اوزکا دوکانده   بو آز نقدینکغه لایق مال طیّار
دیدیم بیرکیل منکا حُسنینک زکاتین   آنی اوز مصرفیغه صرف ایت ای یار
دیدی بو شوخلیق نینک ترکین ایت کیم   بیانی دیک منکا یتکوردینک آزار

За послѣдней газалью «Собранія» слѣдуетъ заключительное مثنوی редактора (خاتمه مثنوی, f. 819a), въ которомъ воздается хвала Богу по случаю благополучнаго завершенія изданія, повторяется указаніе на то, что въ собраніе вошли не всѣ поэты, а только писавшіе «въ сопутствіе» хану[1]), испрашиваются у Бога разныя милости для хана и дается отчетъ въ произведенной авторомъ работѣ, о благосклонномъ принятіи которой ханомъ и публикой Ахмед-Табибъ молитъ Бога. Редакторъ пишетъ (f. 819a):

بو مجموعه جمعی نی شاه جهان   منکا لطف ایله امر قیلغان زمان
اوپوب یر انکا کوب بولوب رغبتم   بولوب مثنوی فکرتی فکرتیم
f. 819b. قیلیب بیر یل کامله اهتمام   باریسین اوزوم جمع قیلدیم تمام

1) Укажу отъ себя, что въ «Собраніи» отсутствуютъ стихи наслѣдника хивинскаго престола, Исфендіар-тӱрӓ, имѣющаго поэтическое прозвище فرخ. Когда я ѣхалъ на пароходѣ обратно изъ Хивы въ Чарджуй въ обществѣ Исфендіар-тӱрӓ и другихъ хивинцевъ (см. мой отчетъ, стр. 15 отд. отт.), его сіятельство продиктовалъ для меня Шейх-Назар-баю одно свое стихотвореніе, которое затѣмъ было переписано мирзой набѣло, вмѣстѣ со стихотвореніемъ Шинаси. Оба стихотворенія — пятистишія; первое написано на стихи Фузули, а второе — на стихи Неваи.

مینك اوچ یوز یکرمه داغی آی بیل   محرم‌نینك اون توزی ایردی بیل[1]

24 كه بو يتّى سردن اتامى‌غه   بولوب مشتهر خاص ايله عامغه

Принимая во вниманіе вышеприведенную дату начала изданія (мѣсяцъ Мухарремъ 1324 года), искаженный переписчикомъ 23-ій стихъ надо читать, по-моему, такъ:

مینك اوچ یوز یکرمه داغی آلتی یل   محرم آی‌نینك اون توزی ایردی بیل

«Былъ, знай, 1326 (1908) годъ и ровно десятое (число) мѣсяца Мухаррема». Тогда окажется, что составленіе «Собранія» заняло два года и что срокъ, указанный въ 22-омъ стихѣ («одинъ годъ полностью»), относится только къ «месневи» редактора.

Описанная нами, можетъ быть, уже одна изъ послѣднихъ крупныхъ среднеазіатско-турецкихъ антологій въ «ложноклассическомъ» духѣ заканчивается, какъ и начинается, напыщеннымъ обращеніемъ къ Богу:

الهی ایلا سوزوم مرغوب خلق   نه مرغوب بل یار محبوب خلق

СПБ. Декабрь 1909 г. **А. Самойловичъ.**

360. W. P. Wassiljew. Die Erschliessung Chinas. Deutsche Bearbeiung von Dr. Rudolf Stübe mit Beiträgen von Prof. Dr. A. Conrady und zwei Karten. 1909. Leipzig. XI+236 стр. 8⁰.

Въ 1900 г. вышла въ свѣтъ книга, заключающая въ себѣ отдѣльныя статьи покойнаго академика В. П. Васильева, появившіяся въ разное время въ печати съ 1859—1883 г. Основаніемъ вторичнаго появленія, по словамъ издателей, было желаніе дать серьезный отвѣтъ на возникшіе тогда вопросы по Дальнему Востоку, тѣмъ болѣе необходимый, такъ какъ освѣщеніе и взгляды авторовъ новыхъ трудовъ, а также «тенденціозныя параллели русскаго съ китайскимъ — вносятъ еще большую путаницу въ безъ того неясныя представленія наши о Дальнемъ Востокѣ. В. П. Васильевъ, къ сожалѣнію, не дожившій до нашихъ дней, когда его авторитетный голосъ много свѣта и ясности внесъ бы въ китайскій вопросъ, оставилъ послѣ себя богатый научный матеріалъ. Его вѣское слово не устарѣло и въ наши дни и является лучомъ, способнымъ освѣтить полумракъ, застилающій отъ насъ истину въ китайскихъ дѣлахъ».

1) Стихъ, по моему, искаженъ.

Этотъ сборникъ и появился въ нѣмецкомъ переводѣ съ дополненіями и примѣчаніями. Прежде чѣмъ говорить о достоинствахъ перевода и примѣчаній, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о самомъ сборникѣ, отнюдь не имѣя въ виду критику его, что было бы и неумѣстно и не по силамъ.

Почти во всѣхъ работахъ В. П. крайній субъективизмъ и парадоксальность вредятъ ясности изложенія и иногда даже мѣшаютъ критическому анализу высказываемыхъ имъ гипотезъ.

Это особенно поражаетъ читателя въ его популярно-научныхъ работахъ. При своихъ (если принять къ тому же во вниманіе тогдашнее состояніе науки), можемъ смѣло сказать, геніальныхъ знаніяхъ, В. П. иногда высказывалъ, наряду съ нанизанными какъ жемчугъ мыслями, сужденія поражающія своею парадоксальностью.

Сборникъ (въ русской редакціи) начинается статьею «Открытіе Китая».

В. П. Васильевъ указываетъ тѣ пути, которымъ русскіе должны слѣдовать при новыхъ условіяхъ, когда Китай открытъ для европейской торговли, отмѣчая попутно вѣроятность заселенія Амура корейцами, китайцами и японцами.

Торговлѣ «нужны улучшенные пути сообщеній повсемѣстно .... и она достигнетъ несравненно лучшихъ результатовъ... обладаніе Амуромъ открываетъ исключительно нашей торговой дѣятельности страну (Маньджурію), которая, по положенію своему и по величинѣ, равняется цѣлой Франціи» (22 стр.).

«Намъ не нужно въ экспедиціи литераторовъ и пэйзажистовъ, но нужно, однакожъ, чтобы кто-нибудь съ знаніемъ туземныхъ языковъ, служа посредникомъ между изслѣдователями и обитателями, изучалъ ихъ нравы и обычаи, что необходимо въ торговыхъ связяхъ» (32 стр.). «Для успѣшнаго и правильнаго развитія торговли съ Китаемъ» необходимы: «отсутствіе всякой монополіи и полная свобода частной предпріимчивости» (33 стр).

Время показало, насколько правильны были ясныя сами по себѣ мысли В. П., и приходится только пожалѣть, что исторія служитъ намъ плохимъ урокомъ.

Во второй статьѣ «Воспоминанія о Пекинѣ» В. П. описывая свои впечатлѣнія, излагаетъ ихъ съ такимъ пессимизмомъ и дѣлаетъ столько условныхъ и далеко не всегда правильныхъ обобщеній, что всякій, прочитавшій замѣтку, составитъ себѣ далеко ложное представленіе, слѣдуетъ оговориться — не во всемъ конечно, о столицѣ Поднебесной Имперіи.

Говоря напр., о водѣ, которою пользуются жители, о внѣшнемъ видѣ стѣнъ, улицъ и т. п., В. П. беретъ самые отрицательные примѣры, проходя мимо положительныхъ.

Нельзя утверждать напр., что «частныя кумирни служатъ складомъ для товаровъ или даже постоялыми дворами» (59 стр.) или что «нищіе имѣютъ свой особенный костюмъ, т. е. ходятъ какъ родила ихъ мать-природа, прикрывшись грязью и струпьями» (62 стр.).

Очень обстоятельное изложеніе русско-китайскихъ сношеній мы находимъ въ главѣ «Русско-китайскіе трактаты». В. П. даетъ, къ сожалѣнію, нѣсколько одностороннюю, безъ соблюденія иногда исторической правды (отношеніе китайцевъ къ русскимъ купцамъ, исторія Албазина и т. д.) исторію нашихъ договоровъ, мало, дѣйствительно, намъ извѣстную.

Къ наиболѣе смѣлымъ и въ то же время геніально правильнымъ принадлежитъ взглядъ покойнаго нашего учителя на поступательное движеніе мусульманства въ Китаѣ[1]). Высказывая свое мнѣніе о положеніи мусульманства въ Китаѣ, основанное на историческихъ фактахъ, В. П. указываетъ на возможность дальнѣйшаго распространенія этой религіи въ виду сложившихся условій.

Послѣдняя статья «Китайскій прогрессъ» рисуетъ перспективы, открывающіяся передъ Европой въ связи съ воспринятіемъ Китаемъ матеріальной и духовной культуры Европы: «можно положительно утверждать, что Китай имѣетъ всѣ данныя, чтобы достигнуть самой высшей точки умственнаго, промышленнаго и вмѣстѣ политическаго прогресса... (162 стр.). Весь міръ будетъ населенъ одними только китайцами — вотъ до чего можетъ разыграться фантазія будущаго возможнаго, которое теперь называется невозможнымъ» (163 стр.). Вслѣдъ за этими многозначущими строками мы находимъ парадоксъ, способный смутить читателя. В. П. указываетъ на прогрессъ, котораго достигли китайцы въ опіумокуреніи, и заканчиваетъ блестящую статью словами: «который же изъ двухъ китайскихъ прогрессовъ восторжествуетъ?» (164 стр.).

Теперь передъ нами тѣ же статьи, помѣщенныя въ иномъ порядкѣ (Воспоминанія о Пекинѣ, Китайскій прогрессъ, Открытіе Китая, Магометанство въ Китаѣ, Русско-китайскіе трактаты), что даетъ болѣе цѣльное впечатлѣніе, на нѣмецкомъ языкѣ въ обработкѣ Dr. R. Stübe съ дополненіями проф. Conrady.

---

1) Въ Китаѣ, насколько намъ извѣстно, въ настоящее время дѣятельность мусульманскаго духовенства оживляется: организуются поѣздки за границу, посылаются проповѣдники изъ крупныхъ центровъ и т. п.

Самое появленіе сборника, конечно, остается только привѣтствовать. Утвержденіе Dr. Stübe: «was er als Gelehrter bedeutete, wissen nur die engsten Kreise zu schätzen, in denen er in höchstem Ansehen stand» намъ представляется нѣсколько голословнымъ, такъ какъ работы и знанія В. П. цѣнились далеко не однимъ только узкимъ кругомъ спеціалистовъ. Замѣчаніе же, что Васильевъ «für seine Zeit zu früh gekommen», намъ кажется парадоксальнымъ, такъ какъ геній всегда опережаетъ свой вѣкъ.

Переводъ сдѣланъ очень точно, иногда даже въ ущербъ языку перевода; допущены только незначительныя опущенія, и они, впрочемъ, оговорены переводчикомъ. Послѣдній справедливо отмѣчаетъ: «so sehr man W. Gelehrsamkeit und Scharfsinn bewundern muss, so wenig wird man alle seine Aufstellungen annehmen, alle seine Anschauungen teilen können. Eine stark subjektive Natur spricht sich in vielem aus, was er sagt. Das sollte hier nicht gänzlich verwischt werden».

Кромѣ того является несомнѣнною устарѣлость очерковъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, почему проф. Conrady и сдѣланы соотвѣтствующія дополненія и примѣчанія.

Намъ казалось бы, что послѣднія могли бы быть или краткими или же исчерпывать всѣ новѣйшія данныя по затронутымъ въ очеркахъ вопросахъ. Къ сожалѣнію мы не находимъ ни того, ни другого.

Наиболѣе подробно комментируется первая статья «Erinnerungen an Peking». Не входя въ детальный разборъ примѣчаній, скажемъ только, что многое можно было бы дополнить изъ богатой литературы о г. Пекинѣ и его исторіи. Въ тоже время современная картина города далека даже отъ той, когда автору этихъ строкъ пришлось жить въ Китаѣ одновременно съ проф. Conrady.

Многія, впрочемъ, мѣста статьи (вопросъ о водоснабженіи, домахъ, улицахъ и проч.) исправлены соотвѣтственно дѣйствительности. Ошибоченъ, однако, предложенный авторомъ дополненій переводъ словъ yang-tscho («überseeischer Wagen») и la-tscho («Ziehwagen»), служащихъ для обозначенія рикши (189 стр.). Первое есть сокращеніе выраженія *дунъ-янъ-чэ* — японскій экипажъ, а второе употребляется для обозначенія человѣка, везущаго экипажъ — *ла-чэ-ды* въ причастной формѣ (жэнь-ли-чэ-фу).

На стр. 228 и слѣд. не вполнѣ правильно оцѣнено мнѣніе В. П. о возможности вліянія культуръ уйгурской и тибетской, основаніе которому, по его мнѣнію, могло быть заложено въ Да-ся, причемъ подъ послѣднимъ имѣется въ виду государство Си-ся. Покойнымъ Васильевымъ было допущено нѣкоторое недоразумѣніе при сопоставленіи географическихъ и

этнографическихъ названій, отмѣченное проф. Конради; но взглядъ В. П. на значеніе культуры государства Си-ся, населеніе котораго соединяло въ себѣ «образованіе Китая съ идеями Запада и религіей Тибета», новѣйшими археологическими открытіями скорѣе подтверждается. Вполнѣ возможно, что установленіе этого факта будетъ способствовать выясненію культурныхъ связей между западомъ и востокомъ.

А. Ивановъ.

28 Февраля 1910 г.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ т. XVIII, стр. 282.

Въ заключительномъ примѣчаніи къ статьѣ А. А. Дьякова «Воспоминанія Илійскаго сибинца о дунганско-таранчинскомъ возстаніи въ 1864—1871 годахъ въ Илійскомъ краѣ» (т. XVIII, стр. 282), представляющей собою переводъ маньчжурскаго текста этихъ «Воспоминаній», мною было указано, что кромѣ текста, имѣвшагося въ распоряженіи А. А. Дьякова, существуетъ еще болѣе ранній варіантъ «Воспоминаній», написанный тѣмъ же Илійскимъ сибинцемъ для Н. Н. Кроткова, и что эти два текста въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно существенно расходятся.

Нынѣ А. А. Дьяковымъ доставлена въ Восточное Отдѣленіе замѣтка автора «Воспоминаній» сибинца Б. (на маньчжурскомъ языкѣ съ переводомъ А. А. Дьякова), въ которой сообщаются свѣдѣнія о происхожденіи позднѣйшаго варіанта и, между прочимъ, объясняется, почему въ позднѣйшей редакціи приводятся точныя данныя даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ болѣе раннемъ варіантѣ авторъ прямо говорилъ, что этихъ данныхъ не помнитъ. Именно въ упомянутой запискѣ сибинца говорится слѣдующее:

«Я, учитель Б., преподающій маньчжурскій языкъ въ училищѣ при Консульствѣ въ г. Кульджѣ, написалъ свои «Воспоминанія» секретарю Дьякову. Изложенное въ нихъ правдиво и безошибочно. Хотя прежде, когда я писалъ Консулу Кроткову «Воспоминанія», я и не вспомнилъ точно дней (т. е. чиселъ, когда произошло то или другое событіе), но впослѣдствіи, разспросивъ многихъ стариковъ-очевидцевъ, я написалъ совершенно точно и удостовѣряю, что все написанное вполнѣ правильно. Затѣмъ удостовѣряю также, что Дьяковъ въ 29 году правленія Гуанъ-сюй, въ сентябрѣ 1904 года, прибывъ въ Кульджу и увлекшись изученіемъ маньчжурскаго языка, преподаваемаго мною, сразу же сталъ разспрашивать объ обстоя-

тельствахъ бывшаго возмущенія. При этомъ я сказалъ, что хотя общій ходъ событій я знаю, но дней точно не помню. На это Дьяковъ замѣтилъ: «Какъ можно безъ (указанія) дней?». Тогда я, пораздумавши самъ съ собою и опросивши многихъ свѣдущихъ стариковъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ установилъ точно даты (событій), а послѣ того уже и написалъ правильно свои «Воспоминанія».

Одновременно съ этимъ полковникъ Д. Федоровъ, авторъ «Опыта военно-статистическаго описанія Илійскаго края» (Ташкентъ, 1903 г.), любезно сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о дунганско-таранчинскомъ возстаніи, собранныя, по его просьбѣ, кульджинскимъ миссіонеромъ J. Steneman отъ 2 — 3 стариковъ китайцевъ, переживших означенное возстаніе. Въ общемъ эти свѣдѣнія совпадаютъ съ данными «Воспоминаній» и были большею частью использованы Д. Федоровымъ въ его трудѣ. Между прочимъ, указаніе послѣдняго (ч. I, стр. 245), что сибо сами считаютъ себя китайцами изъ Шань-хай-гуаня, обращенными въ маньчжуръ, заимствовано именно изъ этой записки. Не лишены интереса находящіяся въ ней свѣдѣнія о таранчинцахъ. Ко времени возстанія ихъ насчитывалось около 8.000 человѣкъ. Во главѣ ихъ стоялъ хакимъ-бэгъ, который пользовался административною и судебною (по менѣе важнымъ дѣламъ) властью. Хакимъ-бэги назначались изъ потомковъ Эминъ-бэга, сподвижника китайскаго генерала Чжао-хуй. Хакимъ-бэга Майсемсата (Муэземъ-хана), при которомъ разразилось возстаніе, записка называетъ внукомъ Эминъ-бэга и сыномъ хакимъ-бэга Халъ-Мисатъ.

Изъ письма Д. Федорова видно, что русскій переводъ: «Китаби-Газатъ деръ Мульки Чинъ», которымъ онъ пользовался, принадлежалъ Н. Н. Пантусову, почему слѣдуетъ думать, что рукопись этого неизданнаго перевода находится среди бумагъ послѣдняго.

Пользуюсь случаемъ указать, что городъ Хара-усу, часто упоминаемый въ текстѣ «Воспоминаній», обыкновенно называется Куръ-кара-усу.

Вл. Котвичъ.

II.

Къ статьѣ „Указатель къ пѣснямъ Махтум-кули“ (т. XIX, стр. 0125 и слѣд.).

Эта статья была уже мною подписана къ печати, когда я узналъ, благодаря любезному сообщенію завѣдующаго рукописнымъ архивомъ И. Р. Геогр. Общества И. П. Мурзина, что въ Обществѣ имѣется списокъ Махтум-кули съ русскимъ переводомъ.

Списокъ состоитъ изъ 52 ff. въ четвертушку листа безъ переплета и имѣетъ на f. 1a слѣдующую помѣтку: «Оригиналъ Махтумъ Кулыя переведенный Переводчикомъ Астрабадской морской станціи Рафаиломъ Езнаевымъ въ 1874 году іюля 15-го дня. — Эту рукопись, подаренную мнѣ Рафаиломъ Езнаевымъ, приношу въ даръ Русскому Географическому Обществу. Членъ сотрудникъ Общества П. Огородниковъ. 1875 года 17-го марта, С.-Петербургъ». На f. 6a указано имя туземнаго владѣльца рукописи: صاحب ملا قربان على, а на f. 43a приводится дата سنه ١٢٨٩, т. е. годъ 1872—3.

Въ спискѣ Г. Общества заключается 91 пѣсня Махтум-кули и одна — Сейид-Ходжи (f. 42b—43a: пятистишія — كفتارى سيدى خوجه; см. мою статью: Матеріалы по среднеазіатско-тур. литературѣ I, З. В. О., XIX, стр. 08, № 43); рукопись не кончена. По количеству пѣсенъ списокъ занимаетъ второе мѣсто среди мнѣ извѣстныхъ списковъ Махтум-кули (см. стр. 0127 настоящаго тома).

Судя по расположенію пѣсенъ, списокъ восходитъ къ той рукописи Махтум-кули, отъ которой идутъ списки публичныхъ библіотекъ Императорской и Туркестанской; впрочемъ соотвѣтствіе, и то неполное, кончается на 74-й пѣснѣ (=П. 73, мой указатель № 5), а остальныя пѣсни въ рукописяхъ П.—Т. вовсе отсутствуютъ и извѣстны мнѣ уже по другимъ спискамъ (мой указатель, №№ 146, 173, 153, 4, 83, 52, 150, 34, 49, 73, 85, 22, 25, 122, 29, 40). До 74-ой пѣсни соотвѣтствіе въ расположеніи №№ между списками Г. Общ. и П.-Т. нарушено въ двухъ мѣстахъ: 1) П.-Т. №№ 14 и 15 въ спискѣ Г. Общ. переставлены; 2) П. № 84 въ спискѣ Г. Общ. стоитъ подъ № 26, благодаря чему далѣе до № 74 №№ соотвѣтствующихъ пѣсенъ списковъ Г. Общ. и П.-Т. разнятся между собой на единицу. Въ одномъ случаѣ въ схожихъ своихъ частяхъ списки отличаются и по содержанію: списокъ Г. Общ. подъ № 58 даетъ пѣсню 26 моего указателя, а П.-Т. подъ соотвѣтствующимъ № 57—пѣсню 102 моего указателя.

Списокъ Г. Общ. повторяетъ слѣдующія пѣсни, которыя мнѣ ранѣе встрѣтились только по одному разу и которыя отмѣчены въ моемъ указателѣ звѣздочкой: №№ 5, 52, 62, 83 и 145. Одна пѣсня списка Г. Общ. является для меня новой, и ее я отмѣчаю по системѣ, принятой въ моемъ указателѣ.

*198) نوب — Г. 75; 4. 11. 5.

مسرمانلار (sic) مالى دونيه (sic) مايه‌سى * كورنكدور بر سرينه (?) بزانوب

Переводъ пѣсенъ Махтум-кули находится въ большой тетради съ

переплетомъ. Заглавіе «Переводъ Махтумъ Кулыя изъ рода Гоклянскаго который сочинилъ сію книгу въ стихахъ». Бѣглый просмотръ рукописи показалъ мнѣ, что переводъ кончается на 87-ой пѣснѣ, но нѣкоторыя пѣсни, повидимому, пропущены.

А. Самойловичъ.

III.

Къ статьѣ: „Къ исторіи Мерва“.

Къ стр. 117. Значеніе терминовъ بلد, مدينة и ربض у географовъ X в. яснѣе всего видно изъ словъ Макдиси при описаніи Хамадана (Bibl. Geogr. Arab. III, 392, 6 — 7):

والمدينة وسط البلد خربة يدور الربض حولها

«Внутренній городъ (медина) расположенъ по серединѣ города въ обширномъ смыслѣ (белед) и (теперь) разрушенъ; его (т. е. внутренній городъ) со всѣхъ сторонъ окружаетъ пригородъ (рабад)».

Въ противоположность этому географы XII и XIII вв., т. е. той эпохи, когда «городъ» въ тѣсномъ смыслѣ уже не соотвѣтствовалъ до-мусульманскому шахристану, употребляютъ слово بلد въ смыслѣ собственно-города, въ противоположность пригороду. Ср. у Ибн-Джубейра (Gibb Memorial Series, vol. V, p. 282—283) о Дамаскѣ: والارباض كبار والبلد ليس بمفرط الكبر («пригороды велики, а самый городъ не очень великъ»), у Самʿани (В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I, стр. 63, о кварталѣ Гатферъ въ Самаркандѣ) выраженіе فى نفس البلد («въ самомъ городѣ», ср. тамъ-же, стр. 66 من حائط سمرقند), у Якута (II, 590, 7—8) о Дамаскѣ: ولها ربض دون السور محيط باكثر البلد يكون فى مقدار البلد نفسه («у него есть пригородъ по сю сторону стѣны, окружающій большую часть самаго города и по величинѣ равный послѣднему»).

По поводу термина ربع можно привести слова Абу-л-Хусейна Бейхаки, автора VI в. хиджры (تاريخ بيهق Cod. Mus. Brit. Or. 3587, f. 20a). Упомянувъ о дѣленіи округа Бейхака на 12 ربع, авторъ продолжаетъ:

بس مراد بدين ربع جهاريك نيست مراد آنست كه در كتاب مجمل اللغة ابن فارس بيارد كه الربع محلة القوم بس هر كجا كه قومى انجا نزديك بيكديكر جمع شوند وبنا وعمارت سازند انرا ربع خوانند در عرب اما در عجم هرجه در شهر منزلكاه خلق بود بر يك سمت انرا محلّه خوانند آنجه در صحرا وكوه بود (f. 20b) انرا ربع خوانند.

«Но это (слово) рубʿ не имѣетъ значенія «четверти»; оно имѣетъ то значе-

ніе, которое приводитъ Ибн-Фарисъ[1]) въ книгѣ «Муджмаль ал-луга»: Руб῾ — кварталъ людей. И такъ, вездѣ, гдѣ люди селятся близко одинъ отъ другого и воздвигаютъ постройки, такое мѣсто называютъ руб῾ у арабовъ; но у персовъ поселеніе людей въ городѣ, состоящее изъ (непрерывнаго) ряда (домовъ), называютъ «махалле», а поселеніе въ степи и горахъ называютъ руб῾».

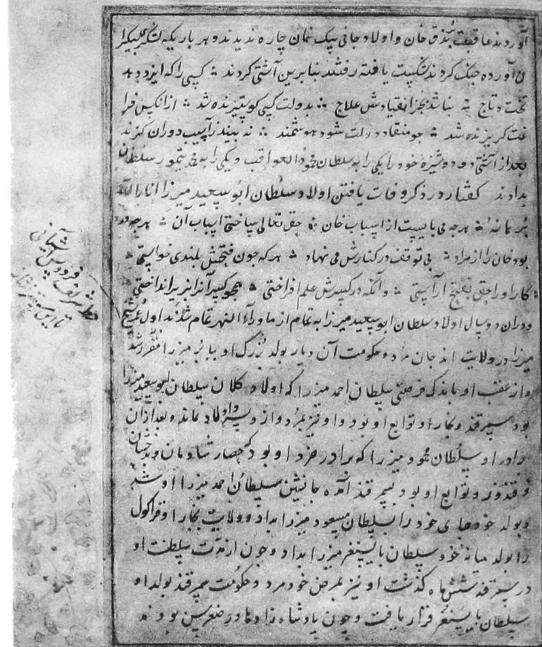
В. Бартольдъ.

1) О немъ см. Brockelmann, I, 130; умеръ въ 395 или 396 г. х. (1004—6 по Р. Хр.); правильное заглавіе его книги «ал-Муджмаль фи-л-луга» («сборникъ по лексикографіи»).

Къ статьѣ: Шейбани-намэ. Персидскій unicum библіотеки хивинскаго хана.

f. 1 b.

f. 22 a

Мутанабби' и Абӯ-л-'Ала̄'.

(Незабвенной памяти моего учителя барона В. Р. Розена).

I.

Работы въ области арабской поэзіи за два послѣднихъ десятилѣтія посвящаются преимущественно древнему періоду. Нѣкоторое объясненіе такому факту можно находить въ томъ, что именно этотъ періодъ является болѣе изслѣдованнымъ; здѣсь исполненъ уже рядъ подготовительныхъ работъ, въ большинствѣ случаевъ имѣются критическія изданія текстовъ, а поэтому представляется возможность дѣлать болѣе широкіе выводы и обобщенія. Извѣстную роль, быть можетъ, играетъ здѣсь пренебреженіе ко всему новому, доставшееся нѣкоторымъ европейскимъ ученымъ въ наслѣдство отъ арабскихъ филологовъ-пуристовъ — то самое пренебреженіе, съ которымъ приходилось бороться еще Ибн-Кутейбѣ[1]) и Са'а̄либію[2]). Какъ бы то ни было, эта область является теперь наиболѣе разработанной и въ нѣкоторыхъ частяхъ результаты изслѣдованій могутъ быть признаны окончательными на долгое время[3]). Благодаря такой разработанности теперь есть возможность опредѣлить, въ какомъ именно направленіи будутъ итти успѣшно дальнѣйшія изслѣдованія. Этимъ путемъ является область реально-бытового комментарія, такъ блестяще представленнаго въ настоящее время работами Jacob'a[4]) и Geyer'a[5]). Здѣсь работа обѣщаетъ

---

1) Liber poesis et poetarum, ed M. J. de Goeje, Leyden 1904, стр. ٥—٦.

2) يتيمة الدهر, изд. дамасское 1304 г., I, стр. ٧—٨. См. еще I. Goldziher, Abhandlungen zur arabischen Philologie—I, 122—174.

3) Въ области муʿаллакъ, напримѣръ, это можно сказать о работѣ Nöldeke, Fünf Moʿallaqāt, übersetzt und erklärt въ SBWA. т. CXL (1899) № 7, т. CXLII (1900) № 5 и CXLIV (1902) № 1. Мало новаго по сравненію съ ней могутъ дать и такія изслѣдованія, какъ появившаяся позже книга Hausheer'a, die Muʿallaka des Zuhair. Berlin 1905.

4) Его Studien in arabischen Dichtern, особенно 3-ій томъ—Altarabisches Beduinenleben nach den Quellen geschildert. 2 изд. Berlin 1897.

5) Zwei Gedichte von al-'Aʿšā. I. Wien 1905. (Оттискъ изъ CXLIX тома SBWA.).

хорошіе результаты и ея хватитъ, вѣрно, не на одно еще поколѣніе арабистовъ. Едва ли можно предсказывать такую же будущность изслѣдованіямъ другого характера, имѣющимъ цѣлью выясненіе особенностей индивидуальнаго творчества и индивидуальной психологіи отдѣльныхъ представителей древне-арабской поэзіи. Превосходное рѣшеніе одной изъ такихъ задачъ Rhodokanakis'омъ[1]) объясняется только удачнымъ выборомъ объекта и его рѣзко очерченнымъ типомъ. Не говоря о томъ, что такихъ личностей было немного, здѣсь вѣчнымъ камнемъ преткновенія будетъ вопросъ о подлинности; при невозможности въ большинствѣ случаевъ удовлетворительнаго рѣшенія его всѣ зданія такого рода будутъ строиться на пескѣ.

Сказанное о древнемъ періодѣ можно примѣнить и къ умейядской поэзіи, разработка которой подвигается довольно быстро впередъ[2]). Значительно хуже обстоитъ дѣло съ эпохой ʿаббāсидовъ: до сихъ поръ не имѣется, напримѣръ, критическаго изданія дивана Абӯ-Новāса, всю необходимость котораго сознавалъ Ahlwardt еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія[3]). Такое же неутѣшительное зрѣлище представляетъ и весь позднѣйшій періодъ: критическія изданія дивановъ попадаются только, какъ исключенія[4]); отдѣльныхъ исчерпывающихъ монографій, безъ которыхъ немыслимо и думать о научной исторіи арабской поэзіи, имѣется еще меньше[5]). Единственный поэтъ новаго періода, фигура котораго не пере-

1) Al-Ḫansâ' und ihre Trauerlieder. Ein literar-historischer Essay mit textcritischen Excursen. Wien 1904. (Оттискъ изъ CXLVII т. SBWA.).

2) Одному поэту этой эпохи — Ахталю посвящена теперь, быть можетъ, наиболѣе значительная литература. (Библіографію у Brockelmann'a, Geschichte der arabischen Litteratur—I, 52, II, 690, можно дополнить указаніемъ на слѣдующія еще работы:

A. Salhani, Notices sur le manuscrit d'al Aḫṭal, JA, серія IX, т. 1, 1893, 527—537.

A. Salhani, Un nouveau manuscrit du diwan d'Akhtal, المشرق, VI, 1903, 433—439.

A. Salhani, Un nouveau manuscrit d'Akhtal, المشرق, VII, 1904, 475—482.

H. Lammens, Un poète royal à la cour des Omiades de Damas, Revue de l'Orient Chrétien, VIII, 1903, 325—355 и IX, 1904, 32—64.

A. Salhani, Diwan de Aḫṭal. Reproduction photolithographique du manuscrit de Bagdad. Beyrouth, 1905. 8⁰, 12 + ١٨٩.

A. Salhani, Les Nakajed d'Akhtal et de Djarir d'après le manuscrit de Constantinople, المشرق, VIII, 1905, 97—107.

E. Griffini, Le diwān d'Al-Aḫṭal reproduit d'après un manuscrit trouvé au Jemen. Beyrouth, 1907. 8⁰, XXXVI + 116).

3) См. его предисловіе къ неоконченному изданію Diwan des Abu Nowas I. Greifswald 1861.

4) Такихъ исключеній можно назвать только три: Mutanabbii carmina... edidit Fr. Dieterici. Berolini 1861; The poetical works of Beha-ed-din Zoheir of Egypt... ed. by E. Palmer. I—II. Cambridge 1876—1877; Il Canzoniere di ʿAbd al Ǧabbār ibn Hamdis... publ. da C. Schiaparelli. Roma 1897.

5) Кромѣ работъ Bohlen'a и Dieterici, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, можно отмѣтить только изслѣдованіе R. Dvořáka, Abū-Firās, ein arabischer Dichter und Held. Leyden 1895.

стаетъ интересовать изслѣдователей до послѣдняго времени и литература о которомъ непрерывно возрастаетъ, это — ма'аррскій слѣпецъ Абӯ-л-'Алā[1]).

Не смотря на богатство литературы о немъ, особенно увеличившейся за послѣдніе годы, обще-признанной характеристики Абӯ-л-'Алā', равно какъ и его мышленія, до сихъ поръ не имѣется: въ то время, какъ одни (вслѣдъ за Kremer'омъ) считаютъ его. полнѣйшимъ атеистомъ и скептикомъ, другіе (напримѣръ, Cheikho и отчасти Зейдāнъ) находятъ основаніе доказывать, что онъ былъ человѣкомъ вѣрующимъ. Такое разногласіе будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведено *детальнаго* изслѣдованія съ одной стороны собственныхъ произведеній Абӯ-л-'Алā', а съ другой — внѣшнихъ вліяній на него. Первое дастъ возможность правильно понимать мысль Абӯ-л-'Алā', что, принимая во вниманіе всю трудность и искусственность его языка, далеко не такъ легко[2]); разборъ стороннихъ вліяній поможетъ опредѣлить, какія мысли въ произведеніяхъ Абӯ-л-

---

1) Чтобы не повторять впослѣдствіи его характеристики, я позволю себѣ отослать интересующихся къ изслѣдованіямъ, которыми теперь одинаково богаты всѣ языки. Литературу до 1843 года (появленіе работы Rieu) можно игнорировать вслѣдствіе ея маловажности; кромѣ того она отмѣчена въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

C. Rieu, De Abulalae poetae arabici vita et carminibus secundum codices Leidenenses et Parisiensem commentatio. Bonnae 1843.

A. Kremer, Ein Freidenker des Islam въ ZDMG—XXIX (1875), 304—312.

I. Goldziher, Abūl-ʿAlā' al-Maʿarri als Freidenker въ ZDMG—XXIX (1875), 637—641.

Alf. Kremer, Philosophische Gedichte des Abū-l-ʿAla' Maʿarri въ ZDMG—XXX (1876), 40—52; XXXI (1877), 471—483; XXXVIII (1884), 499—529.

Alf. Kremer, Ueber die philosophischen Gedichte des Abū'l 'Alā Maʿarry въ SBWA — CXVII (1888).

D. Margoliouth, The letters of abu-l'Ala of Maʿarrat an-Nuʿman with the life of the author by al-Dhahabi and with translation, notes, indices and biographie. London 1898.

A. Nicholson, The risālatu'l-Ghufrān by abū-l-Alā al-Maʿarry въ JRAS — XXXII (1900), 637—720; XXXIV (1902), 75—101, 337—362, 813—847.

S. Chartouni, Le poète Aboul-ʿAla al-Maʿarry въ المشرق — IV (1901), 1066—1068.

L. Cheikho, Le poète Abou-l-ʿAla, fut-il impie? въ المشرق — IV (1901), 1068—1072.

D. Margoliouth, Abu-l-ʿAla al-Maʿarry's correspondence on vegetarianisme въ JRAS—XXXIV (1902), 289—332.

Ameen F. Rihani, The Quatrains of Abu'l-Ala. Selected from his «Lozum ma la yalzam» and «Sact-uz-Zind» and now first rendered into Englisch. London 1904.

G. Salmon, Un précurseur d'Omar Khayyam. Le poète aveugle. Extraits des Poèmes et des Lettres d'Abou-l-Alâ' al-Ma'arri (363 A. H.). Paris 1904.

Г. Зейдāнъ, ابو العلاء المعرّى الشاعر الفيلسوف въ الهلال — XV (1907), № 4 (январь), 195—216 и № 5, 279—287.

Въ настоящее время въ Египтѣ издано رسالة الغفران съ примѣчаніями недавно умершаго Ибрāhима ал-Язызджія.

Изъ историковъ литературы у Brockelmann'а, какъ всегда, важны біо- и библіографическія данныя (I, 254—255, 524; II, 695); лучшая общая характеристика со временъ Kremer'а дана Nicholson'омъ, A literary history of the Arabs, London 1907, стр. 313—324.

2) Для этого было бы очень полезно, напримѣръ, составить нѣчто вродѣ index'а или конкорданса хотя бы къ لزوم ما لا يلزم.

ʻАлā’ принадлежатъ ему лично и въ какихъ онъ только развиваетъ идеи, высказанныя его предшественниками. Пока этого нѣтъ, Абӯ-л-ʻАлā’ ожидаетъ та же судьба, какъ ʻОмара Хайяма въ персидской литературѣ[1]).

II.

Однимъ изъ предшественниковъ Абӯ-л-ʻАлā’, вліяніе котораго въ деталяхъ казалось бы не безынтереснымъ выяснить, является Мутанабби’. Преклоненіе предъ нимъ Абӯ-л-ʻАлā’ достаточно извѣстно: кромѣ самаго комментарія, громкое названіе котораго معجز احمد — чудо Ахмеда[2]) — показываетъ отношеніе комментатора къ комментируемому, два очень интересныхъ отзыва сохранены Вāхыдіемъ: въ первомъ изъ нихъ[3]) Ибн-Фӯрджа[4]) передаетъ, что Абӯ-л-ʻАлā’ сказалъ ему разъ по поводу попытки «исправить» одинъ стихъ Мутанаббія: «Не думай, будто ты можешь замѣнить хотя одно слово въ его стихахъ лучшимъ; если сомнѣваешься, попробуй. Я пытался сдѣлать это долгое время, но не нашелъ ни одного выраженія, замѣнить которое другимъ оказалось бы возможнымъ. Кто не вѣритъ, пусть пробуетъ и увидитъ, что дѣло обстоитъ такъ, какъ я говорю». Въ другомъ мѣстѣ[5]) со словъ Якӯта сообщается: «Когда Абӯ-л-ʻАлā’ цитовалъ поэтовъ, онъ обыкновенно выражался такъ: «Абӯ-Новāсъ говоритъ то-то, Бухтурій говоритъ такъ-то, Абӯ-Теммāмъ — такъ-то»; когда же онъ цитовалъ Мутанаббія, то говорилъ просто: «Поэтъ (الشاعر) сказалъ такъ-то».

Уже помимо этихъ отзывовъ, историко-литературныя данныя давно позволяли ученымъ говорить о вліяніи Мутанаббія на Абӯ-л-ʻАлā’: намеки

---

1) См. В. Жуковскій, ʻОмаръ Хайямъ и «странствующія» четверостишія (Въ сборникѣ ст. учен. пр. бар. В. Розена, 325—6).

2) Существовало ли у Абӯ-л-ʻАлā’ два комментарія на Мутанаббія (какъ предполагалъ еще Silvestre de-Sacy, Chresthomatie arabe—Paris 1827—III, 89 на основаніи Ибн-Халликāна) или одинъ, извѣстный у литераторовъ подъ разными названіями — сказать трудно. Обыкновеннымъ названіемъ является упомянутое выше (см. напр., Сафадій у Margoliouth’a, The Letters... стр. 146), но иногда комментарій цитуется подъ названіемъ اللامع العزيزى (напр. у Зahабія, ibid. 136; у Хāджи-Халӣфы, изд. Flügel’я—III, 307,8). Зейдāнъ считаетъ ихъ различными произведеніями и второе приводитъ подъ двумя названіями اللامع العزيزى и لامع العزيز (op. cit. стр. 201). Въ пользу противоположнаго мнѣнія, однако, говоритъ то обстоятельство, что рукопись Брит. Муз. № 594 (по Catalogus Codicum Mss., qui in Musaeo Britannico asservantur—pars II, 280), озаглавленная لامع العزيزى, даетъ ту же редакцію, какъ и № 592, озаглавленный معجز احمد (См. Catalogus... стр. 280, прим. b).

3) Стр. 277, 6—11 по изданію Dieterici.

4) Не Абӯ-л-Фатхъ (т. е. Ибн-Джинній), какъ по ошибкѣ у Bohlen’a, Commentatio de Motenabbio, стр. 40.

5) Op. cit. 876, 15—16.

на это есть у Kremer'a[1]) и др., равно какъ есть и въ новѣйшей работѣ Зейдāна[2]). Ближайшимъ образомъ, однако, этого вопроса на основаніи фактическаго матеріала — произведеній Мутанаббія никто не касался и поэтому, можетъ быть, будетъ не лишнимъ отмѣтить тѣ мѣста въ диванѣ Мутанаббія, которыя *могли* оказать вліяніе на направленіе мыслей Абӯ-л-ʿАлā' въ извѣстную сторону[3]).

Въ противоположность Абӯл-ʿАлā' почти вся важнѣйшая литература о Мутанаббіи относится къ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Отдѣльныя замѣчанія Goldziher'a, правда, очень цѣнны, но слишкомъ разбросаны[4]); характеристика Kremer'a[5]) насколько блестяща, настолько и кратка[6]). Изъ прежнихъ работъ монографія Dieterici[7]) основана исключительно на Саʿāлибіи и передаетъ только его взгляды, а работа Hammer'a[8]) можетъ представлять только историческій интересъ, благодаря введенію, гдѣ дается обзоръ предшествующей европейской литературы[9]). Такимъ образомъ, какъ это ни странно можетъ показаться, для ближайшаго знакомства съ Мутанаббіемъ и теперь приходится отсылать къ работѣ Bohlen'a, вышедшей въ 1824 году[10]). Нужно, къ счастью, отмѣтить, что эта не по достоинству забытая работа представляетъ въ высшей степени добросовѣстное и аккуратное изслѣдованіе: въ основу его положена берлинская рукопись комментарія Вāхыдія, которая принята во вниманіе Dieterici при его изданіи, такъ что провѣрка цитатъ не представляетъ особыхъ затрудненій. Кромѣ того, эта рукопись издана Dieterici не полностью[11]), а поэтому работа Bohlen'a не утратила своего значенія до сихъ поръ и какъ изданіе текста[12]).

---

1) Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen — II, 387; Die philosophischen Gedichte... 76.

2) الهلال, т. XV, стр. 194.

3) Въ дальнѣйшемъ изложеніи Мутанабби', за исключеніемъ особо отмѣченныхъ случаевъ, цитуется по изд. Dieterici съ комментаріемъ Вāхыдія (сокращенно В.), при чемъ первая цифра обозначаетъ страницу, вторая стихъ (а не строку). При нумераціи въ изданіи стиховъ пьесы и при отсутствіи нумераціи строкъ эта система является болѣе удобной.

4) См., напр., Muhammedanische Studien, I, 78, 159, 190; Abhandlungen zur arabischen Philologie, I, 145, 164, 170 и др.

5) Culturgeschichte des Orients—II, 380—381.

6) То же можно сказать и о соотвѣтствующемъ отдѣлѣ Nicholson'a, A literary history of the Arabs, London 1907, стр. 304 сл.

7) Mutanabbi und Seifuddaula aus der Edelperle des Tsaalibi... dargestellt. Leipzig 1848.

8) Motenebbi, der gröszte arabische Dichter zum ersten Mahle ganz übersetzt. Wien 1824.

9) Стр. IX—XVI.

10) Commentatio de Motenabbio, poeta arabum celeberrimo, ejusque carminibus. Bonnae. 1824.

11) См. пред. къ дивану, стр. X.

12) Она интересна и въ другихъ отношеніяхъ: у Bohlen'a, напр., есть уже стремленіе прослѣдить исторію поэтическихъ образовъ, которое стало замѣчаться въ европейской наукѣ особенно за послѣднее время. См. стр. 46—68.

Къ отмѣченной литературѣ я и позволю себѣ отослать всѣхъ, желающихъ познакомиться, какъ съ біографіей и характеристикой поэта[1]), такъ и съ оцѣнкой его поэзіи съ точки зрѣнія языка и формы[2]). Дальнѣйшее изложеніе будетъ посвящено выясненію того круга идей Мутанаббія, который касается принципіальныхъ вопросовъ духовнаго бытія,—иначе говоря той стороны творчества Мутанаббія, о которой еще великій Reiske писалъ: «Optima dos Motanabbii est, quod egregie philosophatur, frequentius et acutius, quam ullus Arabum, quotquot vidi[3])».

На отмѣченную Reiske особенность творчества Мутанаббія обращали вниманіе еще и арабскіе историки литературы, а это даетъ нѣкоторое право предполагать, что уже въ самомъ характерѣ творчества Мутанаббія была извѣстная склонность къ рефлексіи и вытекающему изъ нея пессимизму. Поэтому и извѣстные мотивы его поэзіи нельзя считать возникшими подъ вліяніемъ минуты, а тѣмъ менѣе смотрѣть на нихъ, какъ на простыя реторическія украшенія элегіи, что иногда замѣчается у другихъ поэтовъ. Саʿāлибій, человѣкъ безусловно не лишенный поэтическаго вкуса, заставлявшаго его отстаивать новѣйшую поэзію, все-таки не могъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ ложно-классическихъ традицій и, перечисляя недостатки Мутанаббія, съ sancta simplicitas въ числѣ ихъ отмѣчалъ между прочимъ то, что Мутанабби' иногда пользуется выраженіями и идеями суфіевъ[4]), а иногда изъ поэзіи переходитъ въ философію[5]). Ту же тенденцію Мутанаббія онъ отмѣчаетъ и въ его достоинствахъ, указывая на часто встрѣчающіяся въ его произведеніяхъ изреченія, жалобы на судьбу, міръ и т. д.[6]). Этотъ основной характеръ мышленія невольно пробивался черезъ традиціонныя и считавшіяся окончательно установленными формы поэзіи, съ которыми вообще Мутанабби' не стѣснялся[7]), чѣмъ и вызывалъ иногда строгія замѣчанія

---

1) Bohlen, op. cit., 1—35; Nicholson, op. cit., 305—308.

2) Bohlen, 36—86; Dieterici, op. cit., 27—76; Nicholson, op. cit., 309—312.

3) Abulfedae annales muslemici, Hafniae 1790, т. II, стр. 774, пр. 368.

4) يتيمة الدهر, изд. дамасское — I, 121, 3—4. Одинъ его стихъ (см. див. 383,2) по мнѣнію Ибн-ʿАббāда могъ бы вызвать нескончаемую полемику суфіевъ, если бы попался въ изреченіяхъ Джунейда или Шиблія. См. يتيمة — 124, 13—15.

5) يتيمة — 124, 18. Ср. еще خزانة الادب, изд. 1299 г, I, 383, гдѣ авторъ указываетъ цѣлый рядъ стиховъ съ различными «еретическими» тенденціями, приписывая ихъ вліянію нѣкоего Абӯ-л-Фадла من المتفلسفة въ Кӯфѣ, который هوسه واضلّه كما ضلّ. Склонности Мутанаббія къ ارسال المثل وعقد الحكم посвящаетъ почти весь послѣдній отдѣлъ في محاسن ابى طيّب своего трактата одинъ изъ его лучшихъ критиковъ ابو كثير (См. تنبيه الاديب على ما في شعر ابى طيّب من الحسن والمعيب — рук. Учебн. Отд. № 84 по каталогу бар. В. Розена — листъ 69а—74б).

6) يتيمة стр. 145, 5—6 съ цѣлымъ рядомъ примѣровъ на стр. 147—153.

7) См. напр., диванъ 439, 1; 699, 1. Нѣкоторую пародію на классическіе образцы, напоминающую отчасти Абӯ-Новāса, можно видѣть на стр. 737, 35, равно какъ 738, 39. Ср. I. Goldziher, Abhandlungen zur arabischen Philologie—I, 145—146.

комментаторовъ. Въ одномъ мѣстѣ Вāхыдій, напр., недовольный рѣзкимъ переходомъ мыслей въ хвалебной касыдѣ, замѣчаетъ: «Абӯ-Тайибъ перешелъ отъ описанія красавицы къ увѣщанію и напоминанію о смерти: это заслуживаетъ одобренія въ элегіяхъ, но не въ хвалебныхъ одахъ [1])». Самъ поэтъ иногда чувствовалъ все несоотвѣтствіе своихъ мыслей съ господствующимъ теченіемъ и въ одномъ мѣстѣ онъ съ горечью восклицаетъ: «О если бъ мнѣ знать, произнесу ли я хоть одну касыду, не высказывая въ ней жалобъ и упрековъ на судьбу! [2])».

Что же именно создавало у Мутанаббія такое мрачное настроеніе, вызывавшее у него мрачные тона даже въ какой нибудь хвалебной одѣ? Исходнымъ пунктомъ его пессимизма является, повидимому, мысль о смерти и необходимости уничтоженія, которая одинаково тяготѣетъ надъ всѣмъ живущимъ. Къ этой мысли онъ возвращается очень часто, выражая ее иногда въ красивыхъ даже съ обще-человѣческой точки зрѣнія образахъ. «Смерть это—воръ съ незамѣтной фигурой, который хватаетъ безъ рукъ и мчится безъ ногъ; отецъ львенка отгоняетъ отъ сына цѣлый отрядъ, но при самомъ рожденіи оставляетъ его (безпомощнымъ) въ жертву муравьямъ [3]). Если я и уцѣлѣлъ отъ (этой) болѣзни, то все же не быть мнѣ вѣчнымъ; я избавился отъ смерти (въ этотъ разъ), чтобы встрѣтить ее въ другой [4]). Всякому человѣку придется лечь на такое ложе, гдѣ нельзя повернуться бокомъ: тамъ забудетъ онъ все, чѣмъ восхищался въ себѣ самомъ, забудетъ и страданія, причиненныя ему смертью. Мы—сыновья мертвецовъ, почему же мы отказываемся отъ того, что все равно придется выпить? [5]). Наши руки скупятся отдать душу въ жертву времени, между тѣмъ какъ онѣ давно уже имъ захвачены. Если бы влюбленный подумалъ о конечномъ результатѣ той красоты, которая теперь его воспламеняетъ,—она перестала бы восхищать его. Стоитъ замѣтить первый лучъ солнца на востокѣ, и ни одна душа не будетъ сомнѣваться, что увидитъ его на западѣ [6]). О дѣти нашего отца! Мы вѣдь обитатели жилищъ, надъ которыми постоянно каркаетъ воронъ разлуки. Мы плачемъ, разставаясь съ міромъ, но вѣдь нѣтъ такого обще-

---

1) Изд. Dieterici, 39, 7.

2) Ibid. 663, 15.

3) 411, 17—18.

4) 680, 40.

5) По мнѣнію ʿАмидія въ الابانة عن سرقات المتنبى لفظا ومعنى (рук. Учебн. Отд. М. И. Д. № 83 по каталогу бар. В. Розена л. 26б) идея этого стиха заимствована у Абӯ-л-ʿАтāhіи, который сказалъ:

علام يعاق الموت والخلق كلّهم * له خلقوا و الموت غاد و رائح

(Въ изд. Cheikho этого стиха нѣтъ).

6) 782, 8—11; 783, 13—14.

ства, котораго этотъ міръ не разъединилъ бы, хотя раньше и самъ собралъ его. Гдѣ могучіе хосрои, набравшіе сокровищъ, которыя не уцѣлѣли, какъ не уцѣлѣли и они сами? (они принадлежали къ тѣмъ), войскамъ которыхъ было тѣсно на равнинѣ, пока ихъ самихъ не захватилъ и не сжалъ тѣсный ровъ. Они нѣмы, если и позвать ихъ; они точно не знаютъ, что рѣчь имъ дозволена и не запрещена. Смерть все равно приходитъ, хотя бы считать душу сокровищемъ; ослѣпленный же своимъ достояніемъ—глупъ [1]). Куда дѣвались тѣ, которыми построены пирамиды? Что же это былъ за народъ? когда они погибли? почему совершилось ихъ паденіе? Памятники остались на время послѣ своихъ строителей, но и ихъ постигнетъ уничтоженіе, и они послѣдуютъ за людьми [2]). И до насъ люди разлучались съ дорогими ихъ сердцу: ни одинъ врачъ не нашелъ лекарства противъ смерти. Насъ опередили въ этомъ мірѣ, а если бы прежніе обитатели его жили — мы были бы лишены возможности и прійти, и уйти. Приходящій завладѣваетъ міромъ, какъ грабитель, а уходящій разстается съ нимъ, какъ ограбленный [3])». Если смерть и щадитъ кого-нибудь, то лишь на время; она, по словамъ Мутанаббія, немилосердна и къ тѣмъ, кто можетъ считаться ея помощникомъ: «Больше другихъ блюдетъ свой завѣтъ съ проходящими та смерть, которая обреченнаго ей губитъ послѣ сѣдины [4])». «Ты измѣнила и тому, говоритъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ, съ которымъ уничтожила столько толпъ, и благодаря которому заставила смолкнуть столько (вражескихъ) кличей [5])».

Эта гнетущая мысль, какъ будетъ еще неоднократно видно дальше, повторяется у Мутанаббія въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и едва ли она была для него пустымъ звукомъ или простой реторической фигурой. Хотя какую-нибудь попытку, если не рѣшенія, то способа примириться съ этимъ звеномъ въ цѣпи міровыхъ загадокъ, Мутанабби' могъ найти или въ положительной религіи, или въ какой-нибудь созданной имъ самимъ теоріи. Не безынтересно выяснить, какимъ путемъ онъ принужденъ былъ пойти и насколько ему удалось среди бездоннаго моря отрицанія создать что-нибудь положительное.

При вопросѣ объ отношеніи Мутанаббія къ религіи прежде всего вспоминается бродячая легенда о происхожденіи самаго прозвища, давно уже

---

1) 39, 7—40, 12.

2) 712, 8—9.

3) 468, 4—6. На достоинства трехъ послѣднихъ стиховъ обращаетъ вниманіе Абӯ-Кесӣръ, авторъ تنبيه الاديب الخ (Рук. Учебн. Отд. № 84 по каталогу бар. В. Розена—л. 10а).

4) 468, 8.

5) 607, 4.

попавшая изъ арабскихъ источниковъ во всѣ исторіи арабской литературы. Сущность ея, какъ извѣстно, сводится къ тому, что Абӯ-Тайибъ въ молодости объявилъ себя пророкомъ (تنبا) въ какой-то пустынѣ (سماوة или سلمية) около Хымса и пытался основать новую религію. Нѣкоторое число приверженцевъ ему дѣйствительно удалось найти, но вскорѣ извѣстіе дошло до эмира Хымса, который и заключилъ юнаго пророка въ тюрьму. Мутанабби' скоро раскаялся въ своемъ заблужденіи и карьерѣ пророка предпочелъ поэтическую, хотя прозвище удержалось за нимъ на всегда. Такова ходячая версія. Не имѣя достаточныхъ данныхъ для полнаго отрицанія факта, положеннаго въ ея основаніе, я позволю себѣ указать лишь нѣсколько пунктовъ, заставляющихъ сомнѣваться въ его исторической достовѣрности.

Первымъ источникомъ, упоминающимъ эту легенду, является, насколько мнѣ извѣстно, Абӯ-ʻАлій (ал-Фāрисій, ум. 987 г.), почти современникъ Мутанаббія (ум. 965), мнѣніе котораго приводитъ Ибн-ал-Анбāрій [1]). Онъ, однако, выражается очень осторожно [2]) и, повидимому, не слишкомъ настаивалъ на этомъ фактѣ, какъ видно изъ того, что даже его любимый ученикъ Ибн-Джинній держался другого взгляда [3]). Слѣдующій по времени, тоже довольно ранній авторъ—Саʻāлибій (ум. 1038) говоритъ слишкомъ неопредѣленно и при томъ различно въ двухъ мѣстахъ: въ одномъ [4]) онъ приписываетъ его попыткѣ, повидимому, политическій характеръ, что можно видѣть уже по самымъ выраженіямъ [5]); на слѣдующей страницѣ онъ пользуется, правда, глаголомъ تنبّأ, но выражается еще болѣе осторожно [6]), приводя къ тому же рядомъ расходящееся съ этимъ мнѣніе Ибн-Джиннія. Послѣдующіе источники, основываясь главнымъ образомъ на Саʻāлибіи, говорятъ болѣе категорично [7]): Ибн-Халликāнъ (ум. 1282), отъ котораго, повидимому, это извѣстіе попало и въ европейскіе источники [8]), зная про другія объясненія, добавляетъ و هذا اصحّ [9]). Однако, главный и наиболѣе авторитетный источникъ біографіи поэта—его диванъ заставляетъ въ этомъ сильно сомнѣваться: прямыхъ наме-

1) نزهة الالبّاء изд. каирское 1294 г., стр. 369.

2) «Слыхалъ я, какъ нѣкоторые въ Халебѣ разсказывали» — سمعت خلقا بحلب يحكون انّ الخ.

3) О немъ рѣчь ниже.

4) يتيمة الدهر — I, 79.

5) ما همّ به من الخروج * امر دعوته ; دعا الى بيعته قوما и т. д.

6) «Разсказываютъ, что онъ въ юности объявилъ себя пророкомъ» — يحكى انه تنبّأ فى صباه.

7) См., напр., Якӯтъ (ум. 1229) въ дополненіи къ берлинской рукописи Вāхыдія (изд. Dieterici — 876 въ концѣ).

8) См., напр. Hammer, op. cit. предисловіе.

9) Изд. Wüstenfeld'a № 49, стр. 64, 10. Изъ позднихъ писателей довольно неопредѣленно выражается авторъ خزانة الادب, изд. 1299 г., I, 382: ادّعى الفضول الّذى نبز به.

ковъ на такой фактъ въ жизни поэта нигдѣ не имѣется, а безслѣдно пройти едва ли онъ могъ у Мутанаббія, который сталъ сочинять стихи, еще будучи въ мектебѣ[1]). Единственное произведеніе, дающее указаніе на его заключеніе въ темницѣ это — касыда на стр. 80—84 дивана, но изъ нея именно ясно, что Мутанабби' считалъ себя невинно пострадавшимъ и винилъ въ своемъ злоключеніи доносъ какихъ-то евреевъ[2]). Очень вѣроятное объясненіе этого факта даетъ Абӯ-л-ʻАлā', приписывая несчастіе поэта тоже доносу, основанному при томъ на обвиненіи скорѣе въ *государственномъ*, чѣмъ въ религіозномъ преступленіи[3]). Позднѣйшій комментаторъ ʻУкбарій въ заголовкѣ касыды равнымъ образомъ упоминаетъ про доносъ[4]). Если отсутствію указаній въ диванѣ и не придавать еще рѣшающаго значенія, то можно обратиться къ цѣлому ряду другихъ данныхъ. Въ берлинской рукописи Вāхыдія имѣется свидѣтельство о томъ, что самъ Мутанабби' отрицалъ свое выступленіе пророкомъ[5]); по словамъ Ибн-ал-Анбāрія распространенное толкованіе прозвища онъ приписывалъ своимъ зложелателямъ[6]). Все это даетъ нѣкоторое основаніе склоняться къ объясненію Ибн-Джиннія, *самаго ранняго* комментатора Мутанаббія и его современника (ум. ок. 1002), который былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ поэту и пользовался его уваженіемъ, какъ литераторъ[7]). По этому объясненію Мутанабби' получилъ свое прозвище за одинъ стихъ, въ которомъ онъ сравниваетъ себя съ пророкомъ Сāлихомъ среди самӯдянъ[8]). Такое именно толкованіе Ибн-Джиннія приво-

---

1) См. Вāхыдій, стр. 15, № 4.

2) 84, 26. Этотъ намекъ интересенъ потому, что Мутанабби' еще разъ возвращается къ кознямъ евреевъ въ другомъ произведеніи (122, 9): повидимому они въ его жизни играли, дѣйствительно, какую-то непривлекательную роль.

3) معجز احمد рукопись Азіат. Музея № 276 (по Notices sommaires бар. В. Р. Розена), л. 57а въ концѣ: وكان قومٌ فى صباه قدٍ وشوا به الى السلطان وكذبوا عليه وقالوا له قد انقاد له خلق من العرب وقد عزم على اخذ بلدك حتى اوحشوه منه واعتقله وضيّق عليه فقال يمدحه ايا خدّد الخ.

4) Каирское изд. 1308 г., I, 210 ult.: وقال وقد وشى به قوم الى السلطان فحبسه فكتب اليه من الحبس ايا خدد الخ.

5) قال له يوما سيف الدولة او غيره انت احمد النبى فقال بل انا احمد النبى
См. у Bohlen'a op. cit.—12.

6) نزهة الالبآء, стр. 370: на упрекъ Ибн-Халавейһа въ присвоеніи подобнаго наименованія Мутанабби' отвѣчалъ: لست ارضى ان ادعى بذلك وانما يدعونى به من يريد الغضّ منّى.

7) См. Ибн-Халликāнъ, изд. Wüstenfeld'a, № 423, стр. 130—131. Еще больше значенія пріобрѣтаетъ показаніе Ибн-Джиннія, если вспомнить, что онъ въ теченіе *40 лѣтъ* былъ ученикомъ Абӯ-ʻАлія ал-Фāрисія (Ибн-ал-Анбāрій, op. cit. 408), о мнѣніи котораго рѣчь уже была.

8) Вāхыдій 35, 36: انا فى امّة تداركها اللـه غريب كصالح فى ثمود.

дятъ три источника: Са'ālибій[1]), Вāхыдій[2]) и 'Укбарій[3]). Вāхыдій высказываетъ то же мнѣніе и самостоятельно относительно однороднаго стиха[4]). Музаффер-ибн-'Алій, авторъ извѣстной элегіи на смерть Мутанаббія, придаетъ его прозвищу аллегорическое толкованіе[5]). Такой же оттѣнокъ имѣлъ въ виду, вѣроятно, и Абӯ-л-'Алā', называя свой комментарій معجز احمد. Все это позволяетъ мнѣнію историковъ, высказываемому далеко не категорично, противопоставить мнѣніе *всѣхъ* комментаторовъ[6]), иногда ссылающихся на слова *самого* поэта, и высказать предположеніе, что основой для легенды о пророчествѣ Мутанаббія послужилъ дѣйствительный фактъ его заключенія въ темницу; самая же легенда была измышлена ad hoc и представляетъ нѣчто вродѣ народной этимологіи прозвища[7]). То или иное рѣшеніе вопроса не вноситъ существенной разницы въ оцѣнку отношеній Мутанаббія къ религіи: если фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, значитъ Мутанабби' не считалъ Мухаммеда خاتم الانبياء въ противоположность установившемуся мнѣнію общины; если это только легенда—она интересна, какъ показатель взгляда на Мутанаббія—вольнодума, взгляда, сложившагося уже въ слѣдующемъ за нимъ поколѣніи.

Такой взглядъ могъ находить нѣкоторое основаніе, какъ сейчасъ будетъ видно, и въ самыхъ произведеніяхъ Мутанаббія. Его скептицизмъ въ ре-

---

1) يتيمة الدهر—I, 80. Здѣсь Ибн-Джинній ссылается на слова самого Мутанаббія وحكى ابو الفتح عثمان بن جنّى قال سمعت ابا الطيّب يقول انما لقّبت بالمتنبّى لقولى انا فى امّة الخ.

2) 35, 36.

3) I, 201, 5.

4) 32, 18:

ما مقامى بدار نخلة الّا * كمقام المسيح بين اليهود

5) هو فى شعره تنبّى ولكن * ظهرت معجزاته فى المعانى

См. Вāхыдій—3, стр. 19—20; يتيمة الدهر—I, 164, Dieterici, op. cit. 74. Аналогично съ Музаффероміъ выражается и одинъ испанскій поэтъ 'Абду-л-Джелūль Андалусскій: «Мутанабби' на диво сталъ пророкомъ въ стихахъ» — تنبّا عجبًا بالقريض. См. Ибн-Халликāнъ, изд. Wüstenfeld'a—№ 49, стр. 66, 12.

6) Лексикографы самостоятельнаго мнѣнія не высказываютъ и ограничиваются констатированіемъ наличности разныхъ толкованій. Авторъ «Тāдж-ал-'Арӯсъ», напр., приведя обычную версію (I, 122), говоритъ: وقيل انّما لقب لقوّة فصاحته و شدّة بلاغته وكمال معرفته ولذا قيل لم ير الناس ثانى المتنبّى الخ, а затѣмъ передаетъ извѣстное мнѣніе Вāхыдія со ссылкой на слова Ибн-Джиннія.

7) Въ послѣднее время вопросъ о происхожденіи прозвища поэта былъ затронутъ Barbier de Meynard'омъ въ его статьѣ Surnoms et sobriquets dans la littérature arabe (Journal Asiatique, серія 10, т. X, стр. 202). Ограничиваясь указаніемъ мнѣнія Ибн-Халликāна, авторъ добавляетъ, что онъ не приводитъ другихъ объясненій, хотя и отмѣчаетъ ихъ существованіе. У Нававія, однако, на котораго B. de M. ссылается, есть и объясненіе Ибн-Джиннія (изд. Wüstenfeld'a — ٧٧٥). Въ цитатѣ изъ خزانة الادب I, 302 опечатка, такъ какъ приведенный у меня выше отзывъ о Мутанаббіи находится на стр. 382.

лигіи не отличался, правда, особой глубиной въ противоположность Абӯ-л-ʽАлā’: въ большинствѣ случаевъ онъ не идетъ дальше обычнаго легкомыслія и перѣдко объясняется просто смѣлостью поэтическихъ образовъ. Иногда на нашъ взглядъ въ нихъ нѣтъ даже ничего особеннаго, однако негодующія замѣчанія комментаторовъ показываютъ, что такія фразы были далеко не обычнымъ явленіемъ въ мусульманской литературѣ. Въ большинствѣ случаевъ эти смѣлыя выраженія проскальзываютъ въ прославленіи какого-нибудь героя. Описывая его достоинства, Мутанабби’ говоритъ: «Если бъ въ день боя его мечъ встрѣтилъ голову Лазаря, тогда безсильнымъ оказался бы и Іисусъ [1]). Если бы пучина моря была похожа на его десницу, тогда нельзя было бы разсѣчь ее для прохода Моисею [2]). Если бъ у огня былъ блескъ его лба, то онъ сталъ бы обоготвореннымъ и весь міръ превратился бы въ маговъ-огнепоклонниковъ» [3]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Ошибается тотъ, кто считаетъ (только) Коранъ чудомъ; чтеніе тобою его суръ такое же чудо» [4]). Въ лицѣ своего героя Мутанабби’ видитъ мощь отъ разлитаго свѣта Творца, замѣняющую собой и чудеса и пророковъ [5]). Въ поступкахъ онъ является болѣе энергичнымъ, чѣмъ рѣшеніе Аллаха [6]). Если былъ или будетъ подобный такому герою, Мутанабби’ готовъ отказаться отъ ислама [7]). «Если бы твое знаніе Аллаха, говоритъ онъ, обращаясь къ другому лицу, было распредѣлено среди людей, тогда Аллахъ не посылалъ бы пророка; если бы твои слова были постоянно среди нихъ, тогда не были бы ниспосланы ни Коранъ, ни Тора, ни Евангеліе» [8]). Его герой напоминаетъ похороненнаго Лазаря, а память о немъ Іисуса, такъ какъ

1) 96, 18. Комментируя этотъ стихъ, Вāхыдій съ негодованіемъ замѣчаетъ: هذا جهل و افراط نعوذ بالله من الغلوّ

2) 96, 19. Вāхыдій говоритъ: و هذا ايضا من الافراط والغلوّ كالّذى قبله. Абу-Кесӣръ, авторъ تنبيه الاديب, выражается категоричнѣе: لعمرى لقد افرط فى هذه الابيات افراطا سوّد به محاسن هذه القصيدة فكدّر معناها و اذهب رونقها وبهاها غفر الله له وسامحه وايّانا والمسلمين (Рукопись Учебн. Отд.—84, листъ 26б).

3) 96, 20.

4) 281, 26.

5) 778, 29.

6) 127, 3. Вāхыдій прибавляетъ: و هذا من مبالغة الشعرآء يقصدون بمثل هذا المبالغة لا التحقيق.

7) 592, 18. Вāхыдій выражается объ этомъ стихѣ довольно характерно: هذا من المدح البارد الذى يدلّ على رقّة دين وسخافة عقل وهو من الشعر الصبىّ; строже судитъ Абӯ-Кесӣръ въ تنبيه الاديب (рук. Учебн. Отд. № 84, листъ 45а): هذا البيت فيه استخفاف بحرمة الاسلام لتبرية منه لوجود مثل الممدوح الذى لا شكّ فى وجود من هو اشرف منه فكيف بمثله نعوذ بالله من التهاون بالدين.

8) 230, 44, 45. Вāхыдій опять критикуетъ стихъ: اساء فى هذين البيتين وافرط وتجاوز الحدّ نعوذ بالله من ذلك.

она постоянно оживляетъ самый образъ [1]). Если бы апостолы христіанъ увидали Сейф-ад-дауле, они по убѣжденію Мутанаббія основали бы созданный ими законъ на любви къ послѣднему [2]). Въ одной большой касыдѣ у Мутанаббія есть три стиха, направленные противъ христіанъ [3]). Описывая въ нихъ бѣгство византійцевъ, Мутанабби' говоритъ: «Они утверждаютъ, что (ихъ думустукъ) вернется, а вмѣстѣ съ нимъ придетъ и коронованный царь. Оба они молятъ о помощи того, которому покланяются, а сами они признаютъ, что онъ былъ распятъ. Они думаютъ, что (Іисусъ) защититъ ихъ отъ испытанной имъ самимъ (смерти). О люди, (взгляните) на такое диво!» [4]). Съ такой же легкостью Мутанабби' относится и къ мусульманскимъ вѣрованіямъ: «Ты великъ, говоритъ онъ своему герою, и будь ты довѣреннымъ (Аллаха), тогда остался бы безъ дѣлъ Гавріилъ» [5]). Однороденъ съ этимъ и слѣдующій стихъ: «Какъ Адамъ можетъ быть родоначальникомъ людей, а твоимъ отцомъ Мохаммедъ, когда ты объединяешь въ себѣ и духовъ и джинновъ»? [6]) Иногда такое стремленіе къ ошеломляющимъ фигурамъ заводитъ Мутанаббія еще дальше и вызываетъ у комментатора взрывъ негодованія. Въ одномъ стихотвореніи, описывая встрѣчу со своимъ героемъ, Мутанабби' говоритъ, что отъ радости не вѣритъ собственнымъ глазамъ: «Я вижу во-очію, хоть готовъ думать, что сплю; но кто видалъ во снѣ Аллаха? Между тѣмъ, я вижу (теперь) его!» [7]) Въ другомъ мѣстѣ, описывая бѣгство византійцевъ, онъ говоритъ, обращаясь къ Сейф-ад-дауле: «Ты не царь, обратившій въ бѣгство себѣ подобнаго; ты само единобожіе, отъ котораго бѣжитъ многобожіе» [8]). Въ одномъ изъ болѣе позднихъ произведеній онъ рѣшаетъ, что власть героя и его могущество служатъ доказательствомъ единства Аллаха и его спра-

---

1) 117, 13.

2) 453, 16.

3) Они нѣсколько напоминаютъ извѣстное стихотвореніе Абӯ-л- Ала̄' عجبت لكسرى. Въ подлинности его, впрочемъ, Kremer сомнѣвается (См. Über die philosophischen Gedichte—4, пр. 2).

4) 622, 36—38.

5) 240, 2. Ва̄хыдій добавляетъ: هذا افراط وتجاوز حدّ يدلّ على قلّة دين وسخافة عقل, 'Укбарій же, не считая достаточнымъ и этого отзыва, къ фразѣ Ва̄хыдія прибавляетъ еще: بل يدلّ على زندقة وكفر (II, 416, 16). Не лишенъ остроумія отзывъ Абӯ-Кесп̄ра: وهذا فيه جسارة على جناب سيّدنا جبريل صلّى الله عليه وسلّم وسوء ادب وعدم مبالات بحرمة الروح الامين ولم يرضه ان نقص اسمه حتّى نقص مقامه (Рук. تنبيه الاديب Учебн. Отд. № 84, листъ 49а).

6) 79, 39.

7) 20, 16. Ва̄хыдій разбиваетъ этотъ стихъ по всѣмъ пунктамъ: هذه مبالغة مذمومة وافراط وتجاوز حدّ ثم هو غلط فى انكار رؤية الله تعالى فى النوم فانّ الاخبار قد تواترت بذلك —

8) 555, 39.

ведливости [1]); всѣхъ людей онъ считаетъ язычниками, а единобожниками только рабовъ своего героя [2]). Мутанабби' договаривается до того, что именемъ своего героя прогоняетъ самого Иблиса [3]), а въ одномъ мѣстѣ онъ прибѣгаетъ къ игрѣ выраженіями Корана, вызвавшей оживленную полемику комментаторовъ: «Аллахъ оказалъ честь землѣ, въ которой ты обитаешь; онъ оказалъ честь людямъ, создавъ тебя человѣкомъ» [4]). Иногда задѣвается и Мохаммедъ: величайшимъ чудомъ его поэтъ считаетъ то, что восхваляемый герой ведетъ отъ него свое происхожденіе [5]). Не стѣсняется Мутанабби' и съ вѣрованіемъ въ грядущаго Маhдія: «Если Маhдій—тотъ, руководительство котораго ясно, то имъ и является нашъ герой; если же нѣтъ, что послѣ этого можетъ значить и руководительство, и самый Маhдій? Время ужъ неоднократно повторяетъ намъ это обѣщаніе и все таки обманываетъ, (не желая дать) находящагося у него въ рукахъ капитала» [6]). Тѣ же самыя фигуры, что и къ своимъ героямъ, Мутанабби' иногда примѣняетъ и къ себѣ, нисколько не смущаясь черезчуръ смѣлыми выраженіями. Такой характеръ, напримѣръ, носятъ два уже упоминовавшіеся стиха, за которые онъ получилъ свое прозвище: «Моя жизнь въ Нахлѣ такова же, какъ жизнь Христа среди евреевъ», говоритъ онъ въ первомъ [7]), выражаясь еще сильнѣе во второмъ: «Я среди этихъ людей, да погубитъ ихъ Аллахъ, такой же чужакъ, какъ Салихъ среди самудянъ» [8]). Иногда такія заявленія звучатъ нескрываемой гордостью, которая вообще присуща Мутанаббію въ сильнѣйшей степени: «Я тотъ, при помощи котораго Аллахъ разъясняетъ достоинство людей: человѣкъ вѣдь очутится тамъ, куда онъ самъ себя помѣститъ» [9]). Всѣ приведенные примѣры, какъ можно видѣть, не отличаются особой глубиной мысли и указываютъ только на легкомысленное отношеніе къ религіи съ мусульманской точки зрѣнія. Иногда слишкомъ смѣлая фраза вызывается не героемъ, а дамой сердца: «Слюна ея для моего рта слаще, чѣмъ формула единства Аллаха», говоритъ онъ въ

---

1) 731, 36.

2) 766, 49.

3) 97, 28.

4) 276, 41.

5) 331, 26. Полемика комментаторовъ о качествахъ этого стиха занимаетъ у Ва̄хыдія почти цѣлую страницу.

6) 757, 32—33.

7) 32, 18.

8) 35, 36. Не одобряетъ этого стиха и авторъ تنبيه الاديب (рук. Учебн. Отд. № 84, л. 196) ومن عيوبها (=هذه القصيدة) انا فى امّة الخ لا يخفى ما فى هذا البيت من المبالغة والمبالاة.

9) 364, 13.

одномъ мѣстѣ [1]). Иногда Мутанабби' заходитъ, впрочемъ, въ своихъ идеяхъ дальше. «Таково рѣшеніе Аллаха Всевышняго, которое ему угодно, говоритъ онъ; какъ часто воля его направляется на зло!» [2]) Что религія не давала ему удовлетворенія и въ болѣе существенныхъ пунктахъ, видно изъ его отношенія къ загробной жизни. Прямого отрицанія ея, какъ у Абӯ-л-'Ала̄', у него нѣтъ, но по нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ можно заключать, что и у Мутанаббія не было непосредственной вѣры въ нее. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Пользуйся теперь сномъ или безсонницей и не надѣйся дремать подъ могильной плитой; вѣдь третье состояніе не обнимается твоими понятіями сна и пробужденія» [3]). Ибн-Джинній, упоминая про этотъ стихъ, торопливо прибавляетъ: «Я надѣюсь, онъ не хотѣлъ сказать этимъ, что могильный сонъ не имѣетъ пробужденія» [4]). Одно это поспѣшное замѣчаніе показываетъ, что изъ стиха Мутанаббія можно вывести непосредственно именно такое заключеніе. «Люди разногласны во всемъ, говоритъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ, и согласіе существуетъ среди нихъ только въ гибели. Относительно характера этой гибели они опять разногласны: одни говорятъ, что душа человѣка остается невредимой, а другіе, что она участница человѣческаго тѣла въ гибели» [5]). Самъ Мутанабби' повидимому склонялся къ послѣднему, такъ какъ въ другомъ стихотвореніи онъ уже отъ своего лица говоритъ: «Наши души вѣдь созданы изъ воздуха, равно какъ тѣла изъ праха» [6]). Такое же отрицаніе загробной жизни по мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ заключаетъ его стихъ: «Скорбь до разлуки съ душой безсильна; послѣ разлуки же не будетъ никакой печали» [7]).

Весь рядъ приведенныхъ примѣровъ показываетъ, что вѣрующимъ мусульманиномъ Мутанабби' не былъ и въ исламѣ онъ не могъ найти для себя рѣшеній міровой загадки. Съ другой стороны на здѣшнюю жизнь, какъ только на предварительную ступень къ загробной, онъ смотрѣть не могъ, такъ какъ утратилъ непосредственную вѣру въ послѣднюю. Оставалось, такимъ образомъ, только въ самой жизни найти отвѣты, но и это, какъ сейчасъ будетъ видно, поэту не удавалось. Размышленіе привело его почти къ полному отрицанію, не давъ, какъ и обыкновенно, ничего положитель-

---

1) 30, 6. Ва̄хыдій добавляетъ: وهذا افراط وتجاوز حدّ. Для параллели можно вспомнить отмѣченные мной (ЗВО—XVIII, 92) аналогичные стихи Абӯ-л-ʿАта̄һіи, навлекшіе на него обвиненіе въ зиндикызмѣ.

2) 878, 19.

3) 680, 41—42.

4) Са'а̄либій, يتيمة الدهر, I, 125.

5) 612, 42—43.

6) 783, 12.

7) 353, 32; 'Арӯдый видитъ въ этомъ даже الحاد, Ва̄хыдій защищаетъ противоположное мнѣніе. Быть можетъ эта мысль кроется въ упоминавшемся уже стихѣ — 782, 9.

наго. Намековъ на какую-нибудь систему у Мутанаббія, конечно, нѣтъ, какъ нѣтъ такой системы и у Абӯ-л-ʿАлā' [1]); все приходится возстановлять здѣсь по отрывочнымъ указаніямъ.

Соціальныя условія своего времени не могутъ дать успокоенія Мутанаббію, для этого онъ слишкомъ хорошо знаетъ людей: «Если человѣкъ толковый испыталъ людей, говоритъ Мутанабби', такъ все таки онъ ихъ только попробовалъ, а я наѣлся: я увидалъ, что вся ихъ любовь сводится къ обману, вся ихъ вѣра—одно лицемѣріе [2]). Мы живемъ въ такое время, когда непричиненіе зла со стороны большинства людей можно считать милостью и благодѣяніемъ [3]). Уменьшилась вѣрность: не встрѣтишь ты ее въ обѣщаніяхъ; рѣдка стала правдивость въ сообщеніяхъ и клятвахъ [4]). Если судьба выроститъ древко, человѣкъ непремѣнно насадитъ на него копье [5])». Вспомнивъ про сильное національное самосознаніе поэта, на которое указывалъ и Goldziher [6]), можно понять, что современное положеніе халифата не представлялось для Мутанаббія утѣшительнымъ: на эту тему у него есть, между прочимъ, нѣсколько стиховъ, отчасти напоминающихъ يكفيك حزنا Абӯ-л-ʿАлā' [7]). Въ немъ онъ между прочимъ говоритъ: «Есть ли на этомъ свѣтѣ мѣсто, гдѣ поселившійся человѣкъ былъ бы доволенъ своими сосѣдями? Перепутались теперь люди и звѣри; отпущенники стали похожи на благородныхъ [8])». Огорченіе этимъ поэтъ высказываетъ не разъ: «Я ругаю людишекъ этого времени, гдѣ самымъ ученымъ является заика, самымъ проницательнымъ — дуракъ; благороднымъ — собака, зрячимъ—слѣпецъ. Самый добрый — спитъ, какъ пантера [9]), храбрецъ — трусливъ, какъ обезьяна [10])». При такомъ взглядѣ единственнымъ выводомъ является принципъ одиночества, и это одно изъ немногихъ положительныхъ указаній, которое даетъ Мутанабби': «Будь на сторожѣ по отношенію къ людямъ, но скрывай это; пусть тебя не вводитъ въ заблужденіе улыбающійся ротъ. Не жалуйся никому, чтобы не вызвать злорадства и чтобы жалоба твоя не

---

1) У послѣдняго, впрочемъ, съ нѣкоторой натяжкой можно считать за таковую извѣстное стихотвореніе غدوت مريض العقل والدين (Каирское изд. لزوميّات—I, 232—234), подавшее поводъ къ его перепискѣ съ Ибн-Абӯ-ʿИмрāномъ.

2) 429, 36—37. Идея этихъ стиховъ по мнѣнію ʿАмӣдія (الابانة рук. Учебн. Отд. № 83, л. 18б—19а) заимствована у поэта الخبزأرزّى.

3) 711, 45.

4) 723, 35.

5) 671, 5.

6) Muhammedanische Studien — I, 152.

7) لزوم ما لا يلزم — II, 335.

8) 689, 2—3.

9) По-русски колоритнѣе было бы «какъ сурокъ».

10) 298, 6—7.

была похожа на жалобу раненнаго воронамъ и коршунамъ [1]). Твой другъ — ты самъ, а не тотъ, кого ты называешъ другомъ, хотя бы съ его стороны и много было ласковыхъ рѣчей [2])». Ту же самую мысль Мутанабби' выражаетъ болѣе фигурально въ слѣдующемъ стихѣ: «Другъ мой только тотъ, сердцемъ котораго чувствую я самъ, смотрю же я лишь тѣмъ взоромъ, которымъ видитъ онъ» [3]). Повидимому и самъ Мутанабби' проводилъ этотъ принципъ въ жизнь; по крайней мѣрѣ, онъ часто къ нему возвращается: «Я занятъ неотвязной мыслью — одинъ безъ друзей во всѣхъ странахъ: когда велика цѣль, тогда вѣдь мало помощниковъ [4]). Друзья мои вмѣсто людей—печаль и слезы; если я утрачу и всѣхъ, любимыхъ мной, имъ— нѣтъ утраты [5])». Въ другомъ мѣстѣ онъ хвалится своей выдержкой: «Твое терпѣніе и улыбка обманывали многихъ пріятелей, видѣвшихъ тебя, но не видавшихъ того, что происходило внутри. Сердце отдало приказъ языку и вѣкамъ, они скрыли горе; довольно ужъ и того, что тѣло давало о немъ знать» [6]). Такимъ образомъ, среди людей Мутанабби' не можетъ найти успокоенія; ближайшее знакомство съ ними способствуетъ только развитію пессимистическаго скептицизма.

Однако не люди даютъ основной тонъ мрачному настроенію Мутанаббія: вѣдь человѣкъ только прилаживаетъ остріе къ тому, что выращиваетъ какая-то невѣдомая сила. Мрачное настроеніе и вызывается, именно, этой царящей въ мірѣ непостижимой судьбой или рокомъ, однимъ изъ проявленій котораго по отмѣченному уже мнѣнію Мутанаббія является смерть. Чѣмъ больше присматриваться къ дѣйствіямъ этой судьбы, тѣмъ больше они кажутся непонятными и безсмысленными, въ лучшемъ случаѣ происходящими подъ вліяніемъ слѣпыхъ причинъ, и почти всегда направленными на несчастіе человѣку. «Рука (судьбы) доберется къ тебѣ; для нея одинаковы и сѣрый соколъ, и пятнистая ворона [7]). Пастухъ скота умираетъ со своей глупостью, какъ умираетъ Галенъ со всѣми знаніями; иногда жизнь перваго даже удлиняется и ему предоставляется даже бо́льшая безопасность со своей семьей [8]). Я видалъ разныя превратности судьбы; я видалъ, что старикъ не умираетъ, и что чернота (волосъ) не защищаетъ отъ смерти» [9]).

1) 722, 34—33.
2) 161, 7.
3) 508, 5.
4) 462, 8—9.
5) 299, 12.
6) 732, 2—3.
7) 714, 25.
8) 783, 15—16.
9) 341, 6.

Въ другомъ мѣстѣ онъ восклицаетъ съ горечью: «Неужели судьба никогда хоть по ошибкѣ не сдѣлаетъ для меня того, что я увижу врага удаленнымъ, а друга вблизи?[1]). Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ самъ, нравъ здѣшняго міра отказывается дать намъ долголѣтняго друга, какъ же мнѣ требовать такого, котораго онъ уже отнялъ[2])? Часто человѣкъ думаетъ, что онъ дошелъ до зенита (своихъ несчастій), но судьба поразитъ его неожиданнымъ событіемъ»[3]). Вообще Мутанабби' отказывается признавать за этой силой разумность: «Я не думаю, говоритъ онъ, что дѣйствія судьбы заслуживаютъ похвалы или порицанія: ихъ нападеніе на насъ совершается не по неразумію; когда они удерживаются (отъ вреда)—это бываетъ не изъ благоразумія. Герой вернется къ тому же (небытію), въ которомъ и былъ; онъ вернется, какъ появился, и убавитъ (число людей), какъ прибавилъ»[4]). Какова она ни была—разумной или неразумной, эта сила свое дѣйствіе оказываетъ; кромѣ смерти и уничтоженія, она замѣтна въ томъ безслѣдномъ исчезновеніи и невозвратности всего прошедшаго, мысль о чемъ гнететъ Мутанаббія не меньше мысли о смерти. «Какъ я могу наслаждаться вечерней или утренней зарей, говоритъ онъ, если никогда не вернется тотъ вѣтерокъ, который когда то дулъ[5])? Исчезнувшей юности вѣдь нельзя воротить, а прошедшій день не повторится[6])». Перемѣнчивость судьбы застаетъ врасплохъ[7]) и никакія усилія ни отъ чего не спасутъ: «Я хотѣлъ бы добиться отъ времени такого (постоянства), котораго не можетъ добиться оно и для себя. Пока душа сопряжена съ тѣломъ, относись къ своей судьбѣ безразлично: радость, которую ты можешь испытывать, не будетъ постоянной, а сожалѣніе никогда не вернетъ тебѣ утраченнаго. Какъ губительно для влюбленныхъ то, что они любятъ, не зная здѣшняго міра и не задумываясь о немъ. Очи ихъ тускнѣютъ отъ слезъ, а душа стремится вслѣдъ за противными, у которыхъ красивыя личики»[8]). Безъ такого сознанія можетъ быть и сама жизнь не казалась бы такой мрачной: «Когда старикъ отплевывается отъ жизни, ему надоѣла не она сама, а собственная дряхлость. Прикрасы жизни—здоровье и молодость: когда они отвернутся отъ человѣка, самъ онъ отвертывается отъ жизни. Здѣшняя жизнь всегда отнимаетъ то, что

---

1) 660, 2.
2) 641, 3.
3) 612, 40.
4) 260, 1—2.
5) 472, 5. Достоинства этого стиха восхваляетъ Абӯ-Кеспръ (تنبيه الاديب рук. Учебн. Отд. № 84, листъ 10б).
6) 138, 7.
7) 709, 30б.
8) 667, 2—668, 6.

даетъ; если бы щедрость ея хоть иногда была скупостью! Тогда бы она избавила насъ отъ радости, которая оставляетъ въ наслѣдство печаль, избавила бы и отъ друга, измѣняющаго своему пріятелю (въ моментъ смерти). Здѣшняя жизнь—это красавица, которую любятъ, не смотря на все ея коварство, хотя она не держитъ слова и не постоянна въ своихъ привязанностяхъ. У нея всѣ свойства красавицъ; я не знаю, не по этому ли люди дали ей имя женскаго рода»[1]). Никогда человѣкъ не добьется отъ нея исполненія своего желанія и всегда отъ одной цѣли будетъ переходить къ другой[2]), не видя осуществленія своихъ мечтаній: «вѣдь и вѣтры дуютъ не въ ту сторону, какъ нужно кораблямъ»[3]). Такъ шло испоконъ вѣковъ: «И до насъ люди возились съ этимъ временемъ, говоритъ Мутанабби', и имъ оно причиняло тѣ же огорченія, что намъ. Всѣ они ушли одинаково подавившись имъ, хотя нѣкоторыхъ оно по временамъ и радовало»[4]). Иногда эта «болѣзнь» кажется Мутанаббію новой[5]), а прежнее время представляется ему лучшимъ. Тогда онъ даетъ шутливое объясненіе такого факта[6]): «Срокъ мой проходитъ. Если бы моя жизнь протекла въ другомъ народѣ изъ прежнихъ поколѣній! Они вѣдь пришли, когда это время было еще юнымъ и могло ихъ радовать; мы же явились, когда оно состарилось. (Чего же путнаго можно ожидать отъ старости?)» Но эта шутка не даетъ, конечно, удовлетворенія, и часто у Мутанаббія вырываются болѣе мрачныя опредѣленія: «Если юность—опьяненіе, если старость—одно горе,—тогда сама жизнь не что иное, какъ смерть»[7]). Хотя «остановка въ этомъ мірѣ и кратковременна»[8]), но сама смерть иногда легче ея[9]). Больше всего душевныхъ страданій отъ невозможности найти удовлетворительный отвѣтъ на вопросы бытія приходится переживать, именно, человѣку мыслящему, у котораго хоть разъ на его несчастіе появилось стремленіе разрѣшить эту

---

1) 581, 27—31; 582, 33.

2) 612, 41.

3) 669, 12. Аналогичный стихъ Абӯ-Шамакмака приводитъ 'Амӣдій (الابانة рук. Учебн. Отд. № 83, листъ 27б).

4) 671, 1—2.

5) 689, 4.

6) 723, 38—39.

7) 162, 13. Быть можетъ, не безъ основаній 'Амӣдій въ الابانة (рук. Учебн. Отд. № 83, 25б) идею этого стиха считаетъ заимствованной изъ слѣдующаго прекраснаго двухстишія Абӯ-л-Атāһіи:

ا تـصـفـو حيوتى والشباب دجنّة * كـسـكـرى وايّام المشيب هموم

فيا ليت شعرى كيف ارجو سلامتى * وعـمـرى وشيبى والزمان خـصـوم

(Въ изд. Cheikho этихъ стиховъ нѣтъ).

8) 614, 7б.

9) 245, 4б.

загадку. Спокойствія онъ не добьется въ будущемъ ни на минуту, потому что «тотъ, у кого во рту (болѣзненная) горечь, найдетъ горькой и прозрачную воду», говоритъ Мутанабби’ [1]). «Жизнь (кажется) ясной только для глупца или для невнимательнаго къ тому, что прошло или что ожидаетъ въ будущемъ [2]). Только печальныя мысли заставляютъ худѣть человѣка; онѣ дѣлаютъ сѣдымъ локонъ юноши и обращаютъ его въ старика. Глупецъ благоденствуетъ и въ несчастіи (благодаря беззаботности), а человѣкъ умный чувствуетъ себя несчастнымъ и въ благоденствіи, благодаря своему уму [3]). Всякому, далеко захватывающему мыслью, приходится на землѣ страдать [4])».

Вотъ къ чему приводитъ мрачное философствованіе Мутанаббія и, гдѣ выходъ изъ такого положенія, Мутанабби’ указать, конечно, не можетъ, какъ не могъ сдѣлать этого позже и Абӯ-л-ʿАла̄’. Ясно только одно: все въ этой жизни призрачно, «видимое на яву похоже на сонъ [5])», а поэтому и дѣйствительныхъ какихъ-либо цѣлей въ этой жизни быть не можетъ. Мутанабби’ ярко выражаетъ это въ одномъ маленькомъ стихотвореніи: «Какого сана мнѣ добиваться, какого великаго героя мнѣ почитать, если все то, что создалъ Аллахъ, и все то, что онъ не создалъ, такъ же презрѣнно на мой взглядъ, какъ одинъ волосокъ на макушкѣ? [6])». Въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ совѣтъ, звучащій извѣстной моралью: «Стремленья наши слишкомъ ничтожны для того, чтобы враждовать изъ за нихъ и уничтожать другъ друга [7])». Такимъ образомъ стремиться къ преходящимъ цѣлямъ въ мірѣ не стоитъ, стремиться къ разрѣшенію вопросовъ духовной жизни—безцѣльно, такъ какъ они не разрѣшимы. «Кто раздумается объ этомъ мірѣ и о самомъ себѣ, говоритъ Мутанабби’, тотъ отъ этихъ мыслей почувствуетъ

---

1) 220, 29.

2) 712, 6.

3) 341, 7—8. Рядъ аналогичныхъ стиховъ приводитъ Абӯ-Кесӣръ въ تنبيه الاديب (рук. Учебн. Отд. № 84, л. 46б): وقد قال البحترىّ ارى الحكم بؤسا فى المعيشة للفتى * ولا عيش الّا ما حباك به الجهل * والسابق عليهما فى هذا المعنى ابن (рук. بن) المعتزّ حيث يقول و حلاوة الدنيا لجاهلها * ومرارة الدنيا لمن عقلا * وقال ابو نصر بن نباتة من لى بعيش الاغبياء فانّه * لا عيش الّا عيش من لا يعلم.—

4) 662, 14б.

5) 722, 32.

6) 60 № كب Ва̄хыдій къ этому стихотворенію относится довольно равнодушно и третьему стиху даетъ нѣсколько натянутое толкованіе, защищая Мутанаббія отъ обвиненія въ ереси. ʿУкбарій же негодуетъ: о первомъ стихѣ онъ говоритъ (I, 451): كذب فى ادعائه مرتقى العلوّ بل محلّه العلوّ فى الحمق; о третьемъ قد لزمه الكفر باحتقاره لخلق الله وفيهم الانبياء والمرسلون والملائكة المقربّون.

7) 671, 6.

либо безсиліе, либо усталость [1])». Негодовать и гнѣваться на судьбу, конечно, можно, но этотъ гнѣвъ такъ же безсиленъ, по выраженію поэта, какъ гнѣвъ плѣнника на оковы [2]). Самъ Мутанабби' чувствовалъ, что разсуждая послѣдовательно съ его точки зрѣнія — жить совершенно нельзя, и въ свое оправданіе онъ говорилъ: «О если бы знать, удастся ли мнѣ сказать хоть одну касыду, не произнося въ ней жалобъ и упрековъ! У меня вѣдь такія (мысли), мельчайшая изъ которыхъ должна бы отогнать всякіе стихи, но вѣдь сердце мое, о дочь племени, перемѣнчиво! [3]). Въ этой перемѣнчивости сердца, въ возможности отвлечь его отъ гнетущихъ думъ Мутанабби' и искалъ забвенія во всю свою пятидесятилѣтнюю жизнь; быть можетъ, поиски такого забвенія и сдѣлали его вѣчнымъ странникомъ, особенно въ зрѣлые годы жизни.

Такимъ образомъ, какой-нибудь положительной системы жизни онъ не даетъ. Отдѣльныя указанія на извѣстные принципы у него, однако, встрѣчаются [4]), и совпаденіе въ одномъ изъ нихъ съ взглядами Абӯ-л-ʿАлā' едва ли можетъ быть признано случайнымъ. Это вопросъ о дѣтяхъ и объ отношеніи къ женщинамъ. Особенно ясно выражаетъ Мутанабби' свою мысль въ слѣдующихъ четырехъ стихахъ одной большой касыды, гдѣ говоритъ: «Развѣ даже любимый ребенокъ это — что-либо иное, какъ не игрушка? Развѣ пребываніе на-единѣ съ красавицей ведетъ къ чему-либо, кромѣ страданія для супруга? Я испыталъ въ юности сладость (имѣть) дѣтей и не думай, что я сказалъ это по неразумію. Само время не можетъ вмѣстить моего знанія о немъ и дни не позволятъ записать того, что я могъ бы продиктовать [5]). Судьба не стоитъ того, чтобы питать надежды на жизнь и желать здѣсь потомства» [6]). Болѣе отрывочно эту самую мысль Мутанабби' проводитъ еще неоднократно, часто указывая при этомъ на собственный примѣръ: «Кто познакомится съ красавицами, тотъ (узнаетъ), что это — блескъ, внутри котораго мракъ [7]). Отъ многихъ бѣлозубыхъ со сладкою слюной и блестящимъ лицомъ я закрывалъ свой ротъ, и онѣ цѣловали меня

---

1) 613, 45. Безсиліе найти отвѣтъ, усталость отъ безплодныхъ исканій, поясняетъ комментарій.

2) 752, 6.

3) 663, 15—16.

4) Выводомъ изъ мысли о превратности міра и испорченности человѣческаго рода является принципъ одиночества (см. выше стр. 16); ничтожество земной жизни влечетъ за собой презрѣніе къ опасностямъ и смерти (см. див. 671, 8—672, 10; 783, 17—18) и т. д.

5) По гордости этотъ стихъ у Абӯ-л-ʿАлā' можно сравнить развѣ съ его извѣстнымъ:

غدوت مريض العقل والدين فالقنى * لتسمع انباء الامور الصحائح

(См. لزوم مالا يلزم—I, 232).

6) 413, 29—414, 32.

7) 162, 12.

(изъ уваженія) въ голову; много красавицъ съ шеей газели, похожей на твою, меня навѣщали, а я не отличалъ даже неимѣющей украшеній отъ имѣющей ихъ. А вѣдь не всякій, кто любитъ, будетъ такимъ же цѣломудреннымъ какъ я, оставаясь наединѣ»[1]). Быть можетъ, ту же самую мысль, какъ это отмѣчаетъ и Вāхыдій, Мутанабби' проводитъ въ первомъ стихѣ извѣстной сатирѣ на Кāфӯра[2]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Любовь— это только страсть, на которую сердце обрекаетъ своего господина, и тотъ становится добычей. Но мое сердце не будетъ дичью для красавицъ, какъ мои пальцы не станутъ стременами для кубковъ»[3]). Намекъ послѣдняго стиха позволяетъ отмѣтить и другое[4]) совпаденіе идей Мутанаббія съ Абӯ-л-ʿАлā': ихъ одинаковое отношеніе къ вину. Хотя прямыхъ предписаній у Мутанаббія не имѣется, но по отрывочнымъ замѣчаніямъ можно несомнѣнно утверждать, что онъ былъ его противникомъ, по крайней мѣрѣ насколько это касалось его лично[5]).

Такіе случаи совпаденія въ отдѣльныхъ пунктахъ, равно какъ и очерченный выше общій характеръ міровоззрѣнія Мутанаббія позволяютъ, повидимому не безъ основаній, заключить, что много идей Абӯ-л-ʿАлā' высказано еще Мутанаббіемъ[6]), какъ это было предположено выше a-priori. Такой результатъ позволяетъ какъ будто бы сдѣлать и второе апріорное заключеніе: разъ нѣкоторый матеріалъ для оцѣнки отношеній Абӯ-л-ʿАлā' къ Мутанаббію даетъ диванъ послѣдняго, то еще больше такого матеріала долженъ заключать комментарій перваго на него—извѣстный معجز احمد.

---

1) 499, 6—8.

2) 699, 1.

3) 682, 14—683, 15.

4) Свои мысли о женщинахъ Мутанабби' высказываетъ еще неоднократно: см., напримѣръ, 668, 6; 681, 2; 692, 4—5; 792, 4—5 и др.

5) См. 86 № لج и لد; 160, 1; 692, 6—7; 792, 3; 878, 1—2.

6) Этимъ я вовсе не хочу сказать, что у послѣдняго онѣ возникали самостоятельно. Наоборотъ, ближайшее изслѣдованіе Мутанаббія показало бы, что онъ можетъ быть еще больше чѣмъ Абӯ-л-ʿАлā' обязанъ своимъ предшественникамъ. Матеріалъ для такого изслѣдованія доставляютъ не только комментаріи или глава صدر من سرقاته въ يتيمة الدهر (I, 95—100), но и цѣлый рядъ спеціальныхъ монографій. Изъ нихъ очень цѣнна работа ʿАмūдія الابانة عن سرقات المتنبى لفظا و معنى (рук. Учебн. Отд. № 83 по Collections scientifiques ..I, 42—43; у Brockelmann'a, op. cit. I, 89 она обозначена находящейся въ Азіатскомъ Музеѣ) и особенно, сравнительно позднее, произведеніе Абӯ-Кесūра, одареннаго большимъ литературнымъ вкусомъ تنبيه الاديب على ما فى شعر ابى الطيّب من الحسن والمعيب (рук. Учебн. Отд. № 84—Collections scientifiques — I, 43). Нѣкоторыя данныя изъ этихъ двухъ рукописей приведены у меня попутно въ примѣчаніяхъ, но больше мѣста я имъ удѣлить не могъ, такъ какъ цѣль этой замѣтки только выясненіе вопроса, кто былъ *ближайшимъ* предшественникомъ Абӯ-л-ʿАлā' по нѣкоторымъ изъ высказанныхъ имъ мыслей.

III.

Какъ извѣстно, этотъ комментарій является первымъ по времени изъ дошедшихъ до насъ полностью (Абӯ-л-'Алā' умеръ въ 1057 г.), не считая аналогичнаго сочиненія Ибн-Джиннія (ум. ок. 1002 г.), сохранившагося только въ отрывкахъ и цитатахъ у другихъ авторовъ [1]). Ибн-Фӯрджа написалъ свои полемическіе трактаты противъ Ибн-Джиннія [2]) около 1035—1036 [3]), но онъ самъ былъ ученикомъ Абӯ-л-'Алā' [4]), а упоминаемый Brockelmann'омъ [5]) комментарій Ибрāһӣма Ифлӣлія (ум. 1049) едва ли принадлежитъ послѣднему [6]). معجز احمد моложе и единственнаго критически изданнаго комментарія Вāхыдія (ум. 1075). Предъ всѣми, какъ предшествующими, такъ и послѣдующими сочиненіями онъ имѣетъ то важное преимущество, что написанъ не только спеціалистомъ филологомъ, а выдающимся поэтомъ, нѣсколько родственнымъ къ тому же по характеру музы, какъ было видно, съ комментируемымъ авторомъ. Все это позволяло надѣяться, что въ немъ можно найти не только сухой лингвистическій анализъ стихотвореній, но и ихъ эстетическую оцѣнку, равно какъ развитіе тѣхъ, отмѣченныхъ выше идей Мутанаббія, которыя неоднократно проводились потомъ самимъ Абӯ-л-'Алā' въ его поэтическихъ произведеніяхъ.

Имѣя въ виду эти соображенія, я и приступалъ къ изслѣдованію معجز احمد, рукописи котораго имѣются въ С.-Петербургѣ [7]), Мюнхенѣ [8]) и Британскомъ Музеѣ [9]); содержатъ онѣ, повидимому, одну и ту же редакцію [10]). Кому она

1) Дошедшія же полностью произведенія Ибн-Джиннія не имѣютъ прямого отношенія къ данной темѣ. (О нихъ см. въ предисловіи къ «Ibn-Ǵinnī's Kitāb al-Muǵtaṣab herausgegeben und mit einer Einleitung und Anmerkungen versehen von Edg. Pröbster. Leipzig 1904»).

2) Pröbster въ числѣ работъ, вызванныхъ произведеніями Ибн-Джиннія (op. cit, XVII—XVIII), ихъ почему то совершенно не упоминаетъ.

3) Дата Brockelmann'а—437(1045)(op. cit., I, 88) основывается, вѣроятно, на Хāджи-Халӣфѣ (изд. Flügel'я—III, 310, 10), но въ другомъ мѣстѣ (IV,373, 8) послѣдній даетъ 427. Эту цифру и слѣдуетъ принять, такъ какъ ее же даетъ Суютый, ссылаясь на Са'āлибія. (См. текстъ у бар. В. Розена въ Notices sommaires, стр. 229, прим. 3). Къ этой датѣ склоняется и Ahlwardt (Verzeichniss der arabischen Handschriften der Kgl. Bibliothek zu Berlin — VI, 572).

4) См. Вāхыдій, изд. Dieterici, 277, 6. (Ср. Margoliouth, The letters of Abū-l-'Alā — XXVI).

5) Op. cit. I, 88.

6) Ahlwardt, Verzeichniss... VI, 571—572, № 7569.

7) № 276 Азіатскаго Музея, см. Bar. V. Rosen, Notices sommaires des Mss. arabes du Musée Asiatique, 230—231. (Дальше П.).

8) J. Aumer, Die arabischen Handschriften der K. Hof-und Staatsbibliothek in München. стр. 213, № 514 (а не 513, какъ у Brockelmann'а op. cit. I, 88). Въ дальнѣйшемъ М.

9) № 592—595 по Catalogus Codicum Mss., qui in Musaeo Britannico asservantur, pars II, p. 280.

10) Хотя № 594 и озаглавленъ لامع العزيزى, но см. стр. 280, прим. b.

принадлежитъ, рѣшить едва ли возможно. Несомнѣнно, что идетъ она не отъ самого Абӯ-л-ʿАлā', такъ какъ въ комментаріи на одинъ стихъ [1]) приводится примѣръ изъ его сочиненій [2]). Повидимому, отрицательно приходится отвѣтить на вопросъ и о редакторствѣ Ибн-Фӯрджи, ученика и друга Абӯ-л-ʿАлā', такъ какъ цитата съ его словъ у Вāхыдія [3]) не имѣется въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ комментарія [4]), хотя вообще цитаты совпадаютъ, иногда даже буквально [5]).

Ближайшее изслѣдованіе сочиненія показало, что здѣсь апріорный выводъ былъ ошибочнымъ. Комментарій является самымъ ординарнымъ произведеніемъ въ духѣ безчисленныхъ сочиненій этого рода въ арабской литературѣ, носящимъ такой же филологическій характеръ, какъ и всѣ подобныя ему работы. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ значительно уступаетъ сочиненію Вāхыдія, которое по прежнему должно считаться лучшимъ пособіемъ при изученіи Мутанаббія. Абӯ-л-ʿАлā', напримѣръ, гораздо меньше, чѣмъ Вāхыдій, обращаетъ вниманія на поэтическіе образы и идеи, у него гораздо рѣже можно встрѣтить богатое сопоставленіе примѣровъ изъ древней и средней поэзіи, дающее у Вāхыдія значительный матеріалъ для исторіи отдѣльныхъ поэтическихъ картинъ и мыслей [6]). Что касается отмѣченныхъ выше мѣстъ изъ дивана Мутанаббія, которыя, казалось бы, давали Абӯ-л-ʿАлā' поводъ для развитія своихъ собственныхъ теорій, онъ на нихъ совершенно не обращаетъ вниманія, а иногда даже—правда рѣже, чѣмъ другіе комментаторы—прибавляетъ въ вольнодумныхъ мѣстахъ, какъ правовѣрный мусульманинъ, هذا افراط или что-нибудь подобное.

Чтобы высказанная сейчасъ оцѣнка معجز احمد не показалась слишкомъ голословной, я позволю себѣ въ подтвержденіе ея привести нѣсколько примѣровъ, большого количества которыхъ въ виду ихъ рельефности даже не потребуется. Главнымъ образомъ, конечно, представляетъ интересъ, какъ Абӯ-л-ʿАлā' относится къ нѣкоторымъ изъ цитованныхъ стиховъ, носящимъ характеръ свободомыслія съ мусульманской точки зрѣнія или проникнутыхъ

1) У Вāхыдія стр. 311, стихъ 14:

وتلقى وما تدرى البنان سلاحها * لكثرة ايماء اليه اذا يبدو

2) См. М. л. 206б, П. л. 231а: ومثله للمعرّى فى النعاس

حيث اليسار عن العنان ضعيفة * فالسوط تسقط من يمين الفارس

3) 277, 6 сл.

4) М. л. 185б.

5) См., напр., В. 93, 3 гдѣ стоитъ وقال ابو العلآ المعرّى هذه موضوعة موضع المصدر واشارة الى البرزة الواحدة كانّه يقول هذه البرزة برزت لنا и М. л. 64б = П. л. 63а, гдѣ هذه موضوعة موضع المصدر كانّه يقول هذه البرزة برزت لنا.

6) См., напр., 54, 8; 341, 8 и мн. др.

пессимизмомъ, который нашелъ такое яркое выраженіе въ لزوم ما لا يلزم. Самъ معجز احمد дастъ здѣсь наилучшій отвѣтъ [1]).

Комментарій къ «вольнодумнымъ» стихамъ Мутанаббія по существу мало отличается отъ аналогичныхъ мѣстъ у Ва̄хыдія. Довольно характерный отрывокъ, напримѣръ [2]), Абӯ-л-ʿАла̄' комментируетъ такъ [3]):

او كان صادف راس عازر سيفه * فى يوم معركة لاعيى عيسى

يقول و لو كان عازر هذا الّذى احياه الله بيد عيسى عليه السلام اصاب راسه و مات به لاعيى [4] عيسى ان يحييه و يشقّ عليه احياءه بعد موته [5]

---

1) Установить взаимное отношеніе мюнхенской (М) и Петербургской рукописи (П), которыми я имѣлъ возможность пользоваться при изданіи текста, нѣсколько легче, чѣмъ опредѣлить редакцію. Обѣ онѣ не датированы, но по внѣшнимъ признакамъ петербургская позднѣе и менѣе аккуратна: писана она одной рукой, но не очень тщательно, такъ какъ даже безъ сличенія замѣтны пропуски или повторенія словъ, иногда цѣлыхъ фразъ. Мюнхенская въ своей основной части исправна и даже изящна: текстъ писанъ красной краской, цитаты изъ другихъ поэтовъ и заголовки отмѣчаются зеленой съ золотомъ. Раньше она, повидимому, была дефектной въ началѣ, такъ какъ переписчикъ, не обладавшій вѣрно особыми познаніями въ литературѣ, придѣлалъ къ ней начало комментарія Ва̄хыдія, который и идетъ до л. 4б. Дальнѣйшій текстъ Абӯ-л-ʿАла̄' писанъ, повидимому, двумя почерками, первый изъ нихъ кончается на л. 61б. Достоинство рукописи по сравненію съ Петербургской усиливается еще болѣе отъ того, что послѣдняя представляетъ или копію первой или болѣе небрежный списокъ съ одного и того же оригинала. Объ этомъ говоритъ много данныхъ. Комментарій къ стиху В 407, 6, объ отсутствіи котораго у Абӯ-л-ʿАла̄' говоритъ турецкая приписка въ М л. 269а بو بيته معرّى شرح تحرير اتمكندن بو مقام بياض قالمشدر, отсутствуетъ и въ П л. 297а. Странное начертаніе خمسة въ цитатѣ изъ одного поэта въ обѣихъ рукописяхъ стоитъ вмѣсто الا Хама̄сы (М 256а, П 283б ,см. ниже стр. 42 прим. 10). Въ комментаріи къ стиху В 272, 3—П л. 204б дважды повторяетъ одну фразу, что графически объясняется при сличеніи съ М л. 182а (см. ниже стр. 33, прим. 5); въ комментаріи къ стиху В 32, 18 — П л. 21а дѣлаетъ пропускъ, искажающій смыслъ, но понятный при сличеніи съ М л. 23аб (см. ниже стр. 28 прим. 14); такой же пропускъ имѣется въ комментаріи къ В 276, 34 (П л. 208а, М л. 185а). Въ комментаріи къ стиху В 392, 24 — М л. 257б оставляетъ пробѣлъ для вписыванія фразы послѣ, II л. 285а, не понявъ этого, пишетъ текстъ связно и получаетъ стоящее совершенно отдѣльно слово الخزامى (см. ниже стр. 45 прим. 8). Число этихъ примѣровъ можно значительно умножить, но они всѣ отмѣчены въ издаваемыхъ дальше отрывкахъ и повторять ихъ нѣтъ необходимости. На то, что переписчикъ П имѣлъ передъ глазами М, указываетъ комментарій къ стиху В 30, 6, гдѣ одно объясненіе онъ внесъ въ текстъ съ *полей* М л. 21б, прибавивъ свое замѣчаніе وهذا قول ضعيف (П л. 19б). При такомъ отношеніи одной рукописи къ другой тѣмъ самымъ умаляется ихъ значеніе для критики текста, которая особенно затрудняется, если какая-нибудь фраза приводится только въ одной, вообще неисправной. Петербургской рукописи. Мало здѣсь помогаетъ и сопоставленіе съ аналогичными работами Ва̄хыдія, ʿУкбарія и т. д. Издатель, однако, надѣется, что эти неисправности, какъ въ рукописи, такъ и въ изданіи, не помѣшаютъ достиженію главной цѣли, съ какой помѣщаются отрывки—общей оцѣнкѣ разсматриваемаго произведенія Абӯ-л-ʿАла̄'.

2. В 96, 18—20 (о всѣхъ приводимыхъ стихахъ была уже рѣчь выше). 3. М л. 66б, П л. 65б. 4. П لاعيا. 5. М вмѣсто этого комментарія говоритъ только عازر هو الّذى احياه الله على يد السيّد المسيح.

او كان لجّ البحر مثل يمينه * ما انشقّ حتّى جاز فيه موسى

اى [1] لو كان لجّ البحر الّذى انشقّ لموسى [2] عليه السلام مثل يمين هذا الممدوح لما انشقّ حتّى جاز فيه بمن [3] معه

او كان للنيران ضوء جبينه * عبدت فكان [4] العالمون مجوسا

يقول لو كان للنار نور جبين هذا الممدوح لعبدها اهل الدنيا كلّهم و صاروا باجمعهم مجوسا والغرض وصفه بالحسن و البهاء

Въ однородномъ стихѣ [5]) онъ даетъ тоже чисто внѣшнее толкованіе [6]):

غلت الّذى حسب العشور باية * ترتيلك السورات من اياتها

غلت فى الحساب وغلط فى الكلام والعشور جمع عشر وهى عشور [7] القران و حسن ترتيلك اية من ايات القران فمن عدّ عشور [8] القران ايات السور فلم يعدّ تلاوتك منها فقد غلط يعنى انّ تلاوتك معجزة لا يقدر احد ان ياتى بمثلها كما لا يقدر ان ياتى بمثل اية من القران و الهآء [9] فى اياتها للسورات او للعشور والله اعلم [10]

На содержаніе «еретическаго» полустишія, вызвавшаго негодованіе Вāхыдія [11]): وامضى فى الامور من القضآء, онъ не обращаетъ особаго вниманія, разъясняя только форму [12]):

و اكره عطف على قوله خير من تحت السمآء يقول ا اقول [13] فيك فحشا بعد علمى بانّك اكره من حدّ السيف طعما و [14] امضى من القضآء فى الامور

Такъ же безразлично относится онъ къ гиперболичной фигурѣ Мутанаббія [15]):

لو كان لفظك فيهم ما انزل * الفرقان [16] و التوراة و الانجيلا

يقول انّ كلامك كلّه حكم [17] و مواعظ و مختصّ بغاية الفصاحة فلو كان موجودا من قبل ما انزل الكتب المذكورة لقام [18] كلامك مقامها

---

1. П. يقول 2. П بموسى. 3. П موسى ومن. 4. B فصار. 5. B 281, 26.
6. M. л. 188б, П л. 211б. 7. П العشور من. 8. ПМ العشور, но ср. выше.
9. П اوليها sic! 10. П оп. 11. 127, з. 12. M л. 82б, П л. 86а. 13. M اقول.
14. П وانّك. 15. B 230, 45; M л. 153а, П л. 172б. 16. B القران. 17. П حكمة.
18. П لقيام sic!

и къ слѣдующему стиху [1]):

فكانّما عيسى بن مريم ذكره * و كانّ عازر شخصه المقبور

يقول انّ ذكره الباقى بعده [2] احياه فكانّ ذكره المسيح [3] عليه السلام وكانّ شخصه المقبور عازر وهو الّذى احياه الله تعالى [4] على يد السيّد المسيح [5]

Мало чѣмъ его комментарій къ слѣдующему стиху [6]) отличается отъ аналогичныхъ отзывовъ Вāхыдія и ʿУкбарія, сохраняя даже упоминаніе про افراط:

لعظمت حتّى لو تكون امانة * ما كان مؤتمنا بها جبرين

اللام فى لعظمت جواب لقسم محذوف اى و الله لقد عظمت ولا يجوز ان يكون لام الابتداء لانه [7] مختصّ بالاسم و جبرين اى جبريل [8] النون بدل من اللام يقول انّك عظيم القدر فلو كنت من جملة الامانات لكان جبريل غير مؤتمن بها على الوحى و هذا افراط [9]

Къ внѣшнему толкованію сводится его комментарій на стихъ [10]):

انّى يكون ابا البرية ادم * و ابوك و الثقلان انت محمّد

تقديره كيف يكون ادم ابا البرية و ابوك محمّد و انت الثقلان يريد اذا كنت انت الثقلين و ابوك محمّد فابو [11] البرية اذًا ابوك لا ادم و الثقلان الجنّ و الانس و هذا من قول الاخر [12] شعر و ليس لله [13] بمستنكر ان يجمع العالم فى واحد

Такой же كفر, какъ прочіе авторы, Абӯ-л-ʿАлā находитъ въ стихѣ [14]):

انا مبصر و اظنّ انّى نائم * من كان يحلم بالاله فاحلما

يقول انا مبصر بعينى و اظنّنى نائما من استعظام ما رايت من هذا الرجل من العظائم و الامور العجائب ثمّ قال من كان يحلم بالاله فاحلم انا ايضا اى [15] انّه لايمكن ان يرى فى المنام لانّه لا يشبه شيا فشبه هذا الممدوح بما لا يجوز التشبيه به

---

1. В 117, 13, М л. 77б, П л. 79а. 2. П بعد. 3. П عيسى. 4. П оп. 5. П عيسى عليه السلام. 6. В 240, 2; М л. 160б; П л. 181а. 7. П الّا انّه sic! 8. П وقيل انّ. 9. П افرط sic! 10. В 79, 39; М л. 59а, П л. 56б. 11. П فابوا sic! 12. = Абӯ-Новāсъ (см. дивāнъ, каирское изд. 1277 г., 25, 10). 13. Дивāнъ على الله (sic!), но in margine لله съ ссылкой на редакцію Абу-Бекра Сӯлія. 14. В 20, 16; М л. 16б, П л. 14б—15а. 15. П оп.

فقال لا ادرك كنه وصفه كما لا يدرك حقيقة ذات البارى و هذا افراط منكر قريب من الكفر وقيل انّ فى الكلام حذفا كانّه قال من كان يحلم بصنع الله فاحلم انا فكانّه يقول من كان يحلم بصنع وينسب نفسه الى النوم دون اليقظة عند عظمته حتّى اقول انّى انّما ارى ذلك فى المنام * و الله اعلم [1]

Другой «вольнодумный» стихъ онъ однако проходитъ молчаніемъ [2]):

قد شرّف الله ارضا انت ساكنها * وشرّف الناس اذ سوّاك انسانا

سوّاك اى خلقك على استوآء [3] وفى القران خَلَقَكَ وَ سَوَّاكَ [4] اى انت شرف الارض و زينة الناس و مثله قوله [5] ارض لها شرف سواها مثلها * لو كان مثلك فى سواها يوجد [6] و انسانا نصب لانه مفعول ثان [7] من سواك * و الله اعلم [8]

О слѣдующемъ стихѣ онъ повторяетъ отзывъ Ибн-Джиннія [9]):

وابهر ايّات التهامىّ انّه * ابوك واجدى ما لكم من مناقب

يقول اعظم ايّات عنى بالتهامىّ النبىّ صلّى الله عليه وسلّم كونه اباك و لكم مناقب كثيرة وكون النبى صلّى الله عليه و سلّم جدّك و اباك اجدى تلك المناقب و هذا فى الظاهر يوجب تفضيله على سيّد الخلق صلّى الله عليه وسلّم و ذكر ابن [10] جنّى انّ ابا الطيّب كان يتعسّف فى الاحتجاج له والاحتجاج [11] بما لست اراه مقنعا فاعرضت عن ذكره

Не вызываютъ сколько-нибудь интересныхъ замѣчаній со стороны Абӯ-л-ʿАлā’ и стихи Мутанаббія, относимыя къ собственной персонѣ. Одинъ изъ такихъ стиховъ комментируется слѣдующимъ образомъ [12]):

ما مقامى بارض [13] نخلة الّا * كمقام المسيح بين اليهود

روى نخلة بالخآء المعجمة و قيل هى محلّة بالكوفة و روى بالحآء غير معجمة [14] و هو اسم [15] مكان و قيل انّه على ثلاثة ايّام من بعلبكّ يقول ليس مقامى * بين اهل [16] هذا المكان فى ايذائهم ايّاى واستخفافهم بى الّا كمقام المسيح بارض اليهود فيما بينهم

---

1. М оп. 2. В 276, 4; М л. 185б, П л. 208б. 3. МП استوى. 4. Коранъ 82, 7. 5. М оп. 6. В 76, 22. 7. МП ثانى. 8. П оп. 9. В 331, 26; М 220б, П 245б. 10. П بن. 11. Sic МП, но В الاعتذار. 12. В 32, 18; М л. 23аб, П л. 21а. 13. П بدار. 14. П вмѣсто всего абзаца بالمعجمة (sic!) 15. М оп. 16. М оп.

بكثرة عداوتهم له و روى انه لقّب المتنبّى بهذا البيت و قيل بل بالبيت الّذى هو قوله انا فى امّة تداركها الله غريب كصالح فى ثمود [1]

Другой однородный стихъ объясняется такъ [2]):

انا الذى بيّن الاله به * الاقدار و المرء حيثما جعله

يقول انا الّذى جعلنى الله تعالى فى الفضل و الكمال فقدر كلّ انسان يتبيّن [3] اذا قدر بفضلتى [4] و قيس محلّه الى محلّى و قيل معناه ان اقدار [5] الناس تتبيّن [6] بمدحى او بهجوى فمن مدحته رفعت قدره ومن هجوته وضعت قدره و احتملت ذكره والهآء فى جعله قيل يرجع الى اسم الله تعالى و قيل الى المرء حيث ما جعل نفسه قلت و يجوز* ان يكون [7] راجعا الى الضمير الّذى فى انا الّذى بيّن الاله به [8] اى المرء حيث ما جعله هذا الرجل الّذى بيّن الله به الاقدار

Довольно много мѣста, какъ и у прочихъ комментаторовъ, посвящается злосчастному стиху [9]):

يترشّفن من فمى رشفات * هنّ فيه احلى من التوحيد

يقول ان هذه النسوة يمصصن من فمى مصّات بمثلهن الّتى هنّ يعنى الرشفات فى فمى احلى [10] من حلاوة التوحيد و قلب الموحّد الاقرار بوحدانية الله تعالى فى فم الموحّد و هذا احد ما نسب المتنبى لاجله الى الكفر حيث جعل الترشّف احلى من التوحيد و روى هو فيه [11] حلاوة التوحيد [12] يعنى الترشّف فى الفم حلاوة [13] التوحيد و هذا اخفّ من الاوّل* و قيل [14] التوحيد نوع من انواع البلح ببلاد الحجاز و هو التمر الصغير [15] * و هذا قول ضعيف [16] و قيل انّه المعشوق بعاشقه اى قوله انت واحدى عند اقباله على وصاله من دون ان يعرف غيره فلهذا احلى ما يكون للعاشق اذا كان صاحبه لا يعرف سواه ولا يقول الّا به و اذا فعل ذلك فقد وحّده فكانّه [17] يقول هنّ فى الفم احلى من هذا التوحيد

Для оцѣнки отношенія Абӯ-л-ʿАлā' къ мрачнымъ взглядамъ Мутанаббія на

---

1. B 35, 36. 2. B 364, 13; M л. 241б, П 268а. 3. П تبيّن. 4. M بفضل. 5. П اقدر. 6. M يتبيّن. 7. M on. 8. П الخ. 9. B 30, 6; M л. 21б—22а, П л. 19б. 10. П احلا. 11. П فى. 12. П on. 13. П كحلاوة. 14. M on. 15. M in margine. 16. M on. 17. П on.

людей и жизнь особенно характеренъ, между прочимъ, слѣдующій отрывокъ [1]):

اذمّ الى هذا الزمان اهيله * واعلمهم فدم واحزمهم وغد

صغّر اهل هذا الزمان على جهة [2] التحقير والفدم العىّ [3] و افيد هو الجاهل السفيه [4] و الوغد العبد و قيل من لا خير عنده يقول اذمّ الى هذا الزمان اهله فاعلم اهل هذا الزمان الجاهل العىّ و اكثرهم حزما ضعيف و حقير لا خير عنده ولا غنى [5] له

و اكرمهم كلب و ابصرهم عم * و اسهدهم فهد و اشجعهم قرد

الاعمى الّذى عمى قلبه و يضرب المثل بالكلب فى الخسّة و فى كثرة النوم بالفهد و فى الجبن بالقرد لانّه لا ينام بالليل خوفا على نفسه

و من نكد الدنيا على الحرّ ان يرى * عدوّا له ما من صداقته بدّ

يقول من محن الدنيا على حرّ ان يرى عدوّا له ويظهر صداقته بحيث لا يكون من اظهارها بدّ و الاصل ما من اظهار صداقتها بدّ غير انّه حذف المضاف لانّ العدوّ لا يكون صديقا و روى ان يُرى بضمّ اليآء على ما لم يسمّ فاعله ان ترى الدنيا و معناه من لوم الدنيا انّ الحرّ مجبول [6] على حبّها و هى عدوّ له لا يقدر عن ان يعرض [7] عنها و هو من قول ابى [8] نواس [9] شعر اذا امتحن الدنيا لبيب تكشّفت * له عن عدوّ فى ثياب صديق [10]

بقلبى و ان لم ارو منها ملالة * وبى عن غوانيها و ان كثرت [11] صدّ [12]

الهآء فى منها و غوانيها للدّنيا يقول انّى و ان لم ارو [13] من الدنيا و لم اقض منها وطرى فانّى قد مللت منها لما عرفت من تقلّب احوالها و كذلك اعرضت عن غوانى هذه الدنيا لما عرفت من غدرهنّ و قلّة وفائهنّ فان واصلتنى فلا ابالى الوصال [14]

خليلىّ دون الناس حزن و عبرة * على فقد من احببت ما لهما فقد

---

1. В 298, 6—299, 12; М л. 198аб, П л. 222а—222б. 2. П جهت. 3. МП الغنى. Въ этомъ мѣстѣ текстъ вообще сильно искаженъ и возстановленъ на основаніи Вāхыдія — 298, l. 4, ʿУкбарія — I, 231 poenult., Тāдж-ал-ʿарӯсъ, IX, 10, 32—33 и Лисāн-ал-ʿараб, XV 347, 4—5. 4. МП التقيد. 5. П غنا. 6. П محيول. 7. П الغرض. 8. П ابو. 9. М. فراس sic! 10. Дивāнъ (каирское изд. 1277 г.) стр. 3, 19 и 96, 7. 11. В وصلت. 12. Стихъ 9 и 10 по редакціи Вāхыдія у Абӯ-л-ʿАлā опущенъ. 13. П اروى. 14. М لوصالى.

ما لهما اى للحزن والعبرة يقول لما فقدتّ حبيبى اعرضت [1] عن الناس و انفردتّ بالبكآء والحزن فهما خليلىّ و ليس لهما فقد

Не представляетъ особаго интереса комментарій и къ слѣдующему довольно характерному отрывку Мутанаббія [2]):

ا بنى ابينا نحن اهل منازل * ابدًا غراب البين فينا [3] ينعق

يحتمل ان يراد به يا اخواننا و اهل نسبنا و يحتمل ان يريد به يا بنى ادم و غراب البين قيل انّه [4] الموت و ينعِق * و ينعَق [5] اى يصيح و هما مرويّان يقول يا بنى ادم نحن اهل منازل يقضى علينا فيها بالموت والفراق فان كان اليوم وقع الفراق بين اهل الهوى فكذلك تقع فى الدنيا بين اهلها اورد ذلك مورد التسليّة و الوعظ للمخاطبين * و الله اعلم [6]

نبكى على الدنيا وما من معشر * جمعتهم الدنيا فلم يتفرّقوا

يقول نبكى على هذه [7] الدنيا و حيوتها [8] لعلمنا بفنآئها وما من جمع الّا بددته الدنيا و فرقته فالبكآء على [9] هذا [10] محال

اين الاكاسرة الجبابرة الاولى * كنزوا الكنوز فما [11] بقين ولا بقوا

الاكاسرة جمع كسرى و هو ملك العجم و هو تعريب خسروان الذى بالفارسيّة و الجبابرة جمع الجبار و هو المسلّط على الناس العالى [12] يقول اين ملوك العجم * و عظمآء الدنيا [13] الذين كنزوا الكنوز فما بقيت كنوزهم ولا هم بقوا [14]

من كلّ من ضاق الفضآء بجيشه * حتّى ثوى فحواه لحد ضيّق

يقول من كلّ ملك ضاق المكان الواسع بجيشه حتّى مات فتوارى مقيما فى القبر و ضمّه من قبره لحدٌ ضيّق

---

1. П вставляетъ عن الدنيا 2. B 39, 7—40, 12; M л. 32а-б, П л. 29а-б. 3. П فيها. 4. M المراد به. 5. П оп. 6. M оп. In margine противъ комментарія къ этому стиху M помѣщаетъ: قائله ابن جنىّ قال الواحدىّ هذا قول فاسد ليس على مذهب العرب وداعى الموت لا يسمع له صياح و الامر فى غراب البين اشهر من ان يفسّر بما فسّره. Судя по комментарію Вāхыдія, 39, 13—14, гдѣ приводится этотъ же отзывъ, ابن جنىّ опредѣлялъ غراب البين какъ دعى الموت, а не просто الموت. Поэтому опредѣленіе у Абӯ-л-'Алā' едва ли принадлежитъ ему, вопреки замѣткѣ in margine. 7. M оп. 8. П حياتها. 9. П вставл. ما اشبه. 10. П вставл. محالة. 11. B فلا. 12. П оп. 13. M оп. 14. M оп.

خرس اذا نودوا كأن لم يعلموا * انّ الكلام لهم حلال مطلق

يقول هؤلآء الملوك ماتوا و صاروا كالخرس لا يجيبون اذا نودوا فكأنّهم لم يعلموا انّ الكلام لهم حلال مطلق لو قدروا عليه [1]

فالموت آت والنفوس نفائس * والمستغرّ بما لديه الاحمق

النفائس جمع نفيسة و هى الّتى يبخل[2] بها[3] لجلالتها[4] و المستغرّ المحمول[5] على الغرّة المخدوع و المستغِرّ[6] طالب الغرور و روى ايضا[7] المستعزّ بالعين والزاء[8] و هو المتعزّز او طالب العزّ يقول الموت لا محالة آت و النفوس الجليلة الخليقة[9] بان يبخل بها الّا ان المخدوع والمتعزّز بما * لا بقآء له[10] هو الاحمق[11]

Чтобы помѣщенные выше примѣры не показались слишкомъ отрывочными, я позволю себѣ привести цѣликомъ коментарій Абӯ-л-ʿАлā' на два большихъ произведенія Мутанаббія, выбранныхъ мною тоже не случайно. Первое изъ нихъ [12]) представляетъ одну изъ характернѣйшихъ хвалебныхъ касыдъ Мутанаббія, наполненную цвѣтистыми гиперболами въ его стилѣ и кончающуюся довольно оживленной полемикой комментаторовъ по поводу через-чуръ вольнодумнаго tour de force. Это позволяло надѣяться, что о ней скажетъ свое слово и Абӯ-л-ʿАлā'. То же можно было расчитывать найти и въ комментаріи на второе произведеніе [13]) — элегію по поводу смерти матери Сейф-ад-дауле, въ которой сильно звучатъ пессимистическіе мотивы [14]).

1.

و قال ايضا

قد علّم البين منّا البين اجفانا * تدمى و الّف فى ذا القلب احزانا

تقديره * قد علّم البين اجفانا منّا البين و تدمى اى الاجفان و هى حال لها يقول[15] علّم البين بيننا اجفاننا البين فلا تلقى بكآءً و سهرا و تدمى تدلّ عليها لانّ البكاء

---

1. П оп. 2. П تبخل. 3. П оп. 4. M بجلالتها. 5. П оп. 6. П оп. 7. П вставл. و. 8. ПМ الزاى. 9. П جليلة خليقة. 10. П لديه. 11. П прибавляетъ ممّا يقال. 12) Вāхыдій, — 271—277; Абӯ-л-ʿАлā', П л. 204б—208б и М л. 181б—185б. 13) Вāхыдій, 388—395; Абӯ-л-ʿАлā', П л. 283б—287б и М л. 255б—260а. 14) При обработкѣ текста я обязанъ многими цѣнными замѣчаніями покойному бар. В. Р. Розену, черезъ руки котораго еще успѣла пройти эта работа. Не отказывалъ мнѣ въ своихъ указаніяхъ, какъ и всегда, А. Θ. Хащабъ. 15. М оп.

و طول السهر يؤدّيان الى الادمآء وكذلك[1] جمع البين فى قلبى هذا احزانا فليس فيه سرور[2] كما لا نوم فى العين

املّت ساعة ساروا كشف معصمها * ليلبث[3] الحىّ دون السير حيرانا

المعصم موضع السوار من اليد يقول رجوت وقت سير قومها ان تكشف هى معصمها ليقف قومها متحيّرين عند رؤيته لنوره و حسنه و يتعجّبوا من ضوءه فاتمتّع انا بالنظر اليها و الوقوف معها ساعة[4]

و لو بدت لاتاهتهم محجبها * صون عقولهم من لحظها صانا

اتاهتهم حيّرتهم و صونٌ رفع لانّه فاعل محجبها و عقولَهم نصب لانّه مفعول[5] صان و فاعله ضمير صون يقول لو بدت هذه المراة بجمعها[6] لحيّرتهم و اذهبت عقولهم محجبوها صيانةً لعقولهم من لحظها[7] و تقديره[8] محجبها صون صان من لحظها

بالواخدات و حاديها و بى قمر * يظل من وخدها فى السير[9] حشيانا

*يروى بالخآء[10] الواخدات الابل السراع والحشيان الذى علاه البهر من التعب و روى بالخآء من الخشية يقول افدى بالابل و حاديها وبنفسى[11] قمرا صفتها انّها تاخذها .... [12] عند اسراع الابل فى السير لنعومتها[13] و بالخاء انّها تخشى عند شدّة سيرها من شدّة اقلاقها ايّاه[14] اراد ان هذا[15] القمر هو الكافل بالابل و حاديها و بنفسى و امرنا اليه و سرورنا بوصاله و حزننا لفراقه فهو المتصرّف[16] فينا كما يشآء

اما الثياب فتعرى من محاسنه * اذا نضاها و يكسى الحسن عريانا

التذكير للقمر و التانيث للثياب و عريانا نصب على الحال المعنى انّ الثياب تحسن به لانّه يحسن بها فاذا اخلاها عريت من محاسنه الّتى اكتسبتها[17] منه فاذا عرى هو من الثياب اكسى حسنا ازين من لبسه[18] الثياب

---

1. П كذا. 2. Рук. سرورا sic! 3. М л. 182а. 4. П оп. 5. П послѣ этого дѣлаетъ графически понятное повтореніе فاعل محجبها و عقولهم نصب لانه مفعول. 6. П باجمعها. 7. П вставл. بصيانتها. 8. П تقدير. 9. В и ʿУкбарій — II, 424 — الحذر. 10. М оп. 11. П بنفسه. 12. М оставляетъ пропускъ, П пишетъ слитно. Ожидалось бы البهر или الربو (Ср. В 272, стр. 7—8). 13. П л. 205а. 14. П вставл. وقيل. 15. П هذه sic! 16. П متصرّف. 17. П اكتسبتها الثياب. 18. П حسن.

يضمّه المسك ضمّ المستهام به * حتّى يصير على الأعكان اعكانا

الأعكان جمع العكن و هو البطن من الشحم و السمن يقول انّ المسك يعبق بجسمه و[1] يضمّه كانّه عاشق له و يلصق له كما ينضمّ العاشق الى المعشوق حتى يصير المسك اعكانا فوق اعكانها

قد كنت اشفق من دمعى على بصرى * فاليوم كلّ عزيز بعدكم هانا[2]

يقول كنت قبل الفراق امسك عن البكآء خوفا على بصرى ان يصبه[3] دمعى فاليوم لمّا نايتم طال بكآى و هان علّى كلّ عزيز

تهدى البوارق اخلاف المياه لكم * و للمحبّ من التذكار نيرانا

البوارق السحائب[4] ذوات[5] البرق و عنى بالمحبّ نفسه يقول انّ السحائب ذوات البروق تهدى اليكم فروع المياه واهدت الىّ نار الشوق عند تذكّرى[6] ايّاكم يعنى انّى اذا[7] رايتها تذكّرت عهدى معكم فالتهبت فى احشاى نار الشوق اليكم فجعلت السحائب المطر لكم و البرق لى والأخلاف جمع خلف و هى للناقة بمنزلة الثدى للمراة * والله اعلم[8]

اذا قدمت على الأهوال شيّعنى * قلب اذا شئت ان يسلاكم خانا

السلوّ والسلوة والسلوان طيب النفس عن المفقود يقول اذا اردت الأقدام على الأمور الهائلة فانّ قلبى[9] يشيّعنى على كلّ هول الّا الصبر عنكم فانّ قلبى لا يشيّعنى على ذلك بل يخوننى ويخالفنى لانّ ذلك اعظم من كلّ هول

ابدو[10] فيسجد من بالسوء يذكرنى * ولا اعاتبه صفحا واهوانا

اهوانا جآء به على الأصل فى التصحيح للضرورة و الأستعمال فى القياس اهانة و نصبه صفحا على المفعول له و قيل على المصدر بفعل مضمر اى اصفح صفحا و اهينه اهوانا ولا اعاتبه دليل على المحذوف يقول اذا ظهرت فانّ من يذكرنى بالسوء فى حال الغيبة يسجد لى هيبة منّى ولا اعاتبه على ما يذكرنى به من السوء صفحا واهانة له و مثله للجميل[11]

اذا ابصرونى[12] طالعا من ثنيّة * يقولون من هذا و قد عرفونى

---

1. П оп. 2. М л. 182б. 3. П يصيبه. 4. М السحاب. 5. Рук. ذات. 6. П تذكرتى. 7. П لما. 8. П оп. 9. П л. 205б. 10. П ابدى. 11. Хамāса (изд. Freytag'a) — I, 160 съ цитатой со словъ Абӯ-л-ʿАлā': ومن هذه القطعة فيما قراته على ابى العلآء. 12. П ابصرنى, Хамāса ما راونى.

وهكذا كنت فى اهلى و فى وطنى * انّ النفيس غريب حيثما كانا

يقول هكذا كنت بين اهلى و وطنى لم اخل من حاسد يحسدنى على فضلى و يذكرنى بسوء من وراى فاذا ما ظهرت له يسجد لى والشريف حيث ما كان غريب لا يخلو[1] من حاسد ولا[2] عاتب فكنت ابدا غريبا بهذا الوجه لانى لم اجد من يشاكلنى و يوافقنى

محسّد الفضل مكذوب على اثرى * القى الكمىّ و يلقانى اذا حانا

يقول لم ازل محسودا و مكذوبا على اثرى لانّه لم يمكن لاحد ان يواجهنى بالسوء ولم ازل شجاعا القى الشجاع ويلقانى الشجاع اذا دنا هلاكه[3] * والله اعلم[4]

لا اشرئبّ الى ما لم يفت طمعا * ولا ابيت على ما فات حسرانا

طمعا نصب على المفعول له او على المصدر كما فى قوله صفحا يقول لا امدّ عنقى فيما يصل الىّ طمعا فيه و ان فاتنى شى لم اتحسّر[5] عليه كانّه اخذه من قول الله تعالى[6] لَا تَأْسَوْا[7] عَلَى مَا فَاتَكُمْ

ولا اسرّ بما غيرى الحميد به * ولو حملت الىّ الدهر ملآنا

اى[8] لا اسرّ[9] بما آخذه من عطا الناس لانّ المعطى هو المحمود به و لو[10] حملت ايّها الانسان الىّ الدهر ملآنا من العطا فانّى لا افرح به بل انّما اسرّ بما اعطى غيرى بما فيه من الثنآء و الحمد يعنى ان رغبتى فى الحمد اكثر منه فى الصلة

لا يجذبنّ ركابى نحوه احد * ما دمت حيّا و ما قلقلن كيرانا

قلقلن[11] اى[12] حرّكن و الكيران الرحل واحده كور و هو الرحل باداته والهآء فى نحوه لاحد اى لا يجذبنّ احد ركابى و ما فى قوله[13] ما دمت حيّا و ما قلقلن[11] نصب على الظرف يقول لا يجذب ابلى احد من الملوك نحوه[14] ما دمت حيّا ودامت الابل تحرّك رحالهم اى ما دامت تسير الابل اى لا اقصد * احدا ابدا و روى بعده احدا اى لا اقصد[15] بعد هذا الممدوح احدا * والله اعلم[16]

---

1. M л. 183a. 2. П оп. 3. П اهلاكه 4. П оп. 5. П احسر.
6. Коранъ, 57, 23 لِكَيْلَا تَأْسَوْا عَلَى مَا فَاتَكُمْ. 7. П تاسو. 8. П оп. 9. П لاسر.
10. П л. 206a. 11. П قلقن. 12. П оп. 13. П قولى. 14. П вставл. احد.
15. П оп. 16. П оп.

لو استطعت ركبت الناس كلهم * الى سعيد بن عبد الله بعرانا

يقول لو قدرت ركبت الناس كلّهم كما يركب البعير وقصدتّ عليهم هذا الممدوح و اراد بذلك [1] اكثر الناس لانّه يقال انّ [2] امّة من الناس يقتضى ركوبها و قد بيّن انّه اراد البعض فيما يليه والبعران جمع بعير و نصبه يجوز من اوجه احدها المصدر الواقع موقع [3] الحال اى ركبتهم بمثل البعران ثم حذف المضاف واقام المضاف اليه مقامه والثانى باضمار فعل دلّ عليه ركبت اى صيّرتهم بعرانا والثالث على التمييز لانّ قوله ركبت الناس احتمل الركوب والاستيلآء والقهر ففسّره بالمعنى المقصود ونصبه على التمييز كقولهم امتلأ الانآء ماء

فالعيس اعقل من قوم رايتهم * عمّا يراه من الاحسان عميانا

تقديره فالعيس اعقل من قوم [4] رايتهم عميانا عمّا يراه الممدوح من الاحسان و ما [5] ياتيه من الكرم و الشرف وذلك مأخوذ من قوله تعالى [6] أُولٰئِكَ كَالْأَنْعَامِ بَلْ هُمْ اَضَلُّ سَبِيلًا

ذاك الجواد وان قلّ الجواد له * ذاك الشجاع وان لم يرض اقرانا [7]

يقول نحن نصفه بالجود وذلك اقلّ اوصافه ونصفه بالشجاعة و هو لا يرضى قرينا ينازله [8] لانّ الشجعان دونه

ذاك المعدّ الّذى تقنو يداه لنا * فلو اصيب بشى منه عزّانا

المعِدّ الجامع المدّخر اعدّ واستعدّ [9] بمعنى [10] و روى المَعَدّ و هو الذى اعِدّ لريب الزمان و قنوت الشى اقنوه اذا اكتسبته يقول انّه يجمع الاموال ليفرقها علينا و نحن احقّ بها [11] منه فاذا اصيب بشى من ماله عزّانا عليه لانّه لنا دونه وان كان فى يده

خفّ الزمان على اطراف انمله * حتى توهّمن للازمان ازمانا

يقول [12] هان الزمان على انامله فتصرّفه كيف شآء كما [12] يصرّف الزمان اهله فكانت انامله ازمنة للازمنة و مثله قول الآخر* وهو [12] انت الذى [12] تنزل الايّام منزلها * وتنقل الدهر من حال الى حال

تخاله من ذكآء القلب محتميا * و من تكرّمه و البشر نشوانا

---

1. П بـه. 2. П оп. 3. М л. 183б. 4. П قولهم sic! 5. П بما. 6. Коранъ, 7, 178 и 25, 46. 7. П л. 206б. 8. П ينازل له sic! 9. П اعدّوا واستعدّوا. 10. Ср. تاج العروس, II, 417. 11. П дважды بها. 12. П оп.

قوله محتميا من الاحتمآء و هو قلّة الاكل[1] و معناه من فرط ذكائه كانّه محتم من الطعام[2] لانّ قلّة الاكل تحدّ الفهم وتقوّى الحواسّ كما انّ كثرة الاكل تعمى القلب و قيل ملتهبا اى[3] من الحمى و هو[4] الحرارة و معناه انّه من حدّة ذكائه كانّه متوقّد و من كثرة كرمه و بشره و سهولة خلقه كانّه سكران

يلقى الوغا و القنا و النازلات به * والسيف والضيف رحب الباع جذلانا

النازلات الدهر و رحب الباع واسع القلب و الجذلان المسرور يعنى انّه لا يضيق صدره بحوادث الدهر

و تسحب الحبر القينات رافلة * فى جوده وتجرّ الخيل ارسانا

الحبر جمع حبرة[5] و هو ضرب من * البرود اليمانيّة[6] و رافلة اى متبخترة يقول انّه تسحب القينات[7] بحليهنّ حللهنّ فهنّ يسحبن ذيولهنّ و الخيل بارسانهنّ و الاتهنّ فهنّ يسحبون ارسانهنّ[8]

يعطى المبشّر بالقصّاد قبلهم * كمن يبشّره بالمآء عطشانا

يقول انّه يعطى من يبشّره بالقاصدين قبل اعطاءه[9] القاصدين و قبل وصولهم اليه و يفرح بهذه البشارة كما يفرح العطشان اذا بشّر بالمآء و تقديره كمن يبشّره المبشّر بالماء و هو عطشان وذلك حال[10] و الله اعلم[11]

جزت بنى الحسن الحسنى فانّهم * فى قومهم مثلهم فى الغرّ عدنانا

فاعل جزت الحسنى و عدنان بدل عن الغرّ و قيل الغرّ صفة متقدّمة لعدنان و اراد بنى عدنان و هو ابو العرب من ولد[12] اسمعيل و الضمير فى انّهم لقومهم يقول جزت الحسنى بنى الحسن فانّهم فى قومهم فى الشرف مثل قومهم فى عدنان [13] اى هم اشرف قومهم كما انّ قومهم اشرف عدنان و روى فى العزّ عدنانا

ما شيّد الله من مجد لسالفهم * الّا و نحن نراه فيهم الآنا

1. П вставл. ولهذا طايفة تقول نشوان. 2. M л. 184a. 3. П оп. 4. П هى.
5. M оп. комментарій до конца, оставляя пробѣлъ. 6. П даетъ сильно испорченный текстъ: بدوية مغنية (?). Возстановлено по .TA — V, 230, 17 и TA III, 118, 20. Cp. Dozy, Dictionnaire des vêtements, 133—136. 7. П الغنيات. 8. П л. 207a. 9. П اعطا.
10. П حاله. 11. П оп. 12. П بنى. 13. П عدنا sic!

يقول ما رفع الله لابائهم السابقة من المجد و العزّ الّا و نحن نرى مثله فى هولآء[1] القوم الذين هم بنى الحسن

ان كوتبوا او لقوا او حوربوا وجدوا * فى الخطّ و اللفظ و الهيجآء فرسانا

يقول فلان فارس فى هذا الامر اى حاذق فيه يقول انّهم متقدّمون فى هذه الامور كلّها و لقوا فى مشهد حدّتهم فرسانا

كانّهم يردون الموت من ظمآء * او ينشقون من الخطّىّ ريحانا[2]

الخطّىّ الرماح المنسوبة الى الخطّ و هى قرية بساحل البحر يعمل فيها الرماح يقول كانّ الموت ماء و هم اليه ظمآء[3] فهم يردون الموت كما يرد الظمآن المآء وكانّ الرماح ريحانهم فهم يتلذّذون بها[4] كما يلتذّ باستنشاق رايحه الريحان

كانّ السنهم فى النطق قد جعلت * على رماحهم فى الطعن خرصانا

الخرصان جمع خرص و هو السنان شبّه اسنّتهم فى الطعن بمضآء السنتهم فى النطق و الناس[5] يشبّهون الالسنة بالاسنّة و هو قد عكس ذلك و جعل مضآء ثابتا[6] فى اللسان ثم شبّه به السنان[7]

الكائنين لمن ابغى عداوتهم * اعدى العدى و لمن آخيت اخوانا

الكائنين نصب على الصفة لبنى الحسن مجاز يقال انّهم اعدآء اعدآه و اوليآء اوليآه

خلائق لو حواها الزنج لانقلبوا * ظمى الشفاه جعاد الشعر غرّانا

الظمى جمع اظمى و ظميآء و هو اسم الشفة و قيل دقيق الشفة و يروى لمى الشفاه و الغرّان جمع اغرّ و هو الابيض يقول لهم خلايق حسنة لو كانت فى الزنج لتحوّلوا عن سوادهم و صاروا بيض الوجوه سمر الشفاه جعاد الشعور وانّما قال ذلك لانّ شفاههم بيض و شعورهم قطط و الجعد هو الذى دون القطط و فوق الرجل و الرجل فوق السبط

و انفس يلمعيّات تحبّهم * لها اضطرارا و لو اقصوك شنانا

---

1. M опускаетъ до конца, ставя вмѣсто послѣдующаго الان. 2. 28 и 29 стихъ по редакціи Ва̄хыдія у Абӯ-л-ʻАла̄' въ обратномъ порядкѣ. 3. M ظماذون. 4. M л. 184б. 5. II л. 207б. 6. M ثانيا. 7. M оп.

يقول رجل يلمعىّ و المعىّ اذا كان ذكيّا فطنا يقول انفس كريمة فطنة تحبّهم لاجلها اضطرارا وان ابغضوك و ابعدوك و شنآنا نصب على التمييز

الـواضحيـن ابـوّات و اجـبـنـة * و والـدات والـبـابـا و اذهـانـا

الواضحين نصب * على التمييز و هو[1] نعت لبنى الحسن[2] و اجبنة جمع جبين و روى اخبية و هو[3] جمع خباء و وضوحه لغشيان القصّاد والابوّة مصدر الاب يقول انّ عزّتهم واضحة اى صريحة وكذلك جباههم واضحة اى حسان المناظر وهم اشراف من قبل الامّهات و عقولهم و خواطرهم واضحة يعنى يعرف ذلك كلّ احد

يـا صـائـد الجحـفـل المرهوب جانبه * انّ الـلـيـوث تصيد الناس احدانا

احدان جمع * واحد واصله[4] وحدان فابدل و المرهوب ان جررته فهو صفة للجحفل و الهآء[5] فى جانبه يعود اليه و ان نصبته[6] فهو صفة للصائد و الهآء عائد اليه يقول لك فضل[7] على الاسد لانك تصيد الجيش كلّه و الاسد يصيد[8] واحدا واحدا

و واهـبـا كلّ وقـت وقـت نـائـلـه * وانّـمـا يـهـب الـوهّـاب احـيـانـا

واهبا نصب لانّه منادى[9] نكرة و نكّره للتعظيم و كلّ وقت مبتدأ و وقت نائله خبر يقول انت تهب دائما و الاجواد يهبون فى كلّ[10] وقت دون وقت * و الله اعلم[11]

انت الذى سبك الاموال مكرمة * ثم اتّخذت لـهـا الـسـؤّال خزانا

سبك الذهب اذا اذابه وجعله قطعة واحدة[11] يقول فكأنّك سبكتها و جعلتها مكرمة ثم جعلت السائلين خزانا لها قوله[12] سبك الاموال مكرمة يعنى صاغها كما تقول سبكت الذهب خلخالا

عليك منك اذا اخليت مـرتـقـب * لم تأت فى السرّ ما لم تأت اعلانا

اخليت صادفت مكانا خاليا يقول انّك اذا خلوت كان عليك رقيب من نفسك فلا تفعل سرّا ما لا[13] تفعله جهرا

---

1. П على المدح او. 2. П вставл. نصب على التمييز. 3. П هى. 4. Рук. оп., но ср. В. 276, 34. 5. M л. 185a, П л. 208a. 6. Текстъ, повидимому, искаженъ. Вмѣсто поставленнаго мной ان نصبته обѣ рукописи даютъ جانبه. 7. П الفضل. 8. П оп.! 9. Рук. منادا. 10. П оп. 11. П оп. 12. فوقها sic! 13. П الو!

لا استزيدك فيما قيل[1] من كرم * انا الذى نام ان نبهت يقظانا

يقول[2] انّك قد بلغت الغاية فى الكرم فان[3] اردت منك زيادة فكنت كمن[4] يجبى الى يقظان ينبّهه يحسب انّه نائم فتقديره انا النائم ان نبهت يقظانا

فانّ مثلك باهيت الكرام به * و ردّ سخطا على الايّام رضوانا

باهيت اى فاخرت[5] و الهاء فى به للمثل * و ردّ فعله ايضا[6] و يجوز ان يكون لكرام يقول باهيت الكرام بمكانك و علمت انّك قد بلغت الغاية فلا مزيد على ما انت عليه من الكرم و كنت ساخطا على الزمان لفقد الكرام فيه فجعلت سخطى عليه[7] رضى لانّ كرمك ازال عن الزمان سخطى حيث * انى رضيت بك عنه[8]

و انت ابعدهم ذكرا و اكبرهم * قدرا و ارفعهم فى المجد بنيانا[9]

قد شرّف الله ارضا انت ساكنها * و شرّف الناس اذ سوّاك انسانا

المنصوبات فى البيت الاوّل على التمييز اى انت اكرم الكرام فذكرك اشهر و قدرك اشرف ومجدك اعلى وارفع و سوّاك اى خلقك على استوآء[10] و فى القران[11] خَلَقَكَ فَسَوَّاكَ اى انت شرف الارض و زينة الناس و مثله قوله[12] ارض لها شرف سواها مثلها * لو كان مثلك فى سواها يوجد[13] وانسانا نصب لانّه مفعول ثان[14] من سوّاك * و الله اعلم[15]

2.

و قال ايضا يرثى والدة سيف الدولة و قد ورد خبرها الى انطاكيّة فى جمادى الاولى سنة تسع[16] و ثلثين و ثلثمائة

نعدّ المشرفيّة و العوالى * وتقتلنا المنون بلا قتال

نعدّ اى نجعل عدّة المنون الموت وانّثه ذهابا به[17] الى المنيّة يقول نحن نستعدّ السيوف والرماح للقتال و الموت يقتلنا قبل القتال فليس فيما نعدّه فائدة عند دنوّ الآجال كانّه ينظر الى قوله تعالى[18] أَيْنَمَا تَكُونُوا يُدْرِكْكُمُ ٱلْمَوْتُ

---

1. B فيك. 2. П вставляетъ въ началѣ واليقظان لا ينبّه. 3. П فانّك. 4. П مثل من. 5. П вставл. بالهاء. 6. M. оп. 7. П علىَ الزمان. 8. П. اتى بك فرضيت عنك л. 208б. 9. M л. 185б. 10. Рук. استوى. 11. Коранъ — 82, 17. 12. M оп. 13. B — 76, 22. 14. Рук. ثانى. 15. П оп. 16. B سبع, но ʽУкбарій (II, 20) تسع. 17. П оп. 18. Коранъ — 4, 80.

و نرتبط السوابق مقربات * و ما ينجين من خبب الليالى

نرتبط اى [1] نشدّ والسوابق اى الخيل و مقربات اى مدنيات من البيوت حبّا بها و هى نصب على الحال والخبب السير السريع يقول نحن نرتبط السوابق لنهرب عليها ان [2] جاءنا حادث و لكن لا ينجينا من سير الليالى فانّها تدركنا لا محالة

و من لم يعشق الدنيا قديما * ولكن لا سبيل الى وصال

يقول ان الانسان لم يعشق الدنيا يعنى انّ كلّ احد يعشق الدنيا و البقآء فيها و الخلوص من سوآتها [3] و لكن لا سبيل الى ما يحبّ

نصيبك فى حياتك من حبيب * نصيبك فى منامك من خيال

نصيبك [4] الاوّل مبتدأ والثانى خبره [5] يقول انّ ما تناله من [6] اللذّة والسرور بقرب حبيبك لا حقيقة له وانه زائل كما لا حقيقة لما تراه فى المنام من [7] خيال الحبيب فنصيبك [8] منه عيانا كنصيبك من خياله الذى ليس بشى

رمانى الدهر بالارزآء حتّى * فؤادى فى غشآء من نبال

يقول انّ الدهر رمانى بسهام صائبة [9] حتّى عمت فؤادى وصار قلبى كانّه فى غطآء من السهام

فصرت اذا اصابتنى سهام * تكسّرت النصال على النصال

يقول انّ سهام الدهر لم تدع [10] فى قلبى موضعا الّا و فيه سهم حتّى كانّه اذا رمانى بسهامه وقع سهم على سهم آخر ولم يجد فى فؤادى مكانا خاليا فتكسر السهام على السهام

و هان فما ابالى بالرزايا * لانّى ما انتفعت بأن ابالى

معناه و هان علىّ الدهر و حوادثه و قيل هان علىّ ما القاه فاضمر الفاعل و هان خفّ يقول خفّ علىّ امور المصائب فلا ابالى بها و لا اجزع عند نزولها اى لانّى ما انتفعت بما باليت قبل ذلك فكذلك لا انتفع بالمبالاة فى المستقبل

---

1. П оп. 2. П اذا. 3. П سواسيها. 4. М л. 256a. 5. П л. 284a. 6. Все слѣдующее до فنصيبك П оп. 7. Рук. оп. 8. П نصيبك. 9. М مصائبة, но in margine صائبة. 10. П تضع.

و هذا اوّل الناعين طرّا * لأوّل ميتة فى ذا الجلال

الناعى المخبر بالموت و طرّا نصب على المصدر و هو توكيد و مَيْتة تخفيف ميّتة * و روى ميتة[1] و هى الحالة كالجلسة[2] وذا[3] بمعنى هذا و الجلال هو ملك سيف الدولة يقول هذا اوّل مخبر خبر باوّل مصيبة فى هذه الدولة اى دولة سيف الدولة يعنى انّه لم ير فى ملكه شيا يكره قبل هذا[4] و قيل معناه لأوّل ميتة فى هذا الجلال و[5] العظمة

كأنّ الموت لم يفجع بنفس * و لم يخطر لمخلوق ببال

و تقديره لم يفجع احدا بنفس فحذف المفعول كأنّ هذه المصيبة لعظمها انست كلّ مصيبة كانت قبلها[6] حتّى كانّ الموت لم يفجع احدا بموت احد ولم يخطر على قلب احد لعظم هذه المصيبة او لانّه لم يمت له احد قبلها ومثله[7] قول الآخر[8] كأن لم يمت حىّ سواك و لم يقم[9] * على احد الّا[10] عليك النوائح

صلوة الله خالقنا حنوط * على الوجه المكفّن بالجمال[11]

يقول داعيا لها انّ صلوة الله اى و رحمته عليك حتّى تقوم مقام الحنوط للميّت و خصّ الوجه المكفّن بالجمال تشريفا للوجه و عبارة من جميع الشخص

على المدفون قبل الترب صونا * و قبل اللحد فى كرم الخلال[12]

على المدفون بدل من قوله على الوجه ونصب صونا على التمييز يقول انّ رحمة الله على الميّت الذى كان مدفونا فى الشرف[13] و الصيانة و العفّة قبل ان يدفن فى * التراب كذلك مدفونا فى الخصال الكريمة قبل الدفن فى[14] اللحد و روى قبل الموت بدل الترب[15]

فانّ له ببطن الارض شخصا * جديدا ذكرناه و هو بالى

---

1. П оп. 2. Текстъ сильно испорченъ и возстановленъ на основаніи Л'А — II, 397, 15—18; обѣ рукописи даютъ الجلالة كالجلسة; для переписчика это мѣсто было непонятно, такъ какъ надъ нимъ стоятъ три такихъ же «роковыхъ» точки, какъ выше М 258а надъ искаженнымъ المسلمين. 3. М ذلك. 4. М هذه. 5. Рук. оп. 6. П л. 284б. 7. П او مثل, М л. 256б. 8. = اشجع بن عمرو السلمىّ (см. Хамāса, изд. Freytag'a — I, 391—393). 9. Хамāса تقم. 10. Sic Хамāса; рук. даютъ совершенно необъяснимое начертаніе خمسه (?). 11. М in margine حسنله و نورانيّت ايله. 12. M in margine فى الخصال الكريمة. 13. П السر! 14. П оп. 15. П التراب.

له اى للمدفون و ذكرناه[1] اى ذكرنا له و جديدا نصب صفة لشخص[2] يقول انّ هذا الشخص * ذكرنا له[3] جديدا وان بلى فى التراب * والله اعلم[4]

الطاب النفس انّك متّ موتا * تمنّته البواقى و الخوالى[5]

فاعل الطاب انّك و هو فى موضع رفع يقول طيب نفسى و نفوس اوليائك موتك[6] فى العزّ والاكرام و مثل هذا الموت فى هذا العزّ ممّا يتمنّاه كلّ احد من الاموات و الاحيآء يموتوا كذلك و بيّن ذلك فيما بعده

و زلت و لم ترى يوما كريها * تسرّ الروح فيه بالزوال

يقول طيب نفسى انّك متّ و زلت عن الدنيا مسرورة و لم ترى فيها يوما مكروها تتمنّى فيها الموت[7]

رواق العزّ فوقك مسبطرّ * و ملك علىّ ابنك فى كمال

مسبطرّ اى ممتدّ طويل و روى مستبطرّ[8] يقول لم تموتى حتّى رايت رواق عزّ[9] ابنك ممتدّا[10] وملكه كاملا و ذكر ابن جنّى و كثير ممن فسّر هذا الديوان انّ[11] قوله مسبطرّ لفظة مستقبحة فى النسآء ولعلّهم قالوا ذلك فى بيت لابى شمقمق[12] مرارت باير نعل مسبطرّ * فويق الباع كالوتر المطوق وليس كذلك لانّ هذه اللفظة قد تستعمل فى غير هذا المعنى فوصف امر السير به و قال ومن[13] سيرها العنق المسبطرّة و ذكر ذو[14] الرمّة فى الكواكب فقال مضى الليل جوز و اسبطرّت كواكبه

سقى مثواك غاد فى الغوادى * نظير نوال كفّك فى النوال

يقول سقى القبر الذى ثويت فيه سحاب[15] غاد مطرا درّارا يشبه نوال كفّك فى كثرته و غرارته فكما انّ نوال كفّك اعزّ[16] من نوال غيرك فكذلك هذا السحاب اعزّ من كلّ سحاب

لساحيه[17] على الاجداث[18] حفش * كايدى الخيل ابصرت المخالى

---

1. МП ذكرنا. 2. П الشخص. 3. П ذكرًا لنا sic! 4. П on. 5. Стихъ 13 по редакціи В у Абӯ-л-ʿАлā’ отсутствуетъ. M in marg. زمانه ماضيده كذر ايدنلله. 6. МП صونك. 7. П л. 284a. (Въ рукописи два листа обозначены одной цифрой 284). 8. П مسطير. 9. M علىّ. 10. П ممتد. 11. П on. M л. 257a. 12. Рук. لابن شهفهق sic! 13. П حسن sic! 14. П ذوا. 15. M سحابا. 16. МП on. 17. M съ ج вмѣсто ح. 18. M in marg. على الاجداث مراد قبرلر.

الساحى[1] القاشر و الهآء فى لساحيه[1] تعود على قوله غاد و الحفش الاثر و قيل هو مصدر حفش السيل حفشا اذا جمع المآء من كلّ جانب و قوله كايدى الخيل اى كحفش ايدى الخيل[2] فحذف المضاف و المخالى جمع مخلاة[3] و هى وعآء يجعل فيه الخلى[4] يصف شدّة وقع المطر الذى دعا لقبر بسقياه يقول[5] سقى[6] قبرك غاد مطرا[7] يقشر عنه و يترك على القبر اثرا مثل آثار ايدى الخيل اذا ابصرت المخالى[8] القصيم و هذا فيه افراط[9] ...... قول حميد فسقى[10] ديارك غير مفسدها * صوب الربيع و[11] ديمة تهمى و روى تنمى و قيل هو من قولهم حفش المطر الارض اذا اظهر نباتها كانّه يقول سقى قبرك[12] غاد مطرا[13] ينبت النبات ثم شبّهه بفعل ايدى الخيل فى حالة مخصوصة اشارة الى معنى المبالغة فى انبات ما يدعو الناس الى[14] الاقامة بها و الحلول فيها لانّه كلّما كان اشدّ كان احسن لنباته و قال ابن[15] الاعرابىّ حفشت السمآء اذا جاءت بمطر قليل و هذا ممّا يزيل الطعن

اسائل[16] عنك بعدك كلّ مجد * و ما عهدى بمجد منك[17] خالى[18]

يقول لمّا فقدتك جعلت اسائل عنك كلّ مجد لانّ المجد كان قرينك و ما رايت مجدا خاليا منك و كان هو الاولى بأن يسئل عنه

يمرّ بقبرك العافى فيبكى * و يشغله البكاء عن السؤال

يقول اذا مرّ بقبرك من كان يقصدك بكى اسفا لفقدك فاشتغل ببكائه عن ان يسئلك عمّا كانت عادته فى حيوتك

و ما اهداك[19] للجدوى عليه * لو انك تقدرين على فعال

الهآء فى عليه للعافى يقول ما ارشدك الى الاجدآء عليه والانعام لديه لو قدرت على الفعل و لكنّك لا تقدرين عليه لانّك ميتة

بعيشك هل سلوت فانّ قلبى * وان جانبت ارضك غير سالى

---

1. M съ ج вмѣсто ح. 2. M in marg. повидимому, къ этому мѣсту: يدرى حفر ايدوب قشهمق. 3. M in marg. معنى آت تورباسى. 4. Рук. الخلا. 5. П فيقول. 6. П سقا. 7. مطر Рук. 8. П المخال. 9. За этимъ словомъ, вѣроятно, пропускъ, не отмѣченный въ рукописяхъ. 10. П فسقا. 11. M оп. 12. П л. 284б. 13. П غادا مطر. 14. Рук. оп., но ср. B. 391, 12. 15. П بن. 16. M л. 257б. 17. B عنك 18. M in marg. اى فما ,ايت. 19. M اهديك.

بعيشك قسم على المتوفّاة[1] الا اخبريني[2] هل سلوت عنّى و طابت نفسك بعدى فانّى و ان كنت بعيدا عن ارضك غير صابر عنك * و هذا قد[3] ذكره على لسان سيف الدولة و لو لم يرد[4] هذا المعنى لكان سوء ادب ويحكى عن ابى طيّب انّه انكر هذا البيت و قال انّه زيد فى القصيدة ليفسد به حالى عند سيف الدولة

نزلت على الكراهة فى مكان * بعدت عن[5] النعامى و الشمال

النعامى الجنوب و قيل كلّ ريح و قوله بعدت اى بعدت فيه فحذف للعلم به يقول انّك قد نزلت على كراهة منك و قيل على كره منّا فى[6] مكان منعت فيه عن اللذّات و فقد[7] الحياة و تنسّم الرياح الجنوب و والشمال

تحجّب عنك رائحة الخزامى * وتمنع منك انداء الطلال

والخزامى ....[8] و روى الظلال و الطلال بالظآء و الطآء و معناه انّك فقدت لذّات الدنيا لفقدك الحيوة[9]

بدار كلّ ساكنها غريب * طويل الهجر منبتّ الحبال

و اراد بالحبل اسباب المودّة و الوصال يقول[10] نزلت بدار كلّ ساكنها غريب لانّه لم يكن به احد قطّ و لانّه منفرد لا[11] يزوره احد وكلّ ساكنها طويل الهجر لا يرجع الى يوم الحشر و هو منقطع الاسباب اذ لا وصلة بين الاحيآء و الاموات كما قال ابو نواس[12]

جاورت قوما لا تزوّر[13] بينهم * ولا وصل الّا ان يكون نشور[14]

حصان[15] مثل مآء المزن فيه * كتوم السرّ صادقة المقال

حصان[15] بفتح الحآء[15] اى عفيفة و الهآء فيه ترجع الى المكان فى قوله نزلت على الكراهة فى مكان و قيل ترجع الى المزن يعنى مثل مآء المزن * فى المزن[16] قبل مفارقتها ايّاه يمدحها بالعفّة و الطهارة وكتمان السرّ و صدق القول و شبهها فى طهارة اخلاقها بالمآء

---

1. П المثنّاة. 2. П اخبرتنى. 3. II هنا. 4. П يرى. 5. П على. 6. II оп. 7. П л. 285a. 8. М оставляетъ пробѣлъ, II пишетъ связно. Ожидалось бы что-нибудь вродѣ نبت طيّب الريح (Ср. В 392, стр. 5; ʿУкбарій — II, 25, 15; Лисāн-ал-ʿАраб — XV, 66, 17—18). 9. М л. 258a. 10. М оп. 11. П ولا. 12. Дивāнъ, каирское изд. 1277 г., — 37, 5. 13. Дивāнъ تزاور. 14. Ср. Хамāса (Freytag — I, 467, неизвѣстный поэтъ) مجاور قوم لا تزاور بينهم * ومن زارهم الخ. 15. М съ خ вмѣсто ح. 16. П оп.

ما دام فى السحاب لا يلحقه دنس و لا كدر وقيل فى قوله صادقة المقال لانّها لا تقارب ريبة فتحتاج الى المقالة و العذر

يعلّلها نطاسىّ الشكايا * و واحدها نطاسىّ المعالى

يعلّلها اى يداويها و علّلت المريض اذا اقمت عليه فى علّته النطاسىّ الطبيب الفطن و الشكايا جمع شكية و هى ما يشكوه من مرض و غيره و اراد بواحدها سيف الدولة و الهآء للمتوفّاة يقول ان طبيب الامراض كان يداويها وكذلك واحدها اى ابنها الذى هو طبيب المعالى اى[1] كان اذا وقع الخلل فى المعالى سدّه برايه[2]

اذا وصفوا له دآء بثغر * سقاه اسنّة الاسل الطوال

يقول انّه طبيب المعالى فاذا وصف له دآء بثغر من ثغور المسلمين[3] سقاه الاسنّة و داواه بها حتّى يشفيه بما يشفى الطبيب من الامراض بالعقاقير[4] و الادوية و مثله لابى تمام[5] وقد نكس الثغر فابعث له * صدور القنا لابتغآء[6] الشفآء

و ليست كالاناث ولا اللواتى * تعدّ لها[7] القبور من الحجال

يقول ليست من النسآء التى يكون القبر سترا لهنّ و بعد موتهنّ كرامة لانّها كانت كاملة الخصال شريفة الخلال ليس لها نقص النسآء الذى يحتاج الى الستر بالقبر كانّه من الخير[8] و هو قوله دفن النسآء من المكرمات[9]

ولا من فى جنازتها تجار * يكون وداعها نفض النعال

يقول هى ليست من نسآء العامّة[10] التى تحضرها التجار فاذا دفنوها و ودعوها نفضوا نعالهم و انصرفوا عنها

مشى الامرآء حوليها حفاة * كأن المرو من زفّ الرئال

المرو جمع مروة و هى حجر ابيض و الزفّ الريش تحت جناح الطائر وهو الين ما يكون من الاشيآء والرئال جمع الرأل و هو فرخ النعام و زفّه ليّن يقول مشت الامرآء

---

1. П л. 285б. 2. M прибавл. يعنى ابنها سيف الدولة. 3. M المميّز П المميز sic!, но см. B 392, 28, гдѣ المسلمين. 4. M л. 258б. 5. Диванъ, каирское изд. 1292 г., 205, 2. 6. Диванъ فى ابتغاء. 7. بها. 8. M الخبر. 9. Ср. Freytag, Arabum proverbia — I, 229, № 61, гдѣ дается болѣе точный, повидимому, варіантъ دفن البنات من المكرمات. 10. П العامّ.

و الملوك حول نعشها حفاة فلم يشعروا بخشونة[1] الاحجار على اقدامهم الناعمة حزنا بها حتّى كأنّ الحجارة كانت عندهم فى اللين كزفّ افراخ النعام و قيل انّهم لكثرتهم و شدّة وطائهم على الحجارة و قلّة مبالاتهم بها صارت الاحجار محسوفة ليّنة[2] كريش النعام

و ابــرزت الخــدور مخـبّـآت * يضـعـن الـنـقـس امـكـنـة الغوالى

ابرزت اظهرت الخدور[3] الستور و هى الفاعلة و مخبّات اى مخدّرات و هى المفعولة و النقس المداد والغالية هى المسك و العنبر معجونان يقول ان النسآء المخبّآت فى الخدور برزن من خدورهنّ و وضعن المداد على خدودهنّ و شعورهنّ و مواضع كنّ يضعن فيها الغوالى * و الله اعلم[4]

اتــتــهــن الـمـصــيــبــة غــافــلات * فـدمـع الحـزن فى دمـع الـدلال

روى[5] المصائب يقول انّ[6] هذه المصيبة اتت[7] هولآء المخبآت و هنّ غافلات فى السرور و الدلال بحيث كانت عيونهنّ[8] تدمع من السرور لحياة هذه المتوفاة[9] لوجوه اخر من المسرّات فاتتهنّ المصيبة مفاجأة فخرجت من عيونهنّ دموع الحزن فاختلط دمع الحزن بدمع الدلال و الفرح

و لو كان[10] الـنـسـآء كـمـن فـقـدنـا * لـفـضّـلـت الـنـسـآء عـلى الـرجـال

و معناه ظاهر لانّها كانت افضل من الرجال لما لها من زيادة العقل و الرأى الكامل و الخصال الفاضلة و روى لفضّلت النسآء و ذلك يلائم قوله فقدنا فيكون كلّ واحد اخبارا[11] عن النفس و يحكى عن السيّد[12] المويّد قدّس الله روحه كنت اقرأ[13] هذه القصيدة على المتنبّى * بغير آن فقرات[14] لفضّلت على ما لم يسمّ فاعله فردّ علىَّ و قال امّا انا فلم اقل الّا فضّلت على ان يكون الفعل لى و هذا يوكّد ما ذكرناه[15] من الرواية

و ما التانيث لاسم الشمس عيب * ولا الــتــذكــيــر فخـر لـلـهـلال

1. П بخشون.   2. П كنيّة sic!   3. II л. 286a.   4. П оп.   5. М л. 259a.
6. П اتت.   7. П оп.   8. Рук. عيونهم.   9. П المتوفات.   10. В كنّ.
11. П خيارا.   12. Рук. سيّد.   13. П اقرى.   14. П قرات. Текстъ отъ * вызываетъ затрудненія.   15. М ذكرنا.

يقول لا اعتبار بالتذكير و التانيث و انّما الاعتبار بالفضل و النقص فالهلال مذكّر و الشمس مؤنّث و مع ذلك الشمس افضل من الهلال

و افجع من فقدنا من وجدنا * قبيل الفقد مفقود المثال

يقول اعظم فجايع المفقود ابن فجيعة من وجدنا قبل الموت وحيدا لا نظير له يخلفه عنه [1]

يدفّن بعضنا بعضا و يمشى * اواخرنا على هام الاوالى[2]

الاوالى[2] مقلوب من الاوائل فقدّم اللام و اخّر الهمزة ثمّ ابدلها[3] يآء فصار كالقاضى يقول الحىّ يدفن الميّت و الآخر يمشى على عظام الاوّل

و كم عين مقبّلة النواحى * كحيل بالجنادل و الرمال

الجندل الصخر يقول كم عين كانت مقبّلة النواحى لكرامتها[4] كحلت بالرمل و الحجر تحت التراب بالية[5]

و مغض كان لا يغضى لخطب * و بال كان يفكر فى الهزال

يقول[6] كم اجلّ[7] مغض خاشع الطرف[8] لاجل الموت و قد كان لا يغضى لخطب من خطوب الدهر لعزّته و منعته وكم قد بلى تحت التراب و تمزّقت اوصاله و قد كان يتفكّر فى هزال نفسه و يطلب صلاح جسمه

ا سيف الدولة استنجد بصبر * و كيف بمثل صبرك للجبال

يقول يا سيف الدولة استعن بصبرك الذى هو كالجبال الثوابت على هذه المصيبة العظيمة و من اين للجبل مثل صبرك

و انت تعلّم الناس التعزّى * و خوض الموت فى الحرب السجال

الحرب السجال مرّة لهولآء و مرّة لاولئك ماخوذ من المساجلة و هى المغالبة فى جذب الدلو و السجل الدلو العظيمة يقول لا تحتاج الى ان نعزّيك على مصائبك لانّك تعلّم الناس التصبّر و تعلّمهم خوض المنايا فى * الحرب العظيمة[9]

و حالات الزمان عليك شتّى * و حالك واحد فى كلّ حال

---

1. П л. 286б. 2. M الاوال. 3. M ابدلوها. 4. П لكا منها sic! 5. П بال.
6. M л. 259б. 7. П on. 8. П الطرن. 9. П الحروب.

ذكّر الحال فى قوله و حالك واحد فى كلّ حال لانّه يذكّر و يؤنّث يقول احوال الزمان عليك متفرّقة و مختلفة ولا يزعجك منها شى ولا يغيرك عن حالك من الصبر و الثبات و الحلم و الوقار فى جميع الاحوال و الاوقات[1]

ولا غيضت[2] بحارك يا جهوما[3] * على علل الغرائب و الدخال

فلا نقصت بحارك[4] و الجهوم الكثير و العلل الشربة الثانية و الغرائب جمع غريبة و هى الناقة تدخل فى الابل و ليست منها و الدخال جمع دخل و هو ان يدخل بعير قد شرب بين بعيرين لم يشربا يساعدها على الشرب[5] يقول لا نقص الله من جهام بحارك على كثرة ما يرد عليها من غرائب المصائب و تكرير الحوادث و هذا مثل و المراد لا نقص الله صبرك بكثرة ما يصيبك من حوادث الايّام فشبّه[6] سيف الدولة بالبحر الكثير الماء و حوادث الايّام بابل ترد عليه مرّة بعد اخرى و قيل معناه لا نقص الله[7] جودك على كثرة من يرد عليك ممّن لا يستحقّه كما انّ الغرائب و الدخال لا تستحقّ ورود الحوض اذ الغرائب ليست من ابل هذا[8] الحوض و الدخال قد شربت مرّة و قيل معناه انّك كثير العطا لمن هو مقيم عندك و هو المراد بالدخال لمن يرد عليك من مكان آخر و هو المراد بالغرائب و هذا ابلغ من قول الكميت[9]
اناس اذا وردت بحرهم * صوادى الغرائب لم تقرب[10]

رايتك فى الذين ارى[11] ملوكا * كانّك مستقيم فى محال

يقول اراك[12] بين الملوك كالمعنى المستقيم و الكلام المستقيم و الامر المستقيم الظاهر الى جنب المستحيل الفاسد اى انّك الملك على الحقيقة و غيرك من الملوك اسم بلا جسم

فان تفق الانام و انت منهم * فانّ المسك بعض دم الغزال

يقول انّ المسك للظبى بمنزلة الحيض للنسآء و قيل لا يكون الّا فى اناث الظبآء

1. П л. 287a. 2. П نقصت. 3. В جوما. 4. Эта фраза, очевидно, указываетъ иное чтеніе. Даетъ ее и П, несмотря на то, что въ текстѣ стиха у П уже стоитъ نقصت. 5. П الشراب. 6. М л. 260a. 7. П оп. 8. П اهل. 9. Изд. Horowitz'a — 149, з. 10. Horowitz — تضرب. 11. П اروا. 12. П اراه.

يقول ان فضلت الناس و علوتهم و انت من جملة الناس فليس ذلك بعجب فانّ [1] المسك دم و لكن مخالف للدماء ريحا و طبعا و هذا من اختراعات ابى الطيّب و فوائده فان [2] تفق شرط و انت منهم حال و انّ المسك جواب الشرط

Какъ можно видѣть при чтеніи этого комментарія, онъ не представляетъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго, ничего сколько-нибудь характернаго для генія Абӯ-л-ʻАлā', какимъ его привыкли изображать въ литературѣ. Есть, конечно, отдѣльныя частности, не встрѣчающіяся въ другихъ комментаріяхъ, есть новыя цитаты или варіанты къ редакціямъ Вāхыдія и ʻУкбарія, но общій характеръ комментарія, принадлежащаго поэту-философу, ничѣмъ не отличается отъ произведеній его собратій по этой темѣ — узкихъ филологовъ. То же разъясненіе конструкцій фразы и отдѣльныхъ словъ, то же чисто внѣшнее толкованіе безъ вниманія къ поэтической сторонѣ произведеній, а тѣмъ менѣе ихъ идейному содержанію, чего именно и можно было ожидать отъ Абӯ-л-ʻАлā'. При такомъ характерѣ произведенія и изданіе его полностью едва ли является существенной необходимостью, такъ какъ для пониманія Мутанаббія معجز احمد даетъ не только не больше, но даже, быть можетъ, меньше, чѣмъ изданный Вāхыдій.

IV.

Какой же выводъ приходится дѣлать изъ такой характеристики произведенія Абӯ-л-ʻАлā', не обращавшаго до сихъ поръ на себя вниманія арабистовъ? Если опредѣлить, къ какому періоду жизни поэта-философа относится сочиненіе этого комментарія, выводъ станетъ яснымъ самъ собой. Прямыхъ указаній на это нѣтъ ни въ рукописи, ни въ историко-литературныхъ сочиненіяхъ, но нѣкоторыя побочныя данныя позволяютъ относить произведеніе къ первой половинѣ жизни, если не къ молодости Абӯ-л-ʻАлā'. На это указываетъ и общій характеръ сочиненія, въ которомъ совсѣмъ незамѣтно того Абӯ-л-ʻАлā', какой извѣстенъ по لزوم ما لا يلزم; на это же указываютъ и нѣкоторыя частности. Едва ли Абӯ-л-ʻАлā' сталъ бы называть افراط و غلو нѣкоторыя довольно безобидныя гиперболы Мутанаббія, если бы онъ въ это время уже высказывалъ гораздо болѣе еретическія съ мусуль-

---

1. II л. 287б.

2. وانّ.

манской точки зрѣнія мысли, которыми переполнены его لزوم ما لا يلزم. Очевидно въ эту эпоху онъ еще не совсѣмъ отказался отъ традиціонныхъ воззрѣній и не былъ такимъ разрушителемъ установившихся теорій, какимъ оказался впослѣдствіи. За то, что معجز احمد представляетъ раннее произведеніе Абӯ-л-ʿАлā', говоритъ еще и слѣдующее обстоятельство. Ибн-Фӯрджа изучалъ Мутанаббія у Абӯ-л-ʿАлā' [1]), между тѣмъ еще до 1036 года онъ былъ извѣстенъ своими сочиненіями о Мутанаббіи [2]); мало того, тотъ отзывъ Абӯ-ʿАлā', который Ибн-Фӯрджа приводитъ въ передачѣ Вāхыдія,— въ комментаріи перваго не имѣется и, очевидно, дошедшій до насъ изводъ возникъ раньше того времени, когда Ибн-Фӯрджа учился у Абӯ-л-ʿАлā'. Если это такъ и если معجز احمد дѣйствительно раннее произведеніе Абӯ-л-ʿАлā', какъ можно предполагать послѣ высказанныхъ соображеній, то оно доставляетъ звено, не хватившее до сихъ поръ для полной характеристики поэта-философа. Kremer, находившійся подъ исключительнымъ вліяніемъ لزوم ما لا يلزم, создалъ изъ Абӯ-л-ʿАлā, до нѣкоторой степени, сверхъ-человѣческую личность, и эта характеристика считалась господствующей въ наукѣ, вплоть до обнародованія Margoliouth'омъ переписки Абӯ-л-ʿАлā'. Послѣднее произведеніе показало, что въ старые, по крайней мѣрѣ, годы поэтъ-философъ не представлялъ особо выдающейся личности на ряду со многими арабскими учеными-литераторами [3]). Если لزوم ما لا يلزم и رسالة الغفران были зенитомъ его мысли и творчества, то въ перепискѣ замѣтенъ уже упадокъ этого творчества. Теперь معجز احمد позволяетъ установить, что до своихъ центральныхъ произведеній Абӯ-л-ʿАлā' дошелъ не сразу, а путемъ долгой работы мысли, не свободной отъ стороннихъ вліяній. Такимъ образомъ, съ одной стороны, въ его собственномъ творчествѣ становится довольно яснымъ процессъ эволюціи; разборъ же нѣкоторыхъ мыслей Мутанаббія въ первой половинѣ замѣтки показываетъ, что и самъ Абӯ-л-ʿАлā' былъ не метеоромъ, а только однимъ изъ звеньевъ постепенно развертывавшейся цѣпи представителей арабской поэзіи [4]). Съ другой стороны, это

---

1) Вāхыдій — 277, стр. в.

2) См. выше стр. 23.

3) Ср. бар. В. Розенъ въ ЗВО—XVI, стр. XV.

4) Нѣсколько расширяя первое положеніе, можно было бы сказать, что и въ своей жизни Абӯ-л-ʿАлā' далеко не во всѣ періоды былъ такимъ, какимъ онъ хотѣлъ казаться въ своей перепискѣ и какимъ его привыкли считать европейскіе ученые. Съ постоянными жалобами на бѣдность плохо вяжется показаніе его современника, персидскаго поэта-философа Нāсир-и Хусрау, на которое обратилъ вниманіе еще Kremer, а въ новѣйшее время Nicholson — A literary history of the Arabs, 323. Для ранняго періода его жизни, быть можетъ, того самаго, къ которому относится сочиненіе معجز احمد, очень характерно свидѣтельство старшаго современника Абӯ-л-ʿАлā' Саʿāлибія (ум. 1038 г.). Приводитъ онъ его со словъ одного изъ часто упоминаемыхъ имъ авторовъ ابو الحسن الدلفى المصّيصى

обстоятельство позволяетъ установить вѣрный взглядъ на поэтическую личность Мутанаббія. Можно съ несомнѣнностью заключить, что своей популярностью среди арабовъ, которой удивлялся еще Ибн-Халликāнъ[1]), онъ былъ обязанъ не одной только формѣ своихъ произведеній, какъ думали всѣ почти изслѣдователи вслѣдъ за Hammer'омъ и Kremer'омъ. Здѣсь играли роль не только цвѣтистыя фразы и поражающія гиперболы, а и самое содержаніе его поэзіи, ея общій очерченный выше характеръ съ оттѣнкомъ пессимизма.

Возвращаясь въ заключеніе къ Абӯ-л-'Алā', можно сказать, что теперь вмѣсто грандіознаго и нѣсколько даже демоническаго образа, какой представлялся взору Kremer'а, обрисовывается фигура *человѣка*, правда далеко не дюжиннаго, но все же съ человѣческими дарованіями, что конечно нисколько не умаляетъ ихъ величины. Одиноко стоящій утесъ[2]) исчезаетъ, но не потому, что его вышина неожиданно умаляется, а потому, что онъ оказывается окруженнымъ цѣлымъ рядомъ другихъ, быть можетъ, и болѣе мелкихъ скалъ, но все же не безплодной пустыней, какъ могло казаться раньше. Картина получается не менѣе величественная и, кромѣ того, болѣе понятная съ точки зрѣнія духовной эволюціи единаго человѣческаго рода, въ формахъ какой бы націи онъ ни былъ облеченъ.

И. Крачковскій.

СПБ. Декабрь 1907.

см., напр. يتيمة الدهر—I, 206, 220, 222, 223, 347, 352, 535; II, 8, 136, 286 и мн. др. Ср. Сафадій у Margoliouth'а, The letters of Abu'-l-'Alā, XXX, прим. 3) въ неизданномъ еще сочиненіи تتمّة اليتيمة. Такъ какъ вниманія ученыхъ, насколько мнѣ извѣстно, это указаніе еще не привлекало, то я позволю себѣ привести его цѣликомъ по рук. Учебн. Отд. М. И. Д. № 86 (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales etc.—I, 44), листъ 331a

ابو العلآء المعرّى قد جمعت بين اهل معرّة النعمان الّتى اخرجت هولآء الفضلآء و هى غير مشهورة بخراسان وكان حدّثنى ابو الحسن الدلفى المصيصى الشاعر و هو ممّن لقيت قديما وحديثا فى مدّة ثلثين سنة قال لقيت بمعرّة النعمان عجبا من العجب رايت اعمى شاعرا ظريفا يلعب بالشطرنج و النرد و يدخل فى كلّ فنّ من الجدّ و الهزل يكنى ابا العلآء وسمعته يقول انا احمد الله على العمى كما يحمده غير على البصر و قد صنع لى و احسن بى اذ كفانى روية الثقلآء البغضآء قال و حضرته يوما و هو يملى فى جواب كتاب ورد عليه من بعض الروّسآء * وافى الكتاب فاوجب الشكرا * فضممته و لثمته عشرا * فمحاه دمعى من تحدّره * شوقا اليك فلم يدع سطرا * و فضضته وقرأته فاذا * احلى كتاب فى الورى يقرا * فتحفظتها واستعملتها كثيرا فى مكاتبات الاخوان

1) Изд. Wüstenfeld'а № 49, стр. 64.

2) Если воспользоваться извѣстнымъ, хотя и неудачнымъ выраженіемъ Sachau о Бируніи, ср. ЗВО—III, 152.

ІОАННЪ ПЕТРИЦСКІЙ,

ГРУЗИНСКІЙ НЕОПЛАТОНИКЪ XI—XII ВѢКА [1]).

Іоаннъ Петриц̔и или Петриц̔онели, т. е. Петрицскій въ древнегрузинской литературѣ крупное имя: онъ пользуется славою великаго грузинскаго философа. Но до сихъ поръ неизвѣстно, на чемъ собственно основана эта слава. У непредубѣжденнаго изслѣдователя закрадывается сомнѣніе касательно ея основательности. Можетъ возникнуть вопросъ, не плодъ ли она національной мегаломаніи, которая маленькимъ народамъ, по замѣчанію **Гутшмида**, свойственна еще болѣе, чѣмъ большимъ.

Правда, сохранились литературныя произведенія Іоанна, въ числѣ ихъ и философскія, но къ нимъ близко не подходили изслѣдователи грузинской литературы; быть можетъ потому, что этихъ изслѣдователей черезчуръ немного; быть можетъ вина въ той скукѣ, которую способны нагнать на современнаго читателя писанія петрицскаго философа. Въ нихъ очень мало не только увлекательнаго, но хотя бы легкаго для пониманія; потому-то и тѣ, которые обращали вниманіе на нашего автора, больше интересовались его именемъ, чѣмъ его произведеніями. Къ тому-же они пока доступны лишь въ рукописяхъ. И, дѣйствительно, прозвище «Петриц̔и» или «Петриц̔онели» смущало всѣхъ, и по этому вопросу существуетъ своего рода литература [2]).

Прозвище, несомнѣнно, возникло отъ названія монастыря въ Петрицѣ—Петрицонитиссы, позднѣе Πετριτζιώτισσα. Монастырь именовался такъ, по всей видимости, по первоначальному названію села Бачкова въ Македоніи: Петридц-осъ [3]). Такому объясненію прозвища отнюдь не мѣшало бы то,

1) Докладъ читанъ въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Имп. Русск. Археолог. общества 26 октября 1906 г.

2) Правильное толкованіе дано проф. Цагарели, *Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности*, т. I, вып. III, Спб. 1894, стр. XII; противъ такого толкованія напрасно ополчился Ѳ. Жорданія, ქრონიკები, II, стр. 155, а также 76.

3) Louis Petit, Τυπικὸν *de Grégoire Pacourianos pour le monastère de Pétritzos* (*Bačkovo*) *en Bulgarie* (Визант. времен., XI (1904), приложеніе № 1), стр. XXI.

что въ міру нашъ Іоаннъ дѣйствительно былъ или назывался Патрикомъ[1]). Но тотъ «Іоаннъ, бывшій Патрикомъ», о которомъ говоритъ Ѳ. Жорданія, совсѣмъ иное лицо[2]). Монастырь Петрицонитиссы былъ основанъ или, пожалуй, правильнѣе, возобновленъ и расширенъ въ 1083 г. Григоріемъ Бакуріаномъ, извѣстнымъ византійскимъ государственнымъ дѣятелемъ, происходившимъ изъ Грузіи, собственно изъ огрузинившагося по религіи армянскаго знатнаго рода[3]).

Теперь установлено, что какъ самъ основатель Петрицской обители Григорій Бакуріанъ, такъ часть ея братьи, представляли армянъ-халкедонитовъ, притомъ—той категоріи, которая примкнула къ грузинской церкви. Затѣмъ мы знаемъ, что доступъ грекамъ въ число братьи былъ закрытъ 24-ою статьею устава, принадлежащаго перу самого основателя Григорія Бакуріана, изъ прочихъ же народовъ въ монастырь могли приниматься всѣ православные «монашествующіе, знающіе грузинское письмо и языкъ». Одновременно съ основаніемъ при монастырѣ была учреждена семинарія: 31-ая статья устава озаглавлена (стр. 50,17—18) —

Περὶ τῶν νεογνῶν παιδίων, ἐν οἷς ὀφείλουσι διάγειν καὶ ἀνατρέφεσθαι καὶ τὰ ἱερὰ γράμματα ἐκπαιδεύεσθαι.

О безбородыхъ отрокахъ, какъ они должны проводить жизнь, воспитываться и изучать священное Писаніе.

Изъ этой статьи цитую части, относящіяся къ самой семинаріи (стр. 50,19—25, 50,32—51,9):

Διωρίσθησαν τὰ τοιαῦτα μειράκια παρ' ἡμῶν εἰς τὸ μοναστήριον τοῦ ἁγίου Νικολάου, τὸ πλησίον τοῦ κάστρου ὄν, μένειν τε καὶ διατρέφεσθαι καὶ μαθη-

Опредѣлено нами помѣщать такихъ отроковъ въ монастырь св. Николая, близъ лагеря (или крѣпости), чтобы они тамъ оставались, вскармли-

1) Ѳ. Жорданія, ц. м.

2) Католикосъ Антоній, წყობილსიტყვაობა, ქებანი ანბანთქებისაგან მიღებულის კათოლიკოზ-პატრიარქისა ყოვლის საქართველოისა, изд. Пл. Іоселіани, Тифлисъ, 1853, 725—726. Кстати въ связкѣ нѣсколькихъ грузинскихъ рукописей за № 160, хранящейся въ Азіатскомъ музеѣ, имѣется тетрадь обыкновеннаго формата новѣйшаго военнаго письма, и въ ней на стр. 19—20 помѣщена историко-литературная справка, озаглавленная такъ: აქა მოვიხსენოთ ძუელთა ქართველთა მთარგმნელთა-თჳსცა წმიდათა მამათა და მეცნიერთა რომელთაცა გარდმოიღეს ელლინურიდამ ს~ლ საღ~თო წერილნი და საეკლესიონი წიგნნი *здѣсь упомянемъ о древнихъ грузинскихъ переводчикахъ, святыхъ отцахъ и ученыхъ, которые переложили съ греческаго полностью священное* (букв.: *божественное*) *Писаніе и церковныя книги*. И въ этой справкѣ или памятной запискѣ на 5-мъ мѣстѣ названъ Іоаннъ, бывшій Патрикомъ, философъ, прозванный Петриц-и (იოანე პატრიკ ყოფილი ფილოსოფოსი პეტრიწელ ზედ წოდებული): про него сообщается, что онъ вмѣстѣ съ какимъ-то Стефаномъ жилъ въ 1069-мъ году во время царя Баграта [1027—1072], сына Георгія. Не впалъ ли и авторъ этой записки въ такую же ошибку, какъ и Ѳ. Жорданія?

3) Н. Марръ, *Аркаунъ, монгольское названіе христіанъ въ связи съ вопросомъ объ армянахъ-халкедонитахъ*, Визант. времен., 1905, XII, отд. I, стр. 17 сл.

τεύεσθαι, ἐν ᾧ καὶ γηραιόν τινα τῶν ἱερέων, ἀρετῆς τε καὶ γνώσεως ἔμπλεων, ἐπιστάτην αὐτῶν καὶ διδάσκειν αὐτοὺς τὰ ἱερὰ γράμματα, πρὸς δὲ καὶ ἱερουργεῖν τῷ πανσέπτῳ ναῷ τοῦ ἁγίου Νικολάου· λαμβανέτω δὲ ὁ τοιοῦτος τήν τε ῥόγαν καὶ πᾶσαν τὴν χρείαν αὐτοῦ ἀνελλειπῶς κατὰ τοὺς ἐν τῇ μεγάλῃ μονῇ ἀδελφοὺς τοῦ ἑαυτοῦ τάγματος. . . .

валиcь и учились, при чемъ какой либо старецъ изъ іереевъ, полный добродѣтели и знанія, будетъ наставникомъ ихъ и будетъ учить священному Писанію; кромѣ того, тотъ же старецъ долженъ священнодѣйствовать во всечтимомъ храмѣ св. Николая. Дневное пропитаніе и все потребное для него пусть получаетъ онъ постоянно сообразно съ тѣмъ, какъ получаетъ братъ того же чина въ большомъ монастырѣ. . . .

. . . . μαθητευθήτωσαν δὲ ἐκ τῶν εἰρημένων παίδων παρὰ τῷ δηλωθέντι γηραιῷ ἱερεῖ παῖδες τὸν ἀριθμὸν ἕξ, λαμβάνοντες ἀπὸ τῆς μεγάλης μονῆς τὰς διατροφὰς αὐτῶν καὶ τὰ παν(стр. 51)τοῖα ἐνδύματα κατὰ τὸ ἁρμόδιον, καὶ ἔστωσαν ἐκεῖσε, ἕως οὗ τελείως μάθωσι καὶ φθάσωσιν εἰς τάξιν ἱερατείας· τηνικαῦτα δέ, ὅτε καὶ τὰς γενειάδας αὐτῶν ἀφήσωσιν, οἱ ἁρμόζοντες ἐλθεῖν εἰς βαθμὸν ἱερωσύνης, οὗτοι κατὰ τὸν νόμον ταχθήτωσαν ἐν τῇ μονῇ τοῦ μετὰ τῶν λοιπῶν ἱερέων ἱερουργεῖν, κἂν μὴ ἐλλειπὴς ᾖ ὁ τῶν ἱερέων ὡρισμένος χορός. λαμβανέτωσαν δὲ ἀνελλειπῶς πάντα εἴ τι καὶ ὅσα οἱ πρῶτοι ἱερουργοῦντες λαμβάνουσιν· οἱ δὲ μὴ ὄντες ἄξιοι τῆς ἱερωσύνης παντελῶς ἐξωσθήτωσαν ὡς αἴτιοι τούτου αὐτοὶ ἑαυτοῖς γενόμενοι· πλὴν ὁ ἕξ ἀριθμὸς τῶν μαθητευομένων παίδων ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἁγίου Νικολάου μηδαμῶς ἐλλειπέτω.

. . . . Изъ названныхъ отроковъ у упомянутаго старца іерея пусть учатся шесть мальчиковъ, получая изъ большого монастыря питаніе и всякаго рода одѣянія соотвѣтственно надобности. И пусть они остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не выучатся и не достигнутъ священническаго чина. А затѣмъ, когда отпустятъ они бороды, достойный занять санъ священства пусть назначается по закону въ монастырѣ вмѣстѣ съ другими іереями священнодѣйствовать, хотя бы положенный сонмъ іереевъ былъ полонъ, и да получаетъ непрерывно все, что̀ получаютъ первые за священнодѣйствіе. Недостойные же священства должны быть изгнаны совершенно, виня себя самихъ за это, но число шести учащихся отроковъ при храмѣ св. Николая ни въ какомъ случаѣ не должно быть уменьшено.

Издатель типика, ассомпціонистъ Louis Petit, по этому поводу замѣчаетъ: «мы имѣемъ здѣсь крайне рѣдкій, если не единственный примѣръ функціонированія въ Византіи семинаріи въ новѣйшемъ смыслѣ этого

слова»[1]). Но о. Louis забываетъ отмѣтить, что и въ этой византійской семинаріи для насъ болѣе всего своеобразно обученіе грузинскому языку и преподаваніе если не всѣхъ, то части предметовъ на грузинскомъ языкѣ. Эта любопытная черта не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, такъ какъ семинарія готовила по приведенному параграфу устава іеромонаховъ для главнаго монастыря, куда доступъ былъ открытъ по другому параграфу того же устава лишь лицамъ, «знающимъ грузинское письмо и языкъ».

Монастырю съ этою своеобразною средою и обязанъ грузинскій писатель Іоаннъ прежде всего извѣстнымъ уже намъ прозвищемъ «Петриці» (звали его и Чимчимели[2]). Въ томъ же монастырѣ работалъ Іоаннъ, вѣроятно, и надъ частью своихъ трудовъ, переводовъ съ греческаго. Пока извѣстны слѣдующіе его труды —

1) *Толкованіе Евангелія Марка*, сочиненіе І. Златоуста (рукописи Церковнаго музея грузинскаго экзархата № 102[3]) и Общества распространенія грамотности № 404)[4]).

2) *Толкованіе Евангелія Луки* (рп. Церковнаго музея грузинскаго экзархата №№ 113 и 284[5]) и Общества распространенія грамотности № 3625)[6]).

3) *Лѣствица* Іоанна Синаита, въ стихахъ, часть прозою[7]).

4) *Прологъ*, краткія пѣснопѣнія въ стихахъ въ честь святыхъ за мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь и январь[8]).

5) Книга Іосифа Флавія (въ рукописи Общества распространенія грамотности № 332 сохранился трудъ Іоанна подъ заглавіемъ: იოსიფოს ფლავიოსი არა-თანახმანი ადგილნი საღმრთოს წერილისთანა *Мѣста (изъ) Іосифа Флавія, несогласныя съ священнымъ Писаніемъ*[9]).

6) Τὰ τοπικά Аристотеля,

7) Περὶ ἑρμηνείας Аристотеля[10]).

---

1) ц. с., стр. XV.

2) Чимчимели значитъ *небесный*. Послѣднее прозвище иногда искажаютъ въ Чирчимели, если это не названіе иного писателя, см. *Грузинскія лѣтописи*, списокъ царицы Маріи, изд. Е. Такайшвили, стр. 535, ср. Ѳ. Жорданія, ქრონიკები, I, стр. 301—302.

3) Ѳ. Жорданія, *Описаніе рукописей Церковнаго музея грузинскаго экзархата*, I, стр. 120.

4) Д. Каричашвили, კატალოგი ქართველთა შორის წერა-კითხვის გამავრცელებელის საზოგადოების წიგნთ-საცავისა, Тифлисъ 1905, стр. 22.

5) Ѳ. Жорданія, *Описаніе*, стр. 126, 287.

6) Д. Каричашвили, კატალოგი, стр. 12.

7) Пл. Іоселіани въ წყობილ-სიტყვაობა, 731, примѣч.

8) См. Н. Марръ, *Дѣянія Спевсипа, Еласипа* и *Меласипа*, Зап. Вост. отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XVII (1906), Спб. 1907, стр. 291.

9) Д. Каричашвили, კატალოგი, стр. 30.

10) Переводъ Іоанна Петрицскаго съ греческаго считается утраченнымъ; впослѣдствіи Досиѳей Некресскій перевелъ тотъ же трудъ съ армянскаго, см. Пл. Іоселіани, ц. с., тамъ же.

8) Немесій, *О природѣ человѣка* (рукописи Общества распространенія грамотности №№ 339, 2579 и 1358[1])).

9) Проклъ Діадохъ, *Богословскія начала* (კავშირნი ღ̃ისმეტყუელებითნი[2]).

Католикосъ Антоній дѣлаетъ довольно ясный намекъ и на работы Іоанна по астрономіи въ слѣдующемъ двустишіи[3]):

«Ты — прекрасный астрономъ, безукоризненный,
«Передаешь истины астрологическія».

По одному списку *Грузинскихъ лѣтописей*, «философу Іоанну Чимчимели» должно принадлежать недошедшее до насъ «похвальное слово (შესხმა-მითხრობა) царю Димитрію [1125—1154], доблестному въ нападеніяхъ и побѣдоносному въ бояхъ»[4]).

Такимъ образомъ литературная дѣятельность Іоанна не исчерпывалась одною философіею.

Но насъ въ данный моментъ интересуетъ этотъ родъ его произведеній, и въ настоящей работѣ мы останавливаемся лишь на одномъ изъ нихъ, именно на переводѣ *Богословскихъ началъ* Прокла и на комментаріи къ нимъ. Выборъ нашъ опредѣляется важностью предмета. Проклъ Діадохъ, знаменоносецъ эллинизма въ V-мъ вѣкѣ[5]), съ извѣстнаго момента пользовался широкою популярностью во всемъ средневѣковомъ христіан-

---

1) Е. Такайшвили, Описаніе рукописей «Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія», I, стр. 703—708, 723.

2) Неудачный переводъ грузинскаго названія этого сочиненія русскимъ словомъ «Союзъ» основанъ на недоразумѣніи съ терминомъ კავშირი kavшir-i. Слово это, дѣйствительно, значитъ *составъ*, *чѣмъ паяютъ посуду*, *спайка; союзъ; союзъ* (въ грамматикѣ). Въ этихъ обычныхъ значеніяхъ понято слово и армянскимъ переводчикомъ, который соотвѣтственно перевелъ его армянскимъ շաղկապ, въ наиболѣе древнемъ спискѣ почему-то систематически искажаемомъ въ շղկապ. Между тѣмъ, კავშირი kavшir-i въ качествѣ философскаго термина значитъ, какъ объясняетъ С. Орбеліани, *элементъ*, *стихія*. Такое толкованіе слова дается и въ нашемъ памятникѣ (см. ниже стр. 73). Чубиновъ[1] свелъ въ одно мѣсто значенія обѣихъ категорій. Впрочемъ и С. Орбеліани въ обоихъ случаяхъ усматриваетъ наличіе одного слова, судя по его же толкованію философскаго термина: «kavшir-i, четыре элемента—земля, вода, воздухъ и огонь, такъ какъ ими скрѣпляются всѣ тѣла». Въ значеніи *элемента*, *стихіи* kavшir-i (< * kavшir || * gavsĕr) представляетъ, повидимому, какую-то діалектическую разновидность ново-перс. گوهر, имѣющаго особенно во мн. ч. گوهران значеніе *четырехъ элементовъ*, *стихій*: такая связь фонетически могла бы быть оправдана на почвѣ эквивалентности иранскаго hr (> hĕr) и sr (> sĕr) древне-персидскому ϑr[thr], если бы слово, дѣйствительно, слѣдовало отожествлять съ санскр. gōtrá- *родъ*, *происхожденіе* (P. Horn, *Grundriss der neupersischen Etymologie*, 1893, 948). Но дѣйствительная этимологія, вѣроятно,— иная.

3) წყობილ-სიტყუაობა, 738, 1—2.

4) Списокъ царицы Маріи, ц. изд., стр. 364. Отрывокъ съ этимъ свѣдѣніемъ сильно искаженъ.

5) Род. 412, ум. 485, см. Fabricius въ Marini *Vita Procli* rec. I. Fr. Boissonade, Лейпцигъ 1814, стр. XXIV.

скомъ мірѣ, а на Западѣ вошелъ существенною своею частью въ основаніе мѣстной, т. е. европейской схоластики.

О значеніи того же памятника на Востокѣ, надо думать, можно было бы сказать больше, чѣмъ мнѣ удается сообщить, если подобные вопросы подвергались бы такой же детальной разработкѣ въ интересахъ самостоятельной, не традиціонной концепціи культурной жизни Востока, особенно христіанскаго Востока, какъ это дѣлается на Западѣ въ интересахъ реальной исторіи европейской мысли и жизни. Пока извѣстно лишь, что памятникъ нашъ существовалъ на арабскомъ языкѣ въ сокращенномъ видѣ.

Извѣстнымъ казался со времени La Croze'а полный арабскій переводъ этого сочиненія[1]): со словъ La Croze'а его склоненъ былъ усматривать Creuzer, издатель *Initia philosophiae ac theologiae* ex platonicis fontibus ducta (ч. III, стр. XVI—XVII), и въ «Ketab thoulougia. Livre de la théologie. . . un ouvrage de Proclus, philosophe platonicien, traduit du grec en arabe», упоминаемомъ Herbelot въ *Bibliothèque orientale* (Гаага 1777, стр. 381).

Но эти внѣшнія библіографическія показанія въ пользу существованія арабскаго перевода Στοιχείωσις Прокла были подвергнуты сомнѣнію Bardenhewer'омъ[2]). Bardenhewer впрочемъ допускалъ существованіе арабскаго перевода Στοιχείωσις, но только на томъ основаніи, что оно требуется наличіемъ арабскаго самостоятельно обработаннаго извлеченія (стр. 47 сл.). Арабское извлеченіе изъ Проклова сочиненія Στοιχείωσις или *Богословскія начала* существуетъ подъ заглавіемъ *Разъясненіе чистаго добра* Аристотеля. Любопытно отмѣтить, что въ арабскомъ текстѣ, дошедшемъ до насъ въ рукописи отъ 8-го ноября 1197-го года по Р. Хр., редакторъ съ строгою послѣдовательностью избѣгаетъ выраженій учебника, отзывающихся политеизмомъ, такъ напр. послѣдовательно избѣгаетъ онъ выраженій «боги», «тѣ боги», «какой-либо богъ», «каждый богъ», даже «все божественное»[3]).

Эту сокращенную арабскую обработку Bardenhewer относитъ къ IX-му вѣку, но лишь предположительно, на основаніи общихъ соображеній[4]).

Латинскій его переводъ, непосредственно съ арабскаго, былъ сдѣланъ въ Толедо священникомъ Герардомъ (Gerhard) изъ Кремоны, который умеръ въ 1187 году[5]). Латинскій переводъ Герарда страдаетъ многими недочетами; обиліе арабизмовъ его часто дѣлаетъ непонятнымъ[6]).

1) *Thesaurus epistolicus Lacrozianus*, Лейпцигъ 1746, т. III, стр. 126.

2) *Die pseudo-aristotelische Schrift über das reine Gute bekannt unter dem Namen Liber de causis*, Фрейбургъ 1882, стр. 41—47.

3) Bardenhewer, ц. с., стр. 14.

4) ц. с., стр. 53.

5) Bardenhewer, ц. с., стр. 51.

6) Bardenhewer, ц. с., стр. 148—149.

Тѣмъ не менѣе, этотъ искаженный переводъ сокращеннаго арабскаго изложенія Проклова учебника, извѣстный подъ названіемъ *Liber de causis*, сыгралъ весьма значительную роль въ развитіи схоластики на Западѣ[1]). Онъ получилъ распространеніе уже съ XII-го вѣка и былъ не разъ комментированъ[2]). Ѳома Аквинскій, «представитель высшаго пункта христіанскаго умозрѣнія въ средніе вѣка» въ Европѣ, удѣлялъ *Книгѣ о причинахъ*, также комментированной имъ, большое вниманіе, писалъ часто съ воспоминаніями начитанности въ ней, и если и не подпадалъ вполнѣ ея вліянію, какъ предполагалось раньше, то всегда считался съ нею[3]).

Одно время думали, и къ этому мнѣнію примыкалъ между прочимъ Ренанъ, что запрещеніе Парижскаго собора около 1210 года — nec libri Aristotelis de naturali philosophia nec commenta legantur Parisiis publice vel secreto — касалось именно нашей книги, но спеціальное изслѣдованіе этой стороны дѣла Bardenhewer'омъ[4]) обнаружило недоказанность этого положенія,—по крайней мѣрѣ формальную его недоказанность. И, дѣйствительно, арабская, какъ было указано, цензированная обработка Проклова учебника, казалось бы, гарантировала этой книгѣ свободное обращеніе въ наиболѣе строгихъ кругахъ. Но Bardenhewer отмѣчаетъ, что Ѳома Аквинскій своеобразно пользовался *Книгою о причинахъ*, хотя и хорошо понималъ мысли ея автора. Онъ не только отрицалъ нѣкоторыя его положенія, но признавалъ ихъ еретическими[5]), такъ напр. Ѳома Аквинскій на вопросъ utrum creare conueniat aliis quam deo *подобаетъ ли быть творцомъ кому-либо кромѣ Бога*, отвѣчаетъ утвердительно[6]), ссылаясь на одно изреченіе Платона и *Liber de causis* (§ 3):

creata est anima mediante intelligentia.	душа создана при посредствѣ разума.

Одно толкованіе (solutio) Ѳомы, какъ указалъ Bardenhewer, содержитъ слѣдующія строки:

quidam philosophi posuerunt quod a prima causa inmediate est unum primum causatum, a quo postmodum sunt alia, et sic deinceps; unde po-	нѣкоторые философы предположили, что первою причиною безъ посредника было создано (причинено) единое первое, которымъ впослѣдствіи

1) О значеніи для Европы этой книги, признаннаго на Западѣ «авторитета въ свѣтскихъ и монастырскихъ школахъ XIII-го вѣка» см. Hauréau, *Histoire de la philosophie scolastique*, ч. II, т. I, Парижъ 1880, стр. 46 сл.

2) Bardenhewer, ц. с., стр. 205—302.

3) Bardenhewer, ц. с., стр. 256 сл.

4) ц. с., стр. 213—224.

5) Bardenhewer, ц. с., стр. 260—261.

6) *Comment. in Sententiarum libros Lombardi*, libr. II, dist. 1, quaest. 1, art. 3.

suerunt unam intelligentiam causari mediante alia et animam mediante intelligentia et corporalem naturam mediante spirituali.

(созданы) другія созданія, и такъ далѣе. Отсюда рѣшили, что единый разумъ творится (причиняется) при посредствѣ другого, и душа творится при посредствѣ разума, и тѣлесная природа творится при посредствѣ духовной.

На это св. учитель замѣчаетъ:

quod pro haeresi condemnatur, quia haec opinio honorem qui deo debetur creaturae attribuit, unde propinqua est ad trahendum in idolatriam.

да осуждается это какъ ересь, такъ какъ это мнѣніе приписываетъ созданію честь, которая принадлежитъ Богу, почему оно близко къ тому, чтобы увлечь въ идолопоклонство.

Что же касается того, что Ѳома ссылается въ началѣ на изреченіе Платона и на мѣсто *Книги о причинахъ*, то трудность считаться съ этимъ обстоятельствомъ устраняется слѣдующимъ заявленіемъ автора:

dicendum quod in hoc auctoritates philosophorum non sunt recipiendae, quia in hoc erauerunt[1]).

слѣдуетъ признать, что въ этомъ нельзя принимать авторитетовъ философовъ, такъ какъ они въ заблужденіи.

Къ тому же арабскому извлеченію Проклова учебника восходятъ различные еврейскіе тексты, иногда черезъ латинскій[2]).

Непосредственно съ латинскаго эта арабская обработка была переведена на армянскій языкъ, какъ догадывался еще Bardenhewer[3]) на основаніи указанія заглавія въ *Каталогѣ книгамъ Эчміадзинской библіотеки* Броссе[4]), о чемъ онъ узналъ отъ Феттера, и на основаніи общихъ соображеній. Переводъ этотъ, судя по болѣе подробному армянскому *Каталогу* Кареняица[5]), дѣйствительно, сдѣланъ съ латинскаго въ Польшѣ армянскимъ писателемъ XVI-го вѣка Стефаномъ Польскимъ.

По всей видимости, Стефанъ, живя въ далекой армянской колоніи, не зналъ, что на родинѣ, въ коренной Арменіи, имѣлся древній, притомъ полный переводъ Проклова учебника. Въ 1248-мъ году монахъ Симеонъ перевелъ трудъ Прокла съ грузинскаго языка, въ Арменіи, въ «грузинскомъ» монастырѣ Пг̆ндзаһанк̆ѣ, т. е. въ монастырѣ Мѣдной руды. Теперь, послѣ разъ-

1) Bardenhewer, ц. с., стр. 260—261; здѣсь же другіе примѣры.
2) Bardenhewer, ц. с., стр. 305 сл.
3) ц. с., стр. 204—205.
4) СПб. 1840, стр. 95, № 269.
5) Тифлисъ 1865, стр. 213, № 2039.

ясненій, данныхъ мною объ армянахъ-халкедонитахъ, намъ не трудно понять, что можетъ означать въ устахъ армянина-антихалкедонита терминъ «грузинскій» въ примѣненіи къ этому монастырю. «Грузинскій» здѣсь, несомнѣнно, терминъ конфессіональный, равнозначущій «халкедонитскому». Извѣстно, что монастырь Пі́ндзаһанкъ, армянскій, одно время антихалкедонитскій, армяниномъ княземъ Иванэ Долгорукимъ, присоединившимся къ халкедонитской, т. е. греко-православной церкви, былъ обращенъ въ халкедонитскій, по тогдашней мѣстной терминологіи — грузинскій. Понятно, какъ самъ князь Иванэ съ присоединеніемъ къ халкедонитской церкви не переставалъ быть армяниномъ, такъ монастырь продолжалъ быть армянскимъ; съ переходомъ къ армянамъ-халкедонитамъ для монастыря облегчалось лишь культурное общеніе съ грузинами. На почвѣ этого сближенія и возникаетъ, надо думать, армянскій переводъ *Богословскихъ началъ* Прокла съ грузинскаго. На армянскій языкъ были переведены съ грузинскаго не только главы Проклова учебника, но и толкованія къ нимъ Іоанна Петрицскаго.

Четыре вѣка спустя послѣ этого перевода, именно въ 1651 году, другой Симеонъ, гарнійскій епископъ, составилъ на армянскомъ языкѣ толкованіе (Լուծմունք) къ труду Прокла, и это толкованіе сопровождаетъ всѣ извѣстные многочисленные списки армянскаго перевода названнаго неоплатоника. Изслѣдователи про толкованіе гарнійскаго епископа сообщаютъ лишь то, что языкъ его болѣе понятенъ и ближе къ простой армянской рѣчи.

Но въ исторіи армяно-грузинскаго культурнаго общенія книга сыграла еще позднѣе роль. Есть одно обстоятельство, которое положительно заставляетъ вспомнить извѣстное латинское изреченіе: habent sua fata libelli. Въ *Спискѣ памятниковъ грузинской письменности*, произведеніи анонимномъ, если оно не принадлежитъ Давиду Алексис-дзе, сказано, что этотъ армянскій переводъ съ его комментаріями въ XVIII-мъ вѣкѣ былъ переведенъ на грузинскій языкъ, слѣдовательно, обратно мдиванбегомъ Іоанномъ Орбеліани «съ помощью другихъ»[1]). И, дѣйствительно, сохранились списки этого обратнаго перевода съ армянскаго на грузинскій языкъ. По краткому каталогу Д. Каричашвили только списки этого перевода и должны находиться въ библіотекѣ Общества распространенія грамотности среди грузинъ, подъ №№ 192 и 1592[2]). Въ Церковномъ

1) Памятникъ въ подлинникѣ изданъ проф. А. Цагарели съ датою 26 сентября 1810 г. (*Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности*, т. I, вып. III, стр. 252—270), но по списку, переработанному послѣ 1817 г. Въ немъ занимающее насъ свѣдѣніе находится подъ № 195. Въ нашей собственной рукописи, безъ позднѣйшихъ дополненій, тоже свѣдѣніе приводится подъ № 151, притомъ въ болѣе правильной редакціи: ახალი გეომეტრი ფილოსოფოსის პროკლე დიადოხოსისავე და განმარტება, ნ̃ სომხურისაგან გადმოთარგმნილი მდივანბეგის იოანე ორბელიანისაგან სხვათა შეწევნითა.

2) კატალოგი, стр. 253—254.

музеѣ грузинскаго экзархата имѣются двѣ рукописи съ грузинскимъ текстомъ того-же перевода, №№ 184 и 237. Судя по выпискамъ въ *Описаніи* Ѳ. Жорданіи изъ № 184[1]) и особенно пространно изъ № 237[2]), этотъ обратный переводъ былъ сдѣланъ съ позднѣйшей армянской версіи съ толкованіями гарнійскаго епископа Симеона: въ грузинскомъ текстѣ удержано и предисловіе гарнійскаго епископа, автора позднѣйшихъ толкованій[3]).

Обратный переводъ съ толкованіями гарнійскаго епископа Симеона былъ сдѣланъ 11-го января 1757 года армянскимъ священникомъ Филиппомъ, а не Іоанномъ Орбеліани, но, по всей видимости, по его инціативѣ. Іоаннъ Орбеліани сильно интересовался вообще философіею Прокла и въ связи съ нею армянскими ея комментаріями. Къ армянской помощи обращался І. Орбеліани и для пониманія древняго грузинскаго текста съ толкованіями Іоанна. Въ записи, отъ 9-го марта 1757 года, въ концѣ рукописи Азіатскаго музея (Georg. № 174,a) писецъ, священникъ Тифлисской церкви Сіона, пѣвецъ, Исакъ Канделеве̃тис-дзе (კ̃ნდლვ̃თისა ძე), сообщаетъ, что онъ переписалъ книгу по заказу бывшаго судьи и мдиванбега Іоанна VII-го Орбеліани и затѣмъ прибавляетъ:

«Причиною появленія этой книги послужило и то, что въ то время въ нашемъ городѣ Тифлисѣ находился нѣкій *епископъ, вардапетъ* Аветизъ, глубокій знатокъ философіи и богословія, и вышеупомянутый Іоаннъ Орбеліани у него изучилъ эти *Богословскія начала*».

Въ обращеніи Іоанна Орбеліани за помощью къ армянскому ученому мы не имѣемъ исключительнаго явленія. Это—одинъ изъ случаевъ тѣснаго общенія грузинской мысли съ армянскою въ XVIII-мъ вѣкѣ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ появляется цѣлый рядъ грузинскихъ переводовъ или передѣлокъ съ армянскаго. При царѣ Иракліи, когда Грузія начала было мечтать о лучшихъ дняхъ, въ грузинскомъ обществѣ замѣчается нѣкоторое умственное возрожденіе. Обращеніе же грузинъ къ армянамъ объясняется тѣмъ, что къ этому времени у армянъ оказались нѣкоторыя преимущества, культурныя пріобрѣтенія, накопленныя тѣснымъ общеніемъ съ Европою. Какъ бы въ

---

1) *Описаніе рукописей и старопечатныхъ книгъ Церковнаго музея духовенства грузинской эпархіи*, I, стр. 192.

2) ц. с., I, стр. 253—256.

3) Передъ предисловіемъ заглавіе: «Симеономъ, гарнійскимъ епископомъ, истолкованная книга Прокла», а затѣмъ читаемъ: «первыми нашими (армянскими) переводчиками, именно Моисеемъ, Давидомъ и ихъ сотоварищами, обученными аѳинской наукѣ, не была переведена книга Прокла» и т. д., совершенно такъ же, какъ въ армянскомъ подлинникѣ (см. Дашянъ, ц. с., стр. 36—37). Перешло въ грузинскій текстъ этого армянскаго предисловія странное имя «Іамелихосъ», resp. «Ӣамелихосъ» въ формѣ «hАмелихосъ», предполагаемаго автора древнихъ толкованій по армянскому переводу (см. ниже, стр. 84). Въ новоармянскомъ полугласное «й» въ началѣ произносится какъ «h».

оправданіе поговорки «нѣтъ худа безъ добра», насильственно выселенные шахомъ Абасомъ изъ родины въ Персію, въ Джульфу близъ Испагани, армяне-изгнанники и создали тѣ условія, которыя облегчили еще въ XVII-мъ вѣкѣ усиленное общеніе армянской мысли съ европейскою. Общеніе это вызывалось и потребностями все болѣе и болѣе разжигавшейся полемики съ нахлынувшими на Востокъ европейскими миссіонерами. На почвѣ этого одностороння́го, но довольно интенсивнаго общенія съ Европою у армянъ еще въ XVII-мъ вѣкѣ началось умственное возрожденіе съ новымъ западнымъ вѣяніемъ. Тогда-то и снабдили армяне *Богословскія начала* Прокла самостоятельнымъ толкованіемъ и распространили какъ учебникъ въ многочисленныхъ спискахъ. Въ одной Эчміадзинской библіотекѣ сохранилось ихъ не менѣе 23-хъ. Создался кадръ лицъ, вышколенныхъ въ удивительно отвлеченной, трудно-усваиваемой неоплатонической діалектикѣ Прокла, и при такомъ положеніи вполнѣ естественно, если въ XVIII-мъ вѣкѣ грузинъ Іоаннъ Орбеліани для преодолѣнія трудностей философіи Прокла обратился къ армянскому ученому. Въ XVIII-мъ вѣкѣ у грузинъ были забыты традиціи, созданныя роднымъ философомъ XI вѣка; не было забыто развѣ то, что сами армяне лишь продолжали традиціи грузинскаго философа, пользуясь древнимъ армянскимъ переводомъ установленнаго имъ текста.

Относительно этого древняго перевода о. Дашянъ въ спеціальномъ изслѣдованіи дѣлаетъ догадки, которыя онъ силится обосновать соображеніями и доводами, вопреки фактическому положенію вещей, ему впрочемъ неизвѣстному [1]). Такъ, допуская вполнѣ, что настоящій армянскій переводъ сдѣланъ съ грузинскаго, о. Дашянъ предполагаетъ, что до этого перевода у армянъ существовалъ другой, сдѣланный прямо съ греческаго, и грузинскій оригиналъ позднѣйшаго армянскаго перевода въ свою очередь былъ сдѣланъ съ того древняго армянскаго текста [2]); о. Дашянъ въ доказательство своей мысли главнымъ образомъ опирается на то, что въ позднѣйшемъ армянскомъ переводѣ чувствуется замѣтное вліяніе греческаго языка [3]); о. Дашянъ не догадывается, что грецизмы тѣ могли проникнуть въ армянскій текстъ и черезъ грузинскій переводъ, какъ въ дѣйствительности и обстоитъ дѣло. Конечно, существованіе другого болѣе древняго армянскаго перевода не можетъ подлежать сомнѣнію только потому, что позднѣйшій переводчикъ монахъ Симеонъ увѣряетъ, будто до него не существовало занимающаго

1) *Պրոկղի Դիադոխոսի Շաղկապք աստուածաբանականք* въ *Մատենագրական մանր ուսումնասիրութիւնք*, Вѣна 1895, ч. I, Բ, стр. 23—48.

2) ц. с., стр. 38: «*Նոյն իսկ վրացերէնը նոյն նախնական հայ թարգմանութենէն է*».

3) ц. с., стр. 38: «*Անշուշտ հնագոյն հայ թարգմանութեամբ պէտք է մեկնել սոյն գրոց հայ լեզուին մէջ տեսնուած զարմանալի երեւոյթը։ Մէկ կողմանէ յայտնապէս կը տեսնուի յոյն լեզուի ազդեցութիւնն թարգմանութեան մէջ եւն.*

насъ труда Прокла на армянскомъ языкѣ: переводчикъ могъ просто не знать объ его существованіи [1]). Переводилъ же Стефанъ Польскій тотъ же памятникъ, собственно искаженную и сокращенную его латинскую версію, въ невѣдѣніи, что существуетъ полный армянскій переводъ памятника.

Не надо забывать, что переводъ съ грузинскаго сдѣланъ въ армянскомъ халкедонитскомъ монастырѣ, весьма вѣроятно, армяниномъ-халкедонитомъ, и перевелъ онъ не только текстъ Прокла, но и толкованія къ нему, принадлежащія перу халкедонита. Потому-то, съ одной стороны, въ 1651-мъ году гарнійскій епископъ Симеонъ могъ составить новый комментарій къ *Богословскимъ началамъ* Прокла, вытѣснившій древнее толкованіе, переводъ съ грузинскаго; потому-то, съ другой стороны, Симеонъ, переводчикъ Проклова учебника съ грузинскаго, могъ игнорировать древній армянскій переводъ непосредственно съ греческаго, если онъ даже былъ ему извѣстенъ.

Что такой непосредственный съ греческаго переводъ Проклова учебника могъ и даже долженъ былъ существовать на армянскомъ, на то имѣются иныя, неуказанныя о. Дашяномъ историко-литературныя соображенія.

Въ Арменіи значительно раньше, приблизительно въ VII—VIII вѣкахъ [2]), образованное общество было увлечено философіею. Съ возникновеніемъ интереса къ философіи здѣсь наблюдается тѣсное книжное общеніе съ греко-византійскимъ міромъ, даже близкое участіе армянъ въ философской литературѣ самой Византіи, на столько близкое, что есть лица, какъ напр. армянинъ Давидъ Непобѣдимый, про которыхъ еще недавно было неустановлено, были ли они армянскіе или греческіе писатели [3]). Увлеченіе философіею въ связи съ эллинофильствомъ разбило тогдашнее армянское общество на два враждебныхъ лагеря, прогрессивный и охранительный. Схоластическо-философская школа выработала у армянъ философскую терминологію путемъ такъ называемаго «матеріальнаго» перевода греческихъ образцовъ, создала классъ педантическихъ переводчиковъ и вообще сильно повліяла на развитіе, пожалуй, одностороннеискусственное развитіе литературнаго языка. Философія же, расширивъ умственный горизонтъ армянъ, разбила исключительность ихъ религіознаго

---

1) Такое предположеніе и дѣлаетъ гарнійскій епископъ Симеонъ, см. Дашянъ, ц. с., стр. 36.

2) По преданію, еще въ V-мъ вѣкѣ, но съ этимъ армянскимъ традиціоннымъ недоразумѣніемъ приходится окончательно разстаться.

3) Про Давида [Непобѣдимаго?] лишь послѣдніе дни стало ясно, что онъ и писатель-то былъ греческій. Литературу о немъ см. Ad. Busse, *Davidis Prolegomena et in Porphyrii Isagogen commentarium* (Commentaria in Aristotelem graeca, т. XVIII, ч. II, Берлинъ 1904), стр. VI, прим. 1.

мышленія. Зародился интересъ не только къ античному міру, но и къ своимъ древностямъ, къ своимъ народнымъ сказаніямъ, къ тому времени въ сильной степени иранизованнымъ. Открывавшіеся горизонты на дальнѣйшее образованіе дѣйствительно національной культуры вскорѣ исчезли, такъ какъ рядъ арабскихъ нашествій смелъ съ лица Арменіи почти всѣ результаты сдѣланной культурной работы. Изъ остатковъ армянскихъ литературныхъ памятниковъ того времени видимъ, что рядомъ со многими античными произведеніями переведены были почти всѣ главные позднѣйшіе философы, въ томъ числѣ, конечно, на первомъ планѣ неоплатоники, и трудно мириться съ мыслью, что армяне упустили случай перевести съ греческаго тогда же Прокла.

Если армянскій переводчикъ *Шестоднева* Георгія Писиды, византійскаго поэта VII-го вѣка, удерживаетъ намеки на Прокла[1]), можно думать, что ко времени появленія армянской версіи поэмы армянское образованное общество было знакомо съ писаніями нашего неоплатоника, армянскій же текстъ поэмы Георгія Писиды во всякомъ случаѣ древнѣе XIII-го вѣка, времени перевода *Богословскихъ началъ* съ грузинскаго.

Былъ моментъ, когда казалось, что древній армянскій переводъ непосредственно съ греческаго — на лицо: арменистъ Конибиръ въ письмѣ къ о. Зарбаналяну[2]) сообщалъ, что въ Эчміадзинской библіотекѣ имъ открытъ древній переводъ того же труда Прокла, съ котораго будто былъ сдѣланъ и грузинскій переводъ. Впослѣдствіи выписки изъ «древняго армянскаго перевода» Конибиръ сообщилъ о. Дашяну, напечатавшему ихъ въ своей второй статьѣ объ армянскомъ переводѣ Прокла[3]). Тутъ и обнаружилось, что армянскій текстъ, открытый Конибиромъ, не есть вовсе древній переводъ въ томъ смыслѣ, какъ того ожидали; но онъ для нашего вопроса представляетъ особый интересъ. Въ немъ мы имѣемъ если не самый лучшій, то самый древній списокъ армянскаго перевода съ грузинскаго текста Прокла съ толкованіемъ: рукопись списана въ Гегардѣ приблизительно четверть вѣка спустя послѣ перевода Прокла монахомъ Симеономъ на армянскій языкъ[4]).

1) *Հայկ. Թարգմանութիւնք նախնեաց*, Вен. 1889, стр. 655:

«Слушай Проклъ, и не разглагольствуй!
Ибо при созерцаніи твоихъ причинъ
Пусть замолкнутъ Проклы и заговорятъ живущіе въ селахъ».

2) *Հայկական Թարգմանութիւնք նախնեաց*, стр. 669.

3) *Պրոկղի Հնագոյն օրինակը* въ его же *Մատենագրական մանր ուսումնասիրութիւնք*, ч. I, Ե, стр. 147—161.

4) По о. Дашяну, ц. с., стр. 148, рп. написана не болѣе 24 лѣтъ послѣ перевода нашего памятника въ 1248 г. Однако въ эктеніяхъ литургіи, входящей въ составъ рукописи, встрѣчается (л. 79 ա²) моленіе одновременно о двухъ царяхъ, армянскомъ Леонѣ (III,

Въ армянскомъ переводѣ строки три излишка въ самомъ началѣ противъ доступныхъ мнѣ списковъ съ грузинскимъ текстомъ. Эти строки — заглавіе. Оно гласитъ [1]):

⌜Ամե⌝լախոսի իմաստասիրի և հռետորի աթենացո եպիսկոպոսի Լուծմունք Պրոկլի Դիադոխոսի անուանեցելո ա̃ծաբանութեանց։
Ա̃դնեսց̃ի։

Амелахоса, философа и ритора, аѳинскаго епископа, Толкованія такъ называемыхъ Богословій Прокла Діадоха.

Помоги!

1 Յոմիլախոսի C. — 5 Ագ̃նոցմ̃ < C.

Затѣмъ армянскій текстъ идетъ въ тактъ съ грузинскимъ [2]):

1270—1289) и грузинскомъ Димитріи [II, 1273—1289]. Точной даты этого списка № 944, извѣстнаго подъ названіемъ рукописи Мхитара Айриванкскаго, не знаю и я. Дата, однако, какъ мнѣ извѣстно изъ бѣглаго сообщенія во время бесѣды съ библіотекаремъ, найдена имъ, архимандритомъ о. Месропомъ, которому кстати приношу глубокую благодарность за предоставленіе мнѣ возможности работать въ рукописной сокровищницѣ Эчміадзинскаго монастыря при наилучшихъ условіяхъ.

1) Извлеченія изъ армянскаго текста сочиненія Прокла мною печатаются по эчм. рукописи № 944 (A) съ удержаніемъ ея вульгаризмовъ и вообще орѳографическихъ особенностей кромѣ одной. Дѣло въ томъ, что писецъ интересующей насъ сейчасъ части букву է умѣетъ воспроизводить въ ясной ея формѣ, но обыкновенно этого избѣгаетъ, и է и ե у него получаются тождественными. Едва-ли здѣсь имѣемъ дѣло съ орѳографіею, допускающею ե вм. է въ такихъ случаяхъ, какъ թե, եթե, եակ, խաւսեին, իշխանե и т. п. Какъ бы то ни было, этой особенности я не удерживаю. Для изданія использованы также рукописи Эчм. библіотеки № 1864 (Кареняицъ № 1822=у меня C), списокъ перевода съ грузинскаго *Богословскихъ началъ* Прокла *съ толкованіями*, № 1859 (Карен. 1817), списокъ версіи гарнійскаго епископа Симеона, № 884 (Карен. № 867), списокъ опять таки этой позднѣйшей версіи. Но въ настоящей работѣ изъ нихъ брались разночтенія лишь сколько-нибудь реальныя, но отнюдь не формальныя. Посему не указывалъ я даже того, что вм. страннаго чтенія рп. A շղակապք въ этихъ спискахъ стоитъ շաղկապք.

2) Издавая извлеченія изъ грузинскаго текста по рп. A, Georg. № 174,a Азіатскаго музея, я не задавался цѣлью возстанавливать орѳографію самого Іоанна Петрицскаго и потому слѣдовалъ нормамъ позднѣйшаго правописанія переписчика XVIII-го вѣка. Не слѣдовалъ я за нимъ лишь въ злоупотребленіи буквою ⴢ, которою временами онъ пользуется вм. буквы ჳ, и устранилъ орѳографію [illegible], вульгаризмы [illegible], [illegible] и чудовищное [illegible]. Надстрочные знаки, требующіе особаго обслѣдованія, мною опущены. Титло въ этой рукописи имѣетъ форму `, напр. [illegible]. Кое-гдѣ ошибки и недочеты исправлены и пополнены въ самой же рукописи чьею-то рукою по хорошему списку: эти поправки приняты мною въ текстъ безъ оговорки. Всѣ извлеченія были сличены и провѣрены еще по тремъ рукописямъ Императорской Публичной библіотеки, все изъ Собр. кн. Грузинскаго, именно — 1) № 111, у меня B: рукопись эту церковнымъ письмомъ написалъ по порученію архіерея Тимоѳея въ 1751 г. ([illegible]) нѣкій Исакъ ([illegible]), 2) № 360, у меня C: рукопись церковнымъ письмомъ представляетъ дефектный списокъ; нѣтъ ни Введенія, ни Послѣсловія; наличное начало — 1-я глава; наличный конецъ обрывается на схоліи къ 70-й главѣ, 3) № 225, у меня D: рукопись эту четкимъ твердымъ военнымъ письмомъ въ 1754 г. написалъ Исакъ Младшій ([illegible]); запись объ этомъ церковнымъ письмомъ — на л. 192b; церковнымъ письмомъ попадаются и отдѣльныя фразы въ самомъ текстѣ; церковныя буквы использованы въ качествѣ заглавныхъ; рукопись принадлежала «духовнику Захаріи» (л. 178a: [illegible]); отъ него и извѣстная (см. Н. Марръ, *Изъ книги царевича Баграта о грузинскихъ переводахъ* и т. д., стр. 233—235)

A, л. 3a. გუარსა თანა გუ̃ც ცნობად დიდთა
B, л. 2a. სა̃ღის-მეტყველოთა შ̃ს ხედვისასა და
D, л. 3a. აღებად ჭაზრსა წინაჲთვე წინამდებარისა წიგნისასა:. ხოლო ჭაზრი ამის წიგნისა ამათ-შინა შემოიცვის. პირველად რ̃ა ერთი წარმოაჩინოს, თუ არს ერთი, და იძულებათა-მიერ თან შესიტყუათაჲსა აღმოაჩინოს ესე მრავალ საქადაგო ერთი. რ̃ა არა იქმნეს და შეიმთხჳოს. რ̃ამცა არა-ერთსა ერთად ჭაზრობდესცა და იტყოდეს: რამეთუ მრავალნი მყოფთანი მიქადებენ ჩუენ ერთ ყოფასა. ხოლო არა არიან იგინი ერთ:. ვინაჲ ეძიებს კანონთა-მიერ სიტყჳერებრთა და ჰპოებს სიწმიდესა უზადოსა ერთისასა:. ესრეთ უკუჱ მოღებითა სახეთა⌈ჲ⌉თა უმეტეს განცხადნეს სიტყუაჲ:. რამეთუ რაჲცა სთქუა და მისცე განსაგონოსა, ვითარცა ცაჲ. სული. გონებაჲ და გინაჲ თჳთ იგი ნამდვილ მყოფი. რომელსა ვიტყჳ პირველად არ-

1—2 დიდთასა ღ̃ს-მეტყ̃ლთა შ̃ს BD.—11 იტყოდესცა D. — 19 ცაჲ. სული] ერთი BD.

Զամենայն ազգ և զէղանակ պարտապան եմք ճանաչել. զորս ի մեծ ածաբանութե̄ս տեսութիք. և առնուլ կարծիս նախ զյառաջադրել գրոցս: իսկ իմաստք այսմ գրոցս յայսոսիկ պարունակին. նախ զի մի երևեցուցանէ եթէ մի է և բռնաբարական բանիւք ընախաւսելով վերայայտնեսցէ զայս յոգնահռչակելի մի. իբր զի մի գուցէ լինիցի կամ դիպեսցի. զի զոչ մին մի կարծեսցէ և ասասցէ: Քանզի բզ̄մք յէակացն պատմեն մեզ զմի գոլ. այլ ոչ են նոքա մի. սակս որո խնդրէ ի ձեռն տառից բանաւորականաց և գտանէ զյստակութի անարատ միոյն: Եւ այսպէս ի ձեռն տարացոյց աւրինակաց առաւել յայտնի լինիցի բան: Քանզի զինչ և ասասցես և տացես իմացութե̄. իբրև զերկին. զանձն. զմիտս և կամ թէ զնոյն ինքն զստոյգ էակն. զորս առեմ

1 ազգ] կարգ C. — 3 ա̃ծաբանութիւնս C. — և < C. — 4 նախ + -քան C. — 18 լիցի C.

,,Намъ надлежитъ познать сущность теоріи въ великой богословской области и воспринять заранѣе идею предлежащей книги. Идея же этой книги состоитъ въ томъ, во-первыхъ, чтобы выяснить, что единое есть единое, и путемъ силлогическихъ хрій доказать, что это единое подлежитъ оглашенію множествомъ, дабы какъ нибудь не произошло, что не-единаго считали единымъ и утверждали это. Многіе сущіе притязаютъ передъ нами, что они едины, но они не едины, почему (авторъ) ищетъ безупречную чистоту единаго на основаніи законовъ логики и обрѣтаетъ ее. Рѣчь наша станетъ яснѣе, если приведемъ примѣры: что̀ бы ты ни назвалъ и ни предложилъ воспріятію, небо ли, душу или умъ или хотя бы самого истинно-сущаго, котораго называю первосущностью и первосоставомъ,

запись о переводчикахъ на л. 193b [по прежней пагинаціи 190b], однако почеркомъ этой рукописи. Еще одинъ (E) списокъ (Собр. кн. Грузинскаго № 228) военнымъ письмомъ слишкомъ новъ, примыкаетъ къ чтеніямъ списка B, съ котораго, быть можетъ, онъ и списанъ, и мною въ этотъ разъ игнорируется: написалъ эту рукопись въ С.-Петербургѣ въ 1862 г. С[имонъ] Табидзе.

სებად და პირველად შედგმულად. არა რომელი ამათი არს ერთი.

Նախկի գոյացութ̅ի և առաջին յանկուած. ոչ ոք ի սոցանէ է մի։

[Միակ ասէ գոլ կարծեցին զերկին և զանձն և զմիտս և զստոյգ էակն. և աստ ստոյգ էակ զհրշտակսն ասէ. այլ ոչ են մի. վասն զի մասնաւորքն և մասնակցել և էակք են և ոչ միակք։ Այլ միակ ճշմարիտ զսոցա ամենեցուն արարիչն և զնախկին ած ասէ. յորմէ սոքա միեղէնք և մասնաւորք. և իբրև զմիակս ստեղծան արարելքն ի նմանէ. զայս այսպէս ասէ։.]

რამეთუ იგი და ბუნებაჲ მისი და ნაწილნი. რომელთაგან არს შედგმულ: და არაჲ არს იგი უზადო და წმიდა ერთ: ვითარცა ეტყოდა პარმენიდ სოკრატს. და ამათ აგებულთა
A, л. 31b. და შე||დგმულთა ტევრა და საცთომად იტყოდა. ხოლო ფილოსოფოსსა ძაღლად ლაკონიკელად. რამეთუ არიან მრავალნი. რომელნი იჩემებენ ერთობასა და ⌈პატივსა ერთო⌉ბისასა მიოცნებენ ჩ͠ნ სიწლოსა ამა სიკმოჲთა შენადგთაჲთა და უსხეულობითა გუარი-

Քանզի ինքն և բնութ̅ի իւր և մասունքն յորոց է յանդել. և ոչ է նա անարատ և մաքուր մի։

Որպէս ասէր Պարմենիդի Սոկրատա։ Եւ սոցա եղելոց և յանդեցելոց մարաք և խարբալմունս կոչէր. իսկ զիմաստասէրն շուն լակոնիկեցի. զհետ մտել. վասն զի են բազումք որ ժխտեն զմիութ̅ի և զպատիւ միութ̅ե կեղծաբար ազգեն մեզ ի ձեռն նուրբ և անթիւ || յաւդւա- C, стр. 2.
ծոց և անմարմնութ̅ե ազգին։ Այլ

13 ტევრად BD. — 15 რამეთუ არიან] და მასთან A. — 16 იჩემებენ] იწამებენ A. — 18–19 სიწლოთა და სიკმოთა შენაგთაჲ B, სიწლოთა და სიკმოჲთა შენადგთაჲთა D. — 19 უსხეულობისა A, უსხეულოობითა D.

8—9 *մանունքն* C.

ни одинъ изъ этихъ предметовъ не—единъ [1]), такъ какъ на лицо онъ, природа и части, изъ которыхъ онъ состоитъ: онъ не безупречно простой единый, какъ говорилъ Парменидъ Сократу. И такія сложныя и составныя единыя онъ назвалъ дремучимъ лѣсомъ и соблазномъ, а философа лаконскимъ псомъ, такъ какъ есть много [2]) (тѣхъ), которые притязаютъ на единство [3]) и честь единства фантастически присваиваютъ нашей мелкотѣ за плотность составныхъ частей и безтѣлесность рода, когда наша мелкота ясно связана съ природою и составностью [4]). Но само несмѣшанное и непритязательное единое не свя-

1) Въ армянскомъ переводѣ непосредственно слѣдуетъ часть, помѣщенная мною въ прямыя скобки. Это — очевидная вставка. Она гласитъ: «единымъ, говоритъ, признали было небо, душу и умъ и истинно-сущаго, и здѣсь «истинно-сущимъ» называетъ ангеловъ, но они не единые, такъ какъ они частны, составлены изъ частей и сущіе, однако не единые. А истинно-единымъ онъ считаетъ Творца всѣхъ ихъ и перво-Бога, отъ Кого они стали единосущими, частичными и какъ бы едиными, будучи созданы Имъ. Это онъ говоритъ такъ».

2) такъ какъ есть много] «и съ нимъ» или «и за нимъ» A, арм.: «послѣдовалъ за (нимъ), такъ какъ есть много».

3) притязаютъ на единство] арм.: «отвергаютъ единство».

4) ნაწილთ-მიერობაჲ *составность* отъ ნაწილთ-მიერი *составной*, синонимъ შედგმული, напр. კავშირი, гл. 47, толк., рп. Азіатскаго музея, л. 142а, 19—20: ხოლო თუ ვინ დადვას ნაწილთ-მიერად და შედგმულად, თჳთმდგომი უნაწილო არს და მარტივ. ხოლო თუ ვინ დადვას ნაწილთ-მიერად და შედგმულად თჳთმდგომი, შეემთხუვის მრავალი უჯეროება⌈ჲ⌉.

საჲთა. არამედ ბუნებასა და ნაწილთამიერობასა არიან თანაშეკრულ: ხოლო თჳთ უზადო და უჩემებელი ერთი არცა ბუნებასა თანაშეკრულ და არცა არსებასა და შედგმულებასა, არამედ დაუზევდების ესე ამათ ყოველთა:·

բնութք և մասնաւորութք են կապակցեալք. իսկ անարատն և անխարբալակն մի ոչ ըստ բնութե կապակցեալ և ոչ ըստ էութեան և յանկման. այլ գերազանց է քան զսոսա ամենեսին։

Գաղափար զայս եդ, զայս ա̃ն նուագարանաց և զա̃ծ երգիչ։ Եւ որպէս երգիչ մի է և երգարան խուռնք մասնկաւք նմա միակ ել՝ մի և ոչ մի գոլով. նոյնպէս և այս։

ხოლო აღმოაჩენს ერთსა სახედ მოღებითა სიმრავლისა და ამის რიცხუთა დასაბამისა ერთისა⌈ჲ⌉თა და კანონთა-ებრ ორღანოჲსთა აღმომიარსებს ჩ̃ნ, ვითარმედ პირველად ერთი არს ყოველთა რიცხუთასა. [||||||||] და ვითარცა ესე აღმოაჩინოს და დამსჭვალოს უძრავად
D, л. 3b. და შეურ|ყეველად ყოვლისა ცთომილისა მბრძოლისაგან. მერმე აღიღებს ამას აღმოჩენილსა [|||||||] და უმხილებელსა პირსა და სხუასა შემდგომსა აღმოაჩენს. და შემდგომითი შემდგომად ყოველთა-
A, л. 4a. ზედა ამას ჰყოფს. რამეთუ || პირველ

Այլ գերայայտնէ՝ մի աւրինակ բերելով բազմաց և զայս թւոց սկսբմամբ միոյն և ըստ կանոնի իբր գնւագարան վերագոայուցանէ զմեզ. եթէ նախկի միակն է ա̃ թւոց։

Եւ յորժամ զայս յայտնեսցէ և բևեռեսցէ անշարժելի և անքակտելի յա̃ մոլորական կռւո. յայն ժամ առնու զայնոսիկ վերադրել և անյանդիմանելի զկարգ բանին և այլ ինչ հետևել նմա երևեցուցանէ. և ապա ըստ կարգի ի վերա ա̃ հետևեցելոցն առնէ զայս. քանզի զնախկի վերա-

1—2 ნაწილთ + ნათლად მიერობასა A. — 12—13 კანუნთაებრ D. — 13 ორღანოსაჲთა BD. — 15 რიცხუთა BD (~ რიცხუთა პირველად D).

зано ни съ природою, ни съ бытьемъ, ни съ составностью: оно выше всего этого. [Образъ онъ привелъ такой: всѣ эти (существа) — образъ музыкальныхъ инструментовъ и Богъ музыкантъ. И какъ музыкантъ одинъ, а музыкальный инструментъ въ составѣ своихъ частей единъ, будучи единымъ и неединымъ, такъ и это. Это въ высшей степени ясно[1])]. Онъ выясняетъ единое, приводя въ примѣръ множество и это единое, начало чиселъ, и на основаніи законовъ *Органона* устанавливаетъ передъ нами, что единое прежде всѣхъ чиселъ.

,,Доказавъ и пригвоздивъ такъ, чтобы оно не подвергалось сотрясенію или колебанію ни отъ какого заблудшагося бойца, онъ затѣмъ беретъ доказанное и неопровержимое положеніе и доказываетъ иное, слѣдующее. Послѣдовательно надъ всѣми онъ продѣлываетъ это: доказанныя раньше поло-

1) Помѣщенная въ прямыя скобки часть имѣется только въ армянскомъ переводѣ: быть можетъ, и она — армянская вставка.

[||||]ა ღმოჩენილთაჲმიერ შემდგომთასა დასდებს საფუძველსა აღმოჩენათასა. და
B, л. 2b. ესრეთ სრულ ჰყოფს. რათა | ვითარცა გუამი თჳსთა ნაწილთაჲმიერ შედგეს და მიიღოს თჳსი ყოვლობაჲ:.

ხოლო ზედაწარწერილი იტყჳს:.

პროკლე დიადოხოსი პლატონურისა ფილოსოფოსისა

კავშირნი ღ̃ისმეტყუელებითნი:–

ესე პროკლე მონაცვალე საყდართა სღ̃თოჲსა პლატონისსა იყო ტომით ეონიელი, შვილი დიდად დიდთა გუარითა. რომელთა არა ესვა შვილი და ლოცვათაჲმიერ სამარადისოდ ჰრეკდეს კართა ღ̃ისა წყალობისათა: ვინაჲ ეუწყა მათ ს̃ღთო⌈ჲ⌉საჲმიერ საუწყო⌈ჲ⌉სა. ვითარმედ მოგცეს თქუენ წული ერმაჲ. რომელმან წარვლნეს ყოველნი ჰასაკნი ხედვასაჲშინა ზენათა ნაწილისასა:. და ვითარ აღიზა ჰასაკმან ერმებრივმან. სიწმიდითა მისითა. რ̃ღთაჲთა [რომელ⌈ი მის⌉ჲთანა]. დაფარნა ყოველნი საზომთა უმსგავსოობითა. ვიტ-
A, л. 4b. ყჳ ‖ პირველად სიწმიდესა და შრეტასა

13 სღ̃თოჲსა A. — 18 მათჲმიერ ს̃ღჲსა საუწყოჲსა B.

դրելս բանս հետևելոցն զկնի հիմունս կացուցանէ յայտնութեանց և այսպէս ի կատարումն ածէ. որպէս զի իբր մարմին իւրով մասամբքն յանգել և առցէ զիւրն ամենևիմբն։

‖ Իսկ վերագիրն սորա ասէ այս- л. 1068ա³
կերպ։

Պրոկլէս Դիադոխոս

Շղակապք։ Պրոկղէ Դիադոխոսի պղատոնական իմաստասիրի շարայաւդող կապք ա͞ծաբանականք։-

Այսպէս Պրոկղ է փոխանորդ աթոռո ա͞ծային Պղատոնի. էր սա ազգաւ էոնացի. որդի մեծազարմից ազատաց. որոց ոչ գոյր զաւակ. և ի ձեռն աղաւթից միշտ բախէին զդրունս ողորմութեանն ա͞յ. վասն որո ազդեց ի նոսա յա͞ծային իմն ազդեցութեանց եթէ տացի ձեզ արու մանուկ. որ ծախեսցէ զա͞մ հասակս իւր ի տեսութիւն վերնական վիճակացն։ Եւ իբրև զարգացեալ վերացաւ ի հասակ համբականն. ի ձեռն սրբութե որ ի նմա ծածկեաց զա͞մ ըստ երից քանակաց չափոց. աննմանն ի բնաւից ելով. և ասեմ նախ զսրբութիւն. որով չիջոյ

женія онъ кладетъ въ основаніе послѣдующихъ доказательствъ и такимъ образомъ завершаетъ, чтобы (все построеніе) составилось, точно тѣло, изъ своихъ частей и получило свою цѣлокупность.

,,А заглавіе гласитъ:

,,Прокла Діадоха, философа-платоника, *Богословскія начала.*

,,Этотъ Проклъ, преемникъ по каѳедрѣ божественнаго Платона, родомъ былъ эоніецъ, сынъ весьма знатныхъ по происхожденію. У нихъ не было дѣтей, и они постоянно стучались съ молитвами въ двери божьихъ милостей. Посему возвѣщено было имъ: «данъ будетъ вамъ сынъ, который всѣ годы свои проведетъ въ созерцаніи категоріи высшихъ (существъ)». И когда поднялся онъ въ юномъ возрастѣ, чистотою, пребывавшею въ немъ, покрылъ все выше мѣры. Во первыхъ, подразумѣваю чистоту, что

ⴋⴈⴑ-ⴘⴍⴐⴈⴑⴇⴀ ⴌⴀⴉⴅⴄⴐⴚⴞⴀⴊⴇⴀ ⴑⴈⴝⴀⴁⴓⴉⴈ-
ⴑⴀⴇⴀ. ⴐⴍⴋⴊⴈⴇⴀ ⴃⴀⴊⴓⴊⴀⴅⴑ ⴂⴐⴛⴌⴍ-
ⴁⴀ(ⴃ)ⴇⴀ ⴃⴀ ⴍⴚⴌⴄⴁⴀⴇⴀ ⴕⴑⴄ ⴛⴀⴊⴈ ⴑⴓⴊⴇⴀ
ⴕⴋⴌⴀⴃ ⴘⴇⴀⴋⴍⴅⴐⴃⴍⴋⴈⴊⴇⴀ. ⴋⴄⴍⴐⴄⴃ ⴑⴈ-
ⴉⴋⴍⴑⴀ ⴃⴀ ⴑⴈⴋⴀⴞⴣⴊⴄⴑⴀ ⴘⴍⴐⴈⴑ ⴊⴓⴀⴜⴊⴑⴀ
ⴑⴀⴑⴜⴀⴅⴊⴍⴇⴀⴑⴀ ⴀⴌⴓ ⴇⴓ ⴑⴈⴒⴗⴣⴄⴐⴄ-
ⴁⴈⴇⴇⴀ ⴑⴇⴕⴓⴀ ⴂⴈⴌⴀⴢ ⴁⴓⴌⴄⴁⴈⴇⴇⴀ ⴞⴄⴃⴅⴀⴇⴀ
ⴀⴌⴓ ⴐⴈⴚⴞⴓⴇⴀ ⴃⴀ ⴕⴓⴄⴗⴀⴌⴈⴑ-ⴑⴀⴋⴆⴍⴋⴊⴍⴇⴀ
ⴃⴀ ⴇⴣⴇ ⴋⴈⴑ ⴋⴓⴑⴈⴉⴄⴊⴍⴁⴈⴑⴀ. ⴐⴍⴋⴊⴈ-
ⴑⴀ-ⴋⴈⴄⴐ ⴀⴖⴋⴍⴈⴙⴈⴌⴄⴁⴈⴑ ⴀⴌⴀⴕⴓⴑⴈ ⴕⴑⴄ
ⴃⴀ ⴌⴀⴇⴞⴆⴈ ⴋⴗⴍⴔⴇⴀ ⴀⴂⴄⴁⴓⴊⴄⴁⴈⴑⴀ ⴃⴀ
ⴓⴐⴇ-ⴄⴐⴇⴀⴑ ⴆⴈⴀⴐⴄⴁⴈⴑⴀ ⴃⴀ ⴂⴀⴌⴗⴍⴔⴈ-
ⴊⴄⴁⴈⴑⴀ ⴃⴀ ⴇⴓ ⴅⴈⴇⴀⴐ ⴀⴋⴀⴇ-ⴋⴈⴄⴐ
ⴉⴄⴇⴈⴊⴋⴄⴉⴄⴊⴍⴅⴌⴄⴁⴀⴢ ⴗⴍⴅⴄⴊⴇⴀ ⴖ̃ⴇⴈⴑⴀ
ⴃⴀⴋⴁⴀⴃⴈⴑⴀ ⴃⴀⴓⴆⴄⴑⴇⴀⴅⴃⴄⴁⴈⴑ ⴋⴞⴄⴃⴅⴄⴊⴑⴀ:·
ⴃⴀ ⴉ̃ⴃ ⴀⴋⴀⴇ ⴗⴍⴅⴄⴊⴇⴀ ⴁⴓⴌⴄⴁⴀⴑⴀ-ⴇⴀ-
ⴌⴀ ⴌⴀⴜⴋⴀⴑⴌⴇⴀ ⴞⴄⴃⴅⴀⴇⴀ ⴆⴄⴑⴇ ⴃⴀⴄⴃⴅⴀ.
D, л. 4а. ⴐⴀⴋⴄⴇⴓ ⴃⴀⴓⴒ|ⴄⴅⴀ ⴕⴑⴄ ⴗⴀⴋⴑⴀ-ⴘⴍⴐⴈⴑ
ⴃⴀ ⴕⴋⴌⴀⴑⴀ ⴌⴀⴞⴈⴁⴊⴌⴈ ⴃⴀ ⴋⴆⴓⴜⴍⴊⴀⴅⴌⴈ
ⴍⴃⴄⴌ ⴀⴐⴑⴈⴑⴀⴌⴈ. ⴐⴀⴋⴄⴇⴓ ⴇⴣⴇ ⴓⴋⴐⴀⴅ-
ⴊⴄⴑⴈ ⴋⴀⴇⴈ ⴘⴄⴉⴐⴓⴊ ⴀⴐⴀⴍⴁⴀⴑⴀ-ⴇⴀⴌⴀ.
ⴅⴈⴌⴀⴢ ⴆⴄⴃ ⴋⴍⴝⴋⴀⴐⴇⴀ ⴌⴀⴋⴃⴅⴈⴊ ⴝⴄⴘⴋⴀ-
ⴐⴈⴒⴑⴀ ⴋⴗⴍⴔⴑⴀ ⴃⴀ ⴀⴐⴑⴑⴀ. ⴃⴀ ⴀⴐⴚⴀ
ⴀⴋⴀⴇ-ⴘⴍⴐⴈⴑ ⴃⴀⴓⴒⴄⴅⴀ ⴑⴀⴆⴖⴅⴀⴐⴈ ⴇⴣⴑⴇⴀ
ⴞⴄⴃⴅⴀⴇⴀ. ⴐⴀⴋⴄⴇⴓ ⴇⴀⴌ ⴀⴃⴝⴄⴅⴀ ⴇⴣⴑⴇⴀ

12 ⴓⴐⴇⴈ-ⴄⴐⴇⴀⴑ B. — 19 ⴋⴆⴄⴊⴀⴅⴌⴈ B. — 25 ⴀⴝⴄⴅⴀ AD.

զոր ի նմա զկայծակունս երիտասար-
դութեան. որով ալեկոծին տ̅ զգայու-
թիւն և մտաց տեսութիւն. այս զաւրու-
թիւն անձին. որով եղեն անկել ի վե-
րուստ. երկրորդ յանհուն և ի մ̅ք
ձգնութե̅ս ուսմանց թէ ի բանական
աստացէ ոք կամ բնաքանա//կան տեսու- C, стр. 3.
թե̅ս կամ թւոց. եթէ երկրաչափութ̅
և ի նոյն ինքն ի մուսիկան արուեստն.
որով վերայայտնի հատուած և շարա-
հիւսութիւն տ̅ էից եղելութե̅ և առ
միմեանս հաղորդակցութե̅ և բաժան-
մանց. և եթէ զիարդ սոքաւք բարի-
ոք ճարտարապետութիւն ամենե-
ցուն՝ ա̅յ և ստեղծագործողին ի վեր
անցանէ քան զտ̅ միտս տեսողաց: Եւ
դարձեալ ընդ այսու ամենեցունց
բնութեան զխարբալականն տեսու-
թեամբ վերադրեցաւ. վասն զի թո-
ղել զորս ընդ ժամանակաւ և ընդ-
եղանելով են բարդելք զխարբալ-
մունք էակացն. քանզի բազումք ի
նոցանէ կապել են լինել և ոչ ինչ.
այլ նա ի վեր դիմել ի վերա ստոյգ
և ճշմարիտ էակին և գոյին. և ոչ ի

12 եղելութեանց C.

гасила горѣвшіе въ немъ уголья молодости, чѣмъ извѣстная сила волнуетъ чувства и мечтанія, вызывая паденіе душъ; во вторыхъ, — настойчивость и способность въ научной работѣ, скажешь ли о словесныхъ или естественныхъ теоріяхъ, о математикѣ и геометріи или хотя бы музыкѣ, благодаря чему раскрывается схема и сочетаніе бытія сущихъ, взаимнаго общенія и дѣленія, и какъ черезъ нихъ прекрасное искусство Бога, Творца всего, превышаетъ созерцателя. Еще онъ сталъ выше всѣхъ этихъ сплетенныхъ съ природою теорій, ибо оставилъ чародѣйственныя созданія времени и творчества сего (міра), лишь разрушителей сущаго, такъ какъ большинство ихъ само связано съ небытіемъ, почему обратился къ дѣйствительно истинно-сущему и пребывающему, да и здѣсь не допустилъ предѣла своего созерцанія, послѣдовалъ за своими первыми (*арм.* предками!), подразу-

A, л. 5a. პირველთა. ვიტყჳ პლატონის||თა და მის უმწუჵრვალესისაცა გონებისა-გან მიუწდომელსა ერთსა. რაოდენ იყო შესაძლო. იმეცადინა ცნობად მყოფთა სასურვოჲ იგი და სატრფოჲ. და ბეჭდულნი და დაფარულნი პლატო-
B, л. 3a. ნის მიდმოსიტყჳსანი განაცხადნა და მათი შორისი სიბრძნე საუკუნითა-გან არსთა და თანწარმოდგომილი სარწმუნო⌐ე¬ბაჲ ალასაკუმილა და ვითარ მათ-შორის სწყურის პლატონს მის უოცნოჲსა ერთისა-თჳს და ყოვლისა გონიერისა და ზესთ-გონიერისა აღმ-კულისა-თჳს. და კ̃დ წარმორეულთა-ზედა და ცეცხლის სახედ დაკში-რებულთა პერიპატოელთა არისტო-ტელის-გამოთა სიტყუჲსა კანონთა-მიერ შეძერწული უკუნსცა. და თჳთ არისტოტელის-მიერ მოპოვნებულ-თათ შესიტყჳთთა კანონთა ჩემე-ბული სიმართლე, რომლითა ურ-ღუჵვდეს პლატონს პერიპატოელნი, განაცხადნა და უმდგმო ყოჲ :· ხოლო მესამედ ამათ ყოველთა-ზედა დაჳ-რთო სიწმიდე და სიცხადე აღმო-საჩენთაჲ და სიმაღლესა-თანა ხედ-

2 უმწვერვალესისაცა B. — 17–18 კანუნთა-მიერ D. — 20 შესიტყუე̃ითა B, შესიტყუუვითთა D. — კანუნთათ D. — 23 ყო A.

սոսա միայն ենթող կել զսահման իւրն տեսութե̆. քանզի ի վեր էանց. քան զիւր նախնիս. զՊղատոնիւ ասեմ և զիւրն ծայրագոյն իմացութեան մտաց. և ել առ անհասանելի միակն. և որ-չափ կարողութիւն էր. ջանացել ծա-նաչել զէիցն զանձկալի և զտռփելի։ զոր կնքել և ծածկել Պղատոնի. ի խոր և անյայտ արտադրելն իւր բանս. զորս յայտնեց և զորս ի նոսա իմաս-տութիւն յաւիտենական էակացն. և զմերձադրել հաւատութիւն վերա-բորբոքեց. եթէ որպէս ի նոսա ծա-րաւել Պղատոն ի նմա. անիմանալի և աննկատելի միակին և տ̃ իմանալո և գերիմանալո վեր անցել վաելչական դրութեան։ Եւ դարձեալ ի վերա ուղղանձգելոց և հրա՛տեսակ⌐ս¬րելոց ծեմականացն. որ զԱրիստոտելէն ու-նէին զպածուծել բանականութիւն. յետս դարձոյց. և զորս Արիստոտել գտակ լել. զբանակուական տառսն և զնոցա կարծել ուղղութիւն. որովք խառնէին զՊղատոն նոյն պերիպա-տո‗ցիքն. յայտնեց և անկաունս արար։ Իսկ գ̃դ ի վերա սայց տ̃ի յա- պե՛րիպա-տոնցիք

26 գ̃ դ] երկ̎դ C.

мѣваю, Платоновыми (идеями) и единымъ, непостижимымъ и для ума его (Платона), высочайшаго. Насколько было возможно, онъ постарался познать желанное и вожделѣнное изъ сущихъ, открылъ запечатанное и скрытое въ діалогахъ Платона и возжегъ мудрость отъ вѣка сущихъ, заключенную въ нихъ, и представленную вѣру, то, какъ въ нихъ Платонъ жаждетъ невообразимаго и сверхразумнаго космоса, а также отразилъ въ сторону перипатетиковъ, перелившихся и подобно пламени размножившихся, спаянное логическими законами, исходящими отъ Аристотеля, и обнажилъ и лишилъ почвы истину, на которую притязалъ законъ о силлогизмахъ, открытый самимъ Аристотелемъ, чѣмъ перипатетики опровергали Платона. А въ третьихъ, ко всему этому присовокупилъ простоту и ясность доказательствъ и вмѣстѣ съ высо-

ვისასა წყარო თარგმანებართა ⌈მ⌉ოგნა-დენთა: რომლისა-თჳსცა დიადო-
A, л. 5b. ხოზად, || რომელ არს მონაცვალეობად პლატონისი, [|||] გარდაისახელა შემდგომთა-მიერ:·

ესე პროკლესთჳს თანწარვლის სახედ მივეცით საუწყოსა:·

ხოლო სტჳქოდ ღმრთისმეტყუელებათად ითქუნეს თავნი ესე. სტჳქოდ ეწოდების კავშირსა. და ამისათჳს დადვა კავშირი ესე უმარტივესი ყოვლისა. რამეთუ სასწავლოდ შემავალთა ყოველთა პირველად უმარტივესთა ასწავებენ და მერმედ მათგან შედგმულთა ვითარცა ასოთა-მიერ სახელსა. ხოლო სახელთა-მიერ თქუმასა და ჳდ თქუმისა-მიერსა
D, л. 4b. სიტყუასა. ვითარ გჳსწავლია პერი ერმინიისა. რამეთუ ყოველთა შედგმულთა მარტივნი უპირველეს. ვითარ ოთხთა ამათ კავშირთა. ვიტყჳ ცეცხლ⌈სა და⌉ აირსა, წყალსა და ქუეყანასა: ვინად ამითვე სახითა სიტყუათა თჳსთა

1 თარგმანებითთა B. — 1–2 ნადგნთა BD. — 10 სტჳქოდ D. — 11 სტჳქოდ AD. — 19–20 პერი ერმინისა AD. — 22–23 ცეცხლ ნაირსა B. — 24 სიტყუათა თჳსთა] სიტყჳსათა AD, სიტყვისათა B.

եւ սրբութիւն և բացաաական լուծմունս. և հանդերձ բարձրական տեսութեամբք աղբիւրս մեկնութեանց բխմանց եհեղ: Սակս որո Դիադախոս. որ է փոխանորդութիւն Պղատոնի. անուանեցաւ յորոց զկնի նորա իմաստունքն էին:

Այսք ի սակս Պրոկղի համառատաբար տւաք ապացոյց:

Իսկ շղակապք ածաբանութեան ասին հատորք գրոցս: ստոխի (sic) կոչի հեղլենացի // և հա շղակապ և C, стр. 4.
հեբրաեցի լեհեմ. և վասն այսր կոչի շղակապ: Իբր⌈զպարզ յտի⌉.

Քանզի և որոց առ ուսմունս գայ- л. 1068
ցեն. տի նախ զպարզսն ուսուցանեն. և ապա զորս ի նոցանէ բարդին. որպէս զձայնս ալփաբիտականաւ զանուն և անուամբ զբա և բանիւ զբան: Ըւ ապա նորաւք զսեա և զտեսակ բանին. որպէս զուսումն Պերի երմենիա (sic). վասն զի տ ապրելոց պարզքն նախկինք էլով. իբր չորից հիւղայց. աաեմ հուր և աւդ. ջուր և երկիր:

13 կոչ A.

тою созерцанія источникъ комментаторскихъ потоковъ, за что потомками былъ прозванъ Діадохомъ, что значитъ намѣстникъ Платона.

„Это мы мимоходомъ дали для свѣдѣнія о Проклѣ.

«Στοῖχοι богословія» названы эти главы. Στοῖχος называется элементъ[1]), и онъ потому установилъ элементъ, какъ простѣйшее изъ всего, что всѣхъ, приступающихъ къ ученію, сначала учатъ простѣйшему, затѣмъ составному изъ простѣйшихъ какъ имени изъ буквъ, изъ именъ глаголамъ, а изъ глаголовъ рѣчи, какъ знаемъ мы изъ *Пери-ерминіи*, ибо простыя (тѣла) прежде составныхъ, точно четыре элемента, я говорю объ огнѣ и воздухѣ, водѣ и землѣ. Соотвѣтственно по тому же способу свои слова

1) Въ армянскомъ переводѣ прибавлено: «по-эллински, а по-армянски — *шаікап* и по-еврейски — *лехэм*» [להם *соединять, складывать* (Levy *Neuhebr. und Chald. Wörterb.*), см. выше, стр. 57].

კავშირად უწოდა ვითარცა უმარტივესთა ყოველთა-შორის საღ̃თის-მეტყუელო-თა ხედვათასა: რამეთუ პირველ ერთისა ცნობისა რამცა ცნა ყოველმან მეძიე-ბელმან ცნობისამან: და ესრეთ მარტი-ვად წესი და სირა, რომელ არს ნათხზი ყოველთა, დაასწყო და წარმოაჩინა ვითარ გონებისა. სულისა. ბუნებისა და სხეუ-
A, л. 6a. ლისა. რომელი ესე ‖ თითოეული თჳსსა ადგილსა განვჰმარტოთ შეწევნითა პირ-ველისა სიტყჳსა უფლისა ქრისტესითა:·

Քանզի սոցա գաղափարաւ և բանիցս իւր շղակապ կոչէր իբր ի վերա տ̃ պարզից ա̃ծաբանական տեսութե-անցն. վասն զի նախկի քան զմիակի իմացուածն այլ զինչ ծանիցի տ̃. որ խնդրէ իմանալ: Եւ այսպէս պարզա-բար կարգ և սիրա. որ է շարահիւ-սուած տ̃ի. զսկսեալն երևեցոյց իբր մտաց. անձին. բնութեան և սեռի. զորոց զիւրաքանչիւրն յիւրում տե-ղոջ ճառեսցուք աւգնականութեամբ նախկի բանին տ̃ն Ք̇ի ա̃յ մերո:

გარნა დავსძინოთ მცირედ დაკით-ხვისა-თჳსცა თუ ვითარ ჯერ არს ამათ
B, л. 3b. სასწავლო⌜ჲ⌝სა წიგნთა კითხვა.|ვითარცა თჳთ სოკრატისთჳს იტყჳან. ვითარმედ იკითხჳდისო სოკრატ. ვითარ იკითხჳ-დიან ყრმანი მცირენი და კ̃დ შეექცის მასვე წარკითხულსა. რამეთუ არა თუ გუარსა ჯერ არს საკითხვისასა მიცემაჲ. არამედ ცნობისა და აღუწყებისათჳს არს სათანადოჲ და გაკუეთისა და შედგ-მისა და უკუნქცევისა და უკანაჲთ პირ-თა აღებისა. და წერტილთა და სხუათა ყოველთა მძლუართა. ვითარ მახჳლსა

Այլ յաւելցուք փոքր ինչ և յա-ղագս ընթեռնլո թէ որպէս պարտ է զիմաստասիրական զայսոսիկ գրեա ընթեռնուլ. որպէս զՍոկրատեա ասեն թէ ընթեռնոյր Սոկրատէս զգիրս ըստ աւրինակի մատաղ մանկանց դեռ ուսմանց. զի ի նմին բան դառնա բազում անկամ ի նոյն ընթերցեալն. զի ոչ եթէ նախ զազգս պարտ է զըն-թերցեալ տալ. այլ իմանալ և վերագի-տել զմիտս բանին հարկաւոր է և զհատանել և զշարադրել և զդարձուա-ծոյսն և զկնի զմիտսն առնուլ և զկէտս

16 იტყვიან B.

онъ назвалъ элементами, какъ простѣйшія среди всѣхъ богословскихъ идей, ибо что же можетъ найти каждый искатель познаванія раньше познанія единаго? И такимъ образомъ онъ расположилъ и выставилъ просто порядокъ и рядъ, т. е. сплетеніе всего, какъ-то ума, души, природы и тѣла, и это изложимъ мы каждое на своемъ мѣстѣ съ помощью перваго Слова Господа Христа.

,,Но присовокупимъ еще касательно чтенія, именно какъ надлежитъ читать такія научныя книги, какъ говорится про самого Сократа, что онъ читалъ, какъ читали маленькія дѣти, и затѣмъ возвращался къ прочтенному, такъ какъ не нужно преподавать р о д ъ (отдаваться процессу?) чтенія, когда чтеніе полагается для пониманія и освѣдомленія, для анализа и синтеза, для опроверженія положеній и принятія ихъ, и надлежитъ намъ пользоваться oqsia (ὀξεῖα), т. е. острымъ удареніемъ, varia (βαρεῖα), т. е. тяжелымъ, perispomen (περισπωμένη),

ოქსიასა და ვარისა, რომელ არს მძიმე. და პერისპომენსა, რომელ არს გარემორთხმული. და სხუასა ყოველსავე სათანადო არს. რათა ვიკმარებდეთ კმასავე თანა და პირსა სიტყჳსასა. რათა გონებაჲ უცთომელი აღვიუწყოთ. და ესეცა შევისწაოთ. რომელ მაღლიად კითხვაჲ მოშლის გაგონებასა. რამეთუ ძგერაჲ კმისაჲ რეც თუ თანა წარიტაცებს გამგონესა, რომელ არს სული:. და ესე ამის-თჳს: –

A, л. 6b. კ̃დ უკუჱ სათანადო არს და უფროჲს ხოლო საჭიროჲ ცნობაჲ. ვითარმედ სხუაჲ არს ძალი და მოქმედებაჲ სულისაჲ და სხუაჲ გონებისაჲ: და ყოველთავე ელლინთა ენამზეობასა-ზედა თჳსი სახელი ჰქჳან შესაბამი თჳსისა არსებისაჲ: ხოლო ჩ̃ნთამან არცა თარგმანთა არცა სხუამან ვინ დასჭჳრიტნა. და აწ მე უზომოდ მიშლის თარგმნასა-D, л. 5a. შინა. რამეთუ ყოველსა|ვე ერთად და სწორად იტყჳ⌜ა⌝ნ და დასდებენ ჩ̃ნნი:.

7 შევისწავლოთ A, შევისწავოთ D.—20 თარგმანსა BD.

և այսպ ղ̅տ զայլս կաղմողսն առ ի միտսն իբր զուռր զաւքիսա՝ (sic)՚ քո՛ւթ և վառիա, որ է ծանր. և պե՛րիսպոմեն, որ է շրջ̂ապատել. և զայլն նմանս սոցա պարտ է արւեստակել ընդ ձայնի և ընդ դէմս բանին. իբր զի զմիտսն անմոլար իմասցուք։ Եւ զայս ևս գիտասցուք. զի բարձր ձայնիւ ընթեռնուլն շփոթեալ խափանէ զիմացութիւն. որ է միտքն՝ ակն անձին։

Դարձեալ գիտելի է և սայք. զի այլ է զաւրութիւն և ներգործութիւն անձին և այլ մտաց. և յ̅ո հելլենացի խաւսս զիւրն ուրոյն ունի զանուն նմանապէս իւրն գոյացութեանն։ իսկ ի հայս և (sic) սակս աղքատութեան լեզուի ոչ անուանս//ունելով և ոչ թարգ- C, стр. 5. մանքն գրեցին ուրոյն. այլ միով զ̅ո կոչեցին բան. և այս յոյժ խափանէ զիս։ Եւ արդ լուր. զի անձին կոչի դիանիա. իսկ մտացն՝ նոիմա. իսկ

5 արուեստ̅ել C.—6 ընդ դիմաց C.—17 եւ < C.

т. е. облеченнымъ, и всѣми прочими (знаками) вмѣстѣ съ произношеніемъ словъ и ихъ значеніемъ, чтобы освѣдомить себя касательно безошибочнаго смысла. Надо намъ знать и то, что громкое чтеніе мѣшаетъ пониманію, такъ какъ звуки, раздаваясь, увлекаютъ воспринимающаго, т. е. душу. Объ этомъ столько[1]).

„Затѣмъ надлежитъ и еще въ бо́льшей степени нужно знать, что иное нѣчто сила и дѣятельность души и иное — ума; для каждаго изъ этихъ понятій на ясномъ какъ солнце эллинскомъ языкѣ имѣется названіе соотвѣтственно съ его существомъ, на что изъ нашихъ (грузинъ) ни переводчики, ни кто другой не обратили вниманія, и это чрезмѣрно мѣшаетъ теперь мнѣ въ переводѣ[2]): наши (грузины) всѣ эти понятія называютъ однимъ или равнозначущимъ словомъ и такъ ставятъ. Но теперь слушай! Силу и

1) Послѣднія три слова въ армянскомъ опущены, да и предыдущее предложеніе, служащее опредѣленіемъ слова «пониманію», со словъ «такъ какъ» и т. д., въ армянскомъ гласитъ кратко: «пониманію, т. е. уму, глазу души».

2) Армянинъ переноситъ эту жалобу безъ всякой поправки на свою родную рѣчь и на родныхъ армянскихъ переводчиковъ.

ⴞⴍⴊⴍ ⴀⴜ ⴈⴑⴋⴈⴌⴄ. ⴐⴀⴋⴄⴇⴓ ⴑⴓⴊⴈⴑⴑⴀ ⴄⴜⴍⴃⴄⴁⴈⴑ ⴃⴈⴀⴌⴣⴀⴢ. ⴞⴍⴊⴍ ⴂⴍⴌⴄⴁⴈⴑⴀⴑⴀ ⴌⴍⴈⴋⴀⴢ. ⴞⴍⴊⴍ ⴂⴀⴑⴀⴂⴍⴌⴑⴀ ⴃⴀ ⴆⴄⴑⴇⴍ‿ⴋⴃⴄⴁⴀⴐⴄⴑⴀ ⴌⴍⴈⴒⴍⴌⴈ. ⴅⴈⴌⴀⴢ ⴀⴜ ⴀⴖⴅⴈⴖⴍ ⴇⴈⴇⴍⴢ ⴀⴋⴀⴇⴈ ⴃⴀ ⴂⴀⴌⴅⴠⴋⴀⴐⴒⴍ:·

ⴎⴈⴐⴅⴄⴊⴀⴃ ⴓⴉⴓⴡ ⴑⴓⴊⴈⴑⴀⴢ. ⴐⴍⴋⴄⴊ ⴀⴐⴑ ⴃⴈⴀⴌⴣⴀⴢ: ⴄⴑⴄ ⴃⴈⴀⴌⴣⴀⴢ ⴀⴐⴀ ⴀⴐⴑ ⴋⴀⴐⴒⴈⴅⴈ ⴃⴀ ⴘⴄⴓⴃⴂⴋⴄⴊⴈ ⴈⴂⴈ ⴂⴍⴌⴄⴁⴀⴢ. ⴀⴐⴀⴋⴄⴃ ⴅⴈⴇⴀⴐ ⴋⴈⴄⴐ‿ⴂⴍⴌⴄⴁⴀⴢ ⴂⴈⴌⴀ ⴇⴓ ⴋⴈⴃⴋⴍ‿ⴂⴍⴌⴄⴁⴀⴢ. ⴐⴀⴋⴄⴇⴓ ⴑⴓⴊⴑⴀ ⴋⴈⴃⴋⴍⴍⴁⴀⴑⴀ‿ⴘⴍⴐⴈⴑ ⴀⴕⴓⴑ ⴛⴀⴊⴈ ⴂⴀⴂⴍⴌⴄⴁⴈⴑⴀ ⴃⴀ ⴘⴄⴃⴂⴋⴓⴊⴈ ⴃⴀ ⴀⴐⴀ ⴋⴀⴐⴒⴈⴅⴈ ⴅⴈⴇⴀⴐ ⴂⴍⴌⴄⴁⴈⴑⴀⴢ. ⴐⴀⴋⴄⴇⴓ ⴘⴄⴀⴃⴂⴀⴋⴑ ⴀⴐⴑⴑⴀ ⴃⴀ ⴀⴐⴀⴑⴀ, ⴂⴀⴌⴈⴆⴐⴀⴞⴅⴈⴃⴄⴑ ⴐⴀⴢ. ⴅⴈⴇⴀⴐ ⴈⴂⴈ ⴍⴃⴄⴑ ⴅ⌈ⴠ⌉ⴊⴀⴋⴍⴃⴈ ⴐⴀⴑⴀⴅⴄ, ⴅⴈⴒⴗⴣ· ⴅⴕⴋⴌⴀ ⴀⴌⴓ ⴀⴐⴀ ⴅⴕⴋⴌⴀ. ⴃⴀ ⴋⴄⴐⴋⴄⴃⴀ ⴓⴉⴀⴌⴀⴢⴑ ⴄⴐⴇⴑⴀ ⴐⴍⴋⴄⴊ-
A, л. 7a. ⴑⴀⴋⴄ‿ⴆⴄⴃⴀ ⴋⴈⴅⴈⴠⴀⴆⴐⴅⴈ ⴃⴀ ‖ ⴋⴈⴅⴈⴜⴀⴃⴄⴁ ⴀⴌⴓ ⴀⴐⴑⴑⴀ ⴀⴌⴓ ⴀⴐⴀ‿ⴀⴐⴑⴑⴀ. ⴐⴍⴋⴊⴈⴑⴀ‿ⴇⴣⴑ ⴠⴐⴕⴣⴀⴌ ⴋⴀⴑ ⴑⴀⴞⴄⴊⴈ ⴘⴄⴑⴀⴔⴄⴐⴍⴢ, ⴐⴍⴋⴄⴊ ⴀⴐⴑ ⴋⴈⴃⴋⴍ‿ⴂⴍⴌⴄⴁⴀⴢ
B, л. 4a. ⴀⴌⴓ ⴋⴈⴃⴋⴍ‿ⴂⴀⴂⴍⴌⴄⴁⴀⴢ:· ⴄⴑⴇⴀ ⴠⴂⴀⴅⴑ|ⴍ, ⴈⴒⴗⴣⴑ ⴎⴍⴐⴔⴈⴐⴈ, ⴋⴈⴃⴋⴍ‿ⴂⴀⴂⴍⴌⴄⴁⴀⴢ ⴑⴓⴊⴈⴑⴀ. ⴅⴈⴇⴀⴐ ⴍⴃⴄⴑ ⴉⴀⴚⴈ ⴁⴈⴟⴄⴁⴈⴑⴀ‿

իմացելոյն և վերադրելոյն՝ նոիտաւն։ Եւ արդ առեալ զմիմի ի սոցանէ մեկնեսցուք։

Եւ նախ զանձին. որ է դիանիա։ Այս անձն ոչ է պարզ միակ և անյաւդ իմացութիւն, այլ իբր ի ձեռն մտաց և մտածութեան. վասն զի անձն ի մտածութեանն ունի զաւրութիւնս իմացման և յաւդել և ոչ պարզ իբր զմիտս. վասն զի յաւդէ զիրն. յորում խորհիցի երբեք ինչ. իբր զայն. զի կամէի ինչ իմն. ասէի՝ արարից եթէ ոչ արարից. և յետո ի միո վերա մտածել և վկաել՝ կամ է՛ կամ ոչ է՛. վասն որո կոչեցել է նմա անուն նման իւր. որ է մտածութիւն կամ իմացութիւն։ Այսպէս նման է. որ ասէ Պորփիւրի. մտածութիւն անձին. որպէս մարդ քայլափոխելով ընթանայցէ. զի ոչ պարզաբար առդնի անդ. ուր դիմեսցի. այլ քայլա-

8 ⴂⴀⴂⴍⴌⴄⴁⴀⴢ A. — 10 ⴑⴓⴊⴈⴑⴀ A. — 19 ⴀⴐⴀ-ⴀⴐⴑⴀ A, ⴀⴐⴀ‿ⴀⴐⴑⴀⴢ B.

дѣятельность души (греки) называютъ dianwa (*διάνοια*), силу и дѣятельность ума — noima (*νόημα*), а воспринимаемое умомъ и объектъ (*ὑπόθεσις*) — noiton (*νοητόν*). Итакъ возьму каждое изъ этихъ (понятій) и растолкую.

,,Прежде о силѣ и дѣятельности души, т. е. *διάνοια*: *διάνοια* не есть простая, несоставная мысль, а какъ бы «*от*-мышленіе» или *раз*-мышленіе, такъ какъ у души способность воспріятія выражается въ движеніи въ*раз*ныя стороны, воспріятіе ея составное, а не простое, какъ у ума, ибо она сопоставляетъ положительное и отрицательное, когда зачинаетъ намѣреніе, какъ напр. когда предпринимаю я что-либо, говорю, дѣлать мнѣ или не дѣлать, а затѣмъ подъ конецъ устремляюсь мыслью на что-либо одно и желаю или положительнаго или отрицательнаго, почему это называется подходящимъ терминомъ, т. е. *раз*мышленіемъ или *разу*мѣніемъ. Порфирій говоритъ: «размышленіе души походитъ на то, какъ, когда человѣкъ шагами движется, не просто устрем-

მიერ მივიდოდის. რამეთუ არს მარტივად მიდრკების მუნ. სადაცა მიემართოს. არამედ ბიჯთა-მიერ გზავნითი გზავნად სრულ ჰყოფს თჳსსა ნავალსა. ესთადვე და სულიცა ამის-გან ამისდა მიდგების მცირედ მცირედ. ვიდრემდის არა ყოველი შემოსახოს და შემოიცვას გასაგონოჲ და თჳს გუარ ყოს, რაჲც რაჲვე იყოს:· ხოლო გონებაჲ ზედ მიესხმის მარტივად. ვითარ აღმოჰკდეს რაჲ მზე და აჰა შარავანდნიცა მისნი უჟამოდ და მიუდრეკელად დაჰფარვენ ყოველსა და არა მცირედ მცირედ მიდგებიან. არამედ მყის თანავე აღმოჩენასა მზისა დისკოჲსასა აჰა და მივენაჲცა შარავანდედთაჲ. ესრეთვე დ გონებასაცა-ზედა იხილო. ვინაჲ აჰა გონებაჲ და აჰა გაგონებაჲ. რამეთუ თანავე წარმოდგომილა გონებისადა გაგონებაჲ. ვითარცა მზისადა შარავანდნი:·

16 გონებასა_ზედა C.

փոխմամբ յուղարկել ճանապարհորդէ զիւր գնացսն։ Սապէս և անձն յայնմ վերա կա առ սակաւ սակաւ. մինչև զո̃ ներբսագրոշմէ և պարունակէ զիմացութիւն և իւր ազգ և ընդանի եղանի. զինչ և իցէ։ Իսկ միտք ի վերա դիմէ պարզաբար. զոր աւրինակ մինչ ելանէ արեգակն. առ ժամայն ճառագայթք նորա անժամանակաբար և անհակադրելի ծածկեն զո̃ ⌈առժ⌉ամայն և ոչ փոքր փոքր յառաջ գան.
այլ համանգ//ամայն ընդ երևել արե- л. 1069ա[1]
գական բոլորին ահա և սփռին շառաւեղքն. սապէս և ի վերա մտաց տեսցես. և արդ ահա միտք և ահա մտածութիւն. վասն զի ընդ նմա համանգամայն ի վերա կացել. ընդ մտաց և մտածութիւն. իբր ընդ արեգական շառաւեղքն։

ляется, куда бы онъ ни направлялся, а шагая постепенно, совершаетъ переходъ. Равнымъ образомъ и душа отъ одного приступаетъ къ другому мало по малу, пока не очертитъ вокругъ всего и не объемлетъ объекта и не сроднитъ его, что̀ бы то ни было, съ собою. Умъ же просто разливается подобно тому, какъ съ восходомъ солнца и лучи его! Не временя и не уклоняясь, они покрываютъ все, а не подступаютъ постепенно: съ появленіемъ солнечнаго диска разстилаются и его лучи. Такъ можешь наблюдать и надъ умомъ: умъ и мысль! Съ умомъ возникаетъ и мысль, какъ съ солнцемъ лучи“.

Дальнѣйшимъ выясненіемъ различій διάνοια, νόημα и νοητόν завершается Введеніе. Вслѣдъ за Введеніемъ въ армянскомъ переводѣ, какъ и въ грузинскомъ подлинникѣ выступаетъ самъ памятникъ, т. е. текстъ Прокла съ толкованіемъ по главамъ, озаглавленный такъ —

პროკლე დიადოხოსი პლატონურისა ფილოსოფოსისაჲ კავშირნი ღ̃ისმეტყუელებითნი. თავნი ორას და ათერთნი.

Պրոկղէ Դիադոխոսի պղատոնականի իմաստասիրի Շղկապք ա̃ծաբանականք հատորս. մժա. 1)

1) Въ арм. рп. А, по которой и печатаются эти строки со всѣми ея особенностями, заглавіе выписано узкою высокою полосою въ десять короткихъ строкъ, такъ какъ слѣва три четверти страницы заняты таблицею къ предыдущему разсужденію Введенія.

«Прокла Діадоха, философа платоника, *Богословскія начала*. Главъ сто одиннадцать» [1]).

Вслѣдъ за заглавіемъ армянскій текстъ сохранилъ толкованіе его, именно слова *շղակապք*, правильнѣе бы *շաղկապք* въ необычномъ его значеніи *элементы*, *начала*, отсутствующее въ этомъ мѣстѣ грузинскаго подлинника по рп. Азіатскаго музея № 174, а. Толкованіе это гласитъ [2]):

Մկ ·։· *Շղակապք ա͞ծաբանութեան յայն սակս կոչէ. վասն զի բոլոր գիրք ա͞մ իմաստասիրաց ի չորից նիւթոց սկսեալ և անդուստ ի վեր ի ձեռն բազմազան բանից զա͞ սեռական էակս պատմեցին մինչև ցսեռական անձն եկեալք ի վեր և ապա յանձին բան հասեալք շփոթեցան և ոչ զաւրացեալ ինչ կոչել զնա դիմադարձեցան միմեանց և անդ*
л. 1069ա². *կատարեցին զբանն։ իսկ // սա ի շունչ և ի յոգիս կեալ և անդի ի սեռական անձինս և ի ստոյգ էակն և ի միակսն և յանիմանալի միակն. այս ինքն է յաստուած. անդ դադարել աւարտեց զբանն. և զնա ա͞ծբանութեամբ. իսկ զսոսա ա͞ծացեալս կոչեց. և մի ազգ եղով և ի նիւթո և ի սեռէ բանից ոչ ինչ ասաց ամենևիմբ։*

«Элементами богословія называетъ (авторъ свой трудъ) по слѣдующей причинѣ. Книги всѣхъ философовъ, какія ни есть, начавъ съ четырехъ матерій, съ помощью разнообразныхъ предметовъ, объяснили всѣ родовыя существа отъ исходнаго пункта вверхъ, пока ни достигли до родовой души, затѣмъ дойдя до понятія о душѣ, никакъ не могли назвать ее, обратились другъ противъ друга и на этомъ закончили рѣчь. А нашъ авторъ, съ дыханія и душъ начавъ, (дошелъ) до родовыхъ душъ, до истинно-сущаго, до единаго и непостижимо-сущаго, т. е. до Бога, и здѣсь остановился и увѣнчалъ то понятіе: Его назвалъ ⌈славо⌉словя Богомъ, а ихъ — обожествленными, но не утверждалъ, что (Онъ съ ними) составляетъ одинъ родъ и по матеріи и по роду понятій». *Глосса.*

10—11 *կեալ* вм. *սկսեալ* (*սկսանալ*), а соотвѣтственно *ի շնչոյ և ի յոգւոց*.

Любопытно отмѣтить, что ни этой глоссы, помѣченной сокращеніемъ *Մկ* [3]), ни какой либо ея замѣны нѣтъ и въ версіи Симеона Гарнійскаго [4]).

Въ дальнѣйшемъ армянскій и грузинскій тексты идутъ въ шагъ, однако

1) Это въ то же время точная передача греческаго заглавія съ чтеніемъ φιλοσόφου, которое издателемъ отброшено въ примѣчаніе (изд. Fr. Creuzer, 1822, стр. 2).

2) Армянскій текстъ этого отрывка изданъ и у Дашяна, *Պրոկղի Հնագոյն օրինակը*, ц. м., стр. 156, но съ нѣкоторыми формальными отступленіями отъ рукописнаго чтенія.

3) *Մկ* = *մեկնութիւն поясненіе, глосса.*

4) Дашянъ, *Պրոկղի Հնագոյն օրինակը*, ц. с., стр. 156.

не безъ варіантовъ, порою существенныхъ, причемъ лучшее чтеніе иногда оказывается въ армянскомъ переводѣ, сохранившемся въ сравнительно древней рукописи, а не въ грузинскомъ подлинникѣ, извѣстномъ намъ пока въ спискѣ XVIII-го вѣка.

Для примѣра приводимъ первую главу Проклова текста съ началомъ толкованія къ ней параллельно по грузинской и армянской версіямъ:

Ⴀ

A, л. 10a. B, л. 5b. C, л. 1a. ყოველი სიმრავლე ეზიარების რაჲთავე ერთსა. ხოლო თუ არ ეზიარების, არცა ყოველი ერთ იყოს. არცა თითოეული მრავალთაჲ, რომელთაგან სიმრავლე. არამედ იყოს თითოეულიცა მათი მრავალ და ესე ვიდრე უსაზღვროობამდე. და თითოეულთა ამათ უსაზღვროობათაჲ იყოს კ̃დ სიმრავლე უსაზღვროჲ. არც ერთსა არ თანმზიარებელი. არცა თჳსისა საყოვლოჲსადმი და არცა თჳსშორის თითოეულისადმი: ვინაჲ ყოვლად ყოვლითურთ იყოს D, л. 7a. უსაზღვრო. რამეთუ თითოეული რომელიცა შეუმყრა. ანუ ერთი იყოს ანუ არაერთი. და თუ არაერთი, ანუ მრავალ ანუ არა რაჲ: ხოლო თუ და თითოეული არა რაჲ და არა რათაგან არა რაჲ: და კ̃დ უკ[უ]ეთუ თითოეული მრა- C, л. 1b. ვალ იყოს. უსაზღვროო|ბით უსაზღვრო თითოეული. არამედ ესე შეუძლებელ. რამეთუ არ ეგების რაჲვე მყოფთაჲ უსაზღვროობით უსაზღვრო. რამეთუ უსაზღვროობასა არა რაჲ უფროჲს არს: ხოლო ყოვლობასაშორის

Սկիզբ[ն]

: ա̅ Ամենայն բազմութիւն յարակցի ուրեմն միոյն. իսկ եթէ ոչ հաղորդակցի և ոչ ա̅ մի եղանի. և ոչ իւրաքանչիւր ի բազմաց. յորոց է բազմութիւն. այլ եղանի իւրաքանչիւրն նոցա բազում և այս մինչև ցանսահմանութիւն. և իւրաքանչիւրն սոցա անսահմանից եղիցի դարձեալ բազմութիւն անսահման. և ոչ միո լինելով հաղորդակից. ոչ իւրոյն բոլորովիմբ ելոյն և ոչ որ յինքեն իւրաքանչիւրումն. այլ ա̅իւ ամենևիմբ եղիցի անսահման. քանզի իւրաքանչիւրն զոր կալցես. կամ մի//եղանի և C, стр. 9. կամ ոչ մի. և եթէ ոչ մի. կամ բազում կամ ոչ ինչ։ իսկ եթէ և իւրականչիւրն ոչ ինչ և յոչ ինչէ ոչ ինչ։ Եւ դարձեալ եթէ իւրաքանչիւրն բազում եղանի. անսահմանութեամբ անսահման իւրաքանչիւրն. այլ այս անհնար է. վասն զի ոչ կարէ և ոչ մի ոք էսկացն լինել անսահմանութեամբ անսահման. վասն զի քան զանսահմանութիւն ոչ ինչ առ-

---

13 თითოეულსა B.—14 შეიმყრა D.—16–18 ხოლო თუ — არარაჲ] Эта фраза въ грузинскомъ, равнымъ образомъ въ армянскомъ должна соотвѣтствовать греческому чтенію: ἀλλ' εἰ μὲν ἕκαστον οὐδέν, καὶ τὸ ἐκ τούτων οὐδέν, между тѣмъ она значитъ: «но если каждое — ничто, то изъ ничего (не станетъ) ничего». — 17 არა რათაგან] არარაჲთაგან B.

18 ինչ] Здѣсь въ армянскомъ текстѣ вставка съ помѣткою ա̅կ, какъ указанная выше (стр. 7?—79) вставка-глосса. Вставка въ данномъ случаѣ внесена въ текстъ 1-й главы Проклова сочиненія: ея нѣтъ ни въ греческомъ подлинникѣ, ни въ грузинскомъ переводѣ. Текстъ вставки (нач.: որդ և սայնք զերկիր կիւբիկոն, кон.: անհասանելի ա̅ծ է), см. Дашянъ, ц. с., стр. 158—159.

თითოეულისა უფრო. და არცა არს რაო-

A, л. 10b. ბი||საჲგან რაჲ შესაძლებელ არს წარ-

მოდგენად. ვინაჲ ყოველი სიმრავლე ეზიარების რაჲთავე ერთსა :·

აწელ է։ Իսկ յամենևիմբն իւրաքանչիւրոցն առաւել. և ոչ յոչնչէ կարողութիւն է ինչ յառաջ կացուցանել. որովհետև և յումէ ո̃ բազմութիւն հաղորդեսցի իմ̃ միակին։

Ⴀ̃

Ⴈ

იტყჳს ფილოსოფოსი. ვითარმედ ყოველი სიმრავლე ეზიარების რაჲთავე ერთსა:· თანა გუაც გუარსა ბრძენთა სიტყჳსასა დაჭურეტად. ვითარმედ ყოველი სიმრავლე ეზიარების ერთსა და თუ არა, ვიხილოთ, იტყჳს, თუ რაოდენი უჯეროებაჲ შეუდგს:· ხოლო გამოსცდის მრავალკეცთა პირთაჲზედა და ვითარ ყოვლითურთ ამხილოს, მერმე

C, л. 2a. დაკაზმულთა აღმოსაჩენთაჲმიერ მასვე პირველსა სიტყუასა თანგანვლის სახედ დამტკიცებს. ვითარმედ ყოველი სიმრავლე ეზიარების ერთსა : ~

შეისწავე. ვითარმედ ამას პირველსა სიტყუასა ჰქჳან წინჩამოსაგდებელი სიტყუაჲ. ვითარ ოდეს სთქუა. ვითარ-

Ամելախաւսի. ̃Ծմունք։ Ա̃

Ասէ իմաստասէրս. եթէ ո̃ բազմութիւն յարակցի ուրեմ̃ միոյն. և մեք պարտական եմք ի բանս իմաստնոց նայիլ. որ ասէ. ո̃ բազմութիւն յարակցի իմիք միոյն. և թէ ոչ հաղորդի, տեսցուք՝ ասէ՝ թէ քանի անհեթեթութիւն հետևի։ Իսկ փորձէ զբանս ի բազում աւդրելով դէմս և իբրև ո̃իւ յանդիմանէ զստութիւն. յայնժամ կազմել լուծմամբք զնոյն առաջին բան հաստատել հաստատէ. իբր թէ ո̃ բազմութիւն հաղորդակցի ուրեմ̃ միոյն։

Ուսջիր զայս. զի այսմ առաջին բանիս կոչին ընդդիմադրական բան. իբր թէ ես զայս ասեմ. և դու՝ հա-

19 დაამტკიცებს CD.

„I⌜-я глава⌝.

„I⌜оаннъ⌝[2]).

„Говоритъ философъ: «всякое множество причастно какъ бы то ни было единому». Намъ надлежитъ всмотрѣться въ общій смыслъ слова, сказаннаго мудрецомъ[3]): «всякое множество причастно единому, если же не причастно, посмотримъ», говоритъ онъ, «сколько нелѣпостей послѣдуетъ». Въ разнообразныхъ смыслахъ испытываетъ онъ и послѣ того, какъ всячески обличаетъ ложь[4]), стройными доказательствами мимоходомъ утверждаетъ первое слово, что всякое множество причастно единому.

„Знай, что проблемою называется то первое слово, про которое говоришь: «я это утверждаю, а ты, оппонентъ, не утверждаешь этого,

79,1—80,4 Эта часть, текстъ самого Прокла, воспроизводитъ въ точности соотвѣтственную, 1-ую главу греческаго подлинника *Богословскихъ началъ*, изд. Creuzer'a, стр. 2, 4.

2) Іоаннъ] арм.: «Толкованія Амилахоса», см. ниже, стр. 84.

3) Слово во мн. ч. въ одномъ грузинскомъ: pluralis majestatis.

4) Слово *ложь* сохранилъ лишь армянскій текстъ.

მედ მე ამას ვიტყჳ და შენ წინააღმდგომო არ იტყჳ ამას. მაშა გამოვაჩინოთ კანონთა‿მიერ აღმოსაჩენთაჲსა. და ვი-
A, л. 11a. თარცა აღმოაჩი||ნოს იძულებითმან კანონმან თანშესიტყჳსამან და უკუნ იქცეს წინაგანმწყოჲ უკუნ რღუწვით. კ̃დ აღიღებს პირველსა წინჩამოსაგდებელსა სიტყუასა და ეტყჳს. ვითარმედ ესრეთ ვიდრემე. ვითარცა აწ აქა იხილე. პირვე-
B, л. 6a. ლიცა | ⌜და⌝ დასასრული ერთი არს:. ხოლო პირველსა ეწოდების პროვლიმაჲ, რომელ არს საშუალჩამოსაგდებელი. ხოლო საშუალსა კატასკევი, რომელ არს დაკაზმვაჲ. რამეთუ ამის დაკაზმვისა‿მიერ აღმოიჩინების ყოველი აღმოსაჩი-
C, л. 2b. ნოჲ: და ეს|რეთვე სხუათაცა‿ზედა იხი-
D, л. 7b. ლო:. რამეთუ | უკუეთუ პირველად არა ცნას მკურნალმან სენი. ვითარ დაჭკაზმოს წამალი. აწ ესე ცნობა პროვლიმად ჭრაცხე. ხოლო კატასკევი დაკაზმვად...

3 კანუნთა‿მიერ D. — 4–5 კანუნმან D. — 8 იტყჳს B.

կակս զոլ՝ զայս ինչ. և արդ ցուցցուք զաղափարաւ զստոյգն. եւ իբրև յայտնէ բանաբար կարգաւ//վիճաբանու- C, стр. 105.
Թեամբ և յետս դառնա զիմամարտողն քակտելով. դարձեալ առնու զառաջին ընդդիմադրական բանսն և ասէ եթէ այսպէս. որպէս աստ տեսեր. նախկին և կատարումն միապէս է. և նախկին կոչի պրովլիմա. որ է ընդ միջակն ստորադրութիւն. իսկ միջոցին կատասկևի. որ է կազմութիւն. վասն զի այսուիկ կազմութեամբ երևելի լինի յայտ ա̅ երևական բան. այսպէս և ի վերա այլոցն տեսցես. զի եթէ ոչ կարասցէ իմանալ բժիշկ զհիւանդութիւնն. որպէս կազմեսցէ
զդեղն.//արդ վայս գիտութիւն պրով- л. 1069բ[1].
լիմա համարեսջիր. իսկ զկատասկևի կազմութիւն...

17 զդեղն выставлено по C, въ A ничего не видно.

такъ выяснимъ на основанiи аподектическихъ законовъ». И когда принудительный законъ силлогизма докажетъ, и будетъ отраженъ опровергнутый противникъ, онъ опять беретъ первое слово, проблему, и высказываетъ его ему: «слѣдовательно, такимъ образомъ», какъ это ты сейчасъ видѣлъ здѣсь, начало и конецъ—одно и тоже. Первое слово называется проблемою, что значитъ *бросанiе на середину*, а среднее — κατασκευή, т. е. *приготовленiе*, ибо путемъ такого *приготовленiя* доказывается всякое положенiе. Тоже самое ты можешь видѣть на другихъ предметахъ, такъ если лекарь не познаетъ предварительно болѣзни, какъ можетъ онъ приготовить лекарство? Такъ этотъ дiагнозъ сочти проблемою, а κατασκευή — приготовленiемъ''...

У о. Iакова Дашяна приведенъ еще армянскiй текстъ 46-й главы сочиненiя Прокла съ толкованiемъ (լուծմունք) къ ней по двумъ версiямъ, древней и гарнiйскаго епископа Симеона, позднѣйшей [1]). И текстъ, и толкованiе древней версiи представляютъ точный переводъ соотвѣтственной части грузинскаго подлинника съ нѣкоторыми искаженiями со стороны переписчиковъ.

1) ц. с., стр. 159—161.

Армянскій текстъ заканчивается 211-ю главою и ея толкованіемъ такимъ образомъ [1]):

ႱႨႠ

ՙՍԺ, ⴗⴍⴅⴄⴊⴈ ⴌⴀⴜⴈⴊⴄⴁⴈⴇⴈ ⴑⴓⴊⴈ ⴘⴇⴀⴋⴍ-

A, л. 349b. ⴑ||ⴐⴓⴊ ⴌⴀⴕⴋⴌⴈⴑⴀⴃⴋⴈ ⴗⴍⴅⴊⴍⴁⴈⴇ ⴘⴇⴀⴋⴍⴈⴀⴐⴑⴄⴁⴑ. ⴞⴍⴊⴍ ⴇⴓ ⴠⴂⴈⴄⴑ ⴐⴀⴢⴅⴄ ⴃⴀ ⴃⴀⴐⴙⴄⴁⴈⴑ ⴑⴓⴊⴈⴑⴀⴢ ⴘⴍⴐⴈⴑ ⴂⴍⴌⴈⴄⴐⴑⴀ ⴀⴖⴋⴉⴓⴊⴑⴀ ⴚⴅⴀⴊⴄⴁⴀⴃⴈ ⴓⴉⴓⴡ ⴠⴕⴍⴌⴃⴈⴑ ⴂⴀⴂⴍⴌⴄⴁⴀⴢ ⴑⴀⴋⴀⴐⴀⴃⴈⴑⴍⴃ ⴀⴌⴓ ⴓⴚⴅⴀⴊⴄⴁⴄⴊⴈ. ⴞⴍⴊⴍ ⴇⴓ ⴓⴚⴅⴀⴊⴄⴁⴄⴊⴈ ⴠⴕⴍⴌⴃⴈⴑ. ⴈⴗⴍⴑ ⴂⴍⴌⴄⴁⴀⴢ ⴃⴀ ⴀⴐⴀ ⴌⴀⴜⴈⴊ ⴑⴓⴊⴇⴀ ⴃⴀ ⴈⴗⴍⴑ ⴑⴓⴊ ⴋⴀⴞⴊⴍⴁⴄⴊⴍⴁⴈⴇ ⴋⴆⴈⴀⴐⴄ ⴂⴍⴌⴄⴁⴈⴑⴀ. ⴀⴐⴀⴋⴄⴃ ⴄⴑⴄ ⴘⴄⴓⴛⴊⴄⴁⴄⴊ. ⴞⴍⴊⴍ ⴇⴓ ⴇⴀⴌⴚⴅⴀⴊⴄⴁⴈⴇ ⴠⴕⴍⴌⴃⴈⴑ ⴂⴀⴂⴍⴌⴄⴁⴀⴢ. ⴈⴗⴍⴑ ⴀⴐⴑⴄⴁⴀⴢ ⴋⴈⴑⴈ ⴑⴀⴋⴀⴐⴀⴃⴈⴑⴍⴃ ⴂⴀⴋⴂⴍⴌⴈⴑⴀ ⴃⴀ ⴍⴃⴄⴑⴋⴄ ⴂⴀⴋⴂⴍⴌⴈⴑⴀⴢⴋⴈⴄⴐ. ⴀⴐⴀⴋⴄⴃ ⴄⴑⴄⴚⴀ ⴘⴄⴓⴛⴊⴄⴁⴄⴊ. ⴐⴀⴋⴄⴇⴓ ⴄⴑⴄ ⴂⴓⴀⴐⴈⴇⴀ ⴂⴀⴌⴗⴍⴔⴈⴊ. ⴅⴈⴇⴀⴐ ⴀⴖⴋⴍⴈⴙⴈⴌⴀ. ⴃⴀ ⴀⴋⴀⴑⴇⴀⴌⴀ ⴓⴟⴄⴐⴍⴚⴀ. ⴐⴀⴋⴄⴇⴓ ⴉⴈⴃⴍⴅⴌⴄⴁⴈⴇⴈ ⴃⴀ ⴓⴋⴜⴓⴡⴐⴅⴀⴊⴄⴑⴈ ⴑⴓⴊⴇⴀⴢ ⴑⴀⴋⴀⴐⴀⴃⴈⴑⴍⴃ ⴀⴐⴑ ⴑⴐⴓⴊ. ⴃⴀ ⴀⴐⴀⴋⴚⴀ ⴈⴗⴎⴐⴍⴁⴃⴀ ⴇⴣⴑⴇⴀ ⴓⴕⴓⴡⴌⴀⴄⴑⴇⴀ ⴛⴀⴊⴇⴀ ⴃⴀ ⴑⴐⴓⴊ ⴠⴗⴍⴔⴃⴀ ⴋⴀⴇ. ⴅⴈⴌⴀⴢⴅⴄ ⴗⴍⴅⴊⴍⴁⴀⴢ ⴓⴉⴓⴡ ⴑⴓⴊⴈⴑⴀⴢ ⴈⴘⴇⴀⴋⴍⴄⴁⴑ :—

Ա՟մ մասնական անձն ի վայր իջել մժա *առ եղելութիւն բոլորովիմբ ստորագոանա. իսկ եթէ կեցցէ ինչ և մնասցէ անձին ի մտաց դերազարդութիւն, փոփոխական ունիցի զիմացութիւն իւր մշտնջենօր կամ անփոփոխելի. իսկ եթէ անփոփոխելի ունիցի, եղիցի իմանալի միտք և ոչ մասն անձին. և եղիցի անձն մերձաւորութեամբ հաղորդեալ մտաց. այլ այս անկար է. իսկ եթէ փոփոխութեամբ ունիցի զիմացութիւն. եղիցի գոութիւն իւր մշտնջենօր իմացողական և ի ձեռն երբեք իմացողին. այլ և այս անկար է. զի այս ազգաւ բաժանել է. որպէս ասացաւ. և այսպէս անպատշաճ ևս. վասն զի առանձինն և ծայրագոյնն անձին մշտնջենօր է կատարել. և ոչ կալել լինի յիւրն ներքնագոյն զօրութեանց և կատար⌈էր⌉ զնոսա։ Քանզի բոլորակութիւն անձին անդի յառաջ գայցէ։—*

2—3 ⴘⴇⴀⴋⴍⴈⴀⴐⴑⴄⴁⴑ [ⴘⴇⴀⴋⴍⴈⴀⴐⴄⴁⴑ B] *ստորագոանա*] Здѣсь отсутствуетъ соотвѣтствіе греческому чтенію, изд. Creuzer'a, стр. 316: καὶ οὐ τὸ μὲν αὐτῆς ἄνω μένει, τὸ δὲ κάτεισιν, а въ D груз. текстъ Прокла заканчивается этимъ словомъ.

1—23 Эта часть, текстъ Прокла, воспроизводитъ соотвѣтственную главу, 211-ю, греческаго подлинника *Богословскихъ началъ*, изд. Creuzer'a, стр. 314—316.

A, л. 350a.

ႱႨႡ

ՙՍԱ, ⴗⴍⴅⴄⴊⴈ ⴌⴀⴜⴈⴊⴄⴁⴈⴇⴈ ⴑⴓⴊⴈ ⴘⴇⴀⴋⴍⴑⴐⴓⴊⴈ ⴕⴋⴌⴈⴑⴀⴃⴋⴈ ⴗⴍⴅⴊⴍⴁⴈⴇ ⴘⴇⴀⴋⴍⴈⴀⴐⴑⴄⴁⴑ.

ա՟մ մասնօրական անձն եջել յ(արարածս) բոլորաբար ի վայր իջանէ։ մժբ

[Զայս տա (կարծիս եթէ մարդկային անձն որ առաքինութեամբ թէ յ)ա՟ծ

25—26 ⴘⴇⴀⴋⴍⴑⴐⴓⴊⴈ ⴕⴋⴌⴈⴑⴀⴃⴋⴈ] ⴘⴇⴀⴋⴍⴑⴐⴓⴊ ⴈⴕⴋⴌⴈⴑ ⴑⴀⴃⴋⴈ AB.

,,Всякая частная душа, ниспускающаяся во твореніе, цѣлокупно нисходитъ. [Внушаетъ ту мысль, что человѣческая душа, пока въ доб-

1) Ниже грузинскій текстъ по рп. Азіатскаго музея № 174,a = A, но по сличеніи съ B, C, D, а арм. по эчміадзинской рп. A со всѣми ея особенностями въ родѣ прич. *-եւ* вм. *-եալ* и т. п.

(յիւրն էութիւն դառնալով. դեռ ևս ի դրախտին է) // և դրախտ այսպէս է. л. 1121բ².
իսկ որ ի մարմնո գործ խոնարհի. զմաշկեղէն սգենու պատմուճան և յաշխարհ անկանի յանմտից ի դրախտէն // յիւրոցն առաքինութեանց։] C, стр. 309.

ამას ხედვასა ესთა იტყჳს. ვითარმედ თუმცა მწუჭრვალებითი და საყოვლ-თაოჲ იყოს სული. სამარადისოდმცა გაიგონებდა და არამცა შთამოიჭრებოდა უგუნურებისა-მიერ. არამედ ესხნესმცა თჳსნი გონიერნი თუალნი და ეგომცა სამარადისოსა-შორის ნეტარებასა სა-მოთხისასა. ესე იგი არს გონიერთა გუართა მკულებისასა. რამეთუ მუნ მე-სამარადისოჲ სული ხედავს გუართა და მზეთა გონიერთა. ხოლო ოდეს რაჲ
B, л. 151a. გარდამოვ|არდეს მუნით, კერპთა თან აღერევის და უმეცრებისა-მიერ განში-
D, л. 178a. შულ|დების მათ ზესთ ს̃ღთოთა გუართა ხედვისა-გან და გონიერთა და ზესთ-გონიერთა შეხებათა გემოჲსა-გან და თანშეყოფისა:· ვინაჲ მაშინ ეთქუმის
A, л. 350b. მას. ვითარმედ ადამ სადა ხარ. თუ სა||-დაჲთ სადა უგონებობამან მიაცილვაჲ ღმერთი და მამაჲ თჳსი:·

Այսքան զայս ասէ միտք իբր եթէ բն (sic) *ծայրական և բոլորակ էր անձն. ապա մշտնջենաբար իմանայր և ոչ երբէք անկանէր յանմտութենէ. այլ ունէր զիւրն իմանալի տեսարանս և կայր ի մշտնջենաւոր երանութեան դրախտին. այս ինքն յիմանալի ազգացն գերազարգական կացուածին. վասն զի անդ մշտնջենաւորական անձն տեսանէ զազգս և զարեգակունս իմանալեաց. իսկ է մինչ ի վայր անկանի անդի. ընդ կուռս և կերպս խառնակի և ի ձեռն անգիտութեան մերկանա յայնցիկ գերագոյն ա̃ծական ազգացն տեսութենէ և իմանալեաց և գերիմանալեաց մերձաւորութենէն։ Որով յայնժամ ասելի է նմա եթէ Ադամ ո՞ւր ես. եթէ ուստի ուր անտութիւն մոռացոյց զա̃ծ և զհայր իւր։*

17 ზესთა B, ზეშთ D. — 18–19 ზეშთ-გონიერთა D.

родѣтели или обращается къ Богу своимъ существомъ, она еще въ раю, и это есть рай; когда же душа ниспускается въ плотское дѣло, она облачается въ кожаную одежду и изъ рая своихъ добродѣтелей падаетъ въ міръ безумныхъ[1])]. «Эту идею онъ высказываетъ такъ: если бы душа была крайнимъ верхомъ и цѣлокупною, она понимала бы вѣчно и не пала бы внизъ отъ неразумія; напротивъ, оставались бы при ней умственныя ея очи, и она пребывала бы въ вѣчномъ блаженствѣ рая, т. е. среди умственныхъ родовъ космоса, такъ какъ вѣковѣчная душа видитъ умственные роды и свѣтила (*букв.:* солнца). Когда же она низвергается оттуда, смѣшивается съ идолами и отъ невѣжества до наготы лишается лицезрѣнія вышнихъ божественныхъ родовъ, вкушенія соприкосновеній съ умственными и сверхумственными и единенія съ ними. Потому тогда-то слѣдуетъ ей сказать: «Адамъ, гдѣ ты?», т. е. откуда и куда неразуміе разлучило ее (душу) съ Богомъ и Отцомъ ея?“

1) Помѣщенная въ прямыя скобки часть — вставка армянскаго переводчика.

Въ трудѣ Іоанна толкованіе слѣдуетъ за каждою главою Проклова сочиненія: толкованіе обыкновенно больше толкуемой главы, иногда въ нѣсколько разъ. Кромѣ того, тексту Прокла предшествуетъ Введеніе, судя по содержанію, особенно въ части о невыработанности грузинской терминологіи, дѣло рукъ грузинскаго переводчика. Грузинскому же переводчику, Іоанну Петрицскому, принадлежитъ и Послѣсловіе, въ рп. Азіатскаго музея № 174,а занимающее 24½ послѣднихъ листа. Армянскій переводчикъ сохранилъ Введеніе грузинскаго автора съ нѣкоторыми передѣлками, но совершенно опустилъ Послѣсловіе.

Наличные грузинскіе списки текстъ толкованія приписываютъ Іоанну, но оставляютъ насъ въ сомнѣніи касательно личности Іоанна, нашъ ли это Іоаннъ, грузинскій философъ, или кто другой. Армянскій переводъ устраняетъ это сомнѣніе, но вызываетъ въ насъ полное недоумѣніе, приписывая толкованія «философу и ритору, аѳинскому епископу Амелахосу» или «Іомелахосу» или «hОмелахосу». Симеонъ, гарнійскій епископъ, то-же лицо, очевидно, на основаніи предлежавшаго ему списка нашего армянскаго текста, называетъ Іамелахосомъ (Յամելախոս[1]); о. Дашянъ хотѣлъ видѣть въ немъ искаженіе Ἰάμβλιχος или Ἀμφίλοχος, хотя ни съ однимъ изъ этихъ именъ неизвѣстенъ толкователь Проклова сочиненія. Такъ-то, Ἰάμβλιχος легко могло исказиться подъ перомъ армянскаго переводчика, особенно если онъ отъ себя внесъ указаніе на такого автора толкованій, позаимствовавъ имя одного изъ авторитетовъ, именно Іамвлиха: въ грузинскомъ текстѣ (гл. 13, толков., рп. Аз. музея, л. 54а, 24—25, гл. 17-я, толков., ц. рп., л. 62b, 19) имя написано ⴈⴀⴋⴁⴊⴈⴕⴍⴑ *Іамвлихосъ*, чтò при сходствѣ грузинскихъ начертаній для звуковъ «в» и «е» переписчику легко было прочитать ⴈⴀⴋⴄⴊⴈⴕⴍⴑ *Іамелихосъ*. И, дѣйствительно, такую форму имени мы находимъ и въ грузинской рукописи Азіатскаго музея (№ 174, а): въ схоліи къ 50-й главѣ (лл. 144b—145а) толкователь какъ на одинъ изъ авторитетовъ вслѣдъ за Плотиномъ и Порфиріемъ ссылается на «великаго *Іамелихоса*» (л. 144b, 26). Странно, конечно, почему въ армянскомъ текстѣ имя Іоанна въ качествѣ толкователя вытѣснено мало подходящимъ, да къ тому же исковерканнымъ «Іамелихосомъ», и почему онъ, если рѣчь идетъ, дѣйствительно, объ Іамвлихѣ, обращенъ въ аѳинскаго епископа? Но этотъ вопросъ можетъ получить отвѣтъ лишь по обслѣдованіи всѣхъ армянскихъ и грузинскихъ списковъ[2]). Во всякомъ случаѣ въ толкованіяхъ нѣкоторыя мѣста

---

1) ср. Дашянъ, Պրոկղի Դիադոխոսի Շաղկապք ա՟ծաբանականք, ц. м., стр. 33—34.

2) Въ доступныхъ мнѣ грузинскихъ спискахъ имя толкователя вездѣ гласитъ Іоаннъ, но между тѣмъ какъ въ рп. Азіатскаго музея это имя представлено не въ видѣ обычнаго сокращенія въ составѣ начальной и конечной буквъ (ႨႬ), а въ видѣ начальныхъ двухъ буквъ Іо (ႨႭ), подобно тому, какъ имя Прокла — въ видѣ начальныхъ двухъ буквъ Пр

— 85 —

не могутъ не принадлежать грузинскому переводчику Іоанну, какъ автору, такъ напр. въ гл. 14-й та часть схоліи (рп. Аз. музея, л. 56a), гдѣ говорится о грузинскихъ формахъ словъ, или въ гл. 23-й, гдѣ по поводу перевода ἀνατείνονται Проклова текста грузинскимъ აღიცისკრებენ толкователь останавливается именно на этомъ грузинскомъ словѣ и даже пользуется его этимологіею (ц. рп., 80a—80b). По грузинской же традиціи толкованія къ главамъ Прокла цѣликомъ принадлежатъ нашему Іоанну [1]).

Вообще для армяно-грузинскаго міра, въ частности же и особенно для исторіи грузинской культуры труды Іоанна Петрицскаго, въ числѣ же нихъ на первомъ планѣ грузинскій текстъ *Богословскихъ началъ* Прокла имѣютъ спеціальное значеніе.

Въ комментаріи къ Проклу толкователь Іоаннъ вращается постоянно въ мірѣ не только неоплатониковъ, но и античныхъ поэтовъ и философовъ. Гезіодъ и Гомеръ снабжаютъ его матеріалами. Ипократъ, Емпедоклъ, Парменидъ часто его авторитеты. Платона, котораго особо величаетъ эпитетами «великій», «божественный», цитуетъ чаще. Имя Сократъ почти не сходитъ со страницъ памятника, гдѣ приводятся извлеченія изъ ряда платоновскихъ сочиненій.

Цитуетъ Іоаннъ обильно и Аристотеля, котораго онъ однако коегдѣ критикуетъ, называя его смутнымъ или путанымъ. Изъ писаній Аристотеля особенное вниманіе обращаетъ онъ на *Органонъ*.

Знаетъ вообще перипатетиковъ и схоліастовъ Аристотеля. Конечно, пользуется онъ и различными неоплатониками. Среди нихъ на первомъ планѣ у Іоанна философы Плотинъ, Ямвлихъ и Порфирій.

Сопоставляя грузинскій текстъ въ оригиналѣ съ греческимъ подлинникомъ Прокла, мы наглядно видимъ высокія качества грузинскаго перевода, его идеальную стройность и въ тоже время вѣрность греческому подлиннику не только въ передачѣ смысла, но до крайней возможности и во внѣшней формѣ, въ построеніи фразъ и отдѣльныхъ словъ-терминовъ, даже въ

(ԱԺ), въ остальныхъ спискахъ, рукописяхъ Императ. Публичной библіотеки (см. выше, стр. 66, прим. 2), оно сокращено въ одно начальное «I», такъ въ рп. В текстъ Прокла отмѣчается буквою Ա, а текстъ толкованія (Іоанна)—буквою Ղ. Тоже самое наблюдаемъ и въ рукописяхъ C, D и E съ тѣмъ отличіемъ, что буквы здѣсь использованы помельче, иногда вовсе не начальныя, а строчныя: ա и ղ. И, быть можетъ, это обстоятельство, наличіе одной буквы «і» (ղ) въ качествѣ имени толкователя, при отсутствіи вѣрной традиціи, армянскаго переводчика заставило пуститься въ собственныя догадки и раскрыть его въ имя І⌈амелихосъ⌉, подвернувшееся ему въ самомъ текстѣ толкованій.

1) Между прочимъ въ концѣ исторической записки царевича [Давида], «внука царя Ираклія», на русскомъ языкѣ читаемъ, что «философъ и богословъ Іоаннъ Петриц⌈с⌉кій перевелъ *Метафизику* Діадоха Прокла съ собственнымъ Іоанна Петриція толкованіемъ» (рп. Азіатскаго музея, Georg. № 5).

тождественной разстановкѣ грузинскихъ эквивалентовъ греческихъ частицъ. Эти эквиваленты — наличные грузинскіе или вновь искусно созидаются авторомъ въ полномъ согласіи съ духомъ грузинскаго языка, насколько этотъ духъ опредѣляется чисто основными его свойствами, внѣ завѣщанной реальной физіономіи. Дѣло въ томъ, что къ XI-му вѣку грузинская рѣчь представляла вполнѣ выработанный литературный языкъ съ своими мѣстными особенностями въ выраженіи тѣхъ или иныхъ культурныхъ и въ частности философскихъ понятій. Эти реальныя особенности литературнаго языка коренились въ особыхъ условіяхъ, въ которыхъ слагалась и развивалась культурная жизнь грузинъ до этого времени.

Іоаннъ Петрицскій творилъ въ отношеніи слога внѣ этихъ благопріобрѣтенныхъ особенностей наличнаго литературнаго языка, и потому рѣчь его несмотря на идеальную правильность необычайно искусственна. Въ согласіи съ отрѣшенною отъ разнообразія жизни и витающею въ высшихъ универсальныхъ отвлеченностяхъ неоплатоническою философіею, которой Іоаннъ былъ послѣдователемъ, на языкъ онъ смотрѣлъ также какъ на явленіе внѣ времени и пространства, и грузинскій языкъ онъ старался обратить въ орудіе, достойное исповѣдуемой имъ философіи. И это ему удавалось благодаря несомнѣнно глубокимъ познаніямъ въ грузинскомъ языкѣ.

Можно только удивляться тѣмъ неисчерпаемымъ рессурсамъ, тѣмъ прямо-таки чародѣйскимъ силамъ, которыми онъ располагалъ, чтобы съ избыткомъ находить въ грузинской рѣчи нужные матеріалы для передачи всѣхъ оттѣнковъ и переливовъ мыслей по образцу греческаго языка, для преодолѣнія всѣхъ трудностей въ высшей степени отвлеченной и сложной діалектики.

Безусловная вѣрность его даже буквѣ греческаго текста объясняется не вліяніемъ вообще эллинской рѣчи, не раболѣпіемъ передъ ея мощью и красотою, а желаніемъ облечь философскія мысли греческаго подлинника и на родномъ языкѣ въ наиболѣе точныя формулы, создать на родномъ языкѣ равный греческому по выразительности и опредѣленности философскій слогъ. И, дѣйствительно, тѣмъ же искусственнымъ слогомъ пользуется Іоаннъ и тогда, когда пишетъ онъ не переводъ, а самостоятельныя философскія сужденія.

Іоаннъ умѣлъ писать и писалъ обычнымъ простымъ красивымъ литературнымъ языкомъ, но не по вопросамъ философіи, какъ сообщаетъ онъ самъ въ одномъ мѣстѣ своего Послѣсловія[1]):

ჩუჱულებაჲ არს ჩ̃ნდაჲ ადვილთა და ჩუჱულთა სათარგმანთა-შორის თხზ-

,,у насъ обыкновеніе сочинять и украшать слогъ, когда переводится что-

1) Въ рп. Аз. музея, лл. 368b—369a.

ვად და მორთვად ენისად. არამედ ძნელთა-შორის გონებითა და ფილოსოფოსთასა ყოველსა სილიტონესა და თანმიყოლასა ენისა ებრისა ვემხარკები დადებად ვიდრე სადამდის მეტითა სილიტონითა დაშლაჲ და ვნებაჲ გონებასა არ შეემთხუჳოდის. რამეთუ ყოველი ჭაზრი ჩემი მათა-შორის გონებისა და ხედვისა-თჳს არს ანუ და სიტყჳერები-
D, л. 189b. თი იყოს გინა და სწავლულებ|ითი ანუ და ბუნებითი და ღ̃ისა-მეტყუჳლებითი. ვითავე ამათსა წინაჲთ ნემესიოჲს წიგ-
A, л. 369a. ნისა შეწყობასა-შინა მე||ხარკა

либо обычное и легкое, но при переводѣ трудныхъ, умозрительныхъ и философскихъ сочиненій я считаю себя обязаннымъ примѣнять всяческую простоту и слѣдовать особенностямъ языка (подлинника) до крайней степени, т. е. пока отъ чрезмѣрной простоты не наносится ущербъ и не нарушается умозрѣніе, такъ какъ въ такихъ переводахъ всѣ мои мысли направлены на умозрѣніе и теорію, касается ли (книга) логики или какого либо ученія, по физіологіи ли она или по богословію, какъ передъ этимъ я счелъ себя обязаннымъ поступить при обработкѣ книги Немесія“.

Ввиду такого взгляда на свою задачу, Іоаннъ Петрицскій переводилъ не только мысли, но и слова, даже такія слова, которыя существуютъ на грузинскомъ языкѣ: термины его не удовлетворяютъ, разъ они не покрываютъ или этимологически или иногда хотя бы по числу слоговъ подлинныя греческія слова переводимаго философа, такъ какъ неоплатонизмъ широко пользуется при толкованіяхъ грамматическими или иными особенностями самихъ словъ, и Іоаннъ стремится облегчить передачу всѣхъ этихъ тонкостей греческой діалектики, сохранить въ грузинскомъ текстѣ всю полноту сложныхъ упражненій неоплатоническаго умозрѣнія. Въ связи съ этимъ за Іоанномъ Петрицскимъ слѣдуетъ признать громадную заслугу въ грузинской литературѣ: ему мы обязаны готовою философскою терминологіею на грузинскомъ языкѣ, замѣчательно точно и кратко передающею грузинскими корнями всѣ тѣ термины, которые въ европейскихъ языкахъ существуютъ въ формѣ греческихъ или латинскихъ заимствованій. Надо при этомъ имѣть въ виду, что это богатство не оставалось мертвымъ капиталомъ, когда въ Грузіи процвѣтала родная литература.

Въ эпоху разцвѣта древне-грузинской литературы, въ XII — XIII-й вѣка, можно насчитать десятокъ философовъ; въ числѣ ихъ имѣемъ Димитрія, бывшаго въ 1125—1154-мъ годахъ царемъ и «занимавшагося философіею, богослова»[1]), Іезекіиля, «другого Петрицскаго, другого великаго Іоанна», «ритора, богослова, истиннаго философа»[2]), Саргиса Т̂могвели,

1) Антоній, წყობილსიტყუაობა, 782.
2) ib., 766.

«увлекавшагося мудростью, философа-творца»[1]) и др. Въ половинѣ XIII-го вѣка жилъ еще о. Петръ: «видѣлъ я писанія философа Петра», говоритъ про него кат. Антоній, «и понялъ, что онъ риторъ»[2]).

Вкладъ, сдѣланный въ грузинскую литературу Іоанномъ Петрицскимъ, былъ использованъ и тогда, когда послѣ долгаго перерыва въ Грузіи началось нѣкоторое, сравнительно, конечно, слабое оживленіе умственной работы въ эпоху помонгольскаго возрожденія.

Но значеніе Іоанна въ грузинской литературѣ не исчерпывается одною областью философіи.

Литературная дѣятельность Іоанна вызвала къ жизни у грузинъ новую переводческую школу, ставившую на первомъ планѣ безусловную точность и вѣрность подлиннику, безъ тѣхъ однако искусственностей, которыя допускалъ нашъ философъ. Наиболѣе виднымъ представителемъ этой школы является Ефремъ Младшій, ученикъ Іоанна Петрицскаго[3]).

По письмамъ его, сохранившимся въ Іерусалимѣ и въ другихъ мѣстахъ и пока изданнымъ лишь въ извлеченіяхъ, уже сдѣлана характеристика Ефрема Младшаго, какъ ученаго переводчика[4]): памятники, выходившіе изъ-подъ его пера, обработаны съ соблюденіемъ «самыхъ строгихъ и сложныхъ филологическихъ пріемовъ; не забыто ничто, ни установленіе и критика текста, ни самая скрупулезная точность перевода, ни сопоставленіе мнѣній различныхъ ученыхъ комментаторовъ».

Какъ новаторъ, Ефремъ подвергся сильнымъ нападкамъ со стороны части духовенства, державшейся иныхъ традицій и авторитетовъ. Ефремъ тщетно указывалъ, что и онъ высоко цѣнитъ Евѳимія Святогорца, главный авторитетъ охранительной школы, но понимаетъ его иначе.

«Пусть не удивляется никто», пишетъ въ одномъ мѣстѣ Ефремъ, «что св. нашъ отецъ Евѳимій прошелъ мимо нѣкоторыхъ изъ этихъ (сомнѣній или затрудненій памятника), и онъ питалъ молокомъ и травами наше юное племя, тогда какъ теперь народъ, взрощенный Евѳиміемъ, его же милостью сталъ просить болѣе твердой пищи»[5]). Ефремъ откровенно признавалъ, что Евѳимія онъ ставитъ на недосягаемую для себя высоту, считаетъ его царственною, героическою фигурою, а себя — его слабымъ послѣдователемъ.

«Если сей левъ», говоритъ онъ про Евѳимія, «не кувыркался подобно

1) ib., 083, 2—3.

2) ib., 768—769.

3) см. ниже, стр. 89.

4) Н. Марръ, *Предварительный отчетъ о работахъ на Синаѣ и въ Іерусалимѣ*, стр. 28—31, ср. Ѳ. Жорданія, ქრონიკები I, стр. 214—221, Е. Такайшвили, *Описаніе рукописей «Общ. распространенія грамотности среди грузинскаго населенія»*, т. I, стр. 712—720.

5) Касательно сравненія см. Езникъ, *Եղծ աղանդոց*, III, стр. 231.

карлику у дверей философовъ, зато пріими взамѣнъ то, что онъ скакалъ какъ левъ и какъ владыка, такъ какъ на повозку грузинъ онъ возложилъ снопы[1]) богословія, а я *при его же свѣтѣ* собралъ лишь отдѣльные колосья, чтобы нагрузить тотъ же возъ». Въ иномъ мѣстѣ Ефремъ прямо утверждаетъ, что онъ ученикъ другого, также вліятельнаго тогда въ охранительныхъ кругахъ учителя, Георгія Святогорца: «я посильно сохранилъ ученическую вѣрность великому учителю, свѣточу всей нашей церкви, Георгію Святогорцу», заявляетъ Ефремъ въ *Толкованіи апостоловъ*. Но тотъ же Ефремъ здѣсь умалчиваетъ, что его прямой учитель—Іоаннъ Петрицскій, о чемъ въ грузинской литературѣ существуетъ преданіе[2]). И что особенно любопытно, это преданіе восходитъ къ самому Ефрему, судя по слѣдующему двустишію католикоса Антонія I-го въ его წყობილსიტყუაობა:

«Самъ Ефремъ говоритъ, что учителемъ его былъ божественный философъ Іоаннъ»[3]).

Лишь дальнѣйшія изысканія могутъ выяснить, подразумѣвается ли здѣсь учительство нашего философа Іоанна, если впрочемъ рѣчь о немъ[1]), въ отношеніи Ефрема или приверженность послѣдняго школѣ, основанной у грузинъ петрицскимъ философомъ. Въ новомъ біографическомъ матеріалѣ, извлеченномъ изъ рукописи Евѳиміемъ С. Такайшвили, въ числѣ учителей, преподававшихъ Ефрему, Іоаннъ не названъ[4]).

---

1) ყოველი მჭელი (მჭელეული) букв. *всякій снопъ*.

2) Н. Марръ, *Изъ книги царевича Баграта*, стр. 234.

3) წყობილსიტყ. 748:

იტყჳს თჳთ ეფრემ მოძღუარ ყოფასა თჳსად
იოანეს საღმრთო ფილოსოფოსსა.

Въ изданіи ფილოსოფოსის, но и при этомъ чтеніи смыслъ фразы тотъ же, лишь редакція ея измѣняется на столько, что въ переводѣ она будетъ гласить: «самъ Ефремъ говоритъ касательно божественнаго философа Іоанна, что онъ былъ его учителемъ».

4) По любезному сообщенію Е. С. Такайшвили въ письмѣ отъ 24 сентября 1908 г., „въ Гелатѣ [монастырѣ въ семи верстахъ отъ Кутаиса] имѣется семь книгъ *Метафраса*, переписанныхъ въ 1565-мъ году. Въ одной изъ нихъ вслѣдъ за перечнемъ трудовъ Симеона Логоѳета Ефремомъ Младшимъ приведены свѣдѣнія о томъ, кто переводилъ на грузинскій языкъ «новыя (дѣянія) мучениковъ». По этимъ свѣдѣніямъ выходитъ, что Давидъ Тбетскій (Тбели) перевелъ (дѣянія) «св. Артемія, Критскихъ (мучениковъ) и Елевѳерія», Георгій Святогорецъ перевелъ дѣянія «св. Георгія и Ѳеодора и знаменія св. Ѳеодора»; Стефанъ Сананойсдзе перевелъ «чтеніе, акаѳисты и житіе Ѳеоктиста Лесбійскаго» и др., что же касается св. Евѳимія, онъ перевелъ «только (дѣянія) Климента и св. Прокопія изъ *Метафраса* (შეკაზმულთაგან) Логоѳета». За симъ Ефремъ продолжаетъ:

«ამათ წმიდათა მამათა მადლითა და კადნიერად ღ͞თისა მიმართ მეოხებითა და ლოცვითა ბერისა ჩუენისა საბა-სითა მეცა საწყალობელი და უღირსი სახისა და სახელისა ეფრემ მცირე და უნდო მონაზონი ღირს მყო და არა ვარე მიმაქცია წყალობაჲ (-ბანი?) აურაცხელნი ღმრთმან მეო-ხებითა მშობლისა მისისაჲთა და ყოველთა წმიდათაჲთა მოსლვად ეურკთაჲთანა ჩემოჳსნებულისა ბერისა საბა

«[милостью этихъ свв. отцовъ и смѣлымъ отъ Бога заступничествомъ и молитвами старца нашего Саввы Богъ и отъ меня, жалкаго и недостойнаго ни схимы, ни имени Ефрема Младшаго, негоднаго монаха, не отвратилъ неисчислимыхъ милостей. Заступничествомъ божьей Матери и всѣхъ святыхъ

Во всякомъ случаѣ труды Ефрема обличали, что онъ—послѣдователь процвѣтавшей въ то время той или иной философской школы. Ефремъ однако спѣшитъ укрыться подъ священную сѣнь патріархіи: «сомнѣнія свои я разрѣшалъ», сообщаетъ онъ, «распрашивая философовъ и митрополитовъ великой Антіохійской патріархіи и даже самого святого владыку, ученѣйшаго изъ всѣхъ». Болѣе того, Ефремъ прямо-таки отрекается отъ философскихъ и грамматическихъ школъ, вопреки очевидности.

Въ письмѣ къ Кирику онъ пишетъ: «какъ доподлинно знаетъ ваша старость, увѣнчанная деньми и благодатью, мы, послѣдующіе переводчики, учимся не въ школахъ философіи и грамматики, а изъ книгъ первыхъ труженниковъ-переводчиковъ». Такъ писалъ тотъ Ефремъ, про котораго и позднѣйшими грузинами не было забыто, что онъ «очень отличался въ философіи» 1).

Но сознавая, что для представителей охранительнаго теченія такія

თუხარელისა სულის მისათა, რომელმან ქრისტეს მიმსგავსებულითა სახიერებითა მიტჳრთა ჟამსა სიყრმისა და სიჭაბუკისა ჩემისასა და სხუათაცა ურიცხუთა ქველის-მოქმედებათა თანა ესეცა იხინა ჩემ ზედა. რომელ ბერძულისაცა წიგნთა კითხვისა სწავლათა იღუაწა ჩემთჳს ადგილისა-შინა ჯეროვნად მომზადებულსა. რომელ არს მონასტერი წ̃ისა სჳმეონ საკჳრველთა-მოქმედისა. რომლისა მეოხებითა და ავარვითა დედისა მისისა მართა[ჲ]სითა ვისწავლე რაჲ-მე. დაღაცათუ არა შემსგავსებულად ღუაწლთა და წარსაგებელთა წ̃ისა მის ბერისათა, არამედ ფრიად უმეტეს ძალისა და მოსწრაფებისა ჩემისაჲ. და მასვე ჟამსა ბრძანებითა და წარსაგებელითა მისითა ვთარგმნენ ესე რაოდენნი-მე საკითხავნი ლოღოთეტისა მეტაფრასითაგანნი»...

Онъ сподобилъ меня дойти до ногъ вышеупомянутаго старца Саввы Тухарисскаго, сына Сулы. Христоподобною благостью взялъ онъ меня на попеченіе въ годы юности моей и невѣжества и вмѣстѣ со всѣми другими благодѣяніями оказалъ мнѣ и то, что потрудился надъ обученіемъ меня чтенію греческихъ книгъ въ мѣстѣ, надлежаще обставленномъ, именно въ монастырѣ св. Симеона Чудотворца, заступничествомъ котораго и покровительствомъ его матери Мароы я кое-чему выучился, хотя и несоотвѣтственно трудамъ и тратамъ св. старца, но значительно выше силъ и рвенія моего. Тогда-же по волѣ и за счетъ его я перевелъ эти чтенія изъ *Метафраса* Логоѳета...]»

„«Все хорошее со мною», говоритъ далѣе Ефремъ, «было по милости Саввы», и затѣмъ продолжаетъ:

«ამას ყ̃ათანა და უპირატეს ყ̃ისა თანადადგინებითა სათნოჲსა და სარწმუნოჲსა მოწაფისა მისისა [ესე იგი საბა თუხარელისა] და მამისა ჩ̃ისა ეფრემ ოშკელისაჲთა. რომელი იგი მეცნიერ იყო კითხვასა და გაგონებასა ბერძულისასა და კეთილად სწავლულ ქართულთა სიტყუათა შეწყობილებასა და ამით ორითავე ორკერძოვე ჰმართებდა და განაგებდა ნაკლულევანებასა ჩემსა. და რათა მოკლედ ვთქუა. ყოველივე კეთილი ღმრთისა-მიერ და კაცთა ჩემ ზედა მომა (sic) ყოველი ბერისა საბა[ჲ]სი არს»...

„«[со всѣмъ этимъ и прежде всего съ помощью угоднаго и вѣрнаго ученика его [т. е. Саввы Тухарисскаго], отца нашего Ефрема Ошкскаго (Ошкели [см. Ѳ. Жорданія, ქრონიკები, I, стр. 227, 24]), который, будучи свѣдущъ въ чтеніи и пониманіи греческаго и хорошо обученъ сочетанію грузинскихъ словъ, исправлялъ въ этихъ обоихъ отношеніяхъ мои недостатки и руководилъ. Говоря короче, всякое благо, отъ Бога и отъ людей *исходившее* на меня, (проистекало отъ) старца Саввы.]»“

„Изъ послѣдующихъ словъ узнаемъ, что до сихъ поръ неизвѣстный намъ Ефремъ Великій былъ Ефремъ Ошкскій: его онъ называетъ великимъ (დიდი), а себя младшимъ (მცირე)“.

1) Н. Марръ, *Изъ книги царевича Баграта*, стр. 240: «ესე ეფრემ ფრიად უდრეს იყო ფილოსოფოსობითა».

оправданія не покроютъ новаго «философско-грамматическаго» направленія его трудовъ, Ефремъ вынужденъ заявить о своемъ православіи: «касательно правой вѣры я готовъ отвѣчать», пишетъ онъ, «всѣмъ изслѣдователямъ и проклинаю всякую ересь и всѣхъ противниковъ святыхъ отцовъ и православныхъ соборовъ, давшихъ законы».

Если бы довольствоваться письмами Ефрема, обвиненіе въ еретичествѣ на него падало только за то, что онъ въ переводахъ отступалъ отъ традиціонныхъ текстовъ, за то, что онъ давалъ полные и болѣе точные переводы важнѣйшихъ памятниковъ христіанской литературы. На Синаѣ мы нашли документальныя данныя о такомъ раздвоеніи грузинскаго образованнаго общества X-го вѣка изъ-за вопроса объ исправленіи текстовъ, о перемѣнѣ ихъ согласно съ вновь добытыми свѣдѣніями. И здѣсь брало верхъ у грузинъ то теченіе, которое, допуская критику традиціонныхъ нормъ, очищало ихъ или отвергало въ зависимости отъ нараставшаго знанія. Успѣху такого прогрессивнаго взгляда въ древней Грузіи содѣйствовало то, что въ церковномъ дѣлѣ живое участіе принималъ народъ, міряне. Князья, соревнуя другъ съ другомъ, наперерывъ требовали новыхъ текстовъ, лучшихъ переводовъ. Антоній, въ мірѣ князь Липаритъ, для монастыря св. Варлаама въ Абхазіи заказалъ списки новыхъ грузинскихъ переводовъ, произведеній аѳонцевъ, немедленно же по появленіи этихъ работъ въ свѣтъ [1]). Были, конечно, круги, не сочувствовавшіе нововведеніямъ, но до поры до времени имъ приходилось слѣдовать за общимъ теченіемъ.

Вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ церковныя дѣла, ихъ стремленія къ улучшеніямъ и обновленію церковной жизни въ Грузіи мы видимъ значительно раньше XI-го вѣка. Монашество въ старину протестовало-было противъ такихъ притязаній.

За пиршественнымъ столомъ послѣ выбора католикоса Арсенія въ IX-мъ вѣкѣ царь Гуарамъ, читаемъ мы въ *Житіи Григорія Хандзтійскаго* (гл. 42, 123—146, стр. მზ—მთ), ,,обратился къ епископамъ съ вопросомъ: «святые Бога, если свѣтскій человѣкъ изъ нашей страны, изучившій священное Писаніе и знающій также языки, прибудетъ въ Іерусалимъ или въ иныя святыя мѣста и увидитъ тамъ какіе либо хорошіе порядки, подобающіе христіанству и отсутствующіе у насъ, или же самъ додумается изъ чтенія книгъ и лично будетъ поучать необразованный народъ, хорошо ли это или нѣтъ?» Говоря это, государь имѣлъ въ виду нѣкоторыхъ многорѣчивыхъ.

,,Тогда епископы отвѣтили: «написано — «опредѣленнаго груза достаточно для лодки. Если слишкомъ нагрузишь, она пойдетъ ко дну, а если на

---

1) *Житіе св. Георгія Святогорца*, изд. Тифл., стр. 316, 25 сл.

ней будетъ легкій грузъ, она сдѣлается добычею вѣтровъ и волнъ». Такимъ образомъ тотъ грузъ религіи и тотъ христіанскій порядокъ, который теперь у насъ въ странѣ, очень хороши. Богъ доволенъ . . . . Если же міряninъ догадается о какомъ либо хорошемъ порядкѣ, . . . лучше ему молчать, по слову апостола Іакова (3,1): «братья, не многіе дѣлаетесь учителями!» Но если онъ не можетъ молчать, пусть самъ лично не проповѣдуетъ. Достаточно сообщить своему епископу. И если епископъ найдетъ нужнымъ, онъ наставитъ свою паству. Если же по гордости міряninъ выйдетъ изъ предѣловъ и начнетъ поучать народъ инымъ новымъ порядкамъ, вмѣсто мзды при второмъ пришествіи Господа да постигнетъ его наказаніе вмѣстѣ съ клеветниками и супостатами»“.

Но охранительная тенденція грузинскихъ монаховъ IX-го вѣка не нашла поддержки даже въ монастыряхъ. Новаторы являлись въ самой монашеской средѣ. Тому доказательства имена—Евѳимій, Георгій, Ефремъ и др. Всматриваясь въ труды Ефрема, мы видимъ, что вліяніе одного современнаго философскаго направленія, вліяніе школы Іоанна Петрицскаго сказывается у него въ пріемахъ перевода, да отчасти и въ выборѣ сочиненій. Въ перечнѣ трудовъ Ефрема называютъ книгу Аммонія[1]), и, быть можетъ, это извѣстный неоплатоникъ Аммоній Сакка. Во всякомъ случаѣ чувствуется тяготѣніе его къ до-христіанской культурѣ, хотя бы при посредствѣ древнѣйшихъ отцовъ церкви, которые, стоя близко къ язычеству, сильнѣе отзывались на переживанія античнаго міра. О живомъ интересѣ Ефрема къ такимъ именно элементамъ, напр. въ словахъ св. Григорія Богослова, можно судить потому, что онъ далъ статью: «Миѳологическія сказки, упомянутыя святымъ и великимъ Богословомъ Григоріемъ въ его книгахъ, на основаніи языческихъ книгъ». Интересъ Ефрема къ языческому міру легко объяснить, допустивъ его зависимость отъ современной философской школы, неоплатонической[2]). Неоплатоники считали свое ученіе наиболѣе зрѣлымъ плодомъ всей полноты греческой жизни; они думали, что корни ихъ ученія заложены въ той религіи древнихъ поэтовъ,

---

1) Пл. Іоселіани въ წყობილსიტყვაობა, 743, примѣч. 137.

2) «Я постоянно аллегорически объясняю ученикамъ греческіе миѳы», пишетъ между прочимъ Пселлъ про себя (Sathas, V, стр. 59—61, см. П. В. Безобразовъ, *Михаилъ Пселлъ*, стр. 125). Изъ этой и ей подобныхъ чертъ, конечно, нѣтъ надобности заключать, что Пселлъ, этотъ по выраженію Dräseke (*Psellos und seine Anklageschrift gegen den Patriarchen Michael Kerullarios* въ Zeitschr. für wissenschaftl. Theologie, т. 48 (1905 г.), стр. 255), «вдохновенный почитатель древняго міра», или тѣмъ болѣе грузинскіе писатели Ефремъ, да и Іоаннъ были филэллинами «въ современномъ смыслѣ слова», что они любили «классическую землю, какъ ее любятъ современные археологи», но тѣмъ не менѣе зарожденіе и замѣтный ростъ какого ни есть интереса византійцевъ XI-го вѣка къ античному міру болѣе важны, чѣмъ то кажется П. В. Безобразову, ц. с., стр. 183.

которая подъ формою боговъ, наслаждавшихся вѣчною юностью и вѣчными радостями, подразумѣвала вѣчную красоту и вѣчное блаженство міра. И потому неоплатоники раскрыли широкія объятія всей античной миѳологіи, сраженной христіанскимъ ученіемъ, и стали возрождать ее, очищая басни мистическими толкованіями [1]).

Начитанностью въ языческихъ книгахъ, свѣдѣніями по миѳологіи и поэзіи древнихъ грековъ Іоаннъ Петрицскій съ его послѣдователями оказали громадное вліяніе на содержаніе древне-грузинской письменности, посодѣйствовавъ появленію въ ней свѣтскаго направленія, зарожденію внѣцерковной изящной литературы.

Съ одной стороны, грамотные грузины какъ-никакъ начали знакомиться съ произведеніями античнаго міра, хотя и въ отрывкахъ. Имена героевъ *Иліады* сдѣлались настолько общеизвѣстными, что вскорѣ грузинскіе писатели стали пользоваться ими для характеристики новыхъ типовъ, своихъ созданій или живыхъ современниковъ.

Съ другой стороны, неоплатоническое умозрѣніе расширило умственный горизонтъ грузинскаго общества. Самъ порожденный «эпохою, когда македонскія завоеванія расширили предѣлы древняго общества и соединили весь образованный міръ для одной общей жизни», неоплатонизмъ разбилъ исключительность религіозно-національнаго мышленія грузинъ и облегчилъ имъ тѣсное литературное общеніе съ мусульманскимъ міромъ. Недаромъ же неоплатонизмъ претендовалъ, что онъ охватываетъ какъ всѣ философіи, такъ всѣ религіи; не даромъ же утверждалъ неоплатоникъ Проклъ, что онъ священный толкователь философовъ всего міра. Литературное общеніе грузинъ съ народами ислама могло лишь усилиться и, дѣйствительно, усиливалось отъ наличія въ мусульманской, персидской изящной обработкѣ сказаній иранскаго міра, преданіями котораго такъ сильно была насыщена подобно Арменіи и Грузія. Въ одѣ царю Давиду Строителю,

1) Herm. Kirchner, *De Procli neoplatonici metaphysica*, I, Берлинъ 1846, стр. 6—7: «A connexa autem tota summorum philosophorum, Parmenidis, Platonis, Aristotelis speculatione haec magnifica disciplina [neoplatonica], quasi conscia, se tanquam maturissimum fructum ex tota Graeci populi vita enatam et radices suas jam in illa antiquorum poëtarum religione positas esse, quae sub forma deorum aeterna juventute et aeternis gaudiis fruentium aeternam mundi pulchritudinem et beatitatem intuetur, — eo processit, ut totam mythologiam antiquam a Christiana doctrina jam concussam in latum suum sinum reciperet, eamque fabulis per mysticas interpetationes subiectas purgatis quasi regeneraret. Quin etiam altius evolans uti omnes philosophias ita etiam totius orbis religiones complecti seque earum explicatricem profiteri ausa est, et is vir, de quo mox acturi sumus, philosophum totius mundi esse hierophantem affirmavit». Дѣлается при этомъ ссылка на Марина, *Vita Procli*, гдѣ между прочимъ про Прокла читаемъ (изд. Ioh. Franc. Boissonade, Лейпцигъ 1814, гл. XXII, стр. 18): «κατὰ ταύτην δὴ ἐνεργῶν ὁ φιλόσοφος, πᾶσαν μὲν θεολογίαν ἑλληνικὴν τε καὶ βαρβαρικὴν καὶ τὴν μυθικοῖς πλάσμασιν ἐπισκιαζομένην κατεῖδε τε ῥαδίως καὶ ἐθέλουσί τε καὶ δυναμένοις συνέπεσθαι εἰς φῶς ἤγαγεν, ἐξηγούμενός τε πάντα ἐνθουσιαστικώτερον, καὶ εἰς συμφωνίαν ἄγων».

написанной въ началѣ XII-го вѣка, рядомъ съ античными воспоминаніями или, точнѣе, именами появляются имена героевъ *Шах-намэ*.

Возникновеніе и дальнѣйшее развитіе грузинской свѣтской литературы подъ сильнымъ вліяніемъ персидскихъ образцовъ завершилось, какъ извѣстно, появленіемъ поэмы *Барсова кожа*. И въ ней замѣчаются еще нѣкоторыя черты, указывающія на знакомство автора ея, Шоты Руставели, съ писаніями неоплатониковъ. Но какъ въ Арменіи, такъ въ Грузіи рядъ стихійныхъ нашествій, въ этотъ разъ монгольскихъ, постепенно упразднилъ всю культурную работу грузинъ, смелъ съ лица земли ея крупные результаты и вернулъ Грузію въ первобытное сравнительно состояніе.

Если, однако, въ противоположность Арменіи, умственное движеніе, вызванное неоплатонизмомъ, въ Грузіи оказалось все же творческимъ въ болѣе широкомъ масштабѣ и болѣе плодотворнымъ, это объясняется болѣе продолжительнымъ внѣшнимъ спокойствіемъ и, кромѣ того, исключительно благопріятными внѣшними условіями, въ которыхъ находилась грузинская образованность въ концѣ XI-го вѣка. Зарожденіе широкихъ литературныхъ интересовъ, новыхъ вкусовъ, мы замѣчаемъ и въ Арменіи вслѣдъ за пересадкою греческой философіи на армянскую почву. Но эти новыя исканія тамъ не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ арабскія опустошенія въ VIII-мъ вѣкѣ не дали возможности свѣтской тенденціи свить себѣ гнѣзда для независимаго выраженія въ литературѣ, въ первый же моментъ не было армянскихъ литературныхъ интересовъ внѣ монастырей, а писатели этого круга, какъ напр. Моисей Хоренскій, оставались глухи даже на настойчиво обращенные къ нимъ такого рода запросы. Что же касается Грузіи конца XI-го вѣка, въ ней при дворѣ Давида Строителя, царя абхазовъ, грузинъ и прочихъ племенъ грузинскаго государства, имѣлся литературный кругъ, интересы котораго не были связаны церковными преданіями. Этотъ кругъ располагалъ тогда уже готовыми образцами персидской поэзіи, наслаждался ими въ подлинникахъ.

По существу же грузинскій неоплатонизмъ XI—XII-го вѣковъ настолько повторяетъ всѣ особенности и пріемы философскихъ работъ армянъ въ эпоху эллинофильства, приблизительно въ VII—VIII-ой вѣка, что первый кажется сколкомъ второго. И, дѣйствительно, возможно, что была нѣкоторая преемственность между армянскою философскою школою и грузинскою. Возможно, что нѣкоторыя традиціи армянской школы, напр. такъ называемые «матеріальные переводы», унаслѣдованы отъ армянъ[1]).

---

1) Любопытно свѣдѣніе о пребываніи самого «армянскаго» философа Давида Непобѣдимаго въ Грузіи: его приводитъ Зарбаналянъ (*Հայկական Հին դպրութեան պատմութիւն* [3], стр. 322) изъ Аракела Сюнійскаго, *Մեկն. Սահմանաց*: «обличенные имъ (философомъ Давидомъ), армяне презрѣли его самого и его рѣчи и нанесли ему оскорбленіе дѣй-

Въ писаніяхъ Іоанна Петрицскаго, переводившаго непосредственно съ греческаго, встрѣчается нѣсколько терминовъ армянскаго происхожденія[1]). И или они заимствованы изъ древнихъ, недошедшихъ до насъ грузинскихъ памятниковъ, переводовъ съ армянскаго, или ихъ усвоилъ самъ Іоаннъ изъ непосредственнаго знакомства съ писаніями армянъ-халкедонитовъ, которые, какъ мы теперь знаемъ, входили въ составъ братьи его родного монастыря, Петрицонитиссы.

Болѣе общее значеніе имѣетъ причина появленія грузинскаго неоплатонизма, въ частности источникъ зарожденія въ Іоаннѣ Петрицскомъ интереса къ неоплатонизму.

ствіемъ (*Հարեալ վիրաւորեցին զնա*), и онъ отправился въ Грузію, гдѣ оставался до кончины». Кстати, не лишне обратить здѣсь вниманіе на слѣдующій случай, подтверждающій близость Давида Непобѣдимаго, точнѣе армянскаго переводчика Περὶ ἑρμηνείας къ грузинскому міру. Въ армянскомъ переводѣ Περὶ ἑρμηνείας имѣется положеніе [Венеція 1833, стр. 505]: *Քանզի եւ ոչ ներ Թակն՝ ակն նշանական, այլ՝ ձայն է այժմ միայն* *Такъ какъ и въ* ϑakə-n *значущимъ не является* ake-n, *это теперь лишь звукъ*. Къ этому мѣсту Давидъ Непобѣдимый пишетъ [ц. изд., стр. 506]: «(Аристотель) доказываетъ, (исходя) отъ какого-то животнаго, называемаго ϑakən, ибо, если въ началѣ его произносимую букву отнимешь, останется akə-n, и болѣе не будетъ означать того, что означало оно съ тою буквою, такъ какъ, произнося ϑakən, обозначаютъ нѣкій видъ неразумнаго животнаго, а akə-n болѣе не видъ животнаго, а нѣкая частица одареннаго разумомъ или безсловеснаго животнаго, какого-бы то ни было [akən по-армянски — *глазъ*]; слѣдовательно, это akən въ ϑakən-ѣ ничего не означаетъ, а лишь звукъ, какъ бы не имѣющій значенія шумъ». Отъ Давида Непобѣдимаго зависитъ и Іоаннъ Ерзнкайскій, своеобразно примѣняющій тотъ же лексическій матеріалъ въ иномъ направленіи, когда онъ въ своей *Грамматикѣ* пишетъ: «какъ то животное, что̀ называется ϑakən. Если кто отъ него отниметъ одну букву, оно означаетъ akən [*глазъ*]». Въ Большомъ словарѣ, гдѣ всѣ эти цитаты приведены подъ словомъ *Թակն* [ϑakən], послѣднее толкуется такъ: «какое-то животное неизвѣстное или измышленное для примѣра, въ греческомъ подлинникѣ стоитъ *мышь* (μῦς)». Между тѣмъ ϑakə-n (< ϑaku-n, по аналогіи перенесенное въ основы -ān: ϑak-ān) въ значеніи *мыши* не неизвѣстность и не измышленіе, а вполнѣ ясная транскрипція, съ замѣною лишь звонкаго g глухимъ k (ср. мингр. ტუკი ṭuk-i [изъ *ṭokv-i]) грузинскаго слова თაგუი ϑagu-i (<*taku-i) *мышь*. Но почему Давидъ Непобѣдимый, точнѣе армянскій переводчикъ Аристотеля, употребляетъ въ качествѣ нагляднаго примѣра это никому изъ армянъ неизвѣстное слово, столь близко родственное съ грузинскимъ?

1) Напр. ბუნობაჲს (гл. 34, схол., л. 114a, 15) *коренится* отъ *բուն*, კერპი (гл. 8, схол., л. 38a, 3) въ значеніи *образа*, какъ арм. *կերպ*, გმირი *сильный* въ Послѣсловіи (лл. 13a, 17, 13b, 8), транскрипція армянскаго слова *ժիր*, ტირი *кругъ*, resp. *окружность*, *линія круга* въ Послѣсловіи (л. 11a, 11 et pass.), транскрипція арм. *ծիր*. Въ грузинскомъ текстѣ Немесія (*О природѣ человѣка*, гл. II, VIII) ტირი стоитъ (рп. Общ. распростр. грамотн., № 339, тетр. III, лл. 7b, 17, 8, 16, тетр. VIII, л. 8a, 2, 6) въ соотвѣтствіе греч. γραμμή, арм. *գիծ* *линія*. Вліяніемъ армянской терминологіи можно бы объяснить то, что въ нашемъ текстѣ слово ასო *членъ*, *буква* употреблено въ значеніи *стихіи*, *элемента*. Въ армянскомъ слова для обозначенія тѣхъ же понятій почти тождественны: *տառ* *буква* и *տարր* *стихія*, *элементъ*. Любопытно отмѣтить, что терминъ ასო въ значеніи *стихіи*, *элемента* встрѣчается и въ отрывкѣ церковнымъ письмомъ «мудрѣйшаго» Аммонія (ყოვლადბრძნისა ამმონიოსისა), озаглавленномъ მოსახსენებელი ხუთთა ჴმათა ზედა პორფირი ფილოსოფოსისა *Воспоминанія къ пяти гласамъ философа Порфирія* (рп. Императ. Публичн. библ., Собр. кн. Грузин. № 349). Здѣсь на полѣ л. 3b читается глосса церковнымъ письмомъ: ასოდ ოთხთა ნივთთა იტყჳს ესე იგი არიან მიწა. წყალი, ჰაერი. და ცეცხლი. Кстати, въ томъ же отрывкѣ употребленъ приведенный выше армянскій терминъ ტირი tir-i съ глоссою церковнымъ письмомъ на л. 6a: სამძღვარი მრგულისა ტირი. *предѣлъ круга—«tir-i»*.

Іоаннъ Петрицскій жалуется на преслѣдованіе, которому онъ подвергся за занятія философіею и со стороны грековъ, и со стороны грузинъ. Текстъ жалобы гласитъ (рп. Аз. музея, Послѣсловіе, лл. 367b — 368b):

ვინაჲ მე მრჩობლეთა და მრავალმრჩობლთა და ერთვითთა ლმობათაგან მიდმოვიბნეოდი, სენთა, უცხოებათა და შურთა და ვერაგობათა საკუმილისაგან მექმე აწ ამის ყამისა ქართველთა
D, л. 189a. და ბერძენთაშორის. ქარ|თველნი თანადგომისა წილ და თქუმისა ესთა. ვითარმედ წმიდასა განგებასა ღ̃ისასა კაცი ტომისაგან ჩ̃ნისა უწარმოებია კელოვნებათაგან სულითა დაკელოვნებული. ხოლო ხედვათაგან გონებისათა გაგონებებული. ვინაჲ თან დაუგეთ, ვაიძუ-
A, л. 368a. B, л. 159b. ლოთ. ლმობათა მისთა || უნუგეშინისოთ ტკივილთა მისთა ვეწამლნეთ და ფარულთა მისთა ცხადად ვემხარკნეთ. რათა ვითარცა უცხოდ ბუნებისაგან წარმოარსებულსა მსგავსი და ნაცვალი მისი უშთინოთ. რამეთუ მედინისა ბუნებისაჲ არს კაცი და ყამსა რღუწვისა მისისა უცნაურობს:. არ ესთა. არა რაჲ ვერ იგულისჴმაეს. ვითარმედ «ბრჭალსა ჩემსა უმზირდეს სასაფრკოდ სულისა ჩემისად». ვინაჲ ძვირთასაცა უძუ⌈ი⌉რეს ესე. რომელ ორითა იპყრობვოდეს უმეცრებითა. პირველ მარტივად უმეცნეობითა სასწავლოთაჲთა და კ̃დ მეორედ თჳთ მის უმეცრებისა უმეცრებითა. ვითარ იტყჳს სოკრატ. რამეთუ ძნელ სენი. არამედ უფიცხეს

,,Посему я, творецъ (сочинитель), расточался въ скитаніи среди грузинъ и грековъ отъ однокачественнаго, но двойного и дважды многократнаго страданія, отъ костра болѣзней, пребыванія на чужбинѣ, зависти и вѣроломныхъ отношеній. Грузины (преслѣдовали) вмѣсто того, что-бы помогать мнѣ и говорить такъ: «святое божье провидѣніе произвело изъ нашего рода человѣка, душою изощреннаго въ искусствахъ и умудреннаго умозрѣніями; посему помиримся съ нимъ, заставимъ его, будемъ врачевать неутѣшныя его боли и обслуживать открыто скрытыя его нужды, чтобы дать ему чудесно приведенному въ бытье природою, возможность оставить подобнаго себѣ и преемника, ибо человѣкъ — созданіе быстротечной природы, и не знаетъ онъ о часѣ своего разрушенія». Не такъ (однако было). Ничего грузины не уразумѣли: «они глядѣли въ пяту мою для соблазна моей души». Почему злѣе злого было то, что они были одержимы сугубымъ невѣжествомъ, во первыхъ, простымъ незнакомствомъ съ науками и, во вторыхъ, незнаніемъ своего незнанія, какъ говоритъ Сократъ: «жестока болѣзнь, но еще болѣе жестоко незнаніе человѣкомъ того, что онъ боленъ».

1 ვინ AD. — 17 მსგზ̃ვსი A. — 23—24 ძჳრთასაცა უძჳრეს D.

უმეცრებაჲ სენისაჲ. ვინაჲ თუმცა მე რაჲვე თანსიყუარული და შეწევნაჲ მჩუენებოდა მათ-გან. თანა ვხდე დგო-მას ღ̃ჲ განგებათასა. და თჳთ მათ ხედ-ვათა ვფუცავ სურვილსა. რომელ ენაჲმცა A, л. 368b. ენისადა გამეწყო და ხედ||ვაჲმცა ფილო-სოფოსთა განცდისაჲ მეარისტოტელ-ურა და ღ̃ის-მეტყუელებაჲ ნივთისა-გან მიუხებელი წარმომეყენა: —

Потому (я утверждаю:) если бы мнѣ была оказана какая либо любовь и помощь, я прошелъ бы мимо противостоянія божьихъ судебъ и, клянусь самимъ стремленіемъ къ теоріямъ, я бы и языкъ (грузинскій) отдѣлалъ подобно (греческому) языку и теорію философскаго умозрѣнія выработалъ подобно Аристотелю и выставилъ бы богословіе, неприкосновенное для (растлѣвающей) матеріи“.

Въ отрицательномъ отношеніи къ своимъ сородичамъ грузинскій философъ Іоаннъ поразительно напоминаетъ древнихъ армянскихъ писателей, взрощенныхъ въ той же философіи. Онъ точно повторяетъ, перемѣнивъ лишь адресата, жалобы и нападки на армянское невѣжество, — жалобы и нападки такихъ эллинофиловъ, какъ Моисей Хоренскій и Лазарь Парбскій.

Впрочемъ подобно армянскимъ эллинофиламъ, Іоаннъ въ своихъ нападкахъ имѣлъ отчасти и оправданіе. Философія до него не пользовалась въ грузинской литературѣ преимущественнымъ вниманіемъ. Повидимому, не въ чисто грузинской средѣ народился интересъ Іоанна къ неоплатонизму.

Однако Іоаннъ жалуется на гоненіе за занятія философіею и со стороны грековъ. И, дѣйствительно, у византійскихъ грековъ вражда къ античной философіи, даже въ ея неоплатонической перелицовкѣ, особенно сильна.

Проклъ Діадохъ въ Византіи вызвалъ цѣлый рядъ опроверженій. Его опровергали Прокопій Газскій (V в.), Эній Газскій (V в.), равно Іоаннъ Филопонъ (VI в.[1]). Это однако все древніе апологеты чистоты христіанскаго ученія въ охранительномъ духѣ. Дошло до насъ опроверженіе Прокла и съ именемъ Николая, византійскаго писателя XII-го вѣка. Про него у Крумбахера читаемъ[2]): «Николай, епископъ Меѳона въ Пелопонезѣ, до новѣйшаго времени слылъ за выдающагося богослова XII-го вѣка... Его писательская слава постепенно была совершенно уничтожена... Особенно большое значеніе (въ этомъ дѣлѣ) имѣло открытіе Russos'а[3]), что 146 глава Ἀνάπτυξις τῆς θεολογικῆς στοιχειώσεως Πρόκλου Николая буква въ букву

1) Russos, Τρεῖς Γαζαῖοι, Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς φιλοσοφίας τῶν Γαζαίων, Константинополь 1893, стр. 3.

2) *Geschichte d. B. L.*², стр. 85.

3) Τρεῖς Γαζαῖοι, стр. 57—69.

совпадаетъ съ фрагментомъ полемическаго сочиненія Прокопія Газскаго, противъ Прокла».

Своему открытію Руссосъ однако придалъ преувеличенное значеніе. Что еп. Николай использовалъ Прокопія Газскаго, не назвавъ источника, это ясно. Можно бы допустить и то, что онъ цѣликомъ повторилъ его. Но неудовлетворительно объясненіе Руссоса для такого поведенія меѳонскаго епископа. По мнѣнію Руссоса (ц. с., стр. 63), «Николай пишетъ противъ Прокла не потому, что Θεολογικὴ στοιχείωσις неоплатоника угрожалъ его паствѣ: въ ущельяхъ Еримаѳа и Таугета», иронизируетъ Руссосъ, «вовсе не былъ тогда ежедневнымъ чтеніемъ Στοιχείωσις ликійскаго философа». «Николай пишетъ полемическія сочиненія потому, что и древніе великіе отцы полемизировали съ язычествомъ, и онъ полемизируетъ для того, чтобы его мудрости удивлялись современники. Выбираетъ же Николай Στοιχείωσις Прокла на томъ основаніи, что противъ этого труда писалъ уже Прокопій, сочиненіе котораго, *кажется* (φαίνεται), оставалось неизвѣстнымъ, такъ какъ никѣмъ оно не цитуется. Съ этимъ сочиненіемъ Николай могъ совершить плагіатъ незамѣтно (ἀνωδύνως) безъ страха быть открытымъ, тогда какъ опроверженіе Филопономъ Прокла касательно вѣчности было извѣстно болѣе, чѣмъ нужно». Руссосъ еще разъ, въ заключеніи (стр. 69), возвращается къ тому, что «Ἀνάπτυξις Николая происходитъ не изъ XII-го вѣка, гдѣ нѣтъ для него подходящихъ условій (ἀνάρμοστος καὶ ἄνευ λόγου), а изъ конца V-го вѣка и изъ Газы, гдѣ естественно и понятно (φυσικὴ καὶ αὐτονόητος) происхожденіе полемическаго сочиненія, направленнаго противъ Прокла, такъ какъ» «Газа до послѣднихъ дней держалась цѣпко эллинизма, въ борьбу съ которымъ вступали на мѣстѣ Эній, Захарія и Прокопій». Кромѣ того, Руссосъ указываетъ на молчаливыя заимствованія Николая изъ древнихъ памятниковъ. Эти интересныя литературныя указанія Руссоса выясняютъ лишь пріемы еп. Николая, его неспособность къ самостоятельной работѣ и, допустимъ, плагіаторство, но отнюдь не доказываютъ, что въ то время не было вовсе интереса къ Проклу.

Ошибочное заключеніе Руссоса основано на томъ, что онъ интересъ къ Проклу предполагалъ почему-то лишь въ язычникахъ или при наличіи язычниковъ [1]).

Можно лишь сказать, что интересъ къ неоплатонизму, существовавшій въ греческомъ обществѣ XII-го вѣка, былъ слабымъ переживаніемъ недавняго прошлаго. Это переживаніе ничего грознаго, ничего жизнеспособнаго въ себѣ уже не содержало. Византійцы успѣли къ началу XII-го вѣка умерт-

1) Russos, ц. с., стр. 4—5, 7, 58—59 et pass.

вить у себя это для тогдашнихъ условій плодотворное теченіе, забившее было живительною струею съ половины XI-го вѣка между прочимъ въ лицѣ характернаго византійца Пселла.

Два крупныхъ имени въ исторіи философскаго мышленія того времени, Михаилъ, въ мірѣ Константинъ, Пселлъ и Іоаннъ Италъ, къ сожалѣнію, не одинаково изучены. Факты заставляютъ насъ больше вниманія обратить на Іоанна[1]). Къ сожалѣнію, произведенія его, по всей видимости, не всѣ дошли до насъ, да и извѣстныя полностью не изданы[2]). Между трудами Іоанна, грузина, и писаніями Іоанна Итала наблюдается тѣсная связь[3]). Приходится жалѣть, что за отсутствіемъ изданія полнаго собранія его сочиненій нельзя рѣшить невольно выступающій передъ нами вопросъ, не воспроизводитъ ли на грузинскомъ языкѣ Іоаннъ Петрицкій въ комментаріяхъ къ Проклу толкованій своего византійскаго тезки, хотя принято думать, что Іоаннъ Италъ больше вниманія удѣляетъ Аристотелю, выше его цѣнитъ, тогда какъ Іоаннъ Петрицкій, пользуясь и Аристотелемъ, напр. *Органономъ*, безусловный поклонникъ Платона и особенно преклоняется передъ Прокловымъ пониманіемъ этого античнаго философа. Такимъ образомъ грузинскій философъ своими научными симпатіями какъ будто болѣе приближается къ Пселлу, одно время профессору, на лекціяхъ котораго или, какъ говоритъ самъ Пселлъ, «у ногъ котораго сидѣли въ качествѣ слушателей даже арабы и люди Запада». Но, какъ выясняетъ Дим. Брянцевъ, «судя по тѣмъ отрывкамъ, которые теперь изданы, Италъ не

1) Общій, довольно популярный обзоръ дѣятельности І. Итала, главнымъ образомъ на основаніи работъ Ѳ. И. Успенскаго по источникамъ, см. у Ferd. Chalandon, *Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène* (1081—1118) въ Mémoires et documents publiés par la Société de l'École des chartes, IV, Парижъ 1900, стр. 310 сл. Наиболѣе обстоятельное изученіе философскихъ и богословскихъ положеній въ ученіи І. Итала даетъ Димитрій Брянцевъ въ двухъ статьяхъ: a) *Іоаннъ Италъ и его философско-богословскія воззрѣнія, осужденныя Церковью* (Изслѣдованіе начала богословско-философскаго движенія Византіи въ средніе вѣка) (Вѣра и разумъ, журналъ богословско-философскій, Харьковъ 1904, т. II. — ч. I. Отдѣлъ философскій, стр. 243—272, 305—336, 402—422, 435—452, т. II. — ч. II. Отдѣлъ философскій, стр. 231—246, 255—276, 293—308, 309 [по опечаткѣ 305]—328 [по опечаткѣ 324], 337—357, 371—381) и b) *Іоаннъ Италъ, византійскій философъ конца XI вѣка* (ц. журналъ, 1905, т. II.—ч. I. Отд. филос., стр. 153—166, 193—212, 229—237). Новые матеріалы по источникамъ послѣ Ѳ. И. Успенскаго въ рецензіи на его *Очерки* и *Синодикъ* обнародовалъ П. В. Безобразовъ (Визант. временникъ, III (1896), стр. 125—150).

2) «Въ послѣднее время количество данныхъ о немъ», говоритъ Дим. Брянцевъ, «увеличилось, хотя ихъ еще нельзя считать вполнѣ достаточными для обрисовки его личности и дѣятельности» (ц. с., ц. журн., 1904, т. II.—ч. I, стр. 247).

3) Между прочимъ Д. Брянцевъ въ изложеніи философскихъ взглядовъ І. Итала выдвигаетъ различеніе имъ трехъ видовъ бытія, причиннаго, зависимаго и участвующаго (ц. с., Вѣра и разумъ, 1905, т. II.—ч. I. Отд. филос., стр. 154—159). Въ грузинскомъ толкованіи 30-й главы *Богословскихъ началъ* Прокла дается тоже различеніе бытія съ удержаніемъ въ грузинскомъ переводѣ, а также въ транскрипціи греческихъ терминовъ κατ'αἰτίαν, καθ'ὕπαρξιν и κατὰ μέθεξιν (рп. Азіатскаго музея, № 174,a, лл. 103b—105b).

отдавалъ исключительнаго предпочтенія ни одному изъ упомянутыхъ философовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ считалъ мнѣніе Аристотеля справедливымъ, онъ отдавалъ ему предпочтеніе, въ другихъ же случаяхъ не соглашался и опровергалъ его [1])». И въ дѣйствительности совершенно таково отношеніе І. Петрицскаго или переводимаго имъ автора въ толкованіяхъ къ Проклу. Во всякомъ случаѣ Іоаннъ Петрицскій съ Михаиломъ Пселломъ и Іоанномъ Италомъ не только дѣятели одной эпохи, но и одного поля пахари.

«По тѣмъ даннымъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи», читаемъ у Ѳ. И. Успенскаго [2]), «можно думать, что кругъ образованія у Пселла и Итала былъ въ сущности почти одинаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, указывая на профессорскія занятія Итала и на его преподаваніе, Анна перечисляетъ тотъ же кругъ ученыхъ авторитетовъ, какой и Пселлъ въ своихъ письмахъ: Аристотель и Платонъ, Порфирій и Ямвлихъ, Проклъ. Пселлъ разсказываетъ съ своей стороны, что, ознакомившись съ философскими основами, онъ перешелъ къ Аристотелю и Платону, отъ нихъ къ Плотину, Порфирію и Ямвлиху, наконецъ, прибылъ къ дивному Проклу. Въ чемъ можно усматривать отличіе Итала отъ Пселла, это развѣ въ предпочтеніи его и особомъ вниманіи къ *Органону* Аристотеля [3])». Въ свою очередь, мы къ этому можемъ прибавить слѣдующее: единственно, что̀ отдѣляетъ Іоанна Петрицскаго по характеру литературной дѣятельности отъ этой группы лицъ, это языкъ—его работы дошли до насъ на грузинскомъ языкѣ. По душевному складу, готовности терпѣть за свои убѣжденія варваръ Іоаннъ Петрицскій ближе къ Іоанну Италу, вѣрному своимъ

---

1) *Іоаннъ Италъ*, Вѣра и разумъ, 1904, т. II.—ч. I. Отд. филос., стр. 310—312. Далѣе Дим. Брянцевъ все болѣе и болѣе выясняетъ, что І. Италъ преимущественно неоплатоникъ. Въ наиболѣе для насъ интересной части своего изслѣдованія (ц. с., Вѣра и разумъ, 1904, т. II.— ч. II, стр. 235—246, 255—266 сл.), гдѣ выясняется физіономія І. Итала какъ философа, Дим. Брянцевъ, полемизируя съ византиновѣдомъ, пишетъ (ц. с., ц. м., стр. 265—266): «Ѳ. Ив. Успенскій самъ опровергъ свою мысль, что платоновскій характеръ философіи І. Итала несомнѣненъ. Положенія же, на которыя онъ не обратилъ должнаго вниманія, даютъ основаніе заключать, что всѣ положенія одиннадцати главъ нѣтъ возможности разсмотрѣть съ одной точки зрѣнія философіи Платона, но всетаки основныя положенія несомнѣнно платоновскія» (ц. с., ц. м., стр. 296—299 сл., 315, 316, 345). Для постановки вопроса, какъ понималъ его Ѳ. И. Успенскій, вполнѣ достаточно этой доли платоновскаго вліянія, въ концѣ концовъ свидѣтельствующей все же о глубокой приверженности Итала Платону. Въ сторонѣ, но едва-ли ближе къ истинѣ, остается П. В. Безобразовъ, когда по тому же вопросу, опять таки возражая Ѳ. И. Успенскому, пишетъ (Визант. врем., III, стр. 131): «Если въ сочиненіяхъ Итала и оказывается нѣкоторое вліяніе Платона, все же ввиду преобладающаго вліянія Аристотеля мы не имѣемъ достаточнаго основанія называть Итала платоникомъ».

2) *Очерки*, стр. 158.

3) ср. выше оговорку Дим. Брянцева.

идеямъ и, какъ увидимъ, пострадавшему за нихъ, чѣмъ къ царедворцу Пселлу[1]).

Извѣстно, что Пселлъ согласился удовлетворить охранительную партію, когда отъ него потребовали исповѣданія вѣры, направленнаго противъ его же неоплатоническихъ идей. Онъ былъ тогда профессоромъ университета, основаннаго при Константинѣ Мономахѣ (1042—1055). И этотъ университетъ, и это философское движеніе, наиболѣе видныхъ представителей котораго мы имѣемъ въ Пселлѣ и Италѣ, находятся въ самомъ узлѣ столкновеній прогрессивной части византійскаго общества съ охранительною. И Нейманъ, и Крумбахеръ, да и вообще эллинисты-византинисты, мнѣнія которыхъ мы напрасно хотѣли бы провѣрить выводами оріенталистовъ-византинистовъ, ибо, къ сожалѣнію, таковыхъ пока нѣтъ, словомъ современные византинисты съ увлеченіемъ выдвигаютъ личный моментъ: творческую, порою точно титаническую фигуру Пселла. Въ капитальномъ учебникѣ Крумбахера[2]) читаемъ, что Пселлъ «дерзнулъ даже платоновскую философію вызвать къ жизни послѣ долгаго сна и возвысилъ Платона надъ Аристотелемъ, философомъ церкви.[3])» Едва ли вполнѣ убѣдительна постановка вопроса о генезисѣ явленія и у болѣе осторожныхъ и внимательныхъ къ мелочамъ изслѣдователей: они указываютъ на родственные проблески философскаго увлеченія и въ предшествующія эпохи, на непрерывность античныхъ традицій въ Византіи. Между тѣмъ вопросъ въ томъ и состоитъ, почему всегда наличные элементы слагались въ крупныя явленія, въ движенія широкаго размаха лишь въ опредѣленныя эпохи. И Пселлъ, и Іоаннъ Италъ, и самъ царьградскій университетъ XI-го вѣка, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, по своему внутреннему содержанію представляютъ индивидуальныя воплощенія одного нераздѣльнаго культурно-общественнаго движенія. Соотвѣтственно прежде всего у насъ нужда въ выясненіи зиждительнаго начала или закваски, вызвавшей такой умственный подъемъ[4]). И не есть

---

1) П. В. Безобразовъ, *Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ*, стр. 88—89 сл., 194 et pass.

2) *Geschichte der B. L.* [2], стр. 433. Эту мысль находимъ еще у William Fischer: «Psellus hat den Plato für die damaligen Zeiten gleichsam wieder neu entdeckt, nachdem seit den Zeiten des realistisch gesinnten Photius der platonische Idealismus ganz verfehmt worden war, und gegenüber dem offiziellen Aristoteles die ältere Akademie wieder auf den Schild erhoben» (*Iohannes Xiphilinus*, *Patriarch von Constantinopel* въ *Studien zur byzantinischen Geschichte des elften Jahrhunderts*, Wissenschaftliche Beilage zu dem Programm der Gymnasial- und Realschul-Anstalt zu Plauen i. V., 1883, стр. 30)

3) Мнѣніе, что Пселлъ былъ «возстановителемъ платонизма», П. В. Безобразовъ (ц. с., стр. 163 сл.) считаетъ справедливымъ «только отчасти», но для Византіи XI-го вѣка и этого было достаточно, ср. Н. Скабалановичъ, *Византійская наука и школы* въ XI вѣкѣ (Христіанское чтеніе, 1884, I), стр. 348—351 сл.

4) Поучительныя справки Ѳ. И. Успенскаго (*Дѣлопроизводство по обвиненію І. Итала*, ц. м., стр. 10—20 сл., см. также Н. Скабалановичъ, *Византійская наука и школы* въ *XI*

ли столь значительное культурно-общественное движенiе, столь ярко вспыхнувшiй умственный подъемъ произведенiе одного изъ тѣхъ глубокихъ творческихъ броженiй, которыя неизбѣжно возникали въ византiйскомъ мiрѣ изъ прiобщенiя свѣжихъ варварскихъ силъ къ греческой образованности, изъ стремленiя къ серьезному усвоенiю этой греческой культуры вплоть до ея античныхъ основъ народами, по классической терминологiи, народами-варварами. Напрасно Карлъ Нейманъ въ возбуждающей любопытство рѣчи *Byzantinische Kultur und Renaissance-Kultur*, произнесенной имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Гейдельбергѣ въ собранiи нѣмецкихъ историковъ,—напрасно успѣхъ западнаго ренессанса усмотрѣлъ въ наличiи въ Европѣ варваровъ, которыхъ будто недоставало византiйской культурѣ въ качествѣ творческаго начала.

Нейманъ, на мой взглядъ, проглядѣлъ наиболѣе важные, да притомъ очевидные факторы неуспѣха византiйскаго ренессанса. Онъ забылъ, что Византiя—понимая ее, конечно, какъ комплексъ христiанскихъ странъ и народовъ, жившихъ одною общею, родною для всѣхъ византiйскою культурою,—эта Византiя, пострадавшая не мало раньше отъ нашествiя арабовъ, и послѣ начавшагося было въ XI-мъ вѣкѣ возрожденiя перенесла рядъ стихiйныхъ варварскихъ нашествiй. Изъ нихъ появленiе европейцевъ на Востокѣ въ лицѣ крестоносцевъ сказалось едва-ли не наиболѣе пагубно на дальнѣйшемъ развитiи мѣстной византiйской культуры. Вслѣдствiе этого въ византiйскомъ мiрѣ наблюдается поразительное явленiе, Европѣ давно неизвѣстное, именно массовое одичанiе, переходъ высоко-культурныхъ странъ въ некультурное, даже въ первобытное состоянiе[1]). Съ другой стороны, трудность задачи для Византiи лежала не въ отсутствiи «варваровъ», т. е. народовъ, не вкусившихъ греческой культуры, а наоборотъ, въ избыткѣ такихъ варварскихъ народовъ, особенно въ расовой ихъ разнохарактерности, болѣе того—въ наличiи у многихъ изъ нихъ своеобразныхъ мѣстныхъ культурныхъ традицiй, наслѣдiя долгой исторической жизни. При этихъ условiяхъ у восточныхъ варварскихъ народовъ, прiобщенныхъ къ христiанской культурѣ, съ первыхъ же успѣшныхъ шаговъ начиналось то, что теперь принято называть нацiонально-культурнымъ самоопредѣленiемъ,

---

вѣкѣ, ц. м., стр. 352—356) о традицiонномъ интересѣ византiйскихъ государей къ высшей школѣ, впрочемъ далеко не безпрерывномъ или одинаково сильномъ, касаются лишь внѣшней стороны дѣла.

1) Н. Скабалановичъ мимоходомъ касается этого явленiя, но лишь въ общемъ сужденiи и въ отношенiи славянскаго элемента, когда онъ пишетъ: «Пониженiе уровня образованности въ областяхъ было результатомъ столько этнографическихъ переворотовъ, соединенныхъ съ славянскими поселенiями, сколько же давленiемъ (sic) византiйской централизацiи, убившей благосостоянiе областей какъ экономическое, такъ и интеллектуальное» (*Византiйская наука и школы въ XI вѣкѣ*, ц. ж., стр. 350).

и кадръ двигателей общевизантійской культуры убывалъ за уходомъ свѣжихъ «варварскихъ» силъ въ мѣстные культурные интересы. Конечно, общеніе не прекращалось. Отъ кипучей жизни обособившихся варварскихъ народовъ иногда избытокъ тѣмъ или инымъ путемъ, отчасти быть можетъ, подпочвеннымъ, т. е. нелитературнымъ, отливалъ въ общее византійское русло, и тамъ инородное, варварское порожденіе вызывало культурную борьбу, содѣйствовало нарожденію новой жизни. Какъ разъ къ началу интересующей насъ эпохи императоръ Алексѣй, этотъ «тринадцатый или, если ту же честь оказали бы Константину, во всякомъ случаѣ четырнадцатый апостолъ» по опредѣленію Анны Комнинъ, огнемъ и мечемъ задушилъ павликіанство, на армянское происхожденіе котораго указываютъ лучшіе источники[1]). Съ павликіанствомъ Ferd. Chalandon склоненъ связать и «еретическое ученіе Нила», «монаха, увлекавшагося изученіемъ св. Писанія и не свѣдущаго въ эллинской наукѣ», но, несомнѣнно, и для воспріятія и пропаганды его идей наиболѣе чувствительною оказалась «варварская» среда, опять таки армянская[2]). Недостатка въ «варварскомъ» ферментѣ такимъ образомъ въ Византіи не было. «Варварскій» ферментъ, по всей видимости, содѣйствовалъ возникновенію византійскаго ренессанса въ XI-мъ вѣкѣ. Движеніе не ограничивалось предѣлами Царьграда. Связанное съ нимъ исканіе новыхъ путей, созданное имъ прогрессивное теченіе сказывалось въ другихъ пунктахъ имперіи, гдѣ также возникали однородныя школы, вызывавшіяся наличіемъ однородныхъ условій. Мимоходомъ напомню, что къ XI-му вѣку относится возрожденіе интереса къ философіи и у армянъ въ лицѣ Григорія Магистра, къ сожалѣнію, мало изученнаго, переводчика между прочимъ ряда произведеній Платона на армянскій языкъ. Изъ писемъ грузинскаго писателя Ефрема Младшаго, подвизавшагося въ Сиріи на Черной горѣ, мы получаемъ ясное свидѣтельство о существованіи того же умственнаго броженія въ Антіохіи, о двухъ теченіяхъ, охранительномъ и прогрессивномъ, въ связи съ тѣмъ или инымъ отношеніемъ къ философскимъ занятіямъ. Тоже самое наблюдалось еще, вѣроятнѣе всего, въ Петрицскомъ монастырѣ также съ грузинской средою, откуда, надо думать, и пришлось бѣжать Іоанну Петрицскому, судя по его словамъ о преслѣдованіи со стороны грузинъ. Но Петрицскій монастырь былъ основанъ или

1) Ferd. Chalandon, ц. с., стр. 310. Впрочемъ французскій изслѣдователь какъ будто и самъ присоединяется къ похвальному отзыву Анны, говоря или повторяя (стр. 323) про Алексѣя, „что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ талантливыхъ людей, которыхъ византійская имперія не разъ имѣла счастливый удѣлъ встрѣтить въ моментъ, когда она въ нихъ нуждалась“, что „онъ сумѣлъ на время остановить «медленное распаденіе столь разнообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ была образована имперія»“.

2) ц. с., стр. 317—318.

возобновленъ въ 1083 г. [1]). Іоаннъ Петрицскій могъ успѣть предварительно быть изгнаннымъ греческими властями изъ Царьграда послѣ суда надъ учениками Іоанна Итала въ 1082-мъ году [2]), если не имѣть въ виду третьяго суда въ 1084-мъ [3]). Тѣмъ горше должно было быть для него враждебное отношеніе со стороны сородичей, и это горькое разочарованіе ярко выступаетъ въ его жалобѣ, гдѣ онъ мирится съ греческимъ насиліемъ, но не можетъ понять поведенія грузинъ. Впрочемъ въ Петрицѣ его должны были извергнуть изъ обители, независимо отъ его прошлаго, прежде всего во исполненіе той приведенной нами въ началѣ статьи устава, по которой богословская наука въ мѣстной семинаріи допускалась лишь въ предѣлахъ потребностей монастырскаго священнослуженія. Вопросъ иной, не здѣсь ли возникли, тѣмъ не менѣе, первыя грузинскія работы Іоанна Петрицскаго по философіи? Не были ли онѣ вызваны необходимостью знакомить питомцевъ Петрицской семинаріи съ началами богословія на грузинскомъ языкѣ? Учениковъ, содержимыхъ на счетъ монастыря, по уставу полагалось шесть, но число своекоштныхъ слушателей могло значительно возрасти, когда во главѣ семинаріи стоялъ такой выдающійся ученый, какъ Іоаннъ Петрицскій, если вѣрить традиціи [4]), извѣстный съ 1069-го года [5]).

Правда, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ безспорно грузинскою средою, но на нашъ взглядъ, въ этомъ и коренится интересъ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ, въ Антіохіи и Петрицѣ, связь выдающихся грузинскихъ дѣятелей, и Іоанна, и Ефрема съ современнымъ философскимъ движеніемъ въ Византіи — наглядный фактъ. Вопросъ только въ томъ, насколько роль грузинъ въ этомъ дѣлѣ активна, т. е. не составляютъ ли они ингредіентъ того «варварства», которое служило благотворнымъ ферментомъ въ культурной жизни самой Византіи. Что «варварскій» элементъ, въ частности грузинскій, игралъ роль въ возрожденіи философіи въ Византіи XI-го вѣка, на это имѣется и одно греческое указаніе. Это свидѣтельство принадлежитъ перу того лица, на кого извѣстный авторъ *Очерковъ* по исторіи византійской образованности смотритъ «*какъ на выразителя философской мысли въ концѣ XI-го вѣка* [6])». Рѣчь объ Іоаннѣ

1) Н. Марръ, *Аркаунъ*, стр. 17.

2) Ѳ. И. Успенскій, *Дѣлопроизводство по обвиненію І. Итала*, стр. 6, см. у насъ ниже, стр. 108, прим. 3.

3) Дим. Брянцевъ, *Іоаннъ Италъ*, Вѣра и разумъ, 1904, т. II. — ч. I, стр. 320—321.

4) см. выше, стр. 54, прим. 2.

5) При ученомъ *Георгіи Святогорцѣ*, скончавшемся въ 1066-мъ году, для одного Ивера на Аѳонѣ учащихся грузинъ, разнаго возраста, набрано было 80, см. *Житіе св. Георгія Святогорца*, изд. Тифл., стр. 324—326 сл.

6) Ѳ. Успенскій, стр. 151. Также въ общемъ высказывается о крупномъ значеніи того лица и Дим. Брянцевъ, по словамъ котораго онъ «стоитъ какъ бы въ центрѣ ум-

Италѣ. Іоаннъ Италъ впрочемъ и самъ не былъ чистокровнымъ грекомъ: и этотъ «выразитель философской мысли Византіи въ концѣ XI-го вѣка» былъ для грековъ варваръ, хотя и западный варваръ, по характеристикѣ Анны Комнинъ[1]). Для установленія восторжествовавшей партійной точки зрѣнія, истинно-византійской, необходимо привести эту характеристику, хотя бы въ извлеченіяхъ. Происходя изъ Италіи и, долго проживъ въ Сициліи, Іоаннъ Италъ потомъ попалъ въ Константинополь. Здѣсь— пишетъ Анна Комнинъ—«бесѣдуя со школьными преподавателями, людьми неподатливыми и грубыми по нравамъ (были тогда въ столицѣ и такіе), онъ почерпнулъ отъ нихъ словесное образованіе. Впослѣдствіи слушалъ извѣстнаго Михаила Пселла, который хотя и не особенно много посѣщалъ ученыя школы, но природными способностями и остротою ума, а, можетъ быть, и вслѣдствіе божьей помощи, достигъ вершины всякой мудрости, изучилъ эллинскую и халдейскую науку и былъ въ то время знаменитымъ ученымъ. Но занимаясь съ нимъ безъ правильной системы, Италъ не могъ проникнуть въ сущность философіи. Учителей онъ не выносилъ и не терпѣлъ ученья, полный же дерзости и варварскаго нахальства онъ считалъ себя выше всѣхъ и безъ науки и поспорилъ съ самимъ Пселломъ на первыхъ же урокахъ. Изучивъ же діалектику, ежедневно производилъ смятеніе въ публичныхъ собраніяхъ, подбирая софистическія остроты и излагалъ весь предметъ въ той же [софистической] формѣ». «Когда же Пселлъ послѣ постриженія удалился изъ Константинополя, то, назначенный преподавателемъ всей философіи, Италъ получилъ титулъ ипата философовъ и занимался объясненіемъ сочиненій Аристотеля и Платона. Пользуясь славою многоначитаннаго человѣка, въ сущности онъ былъ по преимуществу силенъ въ изученіи перипатетиковъ, а главное въ діалектикѣ. Въ другихъ словесныхъ искусствахъ не имѣлъ особенныхъ свѣдѣній: въ грамматикѣ спотыкался и не вкусилъ нектара риторики». «Вообще онъ былъ весьма невоспитанъ и слишкомъ подчинялся порывамъ; вселяя къ себѣ нѣкоторое уваженіе рѣчью, портилъ его и уничтожалъ страстными порывами. Ибо разговоръ онъ велъ и языкомъ и руками, ему мало было привести собесѣдника въ недоумѣніе и заградить уста его молчаніемъ, рука его вцѣплялась еще въ бороду и въ волосы и оскорбленіе слѣдовало за оскорбленіемъ». «Произношеніемъ своимъ онъ походилъ на иноземца, прибывшаго въ моло-

---

ственной жизни Византіи конца XI вѣка. Благодаря его дѣятельности и его воззрѣніямъ общественная жизнь Византіи получила сильный толчекъ» (Вѣра и разумъ, 1904, т. II. — ч. I, стр. 244).

1) Успенскій, ц. с., стр. 151 сл. Дим. Брянцевъ подробно останавливается между прочимъ на насмѣшкахъ его товарищей по ученію у Пселла надъ иностраннымъ выговоромъ I. Итала и незнаніемъ риторики (Вѣра и Разумъ, 1904, т. II. — ч. I, стр. 266—268).

дыхъ лѣтахъ изъ латинской страны, зналъ греческій языкъ, но не чисто произносилъ и коверкалъ нѣкоторые слоги. Нечистота и несовершенство рѣчи его замѣчались многими, настоящіе же ораторы смотрѣли на нее какъ на крестьянскую рѣчь». «Такой человѣкъ стоялъ во главѣ всей философіи и преподавалъ ее стекающемуся къ нему юношеству. Онъ раскрывалъ ученіе Прокла и Платона и философовъ Порфирія и Ямвлиха, въ особенности же сочиненія Аристотеля»... «Вотъ его ученики: Соломонъ, Іоаннъ, Іаситы и Сервиліи и другіе, прилежавшіе къ ученію»... «Ни одной науки не знали они въ точности, выдавали же себя за діалектиковъ безпорядочными движеніями и странными кривляніями, не владѣя реальными знаніями, находили себѣ защиту въ *идеяхъ да въ смутныхъ теоріяхъ о переселеніи душъ* и въ другихъ странностяхъ. Господствуя среди вышеназванныхъ своихъ учениковъ, Италъ ко всему относился презрительно, многихъ неразумныхъ подстрекнулъ къ возстанію и не мало выставилъ тирановъ изъ своихъ учениковъ». «А какъ зловредное его ученіе раздѣляемо было многими придворными и не мало бояръ заражено было его мнѣніями, и царя это очень обезпокаивало, то неправильное ученіе Итала, сведенное къ 11 положеніямъ, препровождено къ царю[1]). Эти положенія по приказанію царя были преданы проклятію съ амвона Великой церкви, причемъ народъ съ непокрытою головою выслушивалъ каждое положеніе и сопровождалъ его произнесеніемъ: анаѳема.... Такимъ образомъ, ученіе его съ тѣхъ поръ предается проклятію»..

По мнѣнію Ѳ. И. Успенскаго, Анна Комнинъ каррикатурно характеризуетъ философа Итала[2]). Но характеристика цесаревны отраженно уясняетъ и фигуру того торжествовавшаго византинизма, симпатіи къ которому такъ очаровали Анну Комнинъ. Съ какимъ чувствомъ торжества сообщаетъ она между прочимъ, что при чтеніи съ амвона Великой церкви одиннадцати положеній противъ ученія Итала «народъ съ непокрытою головой выслушивалъ каждое положеніе и сопровождалъ его произнесеніемъ: анаѳема». Народъ съ непокрытою головою компетентно предавалъ анаѳемѣ, какъ теперь давно выяснено Ѳ. И. Успенскимъ, «свободу философскаго мышленія[3])». Народъ привѣтствовалъ «насильственное ограниченіе свободы

---

1) Они, какъ извѣстно, вошли въ синодикъ въ недѣлю православія (см. Ѳ. Успенскій, *Синодикъ въ недѣлю православія*, Одесса 1893, стр. 14—18).

2) ц. с., стр. 157.

3) *Очерки*, стр. 171. Этого положенія по существу нисколько не измѣняетъ то, что по открытіи судебнаго дѣла объ Іоаннѣ Италѣ и его ученикахъ, Ѳ. И. Успенскій спѣшитъ удостовѣрить юридически-формальную безукоризненность веденія процесса со стороны властей. Въ этомъ смыслѣ, какъ далѣе выясняетъ Ѳ. И. Успенскій, правительство держалось легальной почвы, не переходило за предѣлы компетенціи свѣтскаго суда и т. д. (*Дѣлопроизводство по обвиненію Іоанна Итала въ ереси*, Извѣстія Русск. Археолог. института въ Кон-

изслѣдованія и подчиненіе философскихъ идей цензурѣ церковнаго авторитета», и въ этомъ случаѣ компетенцію народа не подвергали сомнѣнію ни цесаревна Анна, ни большинство византійскаго общества[1]). Думалъ еще

стантинополѣ, II, Одесса 1897, стр. 5—6). Очевидно, съ точки зрѣнія актовъ этого византійскаго оффиціальнаго дѣлопроизводства, а не съ своей научной, какъ историка культуры, и называетъ Ѳ. И. Успенскій ученіе Итала «преступнымъ» (ц. с., стр. 4). Для нашей темы во всемъ разбирательствѣ захватывающій интересъ представляетъ въ качествѣ безспорно искренняго момента глухо выраженное свидѣтельство о томъ, какъ даже судьи, члены послѣдняго собора по дѣлу, находили, что «нехорошо и неправильно было произведено судебное слѣдствіе противъ этого человѣка» (Ѳ. И. Успенскій, ц. с., стр. 36—37, Дим. Брянцевъ, ц. с., ц. журн., 1904, т. II.—ч. I, стр. 415). Не измѣняетъ положенія по существу и обстоятельно выясняемая Дим. Брянцевымъ ошибочность взглядовъ I. Итала и наличіе въ его міровоззрѣніи элементовъ заблужденія: иногда расходясь въ пониманіи I. Итала съ составителями одиннадцати главъ, напр. въ вопросѣ о воплощеніи (ц. с., ц. журн., 1904, т. II.—ч. II, стр. 347), чаще соглашаясь вполнѣ съ ними (ц. с., ц. журн., 1905, т. II. — ч. I, стр. 193—203 сл.), Дим. Брянцевъ раздѣляетъ всегда ихъ убѣжденіе въ виновности философа. По другому мѣсту (ц. с., ц. журн., 1904, т. II.—ч. I, стр. 307) какъ будто совершенно ясно, что въ отступленіи I. Итала отъ церковнаго ученія Дим. Брянцевъ усматриваетъ лишь печальное недоразумѣніе, вообще его интересуетъ вопросъ о прискорбной еретичности, а никакъ не проблески свободнаго исканія философскихъ истинъ. Въ этомъ смыслѣ понятно, когда Дим. Брянцевъ заднимъ числомъ наставительно указываетъ I. Италу, что ему «слѣдовало какъ можно основательнѣе познакомиться съ догматическимъ ученіемъ церкви, проникнуться его духомъ и понять духъ философіи христіанскихъ учителей. Только въ такомъ случаѣ ему не грозила бы опасность увлечься языческими философами и начать проповѣдывать съ христіанской каѳедры ихъ воззрѣнія». Между тѣмъ Дим. Брянцевъ самъ болѣе всего выясняетъ неизбѣжность такого заблужденія, коренившуюся въ стойкости философскихъ убѣжденій византійскаго свободнаго мыслителя. Указавъ «тѣ пункты, въ которыхъ сказалась неправильность богословствованія I. Итала», Дим. Брянцевъ пишетъ (ц. с., ц. журн., 1905, т. II.—ч. I, стр. 236—237): «Всѣ они ясно обнаруживали, что въ нихъ I. Италъ твердо придерживался своихъ философскихъ взглядовъ. Въ нихъ онъ строго проводилъ тотъ же принципъ строгаго абсолютизма, который воспринялъ изъ философіи новоплатониковъ... Въ этихъ и въ другихъ богословскихъ взглядахъ всюду сказалось господство принципа языческой философіи надъ христіанской доктриной. И въ этомъ отношеніи I. Италъ представляетъ собой наиболѣе яркій примѣръ увлеченія языческой философіею, обнаружившагося въ столь рѣзкихъ формахъ». Болѣе того, опираясь на изысканія П. В. Безобразова (Визант. временникъ, III, стр. 127—128), Дим. Брянцевъ даетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ (ц. с., ц. журн., 1904, т. II.—ч. I, стр. 328), что «Италъ разграничивалъ области богословія и философіи и допускалъ возможность держаться самостоятельныхъ взглядовъ въ той и другой области». Однако, усматривая въ судѣ надъ I. Италомъ «самые благіе результаты» (ц. с., ц. журн., т. II.—ч. I, стр. 409), поскольку I. Италъ не только сознался, но и совсѣмъ отказался отъ своихъ ложныхъ мыслей, найденныхъ въ вѣроисповѣданіи, Дим. Брянцевъ обходитъ молчаніемъ важнѣйшій культурно-историческій вопросъ: стояли ли инициаторы суда надъ I. Италомъ на высотѣ его научнаго развитія, требовавшаго разграниченія области философіи отъ богословія, и, осудивъ мыслителя за вторженіе въ теологію, предоставили ли ему свободу чисто философскаго мышленія?

1) Намъ кажется черезчуръ упрощеннымъ пріемомъ историческаго изслѣдованія, когда, взваливая всѣ гибельныя прорѣхи византійской жизни на одно чиновничество, усматривая коренныя причины паденія имперіи въ поборахъ и объясняемой, повидимому, только ими народной ненависти къ администраціи, русскій біографъ Пселла пишетъ: «Если внѣшнія обстоятельства, политика венеціанцевъ, походы турокъ-османовъ, играли нѣкоторую роль въ судьбахъ Восточной имперіи, не въ этомъ надо искать коренныхъ причинъ ея паденія. Не турки погубили Византію, она сама себя погубила; погубили ее чиновники,

не сдаваться самъ философъ Italъ, но тоже общество тогда предало проклятію лично его, сочувствіе же, при томъ наиболѣе дѣйствительное, онъ встрѣтилъ въ одномъ абхазѣ, т. е. значитъ въ грузинѣ, такъ какъ въ это время абхазы были давно пріобщены къ грузинской національной культурѣ, въ Абхазіи тогда было одно изъ средоточій кипучей грузинской церковно-литературной дѣятельности [1]).

Абхазъ (Ἀβασγός), къ которому обращается Италъ, былъ ученый или литераторъ (ὁ γραμματικός). Само обращеніе, по доступной мнѣ сейчасъ части, по извлеченію Θ. И. Успенскаго изъ Вѣнской рукописи (cod. philos.-philol. 203) въ *Синодикъ съ недѣлю православія* [2]), гласитъ:

„То, что я слышалъ теперь отъ многихъ про тебя, ученѣйшій, я не считаю чуждымъ твоему ко мнѣ расположенію и твоей крѣпкой дружбѣ, ибо я знаю, что ты и раньше заботился обо мнѣ и былъ наиболѣе громкимъ (μεγαλοφωνότατον) хвалителемъ и глашатаемъ моихъ (мыслей), почему, принявъ эти посылки (τὰς ἀρχάς), имѣю, чѣмъ прекрасно теперь умозаключить и доказать, что ты не становился инымъ, а остаешься тѣмъ самымъ, какимъ я тебя давно и понынѣ доподлинно знаю. Чего только ты не скажешь въ пользу друзей, горя дружбою и движимый (κινούμενος) искреннимъ расположеніемъ къ нимъ. Посему я, точнѣйшимъ толкователемъ твоихъ мыслей (τῶν σῶν), равно какъ твоей дружбы таковымъ же оставаясь [...?] (τοιοῦτος ὑπάρχων [...?]), нѣкоторые же, иначе къ намъ расположенные,— какіе-то софисты и чужды правды. Ты самъ впрочемъ знаешь то, что я говорю, и тебѣ было извѣстно, что такъ обстоитъ (дѣло)".

Очевидно, въ этомъ ученомъ абхазѣ мы имѣемъ весьма близкаго человѣка и стойкаго единомышленника греческаго философа Іоанна Итала. И когда съ другой стороны мы узнаемъ, что грузинскій неоплатоникъ Іоаннъ Петрицскій близокъ по направленію своей философской мысли къ нему, можетъ возникнуть вопросъ, не есть ли абхазъ, другъ Итала, и нашъ грузинскій философъ одно и тоже лицо? [3]) Но вопросъ этотъ прежде-

---

не имѣвшіе ничего общаго съ народомъ, видѣвшіе въ немъ исключительно плательщиковъ, изъ которыхъ слѣдуетъ извлекать какъ можно больше денегъ способами, дозволенными и недозволенными. Народъ ненавидѣлъ администрацію больше, чѣмъ ненавидѣлъ онъ печенѣговъ и турокъ. Вотъ въ чемъ заключалось главное несчастіе Византійской имперіи» (П. В. Безобразовъ, *Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ*, Москва 1890, стр. IV).

1) Въ свою очередь абхазы, давно находившіеся въ тѣснѣйшей связи съ Византіею и подъ непосредственнымъ культурнымъ ея вліяніемъ, надо думать, были издавна проводниками византійской образованности въ грузинскую среду.

2) ц. изд., стр. 65.

3) Если бы новые матеріалы или болѣе глубокія изысканія дали возможность отвѣтить утвердительно на вопросъ, то преслѣдованіе со стороны грековъ, на которое жалуется Іоаннъ Петрицкій, пришлось бы поставить въ связь съ царскимъ «опредѣленіемъ» въ

временень, такъ какъ, судя по преданію, у грузинъ въ ту эпоху существовалъ не одинъ «извѣстный философъ». Отъ католикоса Антонія І-го мы узнаемъ о существованіи десятка выдающихся грузинскихъ мыслителей съ половины XI-го по первую четверть XII-го вѣка. Такъ про о. Ѳеофила, жившаго въ 1050-мъ году, католикосъ Антоній говоритъ, что «блестящій» представитель философіи, онъ «былъ достоинъ того, чтобы сопричислиться современнымъ философамъ—Іоанну, Ефрему и Арсенію[1])». Еще въ 1041-мъ году преставился Иларіонъ Тулайскій, посвятившій Георгія (Аѳонца), учителя всѣхъ грузинъ, въ мудрость и закалившій его въ сугубой философіи, практической и теоретической[2]). Георгій Дивногорецъ, «мудрый учитель, божественный философъ»[3]), скончался въ 1068-мъ году. Черезъ годъ умеръ отецъ Стефанъ, котораго католикосъ Антоній предлагаетъ почтить «какъ мудреца, такъ какъ онъ точно снѣжные хлопья разсыпаетъ свѣтъ философіи»[4]). Въ 1082-мъ году преставился Арсеній Святогорецъ на Аѳонѣ: «риторъ, великій философъ», «славившійся вездѣ за свой слогъ»; «онъ былъ предметомъ похвалъ и среди грековъ»[5]). Въ 1098-мъ году скончался на Аѳонѣ же Георгій, настоятель Иверскаго монастыря послѣ Георгія переводчика, «грамматикъ, риторъ, философъ»[6]). Современникъ его Арсеній Икалтойскій, духовникъ Давида Строителя, оказывается энциклопедистомъ: онъ прославленъ познаніями по физикѣ, по анатоміи, философіи, логикѣ и діалектикѣ[7]).

Если даже придавать значеніе имени переводчика Прокла «Іоаннъ» ввиду того, что въ числѣ учениковъ Итала цесаревна Анна называетъ и

актѣ передачи дѣлопроизводства объ І. Италѣ и его ученикахъ церковной власти. Оно гласитъ—«опредѣляемъ: Всякій, кто приметъ въ собственномъ домѣ, ради преподаванія, Итала или тѣхъ его учениковъ и приверженцевъ ихъ, которые святымъ и великимъ соборомъ изобличены будутъ, какъ его преимущественные ученики, или кто будетъ посѣщать ихъ дома ради ученія, какого бы ни былъ онъ состоянія, немедленно подвергается изгнанію изъ царствующаго города на вѣчныя времена, причемъ всякій имѣетъ право доносить на такихъ лицъ царству моему, ибо мы рѣшились прекратить или лучше вполнѣ уничтожить нечестіе и съ этою цѣлью приказываемъ подвергать изгнанію вмѣстѣ съ началомъ слѣдствія. Такъ тому быть» (ц. с., стр. 58, ср. стр. 5). Само собою понятно, нашего Іоанна Петрицскаго не пришлось бы ставить на одну доску съ пятью діаконами, Михаиломъ Мацу, Мих. Доксопатри, Мих. Циромъ, Іоанномъ Гагрономъ и Евстратіемъ, также учениками І. Итала, которые были оправданы на томъ основаніи, что они «по благодати Божіей оказались непричастны всякаго нечестиваго ученія и дѣянія» (ц. с., стр. 66, ср. стр. 8—9, см. также Дим. Брянцевъ, ц. с., Вѣра и разумъ, 1904, т. II. — ч. I, стр. 441).

1) წყობილსიტყვაობა, 750.
2) ib., 707.
3) ib., 721.
4) ib., 729.
5) ib., 713, 2, 714, 1—2.
6) ib., 719, 3.
7) ib., 756.

нѣкоего Іоанна, то помимо Іоанна Петрицскаго у грузинъ извѣстны еще два одноименныхъ философа.

Про одного изъ нихъ, Іоанна Таричис-дзе, современника Давида Строителя, католикосъ Антоній говоритъ, что онъ былъ великъ въ мудрости, философъ, богословъ, риторъ[1]). До насъ, предполагается, дошла «Діалектика» Іоанна Таричис-дзе въ спискѣ 1760-го года, принадлежащемъ библіотекѣ Общества распространенія грамотности среди грузинъ, въ Тифлисѣ (№ 131): Жорданія указываетъ на любопытное явленіе, именно на то, что «силлогизмы въ этомъ трудѣ обозначены арабскими терминами», но приводимые тутъ же историкомъ Жорданіею примѣры мало похожи на арабскія слова[2]). Другого Іоанна, въ мірѣ бывшаго Патрикомъ, католикосъ Антоній называетъ:

«переводчикомъ книгъ, божественнымъ философомъ», «вѣнцомъ грузинской церкви, прославленнымъ *среди грековъ*»[3]).

Матеріалы такимъ образомъ прибавляются. Дѣло будущаго разобраться детально въ нихъ, преумноживъ и правильно освѣтивъ фактическія данныя соотвѣтственными разысканіями въ рукописяхъ.

Фактъ же тотъ, что не только возрожденіе неоплатонизма въ Византіи находитъ непосредственный живой откликъ въ современныхъ грузинскихъ

---

1) ib., 762, 1, 763, 2—3, см. также у Жорданіи, ქრონიკები და სხვა, I, стр. 237, цитату изъ предисловія *Грамматики* католикоса Антонія I. Въ печатномъ ея изданіи (Тифлисъ 1885) этого отрывка въ предисловіи нѣтъ.

2) ქრონიკები და სხვა, I, стр. 237: «ბარბარა, კერპყარძელ, დარიტირ, ვერინდო, ბალანგიჯღო, ელენქოფ, კევნავსერ, დალიმილ, ვაგრესფოლ, ველზიღორ, ბალშორდოვს, დარგარირ, დიმრამიფ, დამიღირ, შობაქარ, ევრიმზონ и др.». Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ «терминовъ» мы могли бы скорѣе признать подобія армянскихъ словъ, если бы у насъ была полная увѣренность въ правильности печатныхъ чтеній Ѳ. Жорданіи. Въ то же время и въ томъ видѣ, какъ они читаются въ извлеченіи Ѳ. Жорданіи, названія эти страннымъ образомъ проявляютъ кое-какое созвучіе съ формулами западныхъ схоластиковъ, и потому было бы крайне желательно внимательнѣе обслѣдовать названную грузинскую рукопись, а также рукописи той же библіотеки 1765 г. за № 1110, 1778 г. за № 1593 и безъ датъ №№ 255 и 271 (см. Д Каричашвили, კატალოგი, стр. 253) и прочнѣе установить происхожденіе и время самого памятника. Грузинскія формулы мы воспроизводимъ въ транскрипціи съ западно-схоластическими эквивалентами (по Прантлю) подстрочно: первыя два мѣста III-ей формулы остаются безъ грузинскихъ соотвѣтствій, надо думать, за неполнотою извлеченія Ѳ. Жорданіи, у котораго къ тому же elanqoϑ (IV. 2) приводится въ видѣ elenqoϑ передъ kevnavser (II. 2):

I. { груз. barbara, kerpq̇ardĕl, dariṭir, verindo.
   { з.-сх. barbara, celarent, darii, ferio.

II. { груз. balangij⌈o⌉, kevnavser, dalimil, vagresϑol.
    { з.-сх. baraliptou, celantes, dabitis, fapesmo.

III. { груз. — — velsziğor, balшordŏvs (Ж.: bğlшordŏvs).
     { з.-сх. cesare, campestres, festino, baroco.

IV. { груз. dargarir, elanqoϑ, dimramiϑ, damiğir, шobaqor, evrimzon.
    { з.-сх. darapti, felapton, disamis, datisi, bocardo, ferison.

3) წყობილსიტყვაობა, 725, 4, 726, 3—4. По Пл. Іоселіани (ц. м., примѣч.) скончался на Аѳонѣ въ 1075 г., см. выше, стр. 54.

кругахъ, но въ числѣ участниковъ этого философскаго движенія намѣчается въ самой Византіи грузинскій элементъ.

Для знакомыхъ съ совершенно сырыми пока грузинскими матеріалами, позволяющими намѣтить хотя бы въ общихъ чертахъ реальныя теченія древне-грузинской мысли, въ выясняемомъ фактѣ нѣтъ ничего неожиданнаго. Въ грузино-греческихъ кругахъ X—XI-го вѣковъ шла таже работа, что раньше, приблизительно на протяженіи VII—VIII вѣковъ въ армяно-греческихъ кругахъ [1]): въ обоихъ случаяхъ образовалась mutatis mutandis такая же атмосфера съ двумя враждебными теченіями, какую изслѣдователи христіанства отмѣчаютъ въ болѣе древнее время на пепелищѣ античнаго міра. Въ римской имперіи тогда «были съ одной стороны въ большинствѣ первичныя общины», державшіяся въ основѣ архаичной концепціи христіанства, какъ «религіи суровыхъ нравственныхъ подвиговъ и строгой нравственной дисциплины, простой любви къ Богу и не изощренной (unelaborated) вѣры въ Іисуса Христа; съ другой стороны, были новыя общины и новые члены старыхъ общинъ съ ихъ концепціею знанія рядомъ съ вѣрою и съ ихъ тенденціею къ умозрѣніямъ рядомъ съ принятіемъ преданія. Столкновеніе было неизбѣжно» [2]).

Въ грузино-греческихъ кругахъ X—XI-го вѣковъ даже у традиціоналистовъ не могло быть, конечно, полной отрѣшенности отъ тенденціи къ умозрѣніямъ, но они довольствовались принятіемъ результатовъ древнихъ теоретиковъ христіанскаго богословія. Новые же члены этихъ грузино-греческихъ круговъ, пріобщившись непосредственно къ греческой философіи въ ея неоплатонической формѣ, были охвачены стремленіемъ пересмотра рѣшенныхъ вопросовъ. Въ этой жизненной борьбѣ грузино-греческихъ круговъ, еще до Ефрема и до Іоанна Петрицскаго, немаловажную роль сыгралъ Евѳимій Святогорецъ. Въ изслѣдованіи *Дѣяній трехъ святыхъ близнецовъ мучениковъ Спевсипа, Еласипа и Меласипа* мною уже указано (стр. 306), что «Евѳимій Святогорецъ Иверъ (X—XI) не

1) Армянская литература по философіи нуждается въ коренномъ пересмотрѣ. Для такого пересмотра почву подготовляютъ и въ значительной степени уже подготовили работы о. Галуста Теръ-Мкртчяна (Міабана) и Я. А. Манандяна. Любопытныя данныя и наблюденія по вопросу о философѣ Давидѣ находимъ у Я. А. Манандяна, *Դաւիթ Անյաղթի խնդիր նոր լուսաբանութեամբ. Մատենագրական Հետազօտութիւն*, Вагаршапатъ 1904 (отд. отт. изъ Арарата, 1904, февр.—іюль). Для насъ здѣсь интересно отмѣтить, что въ трудахъ приписываемыхъ цѣликомъ Давиду, одни оказываются неоплатоническими, а другіе носятъ характерные признаки аристотелизма. Я. А. Манандянъ подлиннаго Давида считаетъ неоплатоникомъ [см. Krumbacher, *Geschichte der B. d.*², стр. 432] и потому отказываетъ ему въ авторствѣ Толкованій къ *Категоріямъ* и *Пери-ерминіи*.

2) Edw. Hatch, *The Influence of Greek Ideas and Usages upon the Christian Church*, 1901, стр. 132.

первое лицо, съ которымъ преданіе связываетъ культурную дѣятельность грузинъ въ Византіи». Къ названному тамъ св. Иларіону Грузину, дѣятелю VIII—IX-го вѣка, слѣдуетъ прибавить и имя Захаріи Мирдатис-дзе, современника Баграта IV (980—1014). Про него, философа-ритора, католикосъ Антоній между прочимъ сообщаетъ:

«переводчикъ книгъ, великій среди грековъ, а среди грузинъ справедливо и достойно должно назвать его солнцемъ»[1]).

О писателяхъ-современникахъ его, интересовавшихся философіею, но подвизавшихся только въ самой Грузіи, какъ то Арсеніи Ниноцминдскомъ, Іоаннѣ Болнисскомъ и другихъ, можно здѣсь умолчать.

Если бы французскій изслѣдователь Zotenberg располагалъ нашими свѣдѣніями при рѣшеніи вопроса о *Душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ*, то вмѣсто извѣстнаго опрометчиваго сужденія о качествахъ невѣдомаго ему грузинскаго языка, быть можетъ, онъ самъ предложилъ бы иную, болѣе обоснованную датировку *Душеполезной повѣсти*. Между прочимъ неправильное толкованіе давалось тому факту, что въ *Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ* оказался использованнымъ, безъ измѣненія воспринятымъ пространный отрывокъ изъ *Апологіи* Аристида. Изслѣдователи находили возможнымъ утверждать, что авторъ *Душеполезной повѣсти* писалъ въ древности, что иначе онъ будто не воспользовался бы такою древнею апологіею. Между тѣмъ, наоборотъ, въ духѣ именно поздняго византинизма пользоваться древними текстами безъ измѣненій въ борьбѣ съ новыми или возрожденными теченіями. Вспомнимъ, какъ еп. Николай Меѳонскій, писатель XII-го вѣка, для борьбы съ вымиравшимъ неоплатонизмомъ удовольствовался воспроизведеніемъ подъ своимъ именемъ готовой критики Проклова учебника, принадлежащей Прокопію Газскому, дѣятелю V-го вѣка. Именно въ эту эпоху, въ X-мъ и XI-мъ вѣкахъ, въ грузино-греческихъ образованныхъ кругахъ интересовались тѣми вопросами, которые Zotenberg съ точки зрѣнія общей церковной исторіи совершенно правильно датировалъ временемъ до Іоанна Дамаскина, такъ напр. опредѣленія свободнаго выбора и термина βουλή, равно дальнѣйшія сродныя разсужденія, какъ указалъ и Zotenberg[2]), авторомъ *Душеполезной повѣсти* цѣликомъ выписаны или передѣланы изъ сочиненія Немесія *О природѣ человѣка*, т. е. изъ того сочиненія, которое интересовало грузино-греческіе круги X—XI-го вѣка: оно дошло до насъ въ точномъ грузинскомъ переводѣ нашего же философа, Іоанна Петрицскаго. Вообще не только

1) წყობილსიტყ., 702, 4—5.
2) *Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph*, Парижъ 1886, стр. 27—28.

авторство Евѳимія Грузина, но и реальное, жизненное значеніе самой *Душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ* начинаетъ становиться болѣе яснымъ въ свѣтѣ философско-богословскихъ интересовъ, волновавшихъ грузино-греческіе круги X—XI-го вѣковъ.

Но къ этому вопросу придется вернуться особо.

Пока же сочту свою задачу выполненною, если предложенные общему вниманію факты и сужденія достаточно ясны и доказательны, чтобы сдѣлать слѣдующее заключеніе:

Грузины въ X-мъ и XI-мъ вѣкахъ интересовались въ области философіи тѣми же вопросами, какіе занимали передовые умы тогдашняго христіанскаго міра какъ на Востокѣ, такъ на Западѣ, съ тѣмъ отличіемъ отъ другихъ, напр. отъ европейцевъ, что тогда грузины отзывались раньше другихъ на наиболѣе новыя теченія философской мысли и работали во всеоружіи образцовой для своего времени текстуальной критики непосредственно надъ греческими подлинниками.

Н. Марръ.

2 марта 1909 г.

Къ исторіи Мерва.

Изъ всѣхъ городовъ Средней Азіи и Персіи до настоящаго времени только одинъ Мервъ былъ предметомъ подробнаго историко-географическаго изслѣдованія, основаннаго на сопоставленіи сохранившихся остатковъ прошлаго съ письменными извѣстіями объ этомъ прошломъ. Можно сказать съ увѣренностью, что во всякой другой отрасли исторической науки появленіе такого труда, какъ книга В. А. Жуковскаго о Мервѣ, вызвало бы цѣлый рядъ другихъ изслѣдованій, какъ о томъ же городѣ, такъ и о другихъ городахъ той же эпохи и того же края; во всякомъ случаѣ казалось бы немыслимымъ говорить о прошломъ города, которому посвященъ такой обстоятельный трудъ, и не пользоваться этимъ трудомъ. Между тѣмъ трудъ В. А. Жуковскаго, вышедшій въ свѣтъ еще въ 1894 г. [1]), прошелъ почти безслѣдно какъ для русской, такъ и для западно-европейской науки. Въ отчетѣ о работахъ, произведенныхъ среди развалинъ Мерва въ 1904 г. американской экспедиціей, археологъ экспедиціи, д-ръ Г. Шмидтъ, обсуждаетъ вопросъ о прошломъ городища Гяуръ-Кала исключительно на основаніи найденныхъ при раскопкахъ монетъ [2]), совершенно обходя молчаніемъ фактъ, что въ книгѣ В. А. Жуковскаго тотъ же вопросъ, на основаніи извѣстій арабскихъ географовъ, разсмотрѣнъ гораздо подробнѣе. Ле-Стрэнджъ въ книгѣ о «странахъ Восточнаго Халифата», изданной въ 1905 г. [3]), приводитъ слова Якута о мервскихъ библіотекахъ и при переводѣ арабскаго текста повторяетъ ту же ошибку, которая въ свое время была сдѣлана Барбье-де-Менаромъ и исправлена въ трудѣ В. А. Жуковскаго [4]). Въ русской литературѣ, при обсужденіи вопроса объ условіяхъ орошенія въ Закаспійской

1) Древности Закаспійскаго края. Развалины Стараго Мерва. (Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею, № 16). Ср. объ этомъ трудѣ З. В. О. IX, 300—303 и XI, 327—333.

2) Bulletin de la Société Internationale pour l'exploration de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient, publié par le Comité Russe, № 5, p. 23.

3) G. Le Strange, The lands of the Eastern Caliphate, Cambridge 1905, p. 402.

4) Развалины Стараго Мерва, стр. 34, прим.

области, были оставлены безъ вниманія подробныя извѣстія арабскихъ авторовъ объ условіяхъ орошенія въ Мервѣ, доступныя, благодаря труду В. А. Жуковскаго, и для не-оріенталистовъ; изслѣдователи пришли къ выводу, что «воды Мургаба не въ состояніи были создать большой оазисъ» и что «къ Мерву была проведена вода Аму-дарьи или ея рукава, келифскаго Узбоя» [1]). Такой взглядъ еще въ недавнее время былъ приведенъ въ статьѣ А. И. Воейкова въ качествѣ несомнѣннаго научнаго вывода, достигнутаго изслѣдованіями нѣсколькихъ лѣтъ [2]).

Настоящая статья имѣетъ цѣлью подвергнуть новому разсмотрѣнію нѣкоторые вопросы исторической топографіи Мерва, не вполнѣ правильно, какъ мнѣ кажется, разрѣшенные В. А. Жуковскимъ. Вполнѣ убѣдительными доводами В. А. Жуковскій доказалъ, что городище Гяуръ-Кала есть «внутренній городъ» географовъ X в., унаслѣдованный арабами отъ эпохи Сасанидовъ, и что городище Султанъ-Кала соотвѣтствуетъ городу Сельджукидовъ и хорезмшаховъ, окруженному стѣной при Меликъ-Шахѣ (1072—1092 г. по Р. Хр.); но мнѣ представляется столь же несомнѣннымъ, что многія извѣстія арабскихъ географовъ, отнесенныя В. А. Жуковскимъ къ «внутреннему городу», на самомъ дѣлѣ должны быть отнесены къ западному предмѣстью, гдѣ впослѣдствіи возникъ новый городъ, но гдѣ уже въ первые вѣка ислама сосредоточивалась жизнь и куда уже при Омейядахъ были перенесены базары и соборная мечеть. Съ другой стороны, извѣстія Якута, Джувейни, Хафизи-Абру и Тартуси о воротахъ города всецѣло должны быть отнесены къ городищу Султанъ-Кала, тогда какъ В. А. Жуковскій былъ склоненъ относить нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій къ городищу Гяуръ-Кала.

В. А. Жуковскимъ, по моему мнѣнію, не вполнѣ ясно и послѣдовательно передается вполнѣ отчетливая, строго выдержанная терминологія арабскихъ географовъ X в. Термины, имѣющіе значеніе для насъ, слѣдующіе: 1) مدينة *«медина»* (перс. *шахристанъ*) — внутренній городъ, т. е. первоначальное городское поселеніе, большею частью до-мусульманскаго періода; 2) قهندز «*Кухендиз*» (по перс. «старая крѣпость»; рѣдко замѣняется арабскимъ словомъ *кал'а* [3]) — цитадель, находившаяся иногда внутри «медины»

1) Послѣдній изслѣдователь такъ называемаго «келифскаго Узбоя», А. А. Любченко, пришелъ къ иному выводу; въ своемъ докладѣ, читанномъ въ засѣданіи И. Р. Географическаго Общ. 29 апрѣля 1909 г., онъ старался доказать, что «келифскаго Узбоя», какъ рукава Аму-дарьи, никогда не существовало. Этотъ послѣдній выводъ кажется намъ совершенно правильнымъ и совершенно согласнымъ съ данными письменныхъ источниковъ.

2) Извѣстія Им. Р. Геогр. Общ., т. XLIV, стр. 132.

3) Напр. у Истахри (B. G. A. I, 305) при описаніи Бухары. Впослѣдствіи подъ словомъ قلعه нерѣдко понимали не цитадель, а городскія стѣны. Такъ въ романѣ Тартуси городскія стѣны обозначаются словомъ قلعه, цитадель—словомъ حصار; ср. напр. о Балхѣ (рук. Аз. муз. 280ac, л. 503b): شهر معظّم است وقلعهٔ محکم دارد وحصار هندوان هم در برابر شهرستان.

(какъ въ Мервѣ), иногда внѣ ея; 3) ربض *«рабад»* — арабское слово, служившее для обозначенія какъ стѣны, окружавшей городъ вмѣстѣ съ пригородами[1]), такъ и самыхъ пригородовъ, въ противоположность «внутреннему городу»; 4) بلد *«белед»* — городъ въ обширномъ смыслѣ, т. е. внутренній городъ *вмѣстѣ* съ пригородами; 5) رستاق *«рустак»* — группа селеній въ окрестностяхъ города; всѣ «рустаки» вмѣстѣ образуютъ культурную полосу, прилегающую къ данному городу и большею частью отдѣленную отъ культурной полосы слѣдующаго города степнымъ пространствомъ[2]).

В. А. Жуковскимъ при толкованіи текста Истахри было оставлено безъ вниманія различие въ употребленіи словъ «белед» и «медина», вслѣдствіе чего онъ при толкованіи словъ Макдиси (или Мукаддаси) былъ вынужденъ допустить невѣроятное предположеніе, что Макдиси употребляетъ слово «ربض въ значеніи обыкновеннаго مدينة»[3]). Если признать, что Истахри и Макдиси употребляютъ терминъ بلد въ болѣе обширномъ значеніи, чѣмъ терминъ مدينة, то слова Макдиси и безъ такого предположенія оказываются въ полномъ согласіи со словами Истахри.

Слова Истахри: «Четверти, на которыя дѣлится *городъ*, имѣютъ опредѣленныя границы[4]); у этихъ четвертей есть извѣстные каналы» — относятся къ «городу» въ обширномъ смыслѣ (بلد), а не къ внутреннему городу. Слово بلد, а не مدينة, употреблено также въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о «городскихъ постройкахъ» на каналѣ Хурмузферрэ, какъ и въ заключительной фразѣ: «Вотъ каналы, на которыхъ расположены городскіе кварталы и постройки»[5]). То же самое выраженіе بلد употребляетъ Макдиси, когда гово-

1) Такъ у Нершахи въ главѣ ذكر ربض بخارا (Nerchakhy, ed. Schefer, p. 33); вѣроятно, также у Макдиси, Bibl. G. A. III, 311, l. 6 о Мервѣ: وربض ثلثه مهدّم. У В. А. Жуковскаго на стр. 25 — «треть пригорода», на стр. 115 — «треть внутренняго города».

2) Ср. напр., у Истахри перечисленіе бухарскихъ и самаркандскихъ «рустаковъ» (Bibl. G. A. I, 309 и слѣд., 321 и слѣд.).

3) Развалины Стараго Мерва, стр. 23, прим. 1. Въ этомъ случаѣ В. А. Жуковскій даетъ, рядомъ со своимъ толкованіемъ, буквальный переводъ словъ Макдиси; но въ прим. 3 на той же страницѣ онъ безъ оговорки передаетъ слова وسط الربض (ср. Bibl. Geogr. Arab. III, 311s) словами «посрединѣ города».

4) В. А. Жуковскій, какъ видно изъ его толкованія (Разв. Ст. Мерва, стр. 116—117: «они (каналы) шли не въ одномъ направленіи съ извѣстными стѣнами города и не были между собою параллельны, потому что въ такомъ случаѣ раздѣлили бы городъ на пять частей, а не на четверти»), понималъ слова Истахри въ томъ смыслѣ, что каналы составляли границу между «четвертями» города; но арабскіе географы этого не говорятъ. По моему мнѣнію, арабскій текстъ допускаетъ только одно толкованіе: каждому изъ четырехъ каналовъ соотвѣтствовала «четверть» города, пользовавшаяся водою этого канала, т. е. лежавшая по обѣ стороны его. Возможно, что слово ربع здѣсь употреблено не въ смыслѣ «четверть», а въ смыслѣ культурной полосы опредѣленнаго канала, подобно выраженіямъ ربع خرقان и ربع السقادم у Табари (Tabari, II, 1953, l. 19; 1957, l. 6, 7 и 9).

5) Развалины Стараго Мерва, 18 и сл., ср. Bibl. G. A. I, 259 и слѣд.

ритъ о каналѣ Маджанъ, который пересѣкалъ «городъ», выходилъ къ началу «города» и на которомъ были мосты въ «городѣ»[1]). Изъ четырехъ каналовъ какъ по Истахри, такъ и по Макдиси къ «внутреннему городу» имѣлъ отношеніе только одинъ каналъ Разикъ; какъ тотъ, такъ и другой авторъ только при описаніи этого канала употребляютъ слово مدينة.

По мнѣнію В. А. Жуковскаго, Истахри перечисляетъ каналы «внутренняго города», притомъ въ порядкѣ съ сѣвера на югъ[2]), по мнѣнію Ле-Стрэнджа—каналы, орошавшіе городъ вмѣстѣ съ его пригородами, притомъ въ порядкѣ съ запада на востокъ (о первомъ каналѣ, Хурмузферрэ, говорится, что онъ протекалъ «въ направленіи Серахса, въ мѣстѣ, въ которое прямо вступаетъ входящій отъ Серахса»). Послѣднее мнѣніе представляется болѣе основательнымъ. Тожество названія канала Хурмузферрэ съ названіемъ селенія, расположеннаго по дорогѣ въ Хорезмъ, т. е. къ сѣверо-западу отъ Мерва, повидимому, должно быть объяснено такъ, какъ объясняетъ его Ле-Стрэнджъ[3]): до этого мѣста могъ доходить излишекъ воды канала.

Такимъ образомъ слова Истахри о стѣнѣ, окружавшей пространство, орошенное четырьмя каналами, должны быть отнесены не къ стѣнѣ внутренняго города, но къ стѣнѣ, окружавшей городъ вмѣстѣ съ его пригородами. Ту же стѣну, повидимому, имѣетъ въ виду Хафизи-Абру, когда говоритъ о «рабадѣ», окружавшемъ пространство величиной въ квадратный фарсахъ[4]). Остаткомъ мервскаго «рабада» (въ смыслѣ стѣны, окружавшей городъ вмѣстѣ съ его пригородами) кажется, можно признать валъ Гилякинъ-Чильбурчъ; площадь внутри этого вала равнялась, по вычисленію В. А. Жуковскаго[5]), приблизительно 40 квадр. верстамъ, что́ вполнѣ соотвѣтствуетъ квадратному фарсаху. В. А. Жуковскій полагалъ, что валъ Гилякинъ-Чильбурчъ соотвѣтствовалъ стѣнѣ ар-Рай, окружавшей, по Истахри, городъ Мервъ вмѣстѣ со *всѣми* его «рустаками»[6]); но употребленіе слова «рустакъ» заставляетъ полагать, что стѣна ар-Рай окружала не пригороды Мерва, но всю культурную полосу, прилегавшую къ городу. Воз-

---

1) Развалины Стараго Мерва, стр. 24; ср. Bibl. G. A. III, 331, l. 11—12.

2) Разв. Ст. Мерва, 117.

3) The lands of the Eastern Caliphate, p. 399.

4) Разв. Ст. Мерва, стр. 62. В. А. Жуковскій и въ этомъ случаѣ (ibid., стр. 64) безъ оговорки передаетъ слово ربض словами «самый городъ». Хафизи-Абру приписываетъ Александру Македонскому постройку мервскаго рабада, географы X в.—постройку «внутренняго города» (ibid., стр. 18). Вопреки мнѣнію В. А. Жуковскаго (ibid., 118) мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Истахри и Макдиси подъ «старымъ городомъ» понимаютъ тотъ же «внутренній городъ», а не «старый Мервъ» Хафизи-Абру.

5) Ibid., стр. 115.

6) Ibid., стр. 19, ср. Bibl. G. A. I, 260. В. А. Жуковскій передаетъ слово رساتيق посредствомъ словъ «пригороды» и «городскіе поселки».

можно, что эту стѣну, отъ которой при Истахри были видны только «слѣды», слѣдуетъ отожествить со стѣной, построенной, по словамъ Страбона, при Антіохѣ Сотерѣ (280—261 до Р. Х.) вокругъ культурной полосы Мерва и имѣвшей 1500 стадій (болѣе 260 верстъ) въ окружности [1]). Анонимный сирійскій авторъ VII в. по Р. Хр. опредѣляетъ пространство, окруженное этими стѣнами, въ 12 фарсаховъ [2]). Остатками той же стѣны были, по всей вѣроятности, тѣ «слѣды стѣнъ и построекъ» на границѣ «песковъ Хорезма», которые въ XV в., при Хафизи-Абру, носили названіе «Стараго Мерва» [3]).

Перенесеніе соборной мечети и базаровъ сначала на каналъ Разикъ, потомъ на каналъ Маджанъ, очевидно, находилось въ связи съ постепеннымъ оставленіемъ стараго, до-мусульманскаго Мерва. В. А. Жуковскій [4]) несомнѣнно правъ, отожествляя каналъ Разикъ со старымъ русломъ канала между городищами Гяуръ-Кала и Султанъ-Кала. По Якуту [5]) каналъ Разикъ протекалъ мимо гробницы сподвижника и знаменосца пророка, Бурейды ал-Аслами; такъ какъ эта гробница находилась въ восточной части южнаго обвода городища Султанъ-Кала [6]), то Разикъ, очевидно, могъ подходить къ городищу Гяуръ-Кала только съ западной стороны. Отъ этого канала жители внутренняго города, по Истахри, провели воду въ свои хаузы (бассейны); по Макдиси Разикъ протекалъ мимо «городскихъ воротъ» (воротъ внутренняго города) со стороны пригорода, входилъ въ городъ и расходился по немногочисленнымъ, но глубокимъ хаузамъ. Выраженія Макдиси [7]) заставляютъ полагать, что каналъ входилъ въ городъ ниже, т. е. сѣвернѣе «городскихъ воротъ». Насколько мнѣ извѣстно, ни для городища Гяуръ-Кала, ни для другихъ мервскихъ городищъ еще не было произведено нивеллировки, съ цѣлью рѣшенія вопроса, изъ какихъ источниковъ и съ которой стороны

---

1) Разв. Ст. Мерва, стр. 4, ср. Strabo, Geographica, C. 516.

2) Разв. Ст. Мерва, стр. 8 по нѣмецкому переводу Nöldeke въ вѣнскихъ Sitzungsberichte, Bd. 128, IX, S. 39. О той же анонимной хроникѣ еще В. Райтъ, Краткій очеркъ ист. сир. литер., перев. К. А. Тураевой подъ ред. П. К. Коковцова, Спб. 1902, стр. 129. Выраженіе «12 фарсаховъ» едва ли должно быть понимаемо буквально; то же самое выраженіе повторяется и при описаніи другихъ большихъ городовъ края, что̀ заставляетъ предполагать вліяніе литературной традиціи или мѣстныхъ преданій. О Бухарѣ у Истахри (B. G. A. I, 305) говорится, что длина и ширина пространства внутри стѣнъ равнялась 12 фарсахамъ, о Самаркандѣ у Ибн-ал-Факиха (B. G. A. V, 325, l. 18), что стѣны имѣли 12 фарсаховъ въ окружности; о Балхѣ у Я'куби (B. G. A. VII, 288, l. 2—3), что отъ каждыхъ воротъ стѣны до противоположныхъ воротъ было 12 фарсаховъ. Въ моемъ трудѣ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія» (ч. II, стр. 116) ошибочно сказано о Бухарѣ, что «длина стѣнъ не опредѣляется».

3) Разв. Ст. Мерва, стр. 67.

4) Ibid., 117.

5) Ibid., 44.

6) Ibid., 133 и 134.

7) Разв. Ст. Мерва, стр. 24; ср. Bibl. G. A. III, 331, l. 8

была проведена въ эти городища вода. По даннымъ о городищѣ Гяуръ-Кала, сообщеннымъ въ книгѣ В. А. Жуковскаго[1]), наиболѣе правдоподобно, что каналъ протекалъ по серединѣ городища съ запада на востокъ, хотя возможно также, что онъ входилъ въ городъ не въ одномъ мѣстѣ, а въ двухъ[2]); во всякомъ случаѣ, «городскія ворота» находились, какъ и полагалъ В. А. Жуковскій, въ южной части западной стѣны. Вода была проведена во всѣ концы «внутренняго города», между прочимъ, посредствомъ подземнаго канала, даже въ цитадель, не смотря на ея высокое мѣстоположеніе. По руслу этого подземнаго канала, какъ разсказываетъ[3]) историкъ Мадаини, бѣжалъ въ шаввалѣ 126 (іюль — августъ 744) г. предводитель іеменской партіи Кермани, заключенный въ мервскую цитадель. Передъ этимъ одинъ изъ приверженцевъ Кермани «пришелъ къ мѣсту цитадели, гдѣ протекала вода, и расширилъ его», т. е. увеличилъ ширину того мѣста, гдѣ начинался подземный каналъ, проведенный въ цитадель. Во время бѣгства спутники Кермани (на ногахъ заключеннаго были кандалы) вели его подъ-руки; вокругъ его живота обвилась змѣя, но не причинила ему вреда; въ тѣсномъ мѣстѣ его пришлось протащить по землѣ, причемъ была содрана кожа съ его плеча и бока. Ближайшее изслѣдованіе цитадели Гяуръ-Кала, можетъ быть, позволило бы точно установить направленіе этого канала.

Въ то время, когда произошло арабское завоеваніе, «внутренній городъ» еще не былъ оставленъ; первая соборная мечеть была построена по Истахри «внутри города», по Макдиси даже «въ серединѣ города». Впослѣдствіи эта мечеть называлась «мечетью Бену-Маханъ»[4]). Имя того же рода или племени носилъ кварталъ въ восточномъ предмѣстьѣ, въ мѣстности, орошенной каналомъ Асʿади ал-Хурасани; на томъ же каналѣ было жилище «мервскаго марзбана[5])». Предмѣстье прилегало къ воротамъ Синджанъ, очевидно, находившимся въ восточной стѣнѣ Гяуръ-Кала,

---

1) Въ городищѣ Гяуръ-Кала «безхолменная полоса, довольно широкая, тянется отъ средины восточнаго вала на западъ, образуя какъ-бы дорогу или большую улицу» (Разв. Ст. Мерва, 113).

2) В. А. Жуковскій (ibid.) замѣчаетъ, что черезъ валъ «въ двухъ мѣстахъ внутрь городища сдѣланы отводы отъ канала, идущаго какъ разъ у подножія вала». По направленію бугровъ, вѣроятно, можно опредѣлить, были ли эти отводы современными городищу или относятся къ болѣе поздней эпохѣ.

3) Tabari, Annales, II, 1860 и слѣд.

4) Такъ у Истахри, Bibl. G. A. I, 259 (Разв. Ст. Мерва, стр. 18).

5) Это послѣднее обстоятельство вызываетъ предположеніе, не были ли بنو ماهان тѣмъ владѣтельнымъ родомъ Мерва, представители котораго носили титулъ ماهويه B. G. A. VI, ٣٩, l. 11). Племя بنو ماهان не упоминается среди арабскихъ племенъ; слово ماهان встрѣчается на иранской почвѣ въ качествѣ географическаго названія (извѣстный городъ въ Керманѣ) и личнаго имени (ср. указат. къ изданію Табари s. v. ماهان, также ماهان بن بهرام у Истахри, B. G. A. I, 147). Мервскій кварталъ у Макдиси (B. G. A. III, 331, l. 10) носитъ названіе ميرماهان.

вѣроятно, въ серединѣ ея[1]). Такъ какъ въ южной стѣнѣ Гяуръ-Кала воротъ, повидимому, не было, то тѣ же ворота Синджанъ должны были выходить на дорогу въ Мерверрудъ и Балхъ, т. е. упоминаемыя у Табари[2]) «Мерверрудскія ворота» должны быть отожествлены съ воротами Синджанъ, если только онѣ находились въ стѣнѣ «внутренняго города», а не въ стѣнѣ «рабада». Около «Мерверрудскихъ воротъ» было мѣсто, называвшееся «пятью мостами»[3]), что свидѣтельствуетъ объ обильномъ орошеніи.

Другое мѣсто въ окрестностяхъ города, съ которымъ были связаны преданія до-мусульманскаго происхожденія, находилось, повидимому, въ сѣверномъ предмѣстьѣ. Бар. В. Г. Тизенгаузенъ[4]) въ рецензіи на трудъ В. А. Жуковскаго обратилъ вниманіе на слова Хамзы Исфаханскаго[5]) о «постройкѣ, воздвигнутой Афрасіабомъ, на пространствѣ, окруженномъ внѣшней стѣной Мерва, между цитаделью и спускомъ отъ воротъ Никъ». Въ арабской географической литературѣ «ворота Никъ» (نيق, произношеніе сомнительно) совершенно не упоминаются, но о нихъ, кромѣ Хамзы, говоритъ и Табари въ разсказѣ о событіяхъ, вызвавшихъ переходъ власти отъ Омейядовъ къ Аббасидамъ. Въ концѣ марта 746 (джумади II 128) г. въ сѣверной и сѣверо-западной частяхъ Мерва происходили военныя дѣйствія между войсками намѣстника Насра ибн-Сейяра и мятежниками, во главѣ которыхъ стоялъ Харисъ ибн-Сурейджъ. Изъ разсказа объ этихъ битвахъ, между прочимъ, выясняется, что ворота, выходившія на дорогу въ Бухару, находились не въ восточномъ валу, какъ полагали В. А. Жуковскій и Ле-Стрэнджъ, а въ сѣверномъ, рядомъ съ цитаделью[6]), по всей вѣроятности въ томъ мѣстѣ «какъ разъ вправо отъ кремля», гдѣ видъ вала, по словамъ самого В. А. Жуковскаго[7]), указываетъ на мѣстоположеніе воротъ. Около тѣхъ же воротъ впослѣдствіи былъ дворецъ Мамуна[8]). Ворота Никъ помѣщались, по всей вѣроятности, въ сѣверо-западной части Мерва, между во-

---

1) Ср. описаніе этого мѣста восточнаго вала у В. А. Жуковскаго (Разв. Ст. Мерва, стр. 113): «Глубокая сравнительно впадина въ немъ, наибольшая толщина его въ этомъ мѣстѣ внутрь и наружу, нахожденіе осколковъ кирпича, — все дозволяетъ предполагать здѣсь сооруженіе, выступавшее за валъ по обѣ стороны».

2) Tabari, Annales, II, 1863, l. 3 и 5.

3) Ibid. القناطر الخمس.

4) З. В. О. XI, 332 (المنعوج — опечатка вм. المنعرج).

5) Ed. Gottwaldt p. 34, transl. p. 24.

6) Повидимому, только въ такомъ смыслѣ можно понимать слова (Tabari, II, 1923, l. 4): باب در متيكان وهو القهندز. Издатель де-Гуе вполнѣ основательно призналъ въ этихъ воротахъ тѣ же самыя, названіе которыхъ при изданіи сочиненія Истахри было прочитано имъ در مشكان, но едва ли удачно рѣшилъ замѣнить это чтеніе чтеніемъ در سنكان по Якуту (III, ١٦٠, 13), гдѣ несомнѣнно имѣются въ виду не эти ворота, а ворота سنجان.

7) Разв. Ст. Мерва, стр. 113.

8) Ibid., стр. 23 (по Макдиси, B. G. A. III, 312, l. 3—4).

ротами Балинъ и цитаделью; на это указываетъ порядокъ событій въ изложеніи историка [1]). Харисъ, которому одинъ изъ жителей Мерва указалъ на брешь въ стѣнѣ, черезъ эту брешь вторгается въ городъ со стороны воротъ Балинъ, приходитъ къ воротамъ Никъ, черезъ эти ворота выходитъ изъ города и производитъ ночное нападеніе на лагерь Сельма ибн-Ахваза (одного изъ правительственныхъ военачальниковъ). Утромъ Сельмъ выступаетъ къ воротамъ Никъ, велитъ своимъ воинамъ тамъ окопаться, вступаетъ въ битву съ Харисомъ, разбиваетъ его и (повидимому, не преслѣдуя бѣжавшихъ въ городъ враговъ) идетъ къ Насру, стоявшему на каналѣ Разикъ; по настоянію Насра, возобновляется нападеніе на городъ; Сельмъ вторгается въ городъ черезъ ворота, находившіяся рядомъ съ цитаделью, доходитъ до воротъ Никъ, открываетъ ихъ и предаетъ смерти того жителя Мерва, который указалъ Харису на брешь.

Впослѣдствіи какъ восточное, такъ и сѣверное предмѣстья утратили, повидимому, всякое значеніе, и жизнь всецѣло перешла въ западное предмѣстье. Слова Макдиси о каналѣ Разикъ, протекавшемъ мимо «города» со стороны «рабада», и о соборной мечети въ серединѣ «рабада» показываютъ, что подъ «пригородомъ» (рабадомъ) понимали въ то время главнымъ образомъ западный пригородъ. Въ этомъ пригородѣ находились, по словамъ Макдиси [2]), не только соборная мечеть, построенная Абу-Муслимомъ, но и болѣе старая соборная мечеть, построенная въ то время, когда «увеличилось число мусульманъ» [3]), покинутая при Абу-Муслимѣ, при Мамунѣ (въ Мервѣ отъ 808 до 817 г.) отстроенная и переданная шафіитамъ, но въ XII в. снова лежавшая въ развалинахъ. Истахри помѣщаетъ эту «старую мечеть» у «городскихъ воротъ» на каналѣ Разикъ, гдѣ до Абу-Муслима были также городскіе базары, тогда какъ мечеть Бену-Маханъ находилась «внутри города». Эти слова ясно показываютъ, что старую мечеть надо искать внѣ «города», хотя и рядомъ съ «городскими воротами», на берегу канала, протекавшаго мимо западнаго вала. Что касается базара, то онъ, повидимому, начинался уже въ чертѣ города; на это указываетъ порядокъ изложенія у Макдиси: въ серединѣ «города»—мечеть, въ древности бывшая соборной; у воротъ пригорода—постройки и небольшой базаръ; въ пригородѣ—двѣ соборныхъ мечети, изъ нихъ одна — у «городскихъ воротъ». Въ послѣднемъ случаѣ, несомнѣнно, имѣются въ виду тѣ же самыя ворота, которыя названы выше «воротами пригорода». Вполнѣ естественно, что при описаніи «города» эти ворота разсматриваются, какъ ведущія въ «пригородъ», при описаніи «приго-

1) Tabari, II, 1921—1923.
2) Ср. B. G. A. III, 311, l. 13.
3) Слова Истахри (Bibl. G. A. I, 259, l. 1).

рода»—какъ ведущія въ «городъ», изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, что «городъ» и «пригородъ» — одно и то же.

Каналъ Разикъ также упоминается неоднократно въ разсказахъ Табари о событіяхъ 746 и 747 гг. по Р. Хр.; недалеко отъ базара на каналѣ былъ мостъ[1]). Соборная мечеть на Разикѣ, очевидно, была той мечетью, гдѣ предводитель іеменцевъ Кермани послѣ бѣгства Насра обратился съ рѣчью къ арабамъ[2]). Абу-Муслимъ построилъ новую соборную мечеть по Истахри на каналѣ Маджанъ, по Макдиси—въ серединѣ пригорода; туда же были перенесены базары; соборная мечеть находилась «въ ряду мѣнялъ». Сопоставленіе словъ обоихъ авторовъ приводитъ къ заключенію, что каналъ Маджанъ, который, по словамъ Макдиси, прорѣзывалъ «городъ» (въ обширномъ смыслѣ), протекалъ черезъ середину «пригорода». Разсказы авторовъ XII в. заставляютъ полагать, что соборная мечеть и въ то время оставалась въ томъ же мѣстѣ, какъ въ X в. Въ соборной мечети «въ ряду мѣнялъ», по словамъ Самʿани, читалъ лекціи по фикху на персидскомъ языкѣ и произносилъ проповѣди факихъ Абу-Бекръ ибн-Абд-ар-Рахимъ Андагани, погибшій въ 1153 г. при взятіи Мерва гузами[3]). Эпитоматоръ Ибн-Хаукаля, писавшій въ 580 (1184 г.), слышалъ отъ мервскихъ стариковъ, что они не видѣли въ Мервѣ другой соборной мечети, кромѣ построенной Абу-Муслимомъ[4]). Въ концѣ XII в., между 1193[5]) и 1199 г.[6]), везиръ хорезмшаха Текеша Низам-ал-Мулькъ Масʿудъ ибн-Али выстроилъ для шафіитовъ новую соборную мечеть, превосходившую по высотѣ зданія (старую) ханифитскую; эта мечеть вскорѣ послѣ постройки была сожжена возставшей чернью[7]).

Въ началѣ XIII в. соборная мечеть, какъ видно изъ словъ Якута, находилась въ серединѣ городища Султанъ-Кала: въ сохранившемся до нашего времени мавзолеѣ султана Санджара было «рѣшетчатое окно», выходившее на соборную мечеть; рядомъ съ ханифитской мечетью, въ одной и той же оградѣ, находилась шафіитская, очевидно, вновь отстроенная послѣ пожарища[8]). Сопоставленіе словъ Якута съ разсказомъ Макдиси («въ серединѣ пригорода») и

---

1) Tabari II, 1928, l. 2 على قنطرة النهر; ниже (l. 8) упоминается السوق.

2) Tabari II, 1930, l. 19.

3) Рукоп. Аз. музея 543a, л. 31a: ابو بكر بن عبد الرحيم الاندغنى فقيه فاضل مناظر تقىّ تفقّه على منصور السرخسى وكان يدرس الفقه بالعجميّة بالجامع براس الصيارفة ويعظ قتل فى رجب سنة ثمان واربعين وخمسماية فى وقعة الغز.

Ср. Разв. Ст. Мерва, стр. 23, прим. 2.

4) Bibl. G. A. II, 314; ср. Разв. Ст. Мерва, стр. 115, прим. 1.

5) Годъ занятія Мерва Текешемъ, ср. Разв. Ст. Мерва, стр. 31 и мой трудъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», ч. II, стр. 371.

6) Годъ смерти везира, ср. Разв. Ст. Мерва, стр. 33.

7) Ibid.

8) Разв. Ст. Мерва, 34; Якутъ, IV, 509, l. 6—9.

послѣдняго съ извѣстіями авторовъ XII в. неизбѣжно приводитъ къ заключенію, что свидѣтельствомъ Якута опредѣляется мѣстоположеніе не только соборной мечети его времени, но и мечети Абу-Муслима. Вполнѣ возможно, хотя извѣстій объ этомъ нѣтъ, что въ промежутокъ времени отъ VIII до XIII вв. зданіе нѣсколько разъ было перестроено и что его внѣшній видъ и внутреннее устройство при Якутѣ столь же мало напоминали эпоху Абу-Муслима, какъ сохранившаяся до нашего времени мечеть Амра въ Ширазѣ — эпоху Саффаридовъ или старая мечеть въ Исфаханѣ — эпоху арабскаго владычества [1]). Шафіитская мечеть, очевидно, была выстроена въ концѣ XII в. на новомъ мѣстѣ, рядомъ съ ханифитской, и не имѣла ничего общаго со «старой мечетью», предоставленной шафіитамъ при Мамунѣ.

Если соборная мечеть Абу-Муслима находилась въ серединѣ городища Султанъ-Кала, то тамъ же долженъ былъ протекать каналъ Маджанъ; общее направленіе каналовъ въ этой мѣстности показываетъ, что каналъ могъ прорѣзывать городище только въ направленіи съ юга на сѣверъ. Это вполнѣ подтверждается словами Хафизи-Абру, что вода подходила къ городу со стороны «воротъ знаменосца», около могилы Бурейды, протекала черезъ середину города и выходила наружу черезъ Кушмейхенскія, т. е., очевидно, сѣверныя ворота [2]). Что черезъ городъ протекалъ именно Маджанъ, подтверждается тѣмъ, что въ Мервѣ были «ворота у головы Маджана» [3]) (دروازهٔ سر ماجان), упоминаемыя у Джувейни, и «ворота у конца Маджана» (دروازهٔ پای ماجان), упоминаемыя у романиста Тартуси [4]). Въ такомъ случаѣ «ворота у головы Маджана» должны быть отожествлены съ «воротами знаменосца», «ворота у конца Маджана» — съ Кушмейхенскими, что, повидимому, подтверждается словами какъ Джувейни, такъ и Тартуси. Джувейни рядомъ съ «воротами у головы Маджана» помѣщаетъ садъ Махи-абадъ; по Самʿани и Якуту [5]) такъ назывался большой кварталъ, расположенный въ «верхней»,

---

1) Ср. мой трудъ: «Историко-географ. обзоръ Ирана», стр. 106 и 115.

2) Разв. Ст. Мерва, стр. 66 и 67.

3) Ibid., стр. 49, гдѣ данъ не совсѣмъ точный переводъ: «ворота, выходившія на каналъ Маджанъ». При изданіи текста Джувейни Шеферъ (Chrestomathie persane, II, ۱۰۴) принялъ чтеніе دروازهٔ سرّاجان («ворота сѣдельниковъ»); такое же чтеніе даетъ одна изъ трехъ петербургскихъ рукописей (рук. Публ. библ. IV, 1, 34, л. 53 а); двѣ другихъ рукописи (рук. Публ. библ. Ханык. 71 и рук. Спб. унив. 172) даютъ чтеніе دروازهٔ سر ماجان, повидимому, болѣе правильное.

4) Разв. Ст. Мерва, стр. 162, прим. Въ рукописи Аз. муз. 280ае мы находимъ не только чтеніе دروازهٔ پای ماخان, какъ можно заключить изъ словъ В. А. Жуковскаго, но и чтеніе دروازهٔ پای ماجان (л. 186b, 188a, 190b и друг.).

5) Разв. Ст. Мерва, стр. 42. Jacut IV, 407. Выраженіе «отдѣлявшійся отъ восточной стѣны» (букв. у Якута: «отдѣлявшійся отъ стѣны города съ восточной стороны его»), повидимому, надо понимать въ томъ смыслѣ, что кварталъ на югѣ составлялъ продолженіе восточной стѣны, а не въ томъ смыслѣ, что онъ былъ расположенъ за восточной стѣной.

т. е. южной части области, у воротъ города и отдѣлявшійся отъ восточной стѣны, т. е., очевидно, находившійся къ юго-востоку отъ городища Султанъ-Кала. Въ романѣ Тартуси, какъ мы увидимъ ниже, упоминаются, кромѣ «воротъ у конца Маджана», «ворота знаменосца» (южныя), «ворота Фирузи» (западныя) и «ворота шахристана» (восточныя), что̀ указываетъ на мѣстоположеніе «воротъ у конца Маджана» въ сѣверной стѣнѣ. Якутъ[1]) говоритъ о Маджанѣ, что онъ «прежде пересѣкалъ городъ Мервъ», причемъ употребляетъ слово مدينة, а не بلد, но, очевидно, имѣетъ въ виду не «внутренній городъ» X в., а видѣнный имъ городъ, разрушенный монголами. Что Якутъ зналъ о Маджанѣ не только по книгамъ, но и самъ видѣлъ его, доказывается его стихами объ этомъ каналѣ[2]), сочиненными во время пребыванія въ Мервѣ. Выраженіе «прежде пересѣкалъ городъ» объясняется тѣмъ, что городъ Мервъ, какъ было извѣстно Якуту, послѣ нашествія монголовъ пересталъ существовать.

Мѣстность по берегу Маджана имѣла значеніе для города еще до Абу-Муслима; здѣсь находилось жилище хорасанскаго намѣстника Насра ибн-Сейяра[3]). Около соборной мечети задолго до постройки гробницы султана Санджара было другое куполообразное зданіе, шириной въ 55 локтей, также изъ обожженнаго кирпича, о которомъ говоритъ Истахри[4]); въ другомъ куполообразномъ зданіи, связанномъ съ соборной мечетью или съ медресэ[5]), былъ погребенъ въ 1072 г. Алпъ-Арсланъ. Судя по картѣ персидскаго инженера, еще въ половинѣ XIX в. въ городищѣ Султанъ-Кала, повидимому, непосредственно къ сѣверу отъ мавзолея Санджара, были видны остатки зданія, которыя принимали за медресэ; во время работъ В. А. Жуковскаго (въ 1890 г.) въ указанномъ мѣстѣ оставались только «кучи кирпича, засыпанныя наносной землей»[6]). На то, что вокругъ мавзолея нѣкогда были высокія постройки, указываютъ также, по словамъ В. А. Жуковскаго, окружающіе мавзолей «осѣвшіе, убитые бугры внушительныхъ размѣровъ[7])».

Истахри упоминаетъ объ одной попыткѣ, сдѣланной во второй поло-

---

1) Jacut, IV, 378 и 395, ср. Разв. Ст. Мерва, 42 и 43.

2) Jacut, IV, 378 и сл.

3) Tabari, II, 1921, l. 1.

4) Разв. Ст. Мерва, стр. 18—19. Не совсѣмъ ясно, тожественно ли это «куполообразное зданіе», въ которомъ засѣдалъ Абу-Муслимъ и въ которомъ засѣдали правители Мерва при Истахри, съ упомянутымъ у того же Истахри въ другомъ мѣстѣ зданіемъ, тоже куполообразнымъ, «въ которомъ приверженцы Аббасидовъ красили въ черный цвѣтъ платья» и которое находилось на томъ же каналѣ Маджанъ.

5) Ibid., стр. 27, прим. 4.

6) Разв. Ст. Мерва, стр. 135.

7) Ibid., стр. 134.

вин̆ IX в., — перенести мѣстопребываніе правителя и базары (о соборной мечети не говорится) еще дальше на западъ, на каналъ Хурмузферрэ; но господство въ Мервѣ Хусейна ибн-Тахира[1]), которому принадлежалъ этотъ планъ, было настолько непродолжительно, что эта попытка не имѣла результатовъ. Въ X в. на каналѣ Хурмузферрэ былъ кварталъ Рас-аш-Шабай («голова Шабая»), нѣсколько восточнѣе, между каналами Хурмузферрэ и Мадджанъ, кварталъ Рас-ал-Мейданъ («голова площади»), гдѣ въ четыреугольной оградѣ[2]) (مربّعة) Абу-Джахма находилось «праздничное мѣсто молитвы», т. е. мѣсто, гдѣ совершалось богослуженіе въ дни двухъ большихъ годовыхъ праздника мусульманъ.

Разсказы Табари о дѣйствіяхъ Абу-Муслима и о другихъ военныхъ событіяхъ, происходившихъ въ окрестностяхъ Мерва, показываютъ, что мѣстомъ борьбы за обладаніе городомъ преимущественно были западные пригороды. Вполнѣ естественно, что мы находимъ въ этихъ разсказахъ нѣкоторый матеріалъ для изученія топографіи города; но пользованіе этимъ матеріаломъ значительно затрудняется тѣмъ, что географическіе термины, въ томъ числѣ и слово «медина», употребляются историками далеко не всегда въ томъ значеніи, которое присвоено имъ въ географической литературѣ. Подобное разногласіе между языкомъ лѣтописцевъ, несомнѣнно, передающемъ въ этомъ отношеніи неопредѣленность и непослѣдовательность живой рѣчи, и языкомъ спеціалистовъ-теоретиковъ замѣчается, какъ извѣстно, и по отношенію къ терминамъ государственнаго хозяйства, какъ خراج и جزية[3]), فیْء и غنيمة[4]) и т. п.

Кромѣ разсказовъ о борьбѣ намѣстника Насра съ Кермани, Харисомъ и Абу-Муслимомъ можно провести еще разсказъ о болѣе раннемъ событіи, относящемся къ концу VII в.[5]). Въ 77 г. х. (696 — 7 по Р. Хр.) Мервъ очутился во власти мятежника Букейра ибн-Вишаха; намѣстникъ Умейя ибн-Абдаллахъ узналъ объ этомъ во время похода на Мавераннахръ и вернулся въ Хорасанъ; на пути изъ Кушмейхена въ Мервъ Умейя разбилъ Букейра, который долженъ былъ отступить за мервскую «ограду» (الحائط) и расположился лагеремъ у «стараго базара» (السوق العتيق). Умейя шелъ изъ Кушмейхена не прямо на югъ, а на юго-западъ, такъ какъ его лагерь послѣ Кушмей-

---

1) О немъ см. мой трудъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», ч. II, стр. 226.

2) По переводу В. А. Жуковскаго (Разв. Ст. Мерва, стр. 18) въ «околоткѣ».

3) J. Wellhausen, Das Arabische Reich und sein Sturz, Berlin 1902, S. 299, съ ссылкой на Tabari, II, 1507 sq. Ср. особенно p. 1507, l. 13.

4) Orientalistische Litteraturzeitung VII (1904), 423 N. (статья M. Hartmann).

5) Tabari, II, 1022—1028.

хена былъ въ селеніи Пашанъ (по Истахри[1]) въ 4 фарсахахъ отъ Мерва по дорогѣ въ Хорезмъ). Мѣстомъ новой битвы была «площадь Іезида»; Букейръ во время бѣгства былъ раненъ у моста и унесенъ своими воинами въ «городъ» (медина). Осада «города» закончилась мирнымъ договоромъ; у воротъ Синджанъ Умейя написалъ мятежникамъ грамоту о помилованіи и послѣ этого (очевидно, черезъ тѣ же ворота) вошелъ въ городъ.

Терминъ الحائط («ограда») употребляется въ географической литературѣ для обозначенія длинныхъ стѣнъ, защищавшихъ культурную область отъ нашествія кочевниковъ[2]). Здѣсь подъ этимъ словомъ, вѣроятно, надо понимать не стѣну ар-Рай, едва ли имѣвшую въ то время военное значеніе, но «рабадъ» Мерва. Упоминаніе «стараго базара» показываетъ, что мостъ, у котораго былъ раненъ Букейръ, былъ на Разикѣ и что мѣстомъ битвы былъ западный пригородъ. Возможно, что отъ «площади Іезида» получилъ свое названіе упоминаемый у Истахри кварталъ «голова площади». Упоминаніе «воротъ площади Іезида» въ разсказѣ о событіяхъ 746 г.[3]) (здѣсь произошла одна изъ битвъ между Кермани и приверженцами Насра) говоритъ въ пользу предположенія, что «площадь Іезида» находилась на окраинѣ города (въ обширномъ смыслѣ).

Въ разсказахъ о дѣйствіяхъ Хариса и Абу-Муслима часто встрѣчаются термины الحائط и المدينة, но сопоставленіе однихъ мѣстъ съ другими ясно показываетъ, что при этомъ не имѣется въ виду спеціальное значеніе этихъ терминовъ. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ можно заключить, что подъ «оградой» надо понимать стѣну внутренняго города; такъ Харисъ и его спутники, воспользовавшись проломомъ въ «оградѣ» (الحائط), вступили въ «городъ» (المدينة) со стороны воротъ Балинъ[4]). Съ другой стороны, Харисъ, когда, разбитый въ сраженіи съ Кермани, долженъ былъ спѣшиться по желанію своихъ спутниковъ (послѣ чего былъ настигнутъ врагами и убитъ), находился «между оградой Мерва (حائط مرو) и городомъ (المدينة)»[5]), изъ чего ясно видно, что въ данномъ случаѣ терминомъ الحائط обозначается стѣна города въ обширномъ смыслѣ (рабадъ), а не стѣна внутренняго города.

Въ виду такого противорѣчія трудно опредѣлить, какія изъ топографическихъ названій, встрѣчающихся въ разсказахъ о событіяхъ 746 и 747 гг., должны быть отнесены къ внутреннему городу и какія къ пригородамъ.

---

1) Bibl. G. A. I, 284, ср. Разв. Ст. Мерва, стр. 21. На произношеніе «Пашанъ» указываетъ колебаніе звуковъ «б» и «ф» въ арабской транскрипціи, ср. Разв. Ст. Мерва, стр. 36 и 46.

2) Bibl. G. A. I, 310—313; VI, ٢٥, l. 12.

3) Tabari, II, 1925, l. 10—11.

4) Tabari, II, 1921, l. 12—13.

5) Ibid., 1934, l. 18.

Абу-Муслимъ въ 747 г. подходилъ къ Мерву съ западной стороны; деревни, изъ которыхъ къ нему присоединились отряды возставшихъ противъ омейядскаго правительства, находились частью къ западу и къ сѣверо-западу [1]), частью къ югу [2]) отъ Мерва. Съ обѣихъ сторонъ Абу-Муслимомъ предпринимались дѣйствія противъ города, причемъ съ запада онъ дѣйствовалъ самъ, на югъ послалъ одного изъ своихъ приверженцевъ, который долженъ былъ укрѣпиться у селенія Гиренгъ (у арабовъ Джиренджъ) на Мургабѣ (по одному извѣстію въ 6, по другому въ 10 фарсахахъ выше Мерва [3]) и этимъ отрѣзать Насра отъ Мерверруда и Балха [4]). Лагери самого Абу-Муслима находились въ мѣстности по каналу Хареканъ, протекавшему, очевидно, въ западныхъ или сѣверо-западныхъ окрестностяхъ города. На этомъ каналѣ [5]) находились селеніе Сикаденджъ [6]) и, нѣсколько ниже, т. е. сѣвернѣе селеніе Алинъ [7]), повидимому то же самое, которое въ другомъ источникѣ Табари упоминается подъ названіемъ Балинъ [8]); послѣднее названіе носили, какъ извѣстно, также одни изъ воротъ внутренняго города; очевидно, ворота получили свое названіе отъ селенія и потому должны быть помѣщены въ сѣверной части западной стѣны городища Гяуръ-Кала. Селеніе Маханъ или Махуванъ, гдѣ былъ послѣдній лагерь Абу-Муслима, находилось въ 3 ф. отъ Мерва, очевидно, въ той же сторонѣ, но не на Хареканѣ [9]).

Источники не говорятъ, черезъ какія ворота Абу-Муслимъ вступилъ въ городъ. Передовой отрядъ, отправленный Абу-Муслимомъ изъ Махана въ Мервъ во время битвы между Насромъ и сыномъ убитаго Кермани, остановился въ замкѣ бухаръ-худата [10]), т. е. туземнаго владѣтеля Бухары; по-

---

1) Ср. упоминаніе селенія Хурмузферрэ, ibid., 1955, l. 2.

2) Среди деревень ربع السقادم названа, между прочимъ, деревня جوبان (ibid., 1957, l. 10—11), находившаяся около Джиренджа (Разв. Ст. Мерва, 40).

3) Разв. Ст. Мерва, 21, 25 и 39.

4) Tabari, II, 1956, l. 15—17.

5) Ibid., 1953, l. 19.

6) О варіантахъ см. ibid., 1952e и Разв. Ст. Мерва, 45. Мы приняли чтеніе Сам'ани, которому, какъ уроженцу Мерва, лучше всего были извѣстны названія мервскихъ селеній. J. Wellhausen (Das Arabische Reich und sein Sturz, S. 325) также принялъ чтеніе سيقدنج.

7) Разв. Ст. Мерва, 35 и Tabari II, 1969, l. 17—18.

8) Ср. доводы въ пользу тожества обоихъ названій у J. Wellhausen, Das Arabische Reich, S. 329, съ ссылкой на слова Табари (II, 1952, l. 10), что селеніе Балинъ называлось и просто Линъ (اللين).

9) Абу-Муслимъ временно отступилъ изъ Махувана въ Алинъ потому, что въ Махуванѣ Насръ могъ отрѣзать его отъ воды. Въ Алинѣ ему эта опасность не угрожала, очевидно потому, что Сикаденджъ оставался въ его рукахъ (Tabari, II, 1969, l. 11—18). Въ романѣ Тартуси (рук. Аз. муз. 280ае, л. 28а) Абу-Муслимъ въ Маханѣ вечеромъ встрѣчаетъ людей, спѣшившихъ въ Гиренгъ, гдѣ на слѣдующій день долженъ былъ быть базаръ; всю ночь они шли, утромъ подошли къ سرپل كيرنك.

10) Tabari, II, 1987, l. 7 и 1992, l. 16.

видимому, этотъ замокъ находился въ распоряженіи Насра, такъ какъ въ 745 г. Насръ помѣстилъ въ этомъ замкѣ Хариса, который въ то время примирился съ омейядскимъ правительствомъ и вернулся въ Мервъ изъ страны турковъ[1]). Возможно, что «замокъ бухаръ-худата» находился въ томъ же мѣстѣ, гдѣ въ X в. были замки потомковъ арабскаго эмира Бухары, Халида ибн-Ахмеда (IX в.)[2]), т. е. по нижнему теченію Разика.

Въ разсказѣ о событіяхъ 746 г. упоминаются между прочимъ «ворота Масерджесанъ», на разстояніи фарсаха отъ города (медина) Мерва, гдѣ нѣкоторое время былъ лагерь Кермани[3]). Возможно, что выраженіе «ворота» употреблено здѣсь только въ смыслѣ воротъ большого зданія, подобно тому, какъ въ другомъ мѣстѣ говорится о чтеніи прокламаціи Хариса передъ «воротами Насра на Маджанѣ»[4]), т. е. передъ воротами дворца намѣстника. Издатель полагалъ, что «Масерджесанъ» былъ христіанскимъ монастыремъ имени св. Сергія (по-сирійски Саргисъ). Масерджесанъ упоминается также въ стихахъ Абу-Нуваса, какъ одна изъ главныхъ христіанскихъ святынь[5]); если здѣсь жили епископы и впослѣдствіи митрополиты (католикосы) Мерва, то мѣстоположеніе этого христіанскаго монастыря нѣсколько точнѣе опредѣляется разсказами о погребеніи христіанами въ 651 г. убитаго сасанидскаго царя Іездегерда. По одной версіи мервскій епископъ, положивъ въ гробъ тѣло убитаго царя, перенесъ его въ мѣсто Па-и-Бабанъ, «у низовьевъ Маджана»[6]), помѣстилъ его въ сводъ (عقد), гдѣ прежде у епископа происходили собранія, и заколотилъ двери свода. По другой версіи для погребенія царя былъ построенъ «наусъ» въ глубинѣ «сада митрополитовъ въ Мервѣ»[7]); христіане, во главѣ съ митрополитомъ Иліей[8]), перенесли туда тѣло на своихъ плечахъ и послѣ погребенія заколотили дверь науса. Выраженіе «у низовьевъ Маджана» заставляетъ полагать, что мѣсто «Па-и-Бабанъ», гдѣ жили епископы, находилось къ сѣверу отъ городища Султанъ-Кала. «Па-и-Бабанъ» упоминается

---

1) Ibid., 1888, l. 14.

2) Bibl. G. A. I, 260, ср. Разв. Ст. Мерва, 19. Изъ нумизматическихъ данныхъ видно, что этотъ Халидъ былъ современникомъ Мухаммеда ибн-Тахира (862—873 гг.). Бухарскіе фельсы съ именами Мухаммеда и Халида имѣются и въ собраніи Спб. университета.

3) Tabari, II, 1925, l. 13.

4) Ibid., 1921, l. 1.

5) Jacut II, 684, l. 11. Ср. также слова Балазури (Beladsori ed. de Goeje, p. 190) о перенесеніи воротъ этого монастыря въВаситъ при Хадджаджѣ.

6) Tabari I, 2881, l. 9.

7) Ibid. I, 2883, l. 15.

8) Одинъ изъ наиболѣе прославленныхъ несторіанскихъ іерарховъ въ Средней Азіи; см. о немъ В. Райтъ, Краткій очеркъ истор. сир. литер., перев. подъ ред. П. К. Коковцова, стр. 126, и Nöldeke въ SBW Bd. 128, IX, 39 и слѣд.

также у Самʿани и Якута, какъ большой кварталъ въ нижней, т. е. сѣверной части Мерва[1]).

Мы видѣли, что уже въ VII в. жизнь сосредоточивалась не столько въ старомъ «внутреннемъ городѣ», сколько въ западномъ пригородѣ. Постепенно этотъ «пригородъ» все болѣе долженъ былъ становиться настоящимъ «городомъ», и этимъ фактомъ должна была опредѣляться строительная дѣятельность мѣстныхъ правителей, въ томъ числѣ и забота о защитѣ города посредствомъ стѣнъ. О томъ, когда произошла постройка стѣнъ, окончательно обратившая «пригородъ» въ «городъ», мы имѣемъ только одно свидѣтельство, именно слова Хамдаллаха Казвини, что стѣны были возведены султаномъ Мелихъ-Шахомъ (1072—1092)[2]). Съ тѣхъ поръ до монгольскаго нашествія городомъ Мервомъ, какъ доказалъ В. А. Жуковскій, было городище Султанъ-Кала. Судя по словамъ Джувейни[3]) и Тартуси[4]) сырцовыя стѣны, окружающія это городище, считались въ то время выдающейся твердыней. Несомнѣнно, что въ промежутокъ времени между концомъ XI в. и монгольскимъ нашествіемъ 1221 г. стѣны перестраивались нѣсколько разъ; первыя извѣстія о разрушеніи стѣнъ Мерва относятся уже къ послѣднимъ годамъ XI в., когда происходила борьба за престолонаслѣдіе между сыновьями Меликъ-Шаха[5]).

Топографическія извѣстія о Мервѣ этой эпохи крайне скудны, что̀ объясняется вообще упадкомъ мусульманской географической литературы послѣ X в. Географы послѣдующихъ вѣковъ, до XVII в. включительно, были почти исключительно компиляторами и описывали области и города словами авторовъ IX и X вв., не обращая вниманія на то, что эти описанія давно стали анахронизмомъ. Даже тѣ изъ компиляторовъ, которые, какъ Хамдаллахъ Казвини, дополняли книжныя свѣдѣнія нѣкоторыми новыми данными, по устнымъ разсказамъ и по личнымъ наблюденіямъ, не были въ состояніи отнестись критически къ своимъ письменнымъ источникамъ и выдѣлить тѣ книжныя извѣстія, которыя данной эпохѣ уже не соотвѣтствовали.

---

1) Jacut I, 437, l. 3, ср. Разв. Ст. Мерва, стр. 36. Ср. еще Jacut II, 570, l. 16—17, Разв. Ст. Мерва, стр. 39; по этому извѣстію около селенія دروازهٔ ماسرجسان стояло мусульманское войско, «въ первое время по прибытіи въ Мервъ для его завоеванія». Эта послѣдняя подробность заставляетъ сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли Масерджесанъ можетъ быть отожествленъ съ мѣстомъ «Па-и-Бабанъ». Мусульманскія войска, по другому извѣстію, подошли къ Мерву со стороны воротъ Синджанъ (Разв. Ст. Мерва, стр. 45, по Самʿани). По Табари (II, 1957, l. 14), Абу-Муслимъ послѣ взятія Мерва, намѣреваясь итти на Нишапуръ, стоялъ лагеремъ въ ماسرجس, т. е. ماسرجسان.

2) Разв. Ст. Мерва, стр. 55.

3) Ibid., стр. 51.

4) Рукоп. Аз. муз. 280ае, л. 457b: قلعهٔ بمحکمیء قلعهٔ مرو کم می باشد.

5) Разв. Ст. Мерва, стр. 28 (по Хафизи-Абру).

Изъ путешественниковъ эпохи XI—XIII вв. извѣстенъ только Насири-Хусрау, не сообщающій никакихъ свѣдѣній о Мервѣ. Оффиціальное описаніе государства Сельджукидовъ, составленное при Меликъ-Шахѣ, подъ названіемъ رسالۀ ملكشاهى, и бывшее въ рукахъ Хамдаллаха Казвини[1]), къ сожалѣнію, не дошло до насъ.

Словари Самʿани и Якута заключаютъ въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія о кварталахъ и деревняхъ Мерва (мѣстоположеніе тѣхъ и другихъ, однако, большею частью не указывается), но и эти свѣдѣнія большею частью заимствованы изъ письменныхъ источниковъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ авторы словарей прибавляютъ, что сами были въ томъ или другомъ мѣстѣ, и передаютъ свои впечатлѣнія о немъ. Для Самʿани, отожествлявшаго «цитадель» съ «внутреннимъ городомъ»[2]), даже терминологія авторовъ X в. была не вполнѣ ясна. Якутъ, прожившій въ Мервѣ три года (1216—1219 гг.), не далъ намъ, однако, топографическаго описанія города этой эпохи, даже не перечислилъ воротъ города.

Разсказовъ о военныхъ событіяхъ, происходившихъ въ теченіе этихъ вѣковъ около Мерва, мы также не имѣемъ, кромѣ разсказа Джувейни о монгольскомъ нашествіи 1221 г. Монголы подошли къ Мерву послѣ покоренія Несâ и Абиверда, т. е. съ запада, и прежде всего пришли къ воротамъ Фирузи, откуда начали обходъ города, съ цѣлью выбрать мѣсто для нападенія. На 7-й день они начали военныя дѣйствія со стороны «шахристанскихъ воротъ» (دروازۀ شهرستان); жители изъ двухъ разныхъ воротъ произвели вылазки съ незначительными силами и послѣ отраженія этихъ вылазокъ тотчасъ сдались. Стѣны и крѣпость были разрушены монголами, «максура» ханифитской соборной мечети — сожжена[3]).

Изъ этихъ данныхъ можно заключить, что ворота Фирузи были въ западной стѣнѣ Султанъ-Кала. Ворота «Фирузи», подъ названіемъ درب الفيروزية, упоминаются и у Якута; за этими воротами былъ «внѣшній кварталъ»

---

1) О رسالۀ ملكشاهى ср. نزهة القلوب, рук. Спб. унив. 171, л. 239а: ودر رسالۀ ملكشاهى آمده كه سلطان در كميّت مسافت فراسخ بيش وكم استماع ميكرده اكثر اطراف ايران وديكر ولايات كه اورا بدان عبور بوده به پيمودن فراسخ خوارزم كما بيش وپانزده هزار كام است ودر آذربايجان وارمن وحدود آنجا دوازده هزار كام بر مى‌آمده ودر ولايات روم وكرجستان وآران وموغان وشيروان خود فرسنكرا اعتبار نميكرده اند ومنازل واوقات نشانده اند واو در تمامت مملكت خود بنياد فرسنك بر ششهزار كام معتدل نهاده است وكميّت مسافت طرقى كه اورا بران عبور بوده منزل بمنزل در آن رساله كفته است.

2) Рук. Аз. муз. 543а, л. 354b: قهندز مرو يقال لها المدينة الداخلة. Выше (л. 354а) о قهندز вообще: (sic) وهى المدينة الداخلة المصورة.

3) Разв. Ст. Мерва, стр. 50—51.

Сасанъ; Самʿани помѣщаетъ этотъ кварталъ у «мѣста молитвы» (مصلّى)[1]. Изъ этого можно заключить, что праздничное мѣсто молитвы, какъ и соборная мечеть, оставалось въ XII в. тамъ же, гдѣ было въ X в. Праздничное богослуженіе совершалось, слѣдовательно, въ мѣстности непосредственно къ западу отъ городища Султанъ-Кала.

В. А. Жуковскій склоненъ относить «шахристанскія ворота» «къ древнѣйшему мервскому городищу, Гяуръ-Калѣ, если руководиться названіемъ, сохраненнымъ арабскими путешественниками[2])», т. е. путешественниками X в. Другими словами, В. А. Жуковскій полагаетъ, что «шахристанскія ворота» Джувейни могутъ быть отожествлены съ «воротами внутренняго города» Истахри. Едва ли можно признать такое мнѣніе правдоподобнымъ. Если бы городище Гяуръ-Кала еще имѣло въ то время значеніе крѣпости и если бы тамъ стоялъ гарнизонъ, то нападеніе на это городище со стороны монголовъ было бы вполнѣ вѣроятно, но, конечно, было бы произведено не съ западной стороны, гдѣ въ X в. были «ворота внутренняго города», такъ какъ нападающіе въ такомъ случаѣ очутились бы въ узкомъ проходѣ между двумя враждебными крѣпостями.

Гораздо правдоподобнѣе, что «шахристанскими» назывались въ XIII в. ворота въ восточной стѣнѣ новаго города (Султанъ-Кала), выходившія на старый шахристанъ (Гяуръ-Кала). По словамъ Самʿани, старый «внутренній городъ» уже въ половинѣ XII в. былъ совершенно покинутъ жителями[3]); такъ какъ Самʿани не отличаетъ «внутренняго города» отъ цитадели, то трудно рѣшить, относятся ли его слова ко всему городищу Гяуръ-Кала или только къ цитадели въ его сѣверной части. Если городище Гяуръ-Кала дѣйствительно было пусто и никѣмъ не защищалось, оно со своимъ высокимъ валомъ являлось превосходнымъ опорнымъ пунктомъ для осаждающихъ. При крайней небрежности, съ которой велась оборона Мерва, вполнѣ вѣроятно, что это обстоятельство было упущено защитниками города; столь же вѣроятно, что Тулуй, болѣе другихъ сыновей Чингизъ-хана унаслѣдовавшій военные таланты отца, съумѣлъ воспользоваться ошибкой враговъ[4]). Въ теченіе тѣхъ шести дней, которые прошли между прибытіемъ монголовъ и началомъ военныхъ дѣйствій, монголы, изучивъ окрестности Мерва, могли прійти къ рѣшенію занять городище Гяуръ-Кала и съ этой стороны начать свои дѣйствія противъ города.

---

1) Ibid., стр. 44.

2) Разв. Ст. Мерва, стр. 132.

3) Рук. Аз. муз. 543а, л. 354b: وهى باقية الى الساعة وكانّها غير معمورة ولا مسكونة.

4) Если принять такое объясненіе дѣйствій монголовъ, то, конечно, отпадаетъ предположеніе В. А. Жуковскаго (Разв. Ст. Мерва, 173), что лагерь монголовъ могъ быть на мѣстѣ городища Шаимъ-Кала.

Другое мнѣніе было высказано бар. Тизенгаузеномъ въ отзывѣ о трудѣ В. А. Жуковскаго: по этому мнѣнію[1]) «шахристанскія» ворота получили свое названіе не отъ мервскаго «шахристана», т. е. внутренняго города, но отъ города Шахристана въ нынѣшнемъ Ахалъ-текинскомъ оазисѣ, въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ Асхабада[2]). Въ такомъ случаѣ «шахристанскія» ворота находились въ западной стѣнѣ городища Султанъ-Кала. Свѣдѣнія историческихъ и географическихъ источниковъ, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, не опровергаютъ этого предположенія, хотя мало вѣроятно, чтобы ворота города Мерва получили названіе не по Сераxсу или Абиверду, а по отдаленному Шахристану, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакихъ извѣстій о какомъ-либо особомъ значеніи этого города.

Мы можемъ, однако, получить болѣе точный отвѣтъ на этотъ вопросъ и на рядъ другихъ вопросовъ, касающихся топографіи Мерва XI—XIII вв., если обратимся къ источнику иной категоріи, именно къ роману Тартуси объ Абу-Муслимѣ. Уже В. А. Жуковскій призналъ топографическія данныя этого романа «не безъинтересными, хотя бы при этомъ и оказались неизбѣжные въ романѣ топографическіе, такъ сказать, анахронизмы»[3]). Но, во-первыхъ, эти топографическія данныя полнѣе и подробнѣе, чѣмъ можно бы было заключить изъ словъ В. А. Жуковскаго: неоднократно упоминаются не только «ворота знаменосца» и «ворота у конца Маджана», но и двое другихъ воротъ Мерва XI—XIII вв., ворота Фирузи и шахристанскія. Во-вторыхъ, романистъ въ своихъ топографическихъ указаніяхъ несомнѣнно имѣлъ въ виду не эпоху Абу-Муслима, а свое время, и съ этой стороны его романъ является сплошнымъ анахронизмомъ; за то въ немъ нѣтъ, какъ въ географическихъ компиляціяхъ, смѣшенія данныхъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ; вообще вліяніе географической литературы IX—X вв., насколько я могъ замѣтить, нигдѣ не проявляется.

Романъ объ Абу-Муслимѣ пользовался большей популярностью въ Средней Азіи[4]) и въ Турціи, чѣмъ въ Персіи. Авторъ очерка исторіи персидской литературы, Этэ, говоря о Тартуси, упоминаетъ только о его

---

1) З. В. О. XI, 329.

2) О мѣстоположеніи Шахристана ср. Jacut, III, 343, l. 2—3.

3) Разв. Ст. Мерва, стр. 162, прим.

4) Въ Средней Азіи разрабатывались, повидимому, и отдѣльные эпизоды романа, ср. упоминаніе В. Л. Вяткина (Справ. книжки Самарск. обл., вып. 8, стр. 290) о «Замчи-нама», въ которомъ несомнѣнно говорилось о богатырѣ Ахмедѣ Замчи (ср. Разв. Ст. Мерва, стр. 161 и слѣд.). При изданіи текста «Кандіи» (Турк. въ эпоху монг. нашествія, ч. I, стр. 49, прим. 4) я не воспользовался романомъ Тартуси, вслѣдствіе чего свѣдѣнія «Кандіи» объ Абу-Муслимѣ, заимствованныя изъ этого романа, остались для меня непонятными. Самаркандскій царь بادیلدای и туркестанскій ханъ ملکزاد упоминаются въ романѣ постоянно.

романѣ изъ до-мусульманской жизни Персіи[1]); романъ объ Абу-Муслимѣ остался ему неизвѣстенъ. Какъ время, къ которому относится романъ, такъ и мѣсто, гдѣ онъ возникъ, до сихъ поръ не опредѣлены. Извѣстіе, что Тартуси написалъ свое произведеніе по просьбѣ газневидскаго султана Махмуда[2]), ничѣмъ не подтверждается. Въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ рукописи Аз. Музея 280 ае, романъ несомнѣнно относится къ эпохѣ послѣ монгольскаго нашествія; на это указываютъ такія выраженія, какъ «черкесская рабыня» (کنیز جرکسی)[3]), и въ особенности употребленіе чисто-монгольскихъ терминовъ قورچی[4]) и داروغه[5]). Въ рукописи, какъ видно изъ заглавія всего сочиненія и отдѣльныхъ частей (دفتر) его, романъ изложенъ «по разсказу» Тартуси, т. е. является позднѣйшей обработкой первоначальнаго произведенія.

Авторъ романа хорошо зналъ Мервъ, Балхъ, Гератъ и мѣстности между этими тремя городами[6]); даже западная часть Хорасана была извѣстна ему гораздо менѣе; такъ, рѣка Ибришемъ по ошибкѣ помѣщена между Себзеваромъ и Нишапуромъ[7]). О Мервѣ даются гораздо болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ о другихъ городахъ, но трудно рѣшить, объясняется ли это тѣмъ, что Мервъ былъ мѣстомъ возникновенія романа, или тѣмъ, что въ Мервѣ преимущественно происходила борьба между Абу-Муслимомъ и Насромъ.

Топографическія данныя о Мервѣ, приведенныя въ романѣ, относятся къ эпохѣ между концомъ XI и началомъ XIII вв., причемъ скорѣе къ первой, чѣмъ ко второй половинѣ этого періода. Уже существовали стѣны и ворота

---

1) Grundriss der iranischen Philologie, II, 318; о романѣ Тартуси объ Абу-Муслимѣ, однако, упоминаетъ въ томъ же Grundriss (II, 558) P. Horn. Рукопись *персидскаго* романа объ Абу-Муслимѣ (рукописи турецкаго романа встрѣчаются чаще), безъ имени автора, была пріобрѣтена Ханыковымъ въ 1842 г. въ Бухарѣ и находится въ Имп. Публичной Библіотекѣ (Хан. 43, ср. Mélanges Asiatiques V, 240); содержаніе ея было изложено Ханыковымъ въ Journ. As. 5, XX, 93 — 97; изъ этого изложенія видно, что рукопись представляетъ совершенно иную версію романа, чѣмъ рукопись Аз. Муз. 280 ае. Въ Аз. Музеѣ имѣется еще другая рукопись романа (280 ае[1] = Salem. 25, ср. Изв. И. Акад. Наукъ VII (1898), № 1, стр. XIII), повидимому, представляющая экземпляръ той же версіи, какъ рукоп. Хан. 43.

2) Разв. Ст. Мерва, стр. 160, прим. 1.

3) Рукоп. Аз. муз. 280ае, л. 467b.

4) Ibid. л. 256a.

5) Ibid. л. 287a. Въ виду этого нѣтъ необходимости разсматривать вопросъ, могли ли многочисленныя турецкія слова, встрѣчающіяся въ романѣ, войти въ персидскій языкъ еще въ до-монгольскую эпоху. Таково, напр., слово اراده (л. 464a), насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчающееся въ литературѣ до монголовъ.

6) Любопытно упоминаніе شار غاجه (л. 507a) и вообще употребленіе слова غاجه (множ. ч. غاجکان) въ томъ смыслѣ, въ какомъ другіе авторы употребляютъ слово غرچه. Этимъ окончательно устанавливается тожество обоихъ словъ (ср. мой Истор.-географ. обзоръ Ирана, стр. 27).

7) Л. 240b: سر پل ابریشم که میان سبزوار ونیشابورست. Столь же смутно представленіе автора о географіи Мавераннахра; битва между владѣтелемъ этой области и «хазарскимъ тарханомъ» происходитъ по одному извѣстію (л. 397b) въ Синджабѣ (т. е. Исфиджабѣ), по другому (л. 497a) на берегу ходжендской рѣки, т. е. Сыръ-дарьи.

новаго города, находившагося на мѣстѣ городища Султанъ-Кала, но старый шахристанъ еще не былъ окончательно покинутъ жителями, и цитадель его еще имѣла нѣкоторое значеніе. Такому опредѣленію эпохи романа не противорѣчитъ и представленіе автора о политическомъ состояніи различныхъ странъ; такъ въ Мавераннахрѣ господствовалъ «домъ Афрасіаба», т. е. Караханиды [1]). Къ хорезмшаху [2]) и хорезмійцамъ авторъ относится съ явной симпатіей [3]).

«Ворота шахристана» упоминаются нѣсколько разъ; выйдя изъ этихъ воротъ, приходили въ «кварталъ Шахристанъ» [4]). Упоминается также мечеть этого квартала [5]). Шахристанъ считался постройкой миѳическаго Каюмарса и обладалъ необыкновенно крѣпкой цитаделью, въ которой было до 4000 человѣкъ гарнизона [6]). Повидимому, та же цитадель упоминается подъ названіемъ حصار کهندز, такъ какъ въ حصار کهندز жилъ и «начальникъ шахристана» (رئیس شهرستان). Цитадель со всѣхъ сторонъ была окружена рвомъ, черезъ который вели мосты, одинъ со стороны города, другой со стороны селенія باسناباد [7]); къ стѣнѣ подходили только послѣ переправы черезъ ровъ; стѣна имѣла 260 башенъ [8]). Со стороны города передъ цитаделью были мечеть и бассейнъ съ водой [9]). Между сѣверной стороной цитадели и сѣверными воротами города Мерва (т. е. Султанъ-Кала) было кладбище [10]). Когда Насръ потерпѣлъ пораженіе въ битвѣ съ Абу-Муслимомъ и долженъ былъ отступить къ городу, онъ, въ виду ненадежнаго настроенія жителей, не рѣшился войти въ самый городъ и расположился у шахристанскихъ воротъ, т. е. въ шахристанѣ [11]).

Стѣны самаго города также были окружены широкимъ рвомъ; чтобы засыпать его, Абу-Муслимъ велѣлъ привезти вѣтвей и листьевъ на пяти-

---

1) Л. 157a: پادشاه ما وراء النهر بود از اولاد افراسیاب. Тамъ же приводится полное имя этого государя: ملکزاد بن محمد بن حسین بن قزل ارسلان خاقان. Послѣднее имя явно указываетъ на вліяніе эпохи Караханидовъ.

2) Въ романѣ здѣсь нѣкоторое противорѣчіе; на л. 157b хорезмшахомъ названъ ابو الحسن کوبانی (селеніе کوبان находилось на пути изъ Джаджерма въ Нишапуръ, л. 240a); на л. 281a и ниже — سلطان محمد بن داود بن قیصر بن مامون بن اسمعیل بن اسحق بن الیاس.

3) Напр., л. 274b.

4) Л. 58a: از دروازه برآمد وقدم در محلهٔ شهرستان نهاد. На обратномъ пути изъ квартала въ городъ Абу-Муслимъ снова прошелъ черезъ دروازهٔ شهرستان (л. 61b).

5) Л. 63b: مسجد محلهٔ شهرستان.

6) Л. 372b: وکویند بنای شهرستان کیومرث کرده بود وحصاری بغایت محکم بود وچهار هزار کس بودند که ضبط آن حصار میکردند.

7) Ср. Разв. Ст. Мерва, 162, прим. Въ рукописи слово باسناباد, даже при описаніи цитадели, встрѣчается, однако, и съ діакритическими точками (напр. л. 215b).

8) Рукоп. 280ae, л. 215b.

9) Л. 378b.

10) Л. 215a.

11) Л. 369b.

десяти арбахъ[1]). Нападеніямъ Абу-Муслима преимущественно подвергались «ворота у конца Маджана» и «ворота Фирузи». Около «воротъ у конца Маджана» былъ мостъ черезъ оврагъ[2]); около «воротъ Фирузи» — намазгахъ (праздничное мѣсто молитвы); здѣсь произошла одна изъ битвъ между Абу-Муслимомъ и отрядами Насра[3]). «Ворота знаменосца» упоминаются только одинъ разъ[4]), безъ какихъ-либо топографическихъ подробностей и безъ отношенія къ военнымъ дѣйствіямъ.

Внутри пространства, окруженнаго городскими стѣнами, также были стѣны и ворота между отдѣльными улицами и кварталами[5]). Повидимому, въ связи съ оставленіемъ старыхъ шахристановъ въ Средней Азіи и Персіи установился тотъ типъ городовъ, который съ тѣхъ поръ не подвергался существеннымъ измѣненіямъ. Прежде базары были расположены главнымъ образомъ за стѣнами шахристановъ, въ пригородахъ; теперь въ мѣстѣ пересѣченія главныхъ улицъ, проведенныхъ отъ воротъ къ центру города, былъ центральный куполъ базаровъ — «чарсу». Мервскій чарсу помѣщался у начала («головы») базара мѣнялъ[6]). Здѣсь, какъ въ самомъ людномъ мѣстѣ города, происходили публичныя казни[7]). Соборная мечеть, тюрьма и зàмокъ Насра находились въ нѣкоторомъ, хотя, повидимому, въ небольшомъ разстояніи отъ этого мѣста. Судя по нѣкоторымъ топографическимъ подробностямъ, авторъ помѣщаетъ соборную мечеть и тюрьму къ сѣверу отъ чарсу, зàмокъ Насра — къ югу. При одномъ изъ набѣговъ[8]) Абу-Муслимъ проникъ въ городъ черезъ ворота Фирузи, его сподвижникъ Сулейманъ ибн-Кесиръ — черезъ ворота у конца Маджана; Сулейманъ ждалъ извѣстій объ Абу-Муслимѣ сначала около улицы Сельма (كوى سلم)[9]), потомъ у начала улицы кожевниковъ (سر كوچهٔ چرمگران)[10]); узнавъ объ успѣхѣ Абу-Муслима, онъ пошелъ впередъ на соединеніе съ нимъ; послѣ соединенія обоихъ отрядовъ враги бѣжали къ зàмку Насра[11]). Другой разъ пять богатырей Абу-Муслима прибыли въ Мервъ переодѣтыми и остановились въ домѣ золотыхъ дѣлъ мастера Насра, «вблизи соборной мечети»[12]). Изъ этого дома былъ подземный ходъ до квартала ко-

1) Л. 464а: پنجاه ارابه شاخ وبرك آوردند ودر خندق انداختند. Ровъ упоминается также при описаніи дѣйствій у воротъ Фирузи (л. 185b).

2) Л. 186b: سر پل نهيب.

3) Л. 188b: در بيرون آن دروازه نمازكاهى بود وجنك آنجا بود.

4) Л. 375а.

5) Ср. выраженія دروازهٔ اين كوى и دروازهٔ آن محله на л. 197b.

6) Л. 121а: اين چارسو بر سر بازار صرّافان بود.

7) Л. 158b, 177b, 184а и мн. друг.

8) Л. 183b и слѣд.

9) Л. 188а.

10) Л. 189b.

11) Л. 190b.

12) Л. 196а.: نزديك بمسجد جامع.

жевниковъ (محلهٔ چرم‌گران); этотъ ходъ давалъ возможность неожиданно проникнуть въ мечеть и появиться у самаго мимбара (каѳедры имама)[1]. Черезъ «улицу кожевниковъ» (کوی چرم‌گران) вела также дорога отъ дома золотыхъ дѣлъ мастера Насра въ улицу کوی سردوزان, гдѣ находилась тюрьма. На обратномъ пути отъ тюрьмы къ дому мастера Насра богатыри прошли черезъ чарсу[2]. Также прошелъ черезъ чарсу Абу-Муслимъ на пути отъ зáмка Насра (уже послѣ занятія города) къ соборной мечети[3].

Около мечети былъ минаретъ (منار), составлявшій украшеніе города[4]. Абу-Муслимъ велѣлъ разрушить въ мечети мимбаръ и построить новый, очень высокій и красивый; вообще велѣлъ обновить какъ мимбаръ, такъ и мѣсто, гдѣ совершались молитвы[5].

Отъ зáмка (قصر или کوشك) Насра, повидимому, необходимо отличать какъ домъ мервскаго коменданта (کوتوال), находившійся всего на разстояніи 11 метровъ (گز) отъ соборной мечети, къ которому велъ подземный ходъ изъ цитадели шахристана[6], такъ и зáмокъ (کوشك) Тахира, сына Насра, считавшійся самой сильной крѣпостью въ Хорасанѣ[7]. Около замка былъ разрушенный бассейнъ, которымъ воспользовались приверженцы Абу-Муслима, чтобы проникнуть въ замокъ при помощи подземнаго хода. Повидимому, авторъ помѣщаетъ этотъ зáмокъ также къ югу отъ чарсу; при вторженіи Сулеймана черезъ ворота у конца Маджана, Тахиръ бѣжалъ сначала къ ряду мѣнялъ и уже оттуда въ свой зáмокъ[8]. Съ какими изъ позднѣйшихъ построекъ авторъ сближалъ зáмки Насра и Тахира и домъ мервскаго коменданта, изъ романа, конечно, не видно.

Шахристанскія ворота находились, во всякомъ случаѣ, въ другой сторонѣ города, чѣмъ ворота Фирузи и ворота у конца Маджана. Во время вторженія Абу-Муслима и Сулеймана эмиръ Нишапура, стоявшій со своимъ отрядомъ у шахристанскихъ воротъ, долгое время не зналъ ничего о томъ, что́ произошло; только увидя дымъ пожара (приверженцами Абу-Муслима былъ зажженъ кварталъ, прилегавшій къ воротамъ у конца Маджана), онъ двинулся къ «началу ряда мѣнялъ», тамъ получилъ извѣстіе о вторженіи и направился къ воротамъ Фирузи на помощь отряду, вступившему въ битву

1) Л. 199b.
2) Л. 198b — 199b.
3) Л. 468b.
4) Л. 59a: زینتی بود شهر مرورا.
5) Л. 468a: فرمود که آن منبر قدیمرا بر داشتند ومنبری بغایت بلند ولطیف ساختند وپوشش منبر وجای نمازها نو وتازه ساختند.
6) Л. 216a—b. По представленію автора, между городомъ Мервомъ и его окрестностями были подземные ходы длиною до одного фарсаха (л. 168a).
7) Л. 201a: کوشك طاهر نصر سیّار از همه حصارهای خراسان محکم‌ترست.
8) Л. 188a.

съ Абу-Муслимомъ[1]). Шахристанскія ворота упоминаются также въ разсказѣ о подвигахъ пяти богатырей; послѣ столкновенія съ толпой у «начала ряда мѣнялъ» (т. е. около чарсу) богатыри направились къ шахристанскимъ воротамъ, чтобы черезъ эти ворота выйти изъ города, но были настигнуты врагами у «начала базара кетменьщиковъ» (بر سر بازار کلندکران)[2]).

Топографическими подробностями романа вполнѣ подтверждается заключеніе, къ которому мы пришли на основаніи другихъ источниковъ: ворота у конца Маджана были въ сѣверной стѣнѣ, ворота Фирузи — въ западной, ворота шахристанскія — въ восточной. Опорными пунктами Абу-Муслима были, по роману, селенія къ сѣверу[3]) и къ западу[4]) отъ Мерва; при такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что сѣверныя и западныя ворота города преимущественно подвергались нападеніямъ возставшихъ. Базары тянулись отъ центральнаго купола къ сѣвернымъ и восточнымъ воротамъ, по всей вѣроятности, также къ воротамъ двухъ другихъ стѣнъ.

Таковъ былъ тотъ Мервъ, въ библіотекахъ котораго Якутъ непосредственно передъ монгольскимъ погромомъ собралъ почти весь матеріалъ для составленія своего обширнаго словаря. Въ дополненіе къ словамъ Якута о мервскихъ библіотекахъ можно привести еще интересное извѣстіе историка IX в., Ахмеда ибн-Абу-Тахира Тайфура, автора исторіи Багдада, о значительномъ собраніи пехлевійскихъ рукописей, прибывшемъ въ Мервъ вмѣстѣ съ Іездегердомъ и сохранявшемся въ Мервѣ еще въ началѣ IX в. при Мамунѣ[5]). Находились ли эти рукописи въ мервскихъ библіотекахъ еще въ эпоху Якута или успѣли исчезнуть задолго до монгольскаго нашествія, остается неизвѣстнымъ.

В. Бартольдъ.

---

1) Л. 188b.

2) Л. 196b — 197a.

3) Романъ (вопреки лѣтописнымъ извѣстіямъ) приписываетъ особенное значеніе въ дѣятельности Абу-Муслима мѣстности около Кушмейхена. Кушмейхенская равнина (صحرای کشمیهن) отличалась цвѣтущей растительностью, обильнымъ орошеніемъ, тѣнистыми деревьями и множествомъ дичи (л. 215a: بغایت سبز وخورم وآبهای روان وسایهای درختان وشکاری فراوان).

4) Большую роль играетъ въ романѣ неупоминаемый въ географической литературѣ протокъ Замчъ (روذبار زمج, л. 191b, 327a), гдѣ была родина богатыря Ахмеда Замчи. Заросли тамарикса (گزستان) этой мѣстности долго служили убѣжищемъ Абу-Муслиму и его приверженцамъ. Здѣсь же была крѣпость چاردولاب, защищенная съ одной стороны водой, съ другой — зарослями; чтобы итти оттуда къ Мерву, надо было переправиться черезъ Мургабъ (л. 193a—b).

5) Sechster Band des Kitâb Bagdâd von Ahmed ibn abî Ṭâhir Ṭaifûr. Herausg. u. übers. von Dr. H. Keller. I. Teil. Arab. Text. Lpz. 1908, S. ١٥٧. Въ видѣ курьеза можно отмѣтить фактъ, что издатель вмѣсто مع يزدجرد читалъ (вопреки грамматикѣ) مع برد جرد, вслѣдствіе чего рукописи по его переводу (Sechster Band etc., II. Teil, Uebers., S. 71) попали въ Мервъ «mit alten Mänteln aus gestreiftem Stoff!» Теперь эта ошибка указана также въ рецензіи Броккельмана (LZ 1909, № 34, S. 1111).

Древнѣйшій народный стихъ турецкихъ племенъ.

(Посвящается В. В. Радлову).

Писецъ-художникъ, изсѣкшій на каменныхъ плитахъ надгробныя надписи Кюль-тегина и Бильге-кагана, царевичъ Йолыгъ-тегинъ, въ концѣ первой надписи обезсмертилъ свое имя слѣдующими словами:

«бунча бітіг бітігімä Кӱl-тегін атысы Јолыҕ-тегін бітідім. Јігірмі кӱн олурып бу ташkа бу тамkа kоп Јолыҕ-тегін бітідім».

Всякій, чей слухъ усвоилъ себѣ, хоть безсознательно, складъ турецкой пѣсенной рѣчи, легко уловитъ во второмъ изъ этихъ двухъ предложеній знакомый ритмъ или, пожалуй, два ритма, которые впрочемъ нерѣдко чередуются безо всякаго порядка:

јігірмі кӱн   олурып
бу ташkа   бу тамkа kоп
Јолыҕ-тегін   бітідім,

съ подчиненіемъ ударенія послѣднихъ слоговъ въ словахъ јігірмí и тамká ударенію слѣдующихъ за ними односложныхъ кӱн и kоп, что̀ мы увидимъ и въ нѣкоторыхъ изъ примѣровъ того-же стиха, приводимыхъ ниже. Такъ какъ употребленные въ этомъ примѣрѣ и въ слѣдующихъ просодическіе знаки краткости и долготы имѣютъ здѣсь музыкально-ритмическое значеніе нотныхъ ♪ и ♩, эти стихи относятся къ размѣру $^2/_4$, разложенныхъ по большей части на осьмыя и распредѣленныхъ такимъ образомъ, что каждый стихъ (или, по арабской терминологіи, міçрā‘—полустишіе, а по музыкальной — предложеніе) начинается съ безударнаго приступа (ἀνάκρουσις, Auftakt) въ три или два слога (ноты). Само собою разумѣется, что вмѣсто знака долготы $(^1/_4)$ почти вездѣ можно поставить знакъ краткости со знакомъ равнаго ей молчанія, напр. ‿ (‿), т. е. $^1/_8$ съ такой-же паузой. Послѣднимъ изъ разобранныхъ стиховъ Йолыгъ-тегина оканчивается и первая

часть его заключенія, а потому и въ ней можно предположить стихотворную форму. И мы ее найдемъ, если допустимъ въ его стихахъ весьма употребительное у Турокъ ускореніе выговора трехъ слоговъ до длительности двухъ, т. е. тріоль, и воспользуемся собственнымъ обозначеніемъ автора въ концѣ надписи на памятникѣ Бильге-кагана — Јолыҕ-тегін мäн» = я, Й.—т.:

бунча бітіг бітігімä
(мäн) Кӱl-тегін атысы
Јолыҕ-тегін бітідім.

Не случайны, можетъ быть, и тѣ два стиха, которые слышатся при чтеніи 22-ой строки на восточной сторонѣ памятника Кюль-тегина:

öзä тäңрі басмасар,
асра јер тälінмäсäр

=«если небо не сокрушило, если земля не разверзлась», что̀ напрашивается на поэтическую форму.

Такихъ стиховъ — то ямбическаго склада со стяженіемъ внутри, то трохаическаго, состоящихъ изъ законнаго числа слоговъ (7) или какъ-бы удлинненныхъ тріолями—можно найти безконечное множество почти у всѣхъ турецкихъ племенъ, и потому само-собою разумѣется, что такой знатокъ турецкой народной словесности, каковъ В. В. Радловъ, не только обратилъ вниманіе на этотъ размѣръ, а и неоднократно описывалъ его въ своихъ трудахъ, начиная съ очерка турецкаго народнаго стихосложенія въ IV томѣ извѣстнаго журнала Zeitschrift für Völkerpsychologie. Трудно прибавить въ фактическомъ отношеніи что-нибудь существенное къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя даетъ этотъ ученый особенно въ предисловіяхъ къ нѣкоторымъ томамъ своихъ «Образцевъ литературы тюркскихъ племенъ», и цѣль настоящей статьи сводится преимущественно къ дополненію его изслѣдованій со стороны ритмической и отчасти исторической.

И такъ, не выходя пока изъ области древнѣйшей поэзіи восточно-турецкихъ племенъ, отмѣтимъ тотъ, кажется, еще не занесенный въ науку фактъ, что *чагатайскій*[1]) поэтъ XII в., Есеви, еще не покушавшійся на сложеніе будто-бы количественныхъ стиховъ по персидскимъ образцамъ, при-

1) Этотъ терминъ употребленъ здѣсь не въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему вполнѣ правильно А. Н. Самойловичъ въ своей статьѣ «Матеріалы по среднеазіатско-турецкой литературѣ» (Записки Вост. отд. И. Р. Арх. Общ. XIX, 1), а для обозначенія старой средне-азіатско-турецкой письменности вообще въ отличіе отъ уйгурской.

бѣгалъ иногда, именно въ концѣ своего дивана, начиная съ х̣ікмäт 97, къ 7-сложному стиху въ правильной ямбическо-трохаической формѣ, соединяя, но не сливая, по два такихъ стиха въ одинъ 14-сложный. Вотъ первая строфа этого стихотворенія:

хош ғајыбдын | јетӯшті || јахшы сӧзӯм; | тäбäррӯк!
ʿāшык болсаң, | еј т̣āлыб, || рiјāд̣äтдä | беiң бӧк!
тӯн, кечäläр | ухламај || јаш орныға | kаның тӧк!
арслан бабам | сӧзläрiн || iшiтiңiз! | тäбäррӯк!

Но у того-же Есеви есть 7-сложный стихъ и въ смѣшанномъ видѣ— то съ ямбическо-трохаическимъ движеніемъ, то съ трохаическимъ безъ соблюденія цезуры. Такова его 8-ая х̣ікмäт:

бī шäк бiлiң: | бу дунјā || барча халkдын | ӧтäр-а;
ынан-ма-гil | мāлыңа: || бiр кӯн kолдын | кетäр-а.
ата, ана, | kарындаш || kајан кеттi? | фiкiр kыл.
тӧрт ајағлығ | чӯбīн ат || бiр кӯн саңа | јетäр-а.
дунјā ӯчӯн | ғам је-мä, || х̣аkдын ӧзгäнi де-мä,
кiшi мāлыны је-мä: || с̣ырāт̣ ӧзрä | тутар-а.
ähl-i-ʿäјāl, | kарындаш, || hеч-кiм бол-мај-дур јолдаш.
мäрдāнä бол, | ғарӣб баш: || ʿӧмрiң јеl-дiк | ӧтäр-а.
kул хоџ(а) Ах̣мäд, | т̣āʿат kыл: || ʿӧмрiң бiлмäм | нäчä јыл;
ас̣лың бiлсäң, | āб-i гӯl || јäнä гӯlгä | кетäр-а.

Народность этого стиха у Чагатайцевъ явствуетъ между прочимъ изъ употребленія его въ пословицахъ, напр.

kуш чӯјмäгäн kуш чӯјсä,
kарға бiлä kаз алур,

сохранившаяся у Абу-л-газы, впрочемъ съ измѣненіемъ формы «алур» въ «алдурур-ман» въ примѣненіи къ частному случаю. Возможно, что и уйгурскія пословицы такого склада скрываются напр. у Рабгузи.

Потомки восточныхъ Турокъ, перемѣшавшіеся съ сѣверными родичами, плохо намъ извѣстны со стороны своего словеснаго творчества.

Сравнительно хорошо мы освѣдомлены о народной литературѣ Таранчей, которой посвященъ VI томъ «Образцевъ» В. В. Радлова. Тамъ на стр. 168 въ сказкѣ Шім Тӧмӯр Батур встрѣчается пѣсня

ylyk суђа сäн бармаң!
бетіңізнī тарīмаң

и т. д. По видимому, къ тому-же стиху, но въ трохаической формѣ, восходитъ размѣръ риѳмованной пословицы (тäмсіl) 7 (стр. 1):

ађрікнің јаменī санцік,
ітнің јаменī канцік,
атнің јаменī тäпкäк,
хотуннің јаменī бäргäк.

Таковъ ритмъ разговорный; но если-бы Таранчѣ вздумалось пропѣть эту пословицу, онъ, вѣроятно, приравнялъ-бы всѣ ея стопы къ трохеямъ, кое-гдѣ съ тріолями, и при томъ съ нисходящимъ порядкомъ удареній, какъ напр. въ слѣдующемъ кумыцкомъ четверостишіи, почти сплошь силлабическомъ, гдѣ также не соблюдена обязательная въ такихъ 7-сложныхъ стихахъ цезура послѣ 3-го слога:

Мен-не сен-не бір ідік[i],
Баwђа біткен гуl ідік[i];
шајтан арађа кірді;
біз булај тугуl ідік[i].

Распространенность этого стиха у сѣверныхъ Турокъ видна изъ слѣдующихъ, сравнительно очень немногихъ примѣровъ.

Алтайская пословица (В. Радловъ, Образцы литературы тюркскихъ племенъ т. I, № 79):

kумађы jok су полбос,
Кудајы jok äl полбос,
jakазы jok тон полбос,
jакāны jok јурт полбос

(также №№ 16, 18, 21, 33, 44, 51, 75, 77, 79). Ср. по формѣ начало *ногайской пѣсни* изъ разряда тѣхъ, которыя слывутъ у Кумыковъ подъ названіемъ kазаk јыр, т. е. не четверостишій (таkмаk), а болѣе длинныхъ стихотвореній дидактическаго или воинственнаго содержанія:

шаҕыл болмај таш болмас,
шаңkаk болмај буз болмас,
шапмај јӯрӯк сыналмас,
шаҕына јетмеј ат болмас.

Алтайская повѣствовательная пѣсня Kаңза Пī (тамъ-же стр. 198):

Kаңзаның мiнҕäн јäрäн ат
Kамыш тӯда паш алды;
Kамыш тӯдан чыkkанда
Kазаkтың ады паш алды

и т. д. въ четверостишіяхъ съ такими-же вольностями относительно числа слоговъ; но *лирическая* № 16 (стр. 230) сложена безукоризненно:

kарылдының кырларын
kаңај-была чыҕаiн!
kаңај-была мал тапсам,
kалың пајҕа садаiм!

и т. д.

Алтайская загадка (стр. 239):

пӧкӧ kајың kар јубас

= iнäктiң мӯзӯ.

Казакъ-киргизская пословица:

цаkсы атkа бiр kамшы,
цаман атkа мiң kамшы.

Казакъ-киргизская лирическая пѣсня, сложенная въ арабско-персид-

скихъ пятистишныхъ строфахъ (мухаммас), но турецкими стихами (т. III, стр. 341):

тӳндӧ цылап, кӳндӳз зар
мен цӳзӳңгӧ ынтызар;
не себӓптӓн болдың цар,
менї мундај кызып зар?
акылың ајтсаң керӓк-тї.

и т. д. въ такихъ-же строфахъ и съ обычнымъ у Турокъ превращеніемъ энклитики (тї=дір) въ ударяемое слово, подчиняющее себѣ въ просодическомъ отношеніи предшествующее слово (керӓк), какъ и въ слѣдующей строфѣ:

бір цыл болды— цанар-мын

и т. д. Въ стихотвореніяхъ повѣствовательныхъ форма небрежнѣе, что̀ зависитъ отчасти отъ самой ихъ длины, но основной ритмъ бываетъ обыкновенно выдержанъ, напр. въ *кара-киргизской пѣснѣ* о Йолой-ханѣ (т. V, стр. 369):

Јолојдӳң атасы̆ Ноҕој екӓн;
јорҕолоп јӳргӧн јаш баласы̆
Јолој кан дегӓн бала екӓн;
јегӓн тамакка тојбодӳ,
ічкӓн суҕа тојбодӳ.
торолӳп чы̆кты̆ бу Јолој

и т. д. Въ казакъ-киргизской сатирической пѣснѣ (т. III, стр. 1) обращаетъ на себя вниманіе правильная смѣна каждаго ямбическо-трохаическаго стиха нисходящимъ трохаическимъ:

ӧлӧцтӳнӳ цаҕалај
«тал шыҕа-ды̆» деп едїм,
тал шыбы̆к-тај буралы̆п
«сал шыҕа-ды» деп едїм,

соkkан беіт   сыkЫлдЫ,
«ӯј шыҕа-дЫ»   деп едім,
kыркkан серкä   буттанЫп
«біј шыҕа-дЫ»   деп едім,

гдѣ впрочемъ относительно ритма третьяго стиха можно сомнѣваться.

У *Барабинцевъ*, судя по матеріаламъ, собраннымъ В. В. Радловымъ, этотъ размѣръ встрѣчается рѣже, и при томъ съ такими вольностями, какія, можетъ быть, указываютъ на его разложеніе. Вотъ примѣръ изъ сказки объ извѣстномъ и Киргизамъ богатырѣ Козы-кöрпöц (Козы-кöрпäч), прозаической, но пересыпанной стихами (т. IV, стр. 14):

kакылдашкан   кöп карҕа
карымныӊ мајын   салдазЫн!
äртä kалҕан   мініӊ äр КозЫм
інді пір іскä   тӯжӯрбö, кäӯр?

За то у *Таринцевъ*, *Тобольцевъ*, *Тюменцевъ* легко найти въ томъ-же IV томѣ образцевые примѣры, подобные слѣдующему:

äwäl башлāп   ні бітті?
кӯн бітті дā   ај бітті

и пр. Встрѣчается и отмѣченный выше чистый трохаическій ритмъ въ свободномъ чередованіи съ ямбическо-трохаическимъ, примыкающій къ восходящимъ трохеямъ при посредствѣ соотвѣтственной паузы, какъ въ *ишимской* повѣствовательной пѣснѣ (стр. 189):

Кырамша   бір кӯl іді,
сајраса,   бӯlбӯl іді.
КырамшанЫ   ӯlгiргäн
Бітпак Шарап   кул іді

и т. д. Даже въ прозаической сказкѣ «Алҕасар» (стр. 188—189) попадаются отдѣльныя предложенія такого склада, какъ

āңны сојып   āлдылар,
äwгä āлып   бāрдылар

и т. п.

У ближайшихъ по языку къ прі-иртышскимъ Татарамъ *Казанцевъ* и *Мещеряковъ* тотъ-же стихъ очень употребителенъ въ пѣсняхъ, иногда не безъ нѣкоторыхъ отступленій отъ нормальной схемы, напр.

быјыл кiскäн   бўрäнäм
јарар-м-iкäн   матчаҕа?
бiздäн салам   сїз äјтїгїз
бiргä ўскäн   картларҕа,

гдѣ для полной правильности сто́итъ лишь выкинуть несущественное сïз. Съ трохаическими стихами:

iкï Татар   кiлä-дïр,
kaјынсарҕа   јiтä-дïр:
«kaјынсарның   kaкысын
бïз ашар-быз   татласын,
јат аулның   kызларын
бïз алыр-быз   јaкшысын»,

если только формы аша́р-быз и алы́р-быз поются здѣсь не съ удареніемъ на энклитикѣ, какъ кiла́-дïр и јiта́-дïр.

Оттуда у Чувашей, по большей части вполнѣ правильно, какъ видно напр. изъ слѣдующей рекрутской пѣсни, обнародованной, какъ и приведенныя казанскія, Золотницкимъ:

Хвеl-вiтрä   хïрь корнать,
äбiрь iläс   хЎрь сьава;
сьўлдыр-вiтрä   сьол корнать,
äбiрь kaјас   сьол сьава;
ојых-вiтрä   ој корнать,
äбiрь вурзьас   ој сьава.

Въ прозаическомъ наговорѣ отъ головной боли:

ылдым карда ыжыньчӓ,
ылдым јоба туррыньчӓ.

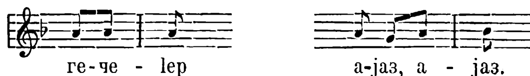
Чуваши, при всѣхъ своихъ отличіяхъ отъ прочихъ Турокъ, по звукамъ и формамъ своего языка подходятъ ближе къ сѣверной вѣтви турецкаго племени. Чтобы закончить обзоръ употребленія 7-сложнаго стиха у народовъ этой вѣтви, остается еще разсмотрѣть этотъ стихъ въ народной поэзіи Турокъ сѣвернаго Кавказа — Ногайцевъ (живущихъ отчасти и въ Крыму), Кумыковъ и Карачаевцевъ, изъ которыхъ послѣдніе подверглись довольно значительному черкесскому вліянію, однако сохранили немало и турецкой старины. Между этими Турками 7-сложный стихъ въ риѳмованныхъ четверостишіяхъ (таkмаk) и въ болѣе или менѣе длинныхъ пѣсняхъ (јыр) съ риѳмой или безъ риѳмы рѣшительно преобладаетъ надъ другими размѣрами, впрочемъ весьма немногочисленными. Одинъ ногайскій примѣръ былъ уже приведенъ выше ради сравненія съ алтайскимъ, несомнѣнно родственнымъ ему по фактурѣ. Вотъ кумыцкій таkмаk изъ ямбическо-трохаическихъ стиховъ:

бір апасы̆ менікі,
ікі шајі̆ сенікі;
малны̆ малҕа kошајыk,
адамлаҕа ошајыk.

То-же съ удареніемъ на энклитикѣ, которое слышится только въ пѣніи:

кокте јулдуз нече-ді̆р?
сенсіз гунӳм гече-ді̆р;
сені хумар гозlеріӊ
мені kаным іче-ді̆р.

То-же съ правильнымъ чередованіемъ стиховъ трохаическихъ и ямбическо-трохаическихъ приблизительно по такому напѣву:

Впрочемъ нельзя поручиться за то, что иной пѣвецъ не подгонитъ и этотъ таkмаk подъ одну мѣрку съ тѣмъ, который приведенъ выше въ параллель къ таранчинской пословицѣ. Такая ритмизація, т. е. не по восходящимъ, а по нисходящимъ трохаическимъ диподіямъ, какъ въ полькѣ, при чемъ иногда, какъ у Есеви, нарушается цезура, часто слышится тамъ, гдѣ оба склада 7-сложнаго стиха чередуются безо всякаго порядка, да еще при нѣкоторой натяжкѣ въ удареніяхъ, особенно если первый стихъ сложенъ трохаически, напр.

(улан:)

аj-мы̆-сан, јулдуз-мы̆-сан?
kатын-мы̆-сан, kыз-мы̆-сан?
тӯшеjім-мі kалkыдан?
сен ӯjде јаңгыз-мы̆-сан?

(kыз:)

аj тугуl-мен, јулдуз-ман,
kатын тугуl-мен, kыз-ман.
атылып тӯш kалkыдан:
мен ӯjде јап-јаңгыз-ман.

Трохаическій складъ 7-сложнаго стиха, но восходящій, слышится въ кумыцкой пословицѣ:

теңгір-ден јаwа буса,
теректен ікі јаwа.

У *южныхъ Турокъ*, не смотря на персидское вліяніе, которое въ большей или меньшей степени охватило ихъ всѣхъ, древній 7-сложный стихъ сохранилъ свою популярность до нашихъ дней. Въ *османской* народной поэзіи онъ утвердился за мāні, соотвѣтствующимъ сѣверно-кавказскому таkмаk, напр. (т. VIII, стр. 458):

Гӧкте јылдыз   бін тане.
еlмас істер   гердене.
бенім гібі   kул герек
сені гібі   султана [1])

или въ трохаическомъ складѣ (стр. 438):

ај до'ар   ајан ајан.
јолуна   дӳштӳм јајан.
дӳшӳмде   гӧрмез ікен
kојнуна   гірдім ујан.

То-же силлабически, безъ цезуры и, вѣроятно, съ нисходящими диподіями, — конечно, при пѣніи, хотя приводимый ниже примѣръ взятъ не изъ мâні, а изъ пѣсни въ сказкѣ (стр. 284):

Аlі гӧзӳ, kыз гӧзӳ
јакты, јандырды бізі.
парма'ы јӳзӳк јері,
kолу бilезік јері.

Тотъ-же размѣръ въ обоихъ видахъ нечуждъ и другимъ произведеніямъ народной словесности Османцевъ, напр. въ пословицѣ, очевидно, старой

оk јарасы   оӊылыр,
діl јарасы   оӊылмаз,

которая употребительна и въ Азербайджанѣ съ замѣной устарѣлаго глагола болѣе понятнымъ — саҕылар и саҕылмаз; въ загадкѣ (= лимонъ)

бір кӳчӳџӳк   фычыџыk,
ічінде   бір туршуџук

и т. п.

И у *Гагаузовъ* есть мâні по османскому образцу, иногда безукоризненно правильныя, напр. (т. X, стр. 324):

---

1) Вѣроятно, изъ Малой Азіи, и при томъ изъ такой мѣстности, гдѣ *е* звучитъ въ самомъ дѣлѣ какъ *ä*, по-азербайджански, близко къ русскому *а* въ словѣ *часть*, и потому вторгается даже въ такія формы, какъ дат. п. отъ *султан*. Вмѣсто *істер* не читать-ли *астыр* «повѣсь»?

чыбуk узун, тӯтӯн аз.
јетӓр јетін бана наз.
іl бір öлцӯк, јöпејім;
сана јетсін бӯтӯн јаз.

Тотъ-же стихъ въ загадкѣ (73 = печь — стр. 271):

чорт отуру чорт гібі,
āзы kара kурт гібі.

Крымскіе Турки или, какъ обыкновенно говорится, Татары въ своемъ народномъ творчествѣ, чѣмъ ближе къ Черному морю, тѣмъ ближе и къ Османцамъ. Караимы держатся старыхъ турецкихъ образцевъ чуть-ли не еще крѣпче, нежели мусульмане, болѣе доступные вліянію Турціи съ ея персидскими модами. Вотъ напр. караимская загадка (48 = яблоко — т. VII, стр. 375):

јешіl јапраk салланыр,
салландыkча алланыр,
kызармыш, ал ал олмуш,
цӯмlе оңа хошланыр.

Караимская пословица (194 — стр. 397):

земаненің азӡыны:
kарӡа бінер kузӡуну,

съ которой стóитъ сравнить пословицу сартскую

замананның азӡапы:
ӓшӓк аттан озӡаны.

Любопытно уже видѣнное нами у Киргизовъ послѣдовательное чередованіе двухъ ритмически противоположныхъ формъ того-же стиха въ пѣснѣ (тӯркӯ), вставленной въ сказку (стр. 344):

бір діректе екі нар;
гöрмедің-мі сен, бабам?
аhты іман ідішін
дурмадың-мы сен, бабам?

и т. д. съ риѳмой черезъ стихъ. Но чаще въ четверостишіи риѳмуются по-три стиха — первый со вторымъ и съ третьимъ, какъ на стр. 329, 330, 333, 334 и др.

Сборники пѣсенъ *азербайджанскихъ* (изъ Закавказья) не даютъ почти никакихъ образчиковъ 7-сложнаго стиха, что̀ и понятно при господствѣ тамъ пѣсенъ персидскаго склада или близкаго къ персидскому. Но чисто турецкая форма пѣсенъ встрѣчается и тамъ и еще чаще встрѣчалась прежде. Одну такую плясовую пѣсню:

пӓнџӓрімӓ гӱн дӱшті

упоминаетъ, но, къ сожалѣнію, только упоминаетъ, Александръ Бестужевъ (Марлинскій) въ повѣсти «Мулла-Нуръ», какъ общеизвѣстную въ его время. Въ Тебризѣ и теперь поютъ напр.

kaljанун бӓјах чӓктім,
долдурдум, бӓјах чӓктім.
јарі бі-вӓфа гӧрдӱм,
јолуннан ајах чӓктім.

Во всякомъ случаѣ за популярность 7-сложнаго стиха между Турками, говорящими на языкѣ азӓрі, по крайней мѣрѣ, еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, ручается широкое распространеніе этого размѣра въ пословицахъ, отчасти общихъ съ Османцами, какъ приведенная выше или какъ очень употребительная:

ікі ешшӓк — бір карван,
ікі арват — бір діван.

О *туркменскихъ* пѣсняхъ, какъ это ни досадно и какъ ни стыдно, мы, кажется, ничего не знаемъ, если не считать тѣхъ османскихъ пѣсенъ, которыя слывутъ за туркменскія, вѣроятно, по мѣсту ихъ происхожденія, но не могутъ считаться такими по языку. Эти пѣсни сложены другими размѣрами, по большей части спеціально османскими. Но между ними нѣтъ плясовыхъ; а въ такихъ-то и можно ожидать 7-сложнаго стиха [1]).

1) Такой отзывъ о нашихъ свѣдѣніяхъ въ области туркменской народной словесности долженъ показаться незаслуженно строгимъ въ виду заявленій А. Н. Самойловича о бѣдности Туркменъ по части чисто-народной пѣсни и объ ихъ равнодушіи къ пляскѣ (см. его статью, упомянутую выше, и его «Туркменскія развлеченія» въ Ежегодникѣ Спб. Антропологическаго Общества, примѣч. 7); но его свидѣтельства, какъ и показанія другихъ путешественниковъ по туркменской степи, касаются, по видимому, однихъ мужчинъ, а вся бытовая сторона жизни гораздо дольше и лучше сохраняется у женщинъ.

По видимому, совсѣмъ неизвѣстенъ 7-сложный стихъ у Абаканцевъ, Карагасовъ и вообще у этой сѣверо-восточной группы турецкихъ племенъ, перемѣшанныхъ отчасти съ Самоѣдами, отчасти съ Монголами и представляющей въ своихъ нарѣчіяхъ какъ-бы сліяніе чертъ восточно-турецкихъ съ алтайскими. Впрочемъ отсутствіе этого размѣра или только случайное его появленіе между инородными стихами происходитъ, можетъ быть, отъ характера немногихъ записанныхъ тамъ пѣсенъ, почти исключительно повѣствовательныхъ, напоминающихъ своимъ складомъ малорусскія «думы», подобно такимъ-же пѣснямъ и на Алтаѣ. Какъ-бы то ни было, 7-сложный стихъ, и при томъ преимущественно въ формѣ ямбическо-трохаической, оказывается несомнѣнно достояніемъ еще пра-турецкаго племени.

Къ той-же эпохѣ можетъ относиться и превращеніе 7-сложнаго стиха въ 11-сложный посредствомъ повторенія его ямбической части въ началѣ или въ концѣ. Первый видъ очень употребителенъ на *сѣверномъ Кавказѣ*, гдѣ служитъ обычною формой болѣе или менѣе длинныхъ пѣсенъ лирическаго и дидактическаго содержанія (јыр по преимуществу) и нерѣдко встрѣчается въ заплачкахъ (јас = арабск. ја'с отчаяніе). Вотъ типическій образчикъ *кумыцкой* пѣсни этого склада съ напѣвомъ, изъ котораго ясно виденъ основной ритмъ такого стиха:

äw - рӳ і - дің сен, јах-шї kыз, не-че - ді?
јыл - kы-лар - да гуз от-ла - ђан тај-да бар,
ај - lа-не - дің ај - дај бо - луп аз-бар - дан.

јыл - kӹ-лар - да гуз от-ла - ђан тај јі - мік.
сен - нej бол - ђан гу-зеl äw - рӳ kај-да бар?
äw - рӳ і - дің, а - ул то - луп kыз-лар-дан

и т. д. Тотъ-же размѣръ довольно обыченъ и въ *османскихъ* народныхъ и и полу-народныхъ стихахъ и пѣсняхъ, напр. въ крымской сказкѣ объ Ашикъ-Гарибѣ, изобилующей стихами (т. VII, стр. 257):

Кара гӧзlӱм, бен бу јерден гідерсем,
еjі гечін ешің достуң јарецlӓн[1])

и т. д. Другой вопросъ, какъ-бы ритмизировалъ эту пѣсню професcіо-

---

1) јарың-lӓн?

нальный пѣвецъ: вѣрно замѣтилъ Фабо (B. Fabó въ Keleti szemle VII,1 стр. 122), что въ османскихъ пѣсняхъ напѣвъ иногда совсѣмъ не соотвѣтствуетъ стихотворному размѣру. Это зависитъ отъ переноса напѣвовъ, отчасти персидскихъ, съ одной пѣсни на другую, да еще съ музыкальными вычурами и съ прибавками нейдущихъ къ дѣлу словъ, что̀, конечно, способствуетъ не только порчѣ стиховъ, а и притупленію ритмическаго чутья пѣвцовъ и самихъ слагателей пѣсенъ. Наиболѣе устойчивъ бываетъ этотъ размѣръ у Османцевъ тогда, когда трохаическій конецъ стиха, вѣроятно, по музыкальнымъ условіямъ, кажется не частью того-же стиха, а какъ-бы припѣвомъ, напр. (т. VIII, стр. 535):

акшам олур, тауk чыkар тарлара,
ашыk олур машуkуна јалвара:
«он беш алтын вердім џанфес шалвара,

— пѣсня, извѣстная и въ Азербайджанѣ. Иногда трохаическая часть и въ самомъ дѣлѣ замѣняется безсмысленнымъ припѣвомъ того-же склада, напр. (стр. 536):

арпа ектім, дары чыkты — шынанај,
бір kыз алдым, kары чыkты — шынанај

и т. д.[1]).

Чуть-ли не еще употребительнѣе другой видъ 11-сложнаго стиха — съ трохаической частью въ серединѣ. Такой ритмъ слышится иногда въ четверостишіи *средне-азіатскаго* происхожденія, тујуђ, напр. у сивасскаго *Османца* XIV в., Ахмеда Бурхан-эд-дина (тујуђ 2 по изданію Меліоранскаго въ «Восточныхъ замѣткахъ» стр. 142):

ҳаkа шӯкӯр, kочларуң дäврāні-дӯр;
џӯмлä ʿāläм бу дäмӯң ҳејрāні-дӯр;
гӯн батардан гӯн тођан јерä дäгін
ʿышk äрінӯң бір нäфäс сејрāні-дӯр

съ удареніемъ на энклитикѣ, примѣры чего мы видѣли выше. Подобно

1) Можетъ быть, «шын — анај», такъ какъ есть припѣвъ анај, ај нанај, ананај; ср. кумыцкій таkмаk о припѣвахъ у Лезгинъ, у Чеченцевъ и у Кумыковъ:

Таwлӯлар «талај-тулај»,
Мычіђышлар «іlіалай»,
Кумӯkлӯ баш сарына
«анај» десем, «ај-нанај».

Баш сарың — первая пѣсня въ собраніи аульной молодежи (џім).

тому, какъ ямбическо-трохаическій 7-сложный стихъ иногда выравнивается въ трохеи, стихъ туюга также можетъ приближаться къ восходящему трохаическому складу, откуда другой, также нерѣдкій, типъ этого стиха, напр. (тамъ-же, тујуѓ 1):

äзälдä Ҳак нä јазмыш-ыса, болур,
гöз нäні-кі гöрäџäк-ісä, гöрӯр.
ікі ʿālамдä Ҳака сыѓынмыш-уз;
Тохтамыш нä ола јā Ахсах-Темӯр?

Любопытно сходство этого стиха съ великорусскимъ трех-стопнымъ, излюбленнымъ скоморохами, напр.

Ты поди, моя коровушка, домой, —

сходство, можетъ быть, не случайное, судя по тому, что тотъ-же размѣръ въ томъ-же самомъ ритмѣ есть и у другихъ Турокъ, именно у западно-сибирскихъ, напр. въ таринской свадебной пѣснѣ (IV, стр. 308 слѣд.):

јіl ӯрсä, kамыш башы шаwшырдашыр,
kыс, ӯлан бојѓа јітіп kылѓылашыр

и т. д. безъ уклоненій, такъ какъ въ послѣднемъ стихѣ, вѣроятно, надобно читать не «халk», а «халыk». Разница между этимъ видомъ турецкаго 11-сложнаго стиха и соотвѣтствующимъ ему русскимъ состоитъ, по видимому, въ томъ, что первый допускаетъ сокращеніе числа слоговъ довольно рѣдко и только въ началѣ первой стопы (послѣ перваго тактоваго ударенія) и въ началѣ второй, напр. въ 28-ой строфѣ киргизской полуискусственной поэмы Бос џігіт кытабы (т. III, стр. 345):

тӯсӯндö	бу kыз џырлап	аіп болдӯ;
џігіттің	кöкрöгӯнö	kајѓы толдӯ.
бар едї	бір досӯ	џаннан артык;
таџ ертäн	барын оѓан	арыз kылды,

а во второмъ это сокращеніе наблюдается очень часто, особенно къ концу, напр.

Онъ купилъ мнѣ коровушку,
Загубилъ мою головушку,

а иногда захватываетъ и два начальныхъ слога до полнаго ихъ устраненія, какъ:

Тёща къ обѣднѣ спѣшитъ

въ старой пѣснѣ

У Спаса къ обѣднѣ звонятъ

и пр. Подлинный ритмъ 11-сложнаго стиха съ ямбами въ началѣ и въ концѣ и съ трохаической частью въ серединѣ виденъ напр. изъ слѣдующей *киргизской* пѣсни, которая поется приблизительно такъ:

и т. д. То-же въ киргизской свадебной пѣснѣ, но въ первыхъ двухъ стихахъ — съ удареніемъ на энклитикѣ, какъ видно изъ сравненія съ послѣдующими стихами (т. III, стр. 12):

kара судў џаҕалаj kаз бара-ды̆;
анасынан аірылып kыз бара-ды̆.
kара суҕа kан kуjсаң, аҕар кетäр,
џат кісігä kыз берсäң, алар кетäр.

Въ другой такой-же пѣснѣ то-же съ припѣвомъ послѣ каждаго стиха (стр. 7):

бір толарсаk, бір тобуk санда болар —џар џар!
kырk кісініӊ акылы̆ kанда болар —џар џар!

и т. д. Тотъ и другой видъ 11-сложнаго стиха безо всякаго порядка и съ нѣкоторыми натяжками относительно ударенія является въ слѣдующемъ *азербайджанскомъ* (закавказскомъ) стихотвореніи:

аврäт етді шур Адäміӊ бäхтіні,
аврäт алдырды Суlеjман тäхтіні,
аврäт іді Дауды налан едäн,
аврäт іді Jусуфі ҳäпсä салан.
ітä jедір, аврäтä jедір-мä нан:
іт білўр нан вä нäмäк, білмäз зäнан.

Но нельзя отрицать, что тѣ-же слова могутъ быть прочтены или пропѣты по другому ритму, а именно:

аврäт етдi шур Адäмiц бäхтiнi,
аврäт алдырды Сулејман тäхтiнi,
аврäт iдi Дауды налан едäн

и т. д. Таковъ обыкновенный ритмъ 11-сложнаго стиха въ *османскихъ* и въ *азербайджанскихъ* пѣсняхъ, напр. (по надежной записи Вл. А. Гордлевскаго въ его изслѣдованiи «Изъ наблюденiй надъ турецкой пѣснью»— «Этнограф. Обозр.» кн. 79, стр. 46 отд. отт.):

јӯце дā башында јанар бiр iшiк,
iшiк дејil, ону јакан бiр ашiк.
гелiн, сачiн сары, зӯlфӯн долашiк,
долаш-та гel дерјалары, севдiјiм!

Это уже силлабизмъ, построенный однако на болѣе или менѣе опредѣленномъ ритмѣ. Но если извѣстный ритмъ выдерживается лишь въ общихъ чертахъ, хотя составляетъ необходимое условiе даннаго стиха, точный счетъ слоговъ становится лишнимъ стѣсненiемъ. И вотъ на ряду съ 11-сложными стихами появляются 12-сложные, со вставкой слога именно тамъ, гдѣ его недостаетъ для полнаго выраженiя всѣхъ составныхъ частей ритма слогами, напр. въ *таринской* пѣснѣ (т. IV, стр. 170):

тӯрт оwрылар јӯрīтiгäч јалаңларда
iкä kара кӯрдīlӓр алар анда;
аңа тäмäн јӯрдīlӓр тӯрт оwрылар:
«кiм булса-да, бiзгä олңа булар iндī

и т. д. съ iндī въ концѣ каждаго четверостишiя. Таковъ-же складъ *ногайскихъ* историческихъ пѣсенъ, но съ большей свободой въ построенiи стиховъ, напр. (по рукописи):

Ңајыkның арыђы јађы kурђан деңiз.
деwleтi хан ӯстӯнде турђан деңiз.

Адіl бірläн Меңlÿ Гірej баj де-ме-ңiз,
баjлыкдан озуб кеткен бір хан деңіз.
'Адіl мынан Меңlÿ Гірej аj шікеllі;
ондан jахшы тörä бар kаj шікеllі?

и т. д.

И такъ, стóитъ только вставить одинъ слогъ, недостающій при обыкновенномъ ритмѣ 11-сложнаго стиха послѣ перваго или второго тактоваго ударенія,—и получится ямбическій стихъ, говоря эмпирически, шестистопный или, выражаясь научно, трехстопный изъ восходящихъ диподій. Однако этотъ размѣръ, попадающійся нерѣдко между 11-сложными стихами, не пріобрѣлъ, по видимому, самостоятельнаго значенія. За то 8-сложный ямбическій стихъ, происшедшій такимъ-же образомъ изъ 7-сложнаго, занялъ въ народномъ турецкомъ стихосложеніи особое мѣсто, болѣе близкое къ 11-сложному стиху, чѣмъ къ 7-сложному, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, въ четверостишіяхъ онъ вообще не употребляется. У *сѣверныхъ Турокъ* онъ встрѣчается рѣдко и то какъ-бы случайно, при другихъ размѣрахъ, напр. въ *таринской* пѣснѣ (т. IV, стр. 265):

таң атарын таук біläр,
кÿн цыҕарын кäÿк біläр,
алыс-біläн jоукны jÿрткан біläр,
ацы-біläн цÿцÿнÿ таткан біläр,
ілініӊ jакшыларын jаткан біläр.

Да и то сомнительно, такъ какъ эта пѣсня допускаетъ и другую ритмизацію, почти тождественную съ русскимъ былиннымъ стихомъ (4/4):

Безъ сомнѣнія, случайно является 4-стопный ямбъ въ *таранчинской* пѣснѣ (т. VI, стр. 201):

Хума хан | обдан баlа || чечī аз ікäн,
Хума ханніӊ | täккäн äрī || беші таз ікäн

и пр. Но у *южныхъ Турокъ* этотъ размѣръ очень употребителенъ, напр. въ

извѣстной *османской* пѣснѣ, изображающей разговоръ влюбленной Туркменки съ княжескимъ сыномъ:

бен бабамын евін јыктым,
беш бін алтун алуп чыктым,

хотя дальше идетъ менѣе правильный стихъ

дӧнӱп-те ардыма бактым

передъ ритмически-вѣрнымъ

бін, гіделім, бејім-ōлан;

а еще ниже — чисто силлабическій

сабах̣ын сех̣ер јылдызы.

И вообще силлабическій, подобный романскому строй 8-сложнаго стиха въ османской народной поэзіи встрѣчается очень часто, напр.

Плевненін топлар атылды,
Іслам Булђара kатылды.
хабер олсун, султан Х̣амід:
Урум еllері сатылды.

Такъ-ли поется эта пѣсня въ дѣйствительности, вопросъ иной; но въ естественности такого ритма для 8-сложныхъ стиховъ восходящаго строя можно убѣдиться хотя-бы путемъ сравненія этой строфы съ Марсельезой, особенно перваго стиха со стихомъ

L'étendard sanglant est levé,

второго со стихомъ

Mugir ces féroces soldats,

третьяго — со стихомъ

Le jour de gloire est arrivé.

Въ пѣніи азербайджанскихъ ашиковъ сквозь персидскія фіоритуры — чтобы не сказать: завыванья — по большей части ясно слышится ямбиче-

скій складъ 8-сложнаго стиха, напр. въ пѣснѣ, часто раздававшейся въ Закавказьѣ лѣтъ 50 тому назадъ:

онун јолы　　цејран олыр,
оны гöрäн　　хејран олыр.

И такъ народные турецкіе стихи страдаютъ часто погрѣшностями противъ ритмической разстановки ударенiй и противъ законнаго числа слоговъ, вполнѣ понятными у поэтовъ и пѣвцовъ, не прошедшихъ никакой школы и воспроизводящихъ свои и чужія пѣсни только устно, а иногда импровизирующихъ свои произведенія. Къ этимъ естественнымъ, внутреннимъ причинамъ могутъ присоединяться внѣшнія въ видѣ чужихъ вліяній, навязывающихъ заносные напѣвы и съ ними инородные ритмы и особые пріемы пѣнія. Вѣроятно, для того, чтобы подогнать родную пѣсню къ чужому напѣву, стихи распространяются посторонними прибавками. Если такія прибавки являются лишь послѣ стиха, бѣда отъ этого для первональнаго ритма не велика, какъ напр. когда Кумыки поютъ свои четверостишія такимъ образомъ, придавая имъ впрочемъ однообразное нисходящее трохаическое движеніе:

сӱј-дӱм се-нї, сӱј-ме-нї — Да-һі-рат.
сӱј-дӱ-мӱң бар - мы се-нї? — waj Нӱр-һат.
Ал-лаһ-тан ја - зу бу-са, — kуј-мур Марпа,
сӱј-меј не́-тер - сен ме-нї? — äw-рӱ зат.

Но вставки върединѣ стиха неизбѣжно отражаются на его ритмѣ. Такъ напр. четверостишіе изъ обычныхъ 7-сложныхъ стиховъ, теперь, можетъ быть, уже не существующее въ этомъ видѣ,

алтуным јok,　　кӱмӱшім јok;
не берäјін　　мäн саңа?
Аллаһ бергäн　　бір башым;
башырајын　　мäн саңа

поется въ Казани такъ:

алтыным jуk, kунађым, кӱмӱшӱм jуk;
ні бірӱjім, kунађым, мін сіңа?
Алла да-ђына біргäн, еj, бӱр башым;
башырыjым, kунађым, мін сіңа.

Перенесеннымъ со стороны напѣвомъ объясняется легче всего превращеніе восходящихъ диподій, соотвѣтствующихъ общему характеру турецкаго ударенія, въ нисходящія. Такому измѣненію подвергся напр. 11-сложный стихъ въ слѣдующемъ казанскомъ четверостишіи, соединившись съ необычнымъ у Турокъ 9-сложнымъ:

Москоwлардын Пітäр кӱрӱнä-м-ікäн
wалkонларђа мінӱп бакђанда?
бізні сӱjгäн jарлар сађына-м-ікäн
jалђыз урынларђа jатkанда?

Какъ въ первой изъ этихъ двухъ казанскихъ пѣсенъ 7-сложный стихъ посредствомъ вставокъ превратился въ 11-сложный, такъ и пѣсня въ барабинской сказкѣ о Козы-Кöрпäчѣ (т. IV, стр. 11), состоящая изъ стиховъ, равныхъ, по крайней мѣрѣ, числомъ тактовъ 11-сложному, не считая одного и того-же слова, прибавляемаго къ каждому стиху,

пӱгӱндö jаман тӱш кöрдӱм, палам:
ӱjӱм ардында паj тäрäк кöрдӱм, палам,
ӱj ӱстӱнö jыђылды, палам;
іжігім алнында сары jылан, палам,
jолыңна созылып jатты, палам

могла возникнуть преимущественно тѣмъ-же путемъ изъ 7-сложныхъ стиховъ приблизительно такого вида:

бу кӱн кöрдім jаман тӱш:
ӱjім ардында баj терäк

ӯj ӯстінӓ jыђылды,
ӯj алнында jолыңда
сары jылан созылды.

Возвращаясь къ настоящему, данному строю этой пѣсни, съ прибавкой «палам», нельзя не замѣтить, что она уже вышла изъ области стараго преданія и приблизилась къ тому типу, который, безо всякой связи съ прежними образцами, появляется среди различныхъ турецкихъ племенъ, какъ видно напр. изъ слѣдующей *азербайджанской* пѣсни:

ҟаладан галыjӓ бір сӯрӯ ҟоjун.
һенналы ӓllӓрін ҟоjнума ҟоjум.
Аллаһа рӓва-дыр, мӓн сӓннӓн доjум?
ат-ма даш, ат-ма даш: мӓн jаралы-ӓм,
аwцідӓн гуртулмыш дађ маралы-ӓм.
ҟаланын дібіндӓ бір даш олаjдым,
гӓlӓнӓ, гедӓнӓ jолдаш олаjдым,
бацісі гоjчӓjӓ ҟардаш олаjдым!
ат-ма даш

и т. д.

Говоря о большей или меньшей сохранности древнихъ турецкихъ стихотворныхъ размѣровъ, нельзя обойти молчаніемъ погрѣшности противъ ритма или счета слоговъ, зависящія не только отъ ошибокъ издателей въ видѣ пропуска или вставки слоговъ и словъ, но отъ чрезмѣрпой послѣдовательности въ примѣненіи одного моднаго теперь ороографическаго пріема— замѣны повторенныхъ гласныхъ простыми со знакомъ долготы. Такъ напр. безусловно правильные османскіе стихи

ҟаранѳіl-ім сарҟарым (?),
ачілма'а ҟорҟарым

искажаются посредствомъ едва-ли и существующаго ачілмā; вмѣсто 7-сложнаго стиха

ҟар jа'ар чіні чіні

теорія подноситъ 6-сложный и совершенно неритмичный при помощи будто-бы односложнаго jāр; изъ 8-сложныхъ стиховъ

девеі деве(j)е чаттым,
ціlбіріn бојнуна аттым

утягивается одинъ слогъ внесеніемъ сокращеннаго на бумагѣ девē; 11-сложный стихъ

фірар етмек kасд етті(j)ім біldіlер

становится самъ на себя не похожъ изъ-за какого-то еттім. Эта мода зацѣпила и Алтай, разрушая напр. стихъ

Орус пii күч äмтïр

и такой-же

Казаk пii күч äмтïр

подозрительнымъ даже съ морфологической стороны пï. Не менѣе страдаетъ османскій стихъ

геl, еj несім-і сабаҳ

отъ пропуска кесры изафета, и т. п.

Но, какимъ-бы искаженіямъ ни подвергался въ теченіе вѣковъ исконный турецкій стихотворный размѣръ, не только почти повсемѣстное у Турокъ употребленіе стиховъ ямбическо-трохаическаго строя, а и самая своеобразность такого ритма свидѣтельствуютъ въ пользу глубокой древности 7-сложнаго и 11-сложнаго стиховъ, и при томъ именно этого, а не трохаическаго строя; что же касается взаимнаго отношенія этихъ двухъ размѣровъ по хронологіи, то старшинство слѣдуетъ признать, очевидно, за 7-сложнымъ, болѣе короткимъ, болѣе распространеннымъ и встрѣчаемымъ въ древнѣйшихъ памятникахъ турецкой письменности.

Однако едва-ли можно допустить, чтобы такой ритмъ, какъ ямбическо-трохаическій, въ которомъ ритмическія ударенія, хотя-бы они были и не равной силы, не раздѣляются безударными слогами или нотами, а сталкиваются другъ съ другомъ непосредственно, явился у Турокъ сразу, въ противность естественному ходу развитія отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Правда, такую сшибку ритмическихъ удареній мы находимъ не у однихъ Турокъ. Такъ у Арійцевъ стихъ ведійской строфы тріштубʻ основанъ на слѣдующемъ ритмѣ ($^6/_8$):

у Семитовъ арабскіе размѣры перваго Халилева круга, по устраненіи необязательныхъ ирраціональныхъ долготъ, сводятся къ слѣдующимъ схемамъ:

ṭawīl ◡ | –́ ◡̇ ◡ | –́ –̇ ⏕ ◡ | –́ ◡̇ ◡ | –́ –̇ ⏔ (²/₄ + ³/₄),
басыṭ ◡ ⏕ ◡ | –́ ◡̇ ◡ | –́ –̇ ⏕ ◡ | –́ ◡̇ ◡ | ⏔́ (³/₄ + ²/₄),
мадīд ⏕ ◡ | –́ –̇ ⏕ ◡ | –́ ◡̇ ◡ | –́ –̇ (³/₄ + ²/₄),

гдѣ всѣ второстепенныя ударенія звучатъ такъ сильно, что носящіе ихъ краткіе слоги по большей части замѣняются долгими, напр. такъ:

ṭawīl ◡ | –́ –̇ ◡ | –́ –̇ ⏔ ◡ | –́ –̇ ◡ | ⏔́ ◡ –̇ .

Но въ Ведахъ гораздо чаще встрѣчается строфа ануштубʿ, стихъ которой построенъ на слѣдующемъ ритмѣ:

◡ ⏕ ◡ | –́ ◡ ⏕ ◡ | –́   ◡ ⏕ ◡ | –́ ◡ ⏕ ◡ | –́ (⁶/₈),

лежащемъ въ основѣ и наиболѣе употребительнаго у Индійцевъ размѣра çlōка. И представляется вѣроятнымъ, что стихъ тріштубʿ произошелъ изъ стиха ануштубʿ путемъ отсѣченія первой «стопы» (пāда), т. е. первой восходящей ямбической диподіи, при стяженіи послѣдней долготы перваго полустишія съ первой краткостью второго и предпослѣдней долготы второго со слѣдующей за нею краткостью въ равныя имъ по длительности полуторныя долготы (трімāтра) и при разложеніи первой долготы второго полустишія на двѣ краткости, или, говоря проще,

◡ ⏕ ◡ | ⏔́   ⏕ ◡ ◡ | –́ ◡ ⏔ | –́

укорочено и стянуто изъ

(◡ ⏕ ◡ | –́) ◡ ⏕ ◡ | –́ ‿ ◡ ⏕ ◡ | –́ ◡ ⏕ ‿ ◡ | –́.

Размѣры перваго Халилева круга произошли, по видимому, изъ усѣченнаго восходящаго іоническаго диметра (³/₄)

◡̇ ◡ | –́ ⏕ ◡̇ ◡ | –́ (–̇)

съ пропускомъ паузы въ различныхъ сочетаніяхъ съ отрѣзками этого стиха. Если такъ, ни Индійцы, ни Арабы не дошли прямо до пропуска безударныхъ слоговъ между ударяемыми, а въ тѣхъ стихотворныхъ размѣрахъ, въ которыхъ этотъ пропускъ или соотвѣтствующее ему стяженіе (— вмѣсто ◡ ◡) составляетъ необходимую принадлежность ритма, такое нарушеніе плавности ритмическаго хода наступало нѣкогда лишь случайно, то тамъ, то здѣсь, и лишь впослѣдствіи было закрѣплено обычаемъ въ качествѣ по-

стоянной черты даннаго размѣра, какъ у Грековъ такъ называемый пентаметръ или элегическій стихъ

–́ ⏑̇ ⏑ | –́ ⏑̇ ⏑ | –́ (⏑̇ ⏑) | –́ ⏑̇ ⏑ | –́ ⏑̇ ⏑ | –́ (⏑̇ ⏑)

по своему происхожденію есть не что иное, какъ одно изъ случайныхъ видоизмѣненій того стиха, котораго болѣе полный видъ называется гексаметромъ или героическимъ стихомъ —

–́ ⏑̇ ⏑ | –́ ⏑̇ ⏑ | –́   ⏑̇ ⏑ | –́ ⏑̇ ⏑ | –́ ⏑̇ ⏑ | –́ ⏓.

На основаніи сказаннаго о вѣроятномъ происхожденіи стиховъ триштуба и Халилева перваго круга можно, казалось-бы, предположить, что турецкій 7-сложный стихъ возникъ изъ восходящаго ямбическаго

⏑ ⏑̇ ⏑ | ⏑́ ⏑ ⏑̇ ⏑ | ⏑́,

который, какъ мы видѣли выше, въ самомъ дѣлѣ встрѣчается у Турокъ. Но противъ такого предположенія говорятъ слѣдующіе факты: 1) этотъ стихъ, какъ было замѣчено тамъ-же, развился, по видимому, изъ 7-сложнаго, и при томъ почти только у южныхъ Турокъ; 2) онъ никогда не мѣняетъ своего движенія на трохаическое, да и не можетъ измѣняться такимъ образомъ по той причинѣ, что при трохаической разстановкѣ ритмическихъ удареній послѣдній его слогъ оставался-бы безъ ударенія, что̀, говоря вообще, противорѣчитъ турецкой просодіи, а ямбическо-трохаическій 7-сложный стихъ очень часто становится трохаическимъ. То-же слѣдуетъ замѣтить и о 12-сложномъ стихѣ по отношенію его къ 11-сложному. Остается поискать другого объясненія, хотя-бы для того пришлось ограничиться чистой гипотезой. Да иное объясненіе едва-ли и возможно, потому что вопросъ о пра-турецкомъ стихѣ необходимо ведетъ насъ къ эпохѣ доисторической.

Теорія урало-алтайскаго единства въ послѣднее время сильно поколеблена, но, каковою-бы ни оказалась ея дальнѣйшая судьба въ наукѣ, нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ, ни морфологической аналогіи между финно-угорскими и турецкими языками, ни древнихъ и близкихъ взаимныхъ соприкосновеній между говорящими на нихъ народами. Одинъ изъ древнѣйшихъ, если не самый древній, стихотворный размѣръ Финновъ и Угровъ есть нисходящій четырехстопный или, точнѣе, двухстопный ($^4/_4$) трохаическій стихъ, котораго, такъ сказать, идеальная схема представляется въ слѣдующемъ видѣ:

⏑́ ⏑ ⏑̇ ⏑ | ⏑́ ⏑ ⏑̇ ⏑ |,

напр. на языкѣ суоми (съ аллитераціей):

panin aitan	parven päähan,
kukkarohon	kultasehen,
rasiahan	rautasehen,
vaskisehen	vakkasehen,

на мадярскомъ:

nézz ki, rózsám, ablakodbul:
most búcsúzom városodbul;
nézz utánam keservesen:
vagy látsz többen vagy soha sem,

гдѣ три случая нѣкотораго противорѣчія между удареніями ритмическимъ и грамматическимъ (всегда на первомъ слогѣ) исправляются въ выговорѣ, особенно при пѣніи, отчасти подчиненіемъ трехсложныхъ и двусложныхъ словъ предшествующимъ словамъ односложнымъ, отчасти долготою ритмически ударяемыхъ слоговъ. Въ большомъ ходу этотъ размѣръ, хотя со многочисленными погрѣшностями противъ согласія обоихъ родовъ ударенія, еще въ наши дни у народа, говорящаго теперь на славянскомъ языкѣ, но ведущаго свое происхожденіе отъ Угровъ,—у Болгаръ, отъ которыхъ, вѣроятно, онъ и перешелъ къ Грекамъ и къ Сербамъ, предпочитающимъ впрочемъ свои, отличные отъ него размѣры. Тотъ-же стихъ есть и у Монголовъ, но, судя по сборнику А. Д. Руднева «Мелодіи монгольскихъ племенъ» (въ «Сборникѣ въ честь семидесятилѣтія Гр. Н. Потанина»), онъ употребляется у нихъ безъ примѣси другихъ размѣровъ только въ 4-стишныхъ строфахъ безъ словъ, напр. № 96[b]; иначе за нимъ слѣдуетъ укороченный стихъ того-же ритма, напр. (№ 31, по напѣву):

хабор чактор чокларaксан
хамок сібогай

и т. д., что̀ напоминаетъ складъ малорусской пѣсни

ой, летіла зозуленька
через поле, гай.

Наличность трохаическаго 8-сложнаго стиха у Монголовъ кажется въ данномъ вопросѣ тѣмъ важнѣе, что у нихъ есть и 7-сложный стихъ, правда, исключительно трохаическій, но по особенностямъ употребленія очень близкій къ турецкому, напр. въ слѣдующемъ четверостишіи (№ 32, по напѣву):

муцкон, муцкон бічогай
мацнайн тēре ціргіцо;
магат міну Нінгарні, Нінгарні,
муцке хайралаксан чі.

Впрочемъ принудительнаго значенія всѣ эти сравненія, конечно, имѣть не могутъ, потому что противъ этого четверостишія можно выставить хоть пресловутое

Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ,

а противъ 8-сложнаго монгольскаго стиха — такой-же испанскій. Но оба эти размѣра такъ естественны и просты, что для предлагаемой ниже гипотезы можно было-бы обойтись и безъ приведенныхъ сравненій, которыя и помѣщены здѣсь больше въ качествѣ матеріала на всякій случай, нежели въ видѣ доказательства. И такъ, если 8-сложный трохаическій стихъ по своей простотѣ является у чуждыхъ другъ другу народовъ помимо взаимнаго родства или вліянія, вопросъ заключается прежде всего въ томъ, согласовался-ли этотъ стихъ съ физическими свойствами турецкихъ языковъ на столько, чтобы когда-либо могъ занять у Турокъ мѣсто господствующаго стихотворнаго размѣра. Съ точки зрѣнія всѣхъ извѣстныхъ намъ турецкихъ языковъ на этотъ вопросъ можно отвѣчать только отрицательно, потому что свойственное этому стиху женское окончаніе не можетъ быть осуществлено ихъ средствами иначе, какъ при помощи односложныхъ энклитикъ, напр. ҟылу́р-ман, ҟыла́-дур, ҟы́л-ма, что̀ слишкомъ искусственно для народной поэзіи. Но въ эпоху пра-турецкую, къ которой, по видимому, восходитъ даже 7-сложный ямбическо-трохаическій стихъ, не говоря уже о лишь предполагаемомъ 8-сложномъ трохаическомъ, дѣло должно было обстоять иначе, такъ какъ исходящая отъ корня гармонія звуковъ, общая всѣмъ турецкимъ языкамъ и потому, очевидно, унаслѣдованная ими отъ пра-турецкаго, могла возникнуть только при главномъ удареніи на корнѣ. Въ ближайшемъ къ пра-турецкому языкѣ, монгольскомъ, по наблюденіямъ Шмидта, Рамстедта и Руднева, главное удареніе и теперь падаетъ на корень, и эти наблюденія вполнѣ подтверждаются ритмическимъ складомъ монгольскихъ пѣсенъ. При такомъ удареніи напр. османская пѣсенка

бен шу даӷы геҁе гечтім,
еј̧іlендім, суј̧у ічтім

(хотя поется она, можетъ быть, вдвое медленнѣе, въ $^4/_4$) звучала-бы — по возстановленіи древнихъ формъ —

бӓн шу таӷы кечӓ кӓчтім,
ӓбгӱlӓндім, суwы ічтім,

т. е. въ ритмическомъ отношеніи такъ-же, какъ выше приведенные финно-угорскіе образчики, а османская-же

Iстамболун сокаклары
ташан гечiлмез

представляла-бы полную параллель къ упомянутой монгольской. Съ такимъ удареніемъ 8-сложный трохаическій стихъ былъ для Турокъ столь-же естественъ, какъ для Финновъ, и естественнѣе, чѣмъ для Испанцевъ, у которыхъ удареніе очень часто падаетъ на конечный слогъ.

Но удареніе на корнѣ было свойственно пра-турецкому языку только въ древнѣйшую эпоху его существованія, а къ тому времени, когда онъ готовился къ распаденію на отдѣльные языки, удареніе въ немъ по большей части уже успѣло передвинуться на концы словъ. Какъ эта перемѣна должна была отразиться на бывшемъ до тѣхъ поръ въ употребленіи 8-сложномъ трохаическомъ стихѣ? Прежде всего пришлось, конечно, отсѣчь его послѣдній слогъ, какъ безударный, вслѣдствіе чего 8-сложный стихъ превратился въ 7-сложный. Впрочемъ это укороченіе могло произойти или кое-когда происходить еще до переноса ударенія на конецъ, такъ какъ въ языкѣ, ударяющемъ первый слогъ, есть ударяемыя односложныя слова и кромѣ того всѣ трехсложныя слова образуютъ дактили, имѣющіе обыкновенно болѣе или менѣе сильное второстепенное удареніе на концѣ. Примѣры того и другого можно видѣть въ приведенномъ выше монгольскомъ четверостишіи. Но переносъ ударенія на концы слова потребовалъ перемѣны и въ первой половинѣ стиха, передъ цезурой, — перемѣны нисходящей трохаической диподіи въ восходящую ямбическую. При такомъ удареніи монгольское

мана нохој | зутулте

или мадярское

ez a pohár | bujdosik

получатъ какъ разъ тотъ самый ритмъ, въ которомъ сложена напр. алтайская пословица (т. I, № 75):

ыҥыр чыҥыр | ыҥырчак,
ат кулакка | амыр јок;
äкi јаман | табышса,
äл кулакка | амыр јок,

т. е. именно тотъ, который для обще-турецкаго 7-сложнаго стиха несомнѣнно слѣдуетъ признать древнѣйшимъ.

Ѳ. Коршъ.

Указъ о пожалованіи титула Дзы-Сы.

Китайскій текстъ съ транскрипціей монгольскимъ квадратнымъ письмомъ.

Со времени опубликованія первыхъ памятниковъ монгольскаго квадратнаго письма Wylie[1]) и Pauthier[2]) съ каждымъ годомъ появляются все новые памятники[3]). Французскимъ синологомъ E. Chavannes въ настоящее время опубликованъ цѣлый рядъ указовъ династіи Юань на китайскомъ языкѣ[4]), причемъ многіе изъ нихъ снабжены параллельными текстами монгольскаго квадратнаго письма, являющимися фонетической передачей текста китайскаго.

Въ числѣ книгъ Азіатскаго Музея Академіи Наукъ имѣется еще одинъ параллельный текстъ на китайскомъ языкѣ съ транскрипціей монгольскимъ квадратнымъ письмомъ[5]).

Проф. А. М. Позднѣевъ упоминаетъ о немъ въ Курсѣ монгольской литературы (т. II, стр. 14), гдѣ мы находимъ и самый текстъ памятника, указывая на трудность и напыщенность стиля, заставившія его отказаться отъ перевода китайскаго текста.

Самый текстъ памятника, какъ и его транскрипція, не представляютъ собой особой цѣнности и мы имѣемъ въ виду, давая переводъ этого памятника, привести нѣкоторыя соображенія касательно составленія текста, состоящаго исключительно изъ классическихъ цитатъ и транскрипціи китайскаго текста монгольскими квадратными письменами.

---

1) Transactions of the N. Ch. B. of the R. A S., t. V, p. 65—81, 1855.

2) Journal Asiatique V sér., t. XIX. 1862.

3) Documents de l'époque mongole p. p. Roland Bonapart. А. М. Позднѣевъ. Лекціи по монг. литературѣ.

4) Inscriptions et pièces de chancelleries chinoises de l'époque mongole. T'ung pao. 1904—1907.

5) Каталогъ о. Аввакума, № 77.

Переводъ:

«Указъ императора Вэнь-дзун'а[1]) о награжденіи Дзы-сы[2]) титуломъ И-го-шу-шэнъ-гунъ[3]).

Милостью и велѣніемъ[4]) верховнаго неба императора указъ[5]).

Въ древности Дзэнъ-дзы[6]) получилъ ученіе отъ (самого) святого Конфуція, а Дзы-сы могъ воспринять сущность (этого ученія), одна книга «Джунъ-юнъ»[7]) поистинѣ раскрываетъ сущность ученія на тысячелѣтія.

Со времени вступленія на престолъ я всегда думалъ о награжденіи (автора) этого сочиненія[8]).

Въ минуты досуга (отъ дѣлъ государственныхъ) при моихъ литературныхъ занятіяхъ[9]) прекрасная мысль: «при полной гармоніи небо и земля займутъ надлежащее[10]) мѣсто и все существующее процвѣтетъ»[11]), обратила мое вниманіе. Внѣшнее отличіе, (заключающееся въ) блескѣ чиновъ[12]) и титуловъ, коль скоро оно соотвѣтствуетъ высоко-нравственному поведенію, можетъ быть увеличено впослѣдствіи.

---

1) Вэнь-дзунъ 文宗, по Юань-ши 元史 (Mayers. Chinese reader's manual. 1874 г. Shanghai—Вэнь-ди)—посмертный титулъ (мяо-хао) императора монгольской династіи, года правленія котораго (нянь-хао) были «Тянь-ли» 天曆 1330 и «Джи-шунь» 至順 1330—1333.

2) 子思 Дзы-сы — внукъ Конфуція по имени Дзи 伋 и по прозванію Дзы-сы, былъ ученикомъ Дзэнъ-дзы. Ему приписывается составленіе Джунъ-юна 中庸. См. В. П. Васильевъ. Исторія китайской литературы, стр. 107. Legge. Chinese classics. I. Prolegomena Sec. III, pp. 36, 120.

3) 沂國述聖公 Князь владѣнія И., истолкователь святого. По Legge онъ съ 1267 г. вошелъ въ число 4 ближайшихъ учениковъ Конфуція (Янь-хуй, Дзэнъ-дзы, Дзы-сы, Мынъ-дзы). Титулъ, пожалованный Вэнь-дзуномъ, мы находимъ въ Вэнь-мяо-тунъ-као 文廟通考 указанный же Legge въ Prolegomena — «Шу-шэнъ-дзы-сы-дзы — The philosoph Tsze-sze, transmitter of the sage» 述聖子思子 согласно Вэнь-мяо-тунъ-као относится ко времени дин. Сунъ. В. М. Т. К. I. стр. 11.

4) Переводимъ такъ на основаніи вступительной формулы монг. оффиц. документовъ.

5) Священный указъ.

6) 曾參 Дзэнъ-цань по прозванію Дзэнъ-дзы 曾子. Философъ Дзенъ по имени Дзы-юй 子輿, ученикъ Конфуція. Его имя послѣ Янь-хуй пользуется наибольшимъ уваженіемъ среди непосредственныхъ учениковъ Конфуція. Ему приписываются составленіе Сяо-дзинъ и 10 гл. изъ Да-дай-ли. Съ668 г. ему стали приносить жертвы. Op. cit.

7) 中庸 Джунъ-юнъ. Неизмѣнная средина.

8) 斯文 Это сочиненіе.

9) 覽觀載籍 Лань-гуань-дзай-дзи. Лань-гуань — смотрѣть.

10) 致中和天地位萬物育. Джунъ-юнъ. I ч. 4.

11) Юй — взращивать, питать.

12) Дзіо — титулъ. Джи — степень.

Увы! имѣя предъ собою дѣятельность Конфуція, кто можетъ быть ему подобенъ!?[1])

Мынъ-дзы былъ продолжателемъ[2]) и еще болѣе содѣйствовалъ процвѣтанію ученія[3]). Велико было взятое имъ бремя! Блестяще было наслѣдіе!

Можно пожаловать его титуломъ князя И[4]), истолкователемъ святого. Власти[5]), не премините исполнить[6]). Джи-шунь 2-й г. (1331) 9-й мѣсяцъ — дня».

Проф. Позднѣевъ въ своемъ курсѣ монгольской литературы говоритъ: «квадратное письмо старалось передавать тонкости, которыхъ лишена наша транскрипція китайскихъ звуковъ»[7]), и приводитъ какъ примѣры 3 начертанія для «т» «д», далѣе отмѣчаетъ большое разнообразіе для обозначенія звуковъ «к» «г» «ц» и «дз», а затѣмъ дѣлаетъ такой выводъ: «намъ невольно бросается въ глаза, что сѣверное китайское произношеніе приближалось въ ту пору къ южному» и даетъ нѣсколько примѣровъ.

Исходить изъ современнаго кит. пекинскаго произношенія письменныхъ знаковъ и опредѣлять по нимъ значеніе начертаній такого алфавита, какъ монг. квадратное письмо, заимствованное и слѣдовательно съ извѣстными вліяніями, это значило бы опредѣлять при помощи двухъ неизвѣстныхъ третье.

Предполагать, что пекинское произношеніе совершенно не измѣнилось съ XIII в., мы не имѣемъ никакихъ основаній.

Съ другой стороны безъ выясненія мѣста составленія эдиктовъ и лицъ, принимавшихъ участіе въ ихъ составленіи, нѣтъ возможности сказать что-либо о языкѣ памятника. Въ первомъ случаѣ можетъ получиться только, что одно и то же начертаніе будетъ имѣть нѣсколько значеній.

Это однако не выясняетъ ни фонетики китайскаго языка, ни монгольскаго въ XIII—XIV в., ни, наконецъ, значенія начертаній монгольскаго квадратнаго письма. Присутствіе при дворѣ Хубилая, когда были составлены памятники и самое письмо, а затѣмъ и при его преемникахъ уроженцевъ юга (Ху-бэй и Гуанъ-си)[8]) говоритъ за то, что южныя нарѣчія должны были оставить свой слѣдъ. Къ этому нужно добавить сравнительную неизу-

---

1) Ши-дзя джи шэнъ. Букв. великолѣпіе наслѣдственнаго дома.

2) Дзы-сы.

3) И-чанъ ци-дао-джи-чуань.

4) Названіе рѣки и древняго удѣла, лежавшаго на ней въ пров. Шань-дунъ.

5) Джу-джэ 主 者.

6) Ши-синъ — приведите во исполненіе.

7) Стр. 191.

8) Напр. Яо-шу. Giles. Biographic. Diction. № 2439.

ченность языка монголовъ того времени, почему разрѣшеніе этого или вѣрнѣе этихъ вопросовъ представляется отнюдь не такимъ простымъ.

Для этого необходимо было бы, какъ намъ кажется, составить рядъ таблицъ сравнительныхъ звуковъ современнаго китайскаго языка по нарѣчіямъ и путемъ сопоставленія такихъ же таблицъ по языку монгольскому, при наличности историческихъ данныхъ, уже искать соотвѣтствующихъ выводовъ [1]).

	Пекинъ.	Аннамъ.	Японія.	Гуй-джоу.	Фу-джоу.	Хакка.
眷	дзўань	küen	kea a	kwän	—	—
曾	дзэнъ	—	—	—	—	—
子	дзы	tî, ti	ten	cha	chü, chi	—
天	т'jан	—	—	—	—	—
傳	джуан	trüen	ten	—	—	—
思	сы	ti	shi	sâ	sä, söü	—
克	к'о	k'ak	koku	k'ek	kåik	—
厥	дзюэ	kuet	kul	kwak	—	—
統	тунъ	—	—	tung	—	—
庸	jунъ	—	—	—	—	—
朕	джэн	trêm	chin, chim	—	—	—
丞	чэнъ	t'ia	djo, sho	siüg	sing	shin
緒	c'jўĭ	ti	shu, so, dju	sê	—	—
虛	c'jўĭ	hia	kio, ko	hê	hü	—

Изъ этой небольшой таблицы мы видимъ прежде всего, что извѣстные начальные звуки, передаваемые рус. транскрипціей и иностранной одинаково, способны переходить въ нарѣчіяхъ только въ опредѣленные сродные имъ: такъ, с въ началѣ перваго слова «сюй» въ h, к, а въ началѣ второго — въ t, sh, z, dj, s, ts, т. е. эти переходы какъ разъ подтверждаютъ основательность употребленія въ словѣ знака ∃ при транскрипціи квадратнымъ письмомъ.

Для фонетики кит. языка памятники монгольской квадратной письменности устанавливаютъ нижеслѣдующія данныя:

1) Ср. напр. Gakuto. 1907. Comparison between the japanese 'mana' and the chinese sounds. K. Hiramatsu, на япон. яз.

1) Звукъ «р» чисто пекинскій отсутствуетъ, какъ то наблюдается и въ другихъ нарѣчіяхъ [Кантонъ (К), Фу-джоу (Ф), Хакка (Х), Вэньджоу (В) и Мкка (М)], а также въ произношеніи знаковъ, читаемыхъ теперь въ Пекинѣ «эр», у народовъ, заимствовавшихъ сравнительно давно іероглифическую письменность Китая — Японіи, Кореи и Аннама, и замѣняется жи или ни. Напр. 二 эр. два. А.—нуі; Я.—ні; К.—і; Ф.—неі; Н. — нуі.

| 而 эр — и, но. А.—нуі; Я—джі, shi, ні; Ф. і, В. — zz; М.—нгі.

2) Кромѣ существующихъ нынѣ окончаній: гласныхъ, двугласныхъ, передне- и задне-язычнаго «н» не существовало, по крайней мѣрѣ для сѣверной части, какъ мы не находимъ ихъ и въ транскрипціи монгольско-квадратными письменами.

3) Что окончанія эти не опускались умышленно, примѣромъ могутъ служить слова чисто монгольскія, гдѣ всѣ окончанія переданы точно.

4) н (задне-языч.) передается, какъ и позднѣе маньджурами, черезъ нг, [а также м[1]) и не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно вызывается ассимиляціей, напр. предъ согласными, но и передъ полугласными и гласными].

5) Передъ начальными гласными мы встрѣчаемъ: ng, j, h, явленіе весьма характерное для нѣкоторыхъ нарѣчій сѣв. Китая[2]).

Что касается смысла и цѣли составленія подобныхъ памятниковъ, т. е. памятниковъ на китайскомъ языкѣ съ параллельной транскрипціей, совершенно непонятной, какъ для китайцевъ, такъ и для монголовъ, то объясняется этотъ фактъ, какъ намъ кажется, исключительно желаніемъ монголовъ распространить возможно широко письмо, такъ какъ мотивъ, который былъ, напр. у Сюань-дзана при составленіи имъ транскрипціи: 1) Похвалы 3 тѣламъ Будды и 2) Похвалы 8 великимъ чудеснымъ чайтья — желаніе сохранить цѣнный памятникъ и доставить возможность вѣрующимъ путемъ повторенія его, хотя бы и безъ пониманія смысла и содержанія, достичь блаженства — въ данномъ случаѣ, конечно, отсутствуетъ.

Нельзя, конечно, упускать изъ виду того обстоятельства, что при транскрипціи китайскихъ знаковъ монгольскимъ квадратнымъ письмомъ китайцы должны были пользоваться словарями[3]), что, принимая во вниманіе трудность такъ называемаго способа разсѣченія звуковъ, неизбѣжно должно

---

1) Джим, лам, лим вмѣсто современныхъ: джэнь, лань линь и т. п.
2) См. Позднѣевъ, op. cit. I, 28 стр.
3) См. Позднѣевъ, op. cit. I, 23 стр.

было осложнять транскрипціи и способствовать проникновенію архаизмовъ, такъ какъ пользовались словарями Сунской, а главнымъ образомъ Танской династіи.

ТЕКСТЪ ПАМЯТНИКА.

X	IX	VIII	VII	VI	V	IV	III	II	I
至	施	戊	世	配	而	以	夫	皇	上
順	行	隆	家	景	天	加	中	帝	天
二		丕	之	行	地	惠	庸	聖	眷
年		緒	盛	之	位	斯	之	旨	命
九		可	淂	懿	萬	文	一	昔	
月		加	孟	可	物	爲	書	曾	
日		封	子	後	育	念	實	子	
?		沂	振	於	雅	萬	開	淂	
		國	其	褒	留	幾	聖	聖	
		公	後	加	意	之	學	人	
		述	益	於	焉	暇	於	之	
		聖	昌	戲	夫	覽	千	傳	
		公	其	有	爵	觀	載	而	
		主	道	仲	秩	載	朕	子	
		者	之	尼	之	籍	自	思	
			傳	作	崇	至	臨	克	
			渥	於	既	於	御	承	
			命	前	隆	致	以	厥	
			其	孰	於	於	來	統	
			承	儷	外	和	每	稽	

ТРАНСКРИПЦІЯ ПАМЯТНИКА.

Китайскій текстъ.	Монгольское квадратное письмо [1]).
Шанъ	—
	а
тянь	тhјэn
дзюань	гэонь
	а
минъ	—
хуанъ	хонъ
	а
ди	ди
шэнъ	э — и
джи.	—
Си	—
дзэнъ	дзhэнъ (э-и)
дзы	дзhи (и-э)
до (дэ)	дhэі (э-и)
шэнъ	э-и
жэнь	э-и
джи	—
чуань	ч-шу̊энь
эръ	жи
дзы	дзhи (и-э)
сы	сhи (и-э)
ко (кэ)	кhэи (э-и)
чэнъ	шинъ (и-э)
дзюэ	ку̊э
гунъ.	дhунъ
Дзи	ги
Фу	hу̊у
джунъ	—
юнъ	јэунъ
джи	—
и	јu
шу	шу

Китайскій текстъ.	Монгольское квадратное письмо.
	ч
ши	ши; ш+и, у, дж+э
кай	—
шэнъ	э-и
сіо	—
юй	эу; +ј
цянь	цэнь
дзай,	ги
	а
Джэнь	шим
дзы	zhи
линь	лим
	с
юй	эу; +о
и	ju +j, h, ng
лай	—
мэй	муjэ
и	ju +j, h, ng
дзя	гjа
хуй	hуjэ; jэ-ja; и-jэ
сы	chи (э-и)
вэнь	оунь
вэй	уjэ; +j, h
нянь	гнjэм
вань	оэнь
дзи	ги
джи	—
ся	гя
лань	лм
	а
гуань	гонь
	а
дзай	ги
	а

1) Помѣщены только начертанія, отличныя отъ китайскихъ звуковъ. Начертанія, употребляемыя для передачи различныхъ кит. звуковъ, показаны рядомъ въ транскрипціи, напр., джунъ — шунъ, ш-дж — ч; начальные (h, j) отмѣчены знакомъ +.

Китайскій текстъ.	Монгольское квадратное письмо.
	а
дзи	ци
джи	—
юй	эу; + j, h, ng
джунъ	—
хо (хэ)	hyo
эр	жи
тянь	тhјэнь
ди	ди
вэй	ў̔јэ; + j, h
вань	онь
	а
у	оу
юй	јэу
я	ја
лю	ліо
и	ј
янь.	јэнь
Фу	hў̊у
дзіо	гјао
джи	ши; ги-дж-ч
джи	—
чунъ	шунъ; ш-дж-ч
дзи	ги
лунъ	лэунъ
юй	у; + j, h
вай	?шінъ?
пэй	пујэ
дзинъ	гинъ
синъ	hинъ
джи	—
и	й; + j, h, ng
ко̔ (кэ)	ко
хоу	hio
юй	ўу; + j, h
бао	бо
	а
дзя.	гја; јајэ

Китайскій текстъ.	Монгольское квадратное письмо.
У	ў̔; + j, h, ng
ху	hy
ю	ј̔о; + j, h, ng
джунъ	шунъ; ш-дж-ч.
ни	—
дзо	го
	с
юй	ў̔; + j
цянь	цјэнь
шу	шэу; ш-ч.
ли	—
ши	ши; ш-ч.
дзя	гја
джи	—
шэнъ.	э-ис, ш-ч.
До (дэ)	дhии; и-э
мынъ	мунъ
дзы	гhи
джи	—
джэнь	джинъ
ци	ци́.
хоу	піо;
и	ии
чанъ	чанъ
ци	chи
дао	до
	а
джи	—
чуань	шў̊энь; ш-дж-ч
во	јо
минъ	—
ци	ци́
чэнъ	шинъ; ш-ч.
мао	муо
лунъ	лэунъ?
бу	бујэ
сюй	zэу

Китайскій текстъ.	Монгольское квадратное письмо.
ко̔	ко
дзя	гjа
фынъ	hу̊унъ
и	й̔; + j, h, ng
го	гуjэ
шу	шэу; ш-дж-ч
шэнъ	э-и; ш-ч
гунъ	—
джу	джэу
джэ	?неясно

Китайскій текстъ.	Монгольское квадратное письмо.
ши	ши; ш-ч
синъ	hинъ
джи	—
шунь	шэунь; ш-дж-ч.
эр	жи
нянь	нjэнь
цзю	гjо
юэ	у̔э; + j, h, ng
жи.	—

А. Ивановъ.